Бианка Пиетров-Энникер

УНИВЕРСИТЕТЪ

«Новые люди» России

Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции

63.3(2)5
П32
Бианка Пиетров-Энникер
УНИВЕРСИТЕТЪ
«Новые люди»
России
Развитие
женского движения
от истоков
до Октябрьской
революции

B. Pietrow-Ennker

Rußlands »neue Menschen«

Die Entwicklung der Frauenbewegung von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution

Campus Verlag
Frankfurt/New York

Б. Пиетров-Эннкер

«Новые люди» России

Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции

Москва
2005

УДК 396(47)
ББК 63.3(2)5
П32

Перевод с немецкого Ю.П. Шаттона

Под редакцией М.П. Мохначевой

Художник М. Гуров

ISBN 5-7281-0629-3

Оглавление

От редактора

Читатель, которому попадет в руки эта книга, будет приятно удивлен пристальным интересом немецких ученых к истории женского движения в России, глубокими знаниями автора Бианки Пиетров-Эннкер в области истории общественной мысли и общественного движения, а также истории художественной литературы, науки и культуры второй половины XIX – начала XX в.

Тот, кто профессионально изучает российскую пореформенную эпоху, роль русских женщин в истории мирового феминистского движения, вклад русских женщин в развитие отечественной и мировой науки и культуры, почерпнет в этой книге любопытные исторические факты, ознакомится с новыми источниковедческими и историографическими подходами к изучению, казалось бы, хорошо известной литературной галереи русских «эмансипе» и их исторических прототипов, деятельниц женского движения в России XIX – начала XX в.: Надежды Сусловой, «первой в мире студентки, изучавшей медицину в университете с правом сдачи государственных экзаменов», Софьи Ковалевской, первой в мире женщины – профессора математики, и многих других русских женщин – ученых, писательниц, педагогов, представительниц других профессий.

Не случайно немецкое издание книги вызвало живой интерес у российских историков, получило высокую оценку в центральной научно-отраслевой печати*. Русский перевод монографии, несомненно, заинтересует широкий круг специалистов – историков, источниковедов, историографов, архивистов, археографов, филологов, литературоведов, библиографов, науковедов, поскольку книга является оригинальным «учебным пособием», формирующим представления о современных тенденциях развития научных и научно-педагогических школ в области гендерных исследований, макро- и микроистории в Германии.

Профессор Университета Констанца (ФРГ) Бианка Пиетров-Эннкер – один из наиболее активных авторитетных западноевропейских партнеров Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Она участвует в разработке и внедрении новых обучающих технологий в университетские образовательные программы, создании универсальных мультимедийных курсов истории европейских стран, организации и проведении научных стажировок российских студентов, аспирантов и преподавателей в университетах Германии.

В ноябре 2004 г. немецкие коллеги во главе с Бианкой Пиетров-Эннкер предложили для внедрения в образовательный процесс в высшей школе

* См. рецензии на немецкое издание «B. Pietrow-Ennker. Rußlands "neue Menschen". Die Entwicklung der Frauenbewegung von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution. Frankfurt; N.Y:. Campus Verlag. 1999. 498 S.» Е.Ю. Зубковой (Вопросы истории. 2002. № 1) и Г.Н. Ульяновой (Отечественная история. 2002. № 2).

России оригинальную магистерскую программу восточноевропейских исследований, в реализации которой участвуют профессорско-преподавательские коллективы, аспиранты и студенты факультета архивного дела и факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ.

Не пересказывая содержания книги, отметим ее основные достоинства концептуального и методологического плана, а также высокий информационный потенциал каждой из шести глав, снабженных пространными авторскими, библиографическими, биобиблиографическими примечаниями. Самостоятельное научное значение имеют приложения в виде 13 информативных таблиц, составленных на основе скрупулезного изучения репрезентативного корпуса опубликованных источников, архивных материалов, научной, художественной литературы, статистических данных Всероссийской переписи 1897 г.

В ходе многолетней работы над книгой Бианке Пietров-Эннкер удалось выявить интереснейшие архивные материалы в ряде архивохранилищ: в российских государственных архивах (академических, федеральных, областных), Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ), Рукописном отделе Института русской литературы Российской академии наук, а также в украинских и американских архивах – Крымском областном государственном архиве, архиве Бахметева при Колумбийском университете, Отделе рукописей Библиотеки Конгресса США, Институте Гувера по изучению войн, революций и мирного времени при Стенфордском университете. Список опубликованных источников, положенных в основу книги, насчитывает около 200 наименований, список литературы – свыше 150 исследований российских и зарубежных авторов.

Автор демонстрирует глубокие профессиональные знания российской, западноевропейской, американской историографии женского движения XIX – начала XX в. и, что особенно важно и ценно с точки зрения адресной направленности книги, предлагает читателю два историографических плана исследуемой темы: профессиональным исследователям – глубокие по смыслу историографические экскурсы, непосвященному читателю – любопытные историографические справки о том, как изучалась история женского движения в России и Европе, какие достижения привнесли в ее осмысление и интерпретацию труды таких ученых, как Г.А. Тишкин, Э.А. Павлюченко, Н.Л. Пушкарева, Р. Гольдберг, Б. Клементс, Р. Козеллек, Р. Стайтс, Л. Эдмондс, Б. Энгель и другие авторы.

Работа выполнена в русле гендерных исследований. Однако автор не ограничивается только этим подходом к изучению проблем женского движения в контексте истории социальных явлений в России и Западной Европе середины XIX – начала XX в. Бианка Пиетров-Эннкер предлагает свою модель синтеза теоретических построений с микроисторией: она рассматривает женское движение в России как сложное многоуровневое, многоаспектное явление, смыслом которого становится формирование и развитие новой социальной идентичности. На основе синтеза макро- и микроистории в сочетании с гендерным подходом автор убедительно доказывает главный тезис своей концепции: женская эмансипация в России являлась одной из необходимых составляющих процесса модернизации порефор-

менной эпохи, одной из главных предпосылок, увы, незавершенного процесса становления института гражданского общества в России.

Главные источники исследования – биографические и автобиографические материалы о 12 выдающихся женщинах пореформенной России, представляющих различные течения в российском феминистском движении. Имена К.Д. Алчевской, Е.К. Брешко-Брешковской, Е.Н. Водовозовой, А.М. Калмыковой, С.В. Ковалевской, Е.И. Конради, А.В. Корвин-Круковской, В.А. Кошеваровой-Рудневой, М.В. Трубниковой, Н.П. Сусловой, В.Н. Фигнер и М.К. Цебриковой известны российским читателям еще по школьным программам отечественной истории и литературы. Однако в книге Пиетров-Эннкер эти фигурантки феминистского движения представлены в новом свете, с позиции самоценности для истории каждой личности и ее судьбы. Поэтому так много внимания уделено неизвестным ранее страницам или отдельным эпизодам судеб героинь этой книги. Пиетров-Эннкер подразделяет их по типу жизненной позиции и общественной активности на четыре группы: первая – женщины без образования, вторая – профессионально квалифицированные женщины, преимущественно педагоги, поставившие свою трудовую деятельность в значительной степени на службу женскому движению, третья – первые женщины-ученые, ведущие фигуры женского освободительного движения, четвертая – представительницы женского освободительного и революционно-освободительного движения, поддержавшие в определенный момент женское движение своей политической борьбой. С помощью такой типизации и типологизации судеб своих героинь Пиетров-Эннкер предлагает читателю увлекательнейшую историю русской дворянской семьи, ее «внутренней иерархической структуры», поведенческих типов и мотиваций взаимоотношений супругов, отношений «внутри семейного пространства», в кругу знакомых и близких, историю становления и развития системы женского образования в России, включая институты, пансионы, детские приюты, гимназии и другие типы учебных заведений. Читатель найдет здесь любопытный материал о литературных занятиях и сочинениях женщин-писательниц, в частности о А.Я. Панаевой и ее романе «Женская доля». На основе анализа «Семейной хроники» С.Т. Аксакова, мемуаров Е.Н. Водовозовой, ряда других мемуарных и эпистолярных источников автор рисует широкоформатную картину взаимоотношений внутри семейного пространства, влиявшего на воспитание и образование детей, и анализирует их отношение к «нормам» поведения в семье и обществе. Не остались без внимания молодежные, женские, профессиональные и революционные организации, в которых женщины-«эмансипе» играли лидирующую роль.

Книга и собранный в ней статистический материал намечают дальнейшие пути, новые аспекты изучения темы феминистского движения в России и Западной Европе. Например, такой аспект темы, как история эмиграции десятков и даже сотен русских женщин в Швейцарию, Германию, другие европейские страны в 1870–1890-х годах для получения профессионального образования по примеру Н. Сусловой. Или анализ значимости ролевого участия женщин в народном образовании всех уровней, для всех типов учебных заведений в России. Здесь же следует упомянуть проблему социализации женщин, будущих участниц феминистского движения, историю их повседневной жизни и поведенческой психологии, семейный и по-

литический контекст, в котором происходит формирование будущих «эмансипе», и многие другие аспекты темы. Нельзя не назвать и такую тему, как мотивация «этоса труда» русских женщин, представительниц различных социальных страт, объединенных феминистским движением и его различными институциональными формами – от кружков до политических организаций рубежа XIX–XX вв.

Хочется обратить внимание читателя на язык исследования, авторские интерпретации употребляемых в науке и впервые вводимых дефиниций. Это одна из особенностей книги, заслуживающая специального изучения. Бианка Пиетров-Эннкер ставит и вполне успешно решает задачу освещения семантики знака, семантической стабильности таких широко употребляемых в науке и общественно-политическом лексиконе понятий, как «общественное движение», «женское движение», «профессионал», «профессиональная группа», «интеллигенция», «новые люди», «нигилисты», «реалисты», «самосознание», «идентитет», «этос труда» и целого ряда других категорий. Один из рецензентов книги, Г.Н. Ульянова, справедливо считает этот материал Пиетров-Эннкер «важным вкладом в историософию российской истории».

В предисловии к русскому изданию книги Бианка Пиетров-Эннкер рассказывает о первоначальном замысле книги, о том, как она создавалась, кому была адресована. Автор выражает также благодарность инициаторам русского издательского проекта – Ю.Н. Афанасьеву, президенту РГГУ, и А.Б. Безбородову, директору Историко-архивного института.

Неоценимую консультативную помощь и содействие русскому изданию книги Бианки Пиетров-Эннкер оказали преподаватели Историко-архивного института РГГУ канд. ист. наук, доц. Е.А. Антонова в качестве переводчика-консультанта и канд. ист. наук, доц. О.В. Павленко в качестве помощника научного редактора издания, а также студент четвертого курса факультета архивного дела А.Н. Шинкин, который скрупулезно проверил и уточнил список источников и литературы, публикуемый в конце книги. Выражаю глубокую признательность коллегам по Историко-архивному институту, а также Издательскому центру РГГУ и его сотрудникам Т.В. Рютиной, М.К. Гурову, Л.П. Бурцевой за деятельное участие в подготовке русского издания книги проф. Б. Пиетров-Эннкер «"Новые люди" России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции» (B. Pietrow-Ennker. Rußlands «neue Menschen». Die Entwicklung der Frauenbewegung von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution. Frankfurt; N.Y.: Campus Verlag, 1999. 498 S.).

М.П. Мохначева
доктор исторических наук, проф.

Предисловие к русскому изданию

Появлению этой книги в русском переводе мы обязаны президенту Российского государственного гуманитарного университета академику Ю.Н. Афанасьеву, его интересу к ней и поддержке им этого издания. Немецкий оригинал монографии был представлен на конкурс на замещение должности профессора и выпущен в свет издательством «Кампус» в 1999 г. Русский же перевод отвечает моему горячему желанию сделать это исследование по истории российского женского движения доступным именно русской читающей публике и открыть возможность обсуждения этой темы независимо от государственных границ.

Мною пройден долгий путь исследовательской работы. Когда в 90-е годы XX в., будучи ассистенткой Института истории и страноведения Восточной Европы при Тюбингенском университете, я начала проводить семинары по истории женского движения в России, мне стало ясно, как мало внимания уделялось этой сфере в контексте международных исследований. Тема сразу же привлекла меня своей спецификой, особенно в европейском контексте. Поскольку меня больше всего интересовала эволюция женского самосознания в условиях модернизации жизни, из всего арсенала еще не разработанных аспектов я выбрала темой своей работы на соискание должности профессора возникновение женского движения в России. Меня увлекала задача выяснить, какой вклад в общественное развитие до Октябрьского переворота 1917 г. внесли женщины России, выступавшие за эмансипацию представительниц своего пола и создавшие с этой целью собственные союзы и общества.

Важные импульсы и высокий уровень мотивировки выводов я обрела благодаря Первому международному съезду по истории женщин Российской империи, организованному женщинами-профессорами Б.А. Энгель, Б.К. Эванс и Х. Воробец в августе 1988 г. в г. Акрон (штат Огайо, США). Наладились многочисленные плодотворные связи, постоянный обмен идеями и рукописями, а также продолжительные дискуссии по результатам работы на последующих международных конференциях.

Особому успеху моих исследований способствовало то обстоятельство, что мне выпало на долю работать в России и на Украине в эпоху гласности и перестройки. Ведь в результате перелома, наступившего в начале 1990-х годов, впервые широко открылись двери архивов для исследования женского вопроса в Российской империи. К тому же в большинстве случаев проявлялась необычайная готовность к оказанию помощи со стороны директоров и сотрудников архивных учреждений; следует в этой связи назвать Крымский областной государственный архив (КОГА), Симферополь, Архив Российской академии наук (РАН) (Московское отделение и С.-Петербургский филиал), Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ), Москва, Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Москва, Российский государственный исторический

архив (РГИА), С.-Петербург, Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), а также Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ), С.-Петербург, Рукописный отдел Института русской литературы РАН (ИРЛИ), С.-Петербург, и Государственный архив Нижегородской области (ГАНО). Мои изыскания были дополнены фондами источников, хранящихся в США. Там мне была оказана помощь при использовании Архива Бахметева при Колумбийском университете в Нью-Йорке (The Bakhmeteff Archive. The Rare Book and Manuscript Library, Columbia University. N.Y.: Personal Papers. Sign BAR Gen. Ms. Coll.), Отдела рукописей Библиотеки Конгресса в Вашингтоне (Manuscript Division, Library of Congress. Washington. № 157. Russia. Philanthropic Societes. Papers 1865–1876. 1 container), а также Института Гувера по изучению войн, революций и мирного времени при Стенфордском университете [Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University (HIWRP, N.C.)].

Моей работой на соискание права преподавания в высших учебных заведениях руководил профессор Дитрих Гейер (Geyer) из Института истории и страноведения Восточной Европы при Тюбингенском университете, а к защите ее принял факультет исторических наук университета. Приему рукописи для выпуска в серии «История и гендерный вопрос» издательства «Кампус» в особой мере способствовала госпожа Карин Хаузен (Берлин). По инициативе академика Ю.Н. Афансьева и при активной поддержке директора Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета профессора А.Б. Безбородова оказалось возможным подготовить книгу к публикации в России. В подготовке русского издания участие принимали Ольга Павленко (РГГУ) и Ю.П. Шаттон (Университет Констанца). Всем названным лицам я выражаю сердечную благодарность.

В связи с изданием книги на русском языке я ощущаю потребность принять участие в ведущейся ныне с большой активностью, прежде всего в России, дискуссии о характере позднего периода Российской империи. Я выступаю против суждений о двойственной ее культуре, резко разделенной между «верхом» и «низом». Свою задачу я вижу в аргументации того положения, что в России после освобождения крестьян в 1861 г. и преобразования общественного устройства в ходе великих реформ появилась перспектива общественной деятельности, отсутствовавшая прежде. В этих условиях традиционные сословия стали приходить в упадок, а патриархальные структуры начали разрушаться, что способствовало глубокой модернизации. Образовались элементы гражданского общества, в которое входило и женское движение как одна из составных частей. Сколь близко в это время новая Россия подошла к остальной Европе, наглядно показыватт и географический аспект. Первые русские студентки, принадлежавшие к женскому движению, ехали в Цюрих, Гейдельберг или Геттинген. Проследить за их передвижениями означает обратиться к плодотворным культурным контактам между Западом и Востоком, к связям между Германией и Россией в целом, между Констанцем и Москвой прежде всего. Развитие таких контактов играет для нас сегодня важную роль.

Бианка Пиетров-Эннкер,
Констанц, март 2005 г.

Rußlands »neue Menschen«

Die Entwicklung der Frauenbewegung von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution

В период моей работы в должности научного сотрудника Института истории и страноведения Восточной Европы при Тюбингенском университете студенты обращались ко мне с просьбами проводить с ними занятия также и по истории женщин в России. Это имело далеко идущие последствия. Я начала заниматься такой областью истории Восточной Европы, которая сразу же увлекла меня своими неординарными аспектами, в том числе и в сравнении с историей других стран Европы. Поскольку меня более всего интересовали изменения статуса женщин, произошедшие в условиях подъема общественного самосознания, из всего обилия еще не разрабатывавшихся проблем я выбрала темой моей конкурсной работы на замещение должности преподавателя университета историю русского женского движения, ибо меня привлекала задача выяснить, какой вклад женщины России, выступавшие за женскую эмансипацию и сплотившиеся с этой целью, внесли в общественное развитие до Октябрьской революции. Важные стимулы и масштабные мотивации для намеченной работы я обрела благодаря участию в Первом международном конгрессе по истории женщин в Российской империи, организованном профессорами Барбарой Альперн Энгель, Барбарой Клементс Эванс и Христиной Воробец в августе 1988 г. в г. Акрон (штат Огайо). Установились многочисленные полезные контакты, постоянный обмен идеями и рукописями, неоднократно проводились также дискуссии по результатам работ на очередных международных конференциях.

Я хочу прежде всего поблагодарить моего тогдашнего руководителя профессора Дитриха Гейера, который дал мне, занимавшей должность ассистента по научной работе, возможность подготовить упомянутое конкурсное сочинение на право преподавания в университете. При этом большую пользу принесла мне богатая библиотека Тюбингенского университета, а также помощь как его сотрудников, так и гостей, например доктора Грегори Фреезе. Всем им, а особенно заботливой Маргит Шнейдер, как и Сузанне Кржижовой, я также чрезвычайно признательна.

Особую благодарность я хочу от всего сердца выразить моему мужу д-ру Бенно Эннкеру, а также своим коллегам – Монике Банковски и профессору Сильвии Палетшек за их дружескую помощь, многочисленные инициативы и внимательное чтение моей рукописи. Многими ценными указаниями я обязана Монике Банковски, которая постоянно делилась со мной своими богатыми знаниями по истории русских женщин. Глубокую признательность я выражаю моим родителям за их поддержку и готовность пережить трудности, связанные с тем, что в силу своих профессиональных обязанностей я должна была жить далеко от них и не всегда могла оказаться на месте, когда им требовалась помощь. Я благодарю моих коллег в стране и за ее пределами, особенно д-ра Линду Эдмондсон, проф. д-ра Мари Шеффер Конрой и проф. д-ра Григория Тишкина. Наконец, прошу принять

мою признательность всех тех, кто дал отзыв о данной работе, – профессоров Гейера, Бейрау, Лангевише, Манн и Клюге.

Моя исследовательская работа была успешной в связи с тем, что я смогла воспользоваться преимуществами гласности и перестройки в России и на Украине. Ведь в результате произошедшего в стране перелома в начале 1990-х годов впервые широко раскрылись двери архивов, что позволило исследовать женский вопрос и его историю в Российской империи. К этому следует добавить помощь, которую постоянно оказывали мне директора архивов и их сотрудники. Назову Крымский областной государственный архив, Государственный архив Российской Федерации, Архив Российской академии наук (Московское отделение и Санкт-Петербургский филиал), Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Российский государственный архив литературы и искусства, Российский государственный исторический архив, Государственный исторический архив Ленинградской области, Российскую национальную библиотеку, Рукописный отдел Института Русской литературы РАН, а также государственный архив Нижегородской области. В США я использовала материалы архива Бахметева при Колумбийском университете в Нью-Йорке (The Bakhmeteff Archive. The Rare Book and Manuscript Library, Columbia University. New York: Personal Papers. Sign BAR Gen. Ms. Coll), Отдела рукописей Библиотеки Конгресса в Вашингтоне (Manuscript Division, Library of Congress. Washington. № 157. Russia. Philanthropic Societies. Papers 1865–1876, 1 container), а также Института Гувера при Стенфордском университете по изучению войн, революций и мирного времени [Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University (HIWRP, N.C.)].

За финансирование моей работы в архивах, поездок на научные съезды и публикацию моей конкурсной работы на право преподавания в университетах я выражаю благодарность Немецкому научно-исследовательскому обществу (Deutsche Forschungsgemeinschaft). И, наконец, хотела бы поблагодарить издателей серии «История – мужчины и женщины» («Geschichte und Geschlechter») в рамках издательства «Кампус» за прием к печати моей рукописи и особенно проф. д-ра Карин Хаузен за внимательное чтение текста и редакционные замечания.

Введение

Когда в 1868 г. в России стали приниматься меры по обеспечению женщинам доступа к высшему образованию, представитель английской политической экономии и философ политики либерализма Дж.С. Милль обратился к деятельницам – первопроходцам русского женского движения с письмом, в котором он выразил глубокое уважение к их усилиям в этом направлении. Милль воодушевлял их на завершение того большого дела, начало которому, к его удивлению, было положено не в европейских странах с древней цивилизацией, а в государстве, до этого отсталом[1].

Еще до того как русские защитницы прав женщин вступили в борьбу за равные возможности получения образования, Н.П. Суслова в 1865 г. продолжила в Цюрихе обучение, начатое в С.-Петербурге. Будучи первой в мире женщиной, ставшей полноправной студенткой одного из европейский университетов, в 1867 г. она защитила диссертацию по медицине, после чего вскоре получила диплом доктора также и в России и начала врачебную практику. Примеру Сусловой последовали женщины, занимавшиеся такими дисциплинами, как химия, математика и юридические науки. С.В. Ковалевская в 1874 г. защитилась с отличием (summa cum laude) в Геттингенском университете, а 10 лет спустя была приглашена в Стокгольм, где стала первой в Новое время женщиной – профессором математики. В начале 70-х годов русские студентки, обучавшиеся в Цюрихе, обращали на себя внимание жителей Европы. Многие из них в годы студенчества вели себя столь эмансипированно, что внушали ужас швейцарским бюргерам. В самой России подобные нигилистки с начала 60-х годов выступали с требованиями освободить женщин от традиционных ограничений и интегрировать их в общественную жизнь, что вызывало настороженность органов политической полиции. Государственный цензор П. Еленев еще в 80-е годы сетовал на то, что вредные идеи распространяются именно дамами, которые издают литературные и политические журналы[2].

Российское движение за женское образование привело к тому, что в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. девушки, получавшие среднее школьное образование, составляли более 42% от общего числа учащихся. В высших же учебных заведениях женщины к началу 1914/15 акад. г. составляли 30% обучаемых[3]. Русские женщины, вне всякого сомнения, принадлежали к авангарду движения за высшее женское образование в Европе. Когда российское освободительное движение в ходе революции 1905 г. формулировало свои политические требования, то в этом с самого начала участвовали женщины – защитницы женских прав. Они основывали собственные организации и именно с этого времени страстно выступали за всеобщее женское избирательное право, являющееся символом гражданской дееспособности. Когда после Февральской революции 1917 г. в России такое право было провозглашено, то и тут Россия оказалась на авангардных позициях, опережая такие промышленно развитые страны, как

США, Франция, Англия и Германия, хотя женские организации этих государств имели уже достаточно давние традиции и были гораздо более многочисленны, чем русские.

Как же удалось добиться таких успехов в обществе, где только в 1861 г. было отменено крепостное право и еще не созрело достаточно развитое гражданское сознание, способное быть носителем великих эмансипационных идей, свойственных той эпохе? Из каких общественных слоев происходили первые участницы женского движения, откуда черпали они стимулы для борьбы за эмансипацию, под чьим влиянием меняли свое самосознание, ориентируя его на трудовую самостоятельность и участие в общественной жизни? Какие формы и какой характер приняло российское женское движение в то время, когда в России женщинам разрешалось объединяться только в благотворительные организации? Как можно объяснить их удивительные достижения и успехи, в каком духе следует оценивать значение движения женщин за эмансипацию для истории общественного развития России?[4]

После преобразования общественного строя в 60-х годах XIX в. русское правительство собиралось ввести в действие программу мер по модернизации и в дальнейшей перспективе приравнять Россию по уровню развития к западным промышленно развитым государствам. Модернизация общества может быть особенно хорошо прослежена на примере истории женской половины общества. В сравнении с положением мужчин эмансипация женщин в XIX в. означала не только выход из рамок семьи в сферу общества с расширением воздействия личности на окружающих индивидов. Путь в новый мир был для этих женщин предпосылкой иного понимания роли представительниц их пола в обществе. Поскольку в соответствии с современным христианским учением и тогдашними общественными воззрениями «естественной ролью» женщин твердо считалось выполнение функций супруги и матери, в связи с чем жестко ограничивалась ее социально-культурная деятельность, требование широкой эмансипации отдельной женщины неизбежно вызывало переосмысление всей ее жизненной концепции. Высвобождение из традиционных рамок означало для женщин становление нового самосознания и изменение форм организации жизни.

Это изменение нашло современное ему выражение в появлении понятия «новый человек». Образ «нового человека» имеет долгую традицию в русской истории. Он тесно связан с русским представлением о прогрессе, которое с эпохи Петра I снова и снова достигало своего апогея в требовании принципиального обновления людей. Вера в прогресс опиралась на теорию аналогии выводов и открытий естественных наук с историей человечества; нередко это увязывалось с ожиданиями особой, связанной с отсталостью страны и выводимой из этой отсталости миссией русского народа. В телеологическом аспекте подобное направление мысли опиралось скорее на надежду на то, что прогресс пойдет скачкообразным путем, чем на медленное, эволюционное продвижение вперед. Следствием философии Просвещения являлась вера в возможность воспитания личности[5]. «Новый человек» стал также символом общего освободительного движения периода великих реформ, из которого родилось и женское движение. В России женщины с конца 50-х годов XIX в. почти одновременно с мужчинами начали усваивать и развивать новые представления о ценностях и стремиться

к личной независимости, равенству возможностей и гражданским правам[6]. Именно из этих представлений женщины черпали доводы о необходимости отмежеваться от традиционно предписываемых им функций, получать образование и квалификацию для выполнения профессиональных задач и претендовать на определенное место в обществе. Поскольку женщины приобщались к многочисленным формам участия в общественной жизни, возникает вопрос, в какой мере это изменение существования женщин способствовало становлению гражданских форм общества в России[7].

Подобные вопросы не ставились авторами исторических исследований. Одной из причин была идеологическая направленность советской историографии. В то время как на Западе исследование женских движений и расширение рамок социальной истории за счет включения в нее истории женщин и взаимоотношений полов получали действенные импульсы, советская историческая наука отвергала такие подходы как реакционные. О женщинах в истории России XIX в., как правило, говорилось только в тех случаях, когда их можно было причислить к борцам за политическую свободу. Это особенно относилось к революционной историографии, которая поддерживалась и развивалась во всей полноте в целях узаконения социалистической системы[8]. Только со времени перестройки русская историография вступает в тесные контакты с Западом в области изучения женского движения[9].

Начиная с 70-х годов XIX в. англо-американские историки обладали существенными сведениями по истории женщин и данными о соотношении представителей обоих полов в связи с их ролью в истории России. Подобных работ публиковалось так много, что американский историк Б.А. Энгель в своих исследованиях о женщинах в истории России уже в 1992 г. имела возможность ограничиться ссылками на труды английских и американских исследователей. Что касается положения, существовавшего за 25 лет до этого, когда исследования только начинались, то Энгель писала: «Чтобы откорректировать сосредоточенность прежних исследований только на мужчинах, мы перерыли архивы и опубликованные источники и разыскали свидетельства о женской деятельности, стремясь услышать молчавшие до этого голоса женщин»[10].

Важнейшие импульсы для исследования истории женщин в России дала та же Б.А. Энгель, организовав в 1988 г. вместе со своими коллегами Первый международный конгресс по теме «Женщины в истории Российской империи»[11]. Интерес исторической науки к освещению жизни женщин вновь проявился на IV Всемирном конгрессе по изучению Советского Союза и стран Восточной Европы, состоявшемся в Хэррогейте (Harrogate, Англия) в 1990 г.[12] Наконец, на XXV конгрессе американских исследователей по Восточной Европе (Гонолулу, 1993 г.) 90 докладов из 930 были посвящены взаимоотношениям мужчин и женщин. Все это, по-видимому, послужило предпосылками для дальнейшего исследования истории русских женщин[13]. Однако бросается в глаза, что основное внимание уделяется все же не истории женского движения, и исследования в этой области находятся в состоянии застоя. Данная тема все еще определяется первопроходческими изысканиями 70-х годов, хотя с тех пор в исторической науке сместились методологические акценты[14].

Первое большое обзорное сочинение по женскому движению опубликовал в 1978 г. американский историк Р. Стайтс[15]. Еще за два года до этого

Р.Л. Гольдберг (ныне Рутшильд) представила диссертацию на эту же тему, а восемь лет спустя в Англии вышло исследование о политическом женском движении в России[16]. Таким образом, существенные факты организованного женского движения известны, но его предпосылки пока еще не раскрыты; характер и результаты движения вызывают споры. В западной историографии интерес к исследованию проблемы был в соответствии с уровнем научных дискуссий 1970 – начала 1980-х годов направлен на изучение политического аспекта женских движений. В зависимости от классового содержания их программ различались движения буржуазные и пролетарские. Русские женские движения, которые пользовались легальными средствами, именовались либеральными (Уиттейкер), буржуазными или умеренными (Эванс, Гольдберг и Стайтс), причем для толкования данных понятий не привлекались материалы русской социальной истории[17]. Точное определение понятия «радикальный» в этом направлении исследований никогда не давалось, но из описаний истории событий следовало, что под радикализмом понимались действия революционного подполья[18]. Именно такой методологический подход был до сих пор характерен для оценки русского женского движения. Имея в виду степень политической организованности, Р. Эванс, сравнивая различные женские движения, пришел к выводу, что в России это движение было особенно успешным потому, что проходило в рамках репрессивного царского режима. Тем самым он вступал в полемику с Ц. Уиттейкер, которая считала, что русское женское движение обязано своими успехами поддержке либеральных сил[19].

Оценка русского женского движения зависит от определения самого понятия «женское движение». Поскольку прежде точного определения в науке не существовало, не было и ясности в том, кого к такому движению причислять. Ведь если женщина отдает свои силы революционному движению, это еще не значит, что она ставит перед собой цели, связанные с правами женщин в обществе. Когда мы рассматриваем действия революционерок, целиком отдававшихся освободительной борьбе, то видим, что оценивать движение за женскую эмансипацию следует совершенно иначе, чем тогда, когда в центре рассмотрения оказываются представительницы социального женского движения, ратующие за равенство возможностей в общественной жизни. Ключ к ответу на вопрос, кого следует относить к русскому женскому движению за эмансипацию, лежит в конечном итоге в самооценке деятельниц движения. Только опираясь на современные определения, можно внести ясность в вопрос о том, кто из женщин причислял себя к этому движению, что имелось в виду под этим движением, в какой мере та или иная личность публично защищала эмансипационные интересы женщин совместно со своими единомышленниками.

В 1993 г., после начала перестройки, Л. Эдмондсон вслед за русскими историками предложила подумать над изменением устоявшихся интерпретаций русского женского движения. По ее мнению, вместо того чтобы по-прежнему навешивать на женское движение шаблонные ярлыки, следует сначала исследовать его место в обществе[20]. Об этом же писала Б.А. Энгель в своем отчете о проделанной в 1992 г. научной работе. Она считала, что мы все еще едва ли что-нибудь знаем о той роли, которую играли женщины в возникающем «гражданском обществе»[21] последних десятилетий существования Российской империи. В связи с этим Энгель еще

раз подчеркнула, что надо продолжить исследования по истории женщин и отношений между женщинами и мужчинами: «Работа о положении женщин и об отношениях между женщинами и мужчинами [gender] не только дает шансы откорректировать тезисы об универсальности опыта мужчин, но и открывает новые перспективы изучения прошлого России, а также исторических изменений и их предпосылок»[22]. Тем самым Б.А. Энгель недвусмысленно отвергает точку зрения, которая направлена исключительно на политические формы женского движения. Наше исследование об истоках русского женского движения за эмансипацию принимает идеи Л. Эдмондсон и Б.А. Энгель по проверке прежних интерпретаций на основе актуальных подходов и вновь обнаруженных источников.

Российское женское движение обычно рассматривается с учетом методологических рекомендаций, заимствованных из трудов по истории женщин и отношений между полами, социальной истории, новой истории культуры, исследованию менталитета и биографий. Именно с такой многосторонностью уже начиная с 1970-х годов изучалось общество на основе постановки социально-политических вопросов, с тем чтобы проследить его динамику и тем самым проявления неравенства, напряженности, конфликтов внутри социальных слоев и между ними, учесть фазы жизни индивидов в рамках коллективов, конфликты между поколениями и т. д.[23] И все же потребовались особые усилия, чтобы по-новому подойти к истории женщин. Только с преодолением значительного сопротивления представителей наших собственных рядов в исторической науке установилось понимание того, что изменение в положении женщин является «одной из великих революционных метаморфоз в мировой истории»[24]. То, что Ю. Кокка (Kocka) в свое время называл «новыми задачами, которые ставит история женщин перед исторической наукой»[25], созрело за истекший период до осознания того, что необходимо рассматривать пол человека «как основополагающую категорию социальной, культурной, исторической реальности, ее восприятия и изучения... А это означает, что необходимо рассматривать всеобщую историю и как историю мужского и женского полов»[26].

Обсуждение «истории полов» привело к признанию трех функциональных положений, определяющих современные исследования: во-первых, историки, как мужчины, так и женщины, теперь по примеру американцев воспринимают термин «гендер» еще и как «пол», а не только в его первоначальном чисто грамматическом значении термина «род». С началом такого толкования термина «гендер» произошло его отделение от термина «пол», на который возлагается чисто биологическая функция. Тем самым мужчине и женщине отводятся роли, «данные им природой»[27]. Термин «гендер» как аналитический инструмент исследования отношений между полами предпочитается исследователями истории женщин и потому, что позволяет не изолировать историю женщин с методологической точки зрения от истории в целом и утверждать ее как частную сферу науки, выделяющую свои предметы исследования из общественных взаимосвязей[28]. Перспектива изучения «гендера» должна позволить раскрыть природу взаимоотношений между крупномасштабными процессами социальных изменений и местом женщин и мужчин в истории в связи с изменяющейся валентностью систем отношений между полами. Историки обоих полов, исполь-

зуя эту методологическую установку, критически оценивают первые результаты исторических исследований о женщинах. Указывается на то, что знания о женщинах часто набирались методами накопления и сравнения (аддитивно-компаративистски), при этом без адекватного охвата структур неравенства и их узаконения, которые проявляются в отношениях между полами и подвержены социальной динамике так же, как и другие общественные структуры[29]. Не в последнюю очередь противоречивые мнения о научном рейтинге истории полов привели и к мысли о выяснении соотношения «пола» с классическими фундаментальными понятиями научного анализа социальных явлений. Наряду с понятием общественного класса ныне для многих ученых стоит и понятие «пол», с помощью которого могут исследоваться общие черты и особенности в жизни социального слоя, окружающей среды, нации и т. д.[30]

«Гендер» как аналитическая категория используется и при исследовании женских эмансипационных движений. Те женские движения, которые имеются в виду, когда речь идет о «феминизме», могут быть наиболее осмысленно определены, по мнению американской представительницы исторической науки К. Оффен, если рассматриваются культурное самоопределение мужчин и женщин, их взаимоотношения и вытекающие отсюда женские стратегии реформ в историческом контексте того или иного общества[31]. С учетом этих обстоятельств исследование концентрируется на уровне изучения социальной и культурной истории, поскольку именно здесь в поле зрения попадают сферы жизни обоих полов, прослеживаются самые тонкие оттенки в состоянии сознания и его изменениях, а также воспринимаются становление и развитие эмансипационных движений соответствующей эпохи во всем их (социальном и политическом) многообразии[32]. В целях систематизации феминистических течений К. Оффен устанавливает различие между категориями феминизма «relational» (исполняющий определенную роль в трудовой, общественной и частной сфере) и «individualist» (связанный только с индивидом). Феминизм первого рода основан на восприятии мужчины и женщины как эгалитарных объектов, общающихся между собой на основах партнерства. Женщины в этом случае осознают свою разнородность в сравнении с мужчинами. Из своих природных свойств они выводят присущие только женщинам способности и соответственно предъявляют претензии на соучастие в устройстве общественной жизни. В этом случае самосознание женщин может не только соответствовать самосознанию мужчин, но и иметь отличные от него черты. Здесь уместно вспомнить о тех участницах движения немецких женщин XIX в., которые считали себя «равными, но различными», а в конечном итоге разработали концепцию «духовного материнства», тем самым узаконив свою деятельность в общественной сфере. Из социальной роли женщины как матери представительницы борьбы за права женщин выводили теорию об особом месте женского пола в деятельности, определяемой моральными принципами. Вследствие этого они ощущали свое право стремиться влиять на политику путем предоставления женщинам возможности участия в выборах[33]. От подобных взглядов, обусловленных особой ролью женщин и разделяющих общество по половому признаку, отличается феминизм индивидуалистического свойства. В соответствии с этой концепцией мужчина и женщина подчеркивают во всех сферах жизни свою индивидуальность и личную независимость, которая не ограничивается получением зависящей от пола роли в обществе, а ориентируется на общие представления о правах человека и демократии[34].

Преимущество предложенного К. Оффен определения феминизма состоит в том, что оно оценивает женские движения не только в зависимости от выдвигаемых ими политических стратегий (как это имело место, например, в отношении английских суфражисток или представительниц немецкой социал-демократии). Из-за подобных ограничений важные по их значению женские движения выпадали из поля зрения исследователей или получали заниженную оценку как «буржуазные» или «консервативные», причем потенциал их эмансипационного значения и сила общественного воздействия оценивались недостаточно высоко[35]. В предлагаемой читателю книге понятие «феминизм» располагается между категориями «relational» и «individualist». Если речь идет преимущественно о «женском эмансипационном движении», то тем самым указывается на социальную эмансипацию в целом. Как известно, в противоположность такому подходу понятие «женское движение» в повседневном словоупотреблении приравнивается лишь к политическому аспекту женского движения, что снижает значение движения в целом и вводит в заблуждение.

Для России сосредоточение исключительно на политической фазе организации женского движения в XIX в. может оказаться недостаточно рациональным уже потому, что образование свободных ассоциаций тогда было еще невозможно. Поэтому единственное разрешенное государством женское объединение (1895) вынуждено было ограничиваться благотворительностью. Но наряду с этим в женской среде наблюдался такой подъем активности, какого русское общество до этого никогда не переживало. В атмосфере реформ конца 50–60-х годов XIX в. многие женщины противопоставляли себя собственным семьям, господствующему в обществе образу женщины и публичной морали, поэтому именно в тот исторический период впервые развернулось широкое движение за женскую эмансипацию. Это было явлением социальным уже потому, что люди, формально не входившие в какую-либо определенную организацию, развивали в себе сплоченность и постоянно стремились к изменениям в обществе. В сфере русской эмансипации женщин понятие «движение»[36] подразумевает длительный процесс, «в ходе которого приверженцы идеи постоянно проявляют стремление влиять на окружающую их общественную реальность в духе упомянутой идеи "изменить эту реальность"»[37]. Как ни сложны явления, обозначаемые в социологии термином «социальное движение», смысл этого термина можно выразить такой формулой: те деятели, поступки которых определяют сущность социального движения, во-первых, ставят под вопрос действующие на данном этапе общественные нормы и, во-вторых, меняют привычные представления о ценностях[38].

Чтобы описать это движение русских женщин и в его ментальном аспекте, для исследования применяются историко-культурные, мировоззренческие и биографические методические разработки. Необходимо привлекать к анализу «взаимосвязи жизненных явлений, действий и трактовок», чтобы раскрыть сущность процессов распада традиций и индивидуализации личности[39]. Однако это может быть реализовано только при решении вопроса о том, по каким традиционным культурным образцам происходили женская социализация и становление роли женщин в этом процессе[40].

Кроме того, предпринимаются попытки осмыслить современную дискуссию по проблеме типологии «нового человека», поскольку имеющиеся сведения о возникновении этого «идеального образца» и о его восприятии обществом дают представление о характере и границах идей эмансипации и прогресса, исповедовавшихся как мужчинами, так и женщинами. Необходимо, во-первых, продолжить обсуждение проблемы, а во-вторых – проследить за социокультурными импульсами, которые будут наверняка вызваны этим обсуждением[41].

Изучение общественного менталитета и его изменений в качестве признака перехода к Новому времени осуществляется на основе методики Л. Февра[42]. Люсьен Февр обратил внимание историков на «сознание человека, живущего в обществе», полагая, что таким путем «они [историки] смогут охватить акции и реакции» этого человека и «оценить действие материальных и моральных факторов, которые влияют на каждое поколение»[43]. Это означает, что обращаться к исследованиям биографических эпизодов следует не только для того, чтобы выделять уникальные моменты. Ибо описание жизни, подчиненное принципам изложения биографий, может достичь двух целей: с одной стороны, оно ведет к выработке общих норм жизни, а с другой – выявляет границы нормальности; это значит, что можно добиться прозрачности образов культуры и антикультуры[44]. В исследовании менталитетов акцент перенесен с рассмотрения идей отдельных индивидов на исследование «социальной и культурной силы воздействия духовных конструкций»[45]. Такая историческая «мощь воздействия» становится доступной пониманию тогда, когда биографические находки соотносятся со структурно-историческими изысканиями. «Методика рассмотрения явлений с учетом истории менталитета, – писал Ф. Зеллин, – может, видимо, внести самый ценный свой вклад туда, где она сочетает структурно-исторический анализ ситуаций с перспективой конкретных действий и тем самым проясняет одновременно разницу между объективными или материальными определяющими факторами, которым в любой обстановке подчинен человек, с одной стороны, и теми принципами, которыми он руководствуется в своих действиях, – с другой»[46].

Обращение к изучению эпизодических ситуаций в жизни людей позволяет более подробно разъяснить специфику распада традиций и становления новых схем частной и общественной жизни. Это дает возможность акцентировать внимание на менталитете, поскольку социально-научные исследования биографии уже достаточно давно выдвинули образ индивида в качестве фактора стабильности реальной жизни[47]. Чувствительность при восприятии быстрых перемен (не только социально-экономических, но и касающихся представлений о ценностях, а также линий поведения) привела к тому, что в центре внимания оказались формы общения между людьми. Те значения, которые придаются людьми окружающей среде и имеющимся внутри нее пространствам для действий, рассматриваются теперь как части их жизненной концепции и их образа жизни, чтобы отделить «общество» в целом от фиксации лишь какого-то одного из его состояний[48]. В таких обстоятельствах и возродился жанр биографии. Сегодня при рассмотрении процессов социокультурной дифференциации принято учитывать и вклад субъекта в конкретные действия[49]. Таким образом, при изучении истории исследование биографии уместно в том смысле, что оно стремится охватывать и истолковывать жизнь субъекта на фоне общественных перемен. Общение с окружающим миром может прояснить характерные черты индивида и социокультурной среды. Одновременно это позволяет не привязывать индивида в фазах его социализации к каким-либо статическим моделям, а понимать становление самобытности как жизненный процесс[50].

Опираясь на теорию социализации Дж.Г. Мида, П.Л. Бергер и Т. Луккманн определяют первичную социализацию как заимствование и освоение подрастающим поколением ролей и установок «чужого мира». Это процесс охвата мира общением, в ходе которого человек становится членом общества. Благодаря отождествлению себя с окружающими людьми ребенок обретает способность «осознавать себя как себя самого и отождествлять себя с самим собою, завоевывать свою собственную субъективно связанную с обществом и приемлемую для общества индивидуальность». В противоположность этому вторичная социализация представляет собой «тот более поздний процесс», который «вписывает уже социализированную личность в новые секторы объективного мира ее общества», в основанные на институционализации сферы «вторичного мира», где совершается обретение специфических знаний, относящихся к конкретным ролям и являющихся результатом процессов разделения труда[51]. Достижением этой теории социализации считается признание ресоциализации, в ходе которой «субъективная реальность заново конструируется» благодаря подсоединению к чужой группе и отождествлению с ней. Это похоже на ограничения первичной социализации, когда аффективное отождествление с чужими – неким «новым миром» – проходит вторично. С фиксацией принадлежности к одной из групп, воплощающих определенную новую структуру правдоподобия, происходит духовное, а часто и физическое обособление соответствующих личностей прежней среды[52].

Отсюда вытекает задача заняться исследованием исторических процессов достижения взаимопонимания на основе изучения автобиографических сведений, что позволит познакомиться с представлениями людей о мире, постигнуть мотивацию и смысл их действий. Автобиографическим материалам при этом принадлежит особая роль. Тот факт, что автобиографии пишутся «необъективно», не имеет принципиального значения. Именно потому, что они необъективны, есть шанс ощутить, как человек понимает себя сам и как он относится к окружающему миру[53]. Так, можно положительно оценивать тот факт, что когда первые представительницы движения за эмансипацию женщин писали автобиографии, они стремились отказаться от прошлой жизни, а также осмыслить и объективно доказать свое право на принадлежность к некой новой среде. «Новая» перспектива этих женщин после разрыва со «старыми» условиями жизни в детстве и юности побуждала их выступать особенно эмоционально и одновременно столь же остро; конфликт между традицией и эмансипацией получал при этом ясные очертания. В этой связи следует также учитывать специфическую традицию русской автобиографической литературы XIX в. – резкое неприятие авторами их прошлого. Поскольку в царской России, если исключить краткие либеральные политические периоды, господствовала строгая цензура, личные воспоминания стали принадлежать скорее к жанрам общественно-политической документации и критики[54]. При этом женские автобиографии тематически и стилистически отличались от мужских, направленных на описа-

ние событий общественной жизни. Поскольку женщинам предстояло играть традиционную связанную с семьей роль, они в основном рассказывали о том, как добивались самостоятельности в частной жизни и тем самым создавали для себя новую (внутреннюю и внешнюю) реальность. Для женщин 1860-х годов, претендовавших на новые формы жизни, существенную роль играла тема угнетения. Иногда они описывали историю своей жизни, независимую от какого-либо партнера. Не общие рассуждения, а собственное существование в форме борьбы за выживание при новых масштабах ценностей являлось серьезным поводом для рефлексии и одновременно посланием читающей публике. В автобиографических текстах представительниц женского движения старый жизненный уклад резко отделялся от новых форм жизни. Последние обычно оценивались положительно, а трудности соответственно объяснялись общественной отсталостью и только в исключительных случаях – ошибочными личными решениями[55].

Поскольку у нас имеются автобиографические свидетельства, относящиеся к раннему периоду русского женского движения за эмансипацию, то есть основания полагать о свершившемся к этому времени глубоком духовном переломе в обществе. Ведь возникновение жанра автобиографии само по себе говорит об изменениях, произошедших в форме перехода от личности, «подчиненной традициям», к индивиду, действующему с сознанием собственной ответственности[56]. В автобиографии выражается стремление описать становление собственной личности, рассказать о влияниях, действиях и представлениях о ценностях, определивших социализацию. В этой связи индивидуализация означает возникновение у человека «внутреннего управления», ориентированного на ценности, а также на выбор действий, предписываемый личной ответственностью самого индивида[57].

В нашей работе автобиографические свидетельства оцениваются с точки зрения индивидуализации. В центр исследования поставлены двенадцать биографических текстов, авторы которых представляют различные течения в рамках русского женского движения за эмансипацию. Общей чертой этих текстов является становление новой индивидуальности в освободительном движении 60-х годов XIX в. на основе личной и материальной самостоятельности, а также первопроходческая роль женщин в сфере общественной жизни. Авторы представляемых автобиографий родились с 1835 по 1852 г. Старшие из них уже в молодости устанавливали контакты с движением, младшие же, будучи еще школьницами, попадали под влияние старших. Наряду с общими чертами во всех автобиографиях просматриваются различия статуса их авторов в таких сферах, как социальное происхождение, образование, профессиональная квалификация, трудовая деятельность и степень участия в женском движении.

Для исследования двенадцать рассматриваемых нами биографий женщин были разделены на четыре группы; критерием этого разделения служила степень их увлеченности идеей эмансипации. В каждой группе отражены типичные пути конкретных женщин, которые на основе измененного понимания своей роли в обществе выступали с требованиями гражданского равноправия в различных сферах общественной жизни. В I группе сосредоточены биографии поборниц объединения женщин в политические ассоциации. Это соотносится и с датой их рождения: они родились в 30-е годы и потому к 60-м годам уже имели необходимые опыт и контакты, чтобы проявлять инициативу. Группа II объединяет тех женщин, которые в значительной мере подчинили свою профессиональную деятельность потребностям женского движения, внося вклад в просвещение как писательницы и учительницы. Женщины III группы стали ведущими фигурами в борьбе за женское образование. Такая роль выпала на их долю не случайно: они сознательно добивались ее исполнения, чтобы оставить свой след в социальной политике. Представительницы IV группы вступили на путь революционного движения, но в определенные периоды жизни поддерживали женскую эмансипацию, считая ее частью освободительного движения. В нашем исследовании жизненный путь одной из представительниц каждой группы рассматривается наиболее подробно, биографии других женщин данной группы подчинены основному повествованию. Кроме того, приводятся сведения и о жизненном пути других женщин, если требуются какие-то пояснения или необходимо подчеркнуть многообразие материала (см. обзор биографий в приложении).

Этот отбор имеет целью наиболее полно представить палитру жизненного пути женщин и одновременно как можно детальнее рассмотреть и сравнить отрезки жизни обозримого числа женщин под углом зрения происходивших в них перемен. Личности женщин отбирались по критерию их исторического значения в движении за женскую эмансипацию. Есть и источниковедческий аспект, в равной мере важный для отбора биографических текстов: необходимо иметь для рассмотрения достаточно много автобиографических сведений, чтобы описание было возможно более полным. Ввиду слабого научного интереса к истории женщин такого рода документы в российских архивах еще недостаточно систематизированы, и пока лишь немногие автобиографии стали доступны для обработки. Только поистине классическая автобиография Елизаветы Николаевны Водовозовой составляет исключение[58]. Правда, имеются краткие автобиографические заметки, есть и частично опубликованные в ту же эпоху, о которой идет речь, художественные произведения с явными автобиографическими элементами, а также публицистические и научные статьи выбранных для исследования женщин. Нами исследуется переписка женщин – первопроходцев борьбы за эмансипацию – или воспоминания современников о них. Эти источники использованы с целью восполнить пробелы, имеющиеся в автобиографических материалах[59].

Задача связать биографические изыскания со структурными общественными процессами, с тем чтобы проследить за развитием общества в целом, отразилась на методике нашей работы. Приведенные в отдельных главах примеры исследуются не по принципу хронологической очередности (и не по четырем группам или двенадцати личностям), а в тематически упорядоченном плане. Ввиду дефицита источников и изысканий, особенно из-за отсутствия базы данных (что связано, например, с невозможностью изучения личных дел различных профессиональных групп), те тенденции, которые выявляются при анализе биографических примеров, не могут быть систематизированы в количественном аспекте. Поэтому для того, чтобы перейти от частностей к целому, результаты, которые получены в ходе анализа жизненного пути выбранных для исследования личностей, интерпретируются

в свете всей имеющейся литературы по истории женщин. В связи с этим использовались и материалы источников, содержащих количественные данные (например, отчеты полиции). Для вынесения суждения о структурно-исторических взаимосвязях представленная концепция требует также истолкования второстепенной социально-исторической литературы.

Исследования, касающиеся биографий женщин, опираются на опубликованный и неопубликованный материал источников, как и описания женского движения, поскольку они по отдельным аспектам еще не обработаны в научном плане. Автору была предоставлена возможность ознакомиться с неопубликованными источниками из архива Бахметева, хранящегося в библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета (Нью-Йорк), а также с материалами Отдела рукописей Библиотеки Конгресса в Вашингтоне. Впервые с советских времен появилась возможность пользоваться описаниями, каталогами и архивными материалами без каких-либо ограничений. Благодаря этому моя исследовательская работа была направлена на то, чтобы, во-первых, обнаружить источники по русскому женскому движению и, во-вторых, в полной мере использовать фонды литературы первостепенной важности, в частности материалы Крымского областного архива (Симферополь), Российского государственного исторического архива (С.-Петербург), Архива Российской академии наук (Московское отделение и С.-Петербургский филиал), Рукописного отдела Института русской литературы (С.-Петербург), Российского государственного архива литературы и искусства (Москва), а также Государственного архива Нижегородской области. Открытие этих архивов для широкого использования позволило приступить к серьезному исследованию русского женского движения на основе источников разного рода. Настоящую монографию можно рассматривать как первый шаг в этом направлении.

Работа строится на основе системного подхода к изучению перемен в жизни индивида и метаморфоз общественных преобразований. Глава I посвящена анализу русской художественной литературы и отражению в ней темы «нового человека». Материал этой главы призван, с одной стороны, отразить потребность в переменах в жизни русского общества, а с другой – выявить сущностные характеристики «нового человека», новых мужчин и женщин. Рассмотрение вопроса о том, кто были авторами и исполнителями новый идей и каково было их общественное влияние, позволяет перейти к анализу истории возникновения русской интеллигенции как социального слоя в эпоху начинающейся модернизации и становления общественной жизни. Эти перемены описываются в социально-историческом контексте на примере просвещения и профессионализации трудовой сферы, а также в культурно-исторической перспективе как развитие нового восприятия жизни.

Во II главе автор рассматривает историю женщины, останавливаясь на традиционных культурных аспектах социализации женщин и распределения исполняемых ими ролей. Такой синтетический подход позволяет лучше понять предпосылки их будущей деятельности, возникшие в детские годы и в годы воспитания девушек. Детские годы сторонниц русского женского движения описываются на основе автобиографических свидетельств. Причины общественных перемен должны анализироваться на фоне конкретных событий и с учетом субъективного понимания действительности, а реальность представляться как процесс, а не как застывшая картина.

Глава III посвящена изменению самосознания женщин, основавших женское движение. Как и во II главе, здесь тоже используется жанр автобиографии для исследования положения женщин в России. Это позволяет показать преобразование людей, руководствовавшихся традициями, в индивидов, сознающих свою личную ответственность. В центр изложения выдвигаются разрыв с традиционным образом жизни и новые ориентиры. Впрочем, этим и исчерпываются сведения, которые можно извлечь из автобиографических источников: их авторы достигали поставленной цели, отделяя себя от всего устаревшего, традиционного. В данной главе акцентируется внимание не только на индивиде, но и на выделенных выше социальных группах, причем каждая группа рассматривается отдельно. Женщины-первопроходцы, портреты которых представлены в монографии, становятся поистине символическими фигурами.

В главах IV–VI на основе использованной литературы оказалось возможным показать, что подъем сознания женщин во второй половине XIX в. и вплоть до Октябрьской революции вылился в широкое социальное, а в конечном итоге и политическое движение. Анализ этого движения дает более четкую, чем ранее, картину того, в каких формах русское женское движение внесло вклад в развитие общества.

Глава I

«Новый человек» как символ общественных изменений во второй половине XIX века

1
От мечты к реальности: литературная дискуссия начала 60-х годов

Политические репрессии и строгая цензура привели к тому, что беллетристика в России, в отличие от Западной Европы, стала для интеллигенции суррогатом гласной общественной жизни и присущего ей свободного обмена мнениями. В начале 60-х годов XIX в. выдающиеся русские писатели подхватили новые тенденции общественного развития, возникшие в ходе дискуссий о реформах. Радикальность этих тенденций состояла в поиске альтернативы существовавшему обществу; ее стремились найти в «человеке нового типа», создать которого поставили себе целью самые уважаемые представители литературных кругов. Ниже будут рассмотрены авторы, в творчестве которых «новые люди» уже не ограничиваются рамками мужского пола, а обретают также и женское лицо[1].

В начале 60-х годов XIX в. два романа привлекли к себе такое внимание русской читающей публики, какого едва ли удостаивались другие произведения. Речь идет об «Отцах и детях» либерального дворянина И.С. Тургенева, а также о романе «Что делать? Из расска́зов о новых людях» радикально-демократического литератора Н.Г. Чернышевского[2]. Эти произведения отвечали «духу времени»[3], выраженному средствами беллетристики. Оба автора охарактеризовали современную им жизнь и выразили свое отношение к великим вопросам эпохи словами, вложенными в уста героев. Чернышевский обратился к жанру воспитательного романа, чтобы с помощью фиктивного, вмешивающегося в события и оценивающего их автора оказать решающее влияние на читателей, как можно более четко обрисовать положительные и отрицательные стороны реальной жизни и особенно – образ лучшего будущего и таким образом дать импульс к вступлению на новый, альтернативный жизненный путь. Тургенев, по мнению его друга революционера П.А. Кропоткина, был одним из крупнейших прозаиков столетия благодаря не только его «поэтическому гению», «элегантности и красоте» его произведений, но и «важному духовному содержанию его творений»[4].

Обладая точным ощущением потребностей русского общества, переживавшего социальный и духовный перелом, Тургенев начиная с 1845 г. представлял в своих произведениях характеры людей различных социальных слоев. В центре его внимания оказалась сельская болезненно-упадническая дворянская среда, достоинства которой все настойчивее ставились

под вопрос критически настроенной интеллигенцией «низших слоев». Именно потому, что Тургенев не только улавливал признаки упадничества, но и обладал тонким чувством нового, судьбы его героев и героинь находили широкий отклик у русской общественности.

Прослеживая судьбы людей, энергично и страстно желавших найти пути к добру и умевших преобразовывать свои желания в продуктивные действия, Тургенев в 1860 г. романом «Накануне» привлек внимание читателей к молодой паре, которая уже носила в душе идеальный образ «нового человека»[5]. Здесь автор продолжил и развил черты молодой дворянки Наташи из романа «Рудин»[6], восхищавшейся пламенными речами героя о свободе и о борьбе за свободу в Западной Европе и решившейся, следуя за Рудиным, отказаться от светской жизни. В конечном счете Наташа разочаровывается в нем из-за его краснобайства и нерешительности. В основе романа «Накануне» лежит идея о том, что для продвижения вперед дела прогресса необходимы «сознательно-героические натуры»[7]. Этот образ воплощен пока еще не в русском человеке, а в болгарском разночинце и патриоте Инсарове, единственная цель жизни которого – освобождение его родины от турецкого ига[8]. Тургенев сделал героем своего романа болгарина не только по цензурным соображениям – в уста скульптора Шубина он вкладывает признание, что в России нет настоящих мужчин, зато более чем достаточно самоистязателей и хвастунов[9]. Инсаров явно не принадлежит к мечтателям, купающимся в идеях немецкого романтизма; выказывая истинное самообладание, он прямолинейно преследует свою цель, что является для него одновременно и счастьем, и выполнением долга.

О героине романа Елене Николаевне Стаховой Тургенев писал, что она представляла собой новое явление в России, и не только в художественной литературе[10]. Автора, видимо, вдохновляли такие женщины, как Юлия Петровна Вревская и Екатерина Михайловна Бакунина, родственница революционера М.А. Бакунина.

Е.М. Бакунина, с которой Тургенев был знаком, была в числе первых сестер милосердия, занимавшихся во время Крымской войны под руководством хирурга и педагога Н.И. Пирогова благотворительной деятельностью на фронте[11]. Тургеневу в романе «Накануне» было важно показать изменение мировоззрения молодых дворянок, которых уже не удовлетворяла жизнь в сельской тиши и присущие ей формы общения. Молодая дворянка похожа на «птицу, трепещущую в клетке», ей недостаточно быть «просто хорошей». Она несет в себе страстное желание творить добро и совершать акты справедливости ради других, только не знает, как это сделать[12]. Когда Елена встречает Инсарова, она осознает свое призвание. Следуя за этим борцом за свободу, она полностью ставит себя на службу осуществлению его идеалов, а когда Инсаров умирает, в качестве сестры милосердия самоотверженно продолжает его дело в среде балканских партизан. Объясняя свой выбор, она пишет домой, что в России у нее нет цели в жизни: «А вернуться в Россию – зачем? Что делать в России?»[13]

Об образе этой женщины Кропоткин в 1901 г. писал:

В Елене воплощен истинный тип русской женщины, которая немногими годами позднее сердцем и душой будет принимать участие во всех сферах борьбы за освобождение России; женщины, которая полностью преобразила процесс воспитания детей, которая боролась за освобождение трудящихся масс, которая непрерывно стойко держалась и в снежных пустынях, и в тюрьмах Сибири, которая, если нужно, умирала на эшафоте и которая до сегодняшнего дня продолжает участвовать в той же борьбе с неменьшей энергией[14].

Влияние романа «Накануне» уже в год его публикации в 1-м и 2-м номерах «Русского вестника» за 1860 г. было велико. Впечатляющее свидетельство о восприятии произведения критически настроенным молодым поколением оставил столь же одухотворенный, сколь и острый на язык литературный критик «Современника» Н.А. Добролюбов[15]. В рецензии он отметил, что «для нас», т. е. для молодого поколения, «не столько важно, что *хотел* сказать автор, сколько то, что *сказалось* им, хотя бы и непреднамеренно, просто вследствие правдивого воспроизведения фактов жизни»[16]. В связи с этим критик остановился на ограничении гласности в России и дал характеристику скованного по рукам и ногам общества, в котором, по его словам, только художественная литература имеет шанс выражать «жизненную правду»[17]. Именно Тургенев, по мнению Добролюбова, обладал особым чутьем к «новым потребностям, новым идеям»[18]. Тургенев показал, что мышление образованного общества претерпевает фундаментальные изменения, и это не в последнюю очередь коренилось в растущем уровне образования. Добролюбов писал по этому поводу:

…подросли новые люди, для которых любовь к истине и честность стремлений уже не в диковинку <...>. Встречая человека так называемого прогрессивного направления, никто уже теперь из порядочных людей не предается удивлению и восторгу, никто не смотрит ему в глаза с немым благоговением, не жмет ему таинственно руки и не приглашает шепотом к себе, в кружок избранных людей, – поговорить о том, что неправосудие и рабство гибельны для государства. Напротив, теперь с невольным, презрительным изумлением останавливаются пред человеком, который выказывает недостаток сочувствия к гласности, бескорыстию, эманципации и т. п.[19]

Однако, как говорится в критической статье Добролюбова, этот новый климат остался «туманным», выразившись только в словах, а не в делах. Отмечая, что за последние 30 лет русское общество ничего не добилось, автор иронически добавлял: «...масса людей, "сознающих себя выше окружающей действительности", растет с каждым годом, – так что скоро, пожалуй, все будут выше действительности...». Необходимы же вместо этого люди, «которые бы подняли – или научили нас поднять – самую действительность до уровня тех разумных требований, какие мы уже сознали»[20].

Под таким углом зрения главная героиня романа Елена Стахова является для Добролюбова фигурой идеальной. В ней, по его мнению, связаны в единый узел те характерные черты и устремления, которые можно ныне наблюдать в женской среде. Она воплощает «лучшие элементы, развивающиеся в нашем обществе»[21]. Елене нужен Инсаров, чтобы сформироваться в «нового человека», чтобы целиком поставить себя на службу делу. Здесь для Добролюбова становится важным вопрос, почему тургеневский герой не является русским человеком, почему он остается недостаточно четко обрисованной личностью. Тургенев, полагал критик, скорее построил в своем уме модель героя, выступления которого в пользу «святой идеи» свободы и справедливости представляются русскому человеку все еще

чуждыми[22]. Рецензия заканчивается выражением надежды, что несмотря на царящую в России обстановку удушения свободы, становление людей, подобных Елене, все же возможно:

> Наконец, теперь появляются уже такие понятия и требования, какие мы видим в Елене <...> теперь каждый ждет, каждый надеется, и дети теперь подрастают напитываясь надеждами и мечтами лучшего будущего, а не привязываясь насильно к трупу отжившего свой век прошедшего. Когда подойдет их черед приняться за дело, они уже внесут ту энергию, последовательность и гармонию сердца и мысли, о которых мы едва ли могли приобрести теоретическое понятие. Тогда и в литературе явится полный, резкий и живо очерченный образ русского Инсарова[23].

Прошло совсем немного времени, и в беллетристике был сформирован тип энергичного русского человека. В 1862 г. Тургенев представил публике русского врача Базарова. Радикально отвергая старые порядки, этот герой в то же время является трагической фигурой, не имеющей возможности осуществить цель своей жизни. Базаров заимствован непосредственно из действительности. Как пояснил сам автор, прототипом героя его романа был умерший в 1859 г. молодой провинциальный врач, личность которого произвела на Тургенева чрезвычайно сильное впечатление. Поскольку человек такого типа раньше не находил отражения в художественной литературе, писатель и в этом случае хотел зафиксировать эту новизну[24]. Он сближает своего Базарова с Гамлетом, эгоистом и скептиком, который не верит в добро, но ненавидит зло и почитает отрицание действительности, не зная, где проходит граница между разрушением и сохранением реальности[25]. Автор показывает, что Базаров терпит крах из-за своих слишком современных взглядов, воспринятых из немецкого вульгарного материализма. Подобные схемы интерпретации природы человека оказываются недостаточными, когда Базаров безумно влюбляется в красивую, но холодную, оттолкнувшую его любовь дворянку Одинцову.

Как ни многозначителен был конец молодого героя (он умирает вовсе не героической смертью, а заразившись тифом) в контексте самого романа, Базаров все же стал вызовом для русской общественности, потому что представлял собой человека «нового типа»[26], пусть даже и никогда не действовавшего «в собственной стихии»[27]. Этот студент-медик, дед которого был крестьянином, отрицал любые традиции и авторитеты; он боролся против русской дворянской среды с анархистской страстью, считая, что любое существующее в русском обществе учреждение заслуживает отмены. Собеседники Базарова, братья-помещики Павел и Николай Кирсановы, представители поколения «отцов», клеймят его как «нигилиста», но зато товарищ по университету и друг Базарова Аркадий, сын Николая Кирсанова, восхищается Базаровым и пытается подражать ему[28]. Понятие «нигилист» означает здесь полное отрицание господствующей системы ценностей[29]. В образе Базарова отразился уже дух революционной молодежи. Тургеневым слово «нигилист» употреблялось в значении «революционер», и в этом значении оно фигурировало в общественной жизни и в беллетристике той эпохи[30].

Соответственно реагировал на роман Тургенева и консервативный мир. Автор через несколько недель после выхода в свет «Отцов и детей» (в мартовском номере «Русского вестника» за 1862 г.) писал, что слово

«нигилист» в Санкт-Петербурге произносят уже «тысячи уст». А в дни майских пожаров 1862 г. пораженный писатель услышал, что якобы «его» нигилисты и являются поджигателями[31]. Тургенев попал под обстрел ожесточенной критики и был совершенно обескуражен обвинением в том, что в конечном счете «нигилистов» воплощает он сам[32].

Вдохновленная прогрессивными идеями молодежь, рупором для которой служил журнал «Современник», идентифицировала себя с образом Базарова. Чернышевский, авторитетнейший представитель «разночинной интеллигенции» и ее растущего влияния на интеллектуальную жизнь России, ощущал свою непосредственную связь с материалистическим мировоззрением Базарова. Формула «природа это не храм, а мастерская, и человек в ней работник»[33] была почти дословно заимствована из магистерской диссертации Чернышевского[34]. Годом позже выяснилось, что Базаров в чем-то сходен с героем, изображенным Чернышевским в его романе «Что делать?», врачом по фамилии Кирсанов: оба исповедуют этос «полезной работы», «действий, определяемых разумом», который вырастает из осознания смысла «бытия», законов природы и наук. Вместе с этим выражалась едкая критика старого общества, на больное состояние которого даже возлагалась ответственность за недуги человечества. Требование Базарова «Исправьте общество, и болезней не будет!»[35] позднее стало жизненной целью героя романа Чернышевского Кирсанова, ставшего прогрессивным по мировоззрению профессором медицины[36].

В этом смысле Базаров и Кирсанов Чернышевского проникнуты единым духом времени, которым жил и публицист Д.И. Писарев. Для критиков Писарев стал прототипом «нигилиста», для сторонников же, напротив, «новым пророком»[37]. Писарев являлся сотрудником радикально-демократического журнала «Русское слово», в котором он в марте 1862 г. выступил с рецензией на роман «Отцы и дети»; в ней интерпретация образа Базарова принципиально отличалась от той, которая господствовала в среде критически настроенной интеллигенции эпохи[38].

В своем отзыве Писарев рассматривал роман Тургенева как заслуживающий серьезного разбора. Правда, он причислял автора к «эстетизирующим отцам», которых отделяет от молодежи непреодолимая пропасть между поколениями. Но вместе с тем он признавал Тургенева выдающимся писателем, отдавая должное его художественной честности и литературному таланту, человеком, который лепил своих героев не по заранее заданным штампам, а признавая за ними право на собственную жизнь.

Критик считал неслучайным то обстоятельство, что Тургенев в романе не пытался решать злободневные вопросы времени, а скорее рисовал трагическую картину умирания своего героя. В этой связи Писарев подчеркивал, что действие романа Тургенев отнес к 1859 г., и задавал вопрос: чего бы мог добиться Базаров всего за два года в России, чтобы доказать необходимость воплощения своих идей в реальные дела? Ведь чтобы воспитать новых людей, подобных Базарову, нужны усилия целого поколения[39]. Но, видимо, Тургенев через образ Базарова – вопреки первоначальному замыслу – возлагал надежды на новый тип молодого поколения[40], характерными чертами которого являлись неукротимая энергия, сильная воля и острый ум. В такой личности якобы концентрировались все те свойства, которые в реальной жизни распределяются на широкий круг людей[41]. Турге-

невский идеальный тип человека отличается недворянским происхождением, заставившим его пройти школу тяжелого труда и забот о хлебе насущном. Жизнь сделала его чистым эмпириком, который познает и признает только то, что воспринимается его органами чувств. И Писарев открыл в себе отражение тех же взглядов Базарова, усвоенных от таких философов, как Я. Молешотт, К. Фогт и Л. Бюхнер. Как положительный момент критик выделил то, что Базаров подчиняет все прочие ощущения человека действию нервной системы и высмеивает всякий идеал как продукт «романтики». Кроме того, Писарев привлекал внимание читателей к тому, что Базаров действует как чистейший эгоист, действия которого диктуются только собственной выгодой, а не законами морали или представлениями о современном устройстве общества. Критик восхищался разночинцем Базаровым именно как человеком труда, героем, обладающим новым, взошедшим на почве этого труда самосознанием, объясняя грубость Базарова его тяжкой жизнью, в которой нет места утонченным дворянским манерам[42].

В то же время Писарев не упускал из вида трагической сущности тургеневского героя. Виновны в присущем Базарову цинизме, в его страданиях из-за безответной любви к Одинцовой, в его внутреннем одиночестве и бесполезности для общества, вызванной ранней его смертью, по мнению Писарева, условия жизни. Отсюда критик делал вывод, что Базаров как индивид, качественно превосходивший своих сограждан, вынужден испытывать страдания от «болезней века»[43]. Эта «базаровщина», по словам Писарева, питает колоссальную силу, не находящую надлежащего поля деятельности. Такому «больному» только и остается ощущение пустоты и бессмысленности собственного существования. И Писарев заканчивает свою рецензию мрачным вопросом: «А что делать?... что делать?». И отвечает: «Не мечтать о пальмах, если ноги застывают во льду»[44].

В 60-е годы XIX в. обвинять общественные условия и выискивать им альтернативу было не только мужским делом. Существовали и популярные в то время писательницы, такие как Марко Вовчок или Авдотья Панаева. Ныне они почти забыты и в трудах по истории русской литературы в лучшем случае упоминаются лишь вскользь.

Родившаяся в 1819 г. в семье популярных русских актеров Авдотья Яковлевна Брянская, вращаясь в среде петербургских деятелей искусства, стала личностью, обладавшей развитым самосознанием. В числе ее почитателей были выдающиеся представители интеллигенции – Белинский, Чернышевский, Герцен и Достоевский[45]. В 18-летнем возрасте Брянская вышла замуж за писателя И.И. Панаева. При его поддержке она стала писательницей, чьи романы и повести пользовались успехом. При этом Панаева, как и ее супруг, представляла литературное направление, известное под названием «натуральной школы». Дом Панаевых стал любимым местом встреч критически настроенной интеллигенции. Сначала в Москве, а потом вновь в С.-Петербурге Панаева блистала в кругу известных деятелей литературы[46]. Достоевского, посещавшего ее салон, она отвергла, но с середины 40-х годов и до 1864 г. была подругой жизни поэта Н.А. Некрасова.

Именно Авдотья Яковлевна в 1846 г. убедила Панаева продать часть принадлежавшего ему имущества, чтобы вместе с Некрасовым продолжить выпуск журнала «Современник», основанного Пушкиным. Работая вместе

с Некрасовым в журнале, она завоевала репутацию бескомпромиссного борца против всех форм социального угнетения. Эта общественная роль была для нее так нова, что она решила скрыть свое имя под мужским псевдонимом «Н. Станицкий». Ее первый роман «Семейство Тальниковых», написанный в 1847 г., был запрещен цензурой из-за резкой критики родительского деспотизма и в последующие годы не получил разрешения на публикацию в «Современнике»[47]. В конце 40-х годов Панаева в двух своих следующих романах – «Безобразный муж» и «Жена часового мастера» – сетовала на общественное положение женщины в России.

Писательница защищала интересы публицистов и коллег по профессии. Она помогла молодому Добролюбову, первую рукопись которого Панаев отклонил категорически. Тогда Авдотья Яковлевна привлекла к молодому критику внимание Некрасова и таким образом побудила его пригласить Добролюбова к сотрудничеству в «Современнике»[48]. После ранней смерти этого литературного критика в 1861 г. Чернышевский посвятил Панаевой первое издание сочинений Добролюбова. Когда в 1862 г. Чернышевского заключили в Петропавловскую крепость, писательница регулярно посещала и утешала его. Эти дружеские контакты продолжались вплоть до смерти Чернышевского[49].

В том же 1862 г. в «Современнике» был опубликован роман Панаевой «Женская доля»[50]. В этом произведении Панаева недвусмысленно выражала свое презрение к господствовавшей в дворянской среде морали, но не ограничилась описанием характерного для этой среды упадочничества, а совершенно в духе тенденций «Современника» заняла позицию поддержки «нового человека» и особенно «новой женщины», изображенной Панаевой в самой гуще повседневной жизни, т. е. под углом зрения, далеким от духовного мира философии и просвещения, в котором жили ее пишущие друзья[51]. По-видимому, склонность Панаевой к жанру популярного романа была связана с ее незаконченным школьным обучением. Осталась интеллектуальная дистанция между ней и ее академически образованными коллегами, хотя Панаева и стремилась этот разрыв устранить. В начале 60-х годов она слушала лекции в Петербургском университете[52].

«Женская доля» написана в форме назидательного романа. Уже на первых его страницах писательница вне связи с сюжетом повествования сообщает, что обращается к той части молодого поколения, которая стоит на пороге вступления в общественную жизнь. Автор рассуждает о моральном упадке русского дворянского общества, в котором царит деспотизм, унижается человеческое достоинство замужних женщин и матерей и отсутствуют условия для их равноправия, и подчеркивает, что обновление господствующих моральных представлений является делом не одних только женщин и может быть достигнуто лишь на основе изменения отношений между полами[53].

Панаева принадлежала к кругам русского общества, которые не считали возможным отказывать женщинам в правах, традиционно принадлежащих мужчинам. В связи с этим писательница рассказала трагическую историю жизни дворянки Софьи. Сначала описывается ее существование в поместье, где мать воспитывает дочь в условиях полной изоляции от других людей. Мать, которую зовут Анна Антоновна, ее склонный к садизму, избалованный петербургской роскошью супруг доводит до болезни и смерти

своими любовными похождениями, мотовством, участием в азартных играх и откровенным наслаждением, которое он испытывает, унижая жену. Из-за ложного, обусловленного традицией стыда мать скрывает от дочери причины разлада с мужем, так что отцу удается сохранить достоинство в глазах Софьи. С ее согласия он выдает ее замуж в самой ранней юности, совсем неопытную, вопреки решительному сопротивлению матери, за аристократического прожигателя жизни. Анна Антоновна предчувствует роковые последствия. Ее устами писательница говорит о том, что любовь и даже рабская преданность женщины вовсе не гарантируют счастливого брака: поскольку муж обладает бесконтрольной властью над своей супругой, он может злоупотреблять этой властью по собственному усмотрению[54]. Традиционную покорность женщины своей судьбе высказывает соседка Анны по имени Вера Карповна, по мнению которой только от Бога зависит, будет ли женщина счастлива в браке. И вновь поднимается эпохальный вопрос «что делать?», получающий традиционный ответ: «Таков уж наш женский жребий!»[55]

Кто покоряется традиционно предопределяемой судьбе, тот погибает, как дает это понять писательница; так погибает героиня романа Софья, которая, мечтая о романтической любви, вверяет себя торжественным обещаниям жениха и вскоре попадает в сущий ад, оказавшись в семье своего супруга Петра Васильевича. Последний пользуется своим аристократическим престижем главным образом для любовных похождений. Юную супругу он не защищает от происков своей семьи и в конце концов вообще расстается с ней, предпочитая общество дамы легкого поведения. Панаева сознательно прибегает к приему контраста. Ее Петр Васильевич с энтузиазмом восторгается идеалами равенства, выступает на словах за служение интеллигенции нуждам народа[56]. Но эта демонстративная либеральность оказывается чистейшим лицемерием[57]. По мнению писательницы, никто из представителей закосневшего в своих условностях дворянства не в состоянии выступить с принципиальной критикой существующего положения. Остается только помешанный юноша, который осмеливается открыто говорить об истинном положении вещей в обществе. Но его слова пропадают напрасно именно потому, что он слабоумный[58].

Безропотно покоряющейся своей судьбе Софье противопоставляется образ юной мещанки Анны Васильевны[59]. Ее судьба складывается иным образом. Когда их с Софьей пути перекрещиваются, то происходит столкновение двух противоположных жизненных концепций. И Панаева вновь недвусмысленно заявляет свою позицию: носителями новой морали, проникнутой социальной ответственностью, могут быть только люди, независимые от идеологии дворянства. На свободе от условностей дворянского быта зиждется, по мнению Панаевой, новая нравственная чистота личности. Анна, будучи сиротой, пользовалась благотворительностью чужих людей и получила хорошее воспитание в пансионе, пробыв даже некоторое время за границей. Помня, что мать оказалась в нищете из-за поведения ее любимого человека, выходца из дворянской среды, Анна потеряла уважение к высшим слоям общества. К богатству она не стремилась, ее устраивала материальная независимость, и ради нее она охотно мирилась со скромными условиями жизни[60]. Соответственно она не высматривала для себя «выгодных партий», не собиралась «продавать себя» таким образом и тем самым

ставить на карту свое личное достоинство. Она хотела быть не «куклой», не «рабой», а самостоятельной женщиной, т. е., по словам Панаевой, женщиной «нового поколения»[61].

Анна становится гувернанткой детей Софьи. Панаева описывает женщин, живущих в имении. Дворянская среда презирает их как «эмансипанток», ибо Софья давно соединила свою жизнь с богатым дворянином Локотниковым и успела родить ему троих детей. Этот внебрачный союз означает для Софьи изгнание из общества. Да и от своего сожителя она не получает поддержки. В конечном итоге он порывает с Софьей, отказывается признать себя отцом их детей и сознательно ввергает ее в нужду. К концу романа истинно «эмансипированными» остаются только Анна и молодой домашний учитель Снегов, разночинец; они ощущают себя союзниками в оппозиции дворянской среде. В итоге Анна становится судьей Софьи. В ответ на ее просьбу «ради Бога, научите меня, что мне делать!»[62] Анна дает понять, что еще до замужества Софье следовало бы получить образование и набраться жизненного опыта[63].

Призыв Панаевой ограничивается личностным уровнем. Правда, в своем романе она пропагандирует новые, заимствованные у буржуазного общества ценности, такие, как материальная независимость или постулат равенства, перенося их и на представительниц женского пола. Но она делает ставку не на политические перемены, а только на индивидуальную инициативу. «Счастливый конец» романа дает понять, что с понятием личного освобождения связаны современные социально-политические задачи просвещения, выполнить которые необходимо в интересах угнетаемых слоев населения. Такую задачу ставит Чернышевский в своем романе «Что делать?», в котором просвещение недвусмысленно связано с требованием капитального преобразования общества. Возможно, что это же имела в виду и Панаева. Когда Локотников добивается ссылки Снегова в Иркутск в связи с его общественной деятельностью, Анна следует за ним и становится его спутницей жизни. Там они организуют школу, и совместная полезная работа дает им и ощущение, что они выполнили предписанные им жизнью задачи[64].

Не преувеличивала ли Панаева при описании отрицательных сторон действительности в своем произведении? Согласно оценке романа, данной в авторитетном либеральном журнале «Отечественные записки» современной Панаевой рецензенткой, Панаева нарисовала правдивую картину. Правда, эта представительница литературной критики упрекала Панаеву в недостатках художественного построения романа, но это, по ее мнению, не снизило силу воздействия произведения на читателей. Панаева, по отзыву рецензентки, хотела сказать: «Мы ощущаем, что нас давит что-то черное и уродливое, и наше страдание говорит нам: "это правда"... Надо сознаться, горькая правда»[65].

Поднятая Панаевой проблема долго сохраняла свою актуальность. Более чем 40 лет спустя женщина-врач и защитница женских прав М.И. Покровская писала, что только теперь женщины избавятся от семейных оков и попытаются оказать влияние на свое общественное окружение[66]. Зная о Панаевой и ее литературной деятельности, следует признать мнение Покровской лишь относительно верным; попытки женщин вырваться из плена традиционных условий начали предприниматься в середине XIX в.

Женский вопрос обсуждался в самом широком плане еще в начале 60-х годов XIX в. Именно тогда, и не только в революционной России, возникла «новая женщина». Наиболее радикальную программу ее эмансипации разработал Н.Г. Чернышевский в романе «Что делать?», в котором речь шла о существенных аспектах женского развития[67]. Рассматривая «Что делать?» с точки зрения литературной традиции, надо отметить, что вопреки мнению многих исследователей Чернышевский связывал своих героев отнюдь не только с тургеневскими Еленой («Накануне») или Базаровым («Отцы и дети»)[68]. Если мы обратимся к Панаевой и Писареву, то увидим, что Чернышевский названием своего романа «Что делать?» затрагивал насущный вопрос времени, который вновь и вновь ставился и мужчинами, и женщинами на фоне переломных настроений 60-х годов и потому нашел отражение в литературе того времени.

Ответ современникам Чернышевский облек в форму романа, чтобы обеспечить себе этим широкую аудиторию в будущем[69]. Как позволяет предположить уже подзаголовок романа («Из рассказов о новых людях»), автор в «Что делать?» нарисовал идеальные типы людей, предвещавших лучшее будущее. По Чернышевскому уже существуют люди, обладающие предпосылками в корне изменить Россию; это разночинцы, жившие как свободные люди на собственные заработки[70]. Видимо, автор знал, что ему недостает литературного дара, в связи с чем предпослал роману такие слова: «У меня нет ни тени художественного таланта. Я даже и языком-то владею плохо»[71]. Но содержание было для него важнее формы, он хотел только пророчески провозгласить «истину» о новом поколении.

Но есть в тебе, публика, некоторая доля людей, – теперь уже довольно значительная доля, – которых я уважаю. С тобою, с огромным большинством, я нагл, – но только с ним, и только с ним я говорил до сих пор. С людьми, о которых я теперь упомянул, я говорил бы скромно, даже робко. Но с ними мне не нужно было объясняться. Их мнениями я дорожу, но я вперед знаю, что оно за меня. Добрые и сильные, честные и умеющие, недавно вы начали возникать между нами, но вас уже не мало, и быстро становится все больше. Если бы вы были публика, мне уже не нужно было бы писать; если бы вас еще не было, мне еще не было бы можно писать[72].

Этими словами Чернышевский косвенно противоречит Тургеневу и Писареву. У них перед глазами до сих пор стоял одинокий, трагический герой, который, несмотря на борьбу, ведущуюся собственными силами, не был в состоянии сдвинуть старый мир с мертвой точки. По мнению же Чернышевского, настало время попадания прогрессивных идей на плодородную почву[73]. Поэтому было бы проявлением близорукости видеть в «Что делать?» только роман о женщинах на том основании, что сюжет определяет Вера Павловна Розальская. Скорее уж Чернышевский, опираясь на крупномасштабные дискуссии в радикально-демократических кругах по поводу общественной эмансипации, избрал именно женщину как символ несвободы человека и одновременно возможности высвобождения индивида из оков старого общества[74].

Мы ограничимся сжатым пересказом сюжета романа, не останавливаясь на композиционных подробностях или тех компонентах, которые создают напряженность или вносят уточнения в основные черты характера героев в форме второстепенных деталей. Молодая героиня Вера Павловна

прежде всего показана в родительском доме, который по царящей в нем атмосфере морального разложения близок к «царству мрака», представленному до Чернышевского в пьесах А.Н. Островского. Здесь господствовали насилие, грубость, алкоголизм и алчность. Деспотом является не отец, управляющий домом, а мать, которая накопила «капиталец» нечистыми делишками и залоговыми операциями. Ее красивой и чувствительной дочери она напоминает «дикого зверя», который вызывает одновременно ненависть и сострадание[75].

Мать не скрывает своего злобного отношения к окружающим. Для нее старый порядок означает «грабить, обманывать», а потому она не останавливается перед тем, чтобы свести Веру против ее воли с распутным сыном хозяйки дома Сторешниковым. Однако Вера уже не ощущает себя человеком старого мира, где царило правило «девушка должна слушаться»[76]. Одержимая стремлением к свободе, она оказывает матери упорное сопротивление.

Первоначально единственным выбором для Веры является либо принудительное замужество, либо самоубийство. Ее отчаянное положение меняется только после знакомства с домашним учителем ее младшего брата, студентом-медиком Лопуховым. Он, как и его близкий друг и товарищ по университету Кирсанов, принадлежит к людям «нового типа». Они с воодушевлением посвящают себя наукам, чтобы исследовать природу и поставить ее на службу человеку.

Каждый из них – человек отважный, не колеблющийся, не отступающий, умеющий взяться за дело, и если возьмется, то уже крепко хватающийся за него, так что оно не выскользнет из рук: это одна сторона их свойств; с другой стороны, каждый из них человек безукоризненной честности <...> Недавно родился этот тип и быстро расплодается. Он рожден временем, он знамение времени...[77]

Своими действиями, пророчествует Чернышевский, этот человек оставит след в истории. Все люди увидят в нем избавителя и последуют за ним по пути добра. Употребляя религиозную метафору «избавитель», автор имел в виду постепенную, мирную эволюцию к социалистическим формам жизни, как и ранний социалист Р. Оуэн. Портрет этого деятеля, как указывает Чернышевский, украшал комнату Лопухова, обставленную в целом очень скромно[78].

Студент-медик, будучи представителем «нового типа людей», ведет себя как «рациональный эгоист» и воплощает в себе философские воззрения Чернышевского. Лопухов относится к своим физическим и психическим потребностям в соответствии с материалистическими учениями Л. Фейербаха и Л. Бюхнера, согласно которым человеческую природу определяют потребности бытия. В концепции Чернышевского моральные качества человека метафизически не предопределены как добрые или дурные, а являются продуктом общественных отношений. В духе принципа утилитарности Дж. Бентама и Дж. Милля идеальный с точки зрения Чернышевского человек, каким является Лопухов, ведет себя в соответствии со своими эгоистическими интересами, с собственной выгодой. Благодаря присущему всякому индивиду свойству быть существом социальным, Лопухов также стремится к «добру» в понимании Оуэна или к «блаженству» в толковании Бентама, которое нельзя ограничивать сферой частной жизни. Согласно этой теории, политика и мораль как формы проявления человечес-

кой жизни должны занимать свое место по принципу их полезности для общества. Данный принцип находится в непосредственной связи со счастьем коллектива, которое представляет собой сумму удовлетворенных интересов отдельных индивидов. Таким образом, вдохновленный Бентамом Лопухов Чернышевского стремится сводить свои действия к конечной социальной мотивации и тем самым определять, в чем состоит его собственный жизненный интерес[79].

Поступая так, Лопухов учил тому, что рациональный эгоизм тесно связан с сознанием социальной ответственности. Ибо студент уже решил «... отказаться от всяких житейских выгод и почетов для работы на пользу другим, находя, что наслаждение такою работою – лучшая выгода для него...»[80]. На этом основании Лопухов строит свои отношения с Верой Павловной, в которую влюбляется. Вера также ощущает склонность к нему, когда осознает его сочувствие к недостойному положению женщины в обществе и тем самым к ее собственному отчаянному положению[81]. Лопухов изо всех сил стремится освободить Веру из родительского дома, чего он старается добиться с помощью бракосочетания, впрочем, вразрез с традиционными представлениями о браке[82].

Став мужем, Лопухов сознательно отходит на второй план, даже отказывается от профессионального продвижения и карьеры, чтобы гарантировать жене беспрепятственное развитие ее личности. Таким образом, частная жизнь супругов может складываться по желанию Веры. Между тем молодая женщина стала переимчивой ученицей Лопухова, который наставляет ее с помощью новейших научных трудов и побуждает к долгим дискуссиям о прочитанном. Вера познает, что соблюдение интересов ближнего предопределяет также собственное ощущение безмятежного счастья. Поэтому в основу своих отношений с Лопуховым она кладет те формы поведения, которых тот обычно придерживается при встречах со своим лучшим другом Кирсановым. Они живут в отдельных комнатах; каждый входит в комнату друга только с его согласия; ни один не вмешивается в дела другого. Такой же порядок устанавливается у Лопухова и Веры. Чернышевский целенаправленно отдаляет подобный вид совместной жизни от традиционного быта в супружестве, который Вера теперь отвергает по рациональным соображениям как недостойные принудительные отношения[83].

Рассматривает Чернышевский и тему половых отношений – видимо, вообще впервые в русской литературе. И в этой сфере Лопухов оставляет инициативу за Верой. Сначала супруги живут как брат с сестрой[84], лишь позднее по инициативе Веры начинаются сексуальные отношения[85]. Когда же Вера через некоторое время осознает свою возрастающую любовь к Кирсанову, ее супруг инсценирует самоубийство и уезжает за границу, чтобы освободить Вере путь к Кирсанову, считая, что любовь предполагает предоставление счастья любимой[86]. Впрочем, предпринятый Лопуховым в последующем «рационалистический» анализ их брака приводит его к убеждению, что у Веры под влиянием ее склонностей развились такие интересы, которые все больше отчуждали супругов друг от друга. Тем самым разрыв в конечном итоге оказался актом личного освобождения также и для Лопухова[87]. После того как конфликт посредством обмена мнениями и самоанализа, которому были подвергнуты потребности и мотивы действующих лиц, благополучно разрешен, две супружеские пары – Вера и Алек-

сандр Кирсановы, а также Лопухов и его новая жена – объединяются в атмосфере гармонии и дружбы. Следовательно, семья – наименьшая социальная ячейка общества – символически разрушается Чернышевским как сфера насилия.

Превращение Веры в обладающую развитым самосознанием свободную женщину было бы немыслимо без ее материальной самостоятельности. Лопухов дает Вере советы и поддерживает ее идею создать швейную мастерскую, которую она реализует в соответствии с идеями Ш. Фурье о производственных ассоциациях[88]. В конце концов в женском коллективе оказывается организованным не только труд, но и частная жизнь сотрудниц вплоть до совместного ведения домашнего хозяйства и использования свободного времени. С этого момента отпадают угнетение и эксплуатация человека человеком. Свободная и совместная организация труда представляется превосходным и разумным принципом производства, который в максимальной мере отвечает человеческим потребностям. Соответственно швейная мастерская Веры процветает и уже вскоре становится благоприятной почвой для создания и других предприятий подобного рода[89].

Кстати, личное развитие Веры даже после открытия швейной мастерской не завершено. Общаясь с Лопуховым и Кирсановым, она понимает, что интеллектуально они превосходят ее. Чтобы развить свои способности, Вера начинает успешно изучать медицину. Тут Чернышевский выражает свое отношение к актуальной дискуссии того времени о природе женщины, которая велась, например, публицистом М.Л. Михайловым против консервативных биологических воззрений раннего социалиста Прудона и историка Мишле. Передавая один из диалогов между Верой и Кирсановым, автор заходит так далеко, как это раньше никогда не наблюдалось в России. Чернышевский влагает в уста героя такое объяснение: женщина до сих пор занимала столь подчиненное положение в духовной жизни общества потому, что «господство насилия отнимало у ней и средства к развитию, и мотивы стремиться к развитию»[90].

Оба собеседника затрагивают вслед за этим тему о физических свойствах женщины на основе новейших открытий физиологии и анатомии. Они приходят к выводу, что мужчина, конечно, физически сильнее, однако женщина обладает более высокой сопротивляемостью. Убеждение в собственной слабости навязывается женщинам извне и разрушает их душевные силы. Если бы женщина была экономически независима и занималась творческим трудом, приносящим ей удовлетворение, она нашла бы свое место в жизни, и ее будущее находилось бы в ее руках. Тогда стало бы ясно, что «организация женщины едва ли не выше, чем мужчины, что поэтому женщина едва ли не оттеснит мужчину на второй план в умственной жизни, когда пройдет господство грубого насилия»[91].

В связи с этим Вере не приходилось задумываться над возможной двойной нагрузкой женщины – профессиональным трудом и материнством; она знала, что общежития, образованные по месту проживания, позаботятся о детях и их воспитании в детских садах, об организации их дневного питания и школьного обучения. Таким образом, роман «Что делать?» наглядно показывает, как индивид может постепенно освободиться даже в таком авторитарном обществе, как царская Россия. Путь к успеху – это путь, отвергающий насилие, путь эволюционный[92].

Учение о свободе как оружии в борьбе против общества, подчиняющегося чужой воле, развиваемое Чернышевским в романе «Что делать?» и инспирированное утилитаризмом и ранним социализмом, не останавливается на ассоциативной модели. Автор проводит еще одну линию протеста против самодержавия, вводя в сюжет фигуру аскета Рахметова, который поклялся отказаться от всех жизненных наслаждений, чтобы бороться за «святое дело», за революционный переворот. Рахметов, впоследствии почитаемый в русском революционном движении как идеальный тип профессионального революционера, благодаря руководству со стороны «нового человека» Кирсанова становится «человеком необыкновенным, образцом чрезвычайно редкой породы».

> Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней – теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли[93].

В исследованиях, как правило, упускается из виду то обстоятельство, что Рахметов только после встречи с Кирсановым превращается в последовательного революционного борца (хотя Чернышевский по цензурным соображениям не употреблял таких определений, а описывал их эзоповым языком). «Жадно слушал он Кирсанова в первый вечер, плакал, прерывал его слова восклицаниями проклятий тому, что должно погибнуть, благословений тому, что должно жить»[94].

Рахметов развивает свою общественную позицию в систему, в которую вкладывает все силы. Так, он идет «в народ», усваивает его жизненный уклад, чтобы на собственном горбу почувствовать, сколь бедственно положение народа. Рахметов – это одновременно мученик и пророк; высочайшую нравственность и строжайшее исполнение долга он сочетает с фанатической преданностью «святому делу»[95]. В этом пункте Чернышевский сближается с А.И. Герценом, который тоже требовал, чтобы «офицеров авангарда вел за собой апостол»[96].

Итак, судя по роману «Что делать?» проблемы старого общества могут быть решены двумя путями: во-первых, индивидуальным самопросвещением и разумным жизненным поведением, которое находит свою лучшую форму в коллективе; во-вторых, самопожертвованием во имя целей революции. Чернышевский предполагал, что революция уже совсем близко. Поэтому исход романа определен двумя тезисами: некая «дама в трауре» носит теперь розовую одежду в знак радости от того, что Рахметов вернулся (а это значит, что его миссия исполнена успешно)[97]. В четвертом сне Веры проступает образ некоего нового мира, связанного с представлениями Фурье об идеальной совместной жизни. Человечество способно перенести рай с небес на землю, провозглашает материалист Чернышевский, но при этом он бессознательно остается в плену традиционных христианских представлений об избавлении людей от зла и о торжестве добра[98].

История восприятия романа «Что делать?» читающей публикой имеет длительную традицию. Вряд ли было в русской литературе какое-либо другое произведение, вызвавшее подобный резонанс. Свидетели эпохи отмечали, что и в столицах, и в провинции редко какой роман читали с таким

любопытством. Этой колоссальной популярностью прежде всего была недовольна царская цензура. В начале 70-х годов она констатировала, что роман оказал роковое влияние на молодое поколение. Официальные государственные органы российского общества сходились во мнении, что Чернышевский своим романом призывал к отрицанию господствующей морали брачных отношений, к преобразованию экономических структур страны и к восхищению теми людьми, которые стремятся к свержению существующего общественного устройства. Один профессор Одесского университета (университет в Одессе назывался не Одесский, а Новороссийским. – *Прим. перев.*) попытался даже доказать, что Чернышевский несколько раз нарушил российские законы. Так, незаконно введение в сюжет похищения незамужней особы, двоеженства, вступления в брак без согласия родителей, сопротивления воле родителей, сводничества, использования фальшивых паспортов и т. д.[99]

С позиций царской законности, а также господствующей морали роман явно символизировал порок как таковой. В словесных битвах критиков произведения с его защитниками эмоции приобрели такой размах, что в конце концов консервативный журнал «Домашняя беседа» в 1864 г. выдвинул предложение поместить «новых людей» в исправительный дом:

> Туда их, под строжайший надзор, на монастырский хлеб и воду, копанье гряд и другую черную работу, с непременным обязательством учиться, богу молиться и бывать при каждом богослужении; туда, в исправительные заведения этих эмансипированных супругов, да засадить на урочную работу, да не давать ни есть, ни пить, пока они не выработают себе на дневное пропитание, и пока не выйдет из головы эмансипированная дурь. А если и этим не проймешь, то есть дорога и подальше...[100]

Поклонники же романа превозносили его литературные и идейные достоинства. Наиболее популярную (с точки зрения цензурного ведомства) рецензию на «Что делать?» написал в 1863 г. Д. Писарев. Опубликовать этот отзыв удалось спустя два года в журнале «Русское слово» под измененным названием «Новый тип» (вместо «Мыслящий пролетариат»)[101]. В эти годы прогрессивная молодежь России считала Писарева своим кумиром. Какие же новые представления о ценностях нашел Писарев в произведении Чернышевского?

Писарев написал рецензию на «Что делать?» в 23 года. Вполне правомерно его, как и двух других литературных деятелей, ставших образцами для недовольной реальностью молодежи, – Добролюбова и Чернышевского, упрекают в утопичности тех идеалов, которые они наметили для нового общества[102]. Но было бы совершенно невозможно поколебать существовавшие устои, не опираясь на утопию. Поэтому в тогдашней России не видение новой жизни в совокупности стало двигателем изменений, а только отдельные элементы этого видения.

Писарев придерживался мнения, что на «утопическом объекте» идеальных отношений между Верой Павловной, Лопуховым и Кирсановым обсуждается «реальность». В этой связи интересен тот факт, что, в отличие от оценок, даваемых некоторыми мемуаристами, Писарев не выдвигал на роль главного героя Рахметова. Видимо, Рахметов представлялся ему

удачным продолжением тургеневского Инсарова. Пересаженный в соответствующую социальную и политическую среду, этот ранее блеклый прототип революционера сумел, по мнению критика, развиться в полнокровного героя. Писарев видел в Рахметове фигуру, символизирующую возможность изменения общества[103]. Как мученик, принявший на себя грехи мира, как миссионер, провозглашавший новое Евангелие, он имел, считал Писарев, большое идеологическое значение[104].

Столь подчеркнутым возвышением образа Рахметова публицист, впрочем, сознательно отделял его от «заурядных» фигур романа, которые занимали главное место в его рецензии. Тем не менее критик развивает пророческое содержание романа, перенеся его на действующих лиц брачного сюжета, в которых он желает видеть не более чем средних, обыденных людей[105]. Правда, он признавал, что характеры Веры Павловны, Лопухова и Кирсанова типичны только для небольшой группы людей, одновременно утверждая, что их влияние на молодежь уже превосходит воздействие, оказываемое на нее всеми русскими учеными, писателями и публицистами современности. Подобное воздействие он объяснял тем, что три названные фигуры романа, как и их живые образцы, были привержены новым идеалам, которые уже не связаны с прежними традициями русской культуры[106].

По тому, как Писарев истолковывал представления «новых людей» о ценностях, видно, что его образ мыслей испытывал постоянное влияние общественного развития в Западной Европе. Индивидуальность и продуктивный самоотверженный труд стали для него ведущими понятиями. Особенно высоко ставил Писарев отношение к труду со стороны Базарова. «Новые люди» Чернышевского вполне соответствуют, по мнению Писарева, типу личности Базарова, но действуют они – в противоположность Базарову – не как исключительные персонажи, а как представители социального движения в среде, где уже существуют предпосылки для их беспрепятственного личного развития[107]. Именно в этом новом, противоположном прежнему мире Писарев находил «истину» и отклик на нужды русского народа[108].

В рассуждениях Писарева бросается в глаза прославление силы индивида. Сделав расплывчатую оговорку, что эксплуатацию человека человеком удастся исключить «какими-нибудь» моральными мотивами, он проложил путь к полному расцвету человеческого «я». При этом он проставлял явно иные акценты, чем Чернышевский, для которого гораздо важнее было служение индивида общему благу[109]. Писарев же считает, что «новые люди» готовы принести в жертву себялюбию все прочие ценности. По его мнению, эгоизм является истинной движущей силой жизни, он сохраняет людям молодость, чувства и духовность, является гарантом их счастья. Высшую инстанцию собственного внутреннего мира составляет разум, которым контролируется человеческое «я». Именно разум помогает человеку приспособиться к условиям жизни, однако только после тщательной критической оценки явлений внешнего мира. То, что не поддается познанию собственным разумом, не имеет ценности[110]. Поэтому замысел романа (поучал рецензент свою аудиторию) весьма конкретен. Только самодовольным мещанам сюжет может показаться утопией. Вера Павловна, Кирсанов и Лопухов уже живут по собственным принципам в России[111].

Писарев, возможно, угадал настроения мечтавшей о свободе молодежи. История восприятия романа показывает, что он был принят с воодушевлением, поскольку конкретизировал идеалы, формировал представления о ценностях и открывал новые горизонты. В России, где только в 1861 г. было отменено крепостное право и сделаны первые шаги на пути преодоления рабского сознания, именно молодое поколение искало новые образцы жизни, принципиально отличающиеся от старых традиций. «Что делать?» стало для них одновременно призывом и программой. Индивидуализм, проявляемый героями романа, призывал мужчин и женщин к подражанию. Аскетический этос героя Рахметова проявился лишь позднее, в революционном подполье[112].

2
Новое в области просвещения и в профессиональной трудовой сфере

Представленные героями романов «новые люди» России символизируют новую социокультурную среду, которую критически исследовали творцы этих персонажей. К этой среде принадлежали такие же писатели и публицисты, как и Чернышевский, Добролюбов или Панаева. Их литературные сюжеты происходили из той же среды, как и они сами, т. е. носителями сюжетов являлись разночинцы. В этом зыбком, неоднозначном с юридической точки зрения понятии, определявшем лиц, не входящих в сословия дворянства, духовенства, мещанства и крестьянства, отражалась затяжная, начавшаяся в XVIII в. социальная дифференциация, получившая очередной толчок при освобождении крестьян в 1861 г., а также в результате связанных с ней законодательных реформ и стимулов для ускорения индустриализации. К слою разночинцев относились сыновья священников, отказавшиеся от духовного поприща, а также обедневшие дворяне, зарабатывавшие на жизнь вне рамок сельского хозяйства или государственной службы, затем выходцы из крестьянской и купеческой среды, если они не продолжали трудовую деятельность родителей. Во второй половине XIX в. понятие «разночинец» все чаще стало увязываться с высшим образованием и обозначать недворянские образованные слои как сферы зарождения «буржуазной» интеллигенции, состоявшей прежде всего из представителей свободных профессий[1].

В исследованиях неоднократно указывается на то, как трудно, учитывая специфику общественного развития России, описывать перерастание «интеллигенции» из группы единомышленников (а именно, вольнодумных представителей дворянства) в особый социальный слой. Поскольку интеллигенция не выработала профессионально-сословного сознания, этому понятию недостает «семантической стабильности»[2]. Было бы ошибкой искать в русском обществе XIX в. слои образованного бюргерства западноевропейского образца. Д. Гейер показал, что к сфере так называемых свободных профессий понятие «интеллигенция» не прилагалось. Наряду с социологическим содержанием в значении этого слова всегда сохранялся и идеологический компонент[3]. Еще до того как понятие «интеллигенция» стало употребительным (с 60-х годов XIX в.), носители образования, про-

никнутого влиянием Западной Европы, заняли позицию отчужденности от самодержавного государства, которая сочеталась с чувством вины по отношению к собственному угнетенному и эксплуатируемому народу. Уже представители поколения А.И. Герцена (1812–1870) сознавали, что Российская империя распалась на две культуры: носителями всех высоких, оплодотворенных цивилизацией ценностей, как и деятелями всякого рода политики, были члены обосновавшегося «общества», которому противостоял томящийся в нужде и невежестве «народ». Причиной этого феномена был чрезвычайно затянувшийся распад русского аграрного общества, существовавшего до наступления Нового времени. Только после отмены крепостного права, по мере медленного становления среднего слоя общества, эта раздвоенность стала устраняться[4].

Интеллигенция, ряды которой во второй половине XIX в. все чаще пополнялись представителями недворянских слоев, на первом этапе стремилась определиться как «совесть нации», следуя идеям миссионерства в этой области. Осознавая свое привилегированное положение, «интеллигенты» усердно выступали с конструктивными размышлениями относительно нового, демократического, будущего России[5]. Затяжной период перехода от сословного уклада к классовому обществу, а также стремление самодержавия повсеместно заблокировать этот процесс там, где он мог бы содействовать появлению независимых политических организационных форм, препятствовали образованию свободных ассоциаций вплоть до начала XX в. и среди ученых. Поэтому в исследованиях, посвященных этому периоду, подчеркивалось, что «политизированной фракции образованной части населения» удалось принципиально узурпировать понятие интеллигенции; затем она в сознании как современников, так и потомков стала считаться pars pro toto (частью от целого)[6]. Этому идейному течению были присущи морализирование, ригоризм, аскетизм и субъективизм – поза изгоев, близких по своему образу мыслей и выступавших против дворянской среды, но еще не обретших самодостаточного буржуазного существования в пореформенную эпоху[7].

Возникновению образованного сословия противодействовало в социальном отношении то обстоятельство, что после падения крепостного строя образование и государственная служба в России оставались теснейшим образом связанными. Университет должен был готовить молодежь мужского пола прежде всего к вступлению на различные государственные должности с получением соответствующих чинов. Чем выше было образование, тем выше была и ступень государственной службы. Академическое образование и чин были критериями принадлежности к тому или иному сословию. Можно было заслужить дворянское достоинство или, по меньшей мере, подняться на уровень привилегированных подданных, получив звание почетного гражданина[8]. Как ни узки были в дореволюционной России возможности изменения социального статуса и продвижения вверх из-за живучести сословно-правового порядка, все же во второй половине XIX в. непрерывно росла доля населения, которая рассталась со своей традиционной почвой в сословной иерархии и вписалась в социальный строй, в котором место индивида определялось профессией и функцией в далеком от сельского хозяйства производственном процессе[9].

Интеллигенцией, «новыми людьми», гражданами «новой» или «молодой» России, «мыслящими пролетариями», жившими на трудовой заработок, в нацеленной на реформы публицистике того времени считались россияне, сумевшие добиться успеха в социальной сфере благодаря академическому образованию и ставшие представителями свободных профессий. С учетом этого следует согласиться с Дж. Фишером, что образ Базарова является прототипом новой, социологически толкуемой «интеллигенции». Базаров, по мнению Фишера, стоит у истоков специфически российской модернизации, которая принципиально отличается от западного пути к индустриализации ввиду отсутствия в России сильной и политически влиятельной буржуазии. В этой стране не делец-коммерсант был первоосновным символом подъема буржуазии на уровень политического фактора[10]. Таковыми главным образом были люди новых профессий – адвокаты, экономисты, врачи или инженеры, и именно в рамках этих профессий складывались буржуазные представления о ценностях индивидуализма, рациональности, функциональности и проявлялись признаки культуры труда Нового времени. Следующее за Базаровым поколение по сути уже представляло профессионализированный средний слой, который в 1905 г. в ходе первой русской революции выступил как носитель либеральных или радикально-демократических представлений и создал свои политические организации[11].

Спрос на квалифицированную рабочую силу был вызван модернизацией, начавшейся с освобождением крестьян. Поскольку в рамках крепостного строя дворянам-землевладельцам поручались важные государственные функции, то в 1861 г. после его отмены оказалось необходимым перестроить органы управления на местах, а также провести реформу судопроизводства. Поэтому к великим реформам Александра II относилась и предпринятая в 1864 г. организация местного самоуправления – земства и его органов. В функции земства входило решение всех общественных задач в области инфраструктуры, социального обеспечения, здравоохранения, местного экономического развития и расширения начального школьного просвещения. Для выполнения этих задач требовались кадры специалистов в новых областях, Россия же такими кадрами не обладала. Далее была необходима реформа в сфере юстиции. Она была проведена в том же 1864 г. на основе принципов нового правового государства и открыла юристам широкое поле профессиональной деятельности, несмотря на то что сохранялись особые формы правосудия, такие как административная ссылка. Введение закона о всеобщей воинской повинности в результате коренной военной реформы 1874 г. создало организационные предпосылки для создания современной массовой армии. Образование имело значение и в этих рамках. Во-первых, гражданам с высшим образованием назначался гораздо более короткий срок несения военной службы по сравнению с лицами, имевшими лишь начальное образование, что повышало заинтересованность в высшем образовании; во-вторых, военный министр Д.А. Милютин придавал особое значение реформе по подготовке офицерских кадров, предполагая тем самым создать новую смену офицерскому корпусу. В целях достижения новой структуры городского управления в 1870 г. было издано распоряжение, налагавшее на города и земства обязанность развивать строительное дело, гигиену, торговлю и ремесла, школьное дело и т. д.[12]

Поражение России в Крымской войне в 1856 г. окончательно открыло глаза царскому правительству на то, что господствующему положению самодержавия как во внутренней, так и во внешней политике грозит опасность из-за общей отсталости страны. Военное фиаско оказалось результатом того, что царская Россия не принимала участия в промышленном развитии Западной Европы первой половины XIX в. и не создала армии нового типа. Долговременная экономическая стратегия, основанная на освобождении крестьян и повышении уровня образования населения, была ориентирована на достижение уровня ведущих европейских государств. Правда, на раннем своем этапе российская индустриализация вынуждена была преодолевать препятствия из-за таких свидетельствующих об отсталости явлений, как отсутствие свободного предпринимательства и сохранявшаяся и после крестьянской реформы деревенская община, но все же принятие ряда государственных мер (ускорение строительства железных дорог и динамичная финансовая политика) вскоре стимулировало разведку полезных ископаемых и создание новых промышленных центров. Впрочем, растущее использование паровой силы и развитие машинного производства не могли скрыть того факта, что Россия слишком вяло преодолевала устаревшую экономическую структуру, определяемую сельским и городским кустарным производством. Только в 90-е годы были созданы предпосылки для наступления «периода подъема предпринимательства» с быстрым ростом промышленного производства. В 1908–1913 гг. последовал второй промышленный подъем[13].

Решение о модернизации экономической структуры и связанное с ним преобразование общественных задач вызвали необходимость ускоренного развития структур просвещения. Широкая дискуссия по вопросам образования началась накануне великих реформ. В 1863 г. был издан новый университетский устав. Он открывал свободный доступ в университеты для всех и гарантировал некоторую ограниченную автономию. Для женщин, однако, высшие учебные заведения оставались закрытыми, а студенческое самоуправление по-прежнему находилось под запретом.

Были реформированы начальное и среднее образование. Устав народных училищ от 1864 г. имел целью преодолеть огромное отставание образования в России. В том же году были изданы новые уставы для семилетних гуманитарных гимназий и четырехлетних, ориентированных на естественные науки прогимназий. В 1856 г., накануне реформ, в Российской империи существовало в целом 8277 школ, в которых обучалось около 450 тыс. учеников и учениц. К 1900 г. число государственных и церковных учебных заведений возросло до 800 тыс., а учеников и учениц – до 4,2 млн. И все же во всей Российской империи, включая принадлежавшую ей часть Польши, обучались грамоте всего около 21% населения, а именно 29% всех мужчин и 13% женщин[14].

Из учреждений среднего школьного образования к 1856 г. имелось всего 78 мужских гимназий, в которых обучалось 19,5 тыс. учеников, а к 1913 г. – уже 460 мужских гимназий и прогимназий и 152,1 тыс. учащихся. Социальный состав этих учащихся до конца века принципиально не менялся: еще в 1894 г. более 50% являлись выходцами из семей дворянства и чиновничества. Только к 1914 г. соотношение изменилось в пользу средних и низших слоев: около 37% учащихся происходили из городского населения

и 20% – из крестьянства. Социальный состав соответствовал характеру гимназий как элитных школ прусского образца. Здесь главное внимание уделялось языкам, между тем как естественные науки и математика занимали сравнительно скромное место в обучении. Несмотря на формальную отмену сословных ограничений, государство не было намерено оставлять детей недворянского происхождения в стенах гимназий. Этой цели служил и новый устав гимназий 1871 г., закреплявший ведущую роль классических языков и продлевавший школьное обучение. В 1872 г. устав дополнился введением обязательного экзамена на аттестат зрелости. Только такой аттестат давал право на посещение университета. Педагогической задачей гимназии было привить учащимся этические ценности и на этой основе сделать из них лояльных слуг государства. В противоположность этому набор дисциплин реформированных в 1872 г. реальных училищ был ориентирован на преподавание технических предметов и на практическую деятельность. В ходе развития средних школ число учащихся реальных училищ выросло с 8 тыс. в 1876 г. до 81 тыс. к началу Первой мировой войны. Именно в реальных училищах социальный состав изменился в пользу средних и низших слоев населения[15].

Доступные данные о женском просвещении показывают, что и девочки активно участвовали в развитии системы образования. В 1873 г. в гимназиях и прогимназиях обучалось всего 23 тыс. учениц, причем уровень их обучения уступал уровню в мужских школах. К 1913 г. число учениц выросло до 303,7 тыс. – поразительный результат в сравнении со 152,1 тыс. гимназистов мужского пола в том же 1913 г. Данные о социальном составе показывают, что доля девочек из дворянства и чиновничества к 1914 г. снизилась до 21,7%, в то время как 44,6% всех учениц происходили из городских и 25,5% из крестьянских семей[16]. Отсюда видно, что в гимназиях и к этому времени в числе учащихся из высших слоев общества все еще больше было мальчиков, чем девочек. Если суммировать различные формы среднего школьного образования мальчиков и девочек на 1897 г., то можно увидеть, что средним образованием были охвачены приблизительно 528 тыс. учениц и 717 тыс. учеников, причем в числе последних было около 72,5 тыс. воспитанников военных учебных заведений[17].

Стремление к профессионализму принесло в конечном итоге значительное повышение доли элитарного слоя общества, имеющего высшее образование. В области высшего образования в университетах Российской империи наметился рост числа студентов с 4084 в 1864 г. до 35 700 в год перед началом Первой мировой войны. Обзор социального состава дает понять, что как и в средних школах, доля слоев недворянского населения в университетах становилась все выше по сравнению с прежней элитой: если дворянских детей в 1880 г. было 46,7%, то к 1913 г. их стало около до 36%. Из городских слоев в 1913 г. происходили 35,2% студентов университета, из крестьянских – 13,3%[18].

В высших учебных заведениях технического профиля дети городского и сельского (крестьянского) происхождения в соответствии с социальным составом реальных училищ выдвигались на передний план в еще большей мере, чем в университетах. В соответствии с теми задачами, которые проводившее политику индустриализации государство ставило перед высшими учебными заведениями, со времени великих реформ непре-

рывно возрастало и количество высших школ технического профиля. К 1912/13 акад. г. в них обучалось более 35 тыс. студентов, а в 1914 г. в 105 высших технических учебных заведениях и университетах царской России насчитывалось около 127 тыс. учащихся, в числе которых были и студентки[19].

Дифференциация этих данных (рассмотрение их с учетом соотношения учащихся обоих полов) показывает, что степень участия женщин в получении образования была достаточно высокой, на что исследователи до сих пор почти не обращали внимания. Не случайно Р.А. Даджон (Dudgeon) озаглавила свою работу о высшем образовании женщин в России «Забытое меньшинство» («The Forgotten Minority»). Несмотря на то что в течение многих десятилетий в области академического образования для лиц женского пола действовали государственные ограничения, все же в 1913/14 акад. г. в учебных заведениях университетского уровня (включая и соответствующие институты) обучалось около 41 тыс. мужчин и 35 тыс. женщин. По соотношению лиц, обучавшихся в высших учебных заведениях всех типов, доля женщин в 1914/15 акад. г. составляла около 30%, так что русские студентки относились к авангарду женского высшего образования в Европе[20].

Необычайно высокий показатель числа образованных женщин в Российской империи был результатом взаимодействия либеральных и радикально-демократических сил с движением за женскую эмансипацию. Как ни велика была потребность государства в работниках умственного труда со времени великих реформ, все же идеологическое сопротивление полной профессиональной эмансипации женщин со стороны консервативных сил удавалось преодолевать лишь с большим трудом. Тем не менее шаг за шагом женщинам все же открывался доступ к профессиям, требующим высшего образования, прежде всего потому, что многие, защитив в 60-е годы докторские диссертации, доказали русскому обществу свою способность к выполнению умственного труда высокого уровня[21].

Оценить профессиональную деятельность интеллигенции в статистическом плане довольно сложно. Ввиду различных определений понятия «интеллигенция» данные расходятся в зависимости от включаемых в рассмотрение лиц с высшим образованием[22]. Советский историк Л.К. Эрман использовал для своего исследования первую всеобщую перепись населения 1897 г. В ней интеллигенция разделена на три большие группы. Первая охватывает лиц, занятых в сфере материального производства (инженеры, техники, работники железнодорожного и почтового ведомств, агрономы). Эта группа насчитывала 61 тыс. человек, в том числе 57 тыс. мужчин. Вошедшие в этот список 3845 женщин в основном были заняты на почте и телеграфе. Ко второй группе, относящейся к области культуры (педагогические, медицинские, научные и художественные профессии), принадлежали около 263 тыс. человек, из них 178 тыс. мужчин и 85 тыс. женщин. Этот высокий показатель доли женщин (32,3%) объяснялся тем, что в сфере просвещения они занимали 61% рабочих мест. В профессиональной деятельности, связанной с искусством и литературой, женщины занимали треть всех должностей. В медицине этот показатель составлял 25,5%; впрочем, сюда относится и младший медицинский персонал[23]. Третья группа интел-

лигенции (чиновники, служащие частных предприятий, юристы) охватывала около 726 тыс. человек, причем в данном случае женщины не играли сколько-нибудь заметной роли, поскольку доступ к государственной службе и юридическим должностям был для них закрыт. Только в управлении частной экономикой было занято около 10 тыс. женщин (0,5%). Правда, эти цифры не должны создавать ложное впечатление, отвлекая от того факта, что доля интеллигенции в составе всего населения к 1897 г. была еще очень мала, всего 0,9%, несмотря на значительные показатели прироста в отдельных профессиональных областях[24].

В ходе усиленной индустриализации до начала Первой мировой войны наблюдался постоянный рост профессионалов высокой квалификации. Так, в медицинском секторе число врачей с 1897 по 1914 г. выросло с 17 тыс. до 43 тыс.; в числе последних было 3120 женщин. В среднем медицинском персонале рост фельдшерского состава характеризуется такими показателями: 18,4 тыс. в 1895 г. и 28,5 тыс. (из них 5,8 тыс. женщин) – в 1912 г. Кроме того, к этому моменту имелось 14 тыс. специально обученных акушерок[25]. Учительский состав средних школ за период с 1900 по 1914 г. увеличился втрое, достигнув 37 тыс.; в народных училищах (не считая церковных) этот показатель поднялся приблизительно с 60 тыс. до 132 тыс. Проявилась тенденция к феминизации профессии учителя: во всех народных училищах Российской империи (включая церковные) работали к 1911 г. 70 тыс. мужчин и 83 тыс. женщин[26].

Эти показатели свидетельствуют о том, что усиливавшаяся профессионализация русской интеллигенции привела только к первым проявлениям нового профессионально-сословного сознания. Система повышений на государственной службе, основанная на получении высшего образования, и связанное с этим возведение в дворянство способствовали тому, что образованная часть чиновничества как и прежде входила в состав дворянского сословия[27]. Но даже там, где выпускникам высших учебных заведений открывались новые широкие профессиональные возможности, развитие сословного сознания в рамках интеллигенции тормозилось дроблением на профессиональные группы, что происходило независимо от становления профессионально-сословной автономии[28]. Размежевание интеллигенции на преданную государству, соблюдающую соответствующую дворянскому сословию этику, с одной стороны, и возмущенную произволом самодержавия – с другой, можно продемонстрировать на примере русских деятелей юриспруденции: именно группа адвокатов связывала рост своего самосознания с притязаниями на защиту принципа правового государства против закоренелой консервативности строя и государственных репрессий[29].

На примере врачей также можно четко проследить, какие противоположные силы существовали в российском образованном обществе. На рубеже веков государственная служба еще привлекала значительную часть врачебного персонала, хотя все же наблюдалась и тенденция к ее уменьшению: в 1889 г. она составляла свыше 40%, а в 1903 г. только 34,3%. В начале XX в. около 16% медиков служили в городских и частных учреждениях и около 45% – в земских управлениях. Земские врачи вели отчаянную борьбу как против обусловленного структурой здравоохранения недостаточного

медицинского обслуживания населения, так и против бюрократического равнодушия. Именно поэтому медицинский персонал земств пользовался растущим уважением либеральной общественности. Земские врачи стали определяющими фигурами среди медиков, организованных в профессионально-сословные объединения. Но одновременно эти специалисты заботились о том, чтобы решению общественно-политических проблем отдавалось предпочтение перед сословной политикой[30].

Наконец, многочисленные образованные представители свободных профессий начиная с 1905 г. сплачивались в легальные политические движения. Организациями женского движения руководили также деятельницы с университетским образованием. Существование таких формирований и социополитическое профилирование профессиональных групп были бы немыслимы без нового профессионального кредо, принципиально отличного от чиновничьего духа. Труд, основанный на высокой квалификации, обрел самостоятельную ценность; личное участие в таком труде определялось его эффективностью, индивидуальная свобода и общественный радиус действий считались предпосылкой для успешной работы. Такое самосознание, основанное на профессиональной квалификации и социальной ответственности, развили в себе и многие женщины. Тем самым «новый человек» выступал в Российской империи как представитель социальных перемен и переживающей свое становление гражданской культуры, которая в специфических условиях России от каждого индивида требовала особой степени гражданского мужества[31].

3
Зарождение «встречной» культуры

Крымская война внесла сильнейшее беспокойство в образованные круги России. В условиях николаевской империи независимое мнение формировалось только в частных салонах столиц или в провинциальных имениях дворян; именно там интеллигенция вела страстные дискуссии о причинах военных катастроф. Конечно, диспуты проходили и под знаком противостоявших друг другу философских течений западников и славянофилов, но не менее важно, что в этой общей среде образованных на западноевропейском уровне и страдавших от полицейского террора и цензуры людей все же господствовало согласие во мнении, что не сила и отвага английских и французских армий победили в войне Россию, а свойственные этим передовым государствам «дух и рассудок»[1]. Угнетение интеллектуальной свободы, а также тот факт, что представители интеллигенции не привлекались к решению политических проблем Российской империи, рассматривались как основные причины того, что стране приходилось прозябать в отсталости. Представители интеллигенции стремились к либерализации и становлению форм общения по западноевропейскому образцу, чтобы преодолеть казарменный дух, царивший в интеллектуальном климате России при Николае I. Вступая в правление страной, царь Александр II 30 марта 1856 г. на собрании дворянских предводителей заявил о необходимости отмены крепостного права. Движущей силой этого решения была не столько его позиция приверженца последовательной модернизации, сколько страх

перед дальнейшей утратой власти самодержавием, положение которого было расшатано еще и крестьянскими волнениями. В обстановке предстоящей аграрной реформы среди дворянства получило распространение ощущение угрозы собственному существованию, поскольку крепостное право наделяло дворянина-помещика как правом владения крестьянами, так и правами и обязанностями в области сбора налогов и полицейского надзора, что составляло бесценную привилегию и было источником сознания своего высокого статуса[2].

Растущее сознание наступившего кризиса, которое охватывало все более широкие круги помещичьей среды, имело, однако, и положительный результат, поскольку способствовало политизации дворянства. Политические резолюции и либеральные программы реформ, обсуждение которых стало возможно в 1856 г. после ослабления цензуры в прессе, содействовали возникновению общественности, уже не ограниченному пределами крупных городов, а во все большей мере охватывавшему и провинцию. Традиционные формы общения, основанные лишь на личных связях, были отодвинуты на задний план, и появилась такая общественность, которая научилась выражать также и корпоративные интересы. Новые дискуссии повысили значение прессы. Вскоре независимая от правительства публицистика стала столь значимой, что пресса начала не только восприниматься современниками как знамение новой общественности, но и ставиться с ней в один ряд[3]. Растущий интерес к письменному слову дал о себе знать в расширении рынка книг и периодики. Если в 1847 г. в царской России (не считая подчиненных ей областей Польши) было издано всего 917 названий (включая и переводы) минимальными тиражами, то с 1860 г. количество публикаций постоянно росло: в 1860 г. оно достигло 2 тыс., в 1867 г. – 3,4 тыс., в 1877 г. – 5,4 тыс., в 1895 г. – 11,5 тыс., в 1904 г. – 15,8 тыс. Изменились и жанры литературы. Наряду с художественными и духовными произведениями издавались школьные учебники и научная и научно-популярная литература. Одновременно в городах появились библиотеки и книжные лавки. Если в 1864 г. существовало всего 63 книготорговых фирмы, то в 1874 г. их было 611, а в 1893–1894 г. около 1,7 тыс. (включая российскую часть Польши); к ним следует добавить фирмы, которые продавали печатную продукцию наряду с другими товарами.

Но главным источником информации и развлечения читателей была периодика. Таких изданий в 1860 г. насчитывалось 170, в 1870 г. – 335, а в 1880 г. – 485[4]. Их тиражи мало что говорят о степени их распространенности, потому что как раз среди малоимущих, таких как студенты, а также среди соседей и друзей было обычным явлением передавать газеты и журналы из рук в руки. Социальный состав читающей аудитории во второй половине XIX в. менялся благодаря повышавшемуся уровню образованности недворянских слоев. Изменения свидетельствовали о том, что социальные и культурные преграды, свойственные периоду, предшествовавшему Новому времени, стали безвозвратно рушиться. Происходило это в ходе усиливающихся экономических преобразований, урбанизации и профессионализации[5].

В начале правления Александра II все заслуживающие упоминания журналы и газеты, прежде всего выходившие в Лондоне «Полярная звезда» и «Колокол» Герцена, более или менее радикально поддерживали

политику реформ. Это же можно сказать о «Современнике» и «Русском слове», которые превратились в наиболее влиятельные «левые» журналы. Их радикальная тенденция вскоре втянула редакторов в ожесточенную борьбу против государственной цензуры. Но после Крымской войны всеобщая «оттепель» благоприятствовала ознакомлению русского общества с иностранной литературой. Теперь оказалось возможным представить русской читающей публике наиболее значимые труды западноевропейской истории духовного и экономического развития. Этой задаче демократически мыслящие публицисты посвящали себя со страстью[6].

Журналы спорили между собой о верном пути и о том участии, которое надлежит принимать читающей публике в идеологических стычках. Споры зашли так далеко, что цензор Ф.П. Еленев в 60-е годы пришел к такому заключению:

> У нас, где на самом деле не существует никаких политических партий и не допускается никакая оппозиция правительству, на деле существовала оппозиция гораздо более обширная и деятельная, чем в каком бы то ни было конституционном государстве, оппозиция, захватывавшая в свои сети всю читающую Россию и доходившая в некоторых изданиях до отрицания государственной власти и частной собственности. Нравственные учения, распространявшиеся этими изданиями, чаще всего сводились к издевательству над религией, к невменяемости преступлений и к эмансипации женщин от семейных уз и обязанностей[7].

Тот же Еленев в 80-е годы считал, что такие журналы, как «Современник», «Русское слово», «Голос», утратили свое влияние, а вместо них по всей стране распространяют идеи бесчисленные периодические издания, следующие новому литературному направлению. Все бóльшую роль начинали играть в общественной публицистике женщины: «Многие литературно-политические журналы издаются и редактируются дамами и девицами, и это, почти без исключения, журналы с дурными направлениями»[8].

Но то, о чем вспоминал цензор, выражая беспокойство по поводу благополучия государства, доставляло поистине огромную радость при взгляде в прошлое такому радикально-демократическому представителю интеллигенции, каким был публицист Н.В. Шелгунов (1824–1891), который в конце 50-х годов, воодушевленный новыми возможностями выступать в общественной среде, уволился с государственной службы. В то время как умеренные лица сетовали на то, что прославляются недоступные разуму стремления к свободе, решительные противники самодержавия впадали в настроение настоящей эйфории[9]. Теперь, после смерти ненавистного Николая I, в преддверии отмены крепостного права показалось, что свобода и человеческое счастье совсем близки, что столь желанный прогресс уже набирает силу.

> Это было удивительное время – время, когда всякий захотел думать, читать и учиться, и когда каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотел высказать это громко. Спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать. Порыв ее был сильный и задачи громадные. Не о сегодняшнем дне шла тут речь, обдумывались и решались судьбы будущих поколений, будущие судьбы всей России, становившиеся в зависимость от того или другого разрешения реформ[10].

Как Герцен в Лондоне, так и Чернышевский в С.-Петербурге требовали для русского народа «света и права». Злейшим врагом России эти интеллектуалы считали царившие тупость и апатию, в которые страна впала из-за необразованности народа. Александр II представлялся им освободителем, которого они приветствовали в надежде на лучшее будущее. Кое-кто видел в новом царе второго Петра Великого, вновь прорубающего окно на Запад, чтобы со всей силой бороться против отсталости[11].

Под впечатлением политической либерализации и дискуссий о предстоящей реформе Н.А. Добролюбов, с 1856 г. сотрудник «Современника», полагал, что в мышлении образованного общества произошли фундаментальные перемены. Скрывавшиеся ранее интеллигенцией мысли о свободе и прогрессе стали, казалось, общим достоянием; в России воцарился новый дух, позволивший «новым людям» выступать перед общественностью. Шелгунов в своих мемуарах отметил, каким образом духовный климат начала 60-х годов изменил отношения между читателями и авторами:

> В шестидесятых годах, точно чудом каким-то создался внезапно совсем новый, небывалый читатель с общественными чувствами, общественными мыслями и интересами, желавший думать об общественных делах, желавший научиться тому, что он хотел знать. Когда можно было верить, что высекли Пушкина, у нас была только литература <...>; теперь же явилась печать, то есть литература общественно-воспитательная, литература поучающая и учащая, а писатель, как творец этой литературы, стал общественным учителем, воспитателем и пророком, открывавшим горизонты будущего, указывавшим идеалы и цели стремлениям. Отношения между читателем и писателем установились теперь вполне практические, осязательные, так сказать, земные, утилитарные; писатель перестал только развлекать праздный досуг – он стал наставником и учителем общественного строительства[12].

Когда Шелгунов выражал таким образом свои взгляды, вероятно, перед его мысленным взором стояли три крупнейших литератора конца 50 – начала 60-х годов, почитавшихся радикально-демократическими силами (к которым принадлежал и сам Шелгунов) именно как «новые люди», или «реалисты». Эти три литератора – Чернышевский, Добролюбов и Писарев. Между категориями «новые люди» и «реалисты» существовала тесная связь. И, напротив, ошибочным было применять по отношению к представителям нового публицистического направления понятие «нигилист», ставшее популярным после выхода романа Тургенева «Отцы и дети».

Понятие «нигилизм» существовало в России уже в первой половине XIX в., хотя и не получило четкого смыслового определения. Под «нигилизмом» подразумевался, как правило, общий, инспирированный идеями Просвещения скептицизм. В 1861 г. Катков, издатель консервативного журнала «Русский вестник», полемически употребил слово «нигилизм» по отношению к радикально-демократически настроенной молодежи, чтобы засвидетельствовать ее «внутреннюю пустоту»[13]. В ходе общественной дискуссии об образе Базарова укрепились представления о том, что именно должно ассоциироваться с «нигилизмом». Как уже было показано, Писарев толковал «нигилиста» Базарова как идеал «нового человека». В 1865 г. Писарев в своей рецензии на роман «Что делать?» выразил мнение, что такой тип человека нашел воплощение в образе врача Кирсанова. Тем самым Писарев придал явлению, которое должен был обозначать термин

«нигилизм», обращенное в будущее положительное второе значение в дополнение к первому, хотя сам критик избегал употреблять это слово и желал, чтобы почитаемых им литературных героев того же типа воспринимали как «реалистов». По реакции на «Что делать?» он мог понять, что консервативное общество крайне резко протестует против типа «нового человека» и, чтобы покончить с влиянием «нигилистов», обвиняет и литературные произведения в бессмысленном и разрушительном отрицании окружающей действительности[14].

Эта критика попадала в самую точку, поскольку, во-первых, новое «нигилистическое» направление, используя невиданные ранее бескомпромиссные приемы, стремилось разоблачить существовавшее в России общество как несвободное и аморальное. Во-вторых, это интеллектуальное течение было проникнуто стремлением к свободе, которое, правда, придавало отрицанию действительности травмирующую остроту, но одновременно и выходило за рамки голого отрицания. Мотивировалось это стремление к свободе принятием основополагающих гражданских ценностей. Уровень развитости индивидуальности человека рассматривался как мера всех вещей. В-третьих, для «нигилизма» была характерна ориентация на будущее. Его приверженцы пропагандировали распространение образования и науки как предпосылку личной свободы, как общественный прогресс. Вершиной «нигилизма» как индивидуального мятежа личности в противоположность голому отрицанию было мысленное представление о «новом человеке» как особом типе личности. В той мере, в какой представления о будущем общественном строе России оказывались предметом дискуссии, они ориентировались на две различные модели: под влиянием Чернышевского и Добролюбова обрели новое влияние ранние социалистические и аграрно-социалистические концепции, между тем как Писарев и его сторонники, группировавшиеся вокруг журнала «Русское слово», ориентировались на западноевропейское индустриальное общество.

Наконец, в-четвертых, критическое осознание «нигилизма» предусматривало его воздействие на общество. Привлекая прежде всего молодежь и наделяя ее новым самосознанием, которое стремилось к тому, чтобы «жить» также по этим новым установкам, «нигилизм» не просто оставался интеллектуальным течением, а перерастал в антиавторитарное общественное движение. Радикальный разрыв с менталитетом верноподданнического общества стал основным для «встречной» культуры. С тех пор культивировался новый стиль мышления и жизни, оказавший непрекращающееся воздействие на часть молодой интеллигенции. Она воздвигала между собой и самодержавным строем культурный барьер, который становился непреодолимым благодаря новому чувству собственного достоинства и принципиальной возможности принимать участие в жизни общества по собственному разумению. Усиливающиеся политические репрессии против этой среды в 60-годы в гораздо большей мере укрепляли новое, выросшее на почве фундаментально-критического отношения к прежнему строю коллективное сознание, чем разрушали его. Пока государственные репрессии продолжались, а традиционные представления о ценностях без изменений господствовали в семье, сохранялись стремление молодых людей к самоосвобождению и их поиски альтернативной социализации. Система ценностей, объединявшая между собой этих «новых людей», основывалась

на безграничном соблюдении принципов индивидуальности, равенства, свободы и человеческого достоинства[15].

Как бы ни различались между собой в последующий период профессиональные и политические пути «нигилистов» и «нигилисток», все же связующим фактором для этой группы русского общества оставалось их радикально-демократическое мировоззрение, бросавшее вызов унаследованным структурам системы и не разрешавшее отдельному индивиду уединяться от мира. Даже те, кто после студенческих лет, подчас полных конфликтов, находили свое место на государственной службе, часто продолжали придерживаться новейших представлений о ценностях и старались сочетать доверенное им профессиональное поприще со своими представлениями. Другие группы общества, которым режим воспрепятствовал сделать успешную профессиональную или политическую карьеру (это особенно относится к женщинам), из сложившейся ситуации черпали моральное право на широкое участие в общественной жизни с ее идеалами свободы, равенства и просвещения народа. Часто такие люди не останавливались даже перед угрозой собственному существованию.

М. Конфино, проявив большую интуицию, показал, как на основе позиции протеста студентов, частично охватившей также учеников и учениц средних школ, возникла «встречная» культура[16]. Предпосылкой ее появления послужило то обстоятельство, что индивидуальный мятеж, развязанный «нигилизмом», благодаря своим масштабам обрел социальное измерение. Мятежная молодежь, следуя призыву взрывать господствующую мораль, объявила «войну всему, что можно обозначить "условной ложью культурной жизни"»[17].

Параллельно с отрицанием молодежь выработала жизненную позицию по отношению к положительному идейному содержанию «нигилизма»:

> Его [«нигилизма»] отличительной чертой была абсолютная искренность. И во имя ее «нигилизм» отказался сам – и требовал, чтобы то же сделали другие – от суеверий, предрассудков, привычек и обычаев, существования которых разум не мог оправдать. Нигилизм признавал только один авторитет – разум, он анализировал все общественные учреждения и обычаи и восстал против всякого рода софизма, как бы последний ни был замаскирован[18].

К новым правилам поведения относилось также резкое осуждение роскошного образа жизни. Нестандартная, нарушающая правила приличия вплоть до неряшливости внешность индивида тоже была признаком «нигилиста», как и вызывающее и даже грубое поведение, основанное на равенстве и свободе отношения к другому полу, употребление принятых в интеллектуальной среде жаргонных выражений, базаровское отношение к труду и, не в последнюю очередь, крайнее недоверие к старшему поколению. Конфино определил возрастную группу такой молодежи годами рождения примерно от 1838 до 1842 г., время получения ею среднего образования – 50-ми годами, т. е. еще до школьной реформы, а поступление в университеты – приблизительно 1858 г. Кроме того, он обнаружил, что большинство «нигилистов» происходили из среднего дворянства и пока жили в родительском доме, подчинялись нормам поведения, определяемым родителями[19]. Их стремление к альтернативному образу жизни,

в котором их поддерживали «реалисты», привело к интересному психосоциальному феномену – желанию сближения в своем поведении с разночинцами, прежде всего с бедными сыновьями священников. Студенты отдавали предпочтение их догматическому, полному нетерпимости к другим образу мышления, обретенному ими в духовных семинариях, подражали им в дурных манерах и т. д.[20]

То содружество, которое не шло ни на какие компромиссы со старым обществом и самодержавным государством, которое не стремилось к сосуществованию с другими, а, наоборот, требовало преобразования существовавших условий, следует именовать не «субкультурой», а «встречной» культурой[21]. К тому же это сообщество молодых людей изменило свой образ мышления в соответствии с новым стилем жизни и труда. Молодые люди противились браку, устраиваемому родителями, строили для себя собственную, независимую от семейных связей жизнь, практиковали альтернативные методы воспитания детей. Некоторые из них усердно старались ускорить личное созревание с помощью академического образования, трудиться соответственно обретенной профессии и использовать свои знания для общего блага. Другие стремились реализовать новую организацию труда в производственных объединениях[22].

«Коллективный менталитет» (термин Конфино), сложившийся в этой среде, впоследствии, как показала история, оказывал длительное воздействие на молодежь. Молодые представители «встречной» культуры, покидавшие университеты, часто находили доступ в ряды новой интеллигенции свободных профессий, но рано или поздно некоторая их часть уходила в политическое подполье. Ниже на примере женского эмансипационного движения мы покажем, в какой мере «нигилистическая» – «встречная» – культура готовила женщин к вступлению на новый жизненный путь[23].

4
Общественная критика и женский вопрос

Общественная критика радикально-демократически настроенных публицистов была направлена на принципиальное отрицание старой системы. То, что «нигилисты» воспринимали крепостной строй как воплощение рабства, не отличало их по существу от других либеральных течений конца 50-х годов, когда назревали реформы. Только бескомпромиссная борьба против метафизических притязаний самодержавия на господство в стране и основанного на этом патриархального самосознания общества заставляло «нигилистов» подвергать острейшей критике всякую выросшую на подобной почве форму культуры во имя следующего исключительно разуму способа мышления. Использованием такой формы просветительской работы радикально-демократические критики явно отвечали потребностям растущего общественного сознания. Именно заслугой «нигилистов» было выражение всеобщей неудовлетворенности общества, придание ей определенной структуры и направление общественности на новые пути. Публицисты, прежде всего Чернышевский, Добролюбов и Писарев, пользовались доверием не только благодаря их произведениям. Доверие к ним повышалось из-за их биографий, поскольку сами эти литераторы, будучи разночинцами, являлись представителями социального перелома. Когда Чернышевский и Писарев в силу своих представлений о ценностях стали жертвами режима, это усилило их авторитет в обществе. Реакция молодой интеллигенции возвела критиков в ранг мучеников. Их пример стал очевидным доказательством того, что царское правительство, несмотря на начатые великие реформы, по-прежнему было неспособно проводить капитальную либерализацию по западноевропейскому образцу и намеревалось, как и раньше, держать своих подданных на положении недееспособных граждан[1].

Н.Г. Чернышевский (1828–1889) был сыном высокопоставленного лица духовной иерархии. По окончании университета он сначала работал учителем, собирался вступить на поприще преподавателя университета, но вынужден был отказаться от такой перспективы из-за своих нонконформистских научных взглядов, а затем занялся публицистикой. В 1862 г. правительство попыталось парализовать литературное творчество Чернышевского. Оно заключило его за антиправительственную деятельность в Петропавловскую крепость и на показательном процессе 1864 г. приговорило к каторжным работам с последующей бессрочной ссылкой в Сибирь. Освободился он только в 1889 г. В том же году он умер, так и не повидав С.-Петербурга, интеллектуального центра России[2].

Как и Чернышевский, Н.А. Добролюбов (1836–1861) родился в семье образованного священника. После полных лишений студенческих лет он наряду с Чернышевским стал одним из самых выдающихся сотрудников «Современника», определявших его лицо. Заболев туберкулезом, Добролюбов умер в ноябре 1861 г.[3]

Д.И. Писарев (1840–1868), будучи выходцем из обедневшей дворянской семьи, не мог существовать в соответствии с нормами своего сословия. Учась в С.-Петербурге, он начал журналистскую деятельность в либеральном женском журнале «Рассвет», а в 1861 г. по материальным соображениям перешел в журнал «Русское слово», позицию которого в значительной мере и определял. Жизнь его отмечена тяжелыми душевными переживаниями, сопровождавшими болезненный процесс эволюции избалованного молодого дворянина, его отдаления от привычной среды. Казалось, что только радикальное критическое направление, к которому он примкнул, высвободило силы, необходимые ему для духовного разрыва со своей средой. С 1862 г. Писарев провел четыре с половиной года как политический преступник в камерах Петропавловской крепости, но его мать благодаря связям семьи с влиятельными лицами добилась того, что ему разрешили писать в заключении. Когда в 1866 г. Писарева освободили, это был уже сломленный человек. Нервная болезнь лишила его возможности поддерживать прежний литературный уровень своих работ, ставший уже легендарным. В июле 1868 г. Писарев погиб в результате несчастного случая. После ухода Добролюбова и Чернышевского из литературной жизни России приверженцы Писарева почитали его как символическую фигуру протеста против существующей действительности[4].

Время творчества трех великих публицистов ограничилось немногими годами. Тем большее впечатление производит оказывавшееся ими влияние. Добролюбов обратил на себя пристальное внимание в 1859 г. рецензиями на драмы А.Н. Островского, опубликованными в «Современнике». Он разработал методику аргументации, которая по праву была названа

«отрицание как просвещение»[5]. Одновременно молодой критик стал пропагандистом определенного эстетического принципа, который обнаруживал в нем, как и в Писареве, ученика Чернышевского: искусство должно быть исключительно полезным человеку. В творчестве Островского Добролюбов видел исполнение этой миссии. Драматург правдиво отображал жизнь и тем самым помогал, по мнению Добролюбова, аудитории составлять верное представление об определенных явлениях русской жизни[6].

Для Островского семья представляла собой стержень общества, и одновременно она, по его мнению, превратилась в «темное царство»[7]. Добролюбов перенял оценку Островского, заявляя, что семейные отношения проникнуты «диким, бессовестным деспотизмом», которому противопоставляются продиктованные слабостью хитрость, обман и интриги, прежде всего когда речь идет о вопросах благосостояния[8]. В таком царстве не существовало строгих границ между порядочностью и преступностью, условия жизни постоянно порождали, по словам Добролюбова, преступную энергию[9]. Такими суждениями о русской семейной жизни Добролюбов наталкивал на вывод, что в ней господствует вечная вражда, вечная война. Жена ненавидит своего мужа за его произвол и обманывает его; дети и родители живут в постоянном раздоре, потому что молодое поколение не хочет смиряться с диктатурой старших[10].

Добролюбов не остановился перед необходимостью открыто назвать причины такого состояния русских семейных отношений. Недостаточное «чувство человеческого достоинства» являлось, по его мнению, следствием влияния властных, деспотичных структур общества. Ведь убить деспота не составляет труда. Но изменить менталитет, порождаемый деспотической системой, весьма затруднительно, поскольку ощущение права, здоровый рассудок, способность к плодотворной деятельности, любовь и доверие в отношениях с ближним выродились до неузнаваемости[11].

А.Н. Островский, с точки зрения рецензента, не сумел указать в своих произведениях выход из создавшегося положения. Сам же Добролюбов не удовлетворялся мыслью о его бесперспективности. Чтобы преодолеть одно лишь голое отрицание старых порядков, он напоминал о политической философии Ж.-Ж. Руссо. Этим он учил своих читателей, что человек рождается свободным и вступает с другими в договорные отношения. Индивид, как давал понять Добролюбов, ни в коем случае не отказывается, находясь в обществе, от своих естественных прав и творческих устремлений. «С точки зрения общего, естественного человеческого права, каждому члену общества вверяется забота о постоянном совершенствовании существующих постановлений и об уничтожении тех, которые стали вредны или ненужны <...> нарушение формального status quo нередко требуется тем же чувством законности...»[12] Выразиться более четко Добролюбов не мог по цензурным соображениям. Но все же в конце рецензии он говорил о потребности побуждения читателя и к другим выводам, которые «должны сами собой прийти на мысль» после прочтения рецензии[13].

Стремление к личной независимости на основе идеи равенства побуждало радикально-демократических критиков общественного устройства пересмотреть центральный в их понимании признак русского «рабовладельческого общества» – угнетение женщины. Добролюбов в статье «Темное царство» придавал особое значение описанию господствовавших

отношений между полами. Примитивность человеческих отношений, по его мнению, нашла в творчестве Островского наиболее яркое выражение там, где жена принимала как должное тот факт, что предназначенный для ее избиения кнут висит на стене в ее доме[14]. Самым тяжелым грузом, по мнению Добролюбова, условия «темного царства» сказывались на женщинах. Мужчины не могли смириться с мыслью, что женщины такие же люди, как они, и что потому они должны пользоваться теми же правами. Более того, сами женщины не смели даже и думать о чем-либо подобном. «Уж что женщина! Курица не птица, женщина не человек», – цитировал Добролюбов популярную русскую поговорку устами одной из героинь Островского. По Добролюбову в обществе доминировал следующий образ женщины: «Она сама ничего не делает, ничего не приобретает, не играет никакой роли в обществе, не составляет никакой инстанции в делах. Что бы она ни была, все она только по отце, да по муже... И она безропотно покоряется этому, находя, что так быть должно, так уже испокон веку заведено, и, стало быть, судьба уж такая...»[15] Хотя это описание и не соответствовало правовому положению женщины, однако, по мнению Островского, Добролюбова, а также Панаевой относительно «женской судьбы» обычное право и бытовое сознание сделали женщин рабынями[16].

Здесь, конечно, было бы неуместно рассматривать воззрения радикально-демократических критиков общественности с точки зрения философских традиций[17]. Но чтобы уже совсем не отрывать их от идейно-исторической сферы, в некоторых случаях проследим, как идеи Французской революции о равенстве мужчин и женщин начали проникать в политико-философский мир западников и использоваться в дискуссиях конца 50–60-х годов (Olympe de Gouges).[18]

В русской культуре согласно церковному и гражданско-правовому установлениям женщины находились по отношению к патриархальному главе семьи примерно в таком же подчинении, как дети, поэтому никакая дискуссия не представлялась более еретической, чем та, которая посмела бы ставить под вопрос основы семейных отношений, этот якобы угодный Богу порядок. Тургенев в своих воспоминаниях упомянул В.Г. Белинского (1811–1848), первого в ряду великих русских литературных критиков XIX в., когда писал о начале дискуссии по женскому вопросу в Российской империи, которая и на него самого оказала немалое влияние. Именно Белинский, по словам Тургенева, в своем творчестве признавал право женщины на достойное существование и личную свободу в семье и обществе[19]. Этот литературный критик, пламенный сторонник европеизации России, воспринимавший основные течения немецкой и французской философии своего времени то с восторгом, то с отрицанием, оставался радикальным просвещенцем, обязанным в конечном итоге гуманистическому индивидуализму, почерпнутому из произведений Фр. Шиллера и Г. Гейне[20].

Захваченный растущей популярностью ранних социалистов и проникнутый романтизмом беллетристики Ж. Санд, Белинский с начала 40-х годов выступал против господствовавших «азиатских обычаев», отводивших женщине подчиненную мужчине роль. Критика Белинского, особенно под влиянием произведений Ж. Санд, была нацелена на «неравный брак», в идеализации которого он как западник упрекал славянофилов. Женщина,

утверждал в вызывающем тоне Белинский, играет в русском обществе не только второстепенную роль, но и вообще не играет никакой роли. Это было сказано им примерно за 20 лет до Добролюбова, Писарева и их единомышленников. Как сторонник идей Просвещения Белинский видел причину приниженности женщины в недостаточной ее образованности. Основываясь на естественно-правовом равенстве обоих полов, он требовал для женщин такого воспитания, которое раскрывало бы перед ними мир знания и искусства[21].

На примере личности А.И. Герцена, основоположника идеи особого русского пути к социализму, можно показать, что образ женщины, инспирированный сторонниками Сен-Симона, проник и в Россию. Одновременно стиль жизни и творчества Герцена свидетельствуют о том, что он стремился и практически осуществлять соответствующие принципы. Следя за событиями Французской июльской революции 1830 г. и польского восстания того же времени, Герцен в ходе изучения идей Луи Блана пришел к убеждению, что политические перевороты без социальной революции неэффективны и что всему обществу, включая его первичную ячейку – семью, требуется полная реорганизация. Главным для мыслителя оставалось требование беспрепятственного развития индивида. Оно выросло из сокровенного убеждения, обретенного в ходе постоянных трений с николаевским режимом, что свобода является «феноменологической потребностью» человека[22].

При таких взглядах Герцен видел в революции одно из политических средств; после же разочаровавшей его Французской революции 1848 г. он полностью отрекся от принципа разрушительного насилия. Вместо этого он обратился к «мифу народа». Из своих наблюдений в революционном Париже он вынес резко отрицательный образ буржуазии и пролетариата. Это привело его к мысли, что русская сельская община сохранила определенную социалистическую основу, которую необходимо развивать во имя свободы человека. Герцен был очень далек от желания предписывать свободным индивидам какую-либо политическую концепцию, скорее он даже недооценивал государство и политику, и в результате его идеи обрели черты некоей философии морали[23].

К сфере философии морали необходимо отнести и его идеал «новой женщины». Испытывая влияние Сен-Симона, Герцен исходил из естественного «природного» неравенства мужчины и женщины. Согласно учению Сен-Симона, обусловленные биологическими факторами различные способности мужчин и женщин в равной мере служат развитию общества. На основе искоренения всех форм порабощения и эксплуатации, включая и те, которые являются следствием господства мужчин над женщинами, общественные функции должны исполняться как мужчиной, так и женщиной как роли индивидов, являющихся членами единого общества. Одновременно последователи Сен-Симона объявляли единственным правомерным мотивом заключения брака взаимную любовь и, ссылаясь на христианское учение, настаивали на моногамии. Из биологического предопределения женщины как носительницы материнства выводилось ее обязательное приобщение также к материнству социальному и духовному; женщине как «матери общества» предстояло нести особую ответственность за дальнейшее развитие культуры отношений между людьми[24].

С этих позиций Герцен выступал за семейное счастье женщины. Сфера действий женщины не должна ограничиваться домашними пределами. Напротив, женщина, уравненная с мужчиной в гражданских правах, должна вписаться в общество как его полноценный представитель. На женщину как на «существо мыслящее» ложится не частный, а общественный долг воспитания будущего поколения. Отсюда следует необходимость участия женщины в культурной жизни, чтобы она была способна распространять культуру и в кругу семьи. Это приобщение женщины к достижениям культуры данного общества должно было поднять отношения между супругами на более высокий уровень и тем самым придать институту брака новое измерение[25].

Н.Г. Чернышевский, который в 60-х годах был кумиром критически настроенной молодежи, также в свое время попал в плен раннесоциалистических идей. В студенческие годы он особенно интересовался теориями Ш. Фурье и Л. Блана, которые и в дальнейшем оказывали на него свое влияние. Социализм для Чернышевского был явлением морально обоснованным. В расчете на изменение общественного строя России Чернышевский подобно Герцену полученные от западных философских школ импульсы совмещал с критическим разбором политических событий 1848 г. Сначала он симпатизировал диктаторским методам воспитания по французским образцам, воспринимая насилие как средство, а не как цель. В следующем десятилетии его привлекла идея «социальной монархии» как альтернативы русскому самодержавию, но в конечном итоге, когда наступило разочарование в политике всеобщих реформ Александра II, он счел ее иллюзией. Народ сам должен себя освободить, полагал он, хотя и был в достаточной мере реалистом, чтобы не видеть, что вряд ли народу удастся этого добиться собственными силами. Из этой дилеммы возник герой и пророк Рахметов. Чернышевский сознательно трактовал его как явление переходное и тем самым как символ того, что социалистические преобразования, за которые боролся Рахметов, еще не приведут к идеальному состоянию общества, а только проложат путь к достойному для человечества общественному строю. Критерий свободы в представлениях Чернышевского стал еще выше также благодаря восприятию им политико-экономического учения Дж. Ст. Милля (Чернышевский изучал его работы в 1860–1861 гг.). Самостоятельная деятельность человека, а не авторитарные акции приводят к развитию цивилизации. Размышления Чернышевского о будущем России достигли своей кульминации в утопии, будто будущий строй можно построить исходя из коллективных принципов сельской общины. Чернышевский одобрял подобный непосредственный переход к социализму, считая, что таким образом Россию можно избавить от негативных для крестьянства и рабочих последствий капиталистической индустриализации[26].

Свободу как «антропологический принцип» Чернышевский, испытывая на себе влияние трудов Фурье, сознательно связывал с людьми как с существами различными по полу. Такой подход позволил ему вслед за Ш. Фурье обнаруживать феномены несвободы в сфере не только общественной, но и частной жизни, вплоть до интимных отношений между людьми.

Фурье, изучив историю человечества, выдвинул тезис, что критерием социального прогресса является общественное положение женщины. По-

скольку в эпоху женского неравноправия исторически действующими субъектами выступают мужчины, их добровольный отказ от господствующей позиции является предпосылкой для достижения более высокоорганизованного общественного строя, порождающего социальную и культурную гармонию. В предпринятой Фурье периодизации истории человечества «цивилизация» квалифицировалась еще как время несвободы, которое надлежит преодолеть эволюционно, основываясь на индивидуальной устремленности человека к своему счастью и на его способности к принятию разумных решений. Только в эру гармонии, когда люди организуются в фаланги нового типа, будет, по его мнению, достигнуто то идеальное состояние общества, при котором удастся исключить принцип насилия. Иерархические структуры, в том числе и брак как орудие угнетения женщины, будут ликвидированы, уступив место принципу добровольности. Воспитание девочек и мальчиков по общим принципам с раннего детства воспрепятствовало бы деформации характера представительниц женского пола, угнетению их интеллектуальных способностей и исключило бы привитие им рабских черт в супружеской жизни. В противоположность этому члены гармоничного общества могли бы развиваться независимо от пола в соответствии со своими склонностями и способностями. Французский мыслитель на основании своих наблюдений полагал, что не более четверти всех женщин испытывают интерес к ведению домашнего хозяйства.

В отличие от сторонников сенсимонизма Фурье в оценке роли женщины как матери не разделял концепцию, согласно которой женщина должна была принять на себя часть обязанностей мужчины, так как различие полов вовсе не должно отражать заложенные природой разные обязанности мужчины и женщины в общественной жизни. Воспитание детей и их выращивание должно осуществляться совместными усилиями[27].

В романе Чернышевского «Что делать?» образ женщины в испытывающей влияние Фурье среде интеллигенции обрел совершенно новые очертания. Кажется, наиболее последовательно поступил в соответствии с новыми взглядами сам Чернышевский. Когда он влюбился в красивую, всю жизнь им почитаемую Ольгу Сократовну Васильеву (на которой в 1853 г. женился, не остановившись даже перед разрывом с семьей), то, как это видно из его дневниковых записей, он в значительной мере следовал воззрениям Фурье. В этих записях, как и в своем поведении по отношению к Ольге, а позднее при описании отношения Лопухова к Вере Павловне он высказывал точку зрения, согласно которой мужчина всеми силами обязан способствовать эмансипации женщины. Мужчина веками пользовался привилегиями в ущерб угнетенному женскому полу. Поэтому ему пришло время отступить в сторону с переднего плана общественной жизни, чтобы предоставить женщине возможность выступить в защиту ее собственных интересов. По этому же принципу строил Чернышевский и свои супружеские отношения. Ольга Сократовна могла сама решать, как ей жить, вплоть до пошловатых развлечений и эротических связей, которые доставляли муки ее мужу, но все же не побуждали его требовать от нее соблюдения супружеских норм, лишив ее права на самоопределение[28].

Зная о супружеской жизни Панаевых и о том, что Н.В. Шелгунов думал о браке и сексуальной морали примерно так же, как и Чернышевский, можно констатировать, что представления Фурье о равенстве полов

жили в среде русской интеллигенции с 40-х годов[29]. Шелгунов еще в 1849 г. писал помолвленной с ним Людмиле, что супружество должно основываться на равенстве и дружбе. В своем брачном союзе с Людмилой он, подобно Чернышевскому, последовательно придерживался принципа, что муж обязан гарантировать жене возможности полного раскрытия ее личности. Жена Шелгунова, как и Авдотья Панаева, практиковала жизнь втроем, причем Шелгунов это не только терпел, но и находился в тесной дружбе с любовником Людмилы – поэтом и публицистом М.Л. Михайловым (1829–1865)[30].

Именно Михайлов вызывал восторг молодежи эпохи реформ своими статьями об эмансипации женщины – еще до того, как Чернышевский в «Что делать?» привел примеры женского освобождения[31]. Острое внимание Михайлова к этому вопросу, как и критика общественных отношений, выраженная в «Темном царстве» Добролюбова, были составляющими элементами «нигилистического» образа мысли. В осуждении старых порядков сходились взгляды всех радикально-демократических критиков общественного устройства; они воспринимали известную рецензию Добролюбова как одну из блестящих кульминаций «реалистической» полемики. Ее направление было не только разрушительным; она сводила воедино стремление к свободе, требования равенства на естественно-правовой основе и перспективы общественного переустройства. К тому же тезис о положении женщины как о критерии всеобщего прогресса нашел свое место в посвященных этим вопросам выступлениях «нигилистов».

Радикальные демократы в поисках человека нового типа были едины в своей уверенности, что прогресс должен достигаться действиями, основанными на разуме, но что человек сначала сам должен стать образованнее, прежде чем приняться за изменение общества, и что главным критерием новой жизни является всеобщее просвещение. Критиковать традиционные представления удавалось радикальным демократам особенно резко в том случае, если в центре дискуссии оказывалась женщина.

Почву для выступлений Михайлова подготовил либеральный врач и педагог Н.И. Пирогов в 1856 г. своей работой «Вопросы жизни», являвшейся апологией гуманистического идеала просвещения. Стремление воспитать морально зрелого человека еще до получения им специального образования побудило Пирогова выступить с требованием предоставить всем детям равные права на воспитание. Насколько бурно дебатировались в жаждущей реформ России его предложения с требованиями всеобщего обучения, настолько же противоречиво толковались его взгляды на воспитание девушек. Пирогов вступил в ожесточенную полемику с обычаем высших слоев общества видеть в женщине «куклу» и готовить ее в лучшем случае (да и то плохо) к исполнению роли домохозяйки и матери. Он считал, что женщине должна быть предоставлена возможность получить образование, чтобы развились ее способности и она сделалась достойной спутницей мужа в борьбе за существование. То, что женщина имеет к этому достаточно дарований, было, по мнению Пирогова, уже давно доказано. Под его руководством первые сестры милосердия в Крымской войне самоотверженно ухаживали за ранеными солдатами[32].

Одновременно Пирогов отмежевывался от радикальных схем эмансипации, которые ему приписывали, когда он начал ратовать за благоде-

тельный труд женщин на фронте в качестве сестер милосердия: «Если женские педанты, толкуя об эмансипации, разумеют одно воспитание женщин, они правы. Если же они разумеют эмансипацию общественных прав женщины, то они сами не знают, чего хотят»[33]. Здесь Пирогов приводил такой аргумент относительно образа женщины: женщина так же способна быть министром, как мужчина – нянькой грудных детей. Поэтому он выступал за лучшую подготовку представительниц женского пола к их «естественной» роли, границы которой он, впрочем, видел и вне сферы семьи. Ведущая его идея состояла в том, что воспитание женщины может внести существенный вклад в воспитание всего человечества[34].

С этого времени споры о концепции образования не прекращались. Радикальные демократы, такие как Добролюбов, встретили труд Пирогова с воодушевлением, поскольку хирург защищал не только привилегии на образование отдельных слоев общества, но и сделал непосредственным предметом своих рассуждений гражданина. С 1859 г. в «Современнике» начал высказывать свои взгляды и Михайлов. Вследствие контактов с французской интеллигенцией он ощущал потребность выразить свое мнение о трудах историка Ж. Мишле и раннего социалиста П.Ж. Прудона о природе женщины (эти книги вышли в свет в 1858 г.). Содержащиеся в этих работах полемические выпады против французского феминизма не имели решительно ничего общего с русскими радикально-демократическими представлениями о человеке. Чтобы «доказать» неполноценность женщины, названные французские деятели прибегали к сравнению анатомических признаков общих полов, указывая на бóльшую физическую силу мужчины или на меньшие размеры женского головного мозга. Такого рода доводы с готовностью подхватывали и консервативные элементы в России, предупреждая, что академическое поприще грозит женщине разрушением здоровья и может отрицательно сказаться на деторождении[35]. Михайлов же, отвечая на эти утверждения, воспользовался аргументами своей хорошей знакомой Ж. д'Эрикур, горячей республиканки, которая в 1860 г. дала решительный отпор Мишле и Прудону. Будучи практикующим врачом и феминисткой, требовавшей полного равноправия женщин, она обладала достаточной энергией и интеллектом для того, чтобы одержать над ними убедительную победу[36].

Статьи Михайлова по женскому вопросу, во-первых, информировали читателей о развитии международного движения за женскую эмансипацию, привлекая особое внимание к ранним французским социалистам, притом что сам Михайлов от них отмежевался. Во-вторых, Михайлов опровергал тезисы Мишле и Прудона о природе женщины. Его аргументация сводилась к тому, что слабость женщины коренится исключительно во влиянии на нее окружающего мира. Вполне отвечая чертам прототипа «нигилистов», Михайлов после резкой критики традиционных методов воспитания, особенно в далекой от реальной действительности атмосфере казенных «институтов», развивал свои мысли о роли женщины в современном мире. В воображаемом диалоге он вкладывал в уста женщины ключевой вопрос эпохи, постоянно встречавшийся в литературе периода реформ: «Что делать?» Что делать, чтобы спастись от старых, ненавистных форм существования?[37]

Логический ответ звучал так: «Образование превыше всего!» В семье образованная женщина, по мнению Михайлова, могла способствовать подъему супружества на уровень взаимного уважения и настоящего духовного партнерства; образованная мать могла бы невиданным ранее образом способствовать развитию своих детей. Но в своем радикально-демократическом мышлении Михайлов заходил еще дальше, чем это делал Пирогов. Разоблачив ссылку Мишле на меньшую физическую силу женщины как аргумент варварского происхождения, применимый к тем условиям, когда отношения между людьми еще определялись силой мускулов, Михайлов заклеймил ограничение женской судьбы домашней сферой как анахронизм. Приведя в пример Ж. д'Эрикур и первую женщину-врача Америки Э. Блэкуэлл, Михайлов пришел к заключению, что женщины в соответствии с их склонностями и способностями могли бы при должном уровне образованности действовать во всех сферах общественной жизни[38].

Наконец, в 1860 г. Михайлов первым в России поднял вопрос о всеобщем женском избирательном праве, и это в то время, когда и мужское-то право такого рода еще было предметом дебатов. Поэт и публицист, учитывая цензуру, прибег к переводу труда Дж.Ст. Милля и Г. Тейлора «The Enfranchisment of Women» (1851) («Предоставление женщинам избирательного права»), чтобы дать понять читающей публике, что последовательная эмансипация включает в себя также и политическое равноправие граждан и гражданок[39]. Понимая воспитание как обязательную предпосылку освобождения, Михайлов формулировал и ясные цели просвещения: на всех ступенях получения образования девочки и мальчики (девушки и юноши) должны иметь равные возможности; кроме того, он одобрял совместное обучение тех и других, чтобы противодействовать традиционному определению ролей[40].

Теперь имеет смысл еще раз заглянуть в «Воспоминания» Шелгунова: ему, как едва ли кому-то еще, было особенно важно описать атмосферу, в которой развивалось «новое мышление»:

> Статья Михайлова была напечатана в «Современнике» и произвела в русских умах землетрясение ... Все вопросы носились в воздухе, ожидая своих толкователей. И женский вопрос носился в воздухе. Михайлов его только пришпилил и дал ему форму и логическую цельность. Вопрос из воздушного тумана спустился на землю, из отвлеченного и теоретического стал практическим и осязательным, так что каждый мог взять его в руки, каждый мог уже думать о нем ясно и говорить ясно. А так как думающих было много и все заговорили сразу, то и получился общественный энтузиазм, а Михайлов провозглашен творцом женского вопроса[41].

Однако даже при таком общественном резонансе Чернышевский не считал в то время женский вопрос центральной темой дебатов о свободе[42]. Периодическую литературу России просто наводнили статьи о женской эмансипации. С конца 50-х годов стали выходить первые недолговечные женские журналы, издававшиеся для привилегированных слоев общества. Так, литературно-художественный журнал «Ваза» обращался к женщинам с консервативным призывом получать образование, чтобы лучше служить супругу. Затем последовали «Ласточка», «Новый русский базар» и другие журналы, информировавшие женщин главным образом о моде и кулинарии[43]. Систематическую просветительскую работу проводил только уме-

ренный женский журнал «Рассвет», издававшийся для молодых дам ушедшим на пенсию учителем и отставным офицером В.А. Кремпиным. Редакция преследовала цель доводить до представительниц женского пола сведения о «духе преобразований», охватившем Россию[44]. Предполагалось знакомить читательниц с русской и иностранной литературой, а также способствовать их общему образованию статьями по истории, педагогике и естественным наукам. При этом женщину готовили к выполнению чисто женских, «натуральных» задач, особенно к воспитанию детей и осознанию ответственности перед семьей и государством[45]. Наиболее ценной частью журнала оказался отдел рецензий, которым руководил Д.И. Писарев, выказывая талант и интерес к женскому просвещению. «Женщина, ее цель и ее назначение, условия, в которых она развивается, ее положение в обществе, ее права и обязанности, будут стоять на первом месте в наших рецензиях», – такую программу своей работы заявил читателям Писарев[46]. В библиографическом приложении Писарев весьма положительно комментировал статьи Михайлова и этим способствовал росту их популярности. Как и Михайлов, Писарев исходил из положений естественного права; просвещение было для него такой реальностью, которая не может быть привилегией одного из полов. Впервые Писарев начал проявлять радикально-демократические взгляды на женский вопрос в 1859 г., когда высказался в кругу друзей за неограниченный допуск женщин в университеты царской империи[47].

На фоне русских дискуссий того времени о путях прогресса и женской эмансипации определенно не было случайностью то, что именно в 1859 г. в аудиториях Петербургского университета появились первые слушательницы[48]. Товарищи по университету приняли их вовсе не с поношениями (как это имело место позднее в Англии), а, напротив, с энтузиазмом и поддержкой. И когда Н. Суслова, первая в мире женщина-врач, защитившая докторскую диссертацию, открыла собственную практику в Санкт-Петербурге, ее пример оказался веским аргументом в спорах радикальных демократов с биологическими теориями консервативного общества[49].

Первые студентки России сознательно обращались к изучению медицины. Поскольку они, как и многие их товарищи по университету, были приверженцами идей «нигилизма», обращение к естественным наукам имело для них особое значение. «Нового человека» отличало не только отрицание старого общественного строя, не только стремление к свободе, равенству и образованию, но и прежде всего неустанный поиск путей просвещения с помощью приобретения научных знаний. К тому же конец 50-х – 60-е годы XIX в., т. е. время великих реформ в России, совпали с периодом динамичного развития естественных наук.

Не остались в стороне и гуманитарные науки, ибо исполненные сознания, что использование потенциала разума самостоятельно мыслящего человека содействует прогрессу, охваченные рационализмом русские ученые осуждали любую форму метафизического образа мысли. Французский позитивизм, английский утилитаризм, немецкий материализм, для которых были одинаково близки и естественные науки, с большей страстью изучались в России, когда отпали цензурные ограничения. Такой энтузиазм людей, жаждущих реформ, по отношению к науке был вызван тем, что в поисках свободы они опирались именно на научный подход. Ведь предпосыл-

ками в интеллектуальных схватках со старым общественным строем являлись научное творчество и личная самостоятельность, откуда и проистекало скептическое отношение к авторитетам. Высшей инстанцией мог быть только человеческий разум, и он выявлял относительность господствующего представления о природном порядке[50].

Александр Вуцинич описал ситуацию 60-х годов, когда энтузиазм в постижении наук был в России столь велик, что, с одной стороны, перерастал в позу, а с другой – даже в своего рода мировоззрение. Едва ли хоть один из «реалистов» остался исключением из этого правила, поскольку всех их объединяла вера, что ключ к решению социальных проблем заложен в изучении естественных наук. Особенно их интересовала физиология, в которой они видели источник познания не только функций человеческого организма, но и особенностей социального поведения человека. Аналитические методы позволяли им на основе редукции выявлять в каждом случае «естественное» и «полезное». Это целенаправленное стремление было также заимствовано из методологии естественных наук, а результат усилий, т. е. их польза для прогресса цивилизации, стал критерием оценки «реалистами» человеческой деятельности[51].

По мнению литературоведа Н.А. Котляревского, новое мировоззрение можно было очень точно ощутить в статьях Чернышевского, опубликованных в «Современнике» в 1854–1861 гг. Резко порывая с традициями, автор заменял в этих статьях религию антропологией, дедукцию – индукцией, идеалистический дуализм – материалистическим монизмом, а основанную на метафизике этику – теорией рационального эгоизма[52].

Чернышевский был первым русским мыслителем, стремившимся синтезировать новейшие открытия естественных наук в философскую систему. Его работа «Антропологический принцип в философии» (1860) считалась первопроходческим исследованием, обобщавшим результаты современных ему достижений в области физиологии и психологии. Отвергая идеализм, который он упрекал в вуалировании отношений человека и природы, Чернышевский присоединялся к мнению Л. Фейербаха о том, что только отрицание метафизического образа мысли создает предпосылку успеха человека в поисках счастья на земле. Поэтому своим обращением к естественным наукам Чернышевский стремился определять человеческую природу, насколько это возможно, на основе законов физики, а не на принципах метафизики. Он придерживался точки зрения, согласно которой естественные и социальные науки связаны единой методологией причинности, движения и трансформации. Отсюда он заключал, что законы биологической эволюции сравнимы с законами социальных перемен. Поскольку биологическая трансформация непрерывно прогрессирует, на этом основании можно сделать заключение и о продолжающемся прогрессивном развитии человеческой природы и устройства человеческой жизни[53].

Таких представлений придерживались отнюдь не только деятели гуманитарных наук. Тот факт, что именно естественно-научные открытия того времени показали, какова сила человеческого разума в сочетании с новыми возможностями реформирования просвещения и обеспечением государства специалистами с высшим образованием, привел к тому, что широкие круги прогрессивной интеллигенции сочувствовали новым взглядам на мир или даже полностью разделяли их. Государственная власть, которая

в интересах социально-политической модернизации страны после николаевской эры духовного мрака стала способствовать развитию наук, озабоченно наблюдала за тенденциями радикализма в среде как уже созревшей, так и в подрастающей интеллигенции – студентов и даже школьников. Этот процесс можно было лишь частично объяснить влиянием выдающихся радикально-демократических публицистов. Скорее такие деятели, как Чернышевский и Писарев, получали импульсы для своих работ от представителей естественных наук, которые со времени общей «оттепели» развивали международные связи и вскоре привлекли к себе внимание мировой общественности своими исследованиями. Здесь в числе прочих можно упомянуть физиологов И.М. Сеченова и К.А. Тимирязева, химика А.М. Бутлерова, эмбриолога А.О. Ковалевского, нейрофизиолога И.П. Павлова, палеонтолога В.О. Ковалевского.

Все перечисленные ученые были сторонниками нового миропонимания и почитались своими поклонниками как «новые люди». Сеченов не случайно попытался опубликовать свою первопроходческую работу «Рефлексы головного мозга» в журнале «Современник», что, однако, было запрещено цензурой. Поэтому ему пришлось обратиться к специальному медицинскому журналу, где удалось опубликовать это исследование в 1863 г. Данный эпизод, с одной стороны, демонстрирует наличие чувства долга ученого перед общественностью: он считал свое исследование одновременно и частью проходивших в гуманитарных науках дебатов о человечестве и прогрессе. А с другой стороны, те же события указывают на бессилие царских органов обеспечения общественного порядка, безуспешно стремившихся перекрыть влияние «реализма»[54]. Поэтому неудивительно, что самые выдающиеся представители естественных наук приветствовали тургеневского Базарова как предвестника новой цивилизации[55].

Человек, полностью отождествлявший себя с образом Базарова, одновременно продолжал и дело Чернышевского. С юношеским энтузиазмом он занимался популяризацией научной деятельности, оказывая большое влияние на читателей. Речь идет о Д. Писареве. Он руководствовался своими идеалами просвещения: только после того, как научная культура Европы займет прочное место в среде русского населения, когда естественные науки станут основой всего воспитания, будут созданы условия для развития «нового человека». В отличие от Чернышевского, Писарев не стремился разработать комплексную философскую систему. Он прославлял просвещение, поскольку оно способствовало позитивному отношению к человеку и жизнеутверждающему одухотворенному творчеству. С тех пор как Писарев испытал на себе влияние Дарвина, его особенно одухотворяла творческая сторона жизненного процесса. Он оспаривал осмысленность каких-либо реалий за пределами материально определяемого человеческого существования, становился даже экстремально деструктивным, если усматривал в установившихся, выводимых из метафизики формах мышления опасность на пути становления самостоятельности индивида[56].

Поэтому в среде радикальной молодежи стал крылатым выражением лозунг Писарева, принесший ему в то же время репутацию самого последовательного из «нигилистов»:

> Что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть[57].

Во имя торжества рассудка этот остроумный, саркастически настроенный молодой человек требовал разрушения «дряхлого деспотизма, дряхлой религии, дряхлых стропил официальной нравственности!»[58]

То обстоятельство, что восприятие наряду с теорией Дарвина идей вульгарных материалистов Л. Бюхнера и Я. Молешотта заводили Писарева в сферу принципиальных противоречий, он принимал как неизбежность. Освободиться от этого он не мог, так как, с одной стороны, придерживался идеала просвещенного и свободного индивида, а с другой – испытывая влияние материализма и восхищение перед открытиями естественных наук, определял человека как продукт законов природы. В этом синтезе он находил для себя выход, полагая, что связь с природой освобождает человека от метафизических влияний. Только сознавая свои материальные корни, человек, по мнению Писарева, обретает необходимый суверенитет, позволяющий ему самостоятельно устраивать свою жизнь[59].

То, что Писарев после исключения Чернышевского из общественной жизни стал кумиром молодежи, явилось результатом не только критики им государственного строя, но и его ориентированного на науки мировоззрения. Образ его мышления соответствовал потребностям образованной молодежи после смены старых авторитетов новыми и становления нового самосознания, поскольку Писарев в невиданном ранее аспекте объявил себя сторонником идей индивидуализма. Стремление молодежи быть в эпоху общественного перелома авангардом новой жизни, руководствоваться новыми идеалами и ценностями предполагало осознание собственных сил. Только изменившаяся самооценка могла побудить молодого человека избрать новые жизненные пути. Сколь же высвобождающим самосознание фактором в подобной открытой для действий ситуации могло послужить наставление Писарева, что единственным критерием морали и дела является собственное «я»! Убежденность в правомерности эгоизма как отрицания всякого морального принуждения представлялось публицисту основой человеческой эманципации. Писарев зашел столь далеко, что предложил понимать внешний мир как конструкцию, состоящую из подверженных изменениям индивидуальных восприятий. Он не видел необходимости систематизировать мышление человека. Писарев производил на своих современников такое сильное впечатление потому, что его поиски «нового человека» были совершенно непредвзятыми. Пусть человек, осознавший свою связь природой, действует по собственному побуждению, говорил Писарев; только индивидуальные усилия позволяют людям изменять мир[60].

Тезис, что человек является движущей силой общества, принципиально не отделял Писарева от теоретиков идеологии народничества П.Л. Лаврова и К.Н. Михайловского. Различие состоит, видимо, в том, что он пренебрежительно оценивал русский народ как фактор эманципации. Для Писарева весь прогресс, основанный на систематическом усвоении достижений науки и техники, разворачивался только на Западе. Человек будущего, нашедший литературное отражение в образе Базарова, будучи личностью свободной, черпал свое новое чувство самооценки из плодотворной деятельности. Приняв основные ценности такого рода, Писарев вступил

на духовную тропу, которая привела его к восхищению европейским индустриальным обществом. В конце концов он даже предположил, что экономическое развитие может разбудить тупой народ и что хорошо организованная ферма или такое же промышленное предприятие могут составить «лучшую и единственную возможную школу для народа»[61].

Оспаривая результаты исследований советских ученых, которые видели в Писареве предшественника «научного социализма», западная историография рассматривала этого мыслителя, предвосхитившего Чернышевского и Добролюбова, как связующее звено между российским ориентирующимся на Запад менталитетом 40-х годов и марксизмом[62]. Изучение его трудов наталкивает – с учетом сегодняшних взглядов – и на дальнейшие заключения. Уже Ламперт подчеркивал, что одинокий индивидуалист Писарева, за которым признается полная свобода действий, должен пониматься как воплощение чуткой реакции на наступающий современный мир. По-видимому, Писарев уже осмысливал процессы социальной дифференциации, привнесенные урбанизированным обществом. В таком обществе человек ощущает себя оторванным от своих корней, однако может посредством усвоения гражданских ценностей, таких как этос труда и личная независимость, найти путь к новому самосознанию и тем самым продуктивно ответить на тот вызов, который предъявляет ему социально-культурный перелом. А. фон Боркс метко констатирует: «Писарев с его отношением к сближению с Западом путем "капиталистического развития" и с его надеждой на средний класс является почти исключением в истории русского радикализма. Если бы русские политические условия были иными, то нельзя исключать возможности, что из "нигилистов" выросли бы технократы, менеджеры и инженеры, подобные французским сторонникам Сен-Симона»[63].

Нигилизм его сыграл важную роль в русской эпохе реформ, ибо Писарев умел «попадать в тон нашей внутренней жизни, как никто другой», он учил «нас ... ответственности за собственные действия». Его не только почитали (как Чернышевского или Добролюбова), но и любили. Следует добавить, что не только мужчины, но и женщины поддерживали представления Писарева о ценностях и начиная с 60-х годов основывали на них свое самосознание[64].

Наконец, Писарев помимо того что предложил молодежи идеи, помог и становлению движения социального протеста. Центральный тезис «нигилистического» призыва культивировать индивидуальность человека пал на особенно плодородную почву в университетах. Там в обстановке реформ число студентов увеличивалось; тяга к наукам приводила и слушателей духовных семинарий, порвавших с религией, на факультеты естественных наук. Правда, преобладание студентов из дворянских семей оставалось в университетах в 60-х годах незыблемым, но к ним во все большей мере добавлялись разночинцы из бывших семинаристов[65]. В университетской сфере строгий корпоративный дух николаевской эпохи заложил основу общественной солидарности, которая в условиях реформ конца 50–60-х годов разрослась подобно растениям в тепличной оранжерее. Студенчество, как и другие группы общества, стремилось обрести свободу. Оно упражнялось в самоуправлении, которое реализовалось в форме студенческих собраний, агитации с помощью листовок и студенческих газет, выпускаемых соб-

ственной типографией, автономных фондов взаимопомощи, библиотек и культурных мероприятий.

Когда в 1861 г. резко изменилась либеральная политика просвещения, репрессивные меры государства против студенческих волнений (доходившие до многочисленных арестов, отчислений из университетов и закрытия Петербургского университета на два года) укрепили студенческую солидарность. В нелегальных кружках самообразования и библиотеках теперь больше, чем когда-либо, предпринимались усилия стать «прогрессивными»[66]. В это время ничто так не влияло на сознание студентов, как мнение Писарева о том, что судьба народа решается в университетах. Студенты с готовностью присоединялись к его «реалистическому» миропониманию, поскольку оно за ними как за образованной элитой признавало свойства «нового человека». Новые настроения побуждали их в той напряженной политической обстановке после освобождения крестьян, которая доказала ограниченную готовность государства к дальнейшим реформам, активно отрицать дворянское общество. Из исследований известно, что «нигилизм» оказал многообразное влияние на русскую политическую философию[67]. Значительно меньшее внимание было обращено на то, что «нигилистические» действия имели также социокультурное значение. Это помогло сторонникам и сторонницам «нигилизма», переживающим фазу радикализации общества, сменить традиционные ценности на новые представления – на нормы Нового времени, в основе которых лежали беспредельное признание индивидуальности и права на самостоятельное развитие, гражданскую свободу и трудовой этос, ориентирующийся на потребности индивидуума.

Глава II

Традиционная социализация женщины с эпохи раннего Нового времени по XIX век

1
О положении женщины в дворянской среде

Критика русской семьи, осуществлявшаяся «нигилистами» в эпоху великих реформ, была направлена на патриархальную структуру семейной жизни. Добролюбов в 1859 г. довел полемику по поводу иерархически авторитарного устройства жизни общества до высшей точки[1]. Русская историография той эпохи во все большей мере испытывала влияние критики общественного строя, и особенно это проявлялось в научных дискуссиях о характере русской семьи.

Научные труды о положении женщины в России накануне Нового времени и в раннее Новое время появились в печати в первой половине XIX в. Они подчеркивали принципиально негативное состояние господствовавших семейных отношений и следовали ориентированному на реформы учению о праве, призывая пересмотреть традиционный ограниченный семьей статус женщин[2]. Авторы рассматривали женский вопрос с позиций принципа индивидуализма и убеждения в необходимости эмансипации личности. Однако этот подход к проблеме не учитывал ни традиций Московского царства, ни условий императорской России: ведь в рамках ее правового и общественного строя независимая личность никогда не была защищена[3].

Теперь на основе исторических трудов перейдем к краткому описанию положения женщины в русской дворянской семье с раннего Нового времени до середины XIX в. Дворянское сословие оказывается в центре нашего внимания, поскольку подавляющее большинство зачинательниц женского движения были дворянского происхождения. Кроме того, начиная с петровских реформ царское правительство стремилось к тому, чтобы дворянство стало опорой государства и в то же время было носителем западного образа жизни. Таким образом, дворянство должно было подавать пример всему обществу. С тех пор между традициями и обновлением возникло состояние напряженности, не прекращавшееся на протяжении всей эпохи Просвещения и продолжавшееся даже в XIX в. в условиях модернизации экономики и социальных перемен. Н.Ш. Коллманн несколько лет тому назад обобщила состояние исследований о положении русской женщины в раннее Новое время. При этом она поставила перед собой цель особо остановиться на патриархальном характере Московской Руси: обычно муж-

чины здесь держали в своих руках политическую власть, пользовались высоким социальным статусом как служители государства и армии, занимали ведущее положение в деловом мире и на всех уровнях церковной иерархии. Женщинам же, напротив, поручались главным образом функции рождения и выращивания детей, а также ведения домашнего хозяйства. Существовавшая система ценностей прочно определяла мужчину как носителя фамильной чести, в то же время ограничивая уважение к женщине теми пределами, в которых ее поведение отвечало претензиям клана ее отца или мужа[4].

Полную зависимость отдельного человека от традиций русской семьи подчеркивал уже в 1874 г. историк В.С. Иконников. Вне сферы семьи не было никакой возможности обрести общественное влияние или даже признание; исключение составляли разве что монастырские общины. Поскольку человек наделялся чувством собственного достоинства только в семейной среде, первое место на шкале общественных ценностей занимала семейная честь[5]. Патриархальный принцип общественного строя делал отца дома (pater familias) господином над всеми остальными членами семьи. Специфическими чертами господствовавшей в Московии системы власти в период ее полного политического и культурного расцвета, как метко заключил М. Раев, являлись вертикальная структура подчинения во всех звеньях – от семьи до правителя государства, неограниченное подчинение общества (включая дворянство) суверенному правителю, наличие физических и финансовых обязательств, которые налагались на каждого подданного мужского пола, а также пассивная в сравнении с Западом роль администрации, ориентировавшейся на сохранение спокойствия и порядка и потому стремившейся обеспечить поступление человеческих и материальных ресурсов страны только в учреждения центральной власти. На основе православного самосознания русского духовенства такой порядок поддерживался принципом симбиоза государства и церкви[6].

Социальный статус отдельного дворянина определялся первоначально существовавшим в России местничеством, а позднее, с 1722 г., в измененной форме «Табелью о рангах» Петровского времени. Данный статус соизмерялся со службой дворянина в системе государства. Это внесло в общество соответствующие формы культуры, проникнутые сознанием личного служения и благоприятствовавшие самодержавному стилю жизни. Без проникновения в Россию влияний Ренессанса, гуманизма и Реформации, как подчеркивала исследовательница Щепкина[7], и на почве «длительной изолированности» Московского царства, на что указывал Иконников[8], в стране развивалась такая культура, которая вплоть до Нового времени характеризовалась полярным различием между функциями служения и господства. Под влиянием церкви общественная иерархия была узаконена метафизически: царь служил Богу, дворянин – царю, крестьянин – своему господину, а жена – мужу[9].

Сама по себе эта схема не являлась чем-то совершенно необычным в общеевропейском контексте. Но в Российской империи она все же позднее выказала свои особенности, поскольку модернизация и секуляризация начались здесь с запозданием, так что еще и в XIX веке буржуазия находилась в зачаточном состоянии. Гражданские представления о ценностях, исходившие из признания суверенных прав каждого индивида, лишь с трудом пробивали себе путь в обществе, которое по существу долгое время оста-

валось «государевым делом» и группы которого с большим трудом только в начале XX в. стали находить для себя независимую от государства сферу политических действий[10].

Тот факт, что жизнь русской женщины остается в наших представлениях погруженной во мрак и бесправие, следует объяснять в первую очередь жанром описания путешествий, т. е. тем видом источников, которые и сегодня предпочитаются при исследовании Московского царства[11]. То, о чем сообщал в 1579 г. австрийский посланник барон фон Герберштейн, могло оставаться расхожим мнением в течение ряда столетий:

> Любовь между супругами... умеренна...
>
> Это происходит оттого, что они женятся на девушках, которых раньше никогда не видели и от которых не могут отказаться, какими бы они ни были <...> Положение женщин весьма плачевно. Они (московиты) не верят в честь женщины, если она не живет взаперти дома. Поэтому богачи и знатные держат своих женщин в такой изоляции, чтобы никто не попадал им на глаза и не разговаривал с ними, не разрешают им также заниматься хозяйством <...>[12].

Придерживаясь этой традиции, Н. Мельников еще в начале XX в. писал, что «отец дома», будучи «всемогущим хозяином» своей семьи, может следовать своим «диким, необузданным, зверским инстинктам»; женщин же, не пользующихся особым уважением, запирают в терем, где они впадают в тупоумие и являются для мужей не более чем «постельными куклами»[13].

Но новейшие исследования по истории русских женщин отметают такие суждения путешественников и основанную на них историографию как надуманные. Анализ процессуальных актов, церковной литературы и частной корреспонденции привел к выводам о дифференцированной картине жизни русских женщин, их правомочиях, широких правах на собственность и заслуживающих внимания возможностях действовать в специфических условиях, особенно во вдовствующем состоянии[14]. Впрочем, степень активности женщин в России раннего Нового времени всегда следует рассматривать с учетом явно выраженных патриархальных факторов. Если только женщина оставалась в пределах своей семьи, а не уходила в монастырь, то мужчине принадлежало широкое право ею распоряжаться[15].

Нормативные источники рисовали идеальный женский портрет. Православные священники, прежде всего на исповеди, распространяли догму о том, что женщина должна быть покорной, кроткой, безропотной и безоговорочно подчиняться мужу. Главным источником нормативной литературы следует считать «Домострой», домашнюю русскую книгу XVI в., которая долго сохраняла свое значение. Функция «Домостроя» состояла в том, чтобы закрепить духовные основы государственной жизни Московского царства в эпоху, когда под властью первого русского царя Ивана IV (короновался в 1547 г.) началась фундаментальная реорганизация системы правления. В «Домострое», этом кодексе поведения, впервые религиозные поучения сочетались с правилами мирского поведения в целях «эффективного» ведения домашнего хозяйства. В рамках твердой патриархальной структуры каждому члену семьи и каждому слуге (служанке) отводилось определенное место, на них возлагались соответствующие обязанности по дому[16].

Хозяин (отец) дома хотя и представлен в «Домострое» как всемогущий повелитель, перед Богом, церковью и государством несший ответственность за состояние своего дома, однако на него возлагалась также обязанность проявлять о нем всестороннюю заботу. Его господствующее положение получает в «Домострое» узаконенное право мирского характера, ибо в книге формулируются нормы обращения с людьми и имуществом во благо общества. Глава семьи обязан поучать жену, детей и домашнюю челядь. Непослушание он должен карать разумно и в форме воспитательных мер. Так, главе семьи предписывается бить кнутом только по определенным частям тела, принося провинившимся боль, но избегая телесных повреждений[17]. Акт наказания должен заканчиваться христианской заповедью прощения, чтобы продолжать семейную жизнь в духе выполнения долга, взаимного уважения и симпатии[18].

«Домострой» придавал огромное значение тому, чтобы человек уже с юных лет усваивал иерархический образ мышления и образцы патриархального поведения, о чем свидетельствуют главы, посвященные воспитанию детей. Мать отвечала за воспитание дочерей, а отец за воспитание сыновей в духе добродетели, «смирения и любви»; при этом предполагалось приобщение детей к деятельности, соизмеримой с их способностями[19].

Строгость и физические наказания в равной мере относились к воспитанию девочек и мальчиков, но от дочери ожидалось, что она и без телесных наказаний будет принимать добродетель послушания и смирения и научится подчиняться старшим. Патриархальный стиль жизни должен был, согласно «Домострою», особенно прочно усваиваться сознанием мальчика как будущего главы дома. В частности, эта «домашняя книга» рекомендовала воспитывать сыновей так: «Наказывай сына своего в юности его и упокоит тебя в старости твоей и придаст красоты душе твоей; и не жалея бей ребенка: если прутом посечешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти»[20].

Считается, что «Домострой» как «книгу дома» читали в семьях дворянства, купечества и духовенства еще в XVII и XVIII вв. Как обнаружила К.Дж. Паунси, представители этих трех сословий в 1680–1750 гг. в равной мере пользовались этим «кодексом нравов и обычаев»[21]. «Домострой» – это нормативный источник, который показывает, как русская элита начиная с XVI в. усваивала западные представления о ценностях и тем самым приступила к секуляризации традиционных норм. Если вспомнить о самом, кажется, известном историческом примере семейной жестокости – убийстве царевича Ивана его отцом, царем Иваном IV (т. е. убийстве предусмотренного обычаем наследника престола рода Рюриковичей), в ходе домашней ссоры, то можно с полным правом толковать «Домострой» как выражение стремления найти пути к решению традиционных конфликтов семейного уклада. Ведь царевич хотел защитить свою беременную супругу от рукоприкладства своего отца[22]. В XVII в. господство мужчины в доме было бесспорным, и муж имел право в меру подвергать жену телесным наказаниям. Но, как предписывал уже «Домострой», супруг не смел делать это в присутствии других лиц, поскольку это могло бы унизить жену[23].

Как и в Западной Европе, браки в России – особенно в высших слоях общества – устраивались родителями, ибо брак рассматривался как дело семьи, благодаря которому она обретала новых наследников и союзни-

ков, и на их выбор она стремилась влиять. Хотя церковь с XVI в. отвергала заключение брака против воли вступающих в него, все же принуждение в этой сфере было обычным. Правда, это не означает, что не было браков по любви. Кроме того, незамужние или овдовевшие женщины, ведшие собственное домашнее хозяйство, могли заключать брачные контракты самостоятельно. Церковь веками вела борьбу за осуществление контроля над брачными связями и за искоренение широко распространенного обычного права. Только к концу XVII в. ей удалось узаконить свои стремления, но на практике продолжали применяться нормы обычного права. Эти нормы тоже дают представление о силе патриархальности в лоне семьи. Так, при заключении брака решающим оставался обычай, согласно которому отец невесты в своем доме «передавал» ее жениху. Господствовавшее положение отцов невесты и жениха подчеркивалось тем, что именно отцы при совершении свадебного обряда обменивались кольцами брачной пары. Церемония обручения может быть прослежена на примере свадеб царей. Архиерей объявлял невесте, что муж будет ее хозяином и что она обязана его слушаться. Жениху он давал наставление учить жену послушанию легкими ударами палкой. Одновременно жениху и невесте предписывалось не гневить друг друга без важной причины. Затем невесте покрывали голову, и впредь никто из посторонних не имел права смотреть на волосы замужней женщины, которые считались символом женской эротичности. Если же головной убор с женщины срывали насильно, то она сама, а также ее семья имели право подать жалобу на акт бесчестия. Наказания за это были чувствительными. Русское «Уложение» 1649 г. предоставляло женщинам на случай посягательства на ее честь даже больше прав, чем мужчинам[24].

Важным внешним признаком брака считалось совместное проживание. Женщине запрещалось самовольно покидать мужа, как и мужчине покидать жену. Муж, кроме того, должен был заботиться о жене и детях, а в случае неисполнения этой обязанности домочадцы могли подать на него в суд. В России раннего Нового времени, как и в Западной Европе, доминировал тип семьи со сравнительно малым числом детей, что было результатом высокой смертности младенцев[25]. Но, в отличие от Запада, возраст вступления в брак был в России существенно более молодым, а само бракосочетание считалось моральным долгом. Поэтому холостых было очень мало. О причинах такого обычая подробные данные собрала Н. Бошковска. Во-первых, сексуальные отношения, исключающие «разврат», играли в православном мировоззрении значительно бóльшую роль, чем в мировоззрении других государств с католическим вероисповеданием, где на первое место выдвигался принцип материальной обеспеченности супружеской четы, гарантирующий безбедное существование. Поскольку абсолютное большинство населения на Западе проживало в сельской местности, возможность обретения даже самого скромного участка земли, а также низкий уровень достатка, признаваемый нормой, позволяли сравнительно легко обзавестись собственным хозяйством. Во-вторых, в России мужчины, относящиеся к различным слоям населения, в том числе дворяне, обязаны были нести государственную службу и подчас из-за этого подолгу отсутствовали в семье, причем не только в военное время. Поэтому следовало возможно раньше произвести на свет наследников – до того, как муж покинет дом. Минимальный возраст вступления в брак составлял 15 лет для отроков и 12 – для девушек[26].

Обычай раннего замужества доставлял молодым женам значительные трудности. Пока не был обустроен собственный дом молодой семьи, юная жена была обязана подчиняться и женской иерархии в той семье, с которой она связала свою жизнь, т. е. прежде всего всемогущей свекрови, обычно имевшей большое влияние на сына, особенно если она была уже вдовой. Усугубляло положение то обстоятельство, что жены были слишком молоды, чтобы обладать качествами домохозяйки, которых от них ожидали. Уже в «Домострое», который ставил в пример домашний быт ядра городской семьи, были весьма тщательно установлены обязанности домохозяйки. Главной чертой повседневной жизни объявлялась обязанность хозяйки дома как в деревне, так и в городе прилагать все силы к устройству домашней жизни. В высших слоях общества хозяйка в основном распоряжалась слугами и надзирала за ними, но иногда работала и сама; в сфере низшего дворянства и в недворянских кругах она заботилась о домашнем быте, а в некоторых вопросах поддерживала и деятельность мужа. Повседневная обязанность руководства семьей, требовавшаяся «Домостроем», фактически не могла исполняться мужчиной, если, например, малообеспеченный дворянин, находившийся на государственной службе, какое-то время бывал вдалеке от дома, а его имение не давало ему достаточных средств, чтобы нанять управляющего и другой обслуживающий персонал. В таких случаях хозяйка становилась основой всего дома; подчас согласие между супругами и компетенция хозяйки были столь велики, что в богатых домах она контролировала и действия управляющего. Если хозяйка дома умирала, то по ходатайству вдовца церковь разрешала его вторичное бракосочетание, желая таким путем предотвратить упадок семьи и дома[27].

Высокопоставленные дворяне обладали достаточными средствами, чтобы разделять пространство дома на мужское и женское. Обычно женщины, укрываясь от внешнего мира и уединяясь, жили на верхних этажах. Этот обычай стал поводом для того, чтобы в записках путешественников соответствующих эпох появилось понятие «терем», которым исследователи оперируют и сегодня, хотя само это понятие не находит достаточного разъяснения[28]. Говоря о тереме, авторы записок предполагают, что представительницы высших дворянских кругов Руси пребывали в заточении, устраиваемом мужьями. Но такое утверждение в наше время ставится историографами под сомнение в самом принципе. На основе личной корреспонденции и других источников оказалось возможным выяснить, что высокопоставленные дворянки, хотя и жили в собственных покоях, выполняли также функции гостеприимства; к тому же им удавалось оказывать на окружение немалое влияние. Так, супруга князя В.В. Голицына (известного полководца и доверенного лица правительницы Софьи Алексеевны) Евдокия, будучи невесткой овдовевшей свекрови, оставалась в тени, а сама вдова твердо держала скипетр управления семьей в своих руках, пока ее сын исполнял свои служебные обязанности вдали от дома. Будучи женщиной энергичной и амбициозной, Татьяна Голицына держала сына в курсе всех событий и интриг в правительственных кругах, а также осуществляла полный контроль над имениями семьи[29]. На примере Татьяны Голицыной отчетливо видны возможности и пределы женской власти. Если исключить женщин-правительниц, то все остальные женщины действовали полностью на неофициальном уровне. Однако поскольку частная, административ-

ная и деловая сферы в Московской Руси еще не были четко отделены друг от друга, женская активность могла иметь также политические или хозяйственные оттенки, пусть даже по существу она всегда оставалась направленной на удовлетворение интересов семьи[30].

Выполнявшиеся женщиной функции зависели от ее положения и влияния в семье. Это можно проследить и на основании переписки между князем П.И. Хованским и его женой Прасковьей Андреевной. Поскольку мать князя еще не овдовела, ее влияние на внутренние дела семейной жизни было ограниченным. Когда Хованский, служа где-то в низовье Дона, вступил в конфликт с московской центральной администрацией, он возложил на жену функции «доверенного лица». Она давала ход его прошениям и даже могла лично представлять интересы супруга в государственных учреждениях. Кроме того, переписка между Прасковьей и Петром Хованскими содержит особые интимные нюансы; наряду с обычным в обращении супругов условным выражением обоюдного уважения в переписке отражены и чувства взаимной эмоциональной привязанности[31].

Жизнь дворянок высших кругов в уединении, видимо, была связана с представлениями того времени о статусе личности. Только в верхах общества можно было предоставить женщине такую форму обособления. Считалось, что именно таким путем лучше всего можно защитить женскую честь: она была ограждена как от оскорбляющих взглядов, так и от физического посягательства со стороны чужих. Этот аспект нельзя недооценивать. Ибо одной из тяжелейших проблем России раннего Нового времени было насилие над личностями, более слабыми в социальном и физическом смысле, а значит, и над женщинами. Насилие здесь было распространено шире, чем в Западной Европе, где в этот период уже проявлялась известная сдержанность в выражении эмоций, по крайней мере в высших слоях общества. Попытки бороться с проявлениями жестокости прослеживаются в нормативной литературе, где, например, осуждаются побои из мести или по злобе. Однако церкви не удавалось предотвращать акты насилия. Протоколы судебных процессов свидетельствуют и о семейных трагедиях. Жестокие избиения жен мужьями подчас имели смертельный исход, заканчивались даже побуждением к самоубийству, умышленным убийством. Причины коренились прежде всего в пьянстве и садизме мужей. Молодой возраст заключения брака обострял проблему, поскольку молодые женщины едва ли были в состоянии защитить себя и психически, и физически. Как и другие формы унижения, изнасилование тоже представляло собой повседневное преступное явление. Даже работавшие в монастырях женщины не могли быть уверены в том, что не подвергнутся домогательствам со стороны монахов. В семьях молодые жены часто становились жертвами своих свекров. Особой опасности подвергались женщины, выходившие из дома. Кажется, ни одна женщина не была уверена, что не станет объектом насилия. Одной из форм защиты женщин от насилия было ее неограниченное право на подачу жалоб в суд. Но ознакомление с судебными разбирательствами показывает, что юстиция в таких случаях чаще стояла на стороне мужчины. Если женщина жаловалась на мужа, то обычно сам факт жестокого обращения оказывался недостаточным для осуждения. Чтобы добиться необходимого приговора, надо было уличить насильника еще в каких-то других прегрешениях. Мужчинам удавалось успешно защищаться и ссылаться

на смягчающие обстоятельства, например на состояние опьянения, или же обвинять жену в противозаконных действиях[32].

Наиболее распространенными формами защиты женщин от супружеского насилия были бегство или развод. Хотя церковь в XVI и XVII вв. прилагала всевозможные усилия, чтобы добиться соблюдения законов супружества и развода в соответствии с каноническим правом, она не могла вытеснить проявление обычного права. Распространенное среди населения России безразличие к претензиям церкви и каноническим предписаниям касалось также практики развода. Многие пары расходились по нормам старинного обычного права. Кроме того, в XVII в. существовал развод по взаимному согласию. Разведшийся мужчина мог немедленно вступать в новый брак, женщине же предписывалось ждать в течение года, чтобы в случае беременности можно было однозначно определить отца ребенка. В принципе развод мог быть разрешен только высокой церковной инстанцией, но в реальности его провозглашали обычные священники и даже пономари или дьячки, пока законы XVIII в. не запретили эту практику[33].

Обобщая, можно сказать, что российскую семью раннего Нового времени как в целом, так и в дворянской среде определяли явно выраженная патриархальность и связанное с ней господство мужчин, включая прямое физическое насилие. Сфера действий замужних женщин ограничивалась традиционным разделением труда между полами и выполнением обязанностей в периоды отсутствия мужа. В этих рамках однозначная фиксированная нормативами государства и церкви иерархия определяла отношения между мужчиной и женщиной.

В домашнем мире и в повседневном быту тон задавал муж, который подчинял себе жену. В государственной и деловой жизни действовали только мужчины. Но все женщины могли выступать их заместительницами или, будучи вдовами, продолжать дело скончавшихся супругов. Одновременно на долю женщин выпадала значительная часть общего уважения и заботы о безопасности существования. Признанные за женщинами права не расшатывали патриархальные порядки, а укрепляли их. В целом считалось нормальным, что и женщины, и мужчины черпают свое самоопределение из семейного клана или же, живя в монастыре, из монашеской общины. Родовые или монастырские общины являлись наиболее важным социальным и культурным эталоном отдельного человека.

Об обновлении семейных структур в эпоху Просвещения едва ли можно вести речь. В литературе неоднократно указывалось на то, что со времени реформ Петра I положение женщины, особенно относящейся к дворянскому сословию, изменилось благодаря принятию западных культурных ценностей[34]. Однако было бы ошибкой считать, что эти новые элементы внесли принципиальные изменения в отношения между мужчиной и женщиной. Правда, Петр Великий распорядился, чтобы брак более не оформлялся против воли жениха и невесты, и обрученным предоставлялась возможность лучше познакомиться друг с другом после помолвки. Кроме того, Петр I отменил разделение мужчин и женщин в общественной жизни, приказав женщинам участвовать в торжествах введенных им ассамблей. Затем в XVIII в. далеко идущие проекты просвещения для мальчиков и де-

вочек были нацелены на предоставление обоим полам возможности получать образование. Обязательное посещение школ должно было высвободить детей из-под влияния родительского дома, чтобы обострить их чувство служения общему благу государства и сделать из них новых, полезных обществу людей. Одновременно – это в особой мере относится к Екатерине II – семья как ячейка государственной иерархии призывалась нести моральную ответственность за следование проводимым императрицей реформам. Впрочем, новая политика просвещения на первом этапе затрагивала главным образом только мальчиков из дворянских родов[35]. Участие женщин-дворянок в общественной жизни еще долгие годы оставалось уделом верхушки городской среды[36].

Внутренней структуры дворянских семей петровские реформы не касались, не ставились под вопрос и иерархические принципы общества. Но все же Петр I, предпринимая попытки рационализации политического управления, способствовал (в долгосрочной перспективе) тому, чтобы привить дворянству представления о ценностях образования, поскольку установил полную зависимость оценки заслуг и престижа каждого дворянина от его квалифицированной деятельности в пользу государства. В ходе перестройки государственного управления по организационным принципам Нового времени значительно возросла потребность в образованных государственных служащих. Давление, исходившее от государственной политики управления и просвещения, привело в долгосрочной перспективе к тому, что этос дворянина включил в себя компонент просвещения, хотя в 1762 г. обязанность дворянина выполнять государственные функции была отменена. Поскольку русское дворянство в противоположность западноевропейскому не строило свое самосознание на принадлежности к высшему сословию и его традиционным правилам, гарантировавшим непоколебимое положение в рамках общественного строя, высший слой российского общества должен был заботиться о том, чтобы наилучшим образом соответствовать государственным постулатам. В этом аспекте образованность стала со временем восприниматься как предпосылка для успешной служебной карьеры и сословного уважения. Культурно насыщенная жизнь стала теперь предпосылкой социального авторитета. Те дворяне, которым недоставало настоящей образованности и которые не вели «цивилизованный» образ жизни, не могли ощущать себя полноправными членами своего общественного слоя, даже если находились на государственной службе или владели крупным состоянием[37].

Реформы Петра I, касавшиеся брачных отношений, не ограничивались стимулами к изменению жизни женщин или их поведения в обществе. Они были направлены на постепенное формирование этоса просвещения, основанного на западных представлениях. Оно относилось и к мужчинам, и к женщинам, пусть даже цели просвещения были различными, ибо соответствовали специфике женской и мужской ролей в обществе.

Кроме того, необходимо было удовлетворить требование распространения образования не только формально, проводя просвещение через образовательные учреждения; просвещение должно было проявляться «в виде индивидуального участия в процессе общественной эмансипации», т. е. в негосударственных элитах в качестве организующего общественность элемента. Только в таких зарождавшихся ячейках общества женщины

могли искать путь к просвещению и к реализации самостоятельной деятельности во имя всеобщего блага[38].

Работа Дж. Товров о структуре семьи в среде русских дворянских родов начиная с последних лет XVIII в. до эпохи великих реформ подтвердила, что патриархальные принципы оставались незыблемыми. Жизнь в семье по-прежнему разделялась на женскую и мужскую сферы. Представителем семьи был, как и раньше, ее глава, функционировавший как связующее звено между семьей и внешним миром. Авторитет «отца семьи», как и раньше, основывался на его притязаниях быть образцом непогрешимости. Его господствовавшее положение «над семьей» создавало также внешнюю дистанцию между главой семьи и ее членами. Физически это проявлялось в наличии отдельных помещений, «святынь» дома, которыми пользовался он один, а также в показном соблюдении эмоциональной дистанции по отношению к членам семьи[39]. Семья в среде русского дворянства основывалась не только на родственных связях отдельных лиц, отношения между которыми закреплялись также правом и традициями, но и (еще больше, чем в Западной Европе) на правилах поведения. В соответствии с ними в семью могли включаться и не родственные между собой лица, в то время как непослушные члены могли из семьи исключаться. Еще одним признаком русской дворянской семьи служило то, что ее домашнее хозяйство представляло собой крупный комплекс, в котором находили себе место не вступившие в брак родственники, няни из крепостных, а иногда и домашние учителя, гувернантки и многие другие лица. Общее место проживания семьи не означало, что каждый ее член должен был постоянно находиться на одном и том же месте. Важнее было, чтобы все члены семьи оставались под влиянием авторитета главы семьи[40].

Эта прочная семейная иерархия предполагала представления людей о «внутреннем» семейном порядке и «внешнем» порядке за ее пределами. Поскольку каждый отдельный член семьи находил свое место в обществе, а вместе с ним и укреплял свой престиж благодаря семейным связям, в XVIII в., да и позднее, от каждого ожидалось, чтобы он ставил интересы семьи выше своих собственных. Соответственно и бракосочетания детей продолжали устраиваться родителями в рамках семейной политики, и с моральной точки зрения едва ли можно было от этого уклониться[41].

Взгляд на внутреннюю структуру семьи обнаруживает два мира, иерархически разделенных по признаку пола. Лишь по редким поводам женщины и мужчины встречались в обществе; даже смешанные званые вечера часто распадались на основании строгой, отвечавшей различию полов, социализации на мужскую и женскую компании. Принципиальное разделение по полам охватывало жизненное пространство, социальные контакты и воспитание детей. В той части дома, которую занимали женщины-дворянки, проживали их личные слуги и служанки, а также учителя. Мать отвечала за воспитание дочерей, отец – за воспитание сыновей с момента выхода их из возраста малолетних (т. е. после того как им исполнялось 6 лет); считалось, что они уже способны мыслить абстрактно. В первые годы детства как за мальчиками, так и за девочками ухаживала няня под наблюдением родителей. Главным образом именно с ней, крепостной, связанной со своим крестьянским миром, с ее сказками, легендами и жизненной

мудростью дети находили эмоциональную близость. Няня даже защищала их от гнева родителей, утешала и ласкала[42]. Поэтому и в конце XIX в. в состоятельных семьях можно было наблюдать такую картину:

Всякое детство доверялось няне, а каждая няня была крестьянского происхождения. Эти мудрые, добрые, глубоко религиозные и преданные женщины любили своих воспитанников с нежностью и самоотверженностью матери. Большинство из них учили детей первым молитвам, через нянек дети знакомились с народным творчеством. Нянек всегда любили и ценили, они на всю жизнь оставались в семье, где часто даже заботились о детях нескольких поколений... Неудивительно, что добросердечная няня оказывала на детей длительное влияние...[43].

В дворянских семьях родители, как правило, соблюдали эмоциональную дистанцию по отношению к детям, предоставляя их воспитание слугам[44]. Если контроль над воспитанием подрастающего сына брал на себя отец, то он считал своей главной задачей наставлять отрока в духе служения государству, учить его послушанию авторитетам, но тем не менее прививать ему самостоятельное мышление[45]. Напротив, дочь готовили исключительно к роли жены и матери. Ей предписывалось надзирать за домашним хозяйством и слугами, быть готовой помогать мужу, рожать детей и заботиться об их выращивании. Жизнь дворянских жен концентрировалась на домашних заботах. Им надлежало распоряжаться при организации приема гостей и в случае необходимости заниматься благотворительной деятельностью в своем имении, например лечить больных домашними средствами. Для заполнения досуга девушки занимались рукоделием, музыкой, а в XIX в. еще и чтением. Слишком высокая образованность была нежелательна, поскольку грозила снизить шансы выдать девушек замуж. В перечне добродетелей готовых к замужеству дочерей числились такие качества, как скромность, послушание, чуткость и тем самым способность к выполнению роли, обязывающей женщину исполнять свой долг и жить в готовности к самопожертвованию[46]. Наилучшим образом подготовленная в таком духе к своей будущей роли в обществе молодая женщина высоко ценилась в момент выхода замуж и вступления в роль хозяйки в доме супруга. Когда в начале 1843 г. Е.Ф. Корвин-Круковская вышла замуж, она записала в своем дневнике: «Я уже не являлась существом бесплодным, эгоистичным, нетерпеливым по отношению к судьбе, недовольным жизнью: дни моей жизни будут посвящены теперь благополучию моего супруга, мои мысли и дела обращены к нему и к его счастью»[47]. В другом месте она записала: «Мысль о том, что он, наконец, стал моим мужем, которому я все отдаю, всем жертвую, который и ныне, и в грядущем будет для меня всем, эта мысль упоительна»[48].

В не меньшей мере в русском обществе XVIII в. считалось непреложной истиной, что каждый взрослый и здоровый человек, если только он не уходит в монастырь, должен иметь семью. Представлялось безбожным и противоестественным уклоняться от предназначения к брачному союзу, и не иметь детей считалось божьим наказанием[49]. По данным статистики, в России наблюдались – по сравнению с Западной Европой – ранний возраст вступающих в брак и высокий уровень рождаемости. Такие факторы характерны для традиционных обществ, где контроль рождаемости и пла-

нирование семьи существенной роли не играют. В конце 60-х годов XIX в. в 50 губерниях европейской части России 57% всех женщин, выходивших замуж, были моложе 21 года, хотя в балтийских провинциях, Финляндии и российской части Польши средний возраст вступления в брак совпадал с западными мерками – между 20 и 30 годами. Если к 1900 г. в Центральной Европе женщины детородного возраста рожали в среднем 4–5 детей, то в европейской России это число составляло 7 и являлось самым высоким показателем рождаемости в Европе.

На рубеже веков Россия занимала ведущее положение и по показателю заключения браков[50]. Юный возраст вступления в брак, низкий престиж холостяков и незамужних и высокая рождаемость несмотря на высокую детскую смертность приводили к демографическому росту всех социальных слоев населения[51]. В дворянской среде также высоко ценилось как можно более раннее замужество подрастающих дочерей. Остаться вне брака считалось наказанием судьбы и в социальном, и в экономическом плане, поскольку не иметь мужа означало для женщины потерять всякие шансы на обретение авторитета в рамках собственной семьи и прозябать в качестве более или менее бесполезного члена этой ячейки общества[52].

В соответствии с господствовавшим пониманием роли женщины тесная связь между матерью и подрастающей дочерью нередко возникала только в возрасте от 9 до 16 лет. Она основывалась на ответственности матери за судьбу дочери. Имея обязательство выдать дочь замуж в соответствии с социальным статусом семьи, мать обретала уважение родственников, воспринимавшееся ею в качестве компенсации за лишения в первые годы замужества. Из стоящей перед ней задачи мать черпала такой авторитет, который ставил ее на одну с мужем иерархическую ступень в семье. Как правило, мать в глазах дочерей являлась неприступной, строгой и могущественной и в то же время подавала хороший пример, достойный подражания. Девочек с самого раннего детства учили видеть в матери идеал и к нему стремиться, пока не будет достигнута цель самой стать женой и матерью. Отцы играли в воспитании дочерей второстепенную роль, а контакт между матерью и дочерью становился тем теснее, чем ближе подходил возраст замужества[53]. В это время мать прививала своей дочери навыки ведения домашнего хозяйства и вводила ее в общество, чтобы дать возможность неженатым мужчинам посмотреть на нее[54]. Мечта каждой невесты – завоевать любовь и уважение – рассеивалась для некоторых молодых женщин вскоре после замужества, когда им приходилось вступать в сферу иерархии семьи мужа. Достаточно часто оказывались пустыми и утешительные слова матерей о том, что любовь и счастье могут прийти только после продолжительного супружества. Но при всех разочарованиях устроенного родителями брака молодой жене оставалось только принимать порученную ей роль. Лишь будущее обещало, что благодаря материнству и выполнению связанных с ним функций воспитания начнется постепенный подъем по ступеням иерархии в рамках семьи[55].

Сведения о жизни русского поместного дворянства с конца XVIII до середины XIX в. указывают на сохранение традиционных, патриархальных отношений между полами. Именно в отрыве от новой придворной культуры жизнь помещиков по-прежнему определялась главенством мужчин

и покорностью женщин. О жизни русской провинции повествует, например, «Семейная хроника» С.Т. Аксакова (1791–1859)[56]. Писатель обрисовал своего деда Степана Михайловича как всемогущего главу семьи, который, словно Господь Бог, любил, наказывал и прощал своих ближних, а семья отвечала ему величайшей преданностью. Старый Аксаков был описан как сильный, мужественный и умный человек, который получил минимальное образование только на военной службе. Имея скромное состояние, он дерзнул купить большое земельное владение в провинциальном уезде под Уфой, где и поселился со своей семьей и крестьянами[57]. Когда его жена и четыре дочери однажды обманули его, он пришел в такое страшное бешенство, что «по прошествии тридцати лет тетки мои вспоминали об этом времени, дрожа от страха». В результате старшие дочери долго болели, а жена лишилась косы, и почти год ей пришлось ходить с пластырем на голове[58].

Причиной его гнева было тайное замужество его любимой кузины Прасковьи Ивановны, супругом которой стал молодой майор М.М. Куролесов. Этот человек, привлеченный богатством и наследством Прасковьи, уже в первые годы супружества завладел рядом ее имений, поскольку жена передала ему полномочия на наследство ее отца. Поселив Прасковью в одном из семейных сельских владений, он проводил время в других имениях в диком распутстве. Подкупив местные власти и суды, он позволял себе хозяйничать крайне жестоко и не останавливаться перед кровопролитием, даже пытать подчиненных до смерти, если у него появлялось такое желание. Когда жена узнала о его выходках, она потребовала вернуть ей полномочия распоряжаться имениями и пригрозила в случае отказа подать на него в суд за акты насилия. Тогда он жестоко избил ее дубиной и запер в подвале, пригрозив держать там до тех пор, пока она не отпишет на его имя все имения. После того как Степану Михайловичу Аксакову удалось по счастливой случайности освободить изголодавшуюся и охваченную лихорадкой женщину, та попросила его отказаться от всяких попыток отомстить Куролесову. В смирении она простила мужа и хранила верность ему до самого гроба[59].

Единственный сын Степана Михайловича, выросший под влиянием своего всемогущего отца несколько стеснительным, но добросердечным юношей, вынужден был в 1788 г. пригрозить отцу самоубийством, если тот не разрешит ему взять в жены молодую дворянку Софью Николаевну из Уфы, в которую он безмерно влюбился. Для условий того времени Софья была необыкновенно начитанной девушкой, мечтавшей блистать в обществе своего города умом и элегантностью. Однако Степан Михайлович отрицал ее достоинства, считая, что образ жизни представительницы городского дворянства не подходит традициям старого сельского дворянского рода Аксаковых. Он опасался за авторитет своего сына и после свадьбы всячески стремился побудить молодую жену приспособиться к личности супруга. Настоящее семейное счастье установилось только после того, как Софья «выполнила свой великий долг» и родила наследника рода[60].

О всесилии главы семьи рассказывает в своих мемуарах и Елизавета Николаевна Водовозова, урожденная Цевловская (1844–1923). Ее дед Степан Михайлович Гонецкий был помещиком в Смоленской губернии, человеком традиционного склада. Опираясь на свои представления об авторитете главы семьи, он придавал величайшее значение эмоциональной дистан-

ции между собой и женой с детьми. Даже семейная ссора казалась ему делом слишком интимным. Он авторитарно устанавливал правила совместной жизни и в разговорах с членами семьи всегда прибегал к поучительному тону. От своей молодой жены Марьи Федоровны, на которой женился, будучи вдовцом, против ее воли и которая была всего на четыре года старше его дочери Александры, он требовал абсолютного повиновения. Вопреки ее живому темпераменту и жизнерадостному настроению он сразу же потребовал от нее вести себя смиренно, а говорить только в тех случаях, когда ее будут спрашивать. Разговаривая с ним, она должна была выражать глубокое почтение к мужу[61]. Гонецкий запрещал своей жене свободно общаться с тремя неродными для нее детьми, как и детям выражать свои чувства в беседах с мачехой. Ее душевное состояние вовсе не интересовало мужа. Поэтому молодая супруга, получившая воспитание в хорошем московском пансионе, страдала от вечной скуки, тем более что и гости Гонецкого интересовались только игрой в карты или сельскохозяйственными проблемами. С тем бóльшим чувством Марья Федоровна надеялась на добрые отношения с неродными детьми – недавно (в 1828 г.) выписанной из одного петербургского интерната Александрой и ее братьями, двумя молодыми офицерами. Поскольку мачеха очень располагала к себе окружающих, она сразу же завоевала и сердца молодых членов семьи. В отсутствие Степана Михайловича она разделяла с ними досуг, ходила на прогулки, они читали вслух или вели беседы. Но услышав, что Гонецкий возвращается домой, все разбегались по своим комнатам.

Для Гонецкого эти дружеские отношения недолго оставались секретом. Однажды он вернулся домой тайком, а все четверо беспечно танцевали, так что не услышали его приближения. К счастью, проявить свой неуемный гнев против жены и детей помешало случайное посещение некоего гостя, но с тех пор Марья Федоровна оказалось у мужа в немилости, поскольку он считал свой авторитет уязвленным. Гонецкий начал ее мучить и морально, и физически столь жестоко, что она потребовала разрешения удалиться в монастырь. Но вместо этого он только продолжал свои издевательства. Он выселил ее в деревню, находившуюся среди ядовитых болот, куда отсылал своих непослушных крестьян. Марья Федоровна была отправлена туда даже без материального обеспечения. Лишь с помощью сочувствующих крепостных, живших там, она смогла еще на некоторое время продлить свое скудное существование, а в возрасте 28 лет там же умерла[62].

Петиции, подававшиеся в Священный синод, также свидетельствовали о пренебрежении и жестокости мужей по отношению к женам. Так, дворянка Александра Ивановна Кроткая в 1768 г. просила разрешения жить вдали от мужа, потому что он попирал ее достоинство. Очевидно, он женился только для того, чтобы получать доходы от использования земельных владений, унаследованных Александрой Ивановной от отца. После свадьбы он продолжал встречаться со своей любовницей, одной из крепостных, и даже обращался с ней как с законной женой, а Александру унижал всеми возможными способами. Молодая супруга пыталась терпеливо сносить его поведение в соответствии с собственными представлениями, но это не принесло ей ожидаемого облегчения. И, наконец, ее законный супруг принялся услаждать себя тем, что стал предаваться утехам с живущими в имении крепостными крестьянками[63].

Впрочем, эти примеры драматических брачных и семейных отношений еще не означают, что в домах русского дворянства сплошь преобладали свирепость и жестокость глав семьи. Исследования не дают такого рода обобщений. Примеры здесь представлены для того, чтобы показать, с одной стороны, пределы произвола главы семейства, а с другой – привязанность к семье и смирение перед его авторитетом подчиненных ему членов этой семьи. Можно еще добавить, что во всех случаях, касавшихся женщин, ключевую роль играло их социальное положение. Прасковья Ивановна Куролесова, как и Александра Ивановна Кроткая, передали полномочия пользоваться их богатым наследством мужьям и тем самым попали в полную зависимость от них; Софья Николаевна Аксакова происходила из обедневшей дворянской семьи и вышла замуж, надеясь, что супруг обеспечит ей существование; наконец, Марья Федоровна Гонецкая была сиротой без средств, к замужеству ее вынудил опекун[64]. Кроме того, можно отметить, что в истории с Софьей Николаевной и Марьей Федоровной то образование, которое они ранее получили, действовало как фермент несоответствия: между необразованным мужем и образованной женой возникала пропасть, что ощущалось обеими сторонами как фактор, ослабляющий авторитет мужа в семье и не одобрявшийся уже с общественной точки зрения, если учесть существовавший с начала XVIII в. государственный интерес в образованности дворянства.

К середине XIX в. поощряемое государством образование различным образом изменило жизнь женщин. На основании некоторых автобиографических свидетельств положение женщин в дворянской среде конца XVIII и первой половины XIX в. можно разделить на три группы. Одна из этих групп вела себя традиционно. Из мемуаров ее представительниц ясно, что они с самого детства жили в женском мире. Ситуация не менялась и после замужества (которое организовывалось родителями). Поэтому в мемуарах отношения между супругами играли второстепенную роль. Эти женщины почти не проявляли интереса к общественной жизни и к вопросам политики, хотя одни из них выполняли семейные обязанности, а другие служили придворными дамами, где их функции были скорее «декоративными» – они должны были вести разного рода беседы, а также участвовать в соблюдении религиозных ритуалов[65].

Вторая группа женщин уже отделилась от традиционного семейного мира, расщепленного на мужские и женские семейные иерархии. Образование, полученное этой группой женщин в родительском доме, стало основой их растущего интереса к культуре и общественным проблемам. В числе таких представительниц женского пола следует назвать Веру Сергеевну Аксакову (1819–1864), которая общалась в доме своего отца Сергея Тимофеевича Аксакова с литературными деятелями своего времени. С самого детства она привыкла к живому обмену мнениями с отцом, а также с братьями Иваном и Константином. Здесь следует упомянуть также Александру Осиповну Смирнову (1809–1882) и Авдотью Петровну Елагину (1789–1874), салоны которых принадлежали к наиболее почетным центрам общения дворянского мира. Правда, женщины такого типа не принимали активного участия в общественной жизни, но они вступали в контакт с другими дворянскими кругами, участвовали в культурных мероприятиях и обсуждали актуальные проблемы своего времени[66].

К этой группе принадлежали также такие писательницы, как З.А. Волконская, Е.П. Ростопчина или К.К. Павлова, которые устраивали пользовавшиеся высокой репутацией салоны[67]. Личность З.А. Волконской (1792–1862) в значительной мере была сформирована ее отцом А.М. Белосельским-Белозерским, служившим в качестве российского посла в Турине. Поскольку мать Волконской умерла при родах, ее отец, высокообразованный человек, немало сделавший для развития культуры в стране, с увлечением посвятил себя воспитанию дочери и старался развивать ее природные способности. Девочка рано овладела несколькими западноевропейскими языками, декламировала стихи известных французских поэтов, восхищалась музыкальными произведениями. Когда Зинаида Александровна в возрасте 17 лет вышла замуж за Н.Г. Волконского, у нее появилась возможность продолжать развивать свои наклонности. Сначала она посвящала себя любительским спектаклям и пению при дворе царя Александра I, а позже в Париже с огромным успехом выступала в качестве оперной певицы, что, правда, при царском дворе воспринималось уже как несоответствие ее положению в свете. С 1819 г. она занималась литературным трудом, в связи с чем увлеклась и историческими исследованиями. В 1825–1829 гг. ее дворец на Тверской улице в Москве стал культурным центром города. Почитаемая «царицей муз и красоты», она регулярно устраивала концерты, театральные представления и вечера чтения. Здесь бывали самые выдающиеся славянские поэты, в том числе Адам Мицкевич и Александр Пушкин. Интересы княгини не ограничивались культурой. В 1826 г. она демонстративно выразила протест против реакционной политики Николая I, устроив блестящий прощальный вечер в честь жены деверя княгини М.Н. Волконской накануне отъезда этой молодой женщины к мужу, декабристу С.Г. Волконскому, приговоренному к каторжным работам. В 1829 г. княгиня окончательно дискредитировала себя в глазах царя Николая I, перейдя в католичество, после чего она переселилась в Италию[68].

Наконец, третьей группе С.Т. Берти сознательно придавала «мужской характер». Ее сторонницы проявили себя в политике и культуре, одна из них даже в армии. Деятельность этих женщин не оценивалась ни обществом, ни ими самими как «чисто женская», она воспринималась как независимость, основанная на «мужском духе и характере» – так называла подобное явление Екатерина II (1729–1796)[69]. К представительницам этой группы относились прежде всего сама великая царица, ее придворная дама Е.Р. Дашкова (1743–1810), которая в 1783 г. была назначена директором Российской академии наук, а также писательница Н.А. Дурова (1783–1866). Последняя выдавала себя за мужчину и 12 лет прослужила в кавалерийском полку. Эти женщины отличались своей социализацией от женщин первой группы, воспитанных в русских традициях.

Екатерина II уже из-за своего немецкого происхождения воспринималась русским обществом инородной. Полную свободу действий она обрела только после убийства Петра III в 1762 г., став вдовой. Дашкова благодаря своему дяде получила первоклассное воспитание, рано вышла замуж по любви и рано овдовела. Дурову воспитал отец-офицер, вместо няни за ней ухаживал его подчиненный. Поэтому военный быт скоро стал для Надежды олицетворением почета и источником счастья. Эти ценности ей пришлось всеми силами сохранять, прибегая даже к рискованным действиям,

и тогда, когда она стала женой и матерью. Исполнение обычных женских функций она для себя отвергала вплоть до конца жизни. «Эмансипация» таких женщин – в смысле изменения характера жизненной роли – носила ограниченный, чисто индивидуальный характер. Они вовсе не стремились в принципе менять господствовавшее соотношение между полами, как и призывать своих подруг – других женщин – играть новую независимую роль в обществе. Они даже не ставили перед собой задачу воспитывать детей по собственному образцу[70] и изменять семейные порядки, хотя сами не признавали ограничения женской сферы.

С точки зрения положения русской женщины в браке и семье модернизация, проведенная Петром I, имела и теневые стороны. До петровского времени женщинам не раз удавалось высвобождаться из уз расшатанного брака, поскольку церковь не запрещала принципиально разводы. Когда русская православная церковь в ходе петровских реформ была включена в государственное управление, то это было связано с намерением повысить эффективность ее деятельности. Церковь еще со Средних веков претендовала на монополию в вопросах заключения брака и разводов, однако не имея соответствующей церковной бюрократии, не могла осуществлять требуемого контроля. В сфере брачных отношений вплоть до второй половины XVIII в. ответственность за соблюдение соответствующих правил несли в основном приходские священники. Они произвольно выписывали свидетельства о разводе, приводя в качестве причин наряду с каноническими также размолвки, серьезные болезни или жестокое обращение. Правда, в 1730 г. Священный синод запретил священникам выдавать такие документы, однако первое время практика разводов мало чем изменилась. Также и неформальные разводы были настолько распространены, что в 1767 г. московское дворянство подало прошение об упорядочении в подобных случаях прав на собственность[71].

По мере совершенствования церковного управления и устройства епархиальных структур, а также с введением церковных книг в течение XVIII в. появилась возможность контролировать на новой основе жизнь членов общины. Одновременно церковь усовершенствовала свое законодательство. В вопросах брака и семьи церкви как духовной власти важно было защититься от светской регламентации, например от допуска брачного контракта, который мог бы ограничить влияние духовенства. В частности, церковь подчеркивала значение брака как святого таинства и поэтому заявляла о его нерасторжимости. Под влиянием реставрационных европейских течений, возникших после наполеоновских войн, традиционная семья являлась самым неприступным бастионом против морального и политического упадка. Такая позиция церкви обосновывала политику в отношении семьи и брака, которой предстояло в последующие десятилетия стать одной из строжайших в Европе в отношении практики разводов, особенно после 1819 г., когда было объявлено незаконным также разделение стола и постели[72].

Перед великими реформами 1860-х годов семейное законодательство Российской империи твердо придерживалось традиций патриархальных представлений о власти. Роль женщины определялась по-прежнему

тезисом о природном неравенстве полов. Статья 103 брачного законодательства обязывала мужа и жену жить вместе и самым строгим образом запрещала самовольное отделение одного из супругов от другого. Если мужу надлежало поменять место жительства, то обязанностью жены было следовать за ним. Только в случае ссылки мужа его жене предоставлялся выбор следовать за ним или отказаться от этого (статья 104). Статья 106 налагала на мужа обязательство любить жену, «как собственное тело», жить с ней в согласии, уважать ее и защищать, прощать ей ее недостатки и лечить ее недуги. Муж должен был оказывать материальную поддержку жене в соответствии со своим имущественным положением. Жена согласно статье 107 обязывалась подчиняться мужу как главе семьи, жить с ним «в любви, почитании и безграничном повиновении» и оказывать ему как главе дома всяческие услуги. Статья 108 ограничивала подчинение жены мужу тем, что она не освобождалась от своих обязательств в отношении родителей[73].

Права женщины на собственность составляли резкий контраст с ее супружескими обязанностями. Здесь русский свод законов фиксировал традиционное право супруги свободно распоряжаться своим приданым, наследством и недвижимостью[74]. Однако в наследственном праве на имущество семьи опять находил свое явное отражение принцип, отдававший преимущество мужу как главе рода и семьи. В случае наследования детьми дочь получала одну восьмую часть движимого и одну четырнадцатую часть недвижимого имущества, а братьям доставалось все остальное наследство поровну. Женщины уравнивались в правах только в том случае, если не было законных наследников мужского пола. Вдовам доставалась седьмая часть недвижимости и четверть движимого имущества в качестве средств на содержание[75].

Выражением подчиненного положения замужней женщины были также паспортные предписания, отмененные только в 1914 г. До этого времени имя замужней женщины вносилось в вид на жительство мужа, т. е. она не пользовалась свободой передвижения вне зависимости от воли мужа. Вносились в этот документ имена сыновей и других родственников мужского пола в возрасте до 18 лет, а также имена незамужних дочерей и других родственниц в возрасте до 21 года. Одновременно совершеннолетние незамужние дочери и вдовы могли получить собственный бессрочный паспорт[76].

Патриархальный принцип сохранялся в полном объеме также в гражданском праве по отношению к законным детям. Родители пользовались правом их наказывать, если только наказание не вызывало смертельных последствий и тяжелых увечий. Если дети проявляли постоянное непослушание, то родители могли отдавать их на воспитание в исправительные дома. Власть родителей ограничивалась только в тех случаях, когда дети учились в государственных школах, находились на государственной службе или когда дочь после замужества попадала под покровительство своего супруга. В то же время закон фиксировал обязанность родителей заботиться о детях, что относилось к материальным и духовным потребностям детей и подразумевало их просвещение в возрасте от 10 до 18 лет. При этом существовало разделение по половому признаку, состоявшее в том, что мальчиков надлежало готовить к службе или ремеслу, а девочек –

к замужеству. Дети, в свою очередь, обязывались законом любить родителей, уважать их и служить им вплоть до их смерти[77].

Развод по закону допускался только церковным судом на основе петиции. В качестве исключений развод оформлялся в случае супружеской неверности или импотенции, при уходе в монастырь, при осуждении одного из супругов, означавшем потерю гражданских прав (что было равносильно гражданской смерти), а также в случае неизвестности о месте пребывания одного их супругов в течение 5 лет. И только невинной или ущемленной в правах стороне разрешалось повторное вступление в брак. Кроме того, супругам строжайшим образом запрещалось проживать раздельно по собственной договоренности. Чтобы затруднить развод даже по допустимым причинам, для его оформления требовалось в случае супружеской неверности представить не менее двух свидетелей; в случае импотенции суд рассматривал дело не раньше трех лет после представления иска и после медицинского удостоверения непорочности жены. Только при осуждении к ссылке одного из супругов церковь осуществляла развод с той же готовностью, как при заключении брака между лицами различных вероисповеданий, которое разрешалось с 1721 г.[78] В XIX в. запретительная политика в области разводов была направлена на то, чтобы разводов было как можно меньше. Священный синод в подавляющем большинстве случаев отказывал в разрешении на развод, даже если петиции поддерживались местными епископами. Насколько формально и оторванно от жизни Священный синод при этом поступал, показывает пример 1824 г. Одна женщина заразилась такой тяжелой формой сифилиса, что у нее отпали нос и губы, и она ослепла. Петиция о разводе, поданная мужем в связи с физической неспособностью жены поддерживать половые отношения, была отклонена Священным синодом на том основании, что супруга не страдает бесплодием. Священным синодом не принималось во внимание в качестве причины развода и жестокое обращение[79]. Доля разводов с 1841 по 1860 г. выросла (при заключении ежегодно в среднем по 55 тыс. браков) с 0,05 до 0,13%. В 1841 г. были разрешены 31, а в 1860 г. – 71 развод, в основном из-за эмиграции или отсутствия одного из супругов[80]. Жена, сбежавшая от мужа или брошенная им, теряла право претендовать на материальную поддержку[81].

В целом положение было таково, что от права замужней женщины на собственность вплоть до второй половины XIX в., как правило, ей было мало пользы. Она была беззащитна перед физическим и психическим произволом мужа. Обычно супруг распоряжался и приданым жены. Такой зависимости были лишены только вдовы. Именно в ходе начавшихся социальных перемен церковь и государство взаимно утвердились в сознании того, что порядок в семье зиждется на подчинении жены воле мужа, т. е. на неприкосновенных самодержавных структурах.

Но постепенно, под усиливающимся давлением «снизу», положение менялось. В процессе урбанизации, возрастающей профессиональной занятости женщин и их социальной мобильности на закате существования царской империи все больше браков фактически распадалось ввиду ухода одного из супругов. Кроме того, мужья и жены все чаще прибегали к подкупу свидетелей, чтобы получить подтверждение супружеской неверности

и вслед за этим желанный развод, пусть даже без права провинившегося супруга на повторный брак. Патриархальные принципы расшатывались не в последнюю очередь благодаря западным государственным и социальным теориям, воспринятым русскими реформаторами. Среди наиболее решительных сторонников буржуазных представлений о праве были профессиональные юристы, ратовавшие вплоть до конца существования царской России за реформу законодательства в области семейных отношений. В конечном итоге они добились того, что кассационное отделение Сената стало в ограниченной мере решать социальные вопросы, связанные с кодексом законов о семье. Это же отделение, в частности, принимало решения, когда в случае нарушения прав замужней женщины на ее собственность оказывалось необходимым восстановить это право, даже если такая мера приводила к разрыву супружеского союза. Брак уже не сохранялся любой ценой. Аналогичные решения принимались при жестоком обращении с замужней женщиной. Здесь новое понимание права аргументировало защиту жены от насилия мужа тем, что обязательства налагаются на каждую из сторон, т. е., в частности, и на мужа, который обязан оказывать уважение и моральную поддержку жене. В случае длительного несоблюдения этих обязанностей мужем желание жены о раздельном проживании удовлетворялось, причем муж не освобождался от обязанностей содержать супругу. В 1914 г. реформаторам удалось вынудить консерваторов принять закон о праве супругов на раздельное проживание, который был принят наряду с новой редакцией закона о паспортном режиме[82].

Впрочем, эти процессы второй половины XIX в. не должны создавать ложного впечатления, что патриархальный семейный уклад был уже якобы преодолен и, следовательно, супружеская чета получала возможность порвать с правилами распределения ролей, предписываемыми семейным законодательством. На международном женском конгрессе в Лондоне в 1899 г. российская защитница женских прав Бубнова выступила с докладом о правовом положении замужней россиянки. Она отметила позитивные изменения в правовой ситуации женщин, но одновременно призвала задуматься над тем, что практика русского бракосочетания и развода еще очень далека от буржуазного законодательства. В историческом плане процессы развития в этой области представлялись ей следующим образом:

> Петр Великий освободил женщину из ее домашней тюрьмы, вывел ее в сферу общественной жизни и открыл перед ней новый, совершенно неизвестный мир. Это моральное и физическое освобождение русской женщины наряду с положительным влиянием, оказанным упомянутым освобождением на грубые нравы тогдашнего времени, было для женщины очень полезно; пробудилось сознание ее униженности, она стала стремиться подражать своим цивилизованным сестрам на Западе. К несчастью, те реформы, которым надлежало изменить частную жизнь в России, были введены столь неожиданно и столь жестко, что в результате лишь поверхностно коснулись социальной жизни, между тем как русская домашняя жизнь с ее глубоко укоренившимися предрассудками еще долго была отмечена следами рабства и несправедливости, да и сейчас остается такой[83].

2
Детские и отроческие годы

Каким было детство женщин, которые впоследствии вошли в историю в качестве ведущих фигур движения за женскую эмансипацию и бросили вызов своему окружению, выразив желание жить, самим отвечая за свои действия и одновременно выступая в интересах общественного прогресса? Как удалось этим женщинам оторваться от собственной среды? Ни одна из этих женщин не происходила из такой семьи, в которой ее члены могли бы свободно выбирать ту или иную роль даже в тех случаях, где материальная нужда заставляла дочерей готовиться к будущей профессиональной деятельности. Все же в отдельных семьях можно наблюдать упадок традиций, если достаточно глубоко исследовать взаимоотношения между членами семьи, стиль ее жизни, формы заботы о подрастающем ребенке и тем самым совокупность всех определяющих влияний на его социализацию. В центре наших изысканий стоят Мария Васильевна Ивашева (в замужестве Трубникова), Елизавета Николаевна Цевловская (в замужестве Водовозова, позже Семевская), Надежда Прокофьевна Суслова и Вера Николаевна Фигнер. Дополнительно будут исследованы судьбы еще восьми представительниц русского движения за эмансипацию[1]. При изучении отдельных биографий нас будут особенно интересовать социальное происхождение женщин и их домашняя среда.

Мария Васильевна Ивашева (Трубникова) – старшая дочь декабриста Василия Петровича Ивашева, сосланного в Восточную Сибирь на Петровский завод, родилась 6 января 1835 г. Ее мать Камилла (Камилла Петровна) Ле-Дантю, французская гувернантка аристократического происхождения, следуя примеру некоторых жен декабристов, поехала за Ивашевым в Сибирь и там вышла за него замуж. Маша с детства глубоко почитала своих родителей; вместе со своими родственниками она поистине возвела в культ и личность, и идеалы Василия Ивашева[2].

Василий Ивашев происходил из весьма состоятельной и просвещенной дворянской русской семьи. Его отец Петр Никифорович Ивашев в некоторых губерниях имел обширные земельные владения, а военную службу проходил в качестве адъютанта генерала Суворова. Когда он, обладатель множества наград, вышел в отставку, то поселился во дворце на берегу Волги в Симбирской губернии. Там и вырос его единственный сын Василий. После отличного домашнего воспитания он в 14-летнем возрасте поступил в Пажеский корпус и таким образом продолжал свое образование в элитном учебном заведении. Вскоре после его окончания Ивашев-младший уже служил штаб-ротмистром в Петербурге; в походе же против Наполеона он не участвовал и не пережил потрясения от связанных с этим «европейских переживаний». Но все же западноевропейский политико-либеральный менталитет все в большей мере оказывал на Василия свое влияние. В 1819 г. он вступил в офицерское тайное общество «Союз благоденствия». К реформационным идеалам этой организации относилось, в частности, преобразование самодержавия в конституционную монархию. После самороспуска «Союза благоденствия» в 1821 г. Ивашев поддерживал более радикальное из двух образовавшихся после распада «Союза» обществ – ориентированное на республиканский строй «Южное общество»

на Украине, руководимое полковником Пестелем. Офицеры петербургского «Северного общества» 14 декабря 1825 г. непосредственно перед приходом к власти Николая I предприняли попытку восстания, которое, однако, в тот же день было подавлено, поскольку ни по организации, ни по числу участников они не были подготовлены к совершению переворота.

Николай I жестоко отомстил повстанцам. Около 600 человек были осуждены. Пятерых организаторов восстания повесили, многих других выслали на пожизненные принудительные работы в Сибирь. К числу этих понесших наказание участников восстания, лишенных гражданских прав, принадлежности к дворянскому сословию и прав наследства, относился и Ивашев, хотя лично он в заговоре не участвовал[3]. Позже некоторые царские акты помилования облегчили судьбы декабристов, в частности сократили срок их каторжных работ до 15 лет. Их женам разрешили посещать камеры заключения, а сами узники получили возможность временно жить в избах вместе с женами.

Камилле Ле-Дантю, решившейся последовать за Ивашевым в Сибирь, всеми мыслимыми средствами оказывалась поддержка семьей сосланного. Родители Ивашева предприняли огромные усилия, чтобы в какой-то мере облегчить молодой чете судьбу в ссылке. Положение Камиллы походило, таким образом, на положение еще десяти женщин, отправившихся за мужьями в Сибирь. Семьи, особенно женщины, поддерживали решение супруг принести себя в жертву ради мужей. Нет никаких оснований считать, что жены декабристов руководствовались политическими мотивами, покидая высшее общество. Скорее они действовали из субъективных побуждений и под влиянием традиции, предписывавшей женам верно служить своим супругам. Но все равно их отъезд в Сибирь был, несомненно, «актом общественной демонстрации»[4]. Их решение отказаться от соответствующего сословию образа жизни и вместе с государственными преступниками принять на себя тяжелые лишения, связанные со ссылкой, сделало их в будущем героинями русского освободительного движения. Наряду с А.С. Пушкиным и Н.А. Некрасовым Вера Фигнер также посвятила женам декабристов одно из своих литературных произведений. Как революционерка она находила опору в моральных ценностях самопожертвования, способности к состраданию и душевной красоте, которой она наделяла этих женщин, и тем самым в достоинствах традиционного женского образа, дополнительно наделенного политической волей к действию[5].

В местах ссылки жены декабристов вскоре нашли себе применение в социальной и культурной сферах. Большими их заслугами перед мужьями было то, что они уберегали их от душевного расстройства и всячески содействовали улучшению условий существования. Жены вели переписку мужей, восстанавливая и поддерживая их связь с семьями и друзьями. Они получали из родных мест литературу, позволявшую мужьям участвовать в духовной жизни эпохи, и, наконец, организовывали в местах ссылки кружки самообразования и духовного общения. Этим они обеспечивали условия для того, чтобы декабристы и вдалеке от центра империи могли оставаться представителями русской интеллигенции[6].

В таком мире материальных трудностей и теснейшей взаимной привязанности родителей и появилась на свет в 1835 г. первая дочь Ивашевых Мария Васильевна. На нее были обращены вся любовь и заботы родителей.

Когда они там, в Сибири, умерли, правительство удовлетворило просьбу бабушки, разрешив ей посетить сирот, а затем вместе с ними вернуться в имение их деда. После смерти деда и бабушки опекун и родственник семьи Головинский промотал большую часть наследства[7]. Сирот приютила сестра Ивашева Екатерина, в замужестве княгиня Хованская, и воспитала их в самых лучших традициях, какие только мог предоставить аристократический дом. В такой обстановке способности Марии получили дальнейшее развитие. Ведь с самых младенческих лет родители воспитывали свое бойкое и впечатлительное дитя с великим усердием. Внучка Ивашевых Ольга впоследствии установила по их переписке, как много внимания они уделяли старшей дочери. Отец писал, что ежедневно открывает в ней новые качества и ощущает, что «любит ее безумно»[8]. Княгиня Хованская тоже прилагала много усилий к тому, чтобы создать для детей покойного брата уютную домашнюю обстановку и такую атмосферу, в которой образование было направлено не только на приобретение знаний, но и на развитие культуры и гуманности[9].

Таким образом, детство Марии Васильевны проходило в совершенно необычных условиях. В ссылке, в первые годы жизни, она росла в маленькой семье, где сами родители горячо заботились о воспитании детей. На фоне позднего развития в России гражданской семьи дети Ивашевых явно опережали свое время. После раннего детства последовал второй период жизни, когда все трое детей, приписанные постановлением суда к купеческому сословию и получившие фамилию Васильевы, попали в аристократическую обстановку дома Хованских. Мария и ее сестра Вера в соответствии с семейной традицией воспитания дочерей оказались под опекой княгини. Она старалась воспитывать их как собственных детей и ввести их в мир дворянства. Только в эпоху реформ царя Александра II детям была возвращена их настоящая фамилия и разрешен переход в дворянское сословие[10].

Пример Веры Николаевны Фигнер переносит нас из среды аристократии в обстановку традиционных семейных отношений среднего русского поместного дворянства. Николай Александрович Фигнер был в 50-х годах XIX в. еще главой семьи старого образца. Он состоял на государственной службе в качестве лесовода, а после отмены крепостного права удалился в свое имение Мамадышского уезда Казанской губернии и стал там мировым судьей. Отец его, Александр Александрович Фигнер, происходил из Лифляндии. В 1828 г. он был занесен в список дворянства Казанской губернии. Христофор Петрович Куприянов, дед по материнской линии, владел обширными землями и занимал должность уездного судьи. Но разгульная жизнь нравилась ему больше, чем ведение помещичьего хозяйства, и он почти полностью промотал свое состояние. Шестеро детей Николая и Екатерины Фигнер провели первые годы своей жизни в деревне. Там старшая дочь Вера, родившаяся в 1852 г., прожила до шести лет в большом срубе на опушке леса, вдалеке от всякой цивилизации. Всю жизнь она вспоминала о том, как боялась лесного шума, полагая, что где-то за деревьями прячутся разбойники и медведи, о чем ей все время толковала няня. Отец часто уезжал, и тогда в доме воцарялось гнетущее одиночество. Оставались в нем только женщины и дети, да еще повар Прокофий, который ночью спал у входной двери и должен был защищать присутствующих[11].

Описываемая Верой Фигнер семейная жизнь строилась в соответствии с патриархальными представлениями, все еще широко распространенными в русских семьях николаевского периода. Так, Вера Николаевна рассказывает о неуемной строгости деспота-отца. Николай Фигнер требовал от детей и жены, которая была на 15 лет моложе его, абсолютного послушания, железной дисциплины военного толка и беспрекословного повиновения. Угнетенная жена никогда не смела ласкать детей и даже защищать их от жестокости отца. Детям предписывалось вставать по утрам, а также ложиться спать в строго назначенное время, молчать за столом и принимать подаваемую им пищу без замечаний. Простое питание, постоянно одинаковые одежда и прическа, как и способность переносить холод без жалоб, должны были воспитать в детях неприхотливость. Горе ребенку, который что-то положит в доме не на свое место, что-то разобьет или, играя, по неосторожности как-то поранит себя. Разгневанный отец отправлял ребенка в угол, драл за уши или избивал кожаным ремнем. Когда Вере было шесть лет, отец однажды избил ее, едва не превратив в калеку, и хотя после этого дочерей все же больше не трогал, они боялись его как огня. Только после освобождения крестьян отец постепенно изменился под влиянием реформационных идей; ему даже стали по душе либеральные воззрения. Жена занималась самообразованием и могла воздействовать на него, сдерживая его приступы гнева[12].

Когда Вера была ребенком, мать уделяла ей мало внимания. В глазах дочери мать была непререкаемым авторитетом в вопросах морали. Как верующая христианка мать стремилась воспитывать детей в духе Евангелия и пробуждать в них чувство милосердия к страдальцам. Лишь в более поздние годы, когда Вера прошла курс в пансионе, мать стала оказывать на дочь более заметное влияние[13]. Даже будучи революционеркой, Вера Фигнер оставалась верующим человеком. Именно стремление к самопожертвованию ради идеи, готовность терпеть муки во имя высоких идеалов, по признанию самой террористки, давали ей внутреннюю поддержку. Вспоминая решающие факторы, повлиявшие на нее в детстве, Вера писала:

> ...Тот, кто подобно мне, был когда-либо под обаянием образа Христа, во имя идеи претерпевшего оскорбления, страдания и смерть <...> а его жизнь [считал] образцом самоотверженной любви, поймет настроение только что осужденного революционера, брошенного в живую могилу за дело народного освобождения. После суда душой осужденного овладело особенное чувство. Спокойный и просветленный, он не цеплялся судорожно за то, что покидает, но твердо смотрит вперед, с полным сознанием, что наступающее неизбежно и неотвратимо[14].

Из автобиографии Веры Фигнер следует, что она несмотря на критику «казарменного духа», царившего в семье, все же признавала патриархальные порядки, поскольку ощущала себя при этом защищенной и была благодарна родителям за привитые ими моральные ценности. Высоко отзываясь о нравственных качествах матери, она уважала и взгляды отца. Он был для нее не только строжайшим судьей в кругу семьи, но и человеком, укреплявшим ее самосознание, поскольку он поддерживал ее волевую настойчивость. Тот факт, что мать в первые годы жизни дочери не слишком заботилась о ней, находил в «Автобиографии» оправдание в том обстоятельстве, что после рождения Веры мать в течение 10 лет произвела на свет еще пятерых детей[15].

Сама Вера видела себя живым, веселым, одаренным ребенком, который решительно предпочитал потасовки с братьями и сестрами игре в куклы. Вместе с тем она охотно читала, да и азбуку выучила самостоятельно. Душевному равновесию Веры способствовало то, что родители никому из детей не отдавали предпочтения, а гости баловали девочку, считая ее необычайно красивым ребенком[16]. Чувство радости и теплоты Вере, как и большинству дворянских детей того времени, давала ее няня, жизненным призванием которой было следить за детьми. Только няня высказывала безграничное понимание детских потребностей, только няню дети горячо любили. Ее комната, куда отец никогда не заходил, была убежищем, в котором дети могли изливать свое горе и находить утешение. Няня работала без устали, собирала ягоды и фрукты, баловала детей вареньем и уводила их в мир сказок. После освобождения крестьян она проклинала все нововведения как предвестие наступления Страшного суда[17].

Несмотря на ярко выраженную иерархически авторитарную структуру семьи, Вера Фигнер испытывала постоянную привязанность к родителям, особенно к матери. Не в этом ли заложена причина того, что, став революционеркой, она смогла вписаться в авторитарную организацию «Народная воля»? И не только Вера, но и ее младшие сестры Евгения и Лидия были захвачены революционным движением. Самая младшая дочь Ольга, правда, не проявляла революционной активности, но последовала в Сибирь за сосланным мужем-врачом. А вот оба сына семьи Фигнер, Петр и Николай, достигли больших профессиональных успехов и сделали карьеру – один стал директором рудника на Урале, а второй – знаменитым оперным певцом[18].

Главной заботой дворянской семьи Цевловских была борьба против разорения. Дети уже в ранние годы осознали противоречия между идеалами и реальностью дворянского существования, и эту тему в своих произведениях (как писательница и учительница) продолжила родившаяся в 1844 г. в этой семье Елизавета Николаевна, младшая из дочерей.

Главой семьи был Николай Григорьевич Цевловский (1790–1848). Его мать, полька, в молодые годы осталась вдовой русского дворянина. Она делала все возможное для того, чтобы воспитывать любимого сына Николая в традициях польской дворянской культуры. После ее смерти 14-летний отрок поступил юнкером в петербургский уланский полк. Уже через год он участвовал в битве под Аустерлицем. За 24 года службы в армии он сражался на многих фронтах; в ходе Отечественной войны против Наполеона Николай наконец попал в Париж, а при возвращении задержался на два года в Варшаве. Благодаря хорошему образованию, владению французским и польским языками, а также восторженному отношению к польской литературе Цевловский быстро вступил в контакт с кругами варшавской дворянской интеллигенции и был очарован ею. От нее он почерпнул политические убеждения, в соответствии с которыми впоследствии отвергал крепостничество и симпатизировал конституционным идеям. В своих заметках он горько сожалел о социальной и культурной ситуации в Российской империи[19].

В 1828 г. Николай Григорьевич женился на Александре Степановне Гонецкой. Эта только что окончившая обучение в пансионе шестнадцатилетняя девушка была дочерью деспотичного помещика[20]. Вскоре после свадьбы Александра стала считать себя одной из счастливейших женщин, а свой брак одним из лучших во всем ее окружении[21]. Как хозяин дома Цевловский пунктуально распределил обязанности членов семьи в своем поместье Погорелое Смоленской губернии. Он заботился о крепостных и хозяйстве, а жена – о детях, доме и мелком скоте. Однако ожидаемого процветания поместья не произошло. Цевловскому нравилось принимать многочисленных гостей, которые проводили долгие дни в его имении вместе с семьями и прислугой. Между тем его собственная семья все больше разрасталась, и он стремился дать детям недюжинное образование. Цевловский, восприняв идеи Варшавского театра, устроил театр дома, считая его подходящим инструментом для развития внутренней культуры членов семьи, и потому с большим увлечением занялся домашним сценическим искусством. Он сам переводил французские и польские драмы на русский язык. Наконец он переехал с семьей в уездный город Поречье, чтобы иметь дополнительный заработок в качестве судьи и устроить собственный театр[22]. Но в 1848 г. сам Цевловский и две его дочери стали жертвами эпидемии холеры. Осталось имение с расстроенным хозяйством и долгами. Вдова и 10 детей вернулась в Погорелое, имение с 1750 га земли и 70 или 80 крестьянскими семьями. Ввиду крупных долгов вдове не удалось найти опытного управляющего, поэтому мать при поддержке высоко ценимой в этой семье няни самостоятельно продолжала вести хозяйство. Последней волей мужа было обеспечить детям хорошее образование, пусть даже для этого потребуется продать все оставшееся имущество[23]. Позднее дочь Цевловских Елизавета с восхищением комментировала завещание своего либерально мыслящего отца. Хозяйственные усилия матери мало значили для нее в сравнении с интересами отца в области образования, хотя стиль его жизни поставил семью на грань нищеты. В своих воспоминаниях Елизавета отзывалась об отце с таким восторгом, какой вряд ли можно встретить у какого-либо другого автора мемуаров: «Никогда, ни в одной семье не встречала я человека, который бы так страстно любил своих детей, как наш отец: он всю свою жизнь готов был отдать на то, чтобы сделать нас людьми более просвещенными и гуманными»[24].

Цевловский всячески способствовал развитию талантов своих детей, будь то склонность к садоводству, танцам или интеллектуальным занятиям. Дети любили проводить время в его обществе, а он охотно уделял им внимание[25]. И насколько сердечными были отношения детей с отцом, настолько же прохладными они были с матерью. Александра Степановна не смогла установить близкие связи со своими детьми. За 20 лет замужества она была беременна 19 раз; живыми родились 16 детей, из них 11 умерли в младенческом возрасте. Став вдовой, она передала все материнские обязанности няне, а сама приняла на себя функции главы дома[26]. Она всегда руководила домом со строгостью, требовала соблюдения дисциплины. Не отец, а она время от времени наказывала детей, впрочем, без палки или кнута, поскольку Цевловский в принципе запрещал их использовать, в том числе и по отношению к крепостным[27]. Говоря о матери, дочь критически отмечала: «Несмотря на двадцатилетнее супружеское сожительство с человеком, гуманным во всех отношениях, которого матушка горячо любила и глубоко уважала, яд крепостничества сильно отравил и ее кровь; от времени

до времени он давал себя чувствовать проявлениеми господского насилия, особенно по отношению к детям»[28].

Будучи вдовой и высшей распорядительницей в семье, Александра Степановна с течением времени приняла тот стиль правления, который был обычным для традиционно патриархальных домов. Она нарочито демонстрировала свою суровость и неприступность, не придавала значения женской внешности и стала заядлой курильщицей. От помещиков средней руки она отличалась только тем, что с большой энергией взялась за в управление имением, шаг за шагом приобретая специальные знания и целеустремленно спасая себя и детей от материального краха и социального падения. Ежедневно она на рассвете шла в поле, следила за работой крестьян, заботилась о них, а к обеду возвращалась домой уставшая. Дети и хозяйство были доверены попечению няни. Детям мать постоянно задавала стереотипный вопрос о самочувствии, редко выслушивая ответы. Оба сына и три дочери очень страдали из-за смерти отца и перелома в жизни семьи[29].

Александра Степановна отличалась необычайной строгостью к себе и к детям. Она болезненно переживала свою бедность, ограничивала желания детей, а образованию их способствовала лишь в той мере, в какой, по ее расчету, профессиональная самостоятельность впоследствии позволит детям поддерживать хозяйство поместья[30]. В результате дети были предоставлены самим себе, временами мать совершенно запускала их. Когда старшая дочь Анна (Нюта) в начале 50-х годов достигла возраста невесты, мать вынудила ее к беспрекословному подчинению, ссылаясь на законодательство. И хотя весь дом ополчился против Александры Степановны, она все же настояла на браке Анны с сыном соседнего помещика Федором Павловичем Савельевым, считая, что последний окажет ей помощь в управлении хозяйством. Однако жених еще до вступления в брак страдал психическим недугом. После свадьбы состояние его здоровья ухудшилось настолько, что вскоре Нюта и Елизавета стали жертвами его припадков. Если матери это вначале не коснулось, то обеих сестер Савельев стал избивать до крови. Воспоминания об этом оставили в душе Елизаветы травму на всю жизнь. Быть может, они и побудили ее посвятить себя детской педагогике[31].

Позднее мать произвольно нарушила законы наследования имущества, передав права на владение всей землей любимому сыну Андрею. Что касается остальных четверых детей, то она надеялась на их способность содержать себя самостоятельно. В доме матери осталась только овдовевшая и заболевшая нервным недугом Нюта. Хотя дети считали этот поступок Александры Степановны полнейшим произволом, они ей подчинились и не стали подавать жалобу, поскольку несмотря ни на что уважали авторитет матери как главы семьи и не хотели полного разрыва с ней[32].

Воспоминание об усилиях, предпринимаемых Александрой Степановной в отношении воспитания детей, вызывало у Елизаветы тяжелое чувство. Особенно это касалось любимой сестры Александры (Саши), которую отец считал наиболее одаренным ребенком в семье и умственному развитию которой содействовал с самых ранних лет. Саша после смерти отца потеряла душевное равновесие, так как мать не давала ей возможность продолжить образование. Когда же мать все-таки принималась за воспитание детей, то это походило скорее на наказание. Так, она решила приучить

к дисциплине своего почти уже одичавшего сына Захара. Во время таких «занятий» сама она занималась шитьем, а его в знак наказания била наперстком по лбу, прибегая к этому так часто, что вскоре все его лицо покрылось синяками. Не скупясь на побои, она к тому же временами рвала его за волосы, и в конце концов он так возненавидел мать, что, слыша ее голос, сразу обращался в бегство[33].

Едва ли лучше складывалась судьба Елизаветы, когда мать решила учить ее французскому. Чтобы успеть дать ей урок, не опаздывая на работу, мать распорядилась будить Елизавету в 4 часа утра. Поскольку невыспавшийся ребенок был не в состоянии сосредоточиться, мать приказывала окатывать девочку ведром холодной воды. Едва одетая, дрожавшая от страха и холода Елизавета была вынуждена слушать наставления матери. Мать постоянно впадала в бешенство по поводу поведения запуганной ученицы. Она ругалась и избивала дочь так беспощадно, что няня на коленях просила ее смилостивиться. Если Елизавета и раньше ощущала злобу и пренебрежение со стороны матери, то после новых издевательств горечь ребенка усиливалась до предела. Няне девочка со слезами признавалась: «Она не мать моя!.. Я ее ненавижу!»[34] Когда няня умерла, то это было для Елизаветы бóльшим горем, чем могла бы стать смерть матери. В отчаянии девочка кричала, что без няни она лишилась дома[35].

Обычно девочки проводили все дни в стенах дома. Анюта, старшая из дочерей, редко выпускала из рук иголку с ниткой, а Саша увлекалась чтением. Елизавета же предпочитала держаться за фартук няни[36]. Для нее, младшей, было счастьем, если удавалось проводить время со старшей сестрой Сашей; когда Елизавета подросла, Саша готовила ее к поступлению в пансион[37]. Но радоваться дети Цевловских могли только считанные часы. Сашу охватила тяжелая депрессия, которая отпустила ее только после того, как няня, призвав на помощь местного священника, сумела вопреки желаниям матери добиться для Саши права на образование. При этом помещица рассчитывала на то, что дочь впоследствии, работая учительницей, будет вкладывать свой заработок в хозяйство имения. Так оно и вышло: поступив на службу, Саша отдавала матери каждый заработанный рубль[38].

Счастливые часы прожила Елизавета в имении своего крестного отца. Читая ее рассказы, можно увидеть, что именно нравилось ей в этом доме и чего ей в жизни недоставало. Девочке нравилась сердечность крестного, уют и высший культурный уровень его семьи. Самое большое впечатление на ребенка производило то, как красиво одевались и сам хозяин дома, и даже его слуги, как беззаботно и весело они жили[39].

Преподавательница Елизавета Николаевна Водовозова, урожденная Цевловская, в своих мемуарах признавала, как и некоторые ее современники, что необходимо привлекать внимание общественности к условиям жизни детей в русских дворянских семьях. Она подчеркивала, что детство может проходить мучительно, если этому способствует обстановка, в которой растут дети. Заметим, что и в дворянских семьях почти не обращали внимания на гигиену и физическое здоровье детей. Даже в богатых домах детям отводились только самые мрачные и плохие комнаты. Все малые дети и их няня жили в одном душном помещении, окна которого зимой заколачивались гвоздями. О том, что детям необходимы движение и свежий воздух, никто не думал. Недостаточная чистота сочеталась с суеверием.

В семьях с невестами на выданье считалось, что быстрому и счастливому бракосочетанию сопутствуют тараканы. Поэтому некоторые хозяйки имений специально разводили этих насекомых. За обои засовывали кусочки сахара и крошки хлеба, так что ночью тараканы даже падали со стен и потолков на спавших детей. Да и другие паразиты мучили детей так, что у многих лица покрывались сыпью. К тому же и питание детей оставляло желать лучшего. Почти до трех лет ребенка кормила грудью крепостная, которая, как правило, была еще менее чистоплотна, чем ее хозяева. Питая ревность к молодым, здоровым кормилицам, дворянские матери предпочитали подчас женщин постарше, уже потрепанных жизнью. Малых детей тянуло в грязные помещения дворни, где всегда шла какая-то любопытная суета. Особенно они любили помещения, где готовилась пища для господ или делались заготовки на зиму – ведь там всегда можно было полакомиться остатками! Как отметила Елизавета Водовозова, все хорошее и удобное, что имелось в доме, оставалось в распоряжении взрослых[40].

Если добавить к этому описанную выше жесткость Александры Степановны Цевловской после смерти мужа, ее сосредоточенность на поместье во вред заботе о детях, то понятно, почему Елизавета Николаевна начала терять свою беспечность и жизнерадостность. В ней рано созрела серьезность, с которой она реагировала на домашнюю обстановку, на перспективу стесненной и небезопасной жизни в семье. На какое-то время она уходила от реальности в лоно потусторонних религиозных фантазий. Но этот период закончился, когда Елизавета получила возможность уехать в Санкт-Петербург для обучения в пансионе[41].

Пример Надежды Прокофьевны Сусловой свидетельствует о возможности повышения социального статуса, выхода из недворянской среды, например из крестьянского сословия. Однако было бы ошибочно полагать, что Суслова прошла традиционный путь социализации крестьянской девушки[42]. Действительно, отец Надежды Прокофий Григорьевич Суслов был выходцем из старинной крестьянской семьи Нижегородской губернии, из имения, принадлежавшего графу Дмитрию Николаевичу Шереметеву, представителю одного из наиболее состоятельных дворянских родов России. Однако жизненный путь Суслова сложился необычно: счастливые обстоятельства позволили ему обрести более высокое общественное положение и покинуть свое прежнее сословие. Его жизнь, как и жизнь его детей, может служить примером изменения социально-экономической обстановки в середине XIX в. в условиях участившихся случаев перехода из одного социального слоя в другой.

Отец Прокофия Суслова Григорий рано погиб от несчастного случая на работе. Остались жена и двое детей. Чтобы выручить вдову и облегчить ее материальное положение, бездетный управляющий имением графа Трегубов взял на себя заботы о малолетнем Прокофии. Когда отрок подрос, его послали к местному дьячку, чтобы научить грамоте. Вскоре управляющий имением с удовлетворением отметил, что его воспитанник выказывает явные способности. Уже в десятилетнем возрасте он обладал бóльшими знаниями, чем его учитель! Довольный этим, Трегубов нашел отроку место писаря в помещичьей конторе. Здесь Прокофий тоже стремился выслужиться. В восемнадцатилетнем возрасте он сам стал управля-

ющим, а в 20 лет – уполномоченным представителем управления поместьем. Однажды Прокофий поехал по делам графа в селение на берегу Оки, влюбился там в крестьянскую девушку Анну Ивановну Ястребову и собрался на ней жениться. Однако зажиточные родители не хотели выдавать Анну за крепостного, поскольку сами освободились за выкуп от крепостной зависимости. Анна же, выйдя замуж за Прокофия, была бы вынуждена принять социальный статус супруга. Из этой безвыходной ситуации спас молодых Шереметев, подаривший Прокофию свободу в расчете на то, что получит тем самым глубоко преданного ему управляющего. Через несколько лет Анна и Прокофий Сусловы были уже родителями троих детей – сына Василия, дочери Аполлинарии 1840 г. рождения и дочери Надежды, появившейся на свет в 1843 г. К этому времени семья еще жила в деревне Панино Нижегородской губернии, в бывшем Горбатовском уезде (ныне Богородский район)[43].

Прокофий Суслов понимал, что предпосылкой для продвижения по службе является образование. Поэтому он придавал большое значение тому, чтобы дети получили знания. Жена его, несмотря на свое крестьянское происхождение, также научилась читать и писать; она с ранних лет прививала детям элементарные знания. Вскоре, впрочем, к огорчению отца выяснилось, что сын, на которого родители возлагали самые большие надежды, меньше всего интересуется обучением. Болезненный, уклоняющийся от ученья ребенок являлся в семье продолжателем рода, а потому пользовался самой большой заботой и уходом. По мнению Надежды, ей как младшему ребенку уделялось матерью наименьшее внимание. Все трое детей развивались с годами весьма различно. Если Аполлинария – позднее писательница, дружившая с Достоевским, жена литератора и философа В.В. Розанова – была умной и тонко чувствующей девушкой, то Василий оставался избалованным и ленивым, лишенным какого-либо стремления к практической деятельности. С горем пополам он окончил гимназию, но все же успешно изучил право и стал адвокатом[44].

Надежда же была, напротив, ребенком темпераментным и больше всего восхищалась мальчишескими играми. Насколько мало привязанности ощущала она к матери, настолько же сильно любила отца, который, все более разочаровываясь в сыне, обратил свои симпатии к Надежде, брал ее с собой то на охоту, то в свои частые поездки и даже научил стрелять. Для девушки такое общение много значило. Благодаря ему она расширяла горизонт собственных знаний в большей мере, чем другие дети ее поколения[45].

Многообразные впечатления остались в памяти Надежды и Аполлинарии в связи с частыми переездами семьи. В Панино Сусловы очутились в скудном, негостеприимном крае, служившим местом ссылки непослушных крестьян из владений Шереметевых. В 1850 г. граф перевел Прокофия Суслова управлять имениями в окрестностях деревни Макарьево-Притыки на р. Ветлуге (приток Волги). Деревня располагалась в непроходимых лесах. Но если в Панино Сусловых жители провожали тепло, то на новом месте они натолкнулись на активную неприязнь. Управляющий, отправленный в отставку, восстановил крестьян против нового управляющего, и они вели себя агрессивно и мстительно. Семье предстояло прожить трудные годы, не имея каких-либо социальных контактов. Суслов, его жена и дети

охотнее всего заполняли пустоту долгих вечеров чтением. Они выписывали наиболее известные русские журналы, в том числе «Современник», и по очереди читали их вслух. Поэтому уже к десяти годам Надежда имела определенные «литературные предпочтения»: больше всего ей нравились стихотворения Лермонтова, Пушкина и Некрасова[46].

В Притыках Надежде довелось быть свидетельницей социальных неурядиц и жестоких нравов деревенских жителей. Однажды во время прогулки по лесу они с отцом натолкнулись на молодую женщину, которую в наказание за что-то жестоко избили и привязали к дереву около муравейника. Насекомые совсем облепили несчастную, пожирая заживо. Когда Прокофий ее развязал, она скончалась. Это страшное воспоминание потом долго преследовало Надежду[47].

Переехав в Москву, Прокофий Григорьевич тоже исполнял функции управляющего графскими владениями. Сусловы поселились в изумительном поместье Останкино. Здесь дети почувствовали себя как в сказке при виде дворца, садов, театра и музейных собраний владельца. Словно в сказке произошло и еще одно событие: однажды граф случайно увидел играющих Надежду и Аполлинарию, которые ему понравились, и он пообещал отправить их в лучший московский пансион для девушек[48].

До начала школьного обучения детские годы Надежды были заполнены разнообразными впечатлениями, которыми она прежде всего делилась в задушевных беседах с отцом. Благодаря ему она обрела опыт и уверенность в себе, которых мать ей, видимо, не привила. Развитию личности Надежды способствовало также то, что условия жизни оставляли ей много времени и места для раскрытия собственных дарований. В своих мыслях и действиях она ощущала себя гораздо менее ограниченной своим сословием, чем другие дети эпохи, поскольку семья Сусловых ушла из своей исконной социально-культурной среды. На примере отца Надежда убедилась в том, что условия жизни могут подвергаться изменениям. Видимо, уже в детские годы этим была заложена основа того, что Надежда в дальнейшей жизни не позволяла связать себя традиционными функциями. К тому же отец с самых ранних лет привил ей, крестьянской девочке, стремление к образованию.

Сравнение четырех женских биографий обнаруживает общее и различное в социализации детей. Разрушение традиций в XIX в. ускоряется социально-политическим влиянием реформ. В семье Ивашевых поддержка сыном Василием декабристов ведет к утрате дворянского статуса и связанных с ним прав и привилегий. И хотя дочери Мария и Вера прожили годы позднего детства в аристократической среде семьи Хованских, они не освободились от позора сословного отвержения и социальной униженности. Даже в доме Фигнеров реформаторский дух, распространившийся с введением великих реформ при Александре II, принес смягчение все еще ориентированных на «Домострой» семейных порядков. Детство Веры, однако, этим духом еще не затронуто. Она вместе с сестрами растет в мире устойчивых представлений о традиционном распределении ролей. Только у нее, единственной из рассмотренных здесь фигур, была глубоко религиозная мать, которая внушала Вере, что женщина должна быть терпеливой, готовой к самопожертвованию и обладать высокими моральными качествами.

И в доме Цевловских также заложен разрыв с русской традиционной культурой семьи. Как и в семье Ивашевых, здесь тоже витал прогрессивный дух эпохи освободительных войн, пока был жив отец, который строил жизнь семьи на основе культурно-политических идеалов просвещенного польского дворянства. После его смерти мать правила семьей со всевозможной строгостью, руководствуясь стремлением к эффективному ведению хозяйства. Но она была не в состоянии вытеснить из памяти детей решающего влияния отца, которое он при жизни оказывал на них; они продолжали глубоко почитать его и после смерти, как бы освящая его заслуги перед семьей.

Если Ивашева, Фигнер и Цевловская принадлежали к различным группам дворянства, то Надежда Суслова происходила из семьи постоянно повышавшего свой статус крестьянина. Становление Прокофия Суслова отражает социальные сдвиги в обществе. Предпосылками для профессиональной карьеры являются образованность и квалификация. Отец передал стремление к образованию и работе своей дочери Надежде. Результатом сравнительного анализа является вывод, что даже в то время, когда дочери еще жили в доме родителей, ни одна из этих семей не осталась незатронутой распадом старых традиций.

Именно отцы первыми начали развивать в детях новое сознание. Стиль воспитания, ориентированный на просвещение, естественность и эмоциональную близость, предопределил привязанность дочерей к своим отцам, как это было у Марии Ивашевой, Елизаветы Цевловской и Надежды Сусловой. Отчужденность между матерью и дочерью являлась нормой еще в 40–50-х годах XIX в. Только во время взросления дочери мать начинает проявлять активную заботу о ней. Описанное здесь вступление девушек в общественную жизнь необычно в том смысле, что их личность формируется в первую очередь не в рамках женской семейной иерархии; они видят для себя образец прежде всего в отце, мужчине, жизнь которого воплощается в сфере иных ценностей и духовных интересов и который имеет бóльшую личную свободу действий, в том числе и за стенами дома. Исключением в этом отношении является Вера Фигнер, которая растет в традиционных патриархальных условиях семьи, под влиянием матери, а в будущем ей предстоит путь, который в корне отличает ее от современниц.

В какой мере рассмотренные основные образцы семейной социализации первых будущих участниц движения за женскую эмансипацию могут быть подтверждены другими примерами? Играет ли и в других случаях распад традиций определенную роль? Для расширения материала исследования добавим к биографиям четырех уже рассмотренных представительниц еще восемь примеров, которые тоже лягут в основу изысканий биографического характера, так что в целом получим материал для сравнения жизненных путей 12 женщин[49].

Если ограничиться поверхностным рассмотрением материала, то может показаться, что в соответствии с обычаями образованного дворянства жили такие женщины, как Мария Константиновна Цебрикова (1835–1917), Евгения Ивановна Бочечкарова, в замужестве Конради (1838–1898), Екатерина Константиновна Вериго, в замужестве Брешко-Брешковская (1844–1934), Анна Васильевна Корвин-Круковская, в замужестве Жаклар (Jaclard; 1843–1887), Софья Васильевна Корвин-Круковская, в замужестве Ковалевская (1850–1891) и Александра Михайловна Чернова, в замужестве

Калмыкова (1849–1926). Однако это впечатление изменится, если учесть происхождение родителей и, следовательно, социально-культурную обстановку в семье. Известно, например, что дед Марии Цебриковой по отцу происходил из казаков. Он жил в одной из бедных семей Харькова, пока не перебрался с группой немецких купцов в Лейпциг. Там ему удалось сойтись с молодыми россиянами, которым государство предоставило возможность получить профессиональное образование за границей. Благодаря этому он, проявив огромную энергию и целеустремленность, выслужился до статуса дворянина и даже вошел в число реформаторов, группировавшихся вокруг Александра I. Будучи решительным сторонником просвещения, Цебриков вырастил своих детей в духе педагогических идеалов Песталоцци, чтобы воспитать их как «благородных» членов общества. Отсюда понятно, что его старший сын Николай Романович тоже обратился к западному образу мышления; он присоединился к декабристам. Родители же Марии Цебриковой избрали жизненный путь, более благополучно вписывающийся в условия того времени. Отец, лояльно отслужив в армии, вышел в генералы, а мать, являясь по происхождению французской аристократкой, культивировала в семье дворянские традиции, которыми она гордилась[50]. Однако ей не удалось передать дочери Марии свои представления о ценностях. Ранний отрыв от матери сопровождался отходом от идеалов христианской веры. Их место занял идеал светский, исповедуемый дедом Романом Максимовичем Цебриковым и его сыновьями: идеал, выраженный словами «сила в самом человеке»[51]. Чем взрослее становилась девушка, тем большее значение обретали для нее дед, отец, а также дядя Николай[52].

Умеренная либеральность царила в родительском доме Анны и Софьи Корвин-Круковских, дочерей Василия Васильевича Корвин-Круковского (1801–1875), сына обрусевшего польского помещика из-под Пскова. Он принадлежал к богатым, образованным, поддерживающим экономические реформы дворянам. В течение 40 лет Корвин-Круковский посвящал себя военной карьере, в 1858 г. вышел в отставку в чине генерала и поселился с семьей в имении Палибино в Витебской губернии. Накануне освобождения крестьян заботы о земельных владениях побудили его заняться упорядочением своего поместья. Но вскоре он был отвлечен от занятий сельским хозяйством новыми поручениями, выполнение которых принесло ему почетное звание предводителя дворянства[53]. Софья описывает в своих воспоминаниях отца как человека достаточно строгого, который часто удалялся в свой рабочий кабинет, «священное место» дома, куда даже мать не смела войти без стука. Жена почтительно называла его по имени и отчеству, а он всю жизнь относился к ней, своей «лисичке», как к ребенку. Воспитанию детей он уделял внимание только в особых случаях. Если Софью для наказания за какой-то проступок посылали к нему, то он ограничивал свои меры тем, что делал дочери выговор и ставил ее в угол. Но если кто-нибудь из детей заболевал, то Корвин-Круковский превращался в любвеобильного папу, который заботился о своем отпрыске как никто другой[54]. В воспоминаниях о детстве Софьи Ковалевской мать ее Елизавета Федоровна Шуберт (1820–1879) выступает как красивая, далекая от семьи женщина, поручавшая воспитание детей слугам[55]. Она была женщиной музыкально одаренной и жизнерадостной, с большим почтением относилась

к мужу, но не все ее стремления удовлетворялись в полной мере, возможно, потому, что муж был гораздо старше нее.

Выйдя замуж в январе 1843 г., она ощущала себя счастливой от того, что у нее «изумительный супруг», «прекрасный дом», от перспективы выполнения «самых приятных светских обязанностей», о чем она мечтала еще задолго до замужества. Она даже ощущала в себе готовность «пожертвовать решительно всем ради страстной любви к мужу»[56]. Но уже вскоре, судя по дневниковым записям, Елизавета Федоровна все больше стала страдать от одиночества и неисполнения надежд на ведение светской жизни. Ее муж столь часто предпочитал ее обществу пребывание в Английском клубе, что она начала проклинать это заведение. Преодолевать постоянные супружеские раздоры не помогали ей даже гости, известные люди, приглашаемые в дом Корвин-Круковских, такие как полковник и будущий революционер П. Лавров или профессор медицины Н.И. Пирогов[57]. Но все же в более поздние годы, когда Корвин-Круковские жили в своем поместье Палибино, они расширили круг светского общения и даже организовали у себя небольшой театр; кроме того, они устраивали большие балы и великолепные банкеты[58].

Софья, которая в автобиографических записках предстает как фигура, державшаяся особняком[59], в действительности, кажется, была любимицей отца. Он всегда находил для нее время и ценил ее достижения. Так, он похвалил Софью, когда та примерно в шестилетнем возрасте призналась ему, что вопреки инструкциям гувернантки постаралась научиться читать. Корвин-Круковский очень гордился дарованиями своей младшей дочурки, поскольку видел в ее становлении сходство с самим собой[60].

Анна и Софья пользовались в детстве большой свободой. После переселения в сельскую местность они почти не чувствовали контроля над собой, бродили без сопровождения взрослых по лесам и полям, учились любить мир животных и растений. И только после того как обе девочки однажды заблудились, а нашли их только к вечеру, да еще и одурманенных волчьими ягодами, рассердившийся отец распорядился в корне изменить воспитание дочерей[61]. Из описания жизни сестер ясно, что в общем они росли в культурном, отличающемся толерантностью родительском доме. Девочки пользовались предоставленным им свободным временем, заполняя его в соответствии с собственными склонностями и интересами. По мере их взросления эта тенденция самостоятельного развития еще больше усилилась, несмотря на то что формально воспитательные меры становились более строгими. Видимо, тогда и был заложен фундамент того, что обе дочери, повзрослев, смогли воспринять новые жизненные идеалы. В противоположность им их брат рос болезненным и избалованным ребенком, самосознанию которого предстояло устанавливаться, когда он достиг двенадцати лет, в петербургском пансионе, а позднее – в процессе получения высшего образования. Связи с сестрами он почти не поддерживал. Он стал правительственным чиновником, а страсть к карточным играм привела его к тому, что ему пришлось заложить поместье Палибино[62].

В семьях Вериго и Бочечкаровых важную роль играли этнические и культурные факторы. Отец Екатерины Константиновны Вериго Константин Михайлович по материнской линии происходил из среды польской

аристократии. Он женился на русской дворянке знатного рода, и оба супруга в равной мере ценили элитарный, проникнутый французским духом стиль жизни. Несомненно, отец Екатерины симпатизировал либеральным традициям просвещенного польского дворянства, что часто вовлекало его в конфликты с «бескультурным, деспотическим» поведением его русских соседей. Свою склонность к чтению Вериго передал дочери Екатерине[63]. Ее детство было омрачено печальным обстоятельством: она имела небольшой врожденный физический недостаток. Чем сильнее мать настаивала на привитии Екатерине норм традиционной женственности, уже в детстве заставляя ее носить корсет, тем меньше становилось доверие дочери к матери, как, впрочем, и уверенность в собственных силах. В конце концов Екатерина сумела воспитать в себе способность не обращать внимания на свое согнутое тело и находить смысл жизни в гипертрофированном альтруизме, опиравшемся на материнское религиозное воспитание. Начавшееся отдаление от матери было ускорено одним событием. Предпочитая обходиться без домашнего общества и бродить без присмотра по окружающей местности, Екатерина заводила дружбу с бедными, оборванными крестьянскими детьми. Но когда она из привитого ей чувства милосердия стала приводить своих новых друзей домой и подкармливать их, то между ней и матерью вспыхнул открытый конфликт. Ввиду решительного протеста матери Екатерина поняла, что есть пределы, которые сословный дворянский менталитет устанавливает в сфере любви к ближнему. Екатерина не приняла материнского протеста; в ее глазах мать стала недостойной ее доверия. Тем сильнее девушка тянулась к отцу, который умел сочетать свой авторитет помещика с принципами толерантности, усвоенными им не из религиозной, а из светской этики[64].

Для родительского дома Евгении Ивановны Бочечкаровой нерусское происхождение бабушки – литовской княжны – имело решающее значение в культурном плане, несмотря на то что и бабка, и мать Евгении не поднялись на более высокую социальную ступень после замужества, вступив в брак с простыми офицерами: бабушка стала женой поляка, а ее дочь – супругой русского Бочечкарова[65].

Если сравнивать все упомянутые биографии женщин дворянского происхождения под социальным углом зрения, то следует заключить, что трем семьям пришлось бороться с тенденциями отрыва от дворянского образа жизни. Только в семье Ивашевых этот отрыв стал следствием политических санкций. Что касается остальных семей, то Бочечкаровы не сумели предотвратить экономический крах. Отец Евгении Ивановны, несмотря на расшатанное финансовое положение, продолжал жить в роскоши. Он попытался стабилизировать свое положение, основав текстильную фабрику, но после его смерти в 1858 г. обнаружилось грозящее семье банкротство[66]. В то же время мать Елизаветы Цевловской, напротив, став хозяйкой поместья, достигла нового процветания своего имения благодаря недюжинному трудолюбию. Что касается идейных представлений, то все дворянские дочери сталкивались с новыми веяниями эпохи прежде всего благодаря личностям их отцов. Дворянки польско-литовского происхождения, такие, как матери Елизаветы Цевловской или Евгении Бочечкаровой, предъявляли особенно высокие требования к образованию, передавая такое отношение к нему и детям.

Из биографий первых представительниц эмансипационных воззрений из недворянских слоев (как это было отмечено на примере Надежды Сусловой) становится ясно, что их детство, приходившееся на 40–50-е годы XIX в., было столь же неординарным, как, например, появление разночинцев в среде интеллигенции[67]. В родительском доме Христины Даниловны Журавлевой (в замужестве Алчевской, 1841–1920) удерживались патриархальные устои «Домостроя». Ее отец, уездный учитель из Борзни Черниговской губернии, господствовал в своей семье как непредсказуемый тиран. Жена не могла оказывать ему сопротивление, хотя и происходила из аристократического дома и воспитывалась в Смольном институте Санкт-Петербурга. На мезальянс она согласилась, вероятно, потому, что Журавлев считался мужчиной особенно привлекательной внешности и недюжинного духовного интеллекта. Однако дочь описывала его как человека бессердечного и эгоцентричного, который подвергал свою жену бесконечным оскорблениям и унижениям. Он нещадно избивал сыновей, приходя в бешенство, и не прекращал избиений до тех пор, пока все прочие члены семьи не падали перед ним на колени, умоляя о снисхождении. В финансовом отношении он не мог ничего дать семье. Когда приданое жены было растрачено, то почти ничего не осталось для оплаты обучения сыновей в гимназии. Этот профессиональный учитель был убежден в том, что Христина неспособна получить образование, несмотря на то что мать и дочь очень желали этого[68].

Варвара Александровна Нафанова, в замужестве Кашеварова-Руднева (около 1848–1899), росла не зная своих родителей. Жила она в бедной учительской семье в Чаусах Могилевской губернии. О своем детстве она писала:

> Было бы слишком долго и грустно рассказывать все, что мне пришлось испытать за эти 12 детских лет. Довольно сказать, что меня никогда не покидало чувство полнейшего бесприютного одиночества. Мне слишком грубо и жестоко давали всегда понять, что я отрезанный ломоть. Наконец жизнь стала совершенно невыносимой. Под влиянием отчаяния я решилась уйти куда глаза глядят[69].

Окончательным поводом для разрыва с семьей учителя было то, что в детстве Варвара не получила никакого образования. В возрасте 12 лет она сама начала искать выход из создавшегося положения. Сбежав из дома, она случайно оказалась в Петергофе под Санкт-Петербургом, где нашла приют в каком-то подвале и жила там, пока не заболела тяжелой формой тифа[70].

К сожалению, других биографических подробностей о Журавлевой и Нафановой у нас нет. По поводу женщин недворянского происхождения можно только констатировать, что в тех трех семьях, в которых росли упомянутые девочки, определенную роль играло стремление к просвещению. В семье Сусловых большую роль в воспитании детей играл отец, который в свое время прошел обучение, что позволило ему сделать профессиональную карьеру. В двух других домах отцы, будучи учителями, в какой-то мере передавали знания своим сыновьям. В семье Журавлевых мать хотя и поддерживала тягу дочери Христины к знаниям, однако не могла убедить супруга в необходимости дать дочери систематическое образование.

Рассмотрев биографические сведения о семейных отношениях 12 избранных нами ранних представительниц женского движения, можно резюмировать, что только три девочки имели добрые отношения с матерями. Анна Корвин-Круковская ощущала себя в равной мере связанной с матерью и отцом, а Вера Фигнер и Христина Журавлева жили в таких домах, где деспотически господствовал отец. Они объединялись с матерями в антипатии к главе семьи. В противоположность этому отношения с матерями у Елизаветы Цевловской, Софьи Корвин-Круковской и Надежды Сусловой оставались холодными. В некоторых случаях между матерью и дочерью возникало резкое отчуждение, как это было у Екатерины Вериго и Марии Цебриковой. Обе эти девушки в конечном итоге отказались удовлетворять претензии матерей, желавших чтобы участие дочерей в общественной жизни не выходило за рамки традиций. В целом шесть ранних представительниц женского движения (Мария Ивашева, Мария Цебрикова, Елизавета Цевловская, Софья Ковалевская, Надежда Суслова и Екатерина Вериго) в детские годы раньше или позже брали в качестве образца для подражания своих отцов и в какой-то мере даже приукрашивали их в своих воспоминаниях. Эти отцы принадлежали к нацеленной на реформы просвещенной части русского общества. В описаниях Евгении Бочечкаровой, Александры Черновой и Варвары Нафановой отсутствуют сведения об их отношениях с родителями. Как показывает пример Елизаветы Цевловской (Водовозовой), зачинательницы женского движения стремились в своих автобиографических заметках отмежеваться от уклада традиционной русской семейной жизни. Описываемый ими деспотизм воспринимался как главное зло, которое не всегда было связано с насильственными действиями отца. Из рассказа Цевловской о ее матери ясно, что и женщины, стоявшие во главе семьи, воспроизводили унаследованную от мужей структуру семьи, пронизанную авторитарностью и физическим насилием. Для отдельных представительниц женского движения, отвергавших традиционное положение женщины в общественной жизни и видевших образец для подражания в своих просвещенных отцах, смирение и благочестие, в которых жили матери, теряли свое значение.

Распад традиций наблюдался в семьях всех поборниц движения, что было вызвано, с одной стороны, представлениями о реформе, подобными тем, которые господствовали в конституционной Польше или Франции периода наполеоновских войн. Этому способствовали также отцы семейств, которые исповедовали те же идеалы или готовы были поддержать политику великих реформ Александра II и склонялись к гуманистическому, проникнутому духом просвещения порядку в своих семьях. С другой стороны, распад традиционной дворянской семейной культуры был обусловлен разложением помещичьего хозяйства. В примерах с тремя девушками недворянского сословия образование становилось катализатором разрыва с традиционным укладом[71].

Начавшаяся в середине столетия социально-культурная эволюция и ее влияние на родительские дома зачинательниц движения за женскую эмансипацию до сих пор не были предметом исследований[72]. Правда, Б.А. Энгель в своей содержательной новаторской работе о женщинах русской интеллигенции рассмотрела процесс социализации женщин, протестовавших против традиционных представлений о роли женщины в обществе.

Но она ограничилась определением «радикальности» только тех женщин, участниц революционного движения, которые вышли на путь протеста благодаря контактам с нигилистической средой 60-х годов. Поэтому из исследования выпали не менее «радикальные» женщины, которым нигилистическая среда помогла обрести новые, буржуазно-демократические представления о ценностях и профессиональную ориентацию[73]. По этой же причине результаты изысканий Б. Энгель ограничиваются немногими примерами из жизни женщин русской интеллигенции, что она сама отметила в своем труде[74]. Основываясь на автобиографиях таких революционерок, как Вера Фигнер, Энгель пришла к заключению, что когда решающую роль играла связь дочери с матерью, то это закладывало основу моральных принципов специфической женской этики. Дочь, воспитываемая под руководством матери, интегрировалась в религиозную систему ценностей, в которой женщина подчинялась мужчине. Однако при этом женщина, полностью соблюдая добродетели смирения и самоотверженности, ощущала свое нравственное превосходство, что примиряло ее с отведенной ей социальной ролью[75].

Впрочем, тезис Б. Энгель о том, что дочери находились под решающим воздействием матерей, ставится под вопрос, если учесть, что в среде русского дворянства мать скорее держалась в стороне от дочерей. Дж. Товров показала, что отношения между матерью и дочерью не были доверительными. Чтобы продемонстрировать относительность такой концепции, Б. Энгель привела соображения об осторожном принятии дворянскими матерями идеалов буржуазного (гражданского) воспитания, которое, по ее мнению, наблюдалось с начала XIX в. Однако в имеющихся биографиях мало доказательств подобной гипотезы, и это побудило Дж. Товров отнести проникновение в воспитание буржуазно-гражданских начал на вторую половину XIX в.[76] Кроме того, тезис Б. Энгель не объясняет, почему мужчины, участвовавшие в освободительном революционном движении, тоже проявляли высокую степень альтруизма, пусть даже и не протестуя против господствовавшего в обществе распределения ролей в такой мере, как женщины этого политического направления, призванные выполнять свое «естественное» («природное») предназначение. Д.Р. Броуэр, исследовавший «радикальных» мужчин, не смог обнаружить у них глубокой религиозности. Скорее проявления христианского вероисповедания в рассмотренных им родительских домах превращались в «выполнение долга»[77]. Следовательно, оба названных исследования о «радикалах» имеют ограниченную ценность, поскольку авторы недостаточно учитывают в своих выводах наблюдения над взаимоотношениями мужчин и женщин. С точки зрения Д. Броуэра, фрондирующая молодежь представлена в основном мужским полом, между тем как Б. Энгель полностью сосредоточивается на социализации «радикальных» женщин.

На фоне полученных до настоящего времени сведений можно утверждать, что подход Б. Энгель охватывает с определенными ограничениями только те из обследованных биографий, которые относятся к революционеркам, – Вере Фигнер, Екатерине Вериго (в замужестве Брешко-Брешковской) и Анне Корвин-Круковской (в замужестве Жаклар). Между тем героини всех 12 отобранных для примера жизнеописаний должны быть причислены к той части русской интеллигенции, которая порвала с тради-

ционными ценностными принципами. Д. Броуэр в отношении радикальной молодежи установил, что подавляющее ее большинство были выходцами из дворянского сословия и что значительная часть их родительских домов была подвержена социальным переменам или из-за обнищания и угрозы деклассирования или, напротив, благодаря социальному продвижению в результате служения государству. Если Броуэр, не приводя детальных соображений, безоговорочно исходит из того, что в родительских домах царила традиционная атмосфера, которую члены семьи не ставили под вопрос, то приведенные нами примеры, напротив, показывают, что в семьях уже намечались явные признаки распада традиций. Соглашаясь с Броуэром, можно констатировать, что семьи определенно были уверены в необходимости образования. При таком подходе детям сознательно или бессознательно прививалось стремление к знаниям[78]. Но в дополнение к выводам Броуэра можно утверждать, что идеал образованности передавался сыновьям и дочерям не в равной мере. Некоторые отцы зачинательниц женского движения недворянского происхождения, даже будучи сами учителями, отказывались давать дочерям самые элементарные знания.

Касаясь состояния исследований по теме, напомним о наблюдениях М. Конфино о возрасте нигилистов. Следует признать, что в этой области нет согласованности между «мятежниками» и «мятежницами». Если Конфино определил для нигилистов годы рождения с 1838 по 1842 г., то зачинательницы женского движения родились в период с 1835 по 1852 г.[79] Мужчины, как правило, являются авангардом движения, на чем мы еще остановимся[80].

Резюмируя данные о «мирах детства» в России, следует в заключение упомянуть о взглядах историка Дж. Марковича, считающего, что уже в период психосоциального развития ребенка в семье закладывается фундамент его будущего жизненного пути вне зависимости от господствующего порядка[81]. Можно добавить, что этот фундамент определялся изменившимися ролями в рамках семьи в той же мере, в какой начинали появляться трещины в традиционных структурах общества в целом.

3
Государственные инициативы по поддержке женского образования

Одной из задач, которые ставило перед собой государство в области просвещения, была мобилизация всех человеческих ресурсов на модернизацию страны и общества. Идея о предоставлении девочкам шанса на школьное воспитание появилась еще при Петре I, но первые учреждения, ответственные за женское образование, возникли только при Екатерине II (годы правления 1762–1796). До этого императрица Елизавета (1741–1761) направила своего посланника И.И. Бецкого (позднее он стал влиятельным советником при Екатерине по вопросам образования) в находившийся в ведении государственного управления французский пансион для девушек «Мезон руаяль де Сен-Луи» в Сен-Сире, чтобы он непосредственно на месте получил информацию об этом нововведении. Бецкой, вращавшийся в парижском салоне мадам Жефрэн, был убежденным сторонником просве-

щения и женского образования. Накопленный опыт побудил Бецкого разработать программу совместного обучения мальчиков и девочек[1]. До реформ образования, проведенных Екатериной, уже были основаны отдельные руководимые иностранцами пансионы для российских девочек. Кроме того, с начала XVIII в. в поселениях иностранцев существовали лютеранские общины, где мальчики и девочки совместно посещали школы, что служило дополнительным стимулом для принятия такой нормы российскими сторонниками реформ[2].

Те предложения о проведении реформ, которые Екатерина II собирала по всей Европе, она осуществила на практике в 1763 г. с помощью Бецкого, когда был основан Московский воспитательный дом, где дети обоего пола должны были получать элементарные знания. В уставе этого учреждения была специальная глава, пояснявшая, почему для мальчиков и девочек предусмотрено единое воспитание: матери должны быть интеллектуально подготовлены к воспитанию девочек, чтобы те стали носителями государственных и гражданских идеалов и могли передавать их дальше своим детям[3].

Бецкой критиковал господствовавший обычай воспитания дворянских детей крепостными. Он считал, что молодые люди могут стать полезными гражданами только после того, как их матери осознают свои обязанности по воспитанию детей и будут поступать соответственно. Лишь тогда они как женщины просвещенные и образованные смогут способствовать воспитанию детей в позитивном направлении, чтобы девочки в будущем правильно выполняли свои семейные обязанности, а в качестве бабушек не портили внуков суевериями и нелепыми предрассудками[4]. В отличие от французской модели девичьего пансиона, Екатерина Великая мечтала воспитывать не «кокоток, а женщин любезного поведения, способных воспитывать собственных детей и вести домашнее хозяйство» – так она писала в одном из писем Вольтеру. Вскоре и Вольтер, и Дидро признали, что основанная ею в 1767 г. в Смольном монастыре образцовая школа для дворянских дочерей превосходит пансион в Сен-Сире[5].

Исследовательница истории К.С. Нэш в своих работах о российском женском образовании XVIII в. пришла к заключению, что в эпоху Екатерины II образ просвещенной женщины определялся двумя различными компонентами. Во-первых, существовало мнение, опиравшееся на принципы равенства, согласно которому представители обоих полов в равной мере склонны к благонравию, правдивости и послушанию, т. е. к восприятию основных ценностей нравственного воспитания. Во-вторых, женщине в первую очередь отводилась роль супруги и матери, в связи с чем политика просвещения была нацелена на «приучение» женщины к домашнему быту в большей мере, чем это делалось ранее[6].

Поскольку предполагалось, что государство не скоро окажется в состоянии создать образовательные заведения для своих граждан, родителей призывали следовать в домашнем воспитании гуманистическим идеалам. Богобоязненность, скромность, вежливость, усердие, социальная ответственность, хозяйственность, порядок, чистота, патриотизм и гражданственность составляли кодекс ценностей, полностью соответствовавший патриархальным нормам, особенно выдвигающим на передний план охранительные функции отца семьи и обязывающим женщину, как и прежде,

к повиновению и преданности[7]. На уровне государственных учреждений представления о реформировании женского образования были опробованы в рамках начальных и средних учебных заведений. Под влиянием идей известного реформатора школьного дела Ф.И. Янковича де Мириево начиная с 1782 г. были организованы первые совместные (для мальчиков и девочек) бесплатные двухгодичные народные школы, первоначально в городах. В 1786 г. регламент народных училищ установил принципы обучения в совместных четырехгодичных народных школах, а в год смерти Екатерины II несмотря на большие сомнения, существовавшие во всех слоях населения относительно школьного воспитания дочерей, начальные школы посещали 12 595 девочек (и 164 135 мальчиков)[8].

Делом чести для Екатерины II должен был стать институт для дворянских дочерей, который и был основан в 1764 г. в С.-Петербурге под названием «Воспитательное общество благородных девиц». Это общество располагалось в одном из монастырей (Воскресенском Смольном женском. – *Ред.*) и в нем же через год возникло еще одно заведение для девочек мещанского происхождения. При их основании пансион для дворянских дочерей насчитывал 200 мест, а для «мещанских девиц» – 240. Принципиальным было положение о воспитании девушек в полной изоляции от их семей, чтобы освободить их от влияния традиций. Родители обязывались не забирать дочерей домой в течение всех 12 лет обучения. Девочки поступали в пансион в 5–6-летнем возрасте и должны были проходить четыре ступени по три года каждая. В период обучения преподавались Закон Божий, русский язык, иностранные языки, арифметика, рисование и музыка. Во втором классе добавлялись история, география и ведение домашнего хозяйства. В третьем классе углублялись навыки рукоделия, давались начальные знания литературы, архитектуры и геральдики. В четвертом классе главное внимание уделялось ведению домашнего хозяйства. Кроме того, старшие девочки давали педагогические наставления самым младшим ученицам. В целом изучаемые предметы предполагали практическое использование – арифметика, например, увязывалась с ведением домашнего хозяйства. Педагогическим идеалом было обучение, свободное от какого-либо принуждения. К этому добавлялось привитие множества навыков, способствовавших вступлению учениц в общество взрослых. В отличие от Сен-Сира, где воспитание носило закрытый характер, в российском институте устраивались балы, банкеты, концерты, театральные представления, игры, иногда приглашались учащиеся кадетского корпуса, и все это проходило при дворе или в дворцовых садах[9].

Очевидно, что развлечения отнимали часть времени, отведенного для получения теоретических знаний. Изданный Екатериной в 1767 г. школьный устав, отступавший от тех представлений, которых придерживался Бецкой, благоприятствовал воспитанию, готовившему девушек к вступлению в круг придворных. Но члены Комиссии по устройству общественного школьного дела, стремившиеся основать национальную русскую школьную систему, в 1783 г. подвергли острой критике уровень образования «смолянок». С одной стороны, это содействовало, хотя бы в ограниченных рамках, повышению упомянутого уровня. Но с другой – пересмотр прежних принципов сводился к тому, чтобы оттеснить идеалы равенства во имя сословных предпочтений. С 1791 г. ученицы-дворянки жили отдельно от мещанок, а пансион для последних был назван Александровским институтом[10]. Обучение учениц недворянского происхождения по набору предметов походило на обучение дворянских дочерей, но требования к теоретическим знаниям были более скромными. Вместо них на первый план выдвигалось приобретение навыков по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей, чтобы эти ученицы могли впоследствии работать гувернантками, пока не выйдут замуж[11]. В проекте Екатерины особое значение придавалось не числу выпускниц (с 1764 по 1796 г. Смольный посещали 1316 учениц, из них 850 закончили курс со сдачей экзамена), а подготовке к тому, чтобы установить на будущее конкретные масштабы женского просвещения[12]. Сюда же примыкали планы принятия частных пансионов с 1785 г. под государственный контроль, чтобы гарантировать минимальный уровень образования[13].

После смерти Екатерины учебные заведения для девушек отошли в распоряжение супруги царя Павла I (правил с 1796 по 1801 г.) – вюртембергской принцессы Марии Федоровны, которая и опекала их с большой энергией в течение 32 лет, до 1828 г. Она организовала еще 12 институтов за пределами столиц, в том числе и для девушек из недворянских семей, чтобы подготовить их к деятельности гувернанток или акушерок. При Марии Федоровне пансионы стали официально именоваться институтами. Однако на примере изменений в Смольном институте можно заметить, что усилия Марии Федоровны диктовались консервативной концепцией просвещения, подрывавшей основу передовой программы воспитания, которую представлял Бецкой. Теперь девочек из дворянских семей принимали в Смольный институт только в возрасте 8–9, а из мещанских – 11–12 лет, чтобы в меньшей степени, чем раньше, отчуждать их от родительского дома. Большое значение придавалось сословному разделению учениц. Учебные планы разрабатывались в соответствии с идеалами воспитания и религиозно-моральными представлениями и должны были способствовать упрочению традиционного образа женщины. Императрица стремилась в первую очередь укрепить учениц в их христианской вере, воспитать в них смирение и милосердие. Вот, например, что она писала в 1797 г. одной из руководительниц Смольного института:

> Прошу Вас обязательно каждое воскресенье провожать наших учениц в церковь и следить за тем, чтобы они там находили путь к глубочайшему спокойствию и благостному поведению. Постарайтесь с самого раннего возраста внушить им, что их первейший долг – быть добрыми христианками; обязательно проследите за тем, чтобы преподавался Закон Божий и чтобы этим урокам уделялось особое внимание, почтение и сосредоточенность. Прикажите инспекторам следить за тем, чтобы каждый ребенок утром и вечером читал молитву – не по привычке, а из внутренней убежденности, что она будет ощущать, как христианка, чувство долга и счастья, когда душа изливается перед Богом и молит о его помощи[14].

Дух эпохи Екатерины II продолжал сохраняться при Александре I (1801–1825) лишь в той мере, в какой еще действовала открытость к восприятию представлений о просвещении, определяемых естественным правом; эта открытость, однако, претерпела некоторые ограничения после освободительных войн. Когда царь ввел реформу народного образования

и согласно уставу 1804 г. создал общественные учебные заведения на низшей региональной ступени – церковно-приходские школы для начального образования, мирские уездные училища и гимназии в губернских центрах, то гимназии заменили народные школы Екатерины; два старших класса четырехгодичного народного училища составили теперь два начальных класса гимназии. Устав разрешал посещать девочкам только церковные школы. При разделении четырехгодичных народных училищ учившиеся в них девочки старших классов направлялись в гимназии, а ученицы двух младших классов – в уездные школы. Школьная инспекция против этих изменений не возражала. Так создалась в России уникальная для Европы ситуация: например, гимназию к 1808 г. в Новгороде посещали три девочки, в Пскове – семь, в Могилеве – тринадцать, в Витебске – двадцать[15].

В первые, отличавшиеся либерализмом годы правления Александра I образование относилось к числу наиболее важных дискуссионных проблем реформирования государственной и общественной жизни. Тема воспитания девочек занимала при этом выдающееся место. Нередко высказывались жалобы, прежде всего по поводу все еще ущербного осознания дворянством значения образования, а также в связи с недостаточным числом учителей и количеством учебных материалов. Тем адептам просвещения, которые требовали принятия мер, способствующих образованию и занятиям наукой в равной мере для обоих полов, консервативные представители русской дворянской интеллигенции противопоставляли свои взгляды на сущность женщины. Так, влиятельный писатель и историк Н.М. Карамзин (1766–1826) представил в журнале «Вестник Европы» образ просвещенной женщины, имеющей склонность читать романы и черпать из них знания, которые способствуют воспитанию черт, определяющих характер личности, что помогает ей быть приятной в обществе и терпеливой в замужестве. Однако сам Карамзин считал, что основным качеством «идеальной женщины» должна быть глубокая христианская вера, которая дает ей силу, будучи смиренной служительницей в устроенной родителями семье, любить и почитать своего супруга. Благодаря образованию женщина должна стать достаточно гибкой, чтобы предупреждать желания мужа и в любой ситуации сохранять оптимизм[16].

Первые женские журналы, издававшиеся мужчинами, такие как «Московский Меркурий» или «Дамский журнал», поддерживали образ равноправной женщины, пронизанный элементами романтики. Так, в «Московском Меркурии» за 1805 г. образованная женщина изображалась как носительница блага. Освоив литературные идеи, она сможет выступить как воспитательница и вернуть отечеству золотой век, принеся людям счастье. Уважение же и даже славу среди современников и будущих поколений женщины смогут завоевать, если заимствуют французские образцы, будут посещать лицеи, музеи и лекции профессоров, принимать участие в литературных собраниях да и сами начнут писать литературные произведения. Те женщины, которые этого пожелают, могли бы стать блестящими личностями! Журнал также не преминул схлестнуться с консервативными мужчинами, утверждая, что те, кто не разделяют изложенные взгляды, руководствуются низкими побуждениями, желая видеть в женах только домашнюю хозяйку и няньку. Впадая в мелочные претензии, они всегда желают казаться умнее собственных жен. На самом же деле истинное призвание девушки

состоит в том, чтобы в родительском доме набираться знаний, между тем как юноши в раннем возрасте рвутся из родительского дома на военную службу или стремятся к профессиональной подготовке[17]. Опровергая консерваторов, полагающих, что образованные женщины неизбежно утратят невинность чувств и мыслей, окажутся несчастными в любви и превратятся в пугало для собственной семьи, представители просвещенных концепций настаивали на том, что реформация общества должна строиться и на принципиальном пересмотре роли женщины.

В Московском университете, единственном в России, с 1804 г., еще до реформ образования, проведенных Александром I, профессора начали читать публичные лекции, на которые приглашались и женщины. Последние воспользовались этим и стали слушать лекции по естествознанию, экспериментальной физике, коммерции, истории, археологии, литературе и искусству. В 1823 г. на немецком языке читался курс по физико-химическим и минералогическим прикладным наукам[18].

В первой четверти XIX в. российские публицисты констатировали, что у мужчин и женщин в равной мере растет общий интерес к образованию и литературе. Это относилось не только к столицам, но и к провинции. Н.М. Карамзин в 1802 г. писал, что литература настолько вошла в моду, что провинциальные дворяне жадно скупают книги. М.М. Сперанский (1772–1839), личный секретарь Александра I, олицетворявший реформаторскую деятельность правительства, сообщал своей высокообразованной дочери, что в дворянской среде Пензенской губернии почти все женщины уже отлично говорят по-французски наряду с мужчинами. Когда возникли первые литературные общества и кружки, где главное внимание уделялось произведениям отечественной литературы, то даже А.С. Пушкин в 1823 г. не смог выражать свои негативные взгляды на дамское общество высших кругов не встречая отпора. После того как он заявил, что не существует читательниц, свободно владеющих русским языком (и что это вообще-то не так уж и плохо), какая-то женщина выступила в печати с возражениями по этому поводу. Впоследствии Пушкин признавал, что читательниц своего журнала «Современник» он ценит больше, чем мужчин, потому что культурный уровень женщин намного выше[19].

В это время, как даже еще и после эпохи великих реформ при Александре II, акцент в женском образовании ставился прежде всего на домашнем их воспитании. В начале XIX в. некоторые семьи стояли перед проблемой найти редких в те годы учителей для обучения детей французскому языку. Отправлять детей в частные пансионы могли только богатые родители. Число этих пансионов с годами росло соответственно повышавшимся потребностям высших слоев России. Сначала пансионы имелись в основном только в столицах. В 1803 г. в Санкт-Петербурге существовало 28 пансионов, частично открытых для обоих полов. В 1804 г. совместное обучение мальчиков и девочек было запрещено, и тогда вырос спрос на школы для девочек. К 1828 г. в С.-Петербурге из 69 пансионов 45 предназначались для девочек. Руководили этими учебными заведениями чаще всего иностранцы. В целях повышения национального сознания царское правительство в 1811 г. приказало вести преподавание в пансионах только на русском языке. Как правило, в учебном плане предусматривались уроки Закона Божьего, русского, французского и немецкого языков, арифметики, исто-

рии, географии, музыки, танцев, рукоделия, чистописания и рисования. Но многое говорит о том, что девочки изучали не столько специальные предметы, сколько формы этикета. Так, на выпускных экзаменах ученицы танцевали, пели и декламировали[20].

В 30-е годы XIX в. пансионы имелись почти во всех губерниях, но лишь в немногих сформировались учебные заведения для девочек. Причем в западных областях, прежде всего в польско-литовских регионах и в провинциях Прибалтики, необходимость предоставления женщинам возможности получить образование осознавалась в значительно большей мере, чем в коренных областях России. В 1824 г. все частные пансионы Российской империи для девушек насчитывали 3420 учениц. Из них 1284 проходили обучение в Дерптском учебном округе, 511 – в других западных провинциях, 235 в двух немецких школах – св. Петра и св. Анны – и, наконец, 1390, т. е. около трети, в пансионах российских губерний. Если добавить к этому церковные начальные школы, то в 1802 г. в 29 губерниях насчитывалось 2007 учениц и 22 057 учеников, в 1824 г. – соответственно 5835 и 55 021. В том же 1824 г. 1428 учениц обучались в начальных школах, 338 – в уездных училищах и 3420 – в частных пансионах. В государственных учебных заведениях к 1828 г. насчитывалось 1200 выпускниц[21]. При населении в 50,5 млн человек небольшое число образованных женщин едва ли играло значительную роль, но все же в культурной жизни дворянского общества это число было очень значительным.

Казарменный дух эпохи «жандарма Европы» Николая I (годы правления 1825–1855) был неподходящей предпосылкой для существенного улучшения женского образования. Царь после восстания декабристов 14 декабря 1825 г. начал принимать меры к ликвидации «чумы», угрожавшей самодержавию. При Николае I было создано Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826), деятельность которого вскоре заслужила печальную славу. Боязнь революции, свойственная Николаю и дополнительно усиливавшаяся демократическими движениями в Западной Европе и польским восстанием 1830–1831 г., распространилась полностью и на западный образ мышления, находивший свое выражение в области просвещения. Чтобы вытеснить из обращения еще остававшиеся формы просвещенческого плюрализма, Николай I поставил цель подчинить себе деятелей государства и политики, обязывая их придерживаться мировоззрения, опирающегося на православие, самодержавие и народность как духовные ценности, для чего привлек министра народного просвещения С.С. Уварова[22]. Усиливающаяся тенденция допускать научную деятельность, следующую исключительно религиозным принципам, в частности, привела к запрещению изучения философии[23] и отразилась также на женском образовании: первостепенной целью воспитателя должно было стать развитие нравственности. После смерти Марии Федоровны эта задача была возложена на Четвертое отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии (с 1854 г. – Ведомство учреждений императрицы Марии), которому подчинялись учебные институты. Так, устав петербургского Мариинского института, принятый в 1834 г., предусматривал, что особое внимание должно уделяться нравственному и религиозному воспитанию, поскольку знания без них бесполезны. Каждые три месяца предписывалось сообщать родителям о послушании, скромности, правдолюбии, порядочности, чистоте и нравственном

поведении дочерей. Особое значение обрели оценки по поведению, от которых зависел и перевод в следующий класс[24].

В целом образовательная политика при Николае I была ориентирована на то, чтобы расширить сеть государственных учебных заведений за счет частных, а также установить контроль над содержанием обучения. В связи с этим в 1833 г. в столицах было запрещено открывать частные пансионы; в других городах создавать их разрешалось только при особых условиях. Годом позже в пансионах были введены инспектора, которые осуществляли контроль над мировоззрением воспитанников. В 1834 г. и домашнее воспитание было поставлено под государственный контроль: теперь ни местные, ни иностранные учителя и учительницы не допускались к домашнему обучению, если они не получили российского государственного сертификата. Этой мерой правительство надеялось способствовать поддержанию принципов «чистоты и морали» в воспитании[25].

В эпоху Николая I, наконец, предпринимались различные попытки со стороны государства, благотворительных и других учреждений создать учебные заведения для детей бедных, сирот, дочерей из семей духовенства, также школу сестер милосердия и училище для фельдшериц. В этой связи особого упоминания заслуживает то, что Александровские институты в С.-Петербурге и Москве с 1847 г. предлагали к своему шестилетнему курсу обучения дополнительный двухгодичный педагогический курс, чтобы подготовить учениц из малосостоятельных семей к будущей педагогической деятельности. Наряду с прочими предметами такие ученицы за это время усваивали еще и педагогические и дидактические знания[26]. И все же основную проблему не удалось решить – лишь немногие дети получали школьное образование. В 1834 г. во всей Российской империи (включая Финляндию и Польшу) школу посещали 214 387 мальчиков и 30 964 девочки. В начальных школах учениц было 18 478, в уездных училищах – еще 104. Только в 15 губерниях (включая Московскую и Харьковскую) существовали частные пансионы для девушек, а в 13 губерниях не было вообще никаких учебных заведений для представительниц женского пола. В 1856 г. во всех государственных школах насчитывалось 482 802 ученика и 51 632 ученицы[27].

Только в эпоху Александра II наметился качественный прорыв в школьном обучении девушек всех сословий в рамках всеобщей реформы народного образования. С 1858 г. был осознан тот факт, что до этого времени образование являлось в основном уделом мужской части населения[28]. В дальнейшем о развитии среднего образования женщин заботились два учреждения: Ведомство учреждений императрицы Марии и Министерство народного просвещения. В апреле 1858 г. в С.-Петербурге была открыта первая семилетняя школа для девочек всех сословий (с 1862 г. такие заведения стали называться Мариинскими гимназиями). В том же 1858 г. за этим последовали распоряжения о создании еще двух типов учебных заведений соответственно большому спросу на них. С 1859 г. школы стали возникать и в провинции. Но эти меры, инициированные Ведомством, носили скорее идеалистический характер, поскольку вплоть до 1911 г. оказалось возможным открыть не более 35 таких гимназий (правда, приобретших большое значение). Кроме того, Ведомству учреждений императрицы Марии в 1855 г. было поручено реформирование женских учебных заве-

дений. С этого времени они были разделены на три разряда: высший (для дочерей потомственных дворян); средний (для дочерей личных дворян и купеческого сословия) и низший (для дочерей лиц прочих неподатных сословий). С 1864 г. был положен конец закрытости институтского воспитания, и ученицы получили разрешение на кратковременные посещения родительских домов[29].

Реформа женского образования, начатая Министерством народного просвещения в мае 1858 г., предусматривала два типа средних школ: шестилетние гимназии и трехлетние прогимназии. В 1870 г. гимназиям был добавлен седьмой класс, и они получили право по своему усмотрению организовывать восьмой (педагогический) класс. Учебный материал в обоих типах гимназий был аналогичным. Ученицы изучали Закон Божий, русский язык, историю, географию, естествознание, арифметику, основы геометрии, а также педагогику, чистописание, рукоделие, французский и немецкий языки, музыку и танцы; пение и рисование были обязательными предметами только в Мариинских гимназиях. И все же программы обучения в женских гимназиях отличались от программ мужских гимназий: если, например, девушка желала экстерном получить аттестат об окончании мужской гимназии, ей приходилось в частном порядке осваивать классические языки и сведения по естествознанию и математике, а также углублять знания по некоторым другим предметам. Имея соответствующий аттестат, женщина тем самым получала право поступать в высшие учебные заведения. Однако в 1863/64 уч. г. доступ в университет был для женщин закрыт. В связи с этим в 1872 г. С.Н. Фишер открыла первую классическую частную женскую гимназию, учреждение которой было одобрено государством. Еще через два года государственным женским гимназиям было разрешено ввести факультативное преподавание латинского и греческого языков[30]. Среднее образование женщин осталось пасынком системы прежде всего в финансовом отношении: государство не было готово финансировать женские гимназии в таком же масштабе, как мужские учебные заведения. Оно предоставило финансирование женского просвещения в основном общественным учреждениям и частным спонсорам. В 1865 г. Министерство народного просвещения распорядилось об открытии 29 женских гимназий для 3440 учениц и 75 прогимназий для 4326 учениц в Петербургской и Московской губерниях, а также в Остзейских провинциях; в 1893 г. в Российской империи существовало 143 гимназии с 40 309 ученицами и 177 прогимназий с 22 007 девочками. Эти образовательные учреждения благодаря сравнительно высокой плате за обучение кое-как держались на плаву; соответственно приток учениц из низших слоев общества увеличивался лишь постепенно[31].

4
Воспитание в институтах, пансионах и родительских домах

Каким же воспитанием и какой профессиональной подготовкой располагали представительницы эмансипационного женского движения? Укрепляло ли воспитание традиционную трактовку роли женщины в обще-

стве? Какими обстоятельствами эта трактовка расшатывалась? И, наконец, каким путем девушки недворянского происхождения в 50 – начале 60-х годов достигали такого уровня образования, который воодушевлял их продолжать его и в дальнейшем? Используя воспоминания избранных нами персонажей, рассмотрим особенности обучения девушек в институтах и пансионах и их воспитания в родительских домах, чтобы получить ответы на поставленные вопросы.

Из автобиографических свидетельств о женских институтах и пансионах можно сделать вывод, что те женщины, которые ставили перед собой далеко идущие профессиональные цели после окончания школы, считали концепцию женского образования в царской России неудачной в принципе. Поскольку учебные заведения вплоть до конца 1850-х годов прививали воспитанницам представления о роли женщины, связанной с семьей и подчиненностью ее главе, эти учреждения предстают в автобиографической литературе как символы угнетения представительниц женского пола. А те женщины, которые были воспитаны в институтах и пансионах до этого периода, критиковали в своих воспоминаниях не столько идеалы воспитания, сколько претворение их в жизнь. Во всех воспоминаниях звучало недовольство строгой регламентацией поведения в быту, плохими условиями жизни и отчужденностью воспитательниц от учениц[1].

Елизавета Николаевна Цевловская (в замужестве Водовозова, а затем и Семевская) поступила в так называемую мещанскую часть Смольного института в С.-Петербурге (т. е. в Александровский институт) приблизительно в 1854 г. и проучилась в нем до 1862 г. В то время в Александровском институте обучались в основном дочери низшего дворянства и священнослужителей. Престиж этого учебного заведения был так высок, что девочка безмерно радовалась обучению в нем. До своего прибытия Елизавета не могла даже подозревать, что стены монастыря отгородят ее «с этой минуты и на много лет не только от семьи, но и, так сказать, от всех впечатлений жизни, от свободы и вольности»[2]. Девушке пришлось вживаться в строжайший казарменный режим. Руководство в лице безжалостной, деспотичной Марии Павловны Леонтьевой внушало ученицам необходимость существовать в атмосфере, сознательно приближаемой к монастырской безрадостной жизни, в холоде и голоде[3]. В холодном, как лед, спальном зале было запрещено укрываться теплыми вещами; скудная еда подрывала здоровье воспитанниц; некоторые в результате истощения попадали в институтскую больницу. Казарменный дух проявлялся также в том, что девочек подвергали муштре, а дисциплину определяли институтский гонг и распоряжения воспитательниц выстраиваться и двигаться парами[4]. Тех, кто надеялся на то, что стержнем институтской жизни будет интеллектуальное развитие, ждало разочарование. Для занятий в свободное время предлагалось только чтение немногочисленных бессодержательных романов. По мнению 70-летней воспитательницы того класса, в котором училась Елизавета, высшими добродетелями являлись нравственность и вера. Мадемуазель Тюфаева с гордостью упоминала о том, что сама она со школьных времен ни разу не открывала ни одной книги, и это положительно отразилось на ее репутации[5]. Директрисе было важно, чтобы ученицы выказывали полное повиновение и строго следовали этикету. И, напротив, на экзаменах

прочные знания по предметам ее едва ли интересовали. Начальство не терпело никаких внешних влияний на институтскую жизнь. Этим правилам были подчинены даже самые любимые удовольствия воспитанниц – ежегодная прогулка сомкнутым строем в Таврическом саду в такой день, когда этот парк был закрыт для общего посещения, или два ежегодных бала, на которых ученицам разрешалось под критическим наблюдением преподавателей танцевать друг с другом, соблюдая серьезность и молчание[6].

И воспитательницы, и учителя не располагали ни педагогической, ни предметной квалификацией для соответствующей работы. Воспитательницы вступали на свое педагогическое поприще гувернантками. Они были незамужними. Быть может, ожесточенные несложившейся личной судьбой, они нередко находили удовольствие в том, чтобы издеваться над девочками, грубо бранить их, оскорблять жестоким физическим обращением и подвергать таким наказаниям, как многочасовое стояние на коленях в углу комнаты. В ответ ученицы начинали мыслить и действовать в духе интриг и придирок, устраивая в отместку тайные заговоры[7].

Впоследствии Елизавета писала:

Томительно-однообразная жизнь и отсутствие чего бы то ни было, что хотя несколько шевелило бы мысль, привлекало глаз, постепенно вливали в душу леденящий холод и замораживали ее. У будущих воспитательниц молодого поколения, которые должны были нести ему живое слово, совершенно была подавлена душевная жизнь и проявление самостоятельной воли и мысли. Всегда и всюду требовалась тишина, каждый час, каждая минута жизни распределялись пунктуально, по команде, по звонку. Результатом этого была развинченность нервов, что чаще всего сказывалось паническим, безотчетным страхом, который иногда вдруг овладевал сразу всеми воспитанницами. Когда вечером после молитвы классная дама уходила к себе, мы, нередко уже раздетые, босые и в одних рубашках, кутаясь в одеяла, размещались на кроватях нескольких подруг и начинали болтать. Но о чем могли разговаривать существа, умственно неразвитые, изолированные от света и людей, лишенные какого бы то ни было подходящего чтения?[8]

Вступление в 1859 г. в должность инспектора классов Смольного института основоположника научной педагогики в России Ушинского стало началом периода реформ в институте. Введенные им обязательные для преподавательской коллегии показательные уроки обнаружили убогое состояние процесса обучения. Со всей резкостью и последовательностью, которые были характерны для радикально-демократической интеллигенции, Ушинский привлек учителей к ответу. При этом выяснилось, что нет ни дидактических концепций, ни учебников или методических пособий, на основе которых можно было бы осмысленно обучать воспитанниц[9]. Царящий в институте дух породил определенную позицию: ученицы были убеждены в эксклюзивности их воспитания, как и учительский персонал. Изоляция от внешнего мира и привитие авторитарного образа мыслей привели к исключению любых коррективов. Образ жизни учениц во время их пребывания в институте противоречил взглядам, господствовавшим в их семьях; если они не имели ни материальных, ни духовных возможностей для протеста, им приходилось разделять принятые в учебном заведении причуды. Елизавета не остановилась перед разрывом отношений с братом, когда он стал убеждать ее, что следует не только думать о нравственном воспитании,

но и изучать нечто полезное для практической жизни. Этим он затронул самое больное место в душе Елизаветы, напомнив ей о тяжелом материальном положении семьи. Она предприняла все мыслимые усилия, чтобы наложить табу на обсуждение этой темы в институте. Во-первых, Елизавета имела привычку хвастаться перед подругами по институту своим элегантным дядей, кавалером многих орденов, который, посещая племянницу, приказывал лакею держать в руках снятую шинель и ожидать хозяина в прихожей. Во-вторых, в письмах к матери она просила ее отказаться от посещений института, боясь, что мать обнаружит перед подругами Елизаветы свой низкий социальный статус. Позднее, когда Ушинский предложил Елизавете получить дополнительную педагогическую подготовку, она поначалу отказывалась, объяснив, что не желает стать «синим чулком»[10].

В других мемуарах институтское воспитание середины XIX в. также наталкивается на резкую критику. Тепло вспоминали бывшие ученицы только отдельных выдающихся наставников, зато постоянно повторяются жалобы на изолированность от мира, нездоровую жизнь, низкий уровень преподавания, на обучение как на самоцель, т. е. без связи с практикой, а также на методы пассивного усвоения знаний. Вспоминая период своего обучения, все женщины разделяли единое мнение, что им прививались инфантильность и полная несамостоятельность[11]. Можно полагать, что в условиях изоляции от действительности во время обучения девочки обретали хронические психические недуги. Свидетельством тому являются автобиографические записки Александры Андреевны Комаровой, дочери высокопоставленного чиновника (род. приблизительно в 1846 г.). В поисках образцов для подражания Александра в юности, будучи фанатичной «нигилисткой», примкнула к революционным кругам; позднее она впала в религиозный мистицизм. После смерти родителей она семилетним ребенком была отдана на воспитание в Мариинский институт в С.-Петербурге. Вероятно, утрата родителей и дома сильно потрясла Александру, а в институте она не находила поддержки. Воспитательницы наказывали Комарову столь неразумно и жестоко, что она получила неизлечимую душевную травму и оказалась подверженной влиянию экстремальных ситуаций.

Затем эта одаренная девочка была обречена на отчуждение за участие в запрещенной игре в спальном зале. На нее наложили трехмесячный запрет разговаривать с окружающими ее людьми, хотя вовсе не она была инициатором нарушения порядка, которое в сущности было всего лишь детской шалостью. Соученицы не стали ее защищать, они последовали наказу учителей прекратить общение с Александрой.

Это было жестокое наказание. Подруги, точно по мановению волшебного жезла, отшатнулись от меня, как будто я была виновата... Даже та, которую я выручила моим молчанием, отвернулась от меня. Классные дамы не делали мне выговоров, горничные и служивые <...> не отвечали на мои вопросы, учителя не вызывали меня. Среди множества людей я очутилась точно в пустыне. Мне было не совсем ясно, за что собственно меня так жестоко наказали, а неблагодарность той, которую я выручила, произвела на меня глубоко-тяжелое впечатление. Я сразу присмирела, ушла в себя, из резвого, шаловливого ребенка сделалась задумчивою и тихою девочкой[12].

Комарова стала много читать – она была грамотной уже при поступлении в институт. Теперь она буквально проглатывала всю литературу, попадавшую ей в руки. И вскоре ощутила боль мучеников, о которых повествовала духовная литература. Одушевленная прочитанным, она и сама решила, что должна испытывать страдания, будучи невиновной, но во имя неких высоких идеалов[13]. Бегство от мира реального в мир религиозных фантазий, отождествление себя с мучениками было, видимо, в те времена распространенным явлением среди подраставшего женского поколения, ощущавшего себя несчастным и одиноким и не знавшего, куда направить свою энергию. Софья Ковалевская коснулась этой темы в своем посмертно опубликованном романе. Его героиня – дворянская девочка, выросшая в сельской местности. Предоставленная самой себе, она в конце концов настолько вжилась в религиозные фантазии, что желала себе мученической смерти[14].

Когда после двух месяцев наказание молчанием было снято, Александра Комарова стала чуждаться соучениц, продолжая жить в мире грез и считая своими друзьями и подругами святых, а также Жанну д'Арк. Часто она представляла себе, что сама когда-нибудь будет сожжена на костре, проявив при этом стойкость подобно Жанне[15]. В конце концов Александра благодаря страсти к чтению, выдающейся памяти и большой силе воображения стала отличной ученицей. Поэтому воспитательницы досрочно перевели десятилетнюю Александру в пятый класс, т. е. в общество шестнадцатилетних девушек, перед насмешками и коварными проделками которых она ощущала себя беззащитной. В новом окружении ее склонность к религии усилилась до эксцентричности, которую в институте даже посчитали психическим расстройством. Заметив, что ее считают ненормальной, девочка предприняла попытку покончить с собой, проглотив порцию белладонны. Только с началом периода реформ, когда новые учителя проявили к Александре серьезный интерес, она нашла для себя возможность возвратиться в реальный мир[16].

Вера Фигнер в 1863 г. поступила в казанский Родионовский институт. Из новшеств в области просвещения, которые пытались ввести радикальные реформаторские силы в России начиная с конца 50-х годов, к этому времени мало что осталось. Идеалы наступившей эпохи представляла директриса института, которая полностью отказалась от «культа красоты и грации», а учениц оценивала по их умственным способностям[17]. Благодаря этому Вера получила возможность приобрести во время обучения весьма полезные качества, например необходимую самодисциплину, чтобы сосредоточиться на проделываемой работе. Покинуть родителей ей было легко; она высоко ценила дружбу с соученицами[18]. Но, как и другие воспитанницы института, Вера Фигнер подвергала резкой критике рецептивные формы преподавания, несовершенные в дидактическом плане. Даже после реформы просвещения поведение девочек оценивалось несравненно выше, чем, например, навыки чтения. Книги институтской библиотеки оставались запертыми в шкафу. Оглядываясь на тот период, Вера жаловалась: «В смысле научного знания и в особенности умственного развития эти учебные годы не только дали очень мало, они задерживали мой духовный рост, не говоря уже о том вреде, который приносила неестественная изоляция от жизни и людей»[19].

Представление о женщине послушной, богобоязненной, но при этом все же достаточно образованной, чтобы поддерживать общение в салоне, и уделяющей внимание своей внешности культивировалось не только в институтах, но и в российских пансионах для девушек. Частное заведение такого рода посещали с 1854 г. Надежда и Аполлинария Сусловы в Москве, а оплачивал их воспитание граф Шереметев. Когда же Прокофий Суслов был назначен главным управляющим владениями графа в Санкт-Петербурге и переехал туда вместе с семьей, то Надежда в 1860 г. завершила свое школьное обучение в одном из институтов столицы[20].

Представительница женского движения Екатерина Степановна Некрасова (1847–1905) в деталях описала стиль жизни и преподавания в одном из московских пансионов[21]. Воспоминания Некрасовой также свидетельствуют, что все участницы женского движения, писавшие о формах воспитания в российских пансионах, осуждали методы, с помощью которых ученицам прививали традиционные сословные ценности и образцы поведения. Стремясь к самоопределению и высокому этосу труда, они категорически отвергали нормы прежнего традиционного воспитания. Некоторые из этих женщин, испытав горечь, причиненную им такого рода воспитанием, решили профессионально заняться проблемами педагогики в литературе, науке и издательской деятельности[22].

Надежда Суслова, разделяя взгляды своих современниц, писала в воспоминаниях: «Плохая нам с сестрой досталась школа, где мало развивался ум, совершенно не затрагивалось сердце, а только обременялась память и царила мертвящая дисциплина; для всех детей одинаковый шаблон в преподавании...»[23].

Различия между пансионами и институтами были весьма существенны. Пансионы являлись частными школами, подлежавшими инспектированию со стороны государства. Воспитание в пансионе Юлии Шенринг велось безалаберно, но все же хороший оркестр, в котором участвовали ученицы, постепенно реабилитировал подмоченную репутацию этого заведения[24]. В отличие от государственных учебных заведений в этом пансионе бесконтрольно правила его владелица. Судя по описанию Некрасовой, госпожа Шенринг обладала в основном отрицательными чертами. Она находилась в преклонном возрасте, была малообразованна, отличалась недостаточным знанием русского языка, скупостью, нечистоплотностью и странными привычками. Плохо обеспечена была и материальная сторона школы. Все 80 учениц ее пансиона ютились в одном-единственном классе, а по годам обучения их разделяли только скамейки. Кроме того, Шенринг скупилась на кадры учителей. Каждый учитель обязывался преподавать в классе свой предмет в течение двух часов. При этом он должен был хотя бы по разу опросить всех учениц и поставить им оценки за ответ. Учитель всегда вызывал учениц по рядам. Те, которые сидели в других рядах, тем временем занимались подготовкой к ответам, играли и т. п. В таких условиях бессменного «вавилонского хаоса» ученицы проводили непрерывно весь день, так как учитель, вынужденный вести опрос, чаще всего захватывал и перемену. Ученицы давились безобразной пищей, причем порции были скудными[25]. По сравнению с обитательницами институтов ученицы этого пансиона пользовались лишь одним преимуществом: по воскресным и праздничным дням им разрешалось уезжать домой. Кроме того, время

от времени устраивались праздники с танцами, на которые приглашались родственники учениц, а иногда и студенты[26].

Сравнение 12 биографий показывает, что 8 девочек из 12, т. е. абсолютное большинство, получили систематическое домашнее воспитание. В их числе находилась и Вера Фигнер, позднее поступившая в институт. Посещала институт также Елизавета Цевловская, а в пансионе училась лишь Надежда Суслова. Христина Даниловна Журавлева (Алчевская) и Варвара Александровна Нафанова (Кашеварова-Руднева) вообще нигде не обучались или обучались в столь малой степени, что, не прояви они собственной инициативы, не знали бы даже азбуки.

Домашнее обучение проходило на самых различных уровнях. В благоприятных условиях воспитывались только две девочки: Мария Ивашева (Трубникова) и Александра Чернова (Калмыкова). На их примерах можно судить о том, каков был высший уровень домашнего образования. Княгине Хованской, сестре умершего декабриста Ивашева, было весьма важно дать образцовое воспитание всем опекаемым ею детям. Соответственно правилам просвещенного аристократического семейства княгиня пригласила на службу несметное множество гувернанток и учителей. Общее руководство ими было возложено на доктора Везенмайера из Гейдельберга, который готовил мальчиков к учебе в школе. Удивительна была терпимость, которую хозяева дома проявили к любознательной Марии Ивашевой, не удовлетворявшейся обучением в группе девочек. По ее просьбе ей разрешили посещать уроки для мальчиков. Благодаря этому девочка уже в ранние годы получила возможность развивать свои интеллектуальные способности на необычайно высоком уровне. Она восприняла этот шанс с восторгом и углубилась в изучение истории, естественных наук и философии. Когда домашнее воспитание по достижении ею 17 лет завершилось, то Мария продолжала занятия по собственной инициативе, пользуясь обширной библиотекой княжеского дома. Ее образование основывалось на традициях, свойственных богатой и достигшей высокой культуры дворянской семье того времени: молодежь увлекалась музыкой, живописью и танцами. Кроме того, женская часть семьи занималась благотворительностью. Мария и ее сестра Вера стали шить белье для неимущих крепостных. Княгиня Хованская вместе с Марией во время эпидемии холеры 1848 г. посещали крестьянские избы, чтобы помогать больным[27]. Таким образом в детстве и молодости Мария обрела живой интерес к различным формам просвещения. В сочетании с идеалами свободы, воплотившимися в личности отца, этот интерес был мотивирован и политически. К нему добавлялось сочувствие к нуждам простого народа, усиленное в какой-то мере ощущением принадлежности к слоям общества, утратившим связь со своим прежним классом. С такими убеждениями Марии Ивашевой оставалось сделать только один шаг к усвоению радикально-демократических взглядов, которые стали особенно популярны после Крымской войны.

Что касается образования, полученного Александрой Калмыковой (Черновой), то его уровень был весьма высок, поскольку дом ее родителей в 50-е годы был местом встреч прогрессивно настроенной западнической интеллигенции. С ранней юности Александра знакомилась с реформаторскими идеями и политической полемикой. Значительный интерес этих кругов к просвещению, науке и «служению во имя народа» распространился

и на подрастающего ребенка. На девочку большое влияние оказывал ее дядя, Корф, вошедший в историю русского просвещения как педагог-реформатор. Помимо этого Александра получила первоклассные знания по литературе благодаря занятиям, которые с ней проводил выдающийся историк искусства и литературный критик В.В. Стасов, друг ее родителей. Поэтому вполне понятно, что уже в 11-летнем возрасте девочка пришла к убеждению, что необходимо бороться за интересы народа. В поместье отца она начала с того, что стала обучать грамоте крестьянских детей. Она шаг за шагом отходила от религиозности и ориентировалась на естественные науки[28]. Когда Александра проявила влечение к преподавательской деятельности, то родители определили ее для прохождения дополнительного курса (восьмого, т. е. педагогического класса) обучения в Мариинскую гимназию Екатеринослава. В 1868 г. она получила диплом преподавательницы. В личном архиве Александры Калмыковой этот документ является убедительным свидетельством того, что девушка получила солидное среднее образование. В обучение входили такие предметы, как Закон Божий, арифметика, геометрия, физика, история естественных наук, география, французский и немецкий языки и рукоделие. Александра закончила этот курс с отличием[29].

Но какими бы впечатляющими ни казались эти примеры на фоне учебных предметов, преподававшихся в школах, все же высокую заинтересованность родителей в интеллектуальном развитии их дочерей никак нельзя назвать явлением типичным. Обычное домашнее воспитание в русских дворянских семьях имело иную направленность. И соответственно «новые» женщины весьма критически вспоминали об этом этапе своего детства и молодости, будь то Мария Цебрикова, Софья Ковалевская, Вера Фигнер или Евгения Бочечкарова (Конради). Обычными явлениями при домашнем воспитании были равнодушие родителей к процессу обучения, муштра как метод преподавания и внутреннее одиночество ребенка или незаполненность его существования в течение всего того времени, когда рядом не было гувернантки. С нескрываемым отвращением отзывалась о своем домашнем обучении Евгения Бочечкарова. Вплоть до 14 лет она содержалась в такой строгости, что в течение дня у нее и минуты не оставалось для отдыха, а по завершении обучения у нее сразу же наступил период такой праздности, что последующие четыре года она делала все, чтобы как-то вернуть свое «потерянное детство». Выучила же она к тому времени по существу лишь три иностранных языка с ограниченным словарным запасом и русский язык в недостаточном объеме. Эти знания казались ей столь скудными, что она ощущала себя почти «безграмотной»[30].

То, что дисциплина, прививавшаяся иностранными учителями и гувернантками, казалась мучением для детей, легко понять, если вспомнить о той свободе, которой пользовались дети, пока находились под присмотром няни. При благоприятных условиях няни пробуждали в своих воспитанниках любовь к природе и народному творчеству (сказкам, песням, легендам), с одной стороны, и благоговение перед Богом и родителями – с другой. Гувернантки же насаждали муштру, чтобы вырастить из девушек благовоспитанных молодых дам, умеющих вести себя в обстановке салона[31]. Английские и немецкие гувернантки добавляли к этому такие черты высокой гражданской культуры, как неустанное прилежание и системати-

ческое соблюдение порядка в делах и образе жизни, что в русском обществе считалось чрезмерным или даже вообще излишним. С болью вспоминает Вера Фигнер о том, что ее родители «за целый год <...> не заглянули в классную», где гувернантка обучала их дочерей французскому языку, танцам и музыке; а если одна из девочек была замечена в каком-либо нарушении, например в разговоре с сестрами переходила на русский язык, то на шею виновной гувернантка надевала кусок розового картона, вырезанного в форме языка[32].

Генерал Корвин-Круковский упустил срок своевременного приглашения в дом английской гувернантки для своей старшей дочери Анны. Девушке было уже 15 лет, когда мисс Смит сменила французскую воспитательницу, которая заботилась в первую очередь лишь о себе. Привыкшая к внутренней свободе Анна столь упорно сопротивлялась наставлениям англичанки, что между ними возникла нескрываемая взаимная ненависть. Маленькая Софья с завистью следила за тем, как Анне благодаря ее сопротивлению удалось перебраться из детской части дома на первом этаже в верхний этаж, в мир взрослых, а именно в комнату рядом с салоном maman. Впрочем, решающую роль сыграла при этом невозмутимость отца, поскольку позиция домашнего тирана была ему не по душе, а потому он не прибегал к угрозам, если не помогали уговоры[33]. Английская гувернантка, по наблюдениям Софьи, «сохранила все типические особенности англосаксонской расы: прямолинейность, выдержку, умение всякое дело довести до конца»[34]. Это способствовало завоеванию ею в доме значительного авторитета, поскольку все прочие его обитатели обладали, видимо, склонностями совершенно противоположного характера, «...и только Богу известно, как трудно было устроить в русском дворянском гнезде теплицу для выращивания английских леди; в семье, где веками, от поколения к поколению, укоренялись господские привычки – небрежность и праздность»[35].

Софье приходилось переносить диктат гувернантки с восьмилетнего возраста. Когда сестра перебралась к матери, Софья осталась единственным объектом воспитательной деятельности, и именно на ней отныне гувернантка сосредоточила все свои усилия. Она старалась по возможности полностью изолировать Софью от влияния других членов семьи. В условиях обширного дома это вполне удавалось. Здесь у каждого текла собственная жизнь, а собиралась вся семья в основном лишь для принятия пищи[36]. И все же у Софьи оставались свободные минуты, которые она использовала для развития своих интересов и дарований. Самым благоприятным фактором для Софьи являлась плохая погода, так как гувернантка, заботясь о здоровье ребенка, не брала воспитанницу на прогулку. В это время Софье разрешали играть в мяч в салоне рядом с библиотекой, чтобы таким путем заставить ее поупражняться физически. Именно в библиотеке девочка обнаружила свой собственный мир в бесчисленных романах и журналах, которые были разбросаны на столах и диванах. Особую страсть она стала испытывать к поэзии. Очарованная магией рифмы и стихотворных размеров, девочка попыталась и сама складывать стихи. Впрочем, боясь гнева гувернантки, она свои строки не записывала, а доверяла их только мячу – она бросала его, декламируя стихи в ритме, согласованном с его ударами[37].

В такой обстановке развитию недюжинного дарования дочери способствовали не родители, да и не воспитательница. Решающим для расширения умственного кругозора Софьи стало влияние ее дяди. Кстати, этот пример показывает существенное различие между домашним воспитанием и изолированным обучением в институтах, исключавшим контакты с внешним миром. Дядя Софьи, Петр Васильевич Корвин-Круковский, был охвачен страстью к чтению и дебатам. Когда он гостил в Палибино, Софье разрешалось сколько угодно сидеть и беседовать с ним. Увлеченный только что прочитанным, он легко забывал, что племянница еще совсем мала. В разговорах с ней он развивал сложнейшие идеи, трактовал и вопросы общественного прогресса; а еще он охотно рассуждал о математике – науке, которая привлекала его больше всего. Софья слышала от дяди много таких вещей, смысл которых она постичь не могла. Однако раз за разом все больше возбуждалась ее фантазия. И в конце концов ей показалось, что математика, будучи наукой высокой и сугубо таинственной, способна открыть посвященному в нее некий чудесный мир, который наглухо закрыт для простых смертных. Воодушевление, вызванное в ней дядей, было столь сильным, что Софья в результате открыла для себя любимое занятие. Дело в том, что когда Корвин-Круковские выехали в свое поместье, то в их доме с его многочисленными помещениями не хватило обоев для оклейки стен. В детской комнате одна из стен осталась оклеенной макулатурой, т. е. случайными страницами с литографированными на них текстами лекций математика М.В. Остроградского (1801–1861) о дифференциальном и интегральном исчислении. Эта стена стала «ее» стеной. Малолетняя Софья часами стояла, глядя на эти знаки и пытаясь понять их смысл[38].

От «своей стены» Софья получила толчок усвоить в кратчайшие сроки основы арифметики и геометрии на занятиях, которые вел ее домашний учитель Иосиф Игнатьевич Малевич, поляк по происхождению. Было и еще одно обстоятельство, благодаря которому Софья нашла возможность более усердно заняться математикой. Ее двоюродный брат Мишель, не проявлявший способностей к естественным наукам, летом 1864 г. приехал в Палибино, чтобы использовать Малевича в качестве репетитора. И тут взрослые пустились на хитрость, чтобы пробудить интерес мальчика к учебе. Вместе с ним занятия посещала Софья; предполагалось, что ее интерес к математике вызовет в Мишеле некоторое честолюбие. Судя по свидетельствам самой Софьи, эти месяцы стали для нее поистине судьбоносными[39].

Ни одна задача не казалась ей слишком трудной, а однажды ей в руки попал учебник алгебры и, поскольку гувернантка не разрешала в свободное от уроков время читать книги, она стала тайно штудировать его по ночам. Вскоре Софья привела окружавших в полное изумление. Однажды в гости к Корвин-Круковским приехал их сосед Н.Н. Тыртов, профессор физики из Санкт-Петербурга и страстный сторонник высшего женского образования. Он привез с собой учебник по физике для начинающих, и Софья немедленно его присвоила. Поскольку рассуждения опирались на тригонометрические формулы, Софья ничего не понимала. Следовало уяснить закон синуса и его применение. После долгих размышлений она эту загадку для себя решила, после чего легко освоила всю книгу. Ей доставило радость рассказать Тыртову о своем достижении. Профессора едва не хва-

тил удар: Софья решила математическую проблему точно так, как она впервые была решена в истории тригонометрии. Он в восторге сравнил ее с Паскалем и убедил колебавшегося отца, что Софья должна систематически заниматься математикой. Правда, генерал по-иному представлял себе будущее дочерей. Он полагал, что их место должно быть в доме, пока не найдется подходящая партия для замужества, но отеческая добросердечность, открытость веяниям времени и не в последнюю очередь гордость за младшую дочь заставили его в конечном счете предоставить Софье свободу действий. В результате во время зимнего сезона в С.-Петербурге, куда дамы из рода Корвин-Круковских в соответствии с дворянскими обычаями приехали развлекаться, Софья стала ученицей авторитетнейшего профессора А.Н. Страннолюбского. Очевидно, благодаря домашнему воспитанию Софья обрела прилежание, выдержку и самодисциплину, т. е. те качества, которым наряду с ее дарованиями и интересами предстояло послужить основой для научной карьеры[40].

Совершенно иной выросла старшая сестра, Анна, которой Софья всегда восхищалась. Благодаря своей красоте и обаянию она уже с семи лет блистала на детских балах. Когда Корвин-Круковские переехали в деревню, для Анны началось скучное время, она тосковала по столичному обществу. Да и зимние поездки с матерью в Санкт-Петербург скорее разжигали, чем утоляли жажду развлечений. В столице они проводили один месяц в году, а вернувшись в Палибино, Анна еще более убеждалась, что молодость проходит втуне. Примерно в 16 лет она начала, подобно Александре Комаровой, до эксцентричности предаваться мечтам, уходя в надуманный мир своих иллюзий. Изолированность, внутренняя опустошенность и отсутствие ощутимой жизненной перспективы (подходящего жениха не было) вовлекали Анну в различные нелепые фантазии. Однажды она вошла в образ тоскующей хозяйки средневекового замка, в другой раз воображала себя монахиней, испытывающей страх смерти[41]. Важным фактором для дальнейшего развития Анны стало то, что она обладала одновременно сильным характером и самосознанием, не сломленным религиозным смирением. Недостаточная внутренняя дисциплинированность для исполнения роли хозяйки дома сочеталась в Анне с отсутствием у нее интеллектуальных и душевных ориентиров. Вследствие этого Анна вскоре сделалась фанатичной сторонницей «нигилистических», а позднее и революционных идей.

При сравнении обеих сестер бросается в глаза, что Софья, в отличие от Анны, уже в юности благодаря ряду счастливых обстоятельств нашла предмет своего безраздельного интереса. Вехи на пути, который привел Софью Ковалевскую в сферу математики, были частично расставлены уже в родительском доме. Аналогично складывалась жизнь будущего педагога Александры Черновой (Калмыковой). В этих двух домах родители проявили достаточную гибкость, чтобы не препятствовать дочерям избрать свой жизненный путь.

При всем разнообразии отдельных примеров женского домашнего воспитания в середине XIX в. решение родителей Софьи Корвин-Круковской отдать дочь под полную опеку гувернантки представляется наиболее предпочтительным для той эпохи. Это подтверждают и рассуждения защитницы женских прав Марии Цебриковой относительно просвещения

девочек[42]. Обычно дворянским дочерям давалось формальное воспитание, полезное для вступления в «высшее общество». Так было у самой Цебриковой, а также у Екатерины Вериго (Брешко-Брешковской) или Евгении Бочечкаровой. К ним можно добавить имена тех, кто воспитывался в пансионах или институтах.

Но зачинательницы движения за женскую эмансипацию уже в молодости благодаря достойным подражания примерам обретали необходимую мотивацию для интенсивных, превышающих средний уровень занятий литературой. Именно такими образцами для подражания были отцы Цебриковой и Екатерины Вериго. И уж если этот интерес пробуждался, то вместе с ним возникали и сомнения в правильности традиционного воспитания, в том числе религиозных наставлений. В использованных нами мемуарах бросается в глаза, что мать в них никогда не трактовалась как идеал, безгранично признаваемый дочерью. Есть и вполне положительные воспоминания о матерях, например у Веры Фигнер; но такие случаи исключительны. Хорошо отзывалась о матери и Христина Журавлева (Алчевская), но она никогда не выражала желания следовать ее примеру (поскольку это означало бы полное подчинение произволу патриархальных условий жизни). Только Анна Корвин-Круковская не оставила воспоминаний о своем отношении к матери.

Неспособность дочерей к компромиссу определялась помимо отсутствия последовательной подготовки с малых лет к роли будущей супруги как хозяйки дома и матери, по-видимому, еще и не слишком глубокой их религиозностью. Православная вера предоставляла девушкам возможность уходить от мира, но никак не помогала им преодолевать жизненные проблемы в духе социальной этики того времени. Если женщины вообще говорили о своих религиозных чувствах, то последние относились прежде всего к отвлеченному миру мучеников, самоотверженность которых служила для них стимулом для попыток преодолеть собственную внутреннюю неудовлетворенность. Религию как дисциплинирующее средство матери описываемых нами женщин тоже использовали без особого успеха, если говорить о продолжительном ее действии; они лишь угрожали дочерям «божьим наказанием» в случае непослушания. Мария Цебрикова вспоминала, как была однажды ввергнута матерью в глубокий конфликт со своей совестью. Мать прокляла девочку и грозила ей Страшным судом со всеми его ужасами. Глубоко расстроенная Мария с головой погрузилась в мир литературы. Она нашла утешение у Чарльза Диккенса, который утверждал, что Бог – это милостивый отец, и человек не имеет права произвольно пользоваться божьим авторитетом. Этот случай решительно расшатал престиж матери; Мария начала с растущим упорством уклоняться от материнского влияния. И поскольку мать воплощала для Марии Цебриковой традиционный образ женщины и в его христианском понимании, девушка испытала отчуждение как от привычного женского самоопределения, так и от религии[43].

Основываясь на собственном опыте, Цебрикова описывала, как трудно давалось ей желание уйти из-под влияния традиции. Когда она увлекалась творчеством Шиллера, Шекспира, Гюго и Байрона, то ее обзывали «синим чулком», а также «ученой», причем последнее прозвище считалось для женщин особенно оскорбительным. Никто не мог ей ответить

на мучившие ее вопросы, возникавшие при чтении. Даже домашний учитель занял отстраненную позицию, заявляя, что подобные темы не подходят как предмет для бесед в обществе молодых дам. По мнению Цебриковой, семья сеяла семена противоречий, когда разрешала мальчикам беседовать о том, о чем запрещалось девочкам.

Запереться в своей комнате для того, чтобы читать, вдумываясь и делая выписки, было для многих <дворянских девочек> подвигом самостоятельности, за который приходилось платить горькими неприятностями. Чуть начинает проясняться в голове хаос, поднятый чтением статей противоположного направления об одном и том же предмете и для понимания которых не было необходимых познаний, чуть начнет наклевываться мысль, которая кое-как связывает новое с прочитанным прежде, как барышню требуют в гостиную. Оказывается, явилась какая-нибудь местная Хлестакова с визитом, и девушка из мира истории, в котором она хотела уяснить себе судьбы родины, из мира «проклятых вопросов», в котором она искала мучительно света, указывающего ей ее мѐсто в жизни, путь, дело – слетала в мир пустейших новостей и бабьих сплетен. От нее требовали почтительного внимания, приветливости, интереса; ум ее был обречен носить ту же шнуровку, как и стянутый в рюмочку стан. И так изо дня в день, из года в год...[44]

У дворянской дочери Екатерины Цениной (Жуковской) родители отобрали все книги, с которыми она вернулась по окончании института, чтобы ей в голову «не лезли глупые мысли»[45]. Цебрикова, обладавшая острым умом и тонким пониманием проблем своего времени, не преувеличивала, когда писала, что в простых семьях желания девушек получить образование отвергались аргументом: «На что девке грамота, чтобы писала любовные записочки?»[46]

Именно так высказывался отец Христины Журавлевой (Алчевской), отлучив дочь от всякого образования. Однако Христина, которой мать привила живой интерес к знаниям, придумала хитрый выход из положения. Каждый раз, когда приходил домашний учитель, который готовил братьев к поступлению в гимназию, девочка тихо устраивалась перед приоткрытой дверью комнаты, чтобы слышать и воспринимать каждое слово учителя. При своем усердии она выучила азбуку быстрее, чем братья. Едва научившись читать, она брала любимые басни Крылова с собой на кухню и читала их дворне, которая составляла весьма благодарную публику. Вдохновленная такими успехами, Христина не остановилась в своем усердии и тогда, когда братья поступили в гимназию. Она настаивала на том, чтобы делать вместе с ними домашние задания. Братьев она просила пересказывать ей пройденный в школе материал, а в качестве компенсации за это писала за них школьные сочинения. Но и этого было мало. Семья была слишком бедна, чтобы приобретать для сыновей необходимые учебники, и Христина стала по ночам писать сочинения для одноклассников ее братьев, получая за это оплату; на заработанные деньги она приобретала учебники. Но это «предприятие» действовало не слишком долго. В конечном счете у Христины набралось столько «заказов», что как-то из-за переутомления она незаметно для себя начала писать глаголы с женскими окончаниями, после чего ее разоблачили, и «дело» было немедленно прикрыто[47].

Еще бóльшие приключения пережила Варвара Нафанова (Кашеварова-Руднева) в связи с обретением первых знаний. В 12-летнем возрасте она сбежала из дома и в течение нескольких недель пряталась в каком-то сыром подвале. Там она жила тем, что попадалось под руку, пока не заболела тяжелой формой тифа. Жизнь ее была спасена лишь благодаря случаю: из жалости ее поместили в больницу. Когда она выздоровела и предстояла выписка из больницы, врачи узнали, что у нее нет ни крыши над головой, ни зимней одежды. Они обеспечили ее самым необходимым, и Варвара получила возможность отправиться в Санкт-Петербург в поисках образования и заработков на хлеб насущный.

Сначала она оказалась в бедной семье одного матроса[48]. Сын его заявил о своей готовности научить ее чтению. Через некоторое время ее взял под свое попечение бездетный топограф. В его доме Варвара освоила хорошие манеры и танцы. Когда хозяин уехал в длительную служебную командировку, он устроил девочку в дом холостого странноватого учителя. Тот, правда, не имея свободного времени, уроков Варваре не давал, но иногда с удовольствием рассказывал ей о знаменитых личностях. На Варвару эти истории производили столь сильное впечатление, что она все больше ощущала в себе стремление чего-то в жизни добиться. Она попыталась доставать книги, но опекун возражал, полагая, что чтение для девушки неприлично. Летом, живя в деревне, она научилась у одного крестьянина писать столь же неумело, как делал это он сам. Когда Варваре минуло 15 лет, опекун-топограф решил сделать ее своей любовницей. Предупрежденная «добрыми людьми», она опять пустилась в бега без всяких средств к существованию[49].

Случайным ли был повышенный уровень образования женщин в России перед великими реформами и после них? Многое говорит о том, что этот вопрос заслуживает положительного ответа без всяких оговорок. Доля девочек, посещавших образовательные учебные заведения, была, как показано выше, незначительной. К тому же в первой половине XIX в. в педагогических концепциях наблюдалась тенденция к «очищению» от свободомыслия. Воспитание в институтах и пансионах, да и домашнее обучение, служили тому, чтобы закрепить господствовавшие представления о женских обязанностях. Девочек готовили к роли законных жен и к выполнению связанных с этим представительских функций в высшем обществе. В недворянских семьях девочкам, как правило, не давали никакого образования; там отдавали предпочтение сыновьям, если только детям вообще преподносились хоть какие-то знания.

Как было показано при описании отцов и матерей наших героинь, интеллектуальный общественно-критический потенциал существовал еще до великих реформ и оказывал влияние на детей. Будь то декабрист Ивашев, дед и отец Цебриковы или выходцы из польского реформационного дворянства Вериго и Цевловский – все они становились для дочерей образцами для подражания. К этому добавлялся прогрессивно настроенный круг родственников и друзей. Когда наступила эпоха реформ, то выдающиеся представители передовой интеллигенции собирались в доме Черновых, и это было столь обычным явлением, что даже 11-летняя Александра усвоила их взгляды, хотя еще и не была способна выстроить их в какую-либо стройную систему. В эти круги входил, в частности, и П.В. Корвин-Круковский, оказавший решающее влияние на свою племянницу Софью Ковалевскую.

Мы уже писали (см. гл. I, п. 2), как в ориентированном на западные образцы обществе с конца 50-х годов начала распространяться эйфория перемен; соответственно увеличилось и число тех, кто представлял идеи свободы и равенства в семье и в обществе. Назревало время, когда и молодые женщины, такие как Евгения Бочечкарова, Анна Корвин-Круковская или Вера Фигнер, окончившие институт и пока сидевшие дома, окажутся охваченными новыми идеями и начнут им следовать.

Глава III

Шестидесятница – «новая женщина» 60-х годов

1
Изменения в сознании женщин в эпоху великих реформ

Благодаря своему сближению с радикально-демократическими силами в 60-е годы XIX в. женщины оказались готовыми принять на себя роль первопроходцев в женском движении за эмансипацию. Феминисток подчас раздражало то, что инициатива рассмотрения проблемы женской эмансипации (в XIX в. встречается также выражение «женский вопрос») исходила от мужчин[1]. Символом этого процесса являются наставления, которые давал Вере Павловне студент-медик Лопухов в романе Чернышевского «Что делать?»[2].

Сюжет о том, как мужчина помогает женщине приобрести новую самооценку, был подхвачен писательницами того времени. Так, 21-летняя Надежда Суслова в рассказе «Фантазерка» (1864) повествует о том, как молодая дворянка Александра Кирилловна стремится стать «новой женщиной» в «новом» мире, для которого характерны просвещение, избираемая по собственному желанию работа и самостоятельно определяемая частная жизнь. Под влиянием молодого разночинца Алексея Сергеевича, в которого она влюбляется, дворянка отчуждается от своего сословия. Дворянская среда представляется Александре упадочной и разрушающей личность индивида. Поскольку у молодой женщины появляется жизненная альтернатива в образе разночинца, она исключает любой компромисс со своей семьей. Этой позиции она придерживается и после того, как Алексей из низких побуждений отказывается от помолвки с ней. Лишенная всяких надежд найти выход из создавшегося положения, она решается на самоубийство[3].

Драматически развивается и сюжет рассказа Софьи Ковалевской «Вера Баранцова». Здесь молодая дворянка 15 лет, живущая в сельской изоляции без надежд на достойное будущее, встречается с домашним учителем, соседом Васильцевым. Радикально-демократически настроенный профессор, сосланный в свое имение за политические выступления, знакомит Веру с представителями интеллигенции. Под его руководством девушка переходит от религиозных фантазий к сознанию политической реальности. Между Васильцевым и Верой возникают дружба и любовь. Но счастье их разрушается вмешательством государства. Васильцева арестовывают и ссылают в Сибирь. В своем прощальном письме Вере он просит ее продолжать его дело. Через несколько лет, получив родительское наследство, Вера обретает экономическую самостоятельность и прилагает усилия к вы-

полнению наказа Васильцева. Она выходит замуж за совсем незнакомого политического узника, потому что женатого человека должны освободить из пожизненного заключения в печально известной Петропавловской крепости. Помилование означает, однако, для него ссылку на каторжные работы в Сибирь, и Вера следует за ним, радуясь тому, что приносит эту жертву ради Васильцева и всего, что ему было дорого[4].

В 1913 г., когда организованное женское движение давно стабилизировалось, его представительницы, оглядываясь на ранний этап его развития, констатировали, что процесс эмансипации проходил путем подражания.

Женщина захотела стать, как мужчина: стригла косу, затягивалась папиросой, доказывала, что она все может, что может мужчина <...>.

Доля смешного здесь, пожалуй, есть, но, в сущности, гораздо больше серьезного, глубокого, чем смешного: ведь за спиной этого обезьянства стоит несомненный факт роста, чувства силы, смутного сознания возможности самостоятельного существования[5].

Зачинательницы русского женского движения, стремясь к новому образу жизни, получали стимулы к разрыву с привычными формами жизни, с одной стороны, от учителей, профессоров, студентов, а с другой – в кругу собственной семьи и друзей.

При каких же обстоятельствах происходили столь важные по их последствиям встречи, кто был их вдохновителем, какие идеи и какие представления о ценностях распространялись на этой основе?

Ни одна из представительниц женского движения своего времени не описала столь подробно и впечатляюще трудный процесс раскрепощения на собственном примере, как Елизавета Цевловская. Большую роль в ее развитии сыграл Ушинский. В 1859 г. Ушинский, назначенный инспектором обоих отделений Смольного института, пользовался как реформатор особым доверием императрицы Марии Александровны. Он происходил из дворян; получив совсем еще молодым человеком юридическое образование в Москве, Ушинский сначала занимал должность доцента. Он рассчитывал сделать успешную карьеру в сфере высшей школы, однако эти планы были нарушены эпохой реакции, наступившей после 1848 г. Поскольку Ушинский не хотел подчиняться правилам далекого от жизни стиля преподавания, одобряемого государством, он покинул университет и стал публиковать свои труды в «Современнике» и других журналах. С наступлением эпохи реформ, в 1855 г., последовало назначение его учителем, а затем и инспектором Сиротского института в Гатчине под Санкт-Петербургом. В это время Ушинский настолько убедительно выказал свои качества педагога-реформатора, что и сегодня его считают основателем русской педагогики как науки.

В отличие от умеренного реформатора образования Пирогова, Ушинский придерживался идеалов радикально-демократического мировоззрения: народного образования, продуктивного труда и естественно-научной ориентации в целях ускорения общественного прогресса[6]. С этих позиций он выступал против идеала классического гуманистического просвещения. Центральную роль в педагогике Ушинского играл труд. Он был для Ушинского предпосылкой интеллектуального, этического и физического воспитания, а также условием достижения внутреннего и внешнего блага человека[7]. Свободолюбиво настроенный Ушинский выступал за всяческую помощь ущемленным слоям общества. Ученицам в Смольном он объяснял смысл освобождения крестьян в 1861 г. и так же основательно излагал им свое понимание обязанностей женщины. Елизавета Цевловская вспоминала:

По словам Ушинского, с этого момента все обязаны нести в народ свой труд, знания и таланты, а на русских женщин наступившая эпоха освобождения налагает еще особую обязанность – раскрепоститься от предрассудков, специально тяготеющих над ними. Еще не так давно у нас не находили нужным даже учить женщину грамоте, но и теперь в семьях людей образованных, там, где считают необходимым давать высшее образование сыну, дочь учат как попало и кой-чему. И все, даже сами женщины, находят такой порядок вещей нормальным. Быть наставницею молодого поколения – великая и благородная задача, но в то же время в высшей степени трудная и сложная. Выполнить ее с успехом женщина может, только основательно вооружившись серьезными знаниями. Следовательно, женщины, так же как и мужчины, должны получать высшее образование. «Вы обязаны, – говорил он, – проникнуться стремлением к завоеванию права на высшее образование, сделать его целью своей жизни, вдохнуть это стремление в сердца ваших сестер и добиваться достижения этой цели до тех пор, пока двери университетов, академий и высших школ не распахнутся перед вами так же гостеприимно, как и перед мужчинами»[8].

Ушинский четко отличал новый образ женщины от традиционных представлений, свойственных дворянскому воспитанию, противопоставляя жизни, посвященной только утверждению себя в светском обществе, идеал любви к труду, к «неугасимой жажде познания». Одновременно он объяснял, что материнские обязанности женщины не исчерпываются, как у животных, только заботой о физическом благополучии детенышей. Человеческая материнская любовь означает скорее стремление пробудить в ребенке потребность в осмысленной деятельности и воспитать в нем общественное сознание[9].

Пример педагога-реформатора К.Д. Ушинского показывает, что отмена крепостного права и сопутствующие ей настроения в образованном обществе охватили широкие круги России. Отнюдь не только литературной среде выпало на долю развивать демократические представления, бросавшие вызов как дворянскому, так и сложившемуся буржуазному миру. Так, немецкий наблюдатель тех лет Ю. фон Эккардт с осуждением отмечал:

Похвальное само по себе стремление устроить жизнь содержательнее и достойнее, чем прежде, подвергалось искажающему воздействию со стороны средних и высших мужских учебных заведений с характерными для них грубо выражаемыми реалистическими и демократическими тенденциями, что превращало это стремление в карикатуру, сначала лишь достойную осмеяния и безвкусную, но впоследствии ставшую и чрезвычайно опасной. Среди жаждущих образования молодых россиянок вошел в моду радикализм, который вскоре превзошел по его решительности и циничности радикализм мужчин[10].

Ушинский проработал в Смольном институте всего четыре года. С изменением политического климата после студенческих волнений и петербургских пожаров 1862 г. ему пришлось отказаться от должности инспектора

при Смольном институте и уехать за границу, потому что его обвинили в распространении атеизма и прочих антигосударственных воззрений.

За годы деятельности в Смольном Ушинский многого достиг вместе со своими единомышленниками. Этому способствовало и то, что он уволил консервативных учителей и заменил их более молодыми и прогрессивными, такими как историк Михаил Иванович Семевский (1837–1892) или учитель русского языка и литературы Василий Иванович Водовозов (1825–1886). Ставший правой рукой Ушинского в вопросах образования, Водовозов в период реакции преподавал в Варшаве. Он также вошел в историю русской педагогики как один из ее основателей, боровшихся за всеобщее народное образование, создатель соответствующих методических материалов[11]. Когда Ушинский ввел контроль за обучением с целью оценки уровня преподавания в Смольном институте, то на какое-то время ученицы объединились со своими учителями и классными дамами против этого отличавшегося резкостью человека, насаждавшего жесткую дисциплину. Однако выдающемуся педагогу удалось шаг за шагом склонить учениц на свою сторону, и они увидели в нем защитника своих интересов[12]. С удивлением ученицы наблюдали за тем, как Ушинскому удавалось привнести в институт свой стиль работы, несмотря на все интриги воспитательниц. Это, в частности, привело к тому, что Водовозов систематически стал знакомить девочек с русской литературой и комплектовать фонды библиотеки института. От урока к уроку все больше учениц попадало под обаяние Водовозова. Возрастали симпатии девочек и к новым учителям, поскольку они относились к ученицам по-товарищески и пускались с ними в долгие беседы, чтобы подготовить их к жизни после выхода из института[13].

Чем в большей мере ученицы воспринимали новые методы обучения, тем быстрее последнее входило в моду. В конечном итоге оно впитало в себя всю силу воодушевления молодости. Воспринимая образование как нечто важное и необходимое, желая избавиться от влияния воспитательниц и реализовать себя, девочки начинали лихорадочно работать. Увещеваний более не требовалось. Даже по ночам, когда воспитательницы гасили свет в спальных комнатах и уходили, девочки зажигали свечи в самодельных картонных подсвечниках и продолжали учение.

> Нравственный облик институток совершенно изменился. Сами мы не замечали в себе перемены, кроме того, конечно, что прежде некоторые из нас зубрили уроки, другие решительно ничего не делали, а теперь все работали серьезно, многие даже со страстным увлечением[14].

Сами ученицы не могли не удивляться таким явным изменениям: ведь девочки, которые ранее не были способны вести нормальную беседу, теперь стали участвовать в дискуссиях, а вместо прежнего интереса к духам у них появилась страсть к книге[15].

Из автобиографии Елизаветы Цевловской следует, что с этого времени сознание учениц стало меняться. Девочки уже не удовлетворялись обычаями дворянского общества, их все больше тянуло к передовым кругам молодежи. Об этом мы еще скажем ниже. Здесь же констатируем на примере Цевловской, что реформаторские веяния сказывались на институте, определяя его жизнь. Во-первых, сама Елизавета благодаря руководству новых учителей прониклась идеалами просвещения, которые ассоциирова-

лись у нее с памятью об отце и от которых она в значительной мере (хотя и не полностью) позже отошла. Теперь интерес к знаниям не то чтобы появился у нее впервые, но все ранее накопленное было собрано воедино и освежено в памяти. Во-вторых, признание Елизаветой авторитета Ушинского побудило ее последовать его совету: он предложил ей посещать седьмой, т. е. педагогический, класс. А поскольку мать написала Елизавете, что не в состоянии оплачивать это обучение, Ушинский позаботился о стипендии для Елизаветы. Тем самым он дал ей возможность в течение длительного времени знакомиться с реформаторской педагогикой, введенной в практику Смольного[16]. В-третьих, общественная открытость и идеал труда, сторонниками которых были Ушинский и его коллеги, способствовали сближению дочери с матерью. Елизавета восстановила отношения с матерью, уже не стыдясь социального положения семьи, и признала достижения матери в ведении помещичьего хозяйства. Дочери и матери предстояло найти точку духовного соприкосновения там, где речь шла о практическом преодолении жизненных проблем, отказавшись от сословных ограничений[17]. В-четвертых, Елизавета, учась в институте, обрела гражданскую смелость. Пришел такой момент, когда она начала твердо отстаивать свое мнение и не позволяла влиять на себя даже директрисе Леонтьевой. Так, когда одна из воспитательниц стала призывать учениц бойкотировать занятия учителя истории Михаила Семевского, возник конфликт. Девочкам было сказано, что при его появлении в классе воспитательница покинет помещение, а ученицы выйдут за ней. Но три девочки не последовали этому приказу, в том числе и Елизавета. На допросе, учиненном руководством, она отвечала, что действовала по собственным убеждениям и потому не могла участвовать в сговоре. Тем самым она дала понять, что готова даже на исключение из института, что было, однако, предотвращено Ушинским. В начале 1862 г., выдержав экзамен, Елизавета покинула Смольный институт с твердым намерением продолжить образование, иметь собственный заработок и вести самостоятельную жизнь[18].

Воспитание в духе реформ, в соответствии с гражданскими идеалами труда и просвещения позволило Елизавете Цевловской согласовывать материальные условия своей жизни с духовными потребностями. По-видимому, она сначала даже не осознавала этого. Только в доме своего богатого дяди, сверхконсервативного и националистически настроенного генерала Гонецкого, у которого она некоторое время гостила вместе с матерью, Елизавета стыдилась своего зависимого положения. К этому времени Елизавета уже столь критически воспринимала жизнь этой семьи, что лишь с трудом выносила зависимое от нее положение[19].

В дополнение к сказанному затронем еще похожий жизненный опыт Александры Андреевны Комаровой, чтобы на примере и ее жизни проследить за изменениями, произошедшими в женских учебных заведениях. Для Комаровой, учившейся в Мариинском институте С.-Петербурга, изменения в составе учительского персонала 1859/60 акад. г., приход педагогов-реформаторов означали в первую очередь отказ от религиозных настроений. Будучи любознательной, она со спонтанным интересом реагировала на новые элементы обучения, привносимые этими педагогами, среди которых был и один поляк в должности учителя истории. Вскоре она, по ее собственным словам, стала жадно поглощать научно-популярную литературу и по-дет-

ски приняла решение изучать последовательно математику, естествознание и историю, чтобы осмыслить закономерности жизни[20].

В связи с полученными от учителей естественно-научными знаниями Александра отказалась от своих навеянных религией идеалов. Окончательное крушение ее веры произошло в 1862 г. под влиянием учителя французского языка. Он разъяснил ученицам, что наука давно уже доказала необоснованность религиозных представлений. Христианству как стержню старого порядка предстояло в эпоху перелома жизни человечества уступить место светскому мировоззрению. По его мнению, которое разделяли и некоторые другие преподаватели института с аналогичным мировоззрением, Россия находилась на пороге великой революции, некой потрясающей новой утопии. Соответственно предстояли и изменения в жизни женщин. Они будут освобождены и подняты на уровень полноправных граждан. Как писала Комарова, ее веру в Бога не считал необходимым поддерживать никто, кроме священника[21]. Вместо веры девочки вскоре страстно увлеклись новым ви́дением будущего. Они даже воображали себя такими же активными, как женщины Французской революции. «Вчера мы расхаживали по коридорам, распевая "Марсельезу" и польские гимны», – сообщала Комарова[22]. Несомненно, она составляла исключение по сравнению со многими молодыми женщинами своего времени, поскольку прежде всего из-за своего тяжелого детства страдала от недостаточно развитого самосознания и потому была склонна впадать в крайность. Это привело к тому, что свою религиозность она очень скоро сменила на новые идеалы. Ее биография неоднократно будет демонстрировать нам противоречивые настроения той эпохи.

С 60-х годов политической полиции приходилось присматривать не только за молодыми учителями, но и за молодыми учительницами, лояльность государству которых она ставила под сомнение. Одной из таких молодых преподавательниц была Евгения Ивановна Бочечкарова (в замужестве Конради). Когда после смерти отца обнаружилось, что семья жила далеко не по средствам и исчерпала все финансовые ресурсы, перед Евгенией встала альтернатива – либо выходить замуж, либо искать собственный заработок. Вскоре, однако, выяснилось, что о «хорошей партии» и думать нечего, поскольку не было приданого. И тогда 20-летняя Евгения стала воспитательницей (классной дамой) и учительницей английского языка в Петровском женском институте в Москве. Судя по воспоминаниям современниц, Евгения Бочечкарова быстро завоевала уважение как учениц, так и руководства учебного заведения. Обладая недюжинным ораторским талантом, открытая для обсуждения жгучих вопросов своего времени, она проводила нестандартные занятия. При этом ее стремление к преподнесению альтернативных знаний, очевидно, определялось ее общением с нигилистическими кругами московской интеллигенции. Вместе с тем она посещала и престижные салоны города, где встречалась с ведущими представителями духовной жизни, в частности с братьями Аксаковыми[23]. В переписке с критиком В. Стасовым Евгения сообщала, что к тому времени, когда ее семья оказалась финансовым банкротом, сама она жила уже духом нового времени: «...жизнь своим трудом не только не пугала меня, но, напротив, манила, как освобождение от бесчисленных мелких стеснений, опутывавших мое существование кисейной барышни»[24].

Следует предполагать, что Евгения Бочечкарова рекомендовала своим ученицам ту литературу, которую ценила сама, считая ее решающим средством воспитания в девочках прогрессивного социального и политического сознания. Одна из ее учениц вспоминала:

Она вводила большинство из нас в совершенно новый мир понятий: говорила о Гарибальди, объединении Италии, о Герцене, о возмутительности крепостного права, читала нам «Современник», политические, критические статьи. В институте не было даже библиотеки, а журналы были запрещены, библиотека начала организовываться только в 59-м году. Из беллетристики она прочла нам, как только появилась, повесть Тургенева «Накануне», которой тогда придавали большое значение и рассматривали почти как выдающееся событие <...>.

Каждую свободную минуту мы окружали Евгению Ивановну в дни ее дежурства, и часто она отдавала много времени нам из дней своего отдыха <...>.

Она же положила начало нашему отношению к национализму, что ярко потом проявилось во время польского восстания; мы могли устоять против всеобщего почти возбуждения, а часто и ненависти к полякам, которые господствовали тогда во многих кружках Москвы.

В религиозном отношении она никогда не шла против самой веры, но страшно возмущалась, когда видела, что вера наша проявляется, а часто и ограничивается только внешним идолопоклонством: стремлением добыть святой воды... чтобы иметь ее на уроках для будто бы более успешных ответов <...>[25].

Молодой учительнице из-за ее взглядов пришлось навсегда покинуть учебное заведение уже через год. После этого Евгения Ивановна нашла себе должность гувернантки в Ярославле. Но и там она преследовала свою цель – бороться с «общественным и моральным злом» и, действуя столь же прямолинейно, вновь потеряла работу[26].

Распространение новых представлений по всей стране, влияние прогрессивно настроенных учителей на своих учениц и учеников, а также деятельность учительниц в сфере прогрессивной педагогики могут быть прослежены в действиях политической полиции. В 60-е годы она была встревожена явлениями, происходившими в сфере образования. Словно Аргус политическая полиция следила за тем, чтобы именно в школах не распространялись радикально-демократические представления. В одном из рапортов 1869 г. выражалось опасение, что просвещение девочек подвергается самому дурному влиянию и что из-за недостатка образцовых учительских кадров ученицы все чаще вступают в соприкосновение с «нигилистическими теориями»[27].

В 1877 г. составители отчета по одному из расследований, предпринятых Третьим отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии, дошли до того, что объявили политически неблагонадежными всех гимназисток. Повод к этому дали статистические данные о подростках, нарушивших общественный порядок. В рубриках «институтское образование» и «профессиональная деятельность» отмечалось, что доля женщин неизменно составляет около 15 %. В конкретных случаях число лиц, связанных с антигосударственной пропагандой, составляло, например, в мужских гимназиях 91, а в женских гимназиях 25. Среди профессионально работавших женщин больше всего было учительниц[28].

Политическая полиция делала все возможное, чтобы обнаружить неблагонадежных и подвергнуть их административной ссылке. На учительниц, подозреваемых в антигосударственной пропаганде, налагался запрет на профессию. В архивных фондах Министерства внутренних дел среди многих других сохранилось и прошение домашней учительницы Елизаветы Павловой, которая в 1862 г. была выслана из С.-Петербурга и поставлена под надзор полиции в связи с обвинением в распространении антигосударственных взглядов в воскресных школах. Сначала ее сослали в женский монастырь за «вредные убеждения и поступки». В последующем ей дважды меняли место ссылки и наконец она оказалась в Тамбове. Павлова писала в прошении:

Ваше Высокопревосходительство!

Высланная из Петербурга административным порядком в 1862 году, и находясь вот уже почти пять лет в ссылке, где пришлось пройти через столько испытаний и тяжелых лишений, я решаюсь прибегнуть к Вам с покорнейшей просьбой освободить меня если возможно от полицейского надзора, который для меня особенно стеснителен, с тех пор как последовало нам запрещение заниматься уроками и воспитанием детей. Средств к жизни я не имею никаких, физическим трудом я заниматься не в силах; испробовав научиться ремеслу, я увидела что при моем расстроенном здоровьи и ослабевшем зрении – это невозможно.

Если бы Вы были так милостивы освободить меня от надзора полиции, я бы могла еще что-нибудь предпринять, чтобы достать средства к существованию; в настоящее время я так стеснена и ограничена и безвыездностью из этого города, и запрещением давать уроки даже пения и музыки, что будучи не в состоянии обязываться кому бы то ни было из родственников – положение мое становится безвыходным, если Вам не угодно будет обратить внимание на мою просьбу[29].

С начала 60-х годов политической полиции было поручено преследовать девушек, которые стремились получить образование, а также жен чиновников за их «антигосударственные убеждения». Как особенно дерзкое расценивалось поведение учительницы Екатерины Бокановой, дочери высокопоставленного государственного чиновника. В деревне Мурино Санкт-Петербургского уезда она сняла со стены портрет царя и бросила его в печку. Ученикам она пояснила, что с общественной точки зрения царь – фигура излишняя. В свое оправдание шефу уездной полиции она ответила, что портрет был убран в связи с ремонтными работами, а для пользы на то же место повешена карта для наглядного объяснения вопросов естествознания. Уездная полиция отмечала, что учительница производила самое дурное впечатление, будучи одетой небедно, но неряшливо; ее растрепанные волосы были подвязаны каким-то шнурком, а ответы на вопросы полиции отличались грубостью[30].

Наряду с учительскими кадрами школ и университетские профессора поддерживали женское движение. В первую очередь следует назвать сына ректора Петербургского университета либерального правоведа К.Д. Кавелина (1818–1855). Его сначала связывала тесная дружба со славянофилами И.В. Киреевским и А.С. Хомяковым. Но в конце 40-х годов Кавелина начали привлекать западнические идеи, что вскоре сделало его резким критиком устаревших общественных и политических условий Российской империи. В 1848 г. молодой профессор, выражая протест против политики

правительства в отношении высшей школы, ушел в отставку и сблизился с Герценом. С этого времени он стал сторонником гражданского идеала свободы, что означало для него прежде всего защиту прав личности, свободные рыночные отношения и развитие таких правовых отношений, которые ориентировались бы на интересы индивида. Он написал привлекший всеобщее внимание меморандум об освобождении крестьян, поддерживал направленную на реформы политику высшей школы начала 60-х годов и идею полного женского равноправия. Во время зимнего семестра 1859 г. Кавелин поступил на работу в Петербургский университет и быстро завоевал симпатии студентов. В 1860 г. на торжественном собрании по случаю юбилея университета он произнес речь в защиту равноправия полов. В качестве первого шага на этом пути он предложил внести в наследственное право равные права для женщин[31]. В 1861 г. Кавелин не остановился перед одобрением студенческих волнений как формы оправданного протеста против политики лишения высшей школы ее самостоятельности. Когда группе либеральных профессоров не удалось добиться автономии высшей школы, он вышел в отставку[32].

Еще только приступив к проведению занятий в Петербургском университете, Кавелин вызвал в городе всяческие толки, поскольку допустил на свои лекции в качестве слушательницы женщину. Тогдашний студент, позднее ставший профессиональным революционером, Л.Ф. Пантелеев (1840–1919), свидетель этого необычайного эпизода, вспоминал:

Раз в осенний семестр 1859 г. сидим мы, студенты-юристы 2-го курса, в IX аудитории и поджидаем профессора Кавелина; аудитория, как всегда на его лекциях, полным-полнехонька: Константин Дмитриевич был тогда в зените своей популярности. По времени входит Кавелин; но к крайнему нашему удивлению вслед за ним показалась фигура ректора П.А. Плетнева, ведшего под руку молодую миловидную барышню. Петр Александрович любезно усадил барышню в кресло, уселся сам, а Кавелин, как ни в чем не бывало, прочел свою лекцию. Не думаю, однако, что на этот раз все прослушали лекцию с тем вниманием, как это обыкновенно бывало. То же повторилось и на следующей лекции, а потом она стала появляться в аудитории одна, принося с собой тетрадь для записывания лекций, и в ожидании профессора усаживалась за одним из свободных столов. Барышня имела резко выраженный итальянский тип, небольшого роста, всегда одетая в черное шерстяное, простого фасона платье; волосы у нее были несколько подстрижены и собраны в сетку. То была Наталья Иеронимовна Корсини, дочь небезызвестного тогда в Петербурге архитектора Иеронима Дементьевича Корсини. Ее мать, в то время уже неживая, в 40-х и в начале 50-х годов принимала некоторое участие в литературе и была знакома с Плетневым[33].

Далее Пантелеев сообщал, что Наталья Корсини проявила достаточно мужества, чтобы посещать лекции и других профессоров. Единственной слушательницей она оставалась недолго. К ней присоединились Антонина Петровна Блюммер (в замужестве Кравцова) и Мария Арсеньевна Богданова (в замужестве Быкова). Кроме них, в числе первых слушательниц были сестра Натальи Корсини Екатерина Иеронимовна (в замужестве Висковатова), Надежда Прокофьевна Суслова и ее подруга Мария Александровна Обручева (в замужестве Бокова, затем Сеченова). Через несколько месяцев женщины начали посещать лекции по праву, истории и естественным

наукам. Лекции некоторых профессоров посещали почти столько же женщин, сколько мужчин. Что касается права посещения, то поначалу университет был открыт для всех и без предъявления свидетельства о зачислении в студенты; достаточно было приобрести статус вольнослушателя или вольнослушательницы. Даже если большинство профессоров относились сдержанно к спонтанному стремлению женщин получить высшее образование, считая это преходящим следованием моде, все же никто из них открыто против этого не выступал. Правда, естествоиспытатель С.С. Куторга пытался отпугнуть слушательниц чрезмерно подробным изложением своего предмета, но вскоре был вынужден признать, что подобная тактика не привела к должному результату. В аудитории сидели вовсе не сентиментальные «дворянские барышни», а молодые женщины, порвавшие с традиционным воспитанием, общавшиеся с радикально-демократическими кругами и требовавшие теперь женской эмансипации в сфере высшего образования, как это, в частности, пропагандировал публицист М.Л. Михайлов[34].

Духом нового времени объяснялось и то, что студенчество Санкт-Петербурга считало посещение университетов женщинами нормальным явлением. Не было ни одного случая, который поставил бы под сомнение солидарность слушательниц и слушателей. Надежду Суслову, Марию Бокову и Марию Арсеньевну Богданову даже в Медико-хирургическую академию, подчиненную военному министерству, приняли после того как они в 1861 г. обратились к Сеченову с просьбой разрешить им изучать медицину. В 1863 г. за ними последовала Варвара Нафанова (в замужестве Кашеварова, затем Руднева). Свои аудитории открыли для женщин и профессора Киевского и Харьковского университетов. В результате уже в 1860/61 уч. г. аудитории заполнялись сотнями женщин[35].

В своих воспоминаниях Сеченов, приехавший в 1860 г. в Санкт-Петербург из-за рубежа и занявший кафедру физиологии, писал:

> Еще будучи за границей, я слышал о зародившемся в среде русских женщин стремлении к высшему образованию и вернулся в Россию с готовым сочувствием такому движению. Осенью [18]61 года я познакомился с двумя представительницами нового течения [Н. Сусловой и М. Боковой], серьезно и крепко заряженными на подвиг служения женскому вопросу. Они и доказали это впоследствии, кончив курс в Цюрихе и выдержав экзамен в России на право практики. В то время они еще готовились держать экзамен из мужского гимназического курса, на что у них уходили вечера, а по утрам ходили в доступную тогда для женщин медицинскую академию, где слушали нескольких профессоров (между прочим, и меня) и работали в анатомическом театре строгого Грубера, бывшего, однако, очень довольным их занятиями. Как было не помочь таким достойным труженицам?[36]

Воспоминания Пантелеева, как и Сеченова, наглядно свидетельствуют о внутренних настроениях тех кругов русской интеллигенции, которые были заинтересованы в глубоком социально-культурном преобразовании России. Но, как показывает пример Московского университета, в исторической перспективе не только это обстоятельство заслуживает особого внимания. В Москве либералы, в частности юрист Борис Николаевич Чичерин, решительно выступали против обучения женщин. Совет Московского университета (за исключением двух профессоров) также отклонил

допуск вольнослушательниц. Таким образом, эти представители московской профессуры заняли позицию, распространенную в гражданском обществе Европы. Роль женщины ограничивалась домашней сферой и материнством до тех пор, пока женское движение не поставило ее под вопрос[37]. В противоположность этому радикально-демократические круги русской интеллигенции с их ориентацией на представления о ценностях, присущих нигилизму, с их критикой культуры, этосом образованности и социальной заинтересованности в положении всех слоев населения отказались от норм сложившегося общества, не заменив их, однако, на господствовавшую в Западной Европе систему гражданских ценностей.

Представляя часть общего освободительного движения, русская интеллигенция, ориентированная на реформы, боролась против консервативных элементов государственного аппарата. При этом представители интеллигенции занимали иногда диаметрально противоположные позиции; подчас они разделяли отдельные элементы нового мышления, в том числе требования полного уравнения женщин в их правах. Новый «дух времени», кажущееся многим реальным наступление эпохи многообещающей свободы[38] пленили некоторых представителей интеллигенции настолько, что они выдвигали постулаты, соответствовавшие скорее идеальным мечтаниям, чем социальной реальности гражданского общества. Мужчины, разделявшие такие взгляды, выказывали себя союзниками и партнерами женщин в их борьбе за эмансипацию и были готовы поддержать стремление женщин к высшему образованию даже после запрещения женщинам посещать университеты.

Первые слушательницы Петербургского университета происходили из благополучных семей. Наряду с Надеждой Сусловой и сестрами Корсини в их числе были дочь штабс-капитана Антонина Петровна Блюммер из Тамбовской губернии, дочь помещика из Костромской губернии Мария Арсеньевна Богданова и Мария Обручева, дочь генерала из Тверской губернии[39]. Ни одна из этих молодых женщин не вступила на путь к высшему образованию по материальным соображениям, все они руководствовались стремлением занять новое для женщин место в обществе.

В результате студенческих волнений осенью 1861 г. Петербургский университет был закрыт для разработки нового устава. Устав 1863 г. запрещал женщинам посещать высшие учебные заведения, хотя судя по опросу Министерства народного просвещения из шести университетов империи государственное решение поддерживали только Москва и Дерпт. Санкт-Петербург, Казань, Харьков и Киев высказались за допуск женщин к высшему образованию. Годом позже новая политика в отношении высшей школы была распространена и на Медико-хирургическую академию[40].

После этого Мария Александровна Бокова, тоже «прототип новой женщины», подала прошение президенту Медико-хирургической академии П.А. Дубовицкому, чтобы получить статус слушательницы[41]. В мае 1864 г. ей ответили, что даже как «сама себя финансирующая студентка» она доступа в академию не получит, поскольку принадлежит к женскому полу, и что этот отказ относится как к зачислению в студентки, так и к посещению лекций в качестве вольнослушательницы[42].

Жесткая позиция правительства в вопросах высшего образования женщин объяснялась тем, что политическая полиция связывала студенток

с «нигилистической» студенческой средой и студенческими волнениями[43]. Действительно, молодые женщины искали близости с этими кругами, поскольку последние признавали за женщинами право на альтернативное самосознание и заботились о том, чтобы студентки могли продолжать обучение, когда университеты для них закрылись. Так, писатель В.А. Слепцов (1836–1878), один из наиболее решительных поборников женской эмансипации, организовывал научно-популярные лекции для женщин. На частной квартире он сам и другие молодые люди читали слушательницам основы физики, химии, гигиены и др. Писательница А. Панаева, посещавшая эти лекции, была удивлена большим количеством женщин молодого и среднего возраста, заполнивших аудиторию. Впрочем, когда распространились слухи, что в дело вмешается полиция, посетительниц, особенно дам из «лояльных» кругов, стало намного меньше[44]. Были организованы такие лекции и в других частных домах, например у Елены Андреевны Штакеншнейдер (1836–1897), в салоне которой общались представители прогрессивной петербургской интеллигенции. Во главе профессоров, читавших лекции женщинам, стоял И.М. Сеченов[45].

В 1862 г. консервативный журнал «Домашняя беседа» озабоченно писал о том, что мода на равенство полов пройдет не скоро. В этой связи редакция опубликовала свидетельство одной из «почтенных» и образованных дам, матери большой семьи», которая никогда до этого не имела повода выступать перед общественностью, хотя вместе с дочерьми постоянно потешалась над дебатами о высшем образовании женщин. Поскольку спор о том, какой должна быть современная женщина, не прекращался, она все же решила посетить одну из университетских лекций. После этого она делилась впечатлениями:

> И была, – и скажу, что не поверила бы рассказам о том, чему сама была свидетельницею. Я увидела каких-то не то дам, не то девиц с подстриженными в кружок волосами, в ямщицких шляпах[46], в чем-то вроде казакинов и в коротких платьях. Они фамильярно здоровались с молодыми людьми, протягивали им руки через ряды кресел, – вообще, вели себя так, как немецкие Burschen[47].

Дама (рассказчица) села рядом с одной из этих молодых женщин и завела с ней беседу, в ходе которой заявила, что назначение женщины слишком возвышенно и деликатно, чтобы выставлять женщину на сцену перед публикой. Студентка в ответ ее высмеяла: «В чем же [Вы видите] назначение женщины? Уж не в присмотре ли за кухней, за домашним хламом, за прислугой, за счетами и отчетами?» – спросила она[48]. Начался спор, и дама посчитала нужным указать на то, что жена обязана следить за домом, поскольку муж в течение всего дня занят «серьезными делами». По этому поводу она получила насмешливый протестующий ответ молодой женщины: «То-то ж и есть-то! Благородные занятия мужчины определили себе, а на грязные обрекли женщину!»[49] Дама была в шоке от таких высказываний. Когда же студентка заговорила о воспитании девочек, называя танцы, музицирование и даже обучение французскому языку пустой тратой времени, то дама даже обрадовалась приходу профессора, чтобы закончить разговор. Впрочем, сосредоточиться на содержании лекции она уже не могла и, наконец, покинула зал «с горькою думою о таком печальном явлении нашего времени»[50]. Статья в «Домашней беседе» заканчивалась призывом

к молодым женщинам не забывать, что муж ищет в жене нечто противоположное своей физически и психически сильной натуре. И чем упорнее девушка начнет стремиться к независимости, тем скорее она подвергнется опасности превратиться в «синий чулок»[51].

Однако рекомендации консервативного толка оставались безрезультатными, ибо в обществе существовали противоположные силы, дававшие женщинам серьезные импульсы к разрыву с традиционной ролью в обществе. Наряду с педагогическими кругами, о которых мы уже говорили, к таким представителям «новой интеллигенции» относились также члены семьи, друзья и мужья. На основе избранных биографических материалов мы систематически рассмотрим и эти влияния.

Женщины, родившиеся в 30-е годы, стали чаще добиваться выхода замуж за избранного ими самими человека. М.В. Ивашева вопреки существующим традициям осмелилась в возрасте 17 лет расторгнуть первую свою помолвку. В 1854 г. она вышла замуж за дворянина Константина Николаевича Трубникова. Его брат незадолго до этого взял в жены кузину Марии, дочь князя Хованского. Именно благодаря этому Мария познакомилась со своим будущим мужем. Молодой чиновник, состоявший на службе в Нижнем Новгороде, завоевал ее сердце «своим либерализмом и цитатами из Герцена»[52]. В 1855 г. чета переехала в С.-Петербург, где Трубников обрел самостоятельность, став издателем. Он пригласил к себе младшую сестру жены Веру (в замужестве Черкесову). Началась жизнь «на широкую ногу», и Мария после рождения своей первой дочери в 1855 г. стала вместе с сестрой интенсивно продолжать свое образование. Обе женщины следили за отечественной и зарубежной литературой и при этом все больше интересовались борьбой против общественной несправедливости. Их литературными пристрастиями были произведения Сен-Симона, Мишле, Прудона, Блана, Конта, Лассаля, Герцена и Гейне, т. е. авторов, пользовавшихся в радикально-демократических кругах растущей популярностью как поборников прогресса. Под влиянием этой литературы, идеи которой подхватывались семейной социально-критической традицией Ивашевых, сестры шаг за шагом отдалялись от устоявшихся жизненных обычаев. Они даже позволяли себе появляться в обществе (как пешком, так и в экипаже) без сопровождения мужчин, что считалось тогда совершенно неприличным для дамы[53]. Одновременно сестры активно участвовали в общественной жизни и заложили основу для возникновения одного из первых, типичных для 60-х годов кружков, в которых встречались представители интеллигенции С.-Петербурга, критиковавшие существующую систему. В открытом доме Трубниковых вскоре начали встречаться люди, разделявшие взгляды обеих сестер. В их числе был и дворянин Александр Александрович Черкесов (1839–1908)[54].

Можно привести и другие примеры того, что молодые женщины в 50-х годах при поддержке своих мужей получали необходимую свободу действий или, по крайней мере, духовные импульсы, чтобы выйти на путь женской эмансипации. Одной из таких женщин была Анна Павловна Дягилева (1837–1912), вышедшая из богатой дворянской семьи и получившая традиционное воспитание. В 18-летнем возрасте она, вызывающая всеобщее восхищение петербургская красавица, вышла замуж за Владимира

Дмитриевича Философова, который вскоре сделал блестящую карьеру на государственной службе. Человек либеральных взглядов, он считал образование своей жены недостаточным и много делал для того, чтобы воспитать из нее «даму высшего света». Анна Философова позднее вспоминала: «Я была совсем дурочкой, когда вышла замуж. Муж хотел сделать из меня образованную светскую женщину. Дальше этого он не шел. Но он был человек доброты удивительной и всю свою жизнь думал только о моем счастье»[55]. Поскольку Анна Павловна, несмотря на все развлечения, ощущала себя невостребованной, один из друзей дома познакомил ее с Марией Трубниковой, которая начала интенсивно заниматься женским вопросом уже в конце 50-х годов. «Это был ангел кротости и терпения. Она меня развила, со мной читала. Это было трудно, потому что я ничего не понимала. Она читала со мной книги по женскому вопросу»[56]. В 1908 г. на первом Всероссийском женском съезде А.П. Философова, будучи вице-президентом организационного комитета, назвала М.В. Трубникову «гением нашего движения, который нас просвещал, давал нам добрые советы и вливал в нас энергию»[57].

Мария Николаевна Шигаева (в замужестве Вернадская, 1831–1860) получила от мужа Ивана Васильевича Вернадского, профессора статистики и политической экономии Московского университета и одного из наиболее убежденных представителей манчестерского либерализма в России, толчок к интеллектуальному развитию и научному сотрудничеству. Марию, рано потерявшую мать, воспитывал и духовно развивал отец. Ее одаренность и жажда знаний побудили мужа поддержать Марию в такой мере, что супружеская чета вскоре смогла трудиться совместно. Мария Николаевна благодаря своей плодотворной деятельности и многосторонности интересов стала первой в России специалисткой по политической экономии. В 1860 г. она неожиданно скончалась в Гейдельберге, оставив после себя обширное литературное наследие, содержавшее наряду с сочинениями по политической экономии, протекционизму, вопросам ассоциаций также и труды по педагогике и по женскому вопросу в аспекте воспитания культуры труда[58].

Другие женщины, родившиеся в 30-е годы, получили возможность освоить мир новых идей и жизненного опыта через своих родственников. Ключевую роль сыграла при этом Крымская война. Мария Константиновна Цебрикова сообщала, что с 1853 г. разговоры на эту тему вызывали все больше споры. Если семья замечала, что дочь следит за мужскими разговорами, то ее выгоняли, сделав ей выговор, что если девушка хочет стать невестой, то она должна хранить душевную чистоту. Противоречия повседневной жизни обострялись, когда девушки заводили беседы с дворней, узнавая от нее о тяжелой доле и страданиях низших слоев населения[59]. Все с бóльшим вниманием вслушивалась Мария в споры, разгоравшиеся между ее дядей Николаем Романовичем Цебриковым, помилованным в 1854 г. декабристом, и его братом Александром Романовичем, верным царю адмиралом. Мария столь категорично встала на сторону Николая Цебрикова, что матери нечего было возразить. Когда Марию предупреждали, что она утеряет женское обаяние, то она реагировала сознательно не по-женски, не останавливаясь и перед жесткими столкновениями с матерью по вопросам «нормального» поведения. Николай Цебриков сразу же после возвращения из ссылки стал поборником борьбы за свободу. Он установил контакт с Герценом, жившим в Лондоне, помещал статьи в его журналах и гордился тем, что был декабристом. В студенческих кружках С.-Петербурга он передавал свои идеалы юношеству[60]. Когда Мария Цебрикова в конце 80-х годов, будучи одной из зачинательниц женского движения, вспоминала о первых признаках изменения женского сознания, то подводила такой итог: шестидесятые годы принесли женщине сознание того, что она «человек и что ничто человеческое ей не чуждо». Она желала ориентироваться не на «das Weibliche», а на «das Menschliche», чтобы воспользоваться всеобщей свободой, которая была обещана русскому обществу накануне декрета об освобождении крестьян[61]. Эту идею перенял и Николай Цебриков, который ввел племянницу в студенческие кружки. Кроме того, как представитель нового времени он, видимо, довел до ее сознания, что «общее дело – ее дело», а следовательно, женщинам тоже следует ратовать за общественное благо[62]. Как и многие другие родители тех лет, Цебриковы отправили Марию в деревню, чтобы впредь не подвергать ее «заражению» вредными идеями в С.-Петербурге. Однако впоследствии защитница женских прав потешалась над подобными бесплодными мерами. Провинции вовсе не были чужды новые идеи. Они распространялись прежде всего подписчиками общественно-критических журналов, а также молодыми людьми, проходившими курс обучения в столице, а на каникулы возвращавшимися в деревню[63].

В такой обстановке Мария Цебрикова познакомилась со своей дальней родственницей Назимовой, которая стала для нее эталоном женской личности. 28-летняя сирота Назимова считалась в семье «случаем безнадежным», поскольку жила одиноко, а кроме того во время Крымской войны пошла служить сестрой милосердия к хирургу Пирогову[64]. После того как Назимова в тяжелейших условиях ухаживала за ранеными солдатами, она обрела личную независимость, что вызывало неизменное восхищение Марии. Вести без стеснения беседу, уметь постоять за себя, творить важные дела – эти свойства Назимовой соответствовали тому представлению о человеке, с которым Мария Цебрикова уже познакомилась благодаря Николаю Цебрикову и которое считали для себя образцом студенты кружков, где он постоянно вращался. Вскоре эти кружки стала посещать и Мария[65].

Трудным был в то время процесс ухода из семьи и для других женщин поколения Цебриковой. Можно упомянуть, например, Марию Александровну Вилинскую (Марко Вовчок, 1833–1907), которая в молодости жила в доме своего дяди. Там она познакомилась с националистически настроенными украинскими интеллектуальными кругами. Сознание, которое выработала в тот период Мария, предстояло ей сохранить навсегда, в том числе и после ее связи с украинским писателем и этнографом А.В. Марковичем. Маркович, как и его кумир поэт Тарас Шевченко, принадлежал к крайнему радикальному крылу украинского движения обновления, боровшегося за отмену крепостного права, за освобождение славянских народов и их объединение в республиканскую федерацию. Влияние, оказываемое этим окружением на Марию Александровну, было настолько сильным, что она, бедная родственница, стала осуждать образ жизни дяди. Наконец она отвергла возможность брака с богатым помещиком, которого избрал для

нее дядя, и обручилась с Марковичем. От материальной поддержки со стороны своей семьи она отказалась и в дальнейшем сама зарабатывала себе на жизнь, исполняя обязанности гувернантки[66].

Что касается Веры Николаевны Фигнер, то ее родственники способствовали тому, что она усвоила радикально-демократические взгляды и начала развивать в себе феминистское сознание. Когда в 1869 г. девушка покинула институт, она жила в сельской местности, редко встречаясь с кем-либо кроме ближайших родственников. По ее собственным ощущениям, институтскими годами она была отчуждена от жизни[67]. А то, что ей передавалось в качестве общественного эталона, олицетворяли родственники, с которыми она регулярно общалась, особенно дядя, Петр Христофорович Куприянов. В воспоминаниях она называла родственников «мыслящими реалистами», последователями Писарева, Чернышевского и Добролюбова. Родственники высоко ценили естественные науки, высказывали симпатии к республиканским системам и рекомендовали Вере для дальнейшего образования труды таких авторов, как Дарвин, Писарев и Шелгунов. Родственники Веры порвали с сословным сознанием и традиционными представлениями о ценностях во имя идеалов всеобщего народного просвещения, социальной справедливости, равноправия полов и простой, трудовой жизни. «Дядя, самый образованный и развитой из всех, часто подсмеивался над золотыми безделушками и модным платьем, которые были на мне <...> Предполагая, что в институте мне привили стремление к светскому лоску и богатству, родные часто говорили, что я, наверное, выйду замуж за какого-нибудь богатого старика, и, кажется, были первое время не очень высокого мнения о моей особе»[68]. Вера горько плакала, подслушав, что родственники отзывались о ней как о красивой, но пустой кукле[69]. Прошло немного времени, и Вера начала понимать образ мыслей Куприянова:

От дяди я услышала впервые теорию утилитаризма; он дал мне и статью о нем. «Наибольшее счастье наибольшего числа людей, – говорил дядя, – должно быть целью каждого человека...». Я и прониклась этой мыслью. Мой ум не был загроможден идеями и сомнениями; он не сопротивлялся тому, что говорил дядя. Напротив, учение утилитаризма сразу показалось мне очевидной истиной; дядя как будто лишь формулировал то, в чем я уже была убеждена. Надо сказать, что я считала немыслимым не выполнять того, что признавала истинным. Истинное, желательное и должное были для меня триедины и нераздельны, и всякая истина, раз признанная таковой, приобретала тем самым принудительный характер для моей воли. Это была логика характера[70].

Добавим: того характера, на который оказали сильное влияние и родители Веры.

Наряду с учителями и родственниками, вспоминает Мария Цебрикова, также и студенты – братья, соседи и друзья – играли решающую роль в том, что сознание девушек начало меняться. В целом студентам всегда поразительно быстро удавалось заполнять ту внутреннюю пустоту, которая терзала молодых женщин. С одной стороны, причиной этого могла быть зависть, которую девочки часто испытывали по отношению к мальчикам, поскольку последним разрешалось получать знания, которые оставались закрытыми для девочек. С другой стороны, провинциальные барышни лишь

152

в редких случаях могли пользоваться на практике идеальными представлениями дворянства о том, что удел молодой женщины – блистать в обществе. В то же время бросается в глаза, насколько ограниченным было в конечном итоге влияние родителей, занимавших по отношению к дочерям консервативную позицию, по сравнению с той силой, которую излучали «новые люди».

Влияние одних личностей на формирование других можно проследить на примере развития Анны Васильевны Корвин-Круковской. Еще маленькой девочкой она на детских балах привлекала к себе всеобщее внимание; будучи взрослой женщиной, Анна Васильевна пользовалась большим успехом в петербургском свете. А вот повседневность в поместье родителей она ненавидела. Проявляя железную волю и сопротивляясь всем попыткам воспитания со стороны гувернантки, она завоевала себе право на свободную жизнь, заполняя ее романтическими мечтами. Летом 1862 г. Анна во время бесчисленных одиноких прогулок познакомилась с сыном сельского священника. Он закончил обучение в духовной семинарии, где был одним из лучших учеников, но неожиданно заявил пораженному отцу, что служить в церкви не собирается. Проявив решительность, юноша отправился в С.-Петербург, где, живя в горькой нужде, за собственный счет изучал естественные науки. Приезжая на каникулы домой, он шокировал отца новыми «познаниями»: человек, мол, не создан Богом, а происходит от обезьяны; нет никакой души, а есть только нервная система. Ошеломленному священнику только и оставалось, что поспешно схватить сосуд с освященной водой и окропить ею сына-отщепенца[71].

Уже через некоторое время можно было наблюдать, что Анна временами осмеливалась проявлять строптивость по отношению к отцу. Среди дворовых людей Корвин-Круковских ходили слухи о том, как барышня прогуливается по лесу в обществе поповского сына. Он то о чем-то говорил, резко жестикулируя, то вытаскивал из кармана потрепанную книгу и что-то читал вслух[72]. Этот молодой человек давал Анне для чтения журналы, каких в их доме не держали. Генерал Корвин-Круковский выписывал только консервативные издания; чтобы не отставать от времени, он все же решился дополнительно получать умеренную «Эпоху» Ф. Достоевского. Студент же носил с собой журналы «Современник», «Русское слово», а однажды принес даже герценовский «Колокол». Софья, сестра Анны, вспоминала:

Нельзя сказать, чтобы Анюта сразу и без критики приняла все новые идеи, проповедуемые ее приятелем. Многие из них возмущали ее, казались ей слишком крайними, она восставала против них и спорила. Но, во всяком случае, под влиянием разговоров с поповичем и чтения доставаемых им книг она развивалась очень быстро и изменялась не по дням, а по часам.

К осени попович успел так основательно поссориться со своим отцом, что тот попросил его уехать и не возвращаться на следующие каникулы. Но семена, заброшенные им в голову Анюты, продолжали расти и развиваться.

Она изменилась даже наружно, стала одеваться просто, в черные платья с гладкими воротничками, и волосы стала зачесывать назад, под сетку. О балах и выездах она говорит теперь с пренебрежением. По утрам она призывает дворовых ребятишек и учит их читать, а, встречая на прогулках деревенских баб, останавливает их и подолгу с ними разговаривает.

153

Но всего замечательнее то, что у Анюты, ненавидевшей прежде ученье, явилась теперь страсть учиться. Наместо того, чтобы, как прежде, тратить свои карманные деньги на наряды и тряпки, она выписывает теперь целые ящики книг, и притом вовсе не романов, а книг с такими мудреными названиями: «Физиология жизни», «История цивилизации» и т. д.[73]

В середине 1862 г. тетка Анны с беспокойством стала замечать, что Анна показывается только за столом, а остальное время проводит в своей комнате, изучая произведения Аристотеля и Лейбница и делая массу выписок. Для рукоделия у нее времени не оставалось[74]. Несмотря на жалобы родственников, родители не могли влиять на Анну. Напротив, отношения между отцом и дочерью еще более обострились, когда Анна потребовала отпустить ее без сопровождения в С.-Петербург и разрешить ей там учиться. Корвин-Круковский упорно придерживался мнения, что долг каждой приличной девушки – жить с родителями вплоть до выхода замуж[75]. Но в конце концов отцу оставалось только одно – принять меры к тому, чтобы оградить младшую дочь Софью от контактов с Анной. Спустя много лет Анна рассказывала Марии Цебриковой, что родители учредили дома своего рода полицейский режим, чтобы хоть из Софьи сделать «светскую даму»[76].

В дальнейшем на развитие личности Анны оказали влияние и другие факторы. Домашний учитель польского происхождения И.И. Малевич обучал сыновей семьи Семевских, соседей Корвин-Круковских. Этими сыновьями были Михаил Иванович, впоследствии участник кружка Ушинского в Смольном институте, и Василий Иванович, позже ставший, как и его брат, авторитетным историком и издателем. Когда Малевич пришел на службу к Корвин-Круковским, он поставил перед собой цель установить контакт между близким ему по духу демократически настроенным Михаилом Семевским и Анной. Эти встречи также определили интересы Анны. Сближение между Михаилом и Анной проходило в 1862 г., когда Семевскому вместе с коллегами пришлось отказаться от педагогической работы в Смольном и уехать в провинцию. Однако его намерение полностью посвятить себя литературной работе было, с точки зрения генерала Корвин-Круковского, явным доказательством того, что этот молодой человек – личность абсолютно несолидная. Поэтому в начале 1863 г. он отказался дать дочери согласие на брак с Михаилом, тем более что тот принадлежал к обедневшему дворянству, т. е. не занимал с сословной точки зрения положения, которое позволяло бы выдавать за него дочь[77].

Вероятно, побужденная Семевским, Анна тайно сочинила свои первых два рассказа и послала их летом 1864 г. в журнал «Эпоха». Ф.М. Достоевский, являвшийся одним из издателей, ответил ей теплым письмом. В нем он сообщал о предстоящей публикации ее рассказа «Сон», с похвалой отзываясь о ее таланте и воодушевляя на дальнейшее литературное творчество[78]. Этот успех Анны имел далеко идущие последствия для семьи Корвин-Круковских. Поскольку Анна доверилась младшей сестре, отношения между ними упрочились. Анна искала человека, с которым могла бы делиться своими переживаниями, а Софья безоговорочно восхищалась сестрой и была счастлива принимать участие в ее жизни. Этот контакт оказывал на Софью сильное влияние, и родители ничего не могли с этим поделать.

Когда Достоевский выслал гонорар за рассказы «Сон» и «Михаил» (они были опубликованы в 8-м и 9-м номерах «Эпохи» под псевдонимом Ю. О-в), то письмо случайно попало в руки отца. Дело дошло до скандала, потому что генерал презирал писательниц. То, что дочь в дополнение ко всем прочим «проступкам» получила деньги от чужого мужчины за какие-то неведомые услуги, почти граничило в его глазах с проституцией. И все же в семье произошло то, что нередко случалось в эпоху переживаемого Россией перелома – дети перевоспитали родителей[79].

Заслуга в «усмирении бури» принадлежала матери, гордой дарованиями и успехами дочери. Она уговорила отца прочитать опубликованный рассказ. Когда он прочитал повествование Анны о том, как молодая девушка в результате непонимания ее родителями погибает, потому что ей отказано в счастье с любимым – студентом – из-за его бедности, Корвин-Круковский был явно потрясен. Ратуя за традиционный домашний порядок, он все же признал, что новое время принесло и новые идеалы и что дать счастье детям он может не принуждением, а только пониманием. «Действительно, – пишет Софья, – с этого дня в нашем доме началась эра мягкости и уступок»[80].

Генерал разрешил Анне писать Достоевскому, а при очередном посещении С.-Петербурга познакомиться с ним лично. Писатель стал другом дома, а вскоре и влюбился в Анну. К этому времени она обрела самостоятельность благодаря неустанному самообразованию и личному опыту. Но какое бы поклонение ни испытывал пепед ней Достоевский, она все же разглядела в нем его эгоцентрический характер. Ее новое самосознание, основанное на исповедании «нигилизма», не допускало сближения с человеком, который не признавал ее духовных потребностей. Анна полагала, что писатель ищет женщину, которая была бы готова пожертвовать ради него жизнью. Весной 1865 г. она отклонила предложение о браке, сказав: «Я сама хочу жить!»[81]

Дополним повествование рассказом о Марии Александровне Обручевой (1839–1929), чья биография в определенной мере была использована Чернышевским в его романе «Что делать?». Родители не поняли Марию, когда она под влиянием своего брата Владимира вступила в контакт со студенческой средой и приняла распространенные в ней «нигилистические» воззрения. Родители Обручевой в течение жизни нередко соприкасались с идеями освободительного движения, хотя и вели традиционный образ жизни. Мать Эмилия Францевна Тимовская была по рождению полькой из-под Сандомира; свое католическое вероисповедание она сохранила и после замужества[82]. Ее отец участвовал в польском восстании 1830–1831 гг., после чего бежал за границу. Эмилия Францевна рано потеряла мать, но ее с любовью воспитывали и просвещали дед с бабкой и одна из теток[83]. Она вышла замуж за Александра Афанасьевича Обручева, который в молодости горячо поддерживал идеи декабристов, но остался верен государству и завоевал известность как один из создателей русских инженерных войск[84]. В 1856 г. Обручев приобрел небольшое имение в Тверской губернии, чтобы, выйдя на пенсию, поселиться там с семьей. Родители с любовью воспитывали дочь Марию. Отец баловал ее подарками, а в 1858 г. родители показали ей обе столицы, чтобы внести разнообразие в ее жизнь[85].

Через год мир в семье был нарушен. Причиной стало решение их сына Владимира (род. в 1836 г.) бросить свое многообещающее военное поприще. Владимир вышел в отставку, прежде всего из-за личного разочарования своим служебным назначением. Этот шаг вызвал ярый гнев его отца, и в дальнейшем ему пришлось зарабатывать на жизнь самостоятельно. Поиски журналистской работы привели начинающего, но еще чуждого политике молодого человека в редакцию «Современника», где началось знакомство Обручева с Чернышевским[86].

Находясь в этой интеллектуальной среде левых взглядов, Владимир Обручев в 1860 г. принял решение вызволить свою заболевшую сестру из-под опеки родителей и взять ее к себе в С.-Петербург. Он посоветовался с Чернышевским, одолжил деньги, чтобы снять вместо жалкой комнатушки приличную квартиру, и вскоре после этого ввел Марию Александровну в свой круг общения. Чета Чернышевских, жившая поблизости, навещала брата с сестрой, приглашала их к себе и снабжала Марию литературой[87].

Послать Марию Обручеву на излечение в С.-Петербург посоветовал домашний врач Чернышевского Петр Иванович Боков, которого Владимир Обручев представил своим родителям. Боков, типичный разночинец, которому было тогда 25 лет (он родился в 1835 г.), принял на себя заботы о Марии. В мае 1861 г. Боков, уже как будущий жених, доставил Марию обратно к родителям. 20 августа того же года состоялась свадьба. Брак был фиктивным; его цель состояла в том, чтобы предоставить Марии после венчания полную свободу действий и дать ей возможность получить медицинское образование. Отношения супругов были похожи на отношения брата с сестрой[88].

Идеалистические поступки такого рода в начале 60-х годов оставались принадлежностью слоев «новой» интеллигенции, а в низших слоях общества путь к самостоятельности и женскому просвещению был тернистым. Здесь этосу студенческой молодежи – воодушевлять «народ» – придавалось еще относительно большое значение. Так, Варвара Александровна Нафанова уже в 15-летнем возрасте была готова выйти замуж за мужчину гораздо старше себя (за купца 2-й гильдии Николая Степановича Кашеварова), потому что не имела крова и к тому же надеялась, что он оплатит ее обучение. Купец ей все это обещал и за взятку получил разрешение жениться на несовершеннолетней. Он полагал, что после свадьбы Варвара будет в его полном распоряжении. Прежде всего он ей и думать запретил о каком-либо дальнейшем обучении, поскольку «хорошая жена не должна быть умнее своего мужа»[89].

Это настолько тяжело подействовало на Варвару, что она заболела, и ее пришлось положить в больницу. К счастью, перед своим замужеством Варвара Нафанова познакомилась со студентом Медико-хирургической академии Валерьяном Григорьевичем Лашкевичем, который впоследствии занял место профессора в Харькове. Он заявил о готовности давать ей уроки. Под его влиянием она приняла твердое решение изучать медицину, после чего у нее начались крупные ссоры с мужем. Когда Кашеваров стал ее избивать, она потребовала от него официального согласия на развод, однако он этому воспротивился. Следуя своему упрямому и непоколебимому характеру, молодая женщина третий раз в своей жизни не остановилась

перед побегом, никак не застраховав себя от последствий. Но на этот раз она не попала в безвыходное положение, так как Лашкевич по-прежнему оказывал ей помощь. Опираясь на его поддержку, она начала жизнь, соответствовавшую ее представлениям[90].

Христине Даниловне Журавлевой (Алчевской) повезло – подростком она гостила в богатой дворянской семье. Она подружилась с дочерьми этой семьи, и они ввели ее в свой мир. Под влиянием духа реформ они совместно давали уроки крестьянским детям. Девушки восхищались Христиной, поскольку она обладала поэтическим даром. Ее стихи появились в одном из журналов. Выразив свое восхищение ими, один юноша прислал Христине свое стихотворение. Между молодыми людьми завязалась переписка, приведшая через два года к браку: в 1862 г. Христина Даниловна вышла замуж за студента Алчевского и уехала с ним в Харьков. Тем самым был сделан первый шаг для вступления в среду критически настроенной интеллигенции[91].

При исследовании общественных групп и духовных влияний, способствовавших изменению сознания зачинательниц движения за женскую эмансипацию, нельзя обойти вниманием такой существенный фактор, как солидарность с польским народом в его борьбе за свободу. Сочувствие польскому делу побуждало некоторых девушек-подростков, еще находясь в родительском доме, размышлять о политических вопросах и критически оценивать имперское самосознание самодержавия.

Мы уже отмечали, что Евгения Ивановна Бочечкарова (в замужестве Конради), которая была по матери польско-литовского происхождения, настраивала своих учениц на понимание задач польского восстания 1863 г. Вера Фигнер через приобретенных в результате брака польских родственников вошла в контакт со стремившимися к свободе поляками. В 1864 г. российское правительство преследовало поляков даже в Казанской губернии. Там, в частности, служил лесоводом Мечислав Головня, а поскольку члены его семьи принимали участие в Варшавском восстании, он какое-то время содержался под арестом, а затем был уволен с государственной службы. На его семью, принадлежавшую к дворянскому сословию, обрушилась нужда; они покорились судьбе и стали вести скромную трудовую жизнь. Вера часто и охотно бывала в этой семье, в которой поддерживалась польская культура и резко осуждалась российская оккупационная политика. «В этот же период пробуждения зародились мои первые симпатии к Польше, к ее независимости и свободе»[92], – замечала Фигнер.

В 70-е годы Вере предстояло полностью посвятить свою жизнь борьбе против самодержавия.

Семья Корвин-Круковских, поместье которых находилось близ границы, также выражала сочувствие полякам, хотя глава семьи как предводитель дворянства был представителем царского режима. Среди соседей Корвин-Круковских, преимущественно поляков, потери несла каждая семья; в результате восстания члены этих семей либо погибли, либо были сосланы. Пало подозрение властей и на генерала Корвин-Круковского, поскольку по отцу он был польского происхождения.

В период восстания 13-летняя Софья, слушая семейные разговоры, осознала свою привязанность к Польше. Она начала проявлять

интерес и сочувствие к повстанческому движению. Домашний учитель польского происхождения И.И. Малевич поощрял по возможности растущую симпатию Софьи к освободительной борьбе, и в конце концов девочка попросила его научить ее польскому языку. По ночам она тайно читала при свете лампады газетные отчеты о событиях в Царстве Польском, которые подбирал ее отец. Одновременно она мечтала увидеться с молодым соседом Буйницким, который перед тем как отправиться к повстанцам написал ей в альбом стихи. Когда он бесследно пропал, а его имение в 1834 г. было конфисковано, Софья стала грезить о том, чтобы отомстить военному губернатору провинции, убить его, а затем последовать в ссылку за любимым героем[93].

В этой политически щекотливой ситуации Корвин-Круковские отмечали в 1865 г. день именин хозяйки дома осмотрительно, поскольку ненавидимый всеми военный губернатор Яковлев оказался в числе гостей наряду с польскими помещиками, жившими по соседству. Общество придерживалось разумных правил игры, лишь один человек их не соблюдал – Софья Васильевна; ее гувернантка уговорила ее показать гостям свой альбом, а когда военный губернатор снизошел до того, чтобы нарисовать ей что-то на память, то дело дошло до скандала. Даже по прошествии десятилетий Ковалевская с эмоциональным волнением вспоминала детали происшествия:

> Я почти механически встала и подошла. Но когда я приблизилась к этому вандалу и в его лапах увидела свой бедный, оскверненный альбом, меня внезапно охватила страшная злоба. Не отдавая себе отчета в том, что я делаю, я выхватила альбом из его рук, быстро вырвала листок с его рисунком и разорвала его на мелкие кусочки, которые я бросила на пол, с возгласом единственного слова «voila»[94].

В этой ситуации генерал Корвин-Круковский еще раз проявил себя разумным отцом. Он не стал наказывать дочь, а взял на себя вину за то, что допускал политические разговоры в присутствии Софьи. Эта мягкость отца, а также отношение к скандалу польских гостей, которые отреагировали на поступок Софьи с явным одобрением, в конечном счете оставили у нее ощущение, что она стала истинной героиней дня[95].

Софья Ковалевская с этого времени начала поддерживать солидарность с теми, кого угнетал царский режим. Вплоть до конца жизни ее политическое сознание было подчинено идеалам свободы и равенства[96]. Даже при отсутствии доказательств можно с большой долей вероятности полагать, что аналогичные политические предпочтения существовали и в других упоминавшихся семьях, которые, как и Корвин-Круковские, частично происходили из польской среды и так же высоко ценили польскую культуру. Видимо, аналогичные чувства испытывали Елизавета Николаевна Цевловская, Екатерина Вериго (Брешко-Брешковская) и другие девушки, вращавшиеся в радикально-демократических кругах[97].

Не в последнюю очередь на женское сознание оказывала постоянное влияние и беллетристика. Из воспоминаний шестидесятниц становится ясно, какое значение для изменения женского самосознания имели сочинения Тургенева «Накануне», «Отцы и дети», критика Добролюбовым «темного царства», а также рецензии Писарева[98]. Еще и следующее поколение женщин, даже социалистка Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952; с 1915 г. входила в партию большевиков) или меньшевичка Ева Львовна Бройдо (род. в 1876 г.) так же активно усваивали эти произведения в годы юности. Например, Ева Бройдо рассказывает, что в 15-летнем возрасте примкнула к группе школьников, которые брали частные уроки для дальнейшего образования. В этом кругу ей (скорее всего случайно) указали на сочинения Писарева. Вероятно, читала она также Белинского или Добролюбова, однако:

> <...> Ничто не произвело на меня более сильного впечатления, чем статья Писарева об «Отцах и детях». Она вызвала изменение в моем мировоззрении.
>
> Политика в то время моей жизни не касалась. <...> И все же: раздумья над идеями свободы, неудовлетворенность пустотой жизни в провинции, подспудное стремление к идеальной стране, населенной совершенными мужчинами и женщинами, жажда знаний, которые должны прояснить путь к лучшему и более светлому будущему, – все подобные настроения и представления были у нас общераспространенными. Молодые мужчины и женщины в равной мере стремились к посещению университетов или высших технических училищ, чтобы познать в них «истину о жизни». Эта жажда знаний и просвещения, самоусовершенствования и свободы развития личности, какой бы смутной и бесцельной она ни была, оставалась для нас столь типичной, что расхожее насмешливое выражение «девицы с амбицией» точно отражало действительное положение[99].

Большое значение для эволюции самосознания молодых женщин имел прежде всего роман Чернышевского «Что делать?», поскольку в нем наглядно были изображены альтернативные жизненные пути. Даже такие женщины, как Елена Андреевна Штакеншнейдер (род. в 1836 г.), которая раньше отвергала Чернышевского, считая его «нигилистом» и совратителем, теперь реагировала на его произведение положительно:

> Я этим романом наэлектризована. Для меня это такое же наслаждение, которое доставляли мне книги в юности. Он согрел мою душу высокой моральной направленностью, и, наконец, дал мне понять, чем объясняется восторженное поклонение, – иначе я этого назвать не могу, – которое испытывает молодое поколение к автору, то влияние, которое он на это поколение оказывает[100].

Не только бесчисленные молодые мужчины, но и молодые женщины воспринимали роман как «библию прогресса»[101]. Даже в консервативных дворянских домах тщательно оберегаемым от дурного влияния девушкам удавалось с помощью братьев-студентов или друзей познакомиться с романом. Шлыкова (в замужестве Абелянц) в молодые годы именно таким образом узнала о женской эмансипации и самостоятельности. С тех пор она упорно преследовала цель стать врачом. Благодаря контакту с друзьями-«нигилистами» – братьями Путята – ей удалось убедить родителей в правильности своих представлений о будущем. Неизвестный до этого этос труда подтолкнул ее к изучению медицины в Швейцарии, где она успешно закончила соответствующий курс. И позднее, будучи супругой и матерью, она продолжала свои профессиональные занятия[102].

Популярность романа «Что делать?» отнюдь не ослабевала и после 60-х годов. В 70-е годы любую гимназистку пятого или шестого класса со-

чли бы невежественной, если бы она не знала, кто такая Вера Павловна[103]. Интенсивное изучение книги Чернышевского в радикально-демократических кругах считалось само собой разумеющимся. В некоторых революционных молодежных кружках роман «Что делать?», содержащий раннесоциалистические элементы, даже использовался как практический самоучитель при изучении вопросов экономики и пропаганды[104]. Но самой широкой популярности роман достиг потому, что распространял представления о ценностях с точки зрения «новых людей», становление которых происходило в так называемой нигилистической среде. Критика художественной формы романа, как отмечала непосредственная свидетельница тех лет Е. Водовозова, касаясь дискуссий о романе «Что делать?», была вполне справедливой, поскольку роман был «публицистическим трактатом по социальной и общественной тематике»[105]. Именно поэтому Чернышевский считался одним из лучших и умнейших мыслителей своего времени[106]. По мнению Водовозовой, ему, как никому другому, удалось выразить идеалы, чувства и надежды молодого поколения. С точки зрения связанной с «нигилистической» средой молодой женщины, отмежевавшейся от социалистических позиций, роман «Что делать?» имел большое значение по следующим причинам:

Символом веры людей того времени было расширение прав всех граждан без различия их социального положения, сближение с народом, распространение просвещения среди него, устранение гнета и предрассудков, смелое обличение неправды, эмансипация личности, презрение к старому укладу жизни, выражавшемуся в аристократизме, светскости, барстве, деспотизме и произволе во всех сферах жизни[107].

Если вернуться к исходному тезису, что молодые женщины получали сведения об идеях в сфере эмансипации в основном от мужчин, то это не будет скоропалительным заключением. Через литературные образы, а также благодаря встречам с ориентированными на западные идеалы и на прогресс лицами (учителя, родственники, друзья дома, студенты или профессора) на живших в уединении девушек-подростков выплескивалось все новое, что уже созрело в обществе. Таким образом, и отдельные лица, и опубликованные тексты способствовали тому, что молодые женщины начинали вступать в общественную жизнь. Прежде всего у них появлялось критическое отношение к их собственному положению, т. е. к женскому существованию как к второразрядному бытию. Кроме того, молодые женщины начинали ощущать, что общее стремление к свободе и справедливости, пробившее себе путь в общественной жизни, касается и представительниц женского пола.

Там, где отвергались нормы традиционного общества, в центр внимания выдвигалась отдельная личность. Так, Мария Цебрикова очень метко описала позицию молодых женщин, усваивавших основы эмансипации: они стремились теперь ориентироваться не на «женское», а на «общечеловеческое»[108]. Поэтому пример Лопухова из романа Чернышевского «Что делать?» не был единственно возможным. Такие женщины, как Мария Трубникова или Мария Цебрикова, нашли собственный путь через критическое самообразование и самоанализ. Потребность в этом возникла благодаря их разрыву с прежними духовными и материальными традициями.

Альтернативные представления проникли в семьи; представители обоих полов, а не только мальчики и мужчины, реагировали на изменения. Поэтому граничит с банальностью мнение, что ранний этап женского движения представляет собой лишь подражание, как это утверждал В. Перевер зев в журнале «Женское дело»[109]. Важно было не подражать во всем мужчинам, а плечом к плечу, на основе изменившихся отношений между полами, разработать и осуществить новые идеалы жизни. Это происходило по мере того, как представители обоих полов шаг за шагом отмежевывались от культуры русского дворянского общества. Не только молодежное движение в своих зачаточных формах, именовавшихся «кружками», демонстрировало этот мятеж хотя бы уже изменением своего внешнего вида и поведения; ведь и такие личности, как Ушинский, еще в 1859 г. повлияли на эти процессы. Внешние изменения были ориентированы на человека труда, на «дело», о чем позднее свидетельствовал Писарев, приводя в пример тургеневского Базарова. Поэтому новый стиль был сознательно функциональным, а не манерным, вычурным, как прежде. После периода личного самоопределения от каждого человека, осознавшего себя как новую личность, требовалось участие в продвижении демократических преобразований общества с помощью собственной инициативы, новых форм общения и иного образа жизни. Это значит, что «новый», альтернативный образ мышления, как для мужчин, так и для женщин, состоял в культивировании собственной индивидуальности, а также в рациональном использовании своих способностей к действию[110].

2
Новые формы общения

Тот факт, что «индивидуальный мятеж нигилизма», оказывая широкое влияние на общество, обрел социальное и культурное измерение, распространяется и на женщин[1]. Мария Цебрикова вспоминает: когда нигилизм стал популярным явлением благодаря роману Тургенева «Отцы и дети», он прямо содействовал росту самосознания молодых женщин, которые уже в родительских домах начали следовать изменившимся жизненным представлениям. По словам Цебриковой, на этапе возникновения женского движения разрозненные силы начали группироваться в кружки. В них молодые женщины впервые узнавали друг о друге, начинали переписываться и договариваться о встречах; они совместно изучали актуальные, обсуждаемые в обществе произведения литературы и благодаря такой форме общения утверждались в своих взглядах[2].

Ниже будет показано, как женщины объединялись в кружки по взаимным интересам и как эта форма общения распространялась по всей России несмотря на государственные препоны. Сформировавшиеся в кружках представления о ценностях помогали женщинам укреплять их новое самосознание и обращаться к общественности через печатные органы по гендерным вопросам. В то же время этот процесс показал, что женщины переросли стадию ученичества и сами стали проводниками нового вйдения жизни.

Один из первых руководимых женщиной кружков критически настроенной петербургской интеллигенции был организован М.В. Трубни-

ковой. С 1855 г. образованные люди потянулись в ее дом. К их числу относились многие бывшие учащиеся императорского Александровского лицея, самого почитаемого элитарного учебного заведения страны. Трубникова с младшей сестрой Верой Ивашевой (в замужестве Черкесова) опекала также своих двоюродных братьев, посещавших этот лицей. По мнению Александра Серно-Соловьевича, одного из участников сходок, «кружок этих много читавших и образованных юношей <...> немало способствовал ее собственному дальнейшему умственному развитию, и влияние его заметно на выборе книг, преимущественно интересовавших Марию Васильевну в этот период: Мишле, Прудон, Лассаль, Сен-Симон, Луи Блан и т. д.»[3]

В числе ближайших друзей хозяек кружка были братья дворянского происхождения Серно-Соловьевичи; Николай, окончив в 1853 г. Александровский лицей, стал чиновником Министерства внутренних дел и занимался крестьянской реформой. Разочарованный влиянием консервативного дворянства на проекты реформы, он в конце 1859 г. вышел в отставку и стал активным сторонником радикально-демократической интеллигенции. В 1862 г. он был арестован и за связь с «лондонской эмиграцией» приговорен к 12 годам каторжных работ в Сибири, где в 1866 г. погиб в результате несчастного случая. До самой смерти он был особенно привязан к Вере Ивашевой. Единственным своим письмом из Сибири он обратился именно к ней. Он просил Веру не отказываться от дружбы с ним, жить в соответствии с новыми идеалами, жизнью плодотворною, «настоящею», а не «дремотным прозябанием»[4]. Его младший брат Александр после окончания Александровского лицея в 1857 г. также вошел в группу критически настроенной интеллигенции. В 1862 г. он бежал в Швейцарию, где вскоре стал одним из ведущих представителей русской эмиграции и примкнул к I Интернационалу. В 1869 г., страдая душевным недугом, он покончил с собой[5]. Вплоть до смерти он поддерживал искренние дружеские отношения с Марией Трубниковой и ее семьей. В тяжелый для Александра период его жизни в Женеве (от него ушла подруга Людмила Шелгунова, а его книжная лавка разорилась), Трубникова устроила его переводчиком в известную петербургскую газету «Биржевые ведомости», которую издавал ее муж. Принимая ее помощь, Александр называл Марию своим «лучшим другом»[6].

Контакты Марии Трубниковой показывают, что она, как и ее сестра Вера, принадлежала к радикально-демократическим кругам. Всю жизнь она оставалась демократически и антимонархически настроенной и боролась за женские права, признавая, правда, исключительно легальные формы общественно-политической деятельности[7].

В кружке Марии Трубниковой собирались для дискуссий, как это было принято в среде прогрессивной интеллигенции, представители двух направлений: радикально-демократического и либерального. Окружение братьев Серно-Соловьевичей считало недопустимым в своей политической борьбе соглашаться с правительством. Либералы же, группировавшиеся вокруг Андрея Александровича Сабурова (1838–1916), занимавшего в 1880 г. непродолжительное время пост министра народного просвещения, предпочитали оказывать влияние на политику правительства именно через государственные учреждения[8].

Трубникова, для которой женский вопрос был самой горячей темой реформационных дискуссий, сознательно стремилась привлекать в кружок именно женщин и начинать общественно-политические споры там, где это обещало успех. Как мы уже видели на примере А.П. Философовой, Трубникова обладала талантом убеждения. Когда будущий профессор-гинеколог Ипполит Михайлович Тарновский рассказал ей о своей жене, Трубникова пригласила ее к себе. Она настолько убедительно разъяснила молодой дворянке Варваре Павловне (1844–1913), что женщины ее положения не должны проживать жизнь напрасно, что после их разговора Тарновская, как и ряд других женщин в аналогичных случаях, присоединилась к членам кружка. Она стала одной из активнейших представительниц движения за женское просвещение[9]. Умение Трубниковой располагалась к себе людей позволило ей в 1859 г. привлечь в свой кружок двух братьев и сестру Стасовых – искусствоведа Владимира, юриста-реформатора Дмитрия и Надежду. В кружке они общались с видными профессорами радикально-демократического направления, например с Сеченовым, Бекетовым, химиком А.Н. Энгельгардтом (1832–1893) и его женой Анной Николаевной (1835–1903). Через Николая Серно-Соловьевича Трубникова познакомилась с Чернышевским[10]. Старшее поколение было представлено в кружке только Н.В. Стасовой (1822–1895), между тем как остальные женщины родились во второй половине 30-х годов и позже. Когда Стасова подружилась с Марией Трубниковой, она уже пережила тяжелый личный удар и искала нового смысла жизни. Привлеченная к борьбе за женскую эмансипацию, она в дальнейшем работала рука об руку с Трубниковой. Трубникова считалась идеологом интеллектуальных планов деятельности, а Стасова вместе с Философовой – исполнительницами.

Надежда Стасова, дочь придворного архитектора В.П. Стасова и крестница царя Александра I, выросла в привилегированных условиях. Когда в 1831 г. от холеры умерла ее мать, то отец принял на себя обязанность воспитать семерых детей в соответствии со своими собственными просвещенными представлениями, чтобы вырастить их образованными и полезными обществу людьми. Он сам являл для них пример своим восторженным отношением ко всякого рода новым знаниям. Надежда очень почитала его, но сожалела о том, что не получила такого же хорошего образования, как ее братья. По обычаям того времени для нее предусматривалось раннее и выгодное замужество. Вскоре она встретила и жениха, офицера гвардии, с которым она собиралась связать свои жизненные планы, считая, что он будет ее «идеальным мужем». Но молодой человек незадолго до свадьбы отказался от невесты и женился по указанию своих родителей на другой. Надежда не вынесла этого оскорбления и впала в тяжелое помешательство, из которого ей пришлось очень медленно выбираться. С тех пор она изменила свое отношение к жизни, сознательно отказавшись от брака и решив придать своему существованию иной смысл. Сначала она в кругу семьи стала самостоятельно заниматься философией, историей и литературой, а в эпоху великих реформ, при Александре II, благодаря Марии Трубниковой вступила в контакт с единомышленниками[11]. Вместе с Надеждой Стасовой вошли в кружок Трубниковой также ее братья. Дмитрий еще раньше организовал свой кружок, в котором известные юристы занимались вопросами правовой реформы. Присоединившись к кружку Трубниковой,

члены кружка Стасова получали импульсы к практической деятельности, поскольку Мария Трубникова с друзьями и сестрой к тому времени участвовали в создании воскресных школ. В том же 1859 г. она с помощью членов кружка создала также общество взаимопомощи, чтобы поддерживать испытывающих нужду женщин и их семьи[12].

Кружки, а также регулярно устраивавшиеся «вечеринки», или «журфиксы», т. е. формы общения новой, ориентирующейся на прогрессивные западные представления интеллигенции, раньше или позже оказали существенное влияние почти на всех зачинательниц женского движения. Из 12 рассматриваемых здесь биографий следует, что только Кашеварова-Руднева в молодости не участвовала в сходках такого рода. Дискуссионные кружки молодой интеллигенции формально продолжали традиции салонов русского дворянства. В салонах встречались избранные, придерживавшиеся кодекса условных приличий дворяне, ведшие собственную культурную жизнь в отличие от остального общества и черпавшие отсюда сознание своей элитарности. «Нигилистически» настроенная интеллигенция перестраивала нормы дворянского общества на новый лад. И она отмежевывалась от прочих социальных слоев, но теперь уже от вышестоящих, и развивала собственную культурную жизнь, которую считала выражением прогресса[13].

Вечерние собрания и кружки, эти новые формы общения конца 50-х и начала 60-х годов XIX в., отличались от дворянских салонов прежде всего социальным составом. На этих пестрых по составу встречах преобладали наряду с учащимися лица, занятые профессиональным трудом, сознательные в общественно-политическом отношении, демократически настроенные, чаще всего уже разночинцы. В отдельных случаях молодая интеллигенция привлекала к участию в кружках представителей низших слоев, чтобы преодолеть социальные барьеры[14]. Такие регулярные встречи соответствовали потребности их участников делиться соображениями о новом духе времени, развивать в тесном кругу демократические реформационные представления и опробовать их в обществе единомышленников. Если советская исследовательница Литвина усматривает в кружках и вечеринках 60-х годов в качестве общей цели «революционную деятельность», то необходимо определить, что следует под этим понимать[15]. Ведь сама Литвина в то же время признает, что легальные и полулегальные сходки того периода нельзя отделить друг от друга. Она справедливо подчеркивает, что в публике бывали и радикально-демократически настроенные лица, и либеральные государственные чиновники, как это показано на примере кружка Марии Трубниковой и подтверждается Елизаветой Водовозовой[16]. Несомненно, отдельные представители и представительницы молодой интеллигенции с начала 60-х годов обращались к идеям переворота в стране и использовали кружки как средство агитации[17]. Однако широкого распространения и воздействия новые формы общения достигали только потому, что в них участвовала ориентированная на реформы интеллигенция. Кружки росли в 60-е годы как грибы после дождя и становились на последующие десятилетия прочной составной частью культурного общения[18].

Из первоначально неформальных кружков или вечеринок в 60-е годы развивались многообразные формы самостоятельной общественной деятельности. То, что было опробовано в закрытой сфере, в рамках жилища, было с успехом вынесено и за его узкие пределы. Проводившиеся вечерние собрания вдохновляли организаторов кружков и их коллег, принимавших гостей, предлагать совсем новые культурные программы[19]. В квартирах проводились литературные чтения и научно-популярные лекции, чтобы восполнить недостатки образования, а также следить за дискуссиями на актуальные темы и набираться опыта в публичной полемике. Но при этом собрания начала 60-х годов отнюдь не были местами, предназначенными лишь для критического самоанализа. Широко распространенный оптимизм тех лет находил свое выражение в веселых торжествах. Гости по окончании официальной части мероприятия ели и пили, музицировали и танцевали, что часто продолжалось до рассвета. Чтобы собрать необходимые средства для вечеринки, каждый гость вносил для ее проведения небольшую лепту или приносил продукты. Ведь часто хозяева были представителями интеллигенции, которым приходилось удовлетворяться скудным заработком, не находившими подходящей работы, избегавшими по политическим мотивам государственной службы или с нее уволенными[20].

Проводившиеся в кружках и на вечеринках мероприятия принимали самые разнообразные формы. Например, в 1859 г. по инициативе А.В. Дружинина и при участии Некрасова, Чернышевского и А.А. Кролевского в С.-Петербурге было организовано «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (приобрело известность под названием «Литературного фонда». – *Ред.*), которое с 1860 г. устраивало литературные вечера. Здесь выступали самые популярные писатели и писательницы. Василий Слепцов и Мария Маркович поддерживали деятельность общества, как и Иван Тургенев. Участвовали в мероприятиях общества известные деятели искусства, например актрисы П.А. Стрепетова и М.Н. Ермолова. В конце 1862 г. в организационный комитет общества вошли студентки Наталья Корсини и Мария Богданова[21].

В сущности, организаторы общества ставили перед собой цель содействовать развитию молодой интеллигенции и одновременно распространению новых идеалов. Благотворительность и просвещение здесь, как и в других обществах, сливались в новую форму автономных объединений. Вскоре наряду с вечерними собраниями художественно-театрального характера по всей стране распространились и другие формы самодеятельной инициативы, в том числе кружки педагогического самообразования, библиотеки, «прогрессивные» книжные лавки, воскресные школы и общества распространения грамотности[22].

Новая интеллигенция, выражавшая свои общественно-политические взгляды чрезвычайно разнообразно, была убеждена, что прогресс и просвещение взаимосвязаны. Отрицательные факторы исторического развития России толковались в значительной степени как результат духовной изоляции от Запада. Представлялось, что начатое великими реформами преодоление этой изоляции пусть медленно, но неуклонно будет менять облик России[23]. Надеждой на это обусловливались действия молодой интеллигенции, как и потребность демократизации жизни. Гражданские права, возможности просвещения и обеспечение права на трудовую деятельность для всех слоев населения должны были сформировать более свободное и справедливое общество. Поэтому члены прогрессивных кружков или посетите-

члены кружка Стасова получали импульсы к практической деятельности, поскольку Мария Трубникова с друзьями и сестрой к тому времени участвовали в создании воскресных школ. В том же 1859 г. она с помощью членов кружка создала также общество взаимопомощи, чтобы поддерживать испытывающих нужду женщин и их семьи[12].

Кружки, а также регулярно устраивавшиеся «вечеринки», или «журфиксы», т. е. формы общения новой, ориентирующейся на прогрессивные западные представления интеллигенции, раньше или позже оказали существенное влияние почти на всех зачинательниц женского движения. Из 12 рассматриваемых здесь биографий следует, что только Кашеварова-Руднева в молодости не участвовала в сходках такого рода. Дискуссионные кружки молодой интеллигенции формально продолжали традиции салонов русского дворянства. В салонах встречались избранные, придерживавшиеся кодекса условных приличий дворяне, ведшие собственную культурную жизнь в отличие от остального общества и черпавшие отсюда сознание своей элитарности. «Нигилистически» настроенная интеллигенция перестраивала нормы дворянского общества на новый лад. И она отмежевывалась от прочих социальных слоев, но теперь уже от вышестоящих, и развивала собственную культурную жизнь, которую считала выражением прогресса[13].

Вечерние собрания и кружки, эти новые формы общения конца 50-х и начала 60-х годов XIX в., отличались от дворянских салонов прежде всего социальным составом. На этих пестрых по составу встречах преобладали наряду с учащимися лица, занятые профессиональным трудом, сознательные в общественно-политическом отношении, демократически настроенные, чаще всего уже разночинцы. В отдельных случаях молодая интеллигенция привлекала к участию в кружках представителей низших слоев, чтобы преодолеть социальные барьеры[14]. Такие регулярные встречи соответствовали потребности их участников делиться соображениями о новом духе времени, развивать в тесном кругу демократические реформационные представления и опробовать их в обществе единомышленников. Если советская исследовательница Литвина усматривает в кружках и вечеринках 60-х годов в качестве общей цели «революционную деятельность», то необходимо определить, что следует под этим понимать[15]. Ведь сама Литвина в то же время признает, что легальные и полулегальные сходки того периода нельзя отделить друг от друга. Она справедливо подчеркивает, что в публике бывали и радикально-демократически настроенные лица, и либеральные государственные чиновники, как это показано на примере кружка Марии Трубниковой и подтверждается Елизаветой Водовозовой[16]. Несомненно, отдельные представители и представительницы молодой интеллигенции с начала 60-х годов обращались к идеям переворота в стране и использовали кружки как средство агитации[17]. Однако широкого распространения и воздействия новые формы общения достигали только потому, что в них участвовала ориентированная на реформы интеллигенция. Кружки росли в 60-е годы как грибы после дождя и становились на последующие десятилетия прочной составной частью культурного общения[18].

Из первоначально неформальных кружков или вечеринок в 60-е годы развивались многообразные формы самостоятельной общественной дея-

тельности. То, что было опробовано в закрытой сфере, в рамках жилища, было с успехом вынесено и за его узкие пределы. Проводившиеся вечерние собрания вдохновляли организаторов кружков и их коллег, принимавших гостей, предлагать совсем новые культурные программы[19]. В квартирах проводились литературные чтения и научно-популярные лекции, чтобы восполнить недостатки образования, а также следить за дискуссиями на актуальные темы и набираться опыта в публичной полемике. Но при этом собрания начала 60-х годов отнюдь не были местами, предназначенными лишь для критического самоанализа. Широко распространенный оптимизм тех лет находил свое выражение в веселых торжествах. Гости по окончании официальной части мероприятия ели и пили, музицировали и танцевали, что часто продолжалось до рассвета. Чтобы собрать необходимые средства для вечеринки, каждый гость вносил для ее проведения небольшую лепту или приносил продукты. Ведь часто хозяева были представителями интеллигенции, которым приходилось удовлетворяться скудным заработком, не находившими подходящей работы, избегавшими по политическим мотивам государственной службы или с нее уволенными[20].

Проводившиеся в кружках и на вечеринках мероприятия принимали самые разнообразные формы. Например, в 1859 г. по инициативе А.В. Дружинина и при участии Некрасова, Чернышевского и А.А. Кролевского в С.-Петербурге было организовано «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (приобрело известность под названием «Литературного фонда». – *Ред.*), которое с 1860 г. устраивало литературные вечера. Здесь выступали самые популярные писатели и писательницы. Василий Слепцов и Мария Маркович поддерживали деятельность общества, как и Иван Тургенев. Участвовали в мероприятиях общества известные деятели искусства, например актрисы П.А. Стрепетова и М.Н. Ермолова. В конце 1862 г. в организационный комитет общества вошли студентки Наталья Корсини и Мария Богданова[21].

В сущности, организаторы общества ставили перед собой цель содействовать развитию молодой интеллигенции и одновременно распространению новых идеалов. Благотворительность и просвещение здесь, как и в других обществах, сливались в новую форму автономных объединений. Вскоре наряду с вечерними собраниями художественно-театрального характера по всей стране распространились и другие формы самодеятельной инициативы, в том числе кружки педагогического самообразования, библиотеки, «прогрессивные» книжные лавки, воскресные школы и общества распространения грамотности[22].

Новая интеллигенция, выражавшая свои общественно-политические взгляды чрезвычайно разнообразно, была убеждена, что прогресс и просвещение взаимосвязаны. Отрицательные факторы исторического развития России толковались в значительной степени как результат духовной изоляции от Запада. Представлялось, что начатое великими реформами преодоление этой изоляции пусть медленно, но неуклонно будет менять облик России[23]. Надеждой на это обусловливались действия молодой интеллигенции, как и потребность демократизации жизни. Гражданские права, возможности просвещения и обеспечение права на трудовую деятельность для всех слоев населения должны были сформировать более свободное и справедливое общество. Поэтому члены прогрессивных кружков или посетите-

ли литературных вечеров охотно изучали историю развития освободительных движений в Европе и Америке. Кроме того, они постоянно рассматривали вопросы истории с точки зрения социального и политического угнетения масс. Поддержка борьбы за свободу Польши и итальянского освободительного движения в первую очередь считались символами солидарности. Как и вообще в среде новой интеллигенции, здесь тоже выделялись женщины. Первые студентки носили как знак своих убеждений шляпы фасона «гарибальди». В 1871 г. супружеская чета Якоби организовала в клубе деятелей искусства С.-Петербурга литературно-музыкальный вечер, на котором молодая жена Якоби рассказала, как она, будучи в Италии, поддерживала движение, возглавляемое Гарибальди, ухаживая за ранеными бойцами. Ее муж, известный художник В.И. Якоби, изобразил сцену боя в виде живой картины. Деньги, собранные в тот вечер, были отправлены деятелям итальянского освободительного движения[24].

Радикальными демократами стали и все те участники кружков, которые сгруппировались вокруг первого тайного революционного общества «Земля и воля». Оно было основано в 1862 г. братьями Н.А. и А.А. Серно-Соловьевичами при участии узкого круга деятелей журналов «Современник» и «Колокол» как свободное объединение без особого устава, с руководящим комитетом в Петербурге[25]. Ввиду малочисленности членов «Земли и воли», ее раздробленности, а также вновь усилившихся в 1862 г. политических репрессий ее деятельность ограничивалась агитацией. Среди молодых офицеров, например, агитацией занимался Н.Н. Обручев, родственник Владимира Обручева, окончивший академию Генерального штаба, в литературных кружках – писатель В.А. Слепцов, среди студентов – Л.Ф. Пантелеев, а Н.А. Серно-Соловьевич на Невском проспекте открыл книжный магазин с библиотекой и читальней[26].

Правда, эта организация и другие отдельные студенческие группы стремились политизировать деятельность кружков, но все же последние в основном сохраняли характер оппозиционной среды, в которой развивались и испытывались новые представления о ценностях[27]. На переднем плане стояли процессы самоопределения и самовоспитания в соответствии с идеалами суверенной личности. В сфере этой особой культуры молодежь особенно чувствительно реагировала на внешние факторы давления, нередко огульно отвергая их как «реакционные». Свобода индивида ставилась выше политических программ, и каждая точка зрения должна была удовлетворять рациональному, поддающемуся проверке в сравнении со старыми и новыми жизненными установками подходу [28].

Встречи в рамках этой «нигилистической» среды детально описала Е.Н. Цевловская (в замужестве Водовозова). Особенно запомнился ей, тогда 18-летней, первый вечер, проведенный в таком кругу. В 1862 г. у ее родственниц, двух молодых женщин, регулярно проводились вечерние сходки. Татьяна Кочетова и Вера Корецкая были дворянского происхождения, но их земельные владения приносили лишь небольшие доходы, а потому они зарабатывали на жизнь уроками. В числе участников вечеринок были студенты, молодые женщины, одна ученица, один врач, а также писатель Слепцов. Только двое гостей в возрасте около 40 лет относились к старшему поколению – писатель П.И. Якушкин (1822–1872) и В.И. Водовозов[29]. Участники и участницы собраний уже своей внешностью демонстрировали принадлежность к антикультуре. Чтобы выделиться из традиционного общества, они одевались подчеркнуто просто; женщины предпочитали черные платья и отказывались затягивать талию по предписанию моды. Изысканным прическам, которые надлежало иметь даме высшего общества, эти женщины предпочитали короткую стрижку, а причесывались так же просто, как первая студентка Наталья Корсини, о которой мы уже упоминали[30]. Правда, о том, почему вошел в моду черный цвет, шестидесятницы воспоминаний не оставили. Если исходить из широко распространенного республиканского менталитета, то не исключено, что таким образом они хотели поставить себя в один ряд с гражданами третьего сословия, которые, например, в Париже, при открытии Генеральных штатов, появились в простой черной одежде, чтобы отличаться от дворянства[31].

Молодые люди отмежевывались от старшего поколения, демонстративно проявляя антиавторитарное поведение. Все, кому было за 40 лет, считались подозрительными, и для того чтобы войти в общение с молодыми, должны были сначала доказать свое прогрессивное мировоззрение. Некоторые молодые люди с таким явным недоверием относились к поколению своих родителей, что в дополнение к основным правовым реформам требовали права на полный разрыв с родительским домом, чтобы и в семье было обеспечено свободное самоопределение индивида. Подчеркивая свою отрешенность от дворянского общества, молодые люди отвергали и традиционный этикет. Пренебрегая знаками вежливости, они резко выражали свои принципы и подавляли всякие попытки собеседника найти компромиссное решение[32]. Елизавета Водовозова описала случай, на примере которого видно, насколько сильна была потребность молодежи отделиться от сложившегося общества. Студент Кондратенко, который должен был заботиться о семье, хотел застраховать себя от социального риска и подумывал о том, чтобы поступить на государственную службу. Но ему возражали самым решительным образом:

«Ведь только тот, у кого нет никакой энергии, никакой инициативы, никакого чувства собственного достоинства, никакого сознания того, что наступили новые времена, когда каждый обязан ворочать собственными мозгами, не может взять себя в руки, – одним словом, только жалкому сопляку приходится теперь ходить на помочах какого-нибудь директора департамента, тухнуть в канцелярии и заниматься никому не нужным бумагомаранием».

«...я нахожу, что при ваших способностях и при вашем образовании просто преступно идти по старой дорожке, проторенной нашими тятеньками...»

«Молодое поколение обязано отыскивать новые пути, соответствующие новым современным требованиям!»

«Очень возможно, что это только минутная слабость! Ведь иному трудно сразу сбросить с себя ветхого человека».

«Теперь, Кондратенко, нужно крепко держать себя в руках. Чтобы жить и бороться в настоящее время, нужны люди со стальными нервами, с определенно обоснованными принципами...»

«А главное, необходимо прежде всего выяснить, зачем живешь, по какой дороге пойдешь, что будешь преследовать в жизни...»[33]

Отношения между полами также часто вызывали принципиальные споры. Существовало общее мнение, что в центр представлений о будущей жизни должна быть выдвинута фигура самостоятельной женщины. Однако то, каким должно быть равноправие в повседневной жизни, оставалось предметом споров. Почти все без исключения высказывались по меньшей мере за то, что не должно быть никакой дискриминации по признаку пола. Отвергались как женское кокетство, так и мужская галантность. Целование руки презрительно именовали «облизыванием», считая этот обычай символом иерархических отношений между полами, который внешне выглядит как знак вежливости, а фактически выражает господство мужчины над женщиной. От мужчины ожидались не «мнимые услуги» – поднять упавший носовой платок или помочь нести сверток, а товарищеское отношение к женщине при решении жизненно важных вопросов[34]. Среда «нигилистической молодежи» излучала такую силу, которую едва ли можно переоценить, когда это касалось женщин, недовольных существовавшим порядком. По словам Е.Н. Цевловской, воздействие было потрясающим. В «нигилистической среде» она впервые поняла, сколь привлекательной может быть жизнь, и это открытие заставило ее даже заплакать. Каждая мысль, выраженная передовой молодежью, побуждала ее к раздумью и поискам ответов в литературе. Цевловская видела свое будущее в союзе с «новыми людьми», которые призывали к индивидуальной свободе и социально плодотворным действиям. Как она вспоминала, «...надежда, что они (новые люди) когда-нибудь и меня зачислят в свой круг, что я вместе с ними буду делать "великое дело" (прогресса), заставляла трепетать от восторга мое юное сердце»[35].

Не только М.В. Трубникова, но и другие зачинательницы женского движения организовывали кружки. Так, Е.Н. Цевловская, в 1862 г. выйдя замуж за своего бывшего учителя В.И. Водовозова и после длительного зарубежного путешествия обосновавшись с мужем в С.-Петербурге в 1863 г., стала устраивать еженедельные «вторники», превратившиеся в один из центров общения петербургской интеллигенции. Эти встречи потом растянулись на десятилетия[36]. «Субботы» стала устраивать Е.И. Бочечкарова после выхода замуж за врача и журналиста П.Ф. Конради; эта чета также поселилась в начале 60-х годов в столице. И другие женщины из среды молодой интеллигенции устраивали частные журфиксы. Например, О.С. Чернышевская еженедельно принимала узкий круг гостей, друзей ее мужа Н.Г. Чернышевского. В их среду В. Обручев ввел свою сестру Марию (в замужестве Бокову, потом Сеченову), после того как она переехала из провинции к нему в столицу[37]. В доме Е.А. Штакеншнейдер, дочери придворного архитектора, регулярно проходили вечеринки, как и у А.П. Философовой[38].

В среде активной студенческой молодежи начала 60-х годов стал особенно популярен кружок Н.П. Сусловой. После назначения ее отца главным управляющим владениями графов Шереметевых в С.-Петербурге в 1859 г. Надежда и ее сестра Аполлинария покинули московский пансион. В столице Надежда в 1861 г. завершила свое школьное образование, получив диплом домашней воспитательницы. В годы великих реформ вся семья Сусловых стояла на стороне критикующей власть оппозиции. Отец в конце концов полностью разошелся с Шереметевым во взглядах по вопросу о рас-

пределении земель для передачи их в собственность крестьянам. Несмотря на небывалый взлет в своем положении, Прокофий остался настолько привержен своему происхождению, что не мог спокойно мириться с разительным ущемлением прав крестьян властями. В результате Прокофий Григорьевич был вынужден уйти от Шереметева. Вместе с братом он основал в Иваново-Вознесенске текстильную фабрику, но в этом деле счастье ему не улыбнулось. После банкротства предприятия Суслов поселился вместе с сыном в Нижнем Новгороде, где Василий Прокофьевич работал адвокатом. Сусловы переехали в простенький деревянный дом на окраине города, и здесь в летнее время собиралась вся семья[39].

Сведения о «понедельниках» у Надежды Сусловой оставила прежде всего Александра Комарова. Окончив институт в 1863 г., она посещала пансион, чтобы получить еще диплом педагога. Проявив там, однако, «антиавторитарное» поведение, она предпочла прервать образование. Когда она еще была ученицей пансиона, ее кузен, писатель Н.Г. Помяловский, ввел ее в радикально-демократический кружок архиерея Мелиоранского. Членами этого кружка были, в частности, Ольга Жемчужникова, которую воспитал Мелиоранский, и ее будущий муж, историк социально-критического направления А.П. Щапов. В кружке много дискутировали по женскому вопросу, особенно часто упоминали Надежду Суслову как женщину совершенно необычную. С тех пор Александра Комарова мечтала познакомиться с Сусловой. От членов кружка она узнала, что у Сусловой нельзя появляться в одежде, которая полагается дамам, т. е. в корсете и кринолине, что Суслова всегда носит простое черное платье без всяких украшений, коротко остригла волосы и считает лишним тратить время на такие пустяки, как мода, и что подобно ей одеваются ее мать и даже кухарка[40]. Комарова поспешила принять такой же внешний вид. Ей удалось с помощью своего кузена встретиться с Сусловой на одном из литературных вечеров и получить от нее приглашение посетить кружок[41]. В том же году писательница А.Я. Панаева приняла Суслову как гостью «коммуны» Слепцова. Панаева описывает Надежду так:

> Она резко отличалась от других тогдашних барышень, которые тоже посещали лекции в университете и в медицинской академии. В ее манерах и разговоре не было кичливого хвастовства своими занятиями и того смешного презрения, с каким относились они к другим женщинам, не посещающим лекций. Видно было по энергичному и умному выражению лица молодой Сусловой, что она не из пустого тщеславия прослыть современной передовой барышней занялась медициной, а с разумной целью, и серьезно относилась к своим занятиям, что и доказала впоследствии на деле[42].

Комарова посещала Суслову, когда та со своим братом Василием занимала квартиру на Литейном проспекте. Сюда приходили многие люди, польские и русские студенты, в том числе будущий редактор (с 1874 г. редактор-издатель газеты «Неделя». – *Ред.*) П.А. Гайдебуров и Е.П. Кемниц, впоследствии его жена[43]. Почти все женщины одевались в «нигилистической» манере и, как и мужчины, курили папиросы. Когда веселое общество начинало петь, то не обходилось без «Марсельезы». Комарова чувствовала себя в этой среде так хорошо, что стремилась завоевать дружбу брата и сестры Сусловых. Вскоре она вступила с Василием Сусловым в интимную связь, правда,

непродолжительную. Надежда Прокофьевна приняла на себя заботы о Комаровой и помогала ей материально, чтобы она могла изучать медицину.

Пример Комаровой показывает, какими путями женщины попадали в политические кружки. Когда А. Комарову в 1866 г. допрашивали в следственной комиссии судебной палаты, она стремилась спасти себя и выдала множество лиц «нигилистической» среды. Согласно ее показаниям, Надежда Суслова и ее брат считали, что всю Европу вскоре должна потрясти социально-демократическая революция, вождями которой будут Мазини и Гарибальди. Освободительную борьбу поляков Суслова, по словам Комаровой, считала преждевременной. Далее Комарова заявляла, что видела у Сусловой пакет антиправительственных прокламаций общества «Великоросс», но что Суслова посчитала выраженные в них мнения вредными и заявила, что сожжет эти листовки[44]. Однако нет доказательств того, что Суслова была членом «Земли и воли». Можно лишь догадываться, что она стояла очень близко к этой организации, в которую входил ее брат Василий[45]. Именно он в 1863 г. ввел Александру Комарову в круг польского студенчества, собиравшегося активно поддержать польское восстание. К тому времени Комарова уже разделяла идеи борьбы за свободу в большей мере, чем многие ее современницы. Однажды, после долгой вечерней сходки, на которой с энтузиазмом распевались польские гимны, Комарова даже заявила о своей готовности «уйти в лес» вместе с мужчинами в качестве партизанки[46].

Подготовка к отъезду вместе с молодым польским революционером И. Бабусинским приводила Александру в восторг. Она полагала, что сможет таким путем внести свою лепту в победу «общеевропейской социал-демократической республики». Это стремление было, с ее точки зрения, подтверждено тем, что ее допустили к присутствию на конспиративных заседаниях «Земли и воли», которая тогда уже поддерживала повстанческое движение поляков[47]. До 1861 г. землячество польских студентов в Петербургском университете оставалось изолированным, его контакты с русскими студентами ограничивались выражением взаимного уважения. В 1861 г. в Польше была организована демонстрация в память ноябрьского восстания 1831 г., закончившаяся расстрелом ее участников. Политизированные русские студенты, получив дополнительный стимул к протесту, выразили свою поддержку польскому движению. Одновременно защитниками поляков стали и авторитетные представители русской оппозиционной интеллигенции, в частности Герцен в Лондоне; своей публицистической и редакционной деятельностью они оказывали значительное влияние на студенческую среду[48]. Но когда польские повстанцы 1863 г. призвали организацию «Земля и воля» к политической поддержке, то оказалось, что она слишком слаба, чтобы оказывать действенную помощь в форме публичного выражения солидарности или тем более движения протеста[49]. Да и Александра Комарова не отправилась в польские леса; она забеременела от Василия Суслова. Несмотря на это, она все же старалась сохранить связи с польскими студентами. Чаще, чем когда-либо, она появлялась в их коммуне, распространяя прокламации и номера журнала «Свобода», органа «Земли и воли». При этом она развивала фанатическую активность, не останавливалась и перед агитацией встречаемых на улице солдат, участвовавших в боях на русской стороне[50].

И все-таки Комарова с ее недюжинной политической активностью оставалась исключением в своей среде. В начале 60-х годов молодые женщины – студентки или участницы кружков – сплачивались в основном в рамках студенческого движения. В полицейских документах С.-Петербурга имеется донесение от 27 октября 1861 г., из которого ясно, что Суслова, Корсини и Богданова принимали активное участие в студенческих делах. Они ездили из университета в Медико-хирургическую академию, чтобы проинформировать ее слушателей о том, что происходило во дворе университета во время одной из студенческих сходок[51]. М.А. Богданова была первой женщиной, которая во время студенческих волнений в октябре 1861 г. выступила с речью перед студентами университета. Этого поступка государство ей долго не прощало. Позднее она не могла найти место учительницы, так как для органов власти она оставалась личностью неблагонадежной. Ей ставилось в упрек, что она читает своим ученицам роман Чернышевского «Что делать?», а также «Подчинение женщины» («Subjection of Women») Дж. Ст. Милля и что с Быковым, своим будущим мужем, живет в гражданском браке и продолжает поддерживать общественно вредные знакомства. В 1870 г. ей отказали в праве руководить одной из петербургских женских гимназий, а 1874 г. закрыли ее частную школу в Костромской губернии. Полицейский надзор за ней продолжался до 1883 г. Но Богданова не сдавалась. По словам защитницы женских прав и публицистки Лихачевой, это была «замечательно образованная, умная женщина высокой морали». Она занималась педагогической деятельностью и пользовалась известностью как детская писательница[52].

Во время студенческих волнений осенью 1861 г. женщины были также в числе подписавшихся под обращением протеста к министру народного просвещения. Речь идет о Марии Богдановой, Анне Энгельгардт (позднее достигшей успехов как литературный критик и переводчица), а также Марии Коркуновой (в замужестве Манассеина), будущем враче, защитившей докторскую диссертацию[53]. С этого времени женщины активно участвовали в студенческих движениях Российской империи. Сначала это были лишь одиночки, но с открытием Высших женских курсов они составляли постоянный компонент социально-критического направления, и политическая полиция осложняла им жизнь всеми возможными способами[54].

Большинство этих женщин продолжали и впоследствии идти путем индивидуального самоопределения, обретения общественно-политического сознания и альтернативного образа жизни, на который они вступили в начале 60-х годов. Волна политических репрессий после покушения на Александра II в 1866 г. не сломила их воли, если только они сами не становились жертвами политической полиции[55]. Одним из многих примеров является Александра Дмитриевна Дементьева. Она входила в «нигилистическую» среду и дружила со студентом-медиком Петром Никитичем Ткачевым. В то время как он, будучи первым теоретиком русского революционного движения, постоянно находился под влиянием Карла Маркса и рассматривал возможность решения женского вопроса преимущественно с экономической точки зрения, Дементьева ратовала за кооперативное движение, которое одобрял, в частности, Чернышевский[56]. Поскольку Дементьева, кроме того, выступала за женское просвещение, она солидаризировалась с требованием студенческого движения о предоставлении самостоя-

тельности высшей школе. Во время волнений в Петербургском университете в 1869 г. она заявляла о готовности размножить текст прокламации Ткачева «К обществу» в своей небольшой типографии. Обоих арестовали. В ссылке Дементьева и Ткачев в 1873 г. поженились. Когда Ткачеву удалось бежать за границу, Дементьева последовала за ним, лишившись права на возвращение в Россию. Живя в эмиграции во Франции, она в 1888 г. завершила курс высшего медицинского образования и занялась врачебной практикой. В 1903 г. ей было разрешено вернуться на родину, где она с успехом продолжила профессиональную деятельность[57].

Насколько правительство было заинтересовано в том, чтобы изолировать общество от женщин, относимых к «нигилистической» среде даже без веских на то оснований, показывает судьба Антонины Петровны Блюммер, дочери штабс-капитана. Она делила квартиру с женой чиновника Варварой Владимировной Александровской. Вместе они организовали кружок, полюбившийся радикальным демократам. Здесь в 1862 г. вращались, в частности, Мария Богданова, Петр Боков, Мария Обручева, Николай Серно-Соловьевич, Дмитрий Писарев, Наталья Корсини и ее друг (позднее муж) Николай Утин, предводитель студенчества, ставший членом «Земли и воли», а позднее и I интернационала[58]. В 1862 г. Антонину Блюммер арестовали и обвинили в том, что она распространяет антиправительственные прокламации, в частности «Великоросс», а в своей квартире собирает революционно настроенную молодежь. Однако поскольку никаких доказательств совершения противозаконных действий найти не удалось, она была подвергнута административной высылке в Воронеж, передана там под опеку отца и поставлена под надзор тайной полиции[59].

В 1866 г. политическая полиция, выражая свое неудовольствие, доложила, что Антонина Блюммер работает в книжной лавке, где собирается для общения учащаяся молодежь. Кроме того, молодая женщина переписывалась со своим братом Леонидом, русским революционным эмигрантом; поэтому надзор за Антониной был ужесточен. В конце 60-х годов она начала подавать прошения о выезде на лечение. Как свидетельствует прилагаемое медицинское заключение, она к этому времени страдала гепатитом и туберкулезом и потому настоятельно просила разрешения на выезд для лечения на юг Европы. Хотя она указывала, что с 1862 г. за ней не числится никаких нарушений, Третье отделение оставалось на прежней жесткой позиции и рекомендовало Министерству внутренних дел просьбу отклонить. В середине 1871 г. Антонина Блюммер еще раз направила полное отчаяния прошение об освобождении ее от карательного режима:

> Ваше Высокопревосходительство! неужели эти девять лет, проведенные мною в самом напряженном, неприятном, неестественном положении, еще не достаточны для искупления моей вины или ошибки? Я надеюсь на Ваше Высокопревосходительство, что не оставите мою просьбу без внимания, не откажете сделать нужное распоряжение для освобождения меня из-под надзора полиции, позорного для всякого человека, тем более для женщины[60].

Русскому правительству не удалось ограничить растущую активность женщин – ведь использование новых форм общения было выражением социально-культурной трансформации и модернизации, которые и при-

несли новые средства общения между людьми. Приведенные выше примеры кружков новой интеллигенции, в которых вращались или которыми руководили женщины, были сосредоточены в одном центре – С.-Петербурге. «Новые люди» (в их число входили и женщины, что становилось все более повседневным) имели общественное значение прежде всего потому, что социально-культурными переменами была охвачена и отдаленная провинция, где во второй половине XIX в. стремление молодых женщин к образованию и квалифицированному труду постоянно росло. Женщины ехали из самых отдаленных местностей в города, чтобы получить доступ к высшему образованию и профессиональной деятельности. Почву для этого подготовили как усилившееся снабжение провинций печатной продукцией всех видов, так и связи местной молодежи с городскими просвещенными слоями населения, ориентированными на реформы. Женщины в свою очередь становились в провинции деятельными участницами формирования нового сознания. Так, из тайного полицейского рапорта, поданного в июле 1862 г., следует, что в Орловской губернии супруга отставного полковника Варвара Афросимова еженедельно собирала в своем имении по вторникам круг молодых людей, в том числе студентов, чтобы читать запрещенные газеты и другую литературу. Внедренный жандармерией в эту среду агент доложил, что в числе прочих Афросимову регулярно посещали окружной мировой судья, а также друзья харьковского студента Николая Хрущева, учителя детей помещицы[61].

В июле 1866 г. полиция получила анонимное письмо с просьбой «об искоренении» нигилизма, этой «страшной общественной язвы». Автор письма утверждал, что это «учение» разрушает «все связи общественные» и «адептов этого учения расплодилось много, к явному соблазну молодого поколения», что «значительное число таких негодяев, 10–11 мужчин и почти такое же число существ женского пола живет теперь "вкупе" в деревне Колымяги, образом своей жизни нас, людей семейных, людей порядка, приводящих в истинное отчаяние от страха за будущность и участь детей наших»[62].

Спустя годы подобные жалобы и выражения подозрительности со стороны консервативной части общества вовсе не уменьшились. Нередко государство само готовило почву для разрастания в провинции «нигилистических акций» – ведь высланные туда студентки и студенты продолжали жить в соответствии со своими новыми убеждениями, привлекая к себе тем самым внимание провинциальной молодежи и начиная с ней общаться[63].

С конца 1866 г. Министерство внутренних дел систематически зачисляло «нигилистов» в число преступников. Импульсом для этого послужило покушение на царя студента Каракозова, который входил в состав группы, возглавляемой Николаем Андреевичем Ишутиным и состоявшей из студентов-социалистов, одобрявших насилие как средство политики[64]. После этого правительство уже не делало различий между отдельными течениями в рамках молодежного движения. Секретный циркуляр Министерства внутренних дел всем губернаторам Российской империи приказывал не проявлять терпимости ни к каким кружкам или организациям, которым могут быть свойственны тенденции, вредные для общественного порядка. «Равным образом не может и не должно быть допускаемо всякое наружное

доказательство принадлежности к подобным обществам», указывалось в циркуляре[65].

Такие женщины, как Анна Энгельгардт, были теперь вынуждены возвратиться к традиционным нормам поведения и обычному внешнему виду. Эта молодая женщина с 1862 г. работала продавцом в книжном магазине Николая Серно-Соловьевича на Невском проспекте в С.-Петербурге и этим привлекала внимание публики, поскольку была первой в России женщиной, избравшей такой вид работы и сознательно следовавшей моде самых радикальных «нигилисток»: короткая стрижка, простое платье и темно-синие никелевые очки[66]. Позднее некоторые (далеко не все) молодые люди отказались от таких демонстративных знаков самовыражения, но это вовсе не означало, что «нигилизм» исчерпал себя как движение социально-культурного протеста[67].

Скорее, наоборот – «нигилистическое» движение продолжало оказывать сильное воздействие на общество. Программа освобождения личности, развития «нового человека» и автономной культуры закрепилась в 70-е годы в определенном стиле жизни. Но поскольку жизнь людей подвергалась усиленному государственному контролю, вечеринки и подобные им сходки оставались предпочтительными видами общения. На них вели политические беседы, читали доклады и лекции по естественным наукам или на социальные, политические и этические темы. Люди встречались, чтобы заполнить пробелы в образовании и передавать полученные знания своим единомышленникам[68].

Так, вспоминая 80-е годы, Елизавета Водовозова отмечала, как молодая Л.К. Давыдова (1869–1900; в замужестве Туган-Барановская), дочь выдающегося музыканта К.Ю. Давыдова и его жены Александры Аркадьевны (1845–1900), присоединилась к студенческой молодежи и начала устраивать у себя встречи и посещать различные кружки. Тем самым она следовала примеру матери, которая в молодости участвовала в журфиксах, где собирались представители петербургского музыкального мира. Несмотря на свою привилегированную жизнь, Александра Давыдова в 80-е годы решила сотрудничать в журнале «Северный вестник», издательницей которого была одна из зачинательниц женского движения и первая в России женщина-юрист Анна Михайловна Евреинова. А в 1892 г. Давыдова стала издавать молодежный журнал «Мир Божий», посвятив его делу самообразования[69].

Учительница Мария Александровна Чехова (род. 1866 г., в девичестве Аргамакова) стала в 1905 г. сооснователъницей профессионального союза учителей и с того же времени участвовала в организованном женском движении[70]. Пройдя через культуру протеста 80-х годов, она вышла на путь общественной активности. Заканчивая педагогические курсы в С.-Петербурге, она участвовала в нескольких кружках. В течение семи лет Чехова ощущала особенно тесную связь с образовательными кружками студентов, группировавшихся вокруг Д.И. Шаховского[71], а также Федора и Сергея Ольденбургов[72]. Чтобы стать членом этих кружков, Марии Чеховой не было необходимости объявлять о своей принадлежности к какому-либо определенному политическому течению или конкретному жизненному идеалу. Кружку, в котором состояли около 20 мужчин и женщин, важно было лишь проявление сильного интереса к вопросам повышения образования и народному просвещению[73]. Здесь происходил обмен мнениями между поколениями. Мария Чехова познакомилась с Александрой Михайловной Калмыковой, к тому времени уже известным публицистом и педагогом. Х.Д. Алчевская, с которой Калмыкова сотрудничала в Харькове на ниве женского образования, тоже посещала этот кружок. Когда в 1885 г. руководство кружком перешло к Калмыковой, он преобразовался в неофициальное общество, активно содействовавшее народному просвещению, составляя, публикуя и распространяя учебные материалы для деревенской молодежи[74].

В своих воспоминаниях Мария Чехова кратко описала черты молодежной культуры своего поколения:

> 80-е годы были временем тупой реакции, отдельные огоньки революционной мысли еще светились, но основная масса молодой интеллигенции не была охвачена революционным движением. Тем не менее, общественное сознание развивалось и укреплялось. Несмотря на строгости режима, молодежь находила средства свободного взаимного общения и обмена мыслями вне рамок государственного контроля. Средством для этого были тогда так называемые кружки – группы молодежи, небольшие по составу, связанные интересом к любому вопросу жизни,к науке и литературе. Эти кружки регулярно собирались и часто существовали по несколько лет, преследуя в основном общеобразовательные цели[75].

Поскольку кружки изначально давали женщинам возможность развивать их общественное сознание, женское движение могло привлекать к себе из них все новых сторонниц.

Петербургский историк Г.А. Тишкин первым описал кружки конца 50-х, а также 60-х годов XIX в., из которых вело свое начало русское женское движение. В отличие от первого исследования по русскому организованному женскому движению Р. Гольдберг, основой которого послужило благотворительное общество Марии Трубниковой, Тишкин разработал свою концепцию с учетом социального (а не политического, как это обычно принято) характера женского движения[76]. Впрочем, Тишкин совершенно в духе советского времени признавал за женским движением общественное значение лишь в той мере, в какой оно имело связь с революционными течениями; все прочие формы женского движения он опускал либо как незначительные и индивидуалистические, либо как мелкобуржуазные[77].

Однако в какой же мере революционерками были зачинательницы женского движения 60-х годов? Чтобы ответить на этот вопрос, следует ближе рассмотреть женщину, ставшую первой из тех, кому «нигилистический» образ мышления помог найти путь к самоопределению и в этих рамках – к академической квалификации. Речь идет о Надежде Прокофьевне Сусловой – первооткрывательнице нового пути, которая стала для других, сознательно за нею следовавших, ведущей представительницей полной женской эмансипации[78]. Какими побуждениями руководствовалась Суслова, мы узнаем из ее переписки с посвящавшим свои произведения жизни народа писателем Ф.Д. Нефедовым (1835–1902). С ним она познакомилась через своего брата, товарища Нефедова по университету в С.-Петербурге[79]. Переписка раскрывает отношение Сусловой к социальным вопросам и со-

держит документальные свидетельства о развитии ее самосознания в 1861–1865 гг.[80]. Так, в июле 1861 г. Надежда Суслова пишет о себе следующее:

> Мои дела еще в неопределенном состоянии. С целью завоевать желаемое у жизни, я приготовляюсь к бою, к бою за равенство прав. С знаменем, на котором выставлен этот девиз, я бросаюсь в войну с сильными мира сего... Чем это кончится, – я не знаю; я знаю одно то, что не положу свое оружие, потому что во мне живет убеждение, что я борюсь за правое дело, от которого позорно отступиться. Да, я добьюсь чего хочу у жизни или отступлюсь от нее добровольно. Быть рабой случая слишком скотская добродетель, для усвоения которой у меня недостает пошлости.
>
> Меня упрекают знающие меня в односторонности; говорят, что я слишком горячо переношу свои мысли в гражданскую сферу, как-то гнушаясь жизни частной. И в этих словах много правды. Мне в самом деле как-то гадко заглянуть в маленький мирок семьи, где человек является рыцарем своих частных интересов... Там душно и тесно и скорее всего идет там постоянно гнусная ложь и позорная маска на физиономии...[81]

Здесь Надежда Суслова предстает как истинная «нигилистка». Она уже нашла путь к явно выраженному индивидуализму и поставила перед собой эмансипационные цели отказа от всяких традиций, желая добиться своего любым путем. В ее словах звучит высокое самосознание. Она выказывает себя как сторонница радикально-демократической культуры протеста, поскольку, как и Писарев, прежде всего верит в собственные силы и стремится в духе Добролюбова отгородиться от «темного царства» семьи. Но она все же не осмеливается определенно считать эгоизм явлением положительным. Она допускает, что во имя «этических законов» не следовало бы любой ценой развивать «эгоистические интересы»[82]. Правда, этих этических принципов Суслова не называет, но они стоят на службе нового «божества» – свободы. Окружающий мир Суслова воспринимает как «черное болото», заполненное «нечеловеческой покорностью» народа, с одной стороны, и «иррациональным гнетущим насилием» – с другой[83]. Отсюда она делает для себя вывод: «Если есть силы, нужно бороться. Только таким средством можно устроить жизнь *по собственному понятию*»[84].

Индивидуальное планирование жизни становится для Сусловой тем важнее, чем сильнее политическая реакция. В конце 1861 г. она пишет Нефедову о том, насколько потрясена политическими событиями; она чувствует себя разбитой и оскорбленной, не может понять масс, напоказ кричащих о «свободе», проповедующих мораль и тем не менее терпеливо носящих на себе оковы[85]. Для себя она делает вывод, что следует еще активнее сосредоточиться на личных жизненных целях. «Я работаю с начала нынешнего академического года особенно интенсивно, моя цель теперь еще яснее <...> она притягивает меня, пленит меня, и я свято и твердо верю, что достигну ее. Эта вера спасает и охраняет меня в тяжелые часы жизни»[86].

Такая вера Сусловой полностью обращена на мирские цели. Фундаментом являются индивидуальное самоопределение и преодоление жизненных трудностей как часть всеобщего человеческого стремления к свободе и счастью. Эти понятия сохраняют у Сусловой свою неопределенность и в более поздние годы ее жизни. Суслова считает освобождение человечества от зла неизбежным, а действия индивида в конечном счете диктуются, по ее мнению, всеобщей любовью. Ее идеалы сформулированы настолько абсолютно, словно заимствованы непосредственно из религиозного мышления. Однако у нее наблюдаются и первые признаки дифференцированных, связанных с реальностью представлений. Суслова сожалеет, что все люди преследуют одну и ту же цель, а именно быть счастливыми, но хотят добиться ее различными путями. «Новым людям», которые уже нашли пути к полноценной жизни, следовало бы учитывать эти различия и заниматься убеждением окружающих. Размышляя в совершенно «нигилистическом» духе, Суслова понимает под «полноценной жизнью» участие в разумном, прагматичном труде, который дает людям чувство удовлетворенности своей жизнью. Как утверждает она в одном из своих писем, продуктивная работа помогает пережить повседневные огорчения[87].

«Нигилистические» представления Сусловой увязывают ее обращенность к собственному «я» с той формой рационализма, которая в значительной мере обязана просвещению. По ее мнению трудовая деятельность человека способствует повышению общего уровня образованности и тем самым – общественному прогрессу. Здесь Суслова имеет в виду прежде всего саму себя, поясняя Нефедову, что возраст «девочки-подростка» с его «пылкими порывами» ею давно пройден. Теперь она живет замкнуто, занимаясь преимущественно чтением и образованием; она готовится к двух- или трехлетнему заграничному путешествию для повышения уровня своего образования, а вернувшись в Россию, займется серьезными делами (медициной)[88].

Надежда Суслова откровенно высказывала свои взгляды не только в переписке, но и в печатных изданиях: в 1864 г. она опубликовала в «Современнике» «Рассказ в письмах». Речь идет о переписке двух сестер. Одна из них, Саша, убежала из дворянского родительского дома. В форме писем она отчитывается перед сестрой Надеждой о своих поступках. При этом она подвергает беспощадной критике традиционную семейную жизнь. По ее словам исключительно благодаря сознательному чувству гнева, направленного против этой жизни, она отважилась спастись бегством из семейного болота. Теперь, в городе, она может следовать собственным жизненным принципам. С ее точки зрения, никто не имеет права распоряжаться ее личностью. В противоположность действующим в обществе правилам она предлагает уважать свободу также и других лиц[89].

3
Начало участия женщин в обсуждении «женского вопроса» в публицистике

Новое интеллектуальное общение привело к тому, что женщины обрели большее самосознание и все чаще осмеливались обращаться к общественности[1]. Уже первые публицистические выступления женщин вызвали широкий резонанс. Редакции уважаемых периодических изданий все сильнее интересовались привлечением женщин к литературному сотрудничеству. Начиная с 60-х годов женщины, участвовавшие в дискуссиях о женской эмансипации, расставляли в этом вопросе собственные акценты. Они

выступали прежде всего по проблемам женской профессиональной деятельности, женского образования и самосознания, направленного на полную эмансипацию. Это означало, что они прошли стадию обучения и сами стали наставницами в духе новых взглядов на жизнь.

Одной из таких женщин была Мария Вернадская. Благодаря мужу она начиная с 1858 г. имела возможность публиковать свои статьи в получившем общественное признание буржуазно-либеральном еженедельнике «Экономический указатель» (так он назывался в 1857–1861 гг., одновременно выходило и приложение «Экономист»). В своей статье «Женский труд» (1858), привлекшей к себе широкое внимание публики, Вернадская подвергает осторожной критике попустительскую позицию газет, где проблема освобождения крестьян рассматривается главным образом с позиции высвобождения новой рабочей силы, а женский труд предстает как фактор, способствующий снижению расходов на ее оплату. Вернадская же, напротив, придавала труду большое значение с точки зрения эмансипации женщин: продуктивная работа должна стать средством их освобождения от унижающей семейной зависимости. При этом Вернадская, несомненно, имела в виду женщин из высших слоев общества. Честный труд не может никого унизить, заявляла она, указывая, что в других государствах женщины имеют доступ к самым различным сферам деятельности. При равных возможностях получения образования женщины и в России обрели бы возможность быть «счастливее», поскольку им не пришлось бы выходить замуж только по материальным соображениям или, оставаясь незамужними, оказываться в положении второстепенных членов семьи. Вместо этого женщины могли бы собственными силами добиться материальной независимости и уважения[2]. Вернадская заключала свою статью призывом:

Mesdames, перестаньте быть детьми, попробуйте стать на свои собственные ноги, жить своим умом, работать своими руками, учитесь, думайте, трудитесь, как мужчины, – и вы будете также независимы или, по крайней мере, в меньшей зависимости от своих тиранов, чем теперь, а главное – перестаньте стыдиться и презирать работу; пока труд будет в презрении, вы будете всегда в подчиненном состоянии, потому что только в одном труде – истинная свобода женщины![3]

В другой статье – «Назначение женщины» – образ, нарисованный Вернадской, получил еще более четкие контуры. А почти через полвека в издании «Первый женский календарь» подчеркивалось, что мысли Вернадской ничуть не утратили своей актуальности[4]. Редакция приводила следующие соображения Вернадской:

Что такое мужчина? Человек. Что такое женщина? Странный вопрос: конечно, тоже человек. Но если так, если женщину решаются признать за человека, то все человеческое должно быть ей доступно, и доступно в действительности. Женщина может чувствовать, может думать, может жаждать просвещения, ей может быть понятно стремление принести какую-нибудь пользу. <...> Положим, что никто этого не отвергает; но в таком случае разве должно придумывать для женщины особые правила нравственности <...> ограничивать ее образование, наконец, придавать ей даже некоторые исключительные добродетели и пороки? Если женщина такой же человек, как и мужчина, то правила чести и нравственности должны быть одинаковы для обоих. Нет пороков исключительно мужских и исключительно женских. Всех людей, какого бы они ни были пола, волнуют одни и те же страсти, и потому все люди подвергаются одним и тем же порокам, когда поддаются своим страстям, и – имеют одинаковые добродетели, когда одерживают победу над своими страстями[5].

Таким образом, Вернадская толковала отношения между полами не как естественно-природные, а как некую культурную и потому изменяемую конструкцию. Кроме того, положительное восприятие такого подхода в «Первом женском календаре» 1902 г. показало, что феминистки, которые выражали эту позицию в начале XX в., продолжали ссылаться на Вернадскую. В 1858 г. призывы этой публицистки к защите права женщин на труд получили поддержку из различных кругов. Консервативные сторонники ее предложений высказывались за то, чтобы ограничить труд женщины рамками семьи. Умеренные авторы предлагали предоставить женщинам доступ к отдельным специальностям. А радикально-демократические заступники Вернадской разделяли ее позицию полного равенства женщины в сфере трудовой деятельности[6].

Кроме женского труда другой важной темой политических дебатов по проблемам женской эмансипации, в обсуждение которой женщины активно включились, было просвещение. Откликаясь на идеи Пирогова по поводу женского образования, высказанные им в работе «Вопросы жизни» (1856), женщины стали выражать свои взгляды в печати[7]. В то время они еще разделяли воззрения Пирогова на особый характер женского пола в связи с той ролью, которую он призван играть в обществе. Так, некая госпожа А., поместившая в 1857 г. небольшую заметку в «Современнике», просила предоставить женщине более широкие возможности для образования, но ни в коем случае в связи с этим не лишать ее «поэтической стороны ее женственности»[8]. Тем самым госпожа А. вызвала дискуссию среди некоторых женщин, выступивших в различных журналах. Они высказывали общее критическое замечание, что низкий уровень образования женщин дает недостаточные педагогические знания для выполнения роли матери[9].

В существовавшие в то время педагогические журналы – религиозно-консервативный «Русский педагогический вестник» (1857–1861) и либеральный «Журнал для воспитания» (1857–1859) – опытные профессиональные учительницы и гувернантки вносили свои педагогические взгляды. Редакция последнего из названных изданий поставила перед собой задачу обсуждать вопросы, не только связанные с общим образованием и выражающие интересы учителей, но и женский вопрос. Редакции во главе с А.А. Чумиковым удалось привлечь к сотрудничеству в направленной на реформы программе таких авторов, как Добролюбов, Ушинский и Водовозов[10]. Особое внимание привлекли опубликованные здесь в 1857 г. женщиной-педагогом «Письма к русским женщинам». Ссылаясь на свой большой опыт, автор высказывалась за то, чтобы ограничить деятельность женщины домашним бытом, ибо только в нем она может получить удовлетворение жизнью. Но в то же время сочинительница «Писем» поддержала требования времени, считая, что женское просвещение должно осуществляться «по лучшим образцам», с тем, однако, ограничением, что женщинам нужно получать образование не для научных целей, а для того чтобы вопло-

выступали прежде всего по проблемам женской профессиональной деятельности, женского образования и самосознания, направленного на полную эмансипацию. Это означало, что они прошли стадию обучения и сами стали наставницами в духе новых взглядов на жизнь.

Одной из таких женщин была Мария Вернадская. Благодаря мужу она начиная с 1858 г. имела возможность публиковать свои статьи в получившем общественное признание буржуазно-либеральном еженедельнике «Экономический указатель» (так он назывался в 1857–1861 гг., одновременно выходило и приложение «Экономист»). В своей статье «Женский труд» (1858), привлекшей к себе широкое внимание публики, Вернадская подвергает осторожной критике попустительскую позицию газет, где проблема освобождения крестьян рассматривается главным образом с позиции высвобождения новой рабочей силы, а женский труд предстает как фактор, способствующий снижению расходов на ее оплату. Вернадская же, напротив, придавала труду большое значение с точки зрения эмансипации женщин: продуктивная работа должна стать средством их освобождения от унижающей семейной зависимости. При этом Вернадская, несомненно, имела в виду женщин из высших слоев общества. Честный труд не может никого унизить, заявляла она, указывая, что в других государствах женщины имеют доступ к самым различным сферам деятельности. При равных возможностях получения образования женщины и в России обрели бы возможность быть «счастливее», поскольку им не пришлось бы выходить замуж только по материальным соображениям или, оставаясь незамужними, оказываться в положении второстепенных членов семьи. Вместо этого женщины могли бы собственными силами добиться материальной независимости и уважения[2]. Вернадская заключала свою статью призывом:

Mesdames, перестаньте быть детьми, попробуйте стать на свои собственные ноги, жить своим умом, работать своими руками, учитесь, думайте, трудитесь, как мужчины, – и вы будете также независимы или, по крайней мере, в меньшей зависимости от своих тиранов, чем теперь, а главное – перестаньте стыдиться и презирать работу; пока труд будет в презрении, вы будете всегда в подчиненном состоянии, потому что только в одном труде – истинная свобода женщины![3]

В другой статье – «Назначение женщины» – образ, нарисованный Вернадской, получил еще более четкие контуры. А почти через полвека в издании «Первый женский календарь» подчеркивалось, что мысли Вернадской нисколько не утратили своей актуальности[4]. Редакция приводила следующие соображения Вернадской:

Что такое мужчина? Человек. Что такое женщина? Странный вопрос: конечно, тоже человек. Но если так, если женщину решаются признать за человека, то все человеческое должно быть ей доступно, и доступно в действительности. Женщина может чувствовать, может думать, может жаждать просвещения, ей может быть понятно стремление принести какую-нибудь пользу. <...> Положим, что никто этого не отвергает; но в таком случае разве должно придумывать для женщины особые правила нравственности <...> ограничивать ее образование, наконец, придавать ей даже некоторые исключительные добродетели и пороки? Если женщина такой же человек, как и мужчина, то правила чести и нравственности должны быть одинаковы для обоих. Нет пороков исключительно мужских и исключительно женских. Всех людей, какого бы они ни были пола, волнуют одни и те же страсти, и потому все люди подвергаются одним и тем же порокам, когда поддаются своим страстям, и – имеют одинаковые добродетели, когда одерживают победу над своими страстями[5].

Таким образом, Вернадская толковала отношения между полами не как естественно-природные, а как некую культурную и потому изменяемую конструкцию. Кроме того, положительное восприятие такого подхода в «Первом женском календаре» 1902 г. показало, что феминистки, которые выражали эту позицию в начале XX в., продолжали ссылаться на Вернадскую. В 1858 г. призывы этой публицистки к защите права женщин на труд получили поддержку из различных кругов. Консервативные сторонники ее предложений высказывались за то, чтобы ограничить труд женщины рамками семьи. Умеренные авторы предлагали предоставить женщинам доступ к отдельным специальностям. А радикально-демократические заступники Вернадской разделяли ее позицию полного равенства женщины в сфере трудовой деятельности[6].

Кроме женского труда другой важной темой политических дебатов по проблемам женской эмансипации, в обсуждение которой женщины активно включились, было просвещение. Откликаясь на идеи Пирогова по поводу женского образования, высказанные им в работе «Вопросы жизни» (1856), женщины стали выражать свои взгляды в печати[7]. В то время они еще разделяли воззрения Пирогова на особый характер женского пола в связи с той ролью, которую он призван играть в обществе. Так, некая госпожа А., поместившая в 1857 г. небольшую заметку в «Современнике», просила предоставить женщине более широкие возможности для образования, но ни в коем случае не лишать ее в связи с этим «поэтической стороны ее женственности»[8]. Тем самым госпожа А. вызвала дискуссию среди некоторых женщин, выступивших в различных журналах. Они высказывали общее критическое замечание, что низкий уровень образования женщин дает недостаточные педагогические знания для выполнения роли матери[9].

В существовавшие в то время педагогические журналы – религиозно-консервативный «Русский педагогический вестник» (1857–1861) и либеральный «Журнал для воспитания» (1857–1859) – опытные профессиональные учительницы и гувернантки вносили свои педагогические взгляды. Редакция последнего из названных изданий поставила перед собой задачу обсуждать вопросы, не только связанные с общим образованием и выражающие интересы учителей, но и женский вопрос. Редакции во главе с А.А. Чумиковым удалось привлечь к сотрудничеству в направленной на реформы программе таких авторов, как Добролюбов, Ушинский и Водовозов[10]. Особое внимание привлекли опубликованные здесь в 1857 г. женщиной-педагогом «Письма к русским женщинам». Ссылаясь на свой большой опыт, автор высказывалась за то, чтобы ограничить деятельность женщины домашним бытом, ибо только в нем она может получить удовлетворение жизнью. Но в то же время сочинительница «Писем» поддержала требования времени, считая, что женское просвещение должно осуществляться «по лучшим образцам», с тем, однако, ограничением, что женщинам нужно получать образование не для научных целей, а для того чтобы вопло-

щать высшую моральную инстанцию общества, которая косвенно будет воздействовать и на семью, и на общественность. С этой позиции автор «Писем» решительно отвергала совместное воспитание девочек и мальчиков в соответствии с идеалом равенства, поскольку это привело бы к вредной деформации неравных от природы характеров[11]. По мнению защитницы женских прав Е. Лихачевой, те женщины, учительницы либо писательницы, которые в конце 50-х годов выступали в прессе, не внесли в обсуждение проблемы ничего существенно нового[12].

Такие женщины, как графиня Елизавета Салиас-де-Турнемир (1815–1892, псевдоним Евгения Тур) выступали против популяризации строго консервативного образа женщины. Тур, поддерживавшая связи с Парижем, начала одновременно с М.Л. Михайловым вести полемику в русской прессе против взглядов Мишле и Прудона[13]. Эта писательница, как и большинство ее современниц, совершенно в духе теорий, которые ратовали за то, чтобы женщины ограничивались определенными ролями, требовала оказывать поддержку женщинам в интересах повышения культурного уровня семьи[14]. Только Михайлов своим толкованием произведений Ж. д'Эрикур и Дж. Ст. Милля установил новые критерии, приняв при этом аргументацию в пользу равенства полов, которую представляла в прессе с конца 50-х годов и Мария Вернадская, зачинательница движения из среды молодой интеллигенции[15]. Этот основанный на идее равенства взгляд на женскую эмансипацию безупречно вписался в новую радикально-демократическую картину мира, частью которой ощущали себя с конца 50-х годов многие молодые люди России. Так, женщины, которые искали контакты с возникающей «нигилистической» средой, оценивали роман Тургенева «Накануне» только положительно, признавая за его героиней Еленой право на свободное волеизъявление и равноправные действия. В консервативной прессе некоторые женщины осуждали образ Елены как «нехристианский»[16], но это никак не могло повлиять на молодежь, которая склонялась к новому определению отношений между полами в соответствии с природным равенством людей.

Новые формы общения интеллигенции позволили Е. Водовозовой в 1863 г., т. е. в год появления романа «Что делать?», раскрыть свои убеждения перед широким кругом людей. После того как она участвовала в многочисленных дискуссиях по поводу этого романа на встречах петербургской интеллигенции, она обратилась к общественности и в печати. Тем самым она зарекомендовала себя как первая женщина в России, давшая компетентный ответ на вопрос «что делать?». Статья «Что мешает женщине быть самостоятельною?» стала дебютом Водовозовой как публицистки и педагога. Однако в начале своей творческой деятельности Водовозова еще не достигла общественного признания. Поскольку выступление женщины в публицистике было явлением необычным, а в обществе на такие действия накладывались табу, она, как и многие ее современницы, предпочитала публиковаться под псевдонимом. Лишь десятилетие спустя Е. Водовозова выступила в печати под собственным именем[17]. Ее отношение к роману Чернышевского показывает, что тема женской самостоятельности ей как представительнице «новых женщин» была особенно близка. Водовозова открыла дебаты по этой проблеме, представляя в ней, как и Мария Вернадская, идею узаконенного природным правом равенства женщин:

Самостоятельность женщины! Как много в этом слове! Ведь это целая жизнь со своим особым развитием, деятельностью и правами! ... Как она найдет этот путь? Кто его ей укажет? Кто на нем поддержит? Но нет сомнения, что мысль о самостоятельности не менее сильна у женщины, как и в уме мужчины. Что ж? Ведь вы не обвиняете ее в том, что она также родится человеком[18].

Водовозова подчеркнула значение романа для решения проблемы женской эмансипации, а затем привела примеры того, как реагировали женщины на «Что делать?», дабы показать, что даже консервативные и необразованные женщины, весьма далекие от Чернышевского, откликались на роман с пониманием и участием. Веру Павловну, героиню романа, Водовозова представила как женщину, которая осознала, что в ее жизни недостает каких-то существенных моментов и только общественная деятельность в самом широком смысле этого слова делает ее полноценным членом человеческого содружества. Каким образом она может осмысленно войти в это общество, остается для нее нерешенной проблемой. Только высокая образованность создает предпосылки для того, чтобы осознать собственные способности и общественные нужды. Водовозова увязывала свою интерпретацию романа с критикой существовавшего положения дел: «Наше женское образование не только не готовит к самостоятельному труду, но и убивает даже всякую мысль о нем. Женщины должны обладать сильным характером, чтобы сохранять желание работать»[19].

Для доказательства своего тезиса Водовозова представила типичную молодую женщину из высших слоев общества, которая, окончив институт или пансион, вплоть до замужества работала гувернанткой, а затем стала хозяйкой дома и матерью. Будучи воспитательницей, молодая женщина попала в зависимость от своих питомцев, потому что не обладала необходимым образованием, чтобы завоевать авторитет у детей. Выйдя замуж, духовно она оказалась в неравном положении с мужем. В ведении домашнего хозяйства она хотя и была равноправна, однако ей недоставало профессионализма, чтобы научить расточительную и вороватую повариху экономно вести хозяйство. И, наконец, она оказалась несостоятельной в качестве матери, поскольку не сумела ничего противопоставить примитивным действиям кормилицы, ставившим под угрозу здоровье и жизнь новорожденных[20]. Водовозова сформулировала новый этос, в том числе определявший и ее будущую частную и трудовую жизнь. Позднее она называла «плодами 60-х годов» то, что научилась поступать как ответственная только перед самой собой хозяйка дома и мать, ощущать себя равноправным партнером своего супруга и выступать защитницей такой жизни, которая характеризуется самоуправлением и ориентирована на создающую ценности умственную работу[21].

Провинциальная пресса подхватила обсуждение женского вопроса в таком же духе, как он ставился и дискутировался представительницами женщин. Например, в том же 1863 г., когда вышел в свет роман «Что делать?», появилась обширная статья «Голос женщины» в «Рязанских губернских ведомостях». Автором ее была представительница высших кругов общества, которая обращалась к проблемам, подобным тем, какие затрагивала Е. Водовозова. С огорчением и в патетическом тоне она сетовала на общественно ничтожную роль женщины, призывая читающую публику во

имя всеобщей гражданской свободы найти ответ на вопрос «что делать?». Сама она высказывала такую точку зрения: «России нужны женщины, жены, матери, гражданки здоровые, дельные, с правильно развитым умом и готовностью трудиться для себя и для общества»[22]. Главную цель она видела в получении женщинами образования, необходимого для воспитания дочерей в духе новых идеалов. «Научим их трудиться. Этим мы положим первое основание их независимости и слово "эмансипация" для них получит настоящее глубокое значение»[23].

Активное участие в борьбе за формирование «новой женщины», общественная деятельность женщин и их вклад в публицистику в 1866 г. вылились в создание журнала «Женский вестник». В это время усилилось государственное давление на свободу мысли, были закрыты «Современник» и «Русское слово» как органы «левой» прессы, и их сотрудники искали для себя новые области деятельности. В этой обстановке и был основан «Женский вестник»[24]. В качестве редактора официально выступал коллежский асессор Н.М. Мессарош, имевший безупречную политическую репутацию, а издавала журнал его жена А.Б. Мессарош. В числе редакторов был также В.А. Слепцов, который, кажется, являлся и создателем журнала[25]. Кроме того, в «Женском вестнике» участвовали бывшие сотрудники «Русского слова» Н.А. Благовещенский и А.К. Шеллер-Михайлов, а также Е.И. Конради (урожд. Бочечкарова), отвечавшая за отдел зарубежной корреспонденции. Вместе с новым литературно-политическим журналом «Дело» (1866–1888) «Женский вестник» стоял во главе периодических изданий России, критиковавших государственную систему[26].

Сосредоточенный на общественных недостатках, особенно на проблемах женской эмансипации, «Женский вестник» продолжал традицию «нигилистического» миропонимания. Своим существованием журнал был обязан характерной для эпохи вере в прогресс и «рациональный эгоизм». На выход журнала соответственно реагировала государственная цензура. Уже после выхода первого номера начальник главного управления печатных изданий Н. Щербинин представил министру народного просвещения Д.А. Толстому, а также министру внутренних дел П.А. Валуеву донесение, в котором значилось, что «Женский вестник» выдвигает на первый план женский вопрос, но использует его исключительно для пропаганды нравственной испорченности[27]. Когда вышел второй номер «Женского вестника», то Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии высказало предположение, что Валуев все еще не наложил запрета на издание журнала лишь потому, что поддерживает личные отношения с мадам Мессарош[28]. Противники издания добились усиления цензуры и закрытия «Женского вестника» в начале 1868 г.[29]

В программной статье по женскому вопросу для первого номера «Женского вестника» издатель Мессарош подверг радикальной критике традиционную социализацию женщин высших слоев[30]. Бросается в глаза, что понятие «семья» он определял исключительно в рациональном ключе – как «сообщество лиц», которые объединились с целью достижения «прогресса или, иначе говоря, улучшения в своем духовном и материальном благосостоянии». Государство, по аналогии с семьей, определялось как множество групп, увязывающих свои интересы с социальными отношениями.

Средствами достижения успеха в этом объединении были для Мессароша «здоровое» просвещение и производительный труд всех членов государственного объединения. Общая нравственность достижима, по мнению автора, только после того, как государство гарантирует право личности для каждого, а также базирующиеся на этом принципе судопроизводство и индивидуальное право на собственность[31]. Такие общие рассуждения вряд ли представляли собой объект для нападения со стороны цензуры. И все же статья давала читающей публике простор для фантазии; она могла вообразить себе, как будет развиваться государство, если его гражданам и гражданкам будут обеспечены правовые и политические предпосылки для образования и труда. В противоположность родоначальницам женского движения Мессарош придерживался образа женщины, выполняющей в жизни определенные заранее возложенные на нее функции. Требуя равного образования для обоих полов, он тем не менее рекомендовал женщинам выбирать научные направления, которые пригодились бы им в практической жизни, например медицину, чтобы их знания пошли на пользу также и семье[32]. Но в принципе женщина, с его точки зрения, имеет равные права с мужчиной; также и в супружестве она должна быть в первую очередь партнером мужа[33]. Заканчивал Мессарош свою статью как верный ученик Чернышевского:

> В наше время начинают сознавать, что женщина должна быть совершенно развита, должна трудиться и приносить посильную пользу своею жизнью; должна понимать свое человеческое достоинство, свою самостоятельность и одновременно с мужчиной пользоваться защитою закона. <...> Мы знаем, что ошибки и недостатки их – следствие неправильной подготовки к жизни, укрепленной и усвоенной обычаем векового предрассудка, который давил и давит в женщине ее умственное развитие, под предлогом сохранения своей женственности, и в то же время скрывает под маскою покровительства и ложного уважения – вековой эгоизм мужчины[34].

Вступление к «Женскому вестнику» В.А. Слепцов написал в весьма осторожной форме. Он вынужден был выражаться «эзоповым языком», потому что в 1866 г. ему довелось стать жертвой волны репрессий против «нигилистической» среды и даже отсидеть в тюрьме. В его статье «Женское дело» обращают на себя внимание два момента. Во-первых, обозначая то, что в России стало общепринятым называть «женским делом», он впервые применил термин «движение». Во-вторых, он в соответствии с намечаемой им программой провозгласил, что это движение – независимо от его специфического характера – принесет пользу всем людям, поскольку улучшит взаимоотношения между ними. Таким образом, Слепцов высказался за изменение существовавших отношений между полами в интересах женского движения того времени[35].

В 1866 г. было уместно представлять программу первого прогрессивного женского журнала статьями двух мужчин. Ведь в 60-е годы только отдельные женщины проявляли смелость заявлять в публицистике о своих общественно-политических взглядах. Правда, некоторое их участие в журнальной деятельности наблюдается уже с середины 40-х годов. Так, детская писательница А.О. Ишимова издавала с 1845 г. религиозно-консервативный журнал для детей «Звездочка». Во второй половине 50-х годов добавились

один журнал для девушек и два журнала по рукоделию, также издававшиеся женщинами[36]. В 1861–1862 гг. Евгения Тур издавала умеренную литературно-культурную еженедельную газету «Русская речь», выступавшую за улучшение образовательных и трудовых возможностей для женщин[37].

Первой женщиной, с 1864 г. регулярно сотрудничавшей в журнале, была литературный критик Евгения Конради. В 1866 г., начав писать статьи для «Русского вестника», она даже отважилась публиковаться под собственным именем. В качестве «нигилистки» Конради была известна тем, что не шла ни на какие компромиссы, когда решались принципиальные вопросы. Отсюда можно заключить, что в области публицистики она сознательно выступала под своим именем, придавая этому особое значение. Критик В.В. Стасов описал Конради как весьма одаренную, темпераментную женщину, которая своим острым языком и сознательно нетрадиционными, резкими манерами привлекала одних и отталкивала других[38]. В «Женском вестнике» Конради вела зарубежную хронику, выражая безграничное восхищение западными формами цивилизации. Умение воспринимать и одновременно оценивать события позволяло ей иносказательно, но все же понятно для привыкшей к цензурным препонам русской читающей публики выражать свою позицию так, чтобы ей не запретили печататься[39]. При обсуждении женского вопроса Е. Конради приводила те же аргументы, что и Н. Суслова или М. Вернадская. Как и у них, образ женщины у Конради строго определялся ее индивидуальностью. Господствовавшее современное ей понимание женственности, как и вытекавшие из него представления об ограничении роли женщины, Конради отвергала как совершенно устаревшие. С необычной для ее кругов склонностью к новым веяниям Конради высказывалась не только за равенство полов. Она приводила конкретные соображения о том, почему нужно изменить существующие представления о роли женщины. «Не встречаем ли мы на каждом шагу мужчин с женственными чертами в характере и наоборот? Лучшие быть может типы, какие мы только знавали как между мужчинами, так и между женщинами, представляли слияние качеств, свойственных обоим полам»[40]. В соответствии со своей концепцией о том, что роли обоих полов в жизни представляют собой исключительно социально-культурные построения, публицистка в той же статье продолжила эту мысль:

> ... У нас нет сомнений в том, что среди мужчин можно встретить много таких, которые были бы на своем месте скорее в детской комнате или на кухне, чем в высших сферах в общественной и духовной жизни, которые с древних времен являются монополией для мужчин. Столь же мало сомневаемся мы в том, что среди женщин есть много таких, которые окажутся достойными любой деятельности, если посвятят себя таким сферам труда, которые до сих пор остаются закрепленными только за мужчинами[41].

Конради одновременно высказала исторически обоснованное понимание развития отношений между полами в странах Запада. Так, она признала, что множество мужчин и женщин в Германии, Англии или Америке удовлетворены традиционным распределением ролей, что, впрочем, связано с укоренившейся в этих странах широкой свободой действий для женщин. Как бы мало симпатий ни вызывала немецкая домашняя хозяйка у русской читающей публики, рассуждала Конради, а все же такая хозяйка

превосходит любую русскую своими качествами. В тех домашних хозяйствах России, которые сравнимы с немецкими, нерадивость женщин по отношению к домашним ценностям и особенно безответственное их обращение с детьми способны вызвать ужас[42].

Таким образом Е. Конради дала понять, что будучи сторонницей радикальной демократии, вполне способна оценивать достижения гражданского развития, но не хочет этим довольствоваться, имея в виду тезис о равенстве полов[43]. Среди авторов статей в «Женском вестнике» Конради открыто занимала наиболее крайнюю позицию. Ее коллега С.Я. Капустин приводил свои аргументы в более сдержанном тоне. Он, например, рекомендовал принять американское женское движение в качестве безусловного образца для России. В своих статьях Капустин высказывался достаточно осторожно, стремясь скорее побудить читающую публику к размышлению, чем призывать ее к действиям. Жизнь в русской провинции протекает монотонно и для мужчин и для женщин, писал Капустин. Женщины высшего общества проводят день в домашних заботах и визитах. Он, как автор статьи, не имеет права критиковать такой образ жизни. Но он хочет привлечь внимание к тому, что за границей, прежде всего в Соединенных Штатах Америки, и мужчины и женщины проявляют неслыханную энергию. Они достигли того, что начальное образование в стране находится в женских руках и женщины получили доступ к высшему образованию. В России же, наоборот, большинство женщин из привилегированных слоев убивают время напрасно. А меньшинство, поставившее себе цель найти работу, вынуждено из-за господствующих в обществе предрассудков довольствоваться местами гувернанток, переводчиц или продавщиц, поскольку женщинам все еще закрыт путь к высокой квалификации и уважаемым профессиям[44].

Е. Конради, агитируя за женскую эмансипацию, призывала к достижению гораздо более высоких целей. Она следила за международной прессой по этой тематике и публиковала достоверную информацию о развитии женского движения за рубежом. Ее публицистическая стратегия состояла в том, чтобы ставить на обсуждение такие темы, которые считались наиболее популярными в радикально-демократических кругах интеллигенции: право на свободное объединение, избирательное право и национально-освободительная борьба. Так, в хронике о событиях за рубежом в октябре 1866 г. Конради информировала читателей о Всеобщем немецком женском союзе (основан в 1865 г.), проведении американскими феминистками в Нью-Йорке публичного мероприятия, посвященного борьбе за предоставление женщинам избирательного права, а также об участии итальянок в национально-освободительной борьбе. В своих активных действиях они не отстают от мужчин, писала Конради. Она приводила сведения о том, что женщины организуют уход за ранеными бойцами. В борьбе женщины участвуют с таким энтузиазмом, что в добровольных отрядах Гарибальди даже служила 17-летняя девушка, переодетая мужчиной[45]. Сообщения Е. Конради о Германии имели целью информировать читателей о структуре и радиусе действия немецкого женского движения. При этом она показала себя довольно строгим критиком. Например, одобряя программу Всеобщего немецкого женского союза, она отмечала, что выполняется эта программа не вполне последовательно.

И все-таки на переднем плане ее рассуждений стояли вовсе не предполагаемые слабости женского движения. Она высоко оценивала усилия этого движения в Германии, направленные на женское образование. В результате этих усилий создавались женские союзы для распространения знаний[46]. В программе Всеобщего женского союза особенно большое впечатление на Конради произвело то, что эта организация стремилась преодолеть препятствия, создаваемые привилегиями и сословными различиями. Она считала, что Союз удовлетворяет этот демократический запрос своей моделью воскресных школ, а также проведением вечеров просвещения, на которых половину участниц составляют служанки и работницы предприятий[47]. Однако содержание вечеров просвещения и работу воскресных школ Конради подвергала критике. Им, по ее мнению, недоставало серьезной педагогической основы; она порицала и то, что их программы сосредоточены на художественно-эстетических предметах и танцах, в то время как систематическое обучение теории и практическим навыкам отсутствует. Иначе говоря, им присущи те же недостатки, которые постоянно подвергались критике русскими радикальными демократами, когда речь заходила о преподавании в пансионах и институтах их родины[48]. Тем не менее полагая, что немцы проявляют «слишком много добродушия (Gemütlichkeit)», преподавая пение и декламацию, Конради, принимая во внимание проблему преодоления сословных барьеров, нашла в конечном итоге и положительные моменты в этих занятиях. Она была настолько хорошо знакома с немецкими условиями, что распознала и «эффект привнесения цивилизации», исходивший от вечеров просвещения хотя бы для работниц предприятий, которые на этих сходках ощущали себя как «люди среди людей» и могли принимать участие в общественной жизни «с равным достоинством и равными правами»[49].

Пример «Женского вестника» свидетельствует о том, что в 1866 г. женский вопрос в России открыто обсуждался с привлечением международного опыта, причем за образец принимались достижения гражданского общества. Наиболее смелую позицию при этом занимала Е. Конради, которая в 1869 г. продолжила свою литературную карьеру в качестве редактора известной еженедельной газеты «Неделя»[50]. В 60-е годы из интимной обстановки вечеринок и кружков тема женской эмансипации была самими женщинами вынесена на более широкий общественный форум. Мы проследили, как женщины нашли доступ к формам общения новой интеллигенции, как они в нее влились, как они, наконец, сами стали носительницами и распространительницами изменившихся жизненных представлений. На примерах из жизни отдельных зачинательниц женского движения стало очевидно, что новое самосознание, к которому женщины пришли, встав на путь альтернативной культуры «нигилистической» среды, зиждется на адаптации к новому, измененному образу женщины, соотносящемуся с ее индивидуальностью. Одновременно этот образ интегрировался с тем мировоззрением, которое сплотило участников «нигилистического» движения 60-х годов. Такой взгляд на жизнь был «революционным» в том смысле, что он сформировался, полностью отвергнув дворянское общество с его нормами. В центре размышлений стояли дееспособные граждане как мужского, так и женского пола. На основе личной, юридически гарантированной свободы гражданам и гражданкам, руководствовавшимся представлениями о труде индивида, предстояло включиться в борьбу за общественное благо, которое уже не ограничивалось избранными слоями. Элементом нового мышления была уверенность в том, что отношения между полами не даны от бога, а определяются факторам культуры и, следовательно, поддаются изменению. Таким образом, понятия свободы и равенства, имевшие в «нигилистическом» движении решающее значение, относились без каких-либо ограничений и к женскому полу. В этом заключался существенный мобилизующий потенциал для зачинательниц женского движения. Поскольку в русском обществе доминировал образ женщины, наделенной строго ограниченной бытовой ролью, то именно радикально-демократическая среда предоставляла женщинам шанс впервые при одобрении и поддержке со стороны единомышленников-мужчин испытать новые, учитывающие индивидуальность человека формы жизни.

Глава IV

Новые пути в профессиональной трудовой деятельности женщин после 1860-х годов

1
Обретение самостоятельности

Дискуссии о женской эмансипации находили широкий отклик у общественности. Если подрастающие девицы были интеллектуально достаточно развиты, чтобы принять новые идеи, то они нередко выражали свое возмущение нравами, царившими в родительском доме, который становился в их глазах символом окаменевшего и устаревшего порядка[1]. Центром притяжения становился для них город как место быстрых социально-экономических и культурных перемен. Туда и устремлялись молодые женщины привилегированных слоев населения. С обретением самостоятельности у них стала развиваться и солидарность. В результате предпринятых усилий этим женщинам в конечном счете удалось сплотиться в социальное движение, основанное на новых представлениях о роли женщины[2].

Изменение традиционных форм женского самосознания часто проявлялось в конфликтах между поколениями. В эпоху социально-экономического перелома на пороге индустриального века произошла переоценка ценностей и в повседневной жизни. «Нерушимая уверенность в понимании смысла унаследованного мировоззрения» испытала глубокое потрясение. Новые взгляды и ориентации распространялись, активно защищались и утверждались, становясь элементами нового менталитета, который соответствовал требованиям динамичного общества, где решение жизненных проблем во все большей мере перемещалось с семейных или сословных структур на индивида как такового[3].

Бегство из родительского дома, фиктивный брак как средство обретения личной независимости и создание в студенческой среде обществ, ставивших перед собой новые цели, были формами перехода к новой жизни и изменившегося женского самосознания. Высвобождение из традиционных уз создало предпосылки для сочетания самостоятельности с профессиональной деятельностью и общественной активностью. Конфликт поколений быстро расширился и вышел за пределы споров между «отцами и сыновьями», включив в себя и бунт дочерей против родителей. Софья Ковалевская так вспоминала 60-е годы, проведенные в Палибино:

> Можно сказать, что в этот промежуток времени, от начала 60-х до начала 70-х годов, все интеллигентные слои русского общества были заняты только одним вопросом: семейным разладом между старыми и молодыми. О какой дворянской

> семье ни спросишь в то время, от всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми. И не из-за каких-нибудь вещественных, материальных причин возникали ссоры, а единственно из-за вопросов чисто теоретических, абстрактного характера. «Не сошлись убеждениями!» – вот только и всего, но этого «только» вполне достаточно, чтобы заставить детей побросать родителей, а родителей – отречься от детей.
>
> Детьми, особенно девушками, овладела в то время словно эпидемия какая-то – убегать из родительского дома. В нашем непосредственном соседстве пока еще, Бог миловал, все обстояло благополучно; но из других же мест уже приходили слухи: то у того, то у другого помещика убежала дочь, которая за границу – учиться, которая в Петербург – к «нигилистам»[4].

Елизавета Водовозова также рассказывала о том, как противоположные взгляды сотрясали семейную жизнь всех слоев общества[5]. Один из студентов, князь Георгий Иванович Кугушев, окончив в 1865 г. политехникум в С.-Петербурге, отправился домой, упаковал два чемодана и заявил отцу с матерью, что отказывается от полагающегося ему значительного наследства. Тем самым он навсегда отрезал себя от родительского дома и прежней среды, а после этого вел обычную жизнь совместно с одной из своих единомышленниц[6]. Девушки часто порывали связи с родителями, не желая соглашаться с навязываемым им замужеством[7]. Многим родителям оставалось непонятным, что побуждает их хорошо обеспеченных детей отправляться в одиночестве на чужбину и жить на собственные заработки, между тем как семья предоставляла им материальное обеспечение или, по крайней мере, заботилась о них. Слишком часто девушки не имели ни малейшего представления о том, что это означает – перебиваться в городе без средств, без гражданского паспорта, едва сводя концы с концами[8]. Тем не менее вопреки всем предупреждениям девушки-подростки убегали из родительских домов. Водовозовы не раз давали приют в своей петербургской квартире молодым женщинам, не знавшим, куда податься. Матери Елизаветы Водовозовой однажды едва удалось уберечь свою крестную дочь, отговорив ее перебираться из деревни в город без средств к существованию. Узнав, что ее крестница готовится к бегству, чтобы поступить учиться, мать Водовозовой спешно позаботилась достать ей оплачиваемую работу помощницы по дому, чтобы молодая женщина смогла для начала хотя бы скопить деньги на обучение[9].

Надежда Кучурова, член народническо-революционной молодежной группы чайковцев, а с 1878 г. дипломированный врач, в 1872 г. покинула дом отца, состоятельного крестьянина Вятской губернии, чтобы после окончания духовной школы поступить на медицинские женские курсы в С.-Петербурге. Прибыв в столицу, она нашла прибежище у одной из подруг. После того как она сообщила отцу о месте своего пребывания и попросила его одобрения, растерявшийся отец немедленно поспешил в столицу, чтобы забрать дочь домой. Но Надя Кучурова от него спряталась. Отчаявшись, отец в конце концов заявил о своем согласии на переговоры с дочерью без применения силы. Но никакие добрые слова не помогали. Дочь так упорно настаивала на избранном ею жизненном пути, что отец сквозь слезы уступил ее стремлениям, предоставив ей свободу действий, и с тех пор оказывал ей материальную поддержку[10].

Анна Михайловна Евреинова (1844–1919), первая русская женщина-юрист, получившая докторскую степень в Лейпциге, была обеспеченной во всех отношениях дочерью управляющего Петергофским дворцом, т. е. летней резиденцией царя. Когда молодые женщины 60-х годов начали мечтать об обучении в высшей школе, то этой идеей загорелись Анна Евреинова, ее кузина Юлия Всеволодовна Лермонтова, а также сестры Софья и Анна Корвин-Круковские. Поскольку Анна Евреинова и Корвин-Круковские состояли в родстве, Юлия Лермонтова познакомились и с Софьей Корвин-Круковской (первоначально путем переписки). Вскоре всех четверых молодых женщин связал воедино твердый план получить высшее образование за границей. Вышедшая замуж за В.О. Ковалевского Софья в 1869 г. в сопровождении мужа и сестры отправилась в Гейдельберг. За ними последовала и ревностно стремившаяся к образованию Юлия Лермонтова, родителей которой чета Ковалевских уговорила передать ее под их опеку, а вот родители Анны Евреиновой ни под каким видом не разрешали своей воспитанной в консервативном духе дочери учиться за границей. Этот категорический запрет зародил в Анне даже мысль о самоубийстве. Но Владимир Ковалевский помог ей подготовиться к бегству. В конце 1869 г. Анна Евреинова покинула родительский дом. Без паспорта и всего с несколькими рублями в кармане она нелегально перебралась через границу. Вслед ей стреляли, но она все-таки сумела ускользнуть и пробраться в Гейдельберг к Ковалевским. Позднее мать ездила к дочери в Лейпциг для примирения[11]. Бегство из дома как протест против отмиравших устоев жизни оставался актуальным и в следующем поколении. Раз за разом молодые женщины убегали, обычно с намерением получить образование[12].

Другим путем, который избирали русские женщины, чтобы порвать с традиционной средой, был фиктивный брак. Чернышевский пропагандировал его как средство высвобождения женщины из патриархального родительского дома. Некоторые молодые люди поспешили последовать этому литературному рецепту[13]. В кругах «нигилистической» молодежи распространилось мнение, что реальной основой для сюжета романа послужил брачный союз между другом Чернышевского врачом Петром Ивановичем Боковым и Марией Александровной Обручевой. Этот брак был заключен 20 августа 1861 г., чтобы дать молодой женщине свободу действий и возможность изучать медицину[14].

Венчание единомышленников предпринималось с целью заключения фиктивного брака, чтобы освободить невесту от родительской власти. Дело могло закончиться трагедией, если бы муж оказался обманщиком – после свадьбы не предоставил жене независимости и воспользовался своими супружескими правами[15]. Возникали проблемы и в том случае, когда обвенчавшиеся разъезжались в разные стороны, теряли друг друга из вида, а позднее встречали истинного спутника жизни и желали заключить настоящий брак. В таких случаях развод часто совершался лишь после длительных и дорогостоящих судебных процессов, когда уже успевали подрасти внебрачные дети[16].

О супружеской чете Боковых политическая полиция в 1868 г. доносила, что «нигилизм» в их семье все еще здравствует, что супруги, по-видимому, не вступают в ссоры, делят общую квартиру, но обитают каждый в своей комнате; в повседневной жизни они соблюдают принцип равенства жизненных условий мужчины и женщины при справедливом распределении работы между ними. Полицию настораживало то, что взгляды Боковых у многих встречали сочувствие, поскольку у них часто проходили встречи молодых людей. Поэтому наблюдение за супругами рекомендовалось продолжать[17].

Среди исследователей долгое время преобладало мнение, что жизнь М.А. Боковой послужила Чернышевскому образцом при описании взаимоотношений между героями романа «Что делать?», т. е. Кирсановым и Верой Павловной, поскольку Бокова, являясь замужней женщиной, была тесно связана со своим учителем И.М. Сеченовым. Когда речь заходит о Боковой, Бокове и Сеченове, то предполагается, что в начале 60-х годов они составляли «союз трех» и даже проживали совместно[18]. Однако письма Сеченова Боковой, отправленные им из Парижа в 1862–1863 гг., свидетельствуют о том, что профессор физиологии очень уважал свою ученицу. В своем первом, весьма деловом, письме от 10 октября 1862 г. он высказывал свое мнение о ее офтальмологических исследованиях. Но при этом Сеченов предлагал совместную работу и просил Бокову дать ответ. Письмо он заканчивал приветами мужу, а также подруге Боковой – Надежде Сусловой и подписал «Ваш весьма преданный И. Сеченов». Выражая Боковой свою симпатию, он приложил к письму маленький конверт с высушенными полевыми цветами[19].

Из воспоминаний Сеченова следует, что после возвращения из Парижа в мае 1863 г. он вместе с Марией Боковой занимался переводами научной литературы[20]. И лишь позднее отношения между Боковой и Сеченовым стали более близкими. Осенью 1868 г. Софья Ковалевская в письме к сестре Анне рассказывала, что провела веселый вечер у Марии Боковой, на котором присутствовали также Сеченов и Боков[21]. Вскоре после этого Боков выехал из С.-Петербурга в Москву, где вступил в связь с женой статс-секретаря Измайлова, которая ушла от мужа, упрекая его в деспотизме. Бокова и Сеченов, правда, вплоть до 1876 г. жили раздельно, но были очень близки друг с другом[22]. Петр Боков, расставшись с Марией Александровной, продолжал с ней дружить. Однако Боковой не удалось быстро добиться развода – Священный синод разрешил его только 29 января 1888 г. Через несколько дней, в феврале, Мария Бокова и Иван Сеченов обвенчались[23]. Все эти биографические подробности заставляют признать совершенно невероятным, что Бокова и Сеченов являлись прототипами героев романа «Что делать?» Веры Павловны и Кирсанова; ведь пример Боковой и Сеченова скорее показывает, как трудно было разорвать фиктивный брак, чтобы заключить настоящий.

Фиктивным был брачный союз, заключенный 1868 г. между С.В. Корвин-Круковской и палеонтологом В.О. Ковалевским (1842–1883). Брак был необходим, чтобы Софья могла поступить в высшее учебное заведение. Ковалевский принадлежал к кругам радикально-демократической молодежи, которая посвящала себя науке с «нигилистическим» воодушевлением, и разделял распространенные в них политические убеждения. В 1861 г. он посетил в Лондоне А. Герцена, в 1863 г. поддержал польское восстание, а в 1866 г. поехал в качестве зарубежного корреспондента в Италию к Гарибальди. Сеченов, один из самых близких друзей Ковалевского, высоко оценивал его дарования, духовную активность и творческий интеллект,

но в то же время считал, что он посвящает себя чересчур многим видам деятельности. Впоследствии Ковалевский стал выдающимся переводчиком и издателем, профессором геологии, пользующимся международным авторитетом, и, наконец, предпринимателем[24].

Когда Софья и Анна Корвин-Круковские жили зимой 1867–1868 г. в С.-Петербурге, они были готовы присоединиться к «нигилистическим» молодежным кружкам, о которых многое узнали в Палибино, не в последнюю очередь от их подруги Анны Евреиновой. К этому времени у 17-летней Софьи уже сложились гораздо более конкретные представления о жизни, чем у ее сестры, хотя та и была на шесть лет старше. Софья Корвин-Круковская твердо решила изучать математику и медицину. В отцовском поместье она устроила своего рода больницу для крестьян и мечтала получить высшее образование. Формированию ее взглядов на профессиональную и общественную деятельность способствовал прогрессивный профессор математики Страннолюбский, у которого Софья с 16 лет брала уроки в периоды своего пребывания в Петербурге. Профессор входил в радикально-демократические круги и разделял их требование интенсивного развития народного и женского образования[25].

Через Страннолюбского сестры получили доступ к «нигилистической» среде. С Владимиром Ковалевским Софью Корвин-Круковскую познакомила Мария Бокова. К этому времени энергичная Софья вознамерилась проложить путь к высшему образованию не только себе, но и своим сестрам, имея в виду как Анну Корвин-Круковскую, так и Анну Евреинову. Все трое начали выискивать себе фиктивных супругов. Поскольку Софья уже была известна в петербургских кругах благодаря своему математическому дарованию, один из кружков решил, что ее фиктивным мужем может стать неимущий Иван Григорьевич Рождественский, друг Л.Ф. Пантелеева. Однако генерал Корвин-Круковский отклонил кандидатуру столь недостойного претендента[26]. Наконец Софье все же посчастливилось исполнить свой замысел благодаря предложению В. Ковалевского, сына обрусевшего польского дворянина из Витебской губернии. Софья была так сильно охвачена стремлениями, воспринятыми от «нигилистической» культуры протеста, что проявила коварство и хитрость, вымогая у отца согласие на брак с подысканным женихом (хотя, по мнению ее подруги Елизаветы Литвиновой, отец и так разрешил бы ей учиться за границей). В то время, когда Корвин-Круковские, находясь в Петербурге, принимали высоких гостей, Софья сбежала из дома, оставив отцу записку, что находится без всякого сопровождения в квартире Ковалевского, а вернется к родителям только в том случае, если отец даст разрешение на ее брачный союз. Генерал немедленно удовлетворил эту просьбу, чтобы не компрометировать семью. В тот же вечер чета появилась в доме родителей и была официально представлена гостям[27].

Тем самым молодые люди, исполненные идеальных устремлений, вступили на путь, приведший к трагическому концу. Вплоть до самоубийства Ковалевского в 1883 г. супруги неоднократно переживали тяжелые кризисные ситуации, поскольку после обручения Ковалевский беззаветно полюбил Софью, между тем как она не видела в нем подходящего ей супруга. После периода фактического брака, длившегося с 1874 г. по 1880 г., супруги разошлись, хотя в 1878 г. у них родилась дочь Софья[28]. Развод усилил тяжелое душевное расстройство Ковалевского.

В 1868 г. молодые супруги приняли решение строить свои брачные отношения в точном соответствии с отношениями Веры Павловны и Лопухова, героев романа Чернышевского «Что делать?». Как свидетельствует одно из ранних писем Владимира Ковалевского Софье, он намеревался поставить свою жизнь на прочную теоретическую основу. Он замечал, что им обоим принесет пользу совместная жизнь в духе «рационального эгоизма»: тогда Софья сможет свободно следовать своим интересам, да и он тоже при этом будет стремиться к достижению намеченных целей[29]. Однако после знакомства с Софьей Корвин-Круковской цели Ковалевского изменились. Ее научные интересы настолько импонировали ему, что он начал заниматься собственным образованием в ущерб даже своей издательской деятельности. В мае 1868 г. он писал о Софье своему брату Александру следующее:

Я со всею своею опытностью в жизни, с начитанностью и натертостью не могу и в половину так быстро схватывать и разбирать разные политические и экономические вопросы, как она. <...> Я думаю, что эта встреча сделает из меня порядочного человека, что я брошу издательство и стану заниматься, хотя не могу скрывать от себя, что это натура в тысячу раз лучше, умнее и талантливее меня. Об прилежании я уже и не говорю, как говорят, сидит в деревне по 12 часов, не разгибая спины, и, насколько я видел здесь, способна работать так, как я и понятия не имею[30].

В роли «невесты», а затем и «молодой жены» Софья чувствовала себя счастливой. С Владимиром Ковалевским она общалась как с братом, да и обращалась к нему по-сестрински. Ее письма к нему полны выражения благодарности, в том числе и потому, что он согласился содействовать ее планам «освобождения» сестры Анны, а также Анны Евреиновой[31].

Когда Софья после свадьбы в сентябре 1868 г. уехала с Ковалевским в С.-Петербург, она ощущала себя свободной «для начала хорошей трудолюбивой жизни, о которой мы мечтали все эти годы»[32]. Об этом она писала Анне, из этого же письма видно, что Мария Бокова помогла молодоженам в обустройстве общей квартиры. Поскольку Ковалевские планировали уехать в Гейдельберг, квартиру предполагалось передать в распоряжение Надежды Сусловой. Кроме того, Софья Ковалевская сообщает в том же письме, что ее дядя П.И. Боков и В. Ковалевский водили ее на лекции Сеченова, правда, через черный ход, чтобы не привлекать внимания[33]. Вскоре чета Ковалевских задумала сделать холостого Сеченова фиктивным супругом Анны Корвин-Круковской. Но этот план осуществить не удалось из-за возражений Марии Боковой[34]. До этого Анна Евреинова хлопотала о том, чтобы войти в контакт со студентом и публицистом Петром Ткачевым. Его ультрарадикальные взгляды были ей не по душе, но в женском вопросе она эти взгляды разделяла. Впрочем, оказать ей помощь в «освобождении» ему не было суждено, так как он был арестован за революционную деятельность, после чего для Анны путь ухода из родительского дома с помощью фиктивного брака был закрыт[35].

В провинции молодые женщины также уклонялись от традиционного жизненного пути с помощью избранного ими самими супруга. В этих случаях принять на себя роль «освободителя» брались, как правило, студенты. В июле 1863 г. начальник губернской канцелярии в Петрозаводске с сожалением доносил: «Давно уже не встречал я столь глубокого неуваже-

ния ко всему тому, что для нас свято с самого раннего детства. Содействие, которое оказывали к заключению подобных браков многие молодые люди, показывает, сколь глубокие корни пустило учение Чернышевского и ему подобных в молодом поколении»[36]. Чиновник возмущался тем, что 19-летняя дочь полковника Фелькнера Элеонора вылезла ночью через окно родительского дома и по собственному желанию была препровождена в церковь села Машеозеро. Там она в три часа утра тайно обвенчалась с неким молодым лейтенантом. Вернувшись на следующий день в Петрозаводск, молодожены нашли приют у почтмейстера. Когда отец Элеоноры был об этом оповещен начальником канцелярии, то пришел в бешенство и долго не поддавался уговорам уладить дело без применения силы. В конечном итоге он простил дочь, согласился принять ее замужество и поддерживал Элеонору деньгами. Но перед ее отъездом из Петрозаводска он ни за что не пожелал с ней встретиться. Отчет об этом деле содержит ценное свидетельство о существовании культуры протеста в провинции. Ведь на свадьбе, как указывает канцелярист, собрались «многие представители петрозаводского общества»[37].

Поступив в заграничный университет, студентки устраивали новую жизнь по возможности совместно. Софья Ковалевская в 1869 г. организовала в своей гейдельбергской квартире студенческую общину, чтобы давать приют последовавшим за ней русским женщинам. Здесь сошлись Юлия Лермонтова, Анна Евреинова, ее сестра Ольга, Анна Корвин-Круковская и Наталья Александровна Армфельдт (в замужестве Комова, ок. 1850–1887). Часто возникали споры о том, как женщине лучше сочетать личную жизнь с занятиями в учебном заведении и профессиональной деятельностью. Различные мнения высказывались и о фиктивном браке. Софья Ковалевская, например, жила с В.О. Ковалевским в товарищеском согласии, как сестра с братом. По мнению Анны Корвин-Круковской и Анны Евреиновой, Софья тем самым позволяла себе недопустимые проявления эмоциональности в отношениях с Владимиром. Под влиянием сестры и подруги Софье пришлось установить более прохладные отношения с фиктивным мужем[38].

Возникали между женщинами разногласия и по вопросу о том, как следовало бы определять свою будущую функцию в обществе. Студентки ощущали в себе призвание выступать первопроходцами. У Софьи Ковалевской, Юлии Лермонтовой и Анны Евреиновой не было сомнений в том, что их призванием является наука. В более поздние годы Софья Ковалевская даже сожалела о том, что не принимала активного участия в политике, а ограничивалась научной работой, хотя к русской аристократии она всегда относилась весьма критично[39]. Особенно явно она выражала сожаления по этому поводу в общении со своим другом, немецким социал-демократом Георгом фон Фолльмаром, которому писала:

> Вообще я замечаю, что являю собой страшно одностороннюю натуру и не могу делать два дела одновременно. Как только я на какое-то время начинаю общаться с окружающими людьми, так сразу же позволяю себе отвлекаться от работы ради удовлетворения всевозможных прочих интересов, а если уж тружусь, то все прочее перестает для меня существовать, и я становлюсь совершенно непригодным созданием для всего остального мира[40].

Эта самооценка в течение всей жизни оставалась для Софьи неизменной, как и ее увлечение научной работой. О своих математических исследованиях она писала:

> Самым прекрасным моментом работы является, видимо, тот, когда в уме выстраивается искомая теория и когда есть возможность изложить необходимые предположения в их математической форме. Но позднее в голову приходят всякие разветвленные размышления и дополнительные соображения, которые обычно требуют большой выдержки и нередко отравляют жизнь математиков. Однако какое удовлетворение ощущаешь зато к концу, когда все предсказанное и, так сказать, отгаданное действительно подтверждается строгим математическим расчетом, а нередко и новыми обобщениями. Но если это и не происходит, то все же остается то утешение, что ты всякий раз определяешь точную причину того, почему сделанное, казалось бы, вполне логичное предположение, оказалось несостоятельным; в большинстве же других наук такое бывает лишь в редких случаях[41].

В отличие от Софьи Ковалевской Наталья Армфельдт и Анна Корвин-Круковская все больше ощущали свою связь с революционным движением. Наталья Армфельдт через короткое время бросила изучение математики, вернулась в Россию и присоединилась к народническому кружку чайковцев. Проводившаяся ею в начале 70-х годов политическая пропаганда революционных целей неоднократно являлась причиной ее арестов. Умерла Наталья в 1887 г. в Сибири от чахотки[42]. Анна Корвин-Круковская в период ее годичного пребывания в Швейцарии (с осени 1866 до осени 1867 г.) испытывала симпатии к революционному движению, особенно к политическим взглядам М. Бакунина. В 1869 г. она поселилась в Париже, где искала контакты с социалистическими кругами и подружилась с последователем Огюста Бланки и членом правительства Парижской коммуны Виктором Жакларом[43]. К удивлению ее сестры Софьи Ковалевской, Анна, жившая в среде французских социалистов, все дальше отходила от «нигилистического» образа жизни, все больше подчиняясь Жаклару. В 1871 г. она вышла за него замуж и нашла свое счастье в тесном семейном кругу. Софье казалось почти предательством, что Анна отказалась от своей мечты об активной общественно-политической деятельности ради того, что она сама еще не так давно презирала, называя «тиранией любви»[44].

Местом возникновения новых обществ русских студентов стал прежде всего швейцарский университетский город Цюрих. Надежда Суслова в 1865 г. отправилась туда одна для поступления в университет. Защитив в декабре 1867 г. диссертацию, она тем самым продемонстрировала русскому движению за образование женщин отличный пример, которому последовали многие женщины. Во время зимнего семестра 1869/70 уч. г. из 14 студенток русских было 7, а в 1872 г. из 63 женщин, обучавшихся в университете, 54 прибыли из Российской империи. В 1873 г. из 141 студентки русских было 100, причем общее число учащихся обоего пола составило 439. Причиной такого быстрого роста числа студентов были особенно благоприятные условия приема. От иностранцев не требовалось предъявление аттестата зрелости, для зачисления не нужно было сдавать вступительные экзамены. Необходимо было лишь предъявить свидетельства о благонравии и о предварительном обучении[45]. Прибывшие из России составляли

тесно сплоченную колонию, расположенную в районах Platte и Оберштрасс, где они придерживались своего «нигилистического» стиля жизни, к которому соседи относились терпимо[46]. У людей нерусского происхождения создавалось крайне странное впечатление от того, как эти студенты, и особенно студентки, одевались и как они себя вели. Немка Ф. Тибуртиус, приехавшая в Цюрих в 1871 г. изучать медицину, описывала русскую среду так:

> Комната средней величины, четыре молодых, несколько экзотично выглядящих женских существа вокруг стоящего в середине стола; на столе череп, открытый анатомический атлас, огромный кипящий самовар, в котором достаточно воды для бесконечного чаепития; чашки, фруктовое варенье, которое каждый русский охотно употребляет с чаем; пепельницы, пачки с папиросами, табачные кисеты; в углу софы мирно покоится половина скелета, грудная клетка, кости таза, которым приходится терпеть постоянные перемещения – в зависимости от того, какое их расположение больше подходит другим присутствующим, то есть живым людям, также использующим софу и приступающим к очередному часу чаепития[47].

В харчевне «Фрауэнфельд», где для русского студенчества была забронирована комната, Франциске Тибуртиус пришлось наблюдать удивительную картину:

> За столом сидело загадочное создание, чье естественно-историческое происхождение мне в первый момент было абсолютно непонятно: круглая мальчишеская голова, волосы, зачесанные на косой пробор и коротко остриженные, огромные синие очки, совсем молодое лицо с нежным румянцем, темная куртка из толстого сукна, во рту дымящаяся папироса, словом, все внешние атрибуты, свойственные юноше, – и все же было в нем нечто, несозвучное образу представителя мужского пола, которому, видимо, стремилось уподобиться это существо. Я украдкой заглянула под стол и увидела светлую, полинявшую ситцевую юбку! Существо не обращало на меня ни малейшего внимания и сидело, углубившись в чтение толстенной книги, а в короткие паузы с удивительной ловкостью и скоростью вытаскивало из кисета табак, накладывало его на кусочек тонкой бумаги и закручивало папиросы, выкуривая каждую всего за несколько затяжек[48].

Этот эпизод описывает встречу немецкой студентки с Ольгой Спиридоновной Любатович, дочерью московского фабриканта[49]. Жители Цюриха называли русских девиц казачьими лошадками; их число здесь все возрастало, и они ощущали себя в своей среде. Жили они по собственным обычаям, не обращая внимания на местное население. Даже прогрессивный Ф. Эрисман с раздражением писал Надежде Сусловой, что вновь и вновь приезжают молодые девушки в коротких юбках и круглых соломенных шляпах, посещают университет и в кратчайшие сроки интегрируются в русскую колонию[50].

Впрочем, здесь, как и в России, «нигилистический» стиль жизни вовсе не ограничивался внешностью. В русской среде существовали самостоятельно созданная прекрасная библиотека, столовая и касса взаимопомощи для многих учащихся, которым едва хватало средств на самое скромное существование. Русские студенты были фантастически усердны в получении образования. Стремление к накоплению новых знаний развивалось параллельно с растущей политизацией большей части студенчества

и все более заметным противостоянием между сторонниками двух эмигрантов-революционеров – Лаврова и Бакунина[51].

Вера Фигнер в «Автобиографии» рассказывает о том, как приехавшие из России учиться женщины сходились в кружки и что именно их при этом занимало. Ее воспоминания о Цюрихе являются одновременно и подтверждением наблюдений Евгении Шлыковой, свидетельствующих о том, что женщины постепенно разделились на две группы, одна из которых состояла из защитниц женских прав, а другая из революционерок[52]. В течение первых шести семестров прохождения курса по медицине Вера Фигнер еще в полной мере поддерживала русское движение за женское образование и с головой погружалась в учебу. Затем она вступила в женскую корпорацию, инициатива создания которой принадлежала студентке Анне Моисеевне Розенштейн (псевдоним Кулищова – Kuliscioff, 1854–1925), дочери еврейского купца из Симферополя; Розенштейн объединила в этот союз 50 женщин. Ее целью было обучение женщин умению выступать перед обществом и обретение уверенности при участии в дискуссиях, так как в присутствии мужчин студентки не решались брать слово, что подтверждалось опытом проведения совместных собраний[53]. Эта корпорация продержалась всего несколько недель. Когда же Вера Фигнер вторично присоединилась к одному из женских обществ, то это было связано с заранее принятым решением заняться не только проблемами женских прав, но и революционными идеями. Фигнер приняла участие в работе кружка «Фритчи» (Fritschi), в который входили также ее сестра Лидия, сестры Ольга и Вера Любатович, Софья Бардина, Берта Каминская, три сестры Евгения, Мария и Надежда Субботины, а позднее и другие русские студентки. Женщины намеревались, занимаясь по интенсивной программе, изучать историю социалистических теорий, народных движений, революций, а сверх того заниматься политической экономией и современным рабочим движением. Все названные женщины из этого кружка в дальнейшем продолжили революционную деятельность. Влияние новой политической ориентации было настолько сильным, что Вера Фигнер уже через год разошлась со своим мужем, который также учился в Цюрихе и был человеком политически умеренным. Вместе с другими студентками кружка «Фритчи» она пришла к убеждению, что будущая профессиональная деятельность – это всего лишь филантропия. Но женщины больше не хотели «лечить симптомы», они стремились вырвать социальные корни «болезни» революционным путем[54].

Царским указом от 21 мая 1873 г. (по старому стилю) русские женщины изгонялись из Цюриха. Студенткам предъявлялось обвинение в антигосударственной деятельности и недопустимых нравственных прегрешениях и сообщалось, что те из них, кто продолжит свое образование в Цюрихе после 1 января 1874 г., потеряют право на допуск к государственным экзаменам и к профессиональной деятельности в государственных учреждениях России[55]. Вследствие этого почти все русские студентки покинули Цюрих. Они вернулись на родину или поступили в другие университеты. Члены общества «Фритчи» сначала решили продолжать университетское образование. Однако под влиянием Бакунина члены кружка вскоре отдали предпочтение деятельности в сфере революционной пропаганды. Последней из участниц кружка вернулась в Россию в 1875 г. Вера

Фигнер – незадолго до завершения образования в Берне. В результате внутренней борьбы она решила пожертвовать своими личными интересами и посвятить себя революционной деятельности. Когда она вернулась в Россию, все бывшие члены «Фритчи», развернувшие до этого агитацию в России, были арестованы за антиправительственную деятельность[56]. В 1876 г. Вера Фигнер стала членом народнической организации «Земля и воля»; в 1879 г. она присоединилась к террористической «Народной воле» и была избрана в состав ее исполнительного комитета. После того как эта организация 1 марта 1881 г. (по старому стилю) организовала убийство царя Александра II, арест Веры Фигнер был лишь делом времени. Ее схватили в начале 1883 г. и приговорили к смертной казни, которую заменили 20 годами заключения со строгой изоляцией. После революции 1905 г. Вера Фигнер занималась в основном общественно-политической деятельностью и поддерживала женское движение[57].

До сих пор в исторических исследованиях наблюдалась тенденция рассматривать женское и революционное движения как единое целое. «Нигилистическое» движение толковалось как предварительная ступень революционной деятельности, а революционное движение – только из-за участия в нем женщин – как движение за женские права[58]. Однако исследования о революционерках первого поколения показали, что они сознательно уходили от проблем женских прав, чтобы обратиться к «основной» проблеме, а именно к решению социально-экономических противоречий в интересах рабочих и крестьян[59]. Тем самым женщины переходили из одного движения в другое – из социального движения, целью которого была эмансипация женщины и изменение отношений между полами, в революционно-освободительное движение, которое требовало принести себя в жертву делу и ни в коем случае не привносить в свои действия «частных интересов» другого плана. Классовые противоречия уже тогда считались главными, а противоречия между полами – второстепенными[60].

Совершенно иными мотивами руководствовались «нигилистки» из движения за женское образование, например, Надежда Суслова и Софья Ковалевская. Для них на первом месте стояло самоосуществление (реализация собственного «я») в соответствии с понятием о новой женщине. Русские женщины, устремившиеся для получения образования за границу, обычно прежде всего старались следовать за этими зачинательницами женского движения и разделяли их взгляды на жизнь, развившиеся в «нигилистической» среде России. Примеры Анны Корвин-Круковской (Жаклар) или Веры Фигнер показывают, как самосознание, пробуждавшее стремление быть «прогрессивными», при определенных обстоятельствах приводило к решению полностью посвятить себя политической борьбе за освобождение угнетенных классов. Исследователи всегда подчеркивали высокую долю участия женщин в революционных группировках. В народническом кружке чайковцев эта доля составляла около 20%. Столько же – около 20% – составляли женщины среди лиц, преследовавшихся в 70-е годы за антиправительственную деятельность; в исполнительном комитете «Народной воли» численностью 28 членов было 10 женщин[61]. Но все же лишь немногие из движения за женскую эмансипацию переходили в революционное подполье, хотя женщины, обучавшиеся в университетах, часто сохраняли общественно-критическую позицию. Даже с начала 60-х годов, когда жен-

щинам были предоставлены новые возможности для образования и профессионального труда, они продолжали считать себя изгоями. Чаще всего правительство поручало органам городского и сельского самоуправления или частным лицам обеспечить женщинам рабочие места в учебных или других заведениях, между тем отдавая предпочтение мужчинам в получении образования и устройстве на работу. Недоступным для женщин оставался и тот уровень оплаты труда, который предоставлялся мужчинам[62].

Когда в 1872 г. были открыты женские курсы при Медико-хирургической академии С.-Петербурга, подчиненной военному министерству, студенток поставили под строжайший надзор[63]. Чтобы обеспечить их политическую лояльность, было решено принимать в академию женщин только старше 20 лет с согласия родителей или мужа; курсистки обязывались носить прическу с сеткой для волос и аккуратно одеваться. Подавляющее большинство курсисток подчинились этим требованиям, хотя и преодолевая внутреннее сопротивление, поскольку они не желали быть отчисленными или тем более спровоцировать закрытие курсов[64]. И все-таки в 70-е годы, согласно документам политической полиции, около 10% студенток-медичек находились во время наивысшего подъема народнического движения в контакте с революционными силами, хотя на самих женских курсах даже в периоды студенческих волнений царило спокойствие[65]. Даже разделяя требования коллег по академии о предоставлении большей свободы, они ставили возможность продолжения обучения выше открытой поддержки; такого образа поведения они продолжали придерживаться и впоследствии, выполняя профессиональную работу[66].

Чрезвычайно трудные условия жизни студенток нередко препятствовали их социальной интеграции. Вплоть до конца существования царской империи женские курсы не получали поддержки от государства. Финансировали же высшее женское образование своими пожертвованиями и средствами на обучение частные благотворительные организации. Только с 1911/12 уч. г. Министерство народного просвещения России выделило на высшее женское образование 3% своего бюджета[67]. Многие студентки жили в нужде. Проведенное в 1909 г. исследование показало, что 22% слушательниц Высших женских курсов в С.-Петербурге не могли позволить себе регулярно питаться; на Политехнических женских курсах страдали от хронического недоедания 33% учащихся[68]. Поэтому не случайно со времени введения высшего женского образования в России именно курсистки составляли подрастающее поколение деятельниц организованного женского движения. Предпосылкой для достижения самостоятельности женщинами, желавшими войти в состав интеллигенции, являлось осознание ими их положения изгоев в обществе. Это осознание редко исчезало и в процессе обучения. Женщины объединялись в общества соответственно своим интересам, чтобы помогать друг другу и одновременно бороться за политические реформы с целью достижения равенства в обществе.

2
Социально-экономические проблемы женского труда в России

Каким бы образом ни включались женщины в движение за женскую эмансипацию, переход к изменению образа жизни всегда был тесно связан со стремлением к экономической независимости. Приведенные нами биографические примеры показывают, что женщины из высших кругов общества (Трубникова, Конради, Цебрикова, Водовозова, Калмыкова или Ковалевская) соприкасались с женщинами из низших слоев (Алчевская, Кашеварова-Руднева и Суслова) там, где была возможность найти приемлемую работу. Женщины стремились к тому, чтобы на основе профессиональной деятельности обеспечить себе достойное материальное существование и одновременно внести собственную лепту в просвещение общества в самом широком смысле этого понятия. Стремление влиять на общественно-политическую жизнь путем профессиональной деятельности было составной частью их политического сознания.

Даже после того как в конце 60-х годов ввиду усилившихся репрессий со стороны государства смелые ожидания радикально-демократической молодежи на быстрые общественные перемены, на «свободу, равенство и справедливость» не оправдались, многие ее представители остались верны идеям реформ. Какими бы скромными ни казались возможности быть полезным обществу, особенно в рамках местного самоуправления, и как бы низко ни оплачивался этот умственный труд, все же значительная часть прогрессивной интеллигенции продолжала придерживаться убеждения в необходимости обновления русской жизни в самой ее основе путем плодотворного труда[1].

Из 12 женщин, чьи биографии здесь рассматриваются наиболее подробно, одиннадцати раньше или позже удалось сочетать идеалистический образ мышления с заработком. Только Александра Калмыкова была материально обеспечена благодаря замужеству. Когда ее муж, который был сенатором, в 1889 г., скончался, она как вдова стала получать высокую пенсию и начала финансировать книжную торговлю[2]. Пять женщин, принявших решение не выходить замуж исключительно из материальных соображений, были вынуждены заниматься профессиональной деятельностью. Варвара Кашеварова-Руднева, Надежда Суслова, Мария Трубникова, а также Евгения Конради в результате супружеских конфликтов расстались со своими мужьями и потому были вынуждены сами зарабатывать себе на жизнь[3]. Ушла от мужа и Софья Ковалевская; он, правда, продолжал материально поддерживать ее вплоть до своей смерти, но поскольку он занимался разорительными финансовыми спекуляциями, растратив при этом и приданое жены, Ковалевская в 1883 г. в положении вдовы должна была сама обеспечивать себя и свою дочь[4]. Муж Елизаветы Водовозовой по политическим причинам потерял место учителя гимназии, и ей пришлось самой кормить семью, состоявшую к тому времени из четырех человек. По сведениям полиции, эта супружеская чета позволяла себе слишком много свободы, вращаясь в «нигилистической» среде[5]. Христина Алчевская в Харькове ради содержания семьи занималась чайной торговлей, что позволяло ей не в последнюю очередь финансировать и свою независимую

педагогическую деятельность[6]. А Мария Цебрикова приняла решение в одиночку реализовать свои представления о независимой жизни[7].

Революционерки же сознательно бросали учебу в университетах или квалифицированную трудовую деятельность, чтобы приступить к революционной агитации, занимаясь «близкими к народу» видами труда. Вера Фигнер работала фельдшерицей и акушеркой, Екатерина Брешко-Брешковская – маляром и дубильщицей; Анна Корвин-Круковская по финансовым соображениям поступила на работу наборщицей в типографию, когда, живя в Париже, вошла в круги социалистов[8]. По различным причинам 11 из 12 выбранных нами женщин самостоятельно зарабатывали себе на жизнь.

В целом движение за женскую эмансипацию показывает, что импульсом для занятия высокопрофессиональной деятельностью оказывалось в первую очередь не материальное положение женщин в родительском доме или в браке, а их ментальная трансформация. В поисках самоопределения и перехода в общество, связанное с радикально-демократической культурой противодействия, женщины принимали решение строить свою жизнь на основе новой системы ценностей и расширять радиус своих действий за пределами традиционных семейных границ, среди широкой общественности[9]. Такие женщины, добиваясь экономической независимости, устремились на рынок труда, который в 60-е годы только начинал разворачиваться. Поскольку в эпоху великих реформ было организовано земское самоуправление, на которое возложили обустройство инфраструктуры, социальное обеспечение и здравоохранение, муниципальное и хозяйственное развитие и начальное школьное просвещение, то в перспективе квалифицированные кадры требовались прежде всего в этих сферах.

Однако искавшие работу женщины получали преимущественно домашнее воспитание и поэтому редко имели профессиональную специальную подготовку. Если даже они получали аттестат об окончании школы, то это позволяло заниматься лишь педагогической деятельностью. Евгении Бочечкаровой (Конради) удалось благодаря солидному домашнему воспитанию найти себе работу воспитательницы и преподавательницы английского языка в государственном пансионе для девиц[10]. Как и многие другие, Надежда Суслова, окончив женский пансион, получила диплом домашней учительницы[11]. Александра Чернова (Калмыкова) после годичного дополнительного курса в одной из первых женских гимназий получила диплом учительницы[12]. Ученицы пользовались тем, что с 30-х годов в учебных заведениях императрицы Марии были организованы педагогические классы, готовившие к профессии гувернантки. С начала 50-х годов девочки могли получать выпускные дипломы, дававшие право работать домашней учительницей. Педагогические классы организовывались с 1859 г. в женских гимназиях. С 1868 г. и духовные училища давали возможность получения такой квалификации. Наконец, с 1870 г. выпускницам педагогического класса гимназий Министерства народного просвещения предоставлялось право занимать должность учительниц начальных классов[13].

К этому времени общественные дискуссии о женском образовании уже привели к выводу, что деятельность гувернантки не открывает профессиональных перспектив на будущее. Елизавета Водовозова во всех деталях описала неудовлетворительный педагогический уровень русских гувернанток, их зависимость от работодателя и связанный с этим низкий социаль-

ный статус[14]. Медленное становление местного и государственного образовательного дела не могло на первом этапе удовлетворить спрос женщин на рабочие места. Такая же картина наблюдалась в городских семьях, в которых молодые женщины искали себе места частных учительниц. При этом они вступали в острую конкуренцию с растущим числом студентов из семей низкого достатка, стремившихся найти выход из трудного материального положения в преподавательской деятельности. Ограниченной была и возможность заработать на жизнь трудом низшей квалификации. Еще до освобождения крестьян в результате притока в города отпущенных крепостных массы незамужних женщин искали работу. Те из них, которые были внесены в налоговых списках в графу «мещанство», способствовали тому, что в С.-Петербурге в 1856 г. 65% мещанского слоя составляли женщины, а 42% из них жили без семьи[15]. По мере усиления урбанизации и индустриализации проявилась тенденция к выравниванию доли женского и мужского населения[16]. Согласно статистике заключения браков в С.-Петербурге постоянно увеличивалось число незамужних женщин. Этот факт весьма симптоматичен для экономического развития города, поскольку в его среде появлялось большое число женщин, искавших работу[17].

В середине 60-х годов известный историк, публицист и писатель Е.П. Карнович сделал вывод, что государству требуется срочно заняться проблемой женского труда. В своем новаторском исследовании «О развитии женского труда в Петербурге» 1865 г. он впервые на примере С.-Петербурга, т. е. наиболее быстро растущего города Российской империи, привел все доступные данные о спросе и предложении в сфере женского труда. Опираясь на официальные статистические данные и собственные дополнительные изыскания, Карнович показал, что в 1865 г. население столицы составляло около 539 000 человек, в числе которых было 318 000 мужчин и 221 415 женщин. Сравнительные показатели на 1860 г. свидетельствовали, что за пять лет число женщин возросло приблизительно на 45 000, а число мужчин осталось прежним[18]. По подсчетам автора в С.-Петербурге в рассматриваемый период жило около 100 тыс. женщин, которым приходилось самостоятельно зарабатывать себе на жизнь[19]. Этой цифре Карнович противопоставлял число женщин, имевших работу. Разительный недостаток промышленных предприятий Карнович прежде всего объяснял низкой развитостью рыночных отношений и вытекающим отсюда отсутствием массовой покупательной способности[20]. В середине 60-х годов тот же автор насчитал в С.-Петербурге всего 377 заводов и фабрик, на которых работали в целом 20 861 человек, в том числе 3 475 женщин. Женщины трудились главным образом на предприятиях по производству бумаги, табачных изделий, в текстильной и резиновой промышленности – везде в катастрофически опасных для здоровья условиях труда. Из упомянутых предприятий 24, то есть около 6%, принадлежали женщинам, владевшим преимущественно фабриками легкой и пищевой промышленности[21]. В ремесленном производстве Петербурга были заняты всего 43 884 человека, из них 4 713 женщин, т. е. около 1%, в их числе было 1 469 мастеров, 1 737 подмастерьев и 1 507 учениц. Они работали прежде всего на предприятиях по изготовлению дамских головных уборов, белья, изделий с золотым шитьем и корсетов. Совместно с мужчинами женщины трудились преимущественно в пошивочных мастерских и в мастерских по производству обуви и мужских

головных уборов[22]. Доля горничных среди работавших женщин в 1869 г. составляла 42,4 %. Многие женщины перебивались случайными заказами – шитьем, вязанием и вышиванием, однако они оплачивались настолько низко, что полученных средств едва хватало на поддержание жизни. О материальной нужде свидетельствовало быстро увеличивавшееся число проституток[23]. В торговле женщины участвовали еще меньше, чем в ремесле. Обычно можно было их встретить лишь в кондитерских и салонах мод. Однако эта картина обманчива. На деле в двух первых купеческих гильдиях в С.-Петербурге, торговавших дамскими аксессуарами, свечами, табаком, железоскобяными изделиями, рогатым скотом и алкоголем, числились 220 женщин. Правда, из 18 женщин, возглавлявших первоклассные фирмы по торговле модной одеждой, 17 были иностранками. Но выдерживать сильную конкуренцию с представителями зарубежья русским женщинам приходилось не только в этой сфере[24].

Карнович с помощью приведенных им данных показал, что массе женщин, устремившихся в С.-Петербург на поиски работы, грозит полное обнищание. Усугубляло положение то обстоятельство, что и женщины привилегированных слоев во все возрастающем количестве занимались поисками работы. Рабочие места, требовавшие высокой квалификации сотрудников, предоставлялись женщинам прежде всего в профессиях, связанных с искусством; но в театрах, например, предпочитали нанимать иностранок. Сфера культурных развлечений была в целом развита недостаточно, да и занятые в ней женщины пользовались сомнительной репутацией. Поэтому те 838 женщин, которым удалось к 1869 г. получить работу в петербургских женских школах, могли считать, что им улыбнулось счастье[25].

Карнович заключал свои изыскания решительным заявлением о необходимости развития квалифицированного женского труда. Он подчеркивал, что на основании представленных данных можно утверждать, что предрассудки консервативных представителей патриархальных порядков, при которых женщине предоставляется только роль руководительницы домашнего хозяйства, доведены до абсурда. Поскольку тысячи женщин не хотят ограничиваться сидением около теплой печки, то следует приветствовать их стремление к образованию и высококвалифицированной деятельности. Как прогрессивное явление оценивал Карнович тот факт, что в отдельных петербургских редакциях появились женщины, работающие публицистками и переводчицами, а иногда даже и обеспечивающие себя заработком от литературной работы[26].

Действительно, в ходе расширения журнального и книжного рынка у женщин появлялись новые источники профессионального труда. В 1869 г. в С.-Петербурге 302 человека занимались писательской, переводческой, журналистской и издательской деятельностью, и 40 из них были женщины[27]. Начиная с 60-х годов женщины входили в штаты типографий и контор частных предприятий. Так, в 1863 г. на железной дороге появилась первая женщина-кассир[28]. В 1864 г. в правительстве обсуждался вопрос о том, можно ли использовать женщин и на государственной службе. После проведения испытаний телеграфисток в Финляндии в 1865 г. последовало распоряжение допустить женщин к работе телеграфистами на всей территории Российской империи. В апреле 1866 г. приняли на службу первую чиновницу – М.Н. Глаголеву, которая проработала на этом посту 35 лет[29].

Впрочем, это было лишь исключением из правил. Вплоть до XX в. женщинам был закрыт доступ на государственную службу, хотя их и допускали к работе на телеграфе, в почтовом ведомстве и в воспитательной сфере. При этом, однако, их труд оплачивался ниже, чем труд мужчин, и им не предоставлялись связанные со статусом чиновника привилегии, возможности повышения служебного положения и чина, денежные вознаграждения и т. п.[30]

В 1865 г. женщинам с согласия местных органов самоуправления разрешили работать преподавательницами, а годом позже стали принимать женщин на работу в земства, поскольку в условиях дефицита специалистов возникали трудности при обеспечении этих органов личным составом. С этого времени земства отвечали не только за создание школ, но и за обучение учителей и учительниц на педагогических курсах. Недоставало кадров и на государственной службе, ввиду чего женщин начали привлекать к работе в конторах. Но этой «самодеятельности» правительство в 1871 г. решительно положило конец, усмотрев угрозу общественной морали в том, что женщины порывали с предназначенными им ролями и выбирали мужские профессии. В соответствии с таким подходом государственная служба была для женщин ограничена школьной сферой. Кроме того, им разрешалось занимать должности акушерок, медицинских сестер, фельдшериц, оспопрививательниц и телеграфисток[31].

Образованные женщины, устремлявшиеся на рынок рабочей силы, содействовали формированию движения женской эмансипации в том плане, что желали изменить господствовавшие представления о роли женщин в обществе своим участием в высокоинтеллектуальных профессиях. Спонтанному движению женщин к новой жизни предстояло вскоре оказать воздействие на формирование нового сознания, поскольку известия о профессиональных успехах побуждали все больше женщин, еще живших в традиционных семейных условиях, искать своего счастья, основанного на трудовой деятельности и собственной ответственности. Спустя примерно 50 лет одна из основательниц организованного женского движения, А.П. Философова, заявляла, однако, что тогдашний русский феминизм переживал свое становление не только в области профессионализации и что прежде всего это движение было направлено на коренное изменение представлений о ценностях и распределении ролей в обществе[32]. В 1912 г. она подчеркивала: если даже феминизм в данный момент наталкивается кое-где на отрицательное отношение, все равно его следует воспринимать как «общечеловеческое культурное движение», интегрирующее женщин в общественную жизнь. Женское движение добилось того, что в 1912 г. образованные женщины продвигали дело культурного прогресса в обществе наряду с мужчинами. Женщины России активно следовали примеру зачинательниц женского движения Сусловой и Ковалевской. «На наших глазах выросла средняя женщина, которая в короткое время внесла всюду культурный элемент...»[33]

Разумеется, Анна Философова исходила из того, что такие женщины, как Надежда Суслова или Софья Ковалевская, должны быть причислены к основательницам русского движения за женскую эмансипацию, даже если они не играли решающей роли в его организации. Ведь Суслова и другие зачинательницы профессиональной квалификации женщин заложили

основы нового понимания роли женщины в обществе. Таким образом, во-первых, неоспорима заслуга передовых деятельниц женской интеллигенции, в том числе и Философовой, в организации движения за женскую эмансипацию. Во-вторых, Философова могла констатировать, что в России росло число квалифицированных и общественно активных женщин. В начале XX в. редакция женского ежегодника «Первый женский календарь» с явным удовлетворением сообщала, что отношение общества к женщинам за последнее время сильно изменилось: произошло нечто уникальное – женщинам вопреки господствующему мнению удалось добиться признания в сфере квалифицированного профессионального труда[34]. Эмансипированная в профессиональной среде женщина в начале XX в. была, с одной стороны, в какой-то мере все еще явлением новым, но с другой – она уже стала фактором общественного сознания:

> С эпохи шестидесятых годов между появившимися так называемыми «новыми людьми» заняла принадлежащее ей место и «новая женщина». Стремление к самостоятельности и самодеятельности, проявившееся во всем обществе, и на ней отразилось весьма ярко и определенно. При этом нежная и прекрасная половина рода человеческого, как называли ее прежде, оказалась, как мы увидим, не только нежной и прекрасной, но и более настойчивой и практичной, нежели мужчины. Так, по крайней мере, мы должны заключить из тех успехов, с которыми женщины достигли и еще стремятся достигать своих целей[35].

Хотя женская профессиональная деятельность стала уже явлением повседневным, а женщин следовало причислять к основополагающим элементам профессионально трудящейся интеллигенции, положительная оценка М.В. Авдеева, пораженного таким результатом, включала и некоторую ее идеализацию. Вопреки традиционным представлениям о неполноценности женского пола Авдеев приписал ему признаки характерного для этого пола превосходства.

3
Первый опыт работы женщин в новых профессиональных областях

Растущая интеграция женщин в профессионально-трудовую сферу общества несомненно является фактором социально-экономической модернизации. Впрочем, соглашаясь с Линдой Эдмондсон, мы должны одновременно подчеркнуть, что этот процесс во всех промышленных странах протекал отнюдь не в одинаковой форме. В России длительное влияние женского движения на общество привело к тому, что перелом в сфере женского образования и профессионализации[1] начался в 60-е годы, одновременно с великими реформами и, следовательно, еще до индустриализации, и проходил он в специфических, передовых по европейским меркам формах[2]. Выдающейся деятельницей женского движения, очень рано начавшей ратовать за развитие иных форм женского труда, была Мария Васильевна Трубникова. Она относилась к той группе женщин, которые вступили на литературное поприще, следуя своим интеллектуальным запросам. Вместе с сестрой Верой Васильевной Ивашевой (в замужестве Черкесовой) она

помогала в работе своему мужу Трубникову, когда он с 1857 по 1874 г. издавал либеральную еженедельную газету, которая до 1861 г. называлась «Журнал для акционеров», а затем стала выходить под названием «Биржевые ведомости». Обе женщины сотрудничали в общественно-политической рубрике этой газеты, переводя и редактируя статьи. Вскоре Мария Трубникова приняла на себя руководство экономическим разделом, а Вера Васильевна стала исполнять функции бухгалтера. Трубников финансировал издание в основном на средства из наследства жены. Его предпринимательский, прагматический образ действий со временем привел к растущей духовной отчужденности между супругами. В то время как Мария Васильевна собирала вокруг себя прогрессивную петербургскую интеллигенцию и принимала участие в демократических движениях, ее муж предпочитал вращаться в деловых кругах. Изнурительные семейные ссоры в 1876 г. в конечном счете привели к окончательному разрыву супружеских отношений. К этому времени у Марии Трубниковой, заболевшей еще в начале 60-х годов, началось нервное расстройство[3].

Имея на иждивении четырех дочерей, не обеспеченная материально и вынужденная полагаться только на собственные силы, она стала работать, чтобы противостоять нужде. Как свидетельствует ее корреспонденция, Мария Васильевна дни и ночи до изнеможения сидела над переводами. Работала она по заданиям авторитетного историко-политического журнала «Вестник Европы», переводя материалы, присылаемые из Англии и Франции, среди которых были «Парижские письма» Э. Золя. Будучи постоянной сотрудницей политико-литературной газеты «Новое время», она переводила на русский язык также сообщения и обзоры иностранной прессы[4]. В 1881 г. ее здоровье подвергалось постоянным тяжелым осложнениям, не оставлявшим ее до самой смерти в 1897 г. И все же она оставалась духовным авторитетом женского движении, когда позволяли силы, вносила в него свою лепту различными советами и инициативами. За этот труд, составлявший основу ее жизни, она обрела всеобщее признание своих соратниц[5].

Трубникова, Конради и Цебрикова, родившиеся во второй половине 30-х годов, в отличие от младших Водовозовой, Калмыковой или Алчевской получили традиционное дворянское воспитание и не имели профессиональной квалификации. А вот Е.Н. Водовозова, родившаяся в 1844 г., в 1862 г. окончила только что организованный педагогический класс Смольного института. Родившаяся в 1849 г. А.М. Калмыкова поступила в женскую гимназию, при которой имелся педагогический класс; Алчевская (род. 1841 г.) получила диплом учительницы, когда уже преподавала в собственной воскресной школе[6]. Всем этим женщинам, как и получившим высшее образование ранее[7] и обретшим известность в качестве первопроходцев в области женской профессиональной деятельности, приходилось интенсивно заниматься самообразованием, чтобы достичь уровня, необходимого для литературной деятельности или обучения в высших учебных заведениях[8]. Контакты с «нигилистической» средой, противостоявшей традициям, имели для названных женщин решающее значение, поскольку «нигилисты» относили самообразование, обретение квалификации и трудовой деятельности к элементам нового самосознания.

Женщины, получившие хорошее домашнее воспитание и серьезно занимавшиеся при этом литературой и иностранными языками, вступали

в трудовую жизнь, обладая определенными знаниями. Правда, из женщин, зарабатывавших литературным трудом, след в истории оставили только те, кто достиг наибольших успехов. Сведения об их трудовой деятельности часто встречаются в полицейских документах. На литературной ниве 60-х годов успех сопутствовал Елене Иосифовне Лихачевой (1836–1904), которую впоследствии превозносили как «Нестора движения за женское образование», а наряду с ней и «нигилисткам», порвавшим с прошлым, таким, как княгиня Екатерина Александровна Макулова (ок. 1840–1896), Александра Григорьевна Маркелова (в замужестве Каррик, 1832–1916) или Екатерина Ивановна Ильина (в замужестве Ценина и Жуковская, 1841–1913). Лихачева, подобно Марии Трубниковой или специалисту по политической экономии Марии Вернадской, использовала возможность проявить себя в публицистике, уже выйдя замуж за прогрессивно мыслящего человека. С 1865 г. она писала рецензии для журнала «Современник». Вскоре Лихачева в газете «Санкт-Петербургские ведомости» начала редактировать сообщения о событиях в Италии. С 1869 г. она в течение нескольких лет отвечала за ежемесячную хронику по женским проблемам в «Отечественных записках», одновременно работая переводчицей и публицистом в различных авторитетных периодических изданиях. Библиография работ Е.И. Лихачевой свидетельствует о том, что она разделяла взгляды кругов общества, ориентированных на прогресс. Лихачева представляла демократические движения, посвящала статьи женской эмансипации, освещала темы западноевропейской социальной и интеллектуальной истории, знакомила читателей с новой педагогической литературой. Во время Русско-турецкой войны она неоднократно бывала в Сербии, чтобы в качестве военной корреспондентки сообщать о царившем там бедственном положении и призывать общественность к благотворительности. Ее интересы выражались и в практической деятельности; так, в 1879 г. она стала работать в библиотеке на основанных в 1878 г. Высших женских курсах. Проявляла она себя и в сфере благотворительности. Она заботилась о беспризорных детях и давала им элементарные знания. Популярности Е.И. Лихачевой способствовало в первую очередь то, что она составила систематический свод собранных ею источников о русском движении за женское образование; с 1890 по 1901 г. она издала этот материал в четырех частях. Другого подобного труда не существует и поныне[9].

В противоположность женщинам, работавшим в области литературы и получавшим материальную помощь от семьи, те женщины, которые порвали с прошлым, зависели только от собственного заработка. Ценина разошлась с мужем, Маркелова ушла из родительского дома к некоему деятелю искусства, а в конечном итоге ей пришлось самой зарабатывать на себя и на своего ребенка[10]. Упомянем и княгиню Екатерину Макулову, которая в начале 60-х годов также занималась переводческой работой. Жили все эти женщины в «нигилистическом» антимире; на жизнь зарабатывали лишь с горем пополам. Защитница женских прав Екатерина Степановна Некрасова писала, что Макулова имела обыкновение появляться на людях без кринолина, с остриженными в кружок волосами и в простом черном шерстяном платье. Участвуя в спорах, она резко повышала голос, всегда вскакивала с места, ударяя кулаком по столу; на противника в споре она налетала как дерущийся петух, и казалось, что еще минута, и она

помогала в работе своему мужу Трубникову, когда он с 1857 по 1874 г. издавал либеральную еженедельную газету, которая до 1861 г. называлась «Журнал для акционеров», а затем стала выходить под названием «Биржевые ведомости». Обе женщины сотрудничали в общественно-политической рубрике этой газеты, переводя и редактируя статьи. Вскоре Мария Трубникова приняла на себя руководство экономическим разделом, а Вера Васильевна стала исполнять функции бухгалтера. Трубников финансировал издание в основном на средства из наследства жены. Его предпринимательский, прагматический образ действий со временем привел к растущей духовной отчужденности между супругами. В то время как Мария Васильевна собирала вокруг себя прогрессивную петербургскую интеллигенцию и принимала участие в демократических движениях, ее муж предпочитал вращаться в деловых кругах. Изнурительные семейные ссоры в 1876 г. в конечном счете привели к окончательному разрыву супружеских отношений. К этому времени у Марии Трубниковой, заболевшей еще в начале 60-х годов, началось нервное расстройство[3].

Имея на иждивении четырех дочерей, не обеспеченная материально и вынужденная полагаться только на собственные силы, она стала работать, чтобы противостоять нужде. Как свидетельствует ее корреспонденция, Мария Васильевна дни и ночи до изнеможения сидела над переводами. Работала она по заданиям авторитетного историко-политического журнала «Вестник Европы», переводя материалы, присылаемые из Англии и Франции, среди которых были «Парижские письма» Э. Золя. Будучи постоянной сотрудницей политико-литературной газеты «Новое время», она переводила на русский язык также сообщения и обзоры иностранной прессы[4]. В 1881 г. ее здоровье подвергалось постоянным тяжелым осложнениям, не оставлявшим ее до самой смерти в 1897 г. И все же она оставалась духовным авторитетом женского движении, когда позволяли силы, вносила в него свою лепту различными советами и инициативами. За этот труд, составлявший основу ее жизни, она обрела всеобщее признание своих соратниц[5].

Трубникова, Конради и Цебрикова, родившиеся во второй половине 30-х годов, в отличие от младших Водовозовой, Калмыковой или Алчевской получили традиционное дворянское воспитание и не имели профессиональной квалификации. А вот Е.Н. Водовозова, родившаяся в 1844 г., в 1862 г. окончила только что организованный педагогический класс Смольного института. Родившаяся в 1849 г. А.М. Калмыкова поступила в женскую гимназию, при которой имелся педагогический класс; Алчевская (род. 1841 г.) получила диплом учительницы, когда уже преподавала в собственной воскресной школе[6]. Всем этим женщинам, как и получившим высшее образование ранее[7] и обретшим известность в качестве первопроходцев в области женской профессиональной деятельности, приходилось интенсивно заниматься самообразованием, чтобы достичь уровня, необходимого для литературной деятельности или обучения в высших учебных заведениях[8]. Контакты с «нигилистической» средой, противостоявшей традициям, имели для названных женщин решающее значение, поскольку «нигилисты» относили самообразование, обретение квалификации и трудовой деятельности к элементам нового самосознания.

Женщины, получившие хорошее домашнее воспитание и серьезно занимавшиеся при этом литературой и иностранными языками, вступали

в трудовую жизнь, обладая определенными знаниями. Правда, из женщин, зарабатывавших литературным трудом, след в истории оставили только те, кто достиг наибольших успехов. Сведения об их трудовой деятельности часто встречаются в полицейских документах. На литературной ниве 60-х годов успех сопутствовал Елене Иосифовне Лихачевой (1836–1904), которую впоследствии превозносили как «Нестора движения за женское образование», а наряду с ней и «нигилисткам», порвавшим с прошлым, таким, как княгиня Екатерина Александровна Макулова (ок. 1840–1896), Александра Григорьевна Маркелова (в замужестве Каррик, 1832–1916) или Екатерина Ивановна Ильина (в замужестве Ценина и Жуковская, 1841–1913). Лихачева, подобно Марии Трубниковой или специалисту по политической экономии Марии Вернадской, использовала возможность проявить себя в публицистике, уже выйдя замуж за прогрессивно мыслящего человека. С 1865 г. она писала рецензии для журнала «Современник». Вскоре Лихачева в газете «Санкт-Петербургские ведомости» начала редактировать сообщения о событиях в Италии. С 1869 г. она в течение нескольких лет отвечала за ежемесячную хронику по женским проблемам в «Отечественных записках», одновременно работая переводчицей и публицистом в различных авторитетных периодических изданиях. Библиография работ Е.И. Лихачевой свидетельствует о том, что она разделяла взгляды кругов общества, ориентированных на прогресс. Лихачева представляла демократические движения, посвящала статьи женской эмансипации, освещала темы западноевропейской социальной и интеллектуальной истории, знакомила читателей с новой педагогической литературой. Во время Русско-турецкой войны она неоднократно бывала в Сербии, чтобы в качестве военной корреспондентки сообщать о царившем там бедственном положении и призывать общественность к благотворительности. Ее интересы выражались и в практической деятельности; так, в 1879 г. она стала работать в библиотеке на основанных в 1878 г. Высших женских курсах. Проявляла она себя и в сфере благотворительности. Она заботилась о беспризорных детях и давала им элементарные знания. Популярности Е.И. Лихачевой способствовало в первую очередь то, что она составила систематический свод собранных ею источников о русском движении за женское образование; с 1890 по 1901 г. она издала этот материал в четырех частях. Другого подобного труда не существует и поныне[9].

В противоположность женщинам, работавшим в области литературы и получавшим материальную помощь от семьи, те женщины, которые порвали с прошлым, зависели только от собственного заработка. Ценина разошлась с мужем, Маркелова ушла из родительского дома к некоему деятелю искусства, а в конечном итоге ей пришлось самой зарабатывать на себя и на своего ребенка[10]. Упомянем и княгиню Екатерину Макулову, которая в начале 60-х годов также занималась переводческой работой. Жили все эти женщины в «нигилистическом» антимире; на жизнь зарабатывали лишь с горем пополам. Защитница женских прав Екатерина Степановна Некрасова писала, что Макулова имела обыкновение появляться на людях без кринолина, с остриженными в кружок волосами и в простом черном шерстяном платье. Участвуя в спорах, она резко повышала голос, всегда вскакивала с места, ударяла кулаком по столу; на противника в споре она налетала как дерущийся петух, и казалось, что еще минута, и она

вообще потеряет самообладание[11]. В 1880 г., когда Некрасова снова встретила Макулову, та все еще носила короткую прическу, а когда ее вызывали в полицию, то надевала парик. Ей так и не удалось выкарабкаться из нищенских условий существования. Когда она умерла, то друзья похоронили ее за свой счет[12]. Жизнь Александры Маркеловой сложилась более счастливо, да она, видимо, была и талантливее. Маркелова зарабатывала не только переводами: с конца 60-х годов она публиковала эссе в различных авторитетных петербургских газетах. И, наконец, в журнале «Женское дело» в 1889–1890 гг. регулярно появлялись ее рецензии на иностранные работы по женскому вопросу под рубрикой «Голоса из-за границы»[13].

Другие молодые женщины начиная с 60-х годов зарабатывали литературным трудом средства на оплату обучения. Когда Софья Ковалевская к концу того же десятилетия сообщала Юлии Лермонтовой в письме об обучении женщин за границей, она имела в виду именно трудовую деятельность в целях заработка на учебу. При этом она ссылалась на пример Марии Боковой, которая посещала университет в Цюрихе, хотя и обладала очень скромными средствами. Чтобы убедить несговорчивых родителей Юлии отпустить дочь для обучения за границу, Софья Ковалевская предлагала ей следующее:

> Наконец, мы можем решительно заявить Вашим родителям, что Вы сумеете самостоятельно заработать 200 рублей в год: учтите, что обычная оплата за печатный лист составляет от 15 до 20 рублей, так что Вам не будет составлять труда перевести десять таких листов. Я этим летом перевела 7 листов, притом в свободное от занятий время, что было для меня своеобразным отдыхом...[14]

Юлии Лермонтовой удалось с помощью Софьи Ковалевской получить согласие родителей на поступление в университет, так что осенью 1869 г. она уехала, материально обеспеченная[15], в Гейдельберг к своей подруге. Мария Бокова, вернувшаяся в 1872 г. в Россию врачом с ученой степенью доктора[16], призналась В.О. Ковалевскому, с которым поддерживала тесную дружбу: «Медицинской практики я боюсь, как огня, и решилась от нее отделаться. Сил никаких нет выходить на новую борьбу. Или устроюсь в больницу, или буду век переводить...»[17] В больницах Бокова работала лишь время от времени и поэтому сосредоточилась на переводах, которые доставал ей Ковалевский, являвшийся издателем[18]. Дарвин, с которым Ковалевский был лично знаком, предоставил последнему права на публикацию его работ, и поэтому Мария Бокова по поручению Ковалевского перевела на русский язык ряд трудов Дарвина, а позднее «Жизнь животных» Альфреда Брема[19]. В общем Бокова редко достигала заметных успехов; для нее, как и для других женщин, заработки переводами оставались ненадежным делом и приносили лишь скудные доходы. Правда, у нее был период обеспеченной жизни совместно с Иваном Сеченовым в Петербурге, очевидно, не позднее конца 70-х годов. Однако в 1879 г. в одном из писем к своей ближайшей подруге Надежде Сусловой Мария сетовала, что живет без постоянной работы и не знает, где ее найти[20]. Ее отношение к труду и обретенное самосознание не позволяли ей ограничиваться выполнением лишь роли домашней хозяйки[21].

Молодые женщины из образованных слоев общества, отправлявшиеся в города в поисках работы, вначале боролись с собственной беспомощностью. В.А. Слепцова, который, живя в С.-Петербурге, с величайшим усердием отдавался делу женской эмансипации, в начале 60-х годов засыпали письмами женщины, пробившиеся в столицу и сидевшие без работы. Они еще не научились самостоятельно думать, не говоря уже о том, чтобы самостоятельно действовать. Поэтому они просили у Слепцова совета по всем вопросам, и в первую очередь помощи в устройстве на работу[22].

Цель вовлечения женщин в трудовую жизнь лежала в основе кооперативного движения, которое в начале 60-х годов на первых порах развивалось по раннесоциалистическим образцам, а в конце того же десятилетия приняло черты движения союза потребительских обществ. В распространении идей кооперации центральную роль играл «Современник». В 1863 г. описание швейной мастерской Веры Павловны в романе Чернышевского «Что делать?» внесло существенный вклад в популяризацию такой формы организации труда[23].

В исследованиях пока нет достаточно убедительного ответа на вопрос, кого именно Чернышевский взял в качестве образца для изображения героев своего романа из числа немногочисленных «новых людей», с которыми он был знаком[24]. По-видимому, можно согласиться с представительницей советской исторической науки Н.П. Богословской, что отправной точкой послужило общество взаимопомощи, организованное М.В. Трубниковой и членами ее кружка в 1859 г. Побудили их к этому труды французских социалистов, работы Фердинанда Лассаля и не в последнюю очередь материалы, публиковавшиеся в прогрессивных русских журналах, таких как «Современник». С помощью членов кружка Трубникова осуществила данный проект, при этом ей, несомненно, идейно помогал ее близкий друг Николай Серно-Соловьевич, который тогда уже примкнул к кругу «Современника»[25]. Основанное в 1859 г. в С.-Петербурге и официально утвержденное в 1861 г. «Общество дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга» вскоре предоставило беднейшим женщинам возможность трудиться в мастерской, организованной по принципу производственного товарищества. Женщины шили белье и одежду, однако их труд не был рентабельным: им не удавалось преодолеть стадию «помощи со стороны», чтобы перейти в стадию «самопомощи»[26]. Поскольку эксперимент Трубниковой и ее кружка привлекал самое пристальное внимание в радикально-демократической среде, необходимо было подробно информировать о происходящем Чернышевского, что и делал Николай Серно-Соловьевич[27]. Совершенно очевидно, что Чернышевский, когда писал роман «Что делать?», имел в виду упомянутую швейную мастерскую и, вне всяких сомнений, причислял Трубникову к «новым людям»[28].

Возможно, что когда Чернышевский, находясь в заключении, работал над своим романом, он продолжал получать сведения о новых проектах Трубниковой и деятельности ее кружка. Эта защитница женских прав в начале 60-х годов разрабатывала планы поддержки прежде всего одиноких, ищущих работу и еще недостаточно образованных женщин. Ее усилия были направлены на организацию умственного труда представительниц женского пола. Тем самым она шла навстречу общим эмансипационным устремлениям женщин 60-х годов и одновременно побуждала желавших трудиться женщин присоединяться к кооперативному движению. Как пред-

ставительнице женского движения ей было важно в первую очередь способствовать распространению коллективного феминистского сознания среди тех женщин, которые пытались перейти к новому образу жизни, основанному на их личной самостоятельности. Поскольку Трубникова следила за ходом женского движения во Франции, ей был известен опыт создания женских ассоциаций во время революции 1848 г.[29] В начале 60-х годов феминистки основывали во Франции общества поддержки трудящихся женщин[30]. К тому же Трубникова, прочитав сочинения Жанны д'Эрикур, вступила в переписку с этой французской феминисткой. В письме от 16 июля 1857 г. Ж. д'Эрикур советовала ей: «Вашей целью должно быть, милостивая государыня, основывать повсюду женские центры, сливать их в один организм, водворять там одно и то же течение мысли и жизни <...>»[31].

В 1863 г. Трубникова для решения проблем женского труда решила организовать «Общество взаимопомощи женщин»[32]. Этот проект был вызван положительными в целом откликами на работу «Общества дешевых квартир...», что придало основательницам смелость приняться за решение новых задач. Кружок Трубниковой объявил о своей готовности поддержать женщин, желающих заниматься умственным трудом.

В 1862 г. Петр Лавров совместно со своим товарищем, офицером в отставке Аполлоном Константиновичем Кривошеиным, и Анной Николаевной Энгельгардт разработал устав «Общества женского труда». В статье 1 констатировалось, что положение женщины в русском обществе – одно из наиболее проблематичных в мире, а в статье 2 – что большинство профессий для них остается закрытым, поскольку общество не привыкло к тому, чтобы женщины выполняли мужскую работу. Поэтому, как указывалось в статье 3, значительная часть моральных и духовных сил женщины не может быть плодотворно использована в интересах общества. Вместо того чтобы служить обществу, оказавшиеся в нищете женщины, наоборот, нуждались в оказании им благотворительной помощи. Женщины вынуждены соглашаться на работу сомнительного свойства или на недостойную жизнь в браке, поскольку муж зачастую относился к зависящей от него жене пренебрежительно и соответственно с ней обращался. С учетом отрицательных этических и экономических моментов Лавров предлагал основать такое общество, которое обеспечит женскому труду прочный фундамент[33]. Однако, видимо, он не обладал ни необходимым авторитетом, ни опытом, чтобы успешно осуществить свой проект. Для сотрудничества в «Обществе женского труда» Лавров привлек, в частности, М.В. Трубникову, А.П. Философову, графиню В.Н. Ростовцеву и некоторых радикальных «нигилисток» – Анну Энгельгардт и Е.И. Ценину (Жуковскую). Но женщины настолько рассорились по поводу того, следует ли принять демократическую форму управления обществом, что вскоре после официального открытия в 1865 г. оно было распущено[34].

Впрочем, судьба «Общества» не означала, что особенности мировоззрения внесли принципиальный раскол среди женщин умеренных взглядов и максималисток[35]. Скорее они оставались частями единого женского движения, которые объединял дух 60-х годов, т. е. потребность в коренном обновлении жизни. Вполне правомерно П. Кропоткин, рассматривая женское движение России, писал, что женщин объединяют узы общих интересов:

Другой характерной чертой женского движения было то, что в нем не образовалось упомянутой выше пропасти между двумя поколениями: старших и младших сестер...

Вожаки женского движения, казалось, говорили более демократической молодежи: «Мы будем носить наши бархатные платья и шиньоны, потому что нам приходится иметь дело с глупцами, видящими в наряде признак политической благонадежности; но вы, девушки, вольны в ваших вкусах и наклонностях <...>»[36].

Правда, Кропоткин был не вполне внимательным наблюдателем, когда связывал мировоззрение поборниц женских прав с их возрастом; ведь, например, княгиня Макулова или Анна Энгельгардт, т. е. экстремальные «нигилистки», родились в 30-е годы, как и более умеренные Анна Философова или Мария Трубникова. Выдвинутые в 1863 г. инициативы показали, что наиболее радикальные «нигилистки», в том числе Энгельгардт и Ценина, могут отлично взаимодействовать с «солидными» дамами, например с Философовой, когда речь идет об интересах женщин. Одновременно их сотрудничество объективно свидетельствовало о деятельности Трубниковой и ее кружка, который в основополагающих вопросах действовал в новаторском духе и тем самым составлял часть движения 60-х годов. Все движение, как и этот кружок, выделялось тем, что не ограничивалось критикой культуры, а активно выступало за организацию общества самими гражданами. Однако при этом необходимо было проявлять определенную гибкость в политических вопросах, поскольку полиция, подобно многоглазому Аргусу, следила за всеми формами автономных объединений, чтобы воспрепятствовать созданию политических ассоциаций. Поэтому усилия, предпринимавшиеся кружком Трубниковой для организации автономной общественной деятельности, в общем социальном контексте являлись наиболее прогрессивными из тех, которые могли иметь место в рамках существующего строя.

Предложение о создании «Общества взаимопомощи» базировалось на идее сплочения женщин различных социальных слоев. Предусматривалось основать разного рода мастерские, например швейную и переплетную, или издательскую контору для осуществления публикации научной, художественной и педагогической литературы. Однако устав такого универсального общества не был утвержден. Поэтому пришлось ограничиться созданием женской книгоиздательской артели (1863)[37].

Устройство артели следовало традициям деревенских отхожих промыслов, когда сельские жители выезжали на работу в отдаленные места, где образовывали группы, которые распределяли между собой заработную плату. Русская интеллигенция под влиянием раннесоциалистических теорий идеализировала эту форму организации работы[38]. Артель Трубниковой была устроена по принципу акционерного общества, члены которого могли стать пайщиками или вместо денежных взносов вносить собственный труд. Допускались взносы в рассрочку, чтобы дать возможность участвовать в деле и бедным женщинам. На случай отсутствия заказов предусматривались конкурсы. Изготовлялись пробные образцы, и жюри решало, кому отдать предпочтение. Это относилось и к переводам. Если представлялись пробы равного качества, то заказ передавался переводчице, наиболее нуждающейся материально. Комитет общества, в состав которого вхо-

дили М.В. Трубникова, А.Н. Энгельгардт, Н.А. Белозерская и Н.В. Стасова, возник на выборной основе. Кроме того, члены общества организовали совет по отбору принимаемых к переводу произведений, в котором кроме Белозерской и Энгельгардт работала М.А. Менжинская. Официальными руководителями общества являлись Трубникова и Стасова; первая приняла на себя работу в конторе, вторая же отвечала за внешние связи – обеспечение типографии заказами, закупка бумаги и т. д. Бухгалтером стала В.В. Ивашева (Черкесова)[39]. По уставу издательства его состав ограничивался 100 членами, а артель должна была преимущественно заниматься изданием учебной и детской литературы – как переводной, так и русской[40].

В начале 1863 г. Трубникова и Стасова сначала собрали вокруг себя 36 женщин. Наряду с уже названными лицами – графиней В.Н. Ростовцевой и членами жилищной общины Слепцова (в нее входила среди других Александра Григорьевна Маркелова) – членами артели были также Е.А. Штакеншнейдер, А.П. Философова и Е.Г. Бекетова, жена профессора ботаники А.Н. Бекетова[41]. Хотя устав этой артели еще не был утвержден, она тут же начала свою переводческую и издательскую деятельность. Уже первая книга, выпущенная в 1864 г. (сказки Андерсена), пользовалась огромным успехом у покупателей. Стимул к публикации книг, в первую очередь педагогического характера, издательницы получили благодаря их преподавательской деятельности в рамках «Общества дешевых квартир...» и воскресных школ[42]. По их мнению, катастрофически не хватало современных учебных пособий. Поэтому в издательскую программу были включены пособия по естествознанию, научно-популярные произведения и книги по истории, распространение которых позволило заполнять зияющую пустоту на рынке литературы. Этот успех издательства привел к тому, что некоторые его книги были рекомендованы государством для использования в школах. К 1865 г. в артели работали 63 сотрудницы. Они трудились в конторе издательства, а также в качестве переводчиц и иллюстраторов. Переплетные работы осуществлялись в женских мастерских, во главе которых стояла Варвара Александровна Иностранцева, сестра известного профессора-биолога[43]. Дело было рентабельным, благодаря высококачественной работе женская артель стала широко известна. Симпатизировавшие издательству ученые и литераторы предлагали поддержку, но женщины настаивали на сохранении самостоятельности. Они довольствовались лишь рекомендациями по выбору литературы для переводов и иллюстраций[44]. Продукция артели распространялась главным образом через прогрессивную книжную лавку Н.А. Серно-Соловьевича, а позднее – его преемника А.А. Черкесова[45].

В результате это женское предприятие оправдало себя во многих отношениях. Кроме материальных доходов были достижения и в духовной сфере (становление нового сознания, предпринимательское самоутверждение, внутренняя солидарность, а также общественное признание). Тем не менее членам артели приходилось преодолевать препятствия, чинимые государственной бюрократией. Женскому содружеству пришлось пять лет ждать официального утверждения устава артели несмотря на то, что политическая полиция не накладывала на ее деятельность запрет, поскольку Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии никаких претензий не имело[46]. Утверждению скорее мешал характер объединения, выражавшийся в названии «артель». Поэтому женщины стали искать выход из создавшегося положения и нашли его: Трубникова и Стасова преобразовали артель в фирму и объявили себя ее владельцами. Этот шаг должен был носить чисто формальный характер, но история предприятия вскоре показала, что сотрудничество группы без руководительниц было обречено на провал. После того как Мария Трубникова в 1869 г. в связи с ухудшением здоровья выехала на два года за границу, а Надежда Стасова в 1872 г. также покинула Россию по семейным обстоятельствам, дело застопорилось. В 1879 г. предприятие было распущено официально[47]. Хотя об отношении его членов к ликвидации фирмы нет каких-либо сведений, можно предположить, что потребности женщин с течением времени изменились. Если 1863 г. они объединились как сообщество нуждающихся безработных, то через 10 лет они вышли на профессиональный уровень. Тем самым артель как переходная форма к самостоятельной трудовой деятельности выполнила свой долг.

Когда в начале 60-х годов повсеместно распространились кооперативы, то среди них было бесчисленное множество таких, которыми руководили женщины. Действительно ли существовали «тысячи дам и девиц», которые «стремились устроить артели по программе Чернышевского», точно неизвестно[48]. С уверенностью можно сказать только то, что в экономическом отношении эти предприятия оказывались рентабельными лишь в весьма редких случаях. И все-таки они играли важную роль, так как вводили женщин в мир труда, а также знакомили их с положениями в области женских прав. С производственной точки зрения работницам мастерских недоставало навыков; тем же, кто инициировал создание предприятий и руководил ими, не хватало знаний, чтобы вести дело прибыльно[49]. Так, руководительница одной прачечной, работавшей на артельной основе, госпожа Гаршина в 1865 г. с досадой сетовала в одной из заметок журнала «Современник», что в Петербурге едва ли найдется хоть одна эффективно работающая мастерская. Она обращалась за советом, как исправить создавшуюся ситуацию. Ее собственное предприятие страдало главным образом от того, что по воспитательным соображениям на работу принимались и проститутки. Они же предпочитали придерживаться прежних привычек и отказывались заниматься стиркой. Поэтому при распределении доходов дело доходило до резких конфликтов среди прачек, которые не могли понять, почему нужно одинаково оплачивать хорошую и плохую работу[50].

Помимо описанных выше ведущих деятельниц женского движения созданием артелей временами занимались также Евгения Конради, Мария Цебрикова и Христина Алчевская. Евгения Конради приблизительно в 1863–1864 гг. вынашивала под влиянием романа Чернышевского «Что делать?» план (так и нереализованный) открыть сапожную мастерскую. Позднее она руководила кооперацией по изданию газеты «Неделя»; Мария Цебрикова совместно с другими руководила педагогическим журналом «Воспитание и обучение»[51]. Христине Алчевской после больших усилий удалось открыть в Харькове швейную мастерскую:

Увлеченная общим потоком, я также отдала дань своему времени. Правда, <...> я не ушла из дому, как делали иные из молодых женщин под впечатлением романа; не отстала от своей маленькой чайной торговли, которая удовлетворяла меня

нравственно, как самостоятельный заработок; но мысль об устройстве швейной для девушек, погибающих в нищете и разврате, овладела всецело моим горячим сердцем и не давала мне покоя»[52].

Алчевская снимала комнаты, почти полностью отдала собственную маленькую квартиру для оборудования достойных рабочих мест и терпела насмешки окружающих, которые видели приходивших к ней опустившихся молодых женщин. Однако ее попытка организовать работу в соответствии с идеалистическими представлениями потерпела крах. Поскольку сама Алчевская не обладала портновскими знаниями и совсем не разбиралась в вопросах моды, постепенно руководство мастерской перехватила усердная и образованная полька. Алчевская все больше оттеснялась на второй план; ее участие ограничивалось административными делами и педагогическими чтениями для своих работниц-швей. Через два года Алчевской пришлось отказаться от своих идеалистических представлений о равенстве работниц. Она передала мастерскую вышеупомянутой польке, и предприятие тотчас же превратилось в обычное ателье мод с собственной швейной мастерской[53].

Возможность проведения эксперимента по созданию мастерских привлекала многих женщин дворянского происхождения, вращавшихся в «нигилистической» среде. Так, Александра Комарова, следуя идеалистическим стремлениям и желая самостоятельно зарабатывать средства на свое существование, поступила в переплетную мастерскую Варвары Ивановны Печаткиной (урожд. Глушановская, 1843–1918) в С.-Петербурге. Муж последней раньше принимал участие в студенческих волнениях, был арестован, а затем поддерживал контакты с революционным подпольем. Политическая полиция, надзиравшая в связи с этим за переплетной мастерской, констатировала, что в рабочее время предприятие посещали студенты, которые читали работницам книги; при этом в последнее время зачитывались произведения «либерального содержания», в том числе сочинения Луи Блана, как сообщалось в одном доносе[54]. Когда работницы переплетной мастерской 18 января 1865 г. отмечали годичный юбилей предприятия, к ним пришли литераторы и «нигилисты», чтобы участвовать в торжестве. Как установила политическая полиция, на собрании был зачитан «устав Общества женского труда», выдержанный «в духе Чернышевского». Печаткина настаивала на пользе, которую приносит ее мастерская, и отвергала курсирующие в обществе грязные сплетни о работавших в мастерской женщинах[55]. Третье отделение констатировало:

> Молодых остриженных девиц в Санкт-Петербурге очень много. Некоторые из них занимаются в переплетной Печаткиной <...>. Все эти нигилистки рассеяны по Петербургу, и их только иногда можно встречать в компании, или в фойе театров, или же в разных танц-классах. Большое стечение их на бывшем в субботу спектакле в пассаже доказывает, что между ними есть связь и что они принадлежат к обществу лиц, имеющих одинаковые тенденции[56].

Примеры участия молодых женщин в работе мастерских можно продолжать до бесконечности. Так, Юлия Лермонтова, первая в России женщина-специалист-химик с докторской степенью, собиралась основать артель женщин-коллег[57]. Будущая врач и сооснователыница организованно-

го женского движения А.Н. Шабанова в 1865 г. в Москве присоединилась к работницам одной швейной мастерской и принимала участие в устраивавшихся там образовательных вечерах. Этой артелью руководили сестры Екатерина и Александра Ивановы, придерживавшиеся феминистических принципов; однако предприятие было организовано революционно-террористическим кружком Николая Андреевича Ишутина и поддерживало с ним связь. Когда в 1866 г. на работниц швейной мастерской поступил донос в полицию, то к суду была привлечена и Анна Шабанова, которую приговорили к полугодовому заключению. Ей удалось под залог освободиться с последующей ссылкой на родину, в Смоленскую губернию. Там она вскоре присоединилась к движению за женское образование[58]. Искра этого огня перекинулась даже в провинцию. Например, полиция следила за кружком Елизаветы Галицкой, которая убежала от мужа и в 1867 г. организовала в Саратове кружок с целью устройства кооперативов[59].

Наконец, к ранним попыткам устройства женщин на работу по идеалистическим соображениям относится и основание журнала «Переводы лучших иностранных писателей» популярной «нигилисткой» писательницей Марией Маркович (Марко Вовчок). При этом она вполне сознательно увязывала свои феминистические интересы с материальными и социальными факторами. Она тоже хотела помогать нуждающимся женщинам, и поэтому приняла на работу немногих уже известных писательниц, например Надежду Белозерскую, Марию Цебрикову и Елену Лихачеву. Все остальные сотрудницы (около 30) относились к различным социальным слоям и были разного возраста. Около 1870 г. они получили возможность заниматься профессиональным переводом с иностранных языков[60]. Цензурное ведомство вскоре отнесло журнал к числу идеологически опасных, поскольку в нем подчас публиковались тенденциозные «материалистические» статьи[61]. Разумеется, Марко Вовчок критиковала современное ей общество. Однако не это стало причиной того, что она сама и ее журнал были выставлены в дурном свете; причиной был ее конфликт с артелью Трубниковой. Издание просуществовало всего полтора года и после 17-го номера было закрыто ввиду недостаточного числа читателей. Приведший к краху журнала конфликт, который пришлось выдержать Марко Вовчок, был связан с педагогически ценным для детей разделом журнала, в котором в 1872 г. вновь стали публиковаться сказки Андерсена, изданные группой Трубниковой еще в 1868 г. По расследованию этой ситуации была создана неофициальная комиссия, состоявшая из известных деятелей и деятельниц петербургских литературных кругов. Комиссия вынесла решение, обвинявшее Марко Вовчок в плагиате[62].

Участие женщин в кооперативном движении приветствовалось и далеко за пределами радикально-демократической среды. Либералам женские ассоциации также представлялись прогрессивными, поскольку они в равной мере поощряли индивидуальную инициативу и коллективную ответственность, а также заботились о трудовом воспитании. Вполне правомерно либеральные силы констатировали и то, что интеграция женщины в современный рабочий процесс начала сглаживать различия между «нигилистками» и другими работницами. Вынужденная необходимость материальных ограничений побуждала многих женщин отказываться от кринолина и корсета, одеваться возможно проще. Скромная прическа и очки

стали теперь атрибутом разумного подхода к собственной внешности, а не только публичным выражением «нигилистического» протеста. И все же в 60-е годы женщины, которые не придерживались требований моды в одежде, овладели мужскими профессиями и стремились к получению образования и самостоятельности, подозревались консервативными элементами в принадлежности к самым худшим представителям общества, аморальным и заслуживающим презрения. Такому взгляду с особой настойчивостью противостоял публицист и писатель Е.П. Карнович. Он отмечал, что в переходные периоды, конечно, бывают всякие извращения и не каждая из так называемых нигилисток может поставить себе в заслугу честные помыслы. Однако противники «естественных прав женщины» были склонны, даже не зная существа дела, осуждать и ставить наравне с особами дурного поведения тех женщин, которые «ощущают дух честного сомнения, порывы честного отрицания, жажду познаний и стремление приобрести некоторую самостоятельность посредством честного труда»[63].

Карнович завершает свои рассуждения о женском труде пламенным призывом к общественному признанию «новой женщины»:

В настоящем случае, вся запутанность понятий [в среде нигилизма], все это смешение серьезной стороны дела с пустяками, попыток честного женского труда с ветренностью и необдуманностью молодости, происходят из ложных взглядов на права и обязанности женщин, а также из того разлада убеждений, который неизбежно господствует в каждом обществе при переходном его состоянии.

<...> Пусть труд женщины растет и процветает, а мы мужчины, мы, первенствующие вожди умственных и нравственных сил народа, – преклонимся пред теми из женщин, которые своим честным трудом внушают нам еще большее уважение к личности женщины, освобожденной, наконец, от гнета вековых предрассудков![64]

Глава V

Женщины в интеллектуальных профессиях

1 Литература

Интеграция женщин в трудовой процесс в отдельных его сферах шаг за шагом продвигалась вперед. Во второй половине XIX в. женщины принимали все большее участие в литературном труде. Они писали публицистические статьи, педагогические, исторические, беллетристические, культурно-исторические, библиографические и другие произведения, выпускали книги, занимались издательской деятельностью. К концу столетия одну треть всех лиц, профессионально работающих в области искусства и литературы, составляли женщины[1].

Петербургский историк Е.П. Карнович чутко следил за формами социальной эволюции, видя, как стремление приверженных к нигилистическому ригоризму женщин поставить под вопрос ценности традиционного дворянского мира трансформировалось в понятие нового образа жизни в сфере труда и повседневного существования. Эта позиция была – в самом широком смысле слова – выражением гражданственного образа бытия, основанного на трудовой деятельности, устройстве малой семьи в городских условиях и общественно-политической активности в автономных, ориентированных на реформы объединениях.

В области литературной деятельности на первый план выходят фигуры таких женщин, как Мария Трубникова, Евгения Конради и Мария Цебрикова. Но можно было бы указать и многих других зачинательниц этого процесса. Мы уже упоминали по различным поводам А.Н. Энгельгардт – активную сотрудницу в артели Трубниковой, ставшую в С.-Петербурге объектом городских толков, после того как она в нигилистическом облачении приняла на себя обязанности первой продавщицы в книжной лавке Н. Серно-Соловьевича. Полиция обратила на нее внимание потому, что она вместе с мужем посещала студенческие собрания. А.Н. Энгельгардт был в 1870 г. уволен с должности профессора химии и изгнан из столицы, поскольку политическая полиция обвинила его в распространении «демократических и аморальных идей». Он удалился в свое имение и устроил там для местной интеллигенции своеобразную колонию, организованную по принципу артели и ставшую агрономической опытной станцией[2]. Его жена осталась с тремя детьми в С.-Петербурге и вынуждена была работать, чтобы прокормить семью, поскольку имение не приносило достаточных доходов. В 1860 г. Анна Энгельгардт стала журналисткой, участвуя

в детском периодическом издании «Подснежник»; в 1862 г. она перевела для педагогического журнала «Учитель» произведение Ж.Ж. Руссо «Эмиль». За свою трудовую жизнь Энгельгардт довелось поработать в ряде авторитетных петербургских журналов. В «Вестнике Европы» она в течение 25 лет публиковала переводы и литературно-критические статьи. Она переводила произведения Бальзака, Флобера, Ибсена, М. Твена, Э. Ожешко, но прежде всего Э. Золя, работая даже над его еще не опубликованными рукописями, так что произведения писателя в России выпускались без промедления[3]. К другим ее достижениям относится издание полного немецкого словаря, который она выпустила под фамилией своего отца – Макарова. Указатель фонда литературного наследия А. Энгельгард содержит большой объем публикаций, но наряду с этим и сведения о достойных внимания неопубликованных рукописях. В частности, Анна Энгельгардт написала широкомасштабную историческую работу «Женщины в обществе и в семье», тема которой ей как активной шестидесятнице всю жизнь была близка[4].

В какой мере зачинательницам движения за женскую эмансипацию удавалось занять твердое положение в мире профессионалов? О Марии Трубниковой как переводчице, редакторе, издательнице и представительнице делового мира сказано выше. Кроме того, деятельность ее артели доказала, что Трубникова не только стремилась интегрироваться в мир профессионалов, но и помогала своим современницам занять достойное положение в кругу профессионалов. Евгения Конради – пример того, как нигилистическая критика общества в конце 60-х годов вышла на уровень просвещенной публицистики. Конради оставалась дочерью своей эпохи и представляла интересы многочисленных современниц в том плане, что всю жизнь придерживалась идеалов, усвоенных ею в рамках культуры протеста 60-х годов, и потому бескомпромиссно защищала собственные позиции. Свою литературную и позднее педагогическую деятельность она понимала как общественно-политический вклад в развитие общественных дискуссий о реформе. Евгения Конради специализировалась в различных областях, но прежде всего она обратила на себя внимание как выдающаяся переводчица. Ее современница Екатерина Григорьевна Бартенева писала:

> Переводы ее отличались точностью и необыкновенным изяществом языка. Редко кто так переводил у нас, например, Виктора Гюго или Диккенса. Переводила она с необычной легкостью и быстротой. К тому же одушевление, с которым она передавала на родном языке мысли иностранных прогрессивных писателей, сообщалось переводу, и тем сильнее было впечатление, производимое в то время на русского читателя их великими произведениями[5].

Первым крупным успехом Конради был осуществленный ею в 1859 г. перевод романа Дж. Элиота «Adam Bede», который был издан в Англии в том же году. Она с большим успехом переводила произведения Гюго, Диккенса, Спенсера и других. Ее переводы пользовались такой высокой репутацией, что в журнале «Русское слово» их немедленно передавали в типографию без всякой корректуры[6]. Большой авторитет завоевала Евгения Конради и благодаря переводу философских, экономических и юридических работ[7]. Она трудилась, чтобы заработать на хлеб, однако рассматривала свою деятельность под углом зрения художественно-эстетического

самовыражения. Если заказ не удовлетворял ее в духовном аспекте, она от него отказывалась, даже оставаясь без копейки на жизнь[8]. Конради обладала чувством собственного достоинства и к этому же постоянно призывала в «Женском вестнике» всех женщин России. В связи с такой позицией ей пришлось позднее, в 80-е годы, испытывать материальные трудности. И все же она не отступала от жизненных принципов, обретенных ею в молодости[9]. Дополнительные сложности создавало ей, женщине дворянского воспитания, то, что она была далека от навыков ведения экономного домашнего хозяйства или не знала повседневных правовых законов. Она не заключала официальных договоров с издателями своих трудов и часто лишалась оплаты за них[10]. После разрыва с мужем Конради из гордости отказалась предъявлять мужу требования о материальной поддержке двух их детей. Когда же он умер, она не стала претендовать на полагающуюся вдове пенсию[11]. С проблемами такого рода, несомненно, приходилось сталкиваться многим представительницам новой женской интеллигенции. Переход к основанным на собственной ответственности, юридически защищенным формам существования был медленным и подчас болезненным процессом обретения навыков новой жизни[12].

С точки зрения содержания творчество Евгения Конради было сосредоточено на выражении ее радикально-демократических взглядов и публицистической поддержке полного правового равенства женщины[13]. С тем же мастерством, которым обладали и к которому призывали Чернышевский и Писарев, она умела распространять сообщения, пришедшие из-за границы, на первый взгляд лишь с чисто информационными целями, но при этом отбором тематики и расстановкой акцентов отражать актуальную для России политическую тематику. Такую задачу она приняла на себя с 1864 г., работая в течение нескольких лет для издаваемого П. Лавровым «Заграничного вестника». Руководя отделом европейской жизни, она с восхищением сообщала о западных образцах развития общества. Конради анализировала факты открытого обмена мнениями в таких странах, как Англия и Франция, признавала достоинства американской конституции, а также одобряла действия Авраама Линкольна как борца за свободу и противника рабства. Под влиянием Писарева она воспринимала организацию труда на Западе как фактор социального прогресса. Сообщая о борьбе за повышение размеров заработной платы в западных промышленных странах, она касалась положения рабочих масс, обращая особое внимание на женщин. В интересах общественного прогресса она выступала за коренные реформы вместо филантропии, которая в ее глазах выполняла лишь функции стабилизации устаревших условий жизни. С 1865 г. Конради публиковала сообщения в радикально-демократическом журнале «Русское слово», практическую направленность которого в основном определял Д. Писарев[14].

Пиком публицистической деятельности Конради была ее работа в популярной петербургской еженедельной газете «Неделя». С 1869 по 1874 г. она была ее редактором, а неофициально и издателем. В качестве формально законного издателя фигурировал политически безупречный В.Е. Генкель. Конради руководила редакцией газеты по принципу артели как единым коллективом[15]. На таких же условиях Конради пригласила работать в «Неделю» Ю.А Росселя и П.А. Гайдебурова; последний был склонен

к умеренным народническим концепциям. Пока в редакции работал Россель, Гайдебуров оставался в меньшинстве, возражая против слишком явных выступлений газеты на стороне антимонархических и пролетарских зарубежных течений. Конради придала газете острокритическую направленность в отношении существовавшей системы, что постоянно вызывало у цензуры «готовность к объявлению тревоги». Руководя «Неделей», Конради с 1868 г. привлекала к сотрудничеству в ней выдающихся деятелей. Так, П. Лавров ради нее опубликовал в «Неделе» «Исторические письма», которые оказали влияние на целое поколение содержащимся в них индивидуалистически-гуманистическим призывом к «новой» русской интеллигенции стать носительницей общественных преобразований[16]. Екатерина Бартенева, представительница России в I Интернационале, в 1871 г. опубликовала в «Неделе» ряд статей о Парижской коммуне, после чего издание газеты было запрещено на полгода. До этого органы цензуры уже дважды предупреждали руководство о возможном запрете, однако Конради не проявляла готовности к изменению курса и в конечном счете оказалась в проигрыше. Шестимесячное запрещение на издание газеты поставило существование артели на край пропасти. Россель подыскал себе другое место работы, вместо него в редакцию вошел Е.И. Рагозин, который вместе с Гайдебуровым выступил за умеренно-либеральное направление «Недели». Евгении Конради было предоставлено всего лишь право вето. Смириться с этим она не могла и в 1874 г. отказалась от редакционной и издательской работы[17].

С социально-исторической точки зрения Е.И. Конради представляет на заключительном этапе ее жизни еще один пример «новой» женской судьбы. С 1884 г. она стояла перед альтернативой: либо разрываться между общественной, связанной с трудовым заработком деятельностью и частной, семейной жизнью, либо активно выступать за расширение сферы женского труда и включения его в те рамки, где доминирует мужская часть общественности[18]. Ведь на плечах Конради теперь лежало тяжелое двойное бремя. Она в равной мере ощущала себя деятельницей литературы и матерью. Живя с 70-х годов отдельно от мужа, она воплощала в себе новый тип женщины, трудившейся и одновременно самостоятельно воспитывавшей детей в городской среде, где не существовало той поддержки, какую обычно оказывает большая семья. Полагая себя не только профессионалом, но и «новой» матерью, Евгения Конради, которая весьма серьезно относилась к своим обязанностям воспитательницы, в конечном итоге приняла решение отказаться от продвижения по службе и исполнять материнский долг, когда ее сын Алексей заболел неизлечимым недугом[19]. Конради отвезла молодого человека, только недавно поступившего в высшее учебное заведение, в Швейцарию. Через некоторое время после его смерти она в поисках доступной ей работы отправилась в Париж. Однако ее ждало разочарование – незначительная публицистическая деятельность, время от времени преподавание русского языка и «пенсия солидарности» от Петербургского литературного фонда не спасали от нищенского существования. Умерла она в Париже в 1898 г.[20]

«Новые» женщины, которые в 60-е годы нашли путь к интеллектуальной профессиональной деятельности, в какой-то мере продолжили

традиции старшей дворянской интеллигенции, считавшей необходимым позиционировать свою жизнь, воплощаясь в «одинокого пророка», действуя на глазах народа и ради народа, не останавливаясь даже перед самопожертвованием для выполнения «святых» целей. В качестве примера назовем Марию Цебрикову. Она вела себя совершенно в «новом» духе, отказавшись от традиционного родительского дома, и подобно Конради одной из первых женщин обратилась к профессиональной публицистике. В качестве шестидесятницы она с самого начала так талантливо пользовалась методами литературной критики, разработанными Писаревым, что о ней заговорили как о его «женском перевоплощении», на что с раздражением указывала цензура[21].

Мария Константиновна Цебрикова нашла в культуре протеста 60-х путь к новому самоопределению. Интенсивно читая прогрессивную западную литературу, находясь в тесном контакте со своим демократически настроенным дядей Николаем Цебриковым, а также общаясь с нигилистической молодежью С.-Петербурга, она, еще будучи молодой женщиной, приняла твердое решение идти собственным путем. Шаг за шагом, не останавливаясь даже перед запугиванием родителей, что она покончит с собой, бросившись в Неву с моста, если они будут препятствовать ее намерениям, она пробилась к личной свободе[22]. Самообразованием она занималась столь энергично, что с 1860 г. могла выступать в качестве писательницы в известных периодических изданиях. Но свои успехи в этой области она считала недостаточными, поэтому в конце 60-х годов Цебрикова переключилась с беллетристики на публицистику. Здесь она быстро нашла свое призвание, тем более, что к этому времени уже три года основательно изучала педагогику, да и в период своего домашнего воспитания обрела обширные литературные познания. Вначале ее мать постоянно уничтожала ее литературные опыты, чтобы дочь не стала профессиональной писательницей, но это ни к чему не привело[23]. После многих лет плодотворной деятельности М.К. Цебрикова завоевала большое признание общественности как литературный критик, педагог, публицист, детский писатель и редактор[24].

Современники отзывались о Цебриковой в самых возвышенных тонах:

> Есть такие имена, при упоминании которых на нас изливается волна горячего сочувствия, которые вызывают в памяти самые лучшие человеческие чувства, когда возникает страстное желание отдать на благо обиженных, угнетенных и несчастных решительно все, все наши силы и думы. К таким именам относится, несомненно, и имя Марии Константиновны Цебриковой, чьи произведения послужили воспитанию целого ряда поколений[25].

Эта деятельница литературы сосредоточила свое творчество на том, чтобы на основе тех идеалов, которыми она прониклась в 60-е годы, способствовать становлению «новых людей» переводами, литературной критикой, публицистическими или педагогическими статьями или писательским трудом, в том числе сочинением детских сказок. Для нее всегда главными задачами были борьба против угнетения, за обеспечение зрелости индивида путем образования и просвещения, а также достижение социального равенства и справедливости. В центр общественно-политических усилий она, как и другие ее современники и современницы, ставила воспита-

ние граждан в духе республиканской идеологии. Насколько интенсивно впитывала она в себя французскую теорию педагогики или события политической борьбы за свободу в США, настолько же решительно воспринимала и радикальные варианты развития общества, особенно когда речь шла о женском вопросе и равных возможностях обоих полов. Цебрикова посвящала свою деятельность тем общественным группам, которые представлялись ей наиболее угнетенными: низшим социальным слоям, женщинам и детям. Когда в 1876 г. она приобрела в собственность педагогический журнал «Воспитание и обучение» и в течение четырех лет определяла его содержание, то и в педагогической публицистике отражалось ее основное стремление – воспитывать свободную, независимую личность, которая будет осознавать себя как активный и сознательно-ответственный элемент общества[26].

Иначе, чем Евгения Конради, но в духе, типичном для политизированных интеллектуальных кругов, Мария Цебрикова представляла в начале 70-х годов народническую идеологию. В Цюрихе она в среде эмигрантской диаспоры участвовала в спорах о правильном революционном пути, защищая линию П. Лаврова и отвергая взгляды М. Бакунина. В результате провала пропагандистского движения «хождения в народ», т. е. метода народников, она пришла к выводу, что на политической повестке дня России стоят не героизм и самопожертвование, а вопрос о том, каким путем следует вести интеллектуальную просветительскую работу во времена стагнации[27]. В беллетристике с тех пор Цебрикова искала эстетические идеалы писателей, которые подобно Жорж Санд, Чарльзу Диккенсу, Элизе Ожешко и другим в своих произведениях сознательно отстаивали эмансипационные принципы. В литературно-критических работах Цебрикова продолжала следовать идеям демократической гражданственности, но оставалась верной и русскому народничеству в том отношении, что отказывалась признавать прогрессивными занятых в экономике страны граждан, если их деятельность не следовала строгим социально-политическим принципам[28].

Определяя путь развития собственной личности, Цебрикова видела свою главную задачу в содействии решению женского вопроса. Год за годом своим публицистическим творчеством она сопутствовала движению за женское образование, в частности агитировала за разработку проекта женского университета. Одновременно она представляла на суд русской читающей публики исторические и литературные женские образы; при этом она также знакомила общественность с освободительно-демократическими идеями. Пресса тех лет писала о Цебриковой: «Она вытягивала женщин из летаргии, будила в них сознание человеческого достоинства, вливала в них своими статьями мужество и веру в собственные силы и способности»[29]. Указывалось, что Цебрикова боролась за эмансипацию женщины в трех направлениях: освобождение от ярма законодательства, от социальной эксплуатации, а также от опеки в семейных и брачных отношениях[30].

Просвещенческая устремленность Цебриковой пала на особенно плодородную почву, когда она под собственным именем издала предисловие к трактату Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщин» («The Subjection of Women»). Этот писатель и в России стал классиком в вопросах женской эмансипации. С поразительной остротой и без всякого страха перед цензурой Цебрикова в этом предисловии подробно выразила свое отношение к формам общественного угнетения:

Ни один из вопросов не бывал встречен таким бессмысленным глумлением и ожесточенной враждой, не бывал так извращен непониманием, тупоумием или злонамеренной клеветой, как женский вопрос, потому что ни один вопрос не идет так в разрез всем предрассудкам и привычкам тех, которые забрали у них то, что каждый из них, самый последний идиот, самый отъявленный негодяй, привык считать своей неотъемлемой собственностью – женщину, над которой закон и обычай поставил его бесконтрольным, безапелляционным властелином. Ни один вопрос не колеблет так глубоко веками освященных основ общественного быта. <...> Так называемый женский вопрос есть вопрос о правоспособности и освобождении целой половины человечества и, следовательно, вопрос о разумном устройстве жизни всего человечества[31].

Цебрикова, как и ее русские соратницы, аргументировала свои соображения с точки зрения естественного (природного) равенства. В 1870 г. ей казалось, что русские женщины уже сделали первые шаги на тернистом пути к эмансипации[32]. Когда же она перевела на русский язык мемуары отстаивающей демократические свободы приятельницы Александра Герцена Мальвиды фон Мейзенбург, то эта работа была уничтожена по распоряжению органов цензуры[33].

Позднее еще одна акция Цебриковой не увенчалась успехом, и именно это обстоятельство побудило упорную писательницу на отчаянный шаг в январе 1890 г. К тому времени ее возмущение политическими репрессиями приняло самые крайние формы. Еще за девять лет до этого Цебрикову глубоко возмутило то, что цензура запретила ей издавать журнал «Воспитание и обучение»[34]. После убийства Александра II 1 марта 1881 г. революционно-террористической организацией «Народная воля» Цебрикова болезненно переживала то, что правительство царя Александра III шаг за шагом отступало от курса реформ. Отразилась эта политика и на одном из жизненно важных для Цебриковой дел, а именно на работе Петербургских высших женских курсов. В 1886–1889 гг. их деятельность была запрещена в связи со стремлением искоренить политическое сопротивление в зародыше, т. е. в учебных заведениях. Работа курсов возобновилась со столь суровыми ограничениями, что малоимущие курсистки по существу от обучения были отлучены, а государственный контроль за процессом обучения значительно ужесточен[35]. Нападки со стороны государства были направлены одновременно и против публицистической деятельности Цебриковой. В 1884 г. был закрыт либеральный журнал «Отечественные записки», в котором писательница публиковала свои работы в течение 16 лет. М. Цебрикова решила, что надо что-то предпринимать. В литературной деятельности она осталась верна тому девизу, которого постоянно придерживалась: искусство не самоцель, и писатели несут ответственность перед обществом[36]. В то время Цебрикова опекала арестантов по поручению Красного Креста и благодаря этому имела возможность наблюдать за страданиями, которые были нанесены волной арестов «революционных элементов» многим представителям молодежи. Она сохраняла их письма, а в 1889 г., уехав за границу, издала эту корреспонденцию в виде брошюры под названием «Каторга и ссылка»[37]. По мнению Цебриковой, жизнь становилась

«все более удушливой; лучшие молодые силы пропадают в снегах Сибири, а для повседневного труда во имя мирного прогресса остались лишь умственные и моральные недобитки»[38].

В 1889 г. Цебрикова задумала провести акцию протеста в виде обращения всех писателей к царю или опубликовать одновременно во всех журналах и газетах заявление протеста. Но достичь соглашения по этому вопросу среди коллег обоего пола не удалось, и тогда Цебрикова решила действовать в одиночку, чтобы спасти честь русских литераторов. Она избрала традиционную русскую форму протеста и направила письмо Александру III. Такой факт – обращение женщины с политическим письмом к царю «в тоне оппозиционной речи в парламенте» – являлся первой в истории политической акцией подобного рода, что удостоверено и современниками Цебриковой[39].

Рукопись обращения писательница нелегально провезла в табакерке с двойным дном из России в Париж. Первой, кому она его прочитала, была Евгения Конради. Та заявила, что результат можно получить только в том случае, если за него выступит «армия в составе двухсот тысяч человек»[40]. Но Цебрикова все же надеялась на широкое воздействие этого обращения. Она передала письмо в печать, разослала его выдающимся знакомым деятелям, в том числе П. Лаврову и Дж. Кеннану, нелегально провезла большое количество экземпляров в С.-Петербург и с полным напряжением всех сил, самостоятельно, всего за день развезла их по всем важным для нее адресам – от царской канцелярии и правительственных учреждений до редакций газет. По согласованию с Цебриковой ее парижские друзья, кроме того, разослали по замаскированным адресам ряд экземпляров в некоторые пункты России[41]. Международный резонанс был велик. Вероятно, он и воспрепятствовал наложению на Цебрикову строгого наказания. Царь проявил снисхождение, подвергнув автора письма «лишь» административной ссылке[42].

Письмо Марии Цебриковой Александру III было горячим выступлением в защиту продолжения курса реформ, за права и свободы общества. В прошении писательница сознательно придерживалась традиционных особенностей стиля. Она писала с позиций верноподданной, обращающейся к повелителю со степенным достоинством:

> Страшная смерть Александра II отбросила зловещую тень на Ваше восхождение на трон. Вас заверили в том, что эта смерть является следствием освободительных идей, которые расцвели в лучшее время прошлого правления. Вас побуждают к таким мерам, которыми надеются повернуть Россию вспять, в мрачную эру Николая I. Вас пугает призрак революции. Да, разрушительная для монархии революция остается призраком и сегодня. После катастрофы 1 марта даже у цареубийц не было ни малейшей надежды на созыв конституционного собрания. Враги царя казнены, все молча подчиняются монархической власти. В силу каких же роковых недоразумений правительство теперь уничтожает реформы, принятые в лучшие времена Александра II, вместо того чтобы следовать курсом реформ? Только в таких законах, которые расширяют права граждан, отменяют сословные ограничения, прокладывают народу путь к образованию, к лучшим условиям жизни в самом широком смысле, замечена гарантия здорового роста России. Террористов породили не реформы прошлой царской эры, а недостаточность реформ»[43].

Выступив с таким обращением, Цебрикова осталась верна самой себе. В обстановке культуры протеста 60-х годов она научилась занимать свободолюбивую политическую позицию, пробовать свои силы в полемике, открыто выступать против того, что устарело. Вместе с тем в противоположность революционному подполью она осознала, что становление цивилизованного общества происходит медленно, а террористические акты насилия способны ему лишь мешать. Поэтому она просила у Александра III гарантии правовой государственности, свободы для общественности и прессы, а также равенства возможностей в области образования[44]. Поскольку государство должно представлять интересы не только дворянства, но и всего народа, правительству следовало бы, по мнению Цебриковой, поставить перед собой цель сделать как можно шире сектор образования, чтобы растить специалистов, которые выведут Российскую империю на достойный экономический, социальный, политический и культурный уровень, сравнимый с уровнем Западной Европы[45].

Особенно критиковала Цебрикова неурядицы в профессиональной сфере. Слишком многим выпускникам высших учебных заведений запрещается профессиональная деятельность, потому что их гражданственность принимается за революционные устремления. Земские школы и учительские семинарии подвергаются придиркам, хотя программы самоуправления санкционированы государством и контролируются инспекторами[46]. Для представительских мероприятий государственной власти деньги отпускаются в изобилии, а на строительство школ, больниц, детских яслей и домов для престарелых их не хватает[47]. При тех условиях, в которых живет страна, постепенное подтачивание основ самодержавия неизбежно, что показал исход Крымской войны[48]. Граждан, которые протестуют против кровопролития и насилия, сам режим в конечном счете загоняет в ряды сторонников революции. «Правительство, держащееся у власти аморальными средствами – административными ссылками, массой сыщиков, кнутов, виселицами и кровопролитием, – само внушает нашим революционерам принцип “Цель оправдывает средства”»[49]. Царь Александр II сделал выводы из результатов Крымской войны. Так неужели теперь вновь придется учиться на горьком опыте, чтобы вернуться на путь реформ? Опираясь на свое понимание права, Цебрикова от имени «мельчайшей трудовой ячейки, одного из ста миллионов» заклинала Александра III, «одного из самых могущественных монархов мира», оградить страну от насильственного противостояния проведением основополагающих реформ, в том числе путем созыва народного собрания[50].

Письмо Цебриковой, появившееся в печати, поначалу оказало воздействие только на неофициальные круги российского общества. Газеты, сообщавшие о письме Цебриковой, выходили с закрашенными по требованию цензуры статьями. Только после революции 1905 г., которую пророчески предсказала писательница, т. е. когда царь признал необходимость введения конституции и предоставления основных гражданских прав, письмо Цебриковой было, наконец, опубликовано. Литературный критик С.А. Венгеров поставил этот документ в один ряд со знаменитым письмом Белинского к Гоголю, включив письмо Цебриковой в сборник под названием «История русского общественного движения». Женские издания в 1906 г. тоже опубликовали письмо Цебриковой, конечно же, не только как знак исторической памяти, но и в целях политического просвещения[51].

Пример родоначальниц женского движения, нашедших свое место в литературе, показывает, что вступление этих женщин в сферу интеллектуальной профессиональной деятельности было неотделимо от их участия в решении общественных вопросов. Они выступали за расширение тех свобод, только благодаря которым они получили доступ к новому существованию. Именно на этом основании женщины начиная с 60-х годов XIX в. участвовали в становлении общественной сферы жизни. Выражая это участие в цифрах, С.И. Пономарев, не претендуя на абсолютную точность, отметил в 1891 г., что с середины XIX в. в России появилось около 2 тыс. деятельниц литературы. В 90-х годах автор перечислял, в частности, имена 63 известных писательниц, 84 заслуженных работниц редакций и 45 уважаемых представительниц педагогической деятельности, которые, как и писательницы, вышли из различных слоев общества[52]. По новейшим подсчетам только в С.-Петербурге и Москве в период с 1860 по 1905 г. было около 180 женщин-редакторов и издателей, причем значительная их часть, 27%, работали в сфере политической литературы[53]. Подчас создание художественных произведений было для женщин лишь побочным способом заработка. Женщины выступали в печати как основательницы школ или их руководительницы, как председатели благотворительных обществ, как члены академических организаций. Деятельницы, работавшие на литературном поприще, порой удостаивались высоких почестей за свои выступления. Так, на парижской Всемирной выставке 1889 г. высшая награда – «diplome d'honneur» – досталась Х.Д. Алчевской за составленную и изданную ею книгу «Что читать народу?»[54]. Высокие показатели распространения сочинений русских литературных деятельниц Пономарев демонстрировал на примере городов Российской империи, в которых публиковались работы пишущих женщин. При этом он упоминал все крупные города – от Томска до Варшавы, от Астрахани до Дерпта[55].

Статистические данные Пономарева могут послужить доказательством широкого поля деятельности и влияния женщин-литераторов. Впрочем, было бы ошибкой причислять все приведенные в работе Пономарева имена к сфере движения за женскую эмансипацию. Да и сам автор не видел возможности строго дифференцировать приведенные данные ввиду недостаточной информированности в деталях биографий. Но тенденцию рассматриваемого процесса все же можно проследить. Уже с XVIII в. женщины из высших кругов общества, которые имели поддержку со стороны просвещенных близких к ним лиц, занимались литературной деятельностью. Но в обществе в целом, и особенно в дворянском, литературное творчество оставалось для женщин предосудительным как не соответствующее их естественной роли вплоть до второй половины XIX в. Только те женщины, которые, вращаясь в радикально-демократических кругах, обрели в 60-х годах новое самосознание, вступили по собственному убеждению на поприще литературы. В той мере, в какой они выражали феминистические устремления, они были частью социального женского движения, что вскоре подняло отдельных родоначальниц этого процесса на уровень его символов. А коль скоро дорога для женского движения была пробита и всякие оговорки были преодолены, открылись и возможности слияния нацеленных на профессиональную деятельность защитниц женских прав с теми их последовательницами, которые приступали к профессиональной деятельности, во все большей мере считая это чем-то само собой разумеющимся и не прибегая к ярко выраженным феминистическим выступлениям. Но все же оставался и активный авангард; ему еще предстояло в борьбе за равное положение женщин в профессиональной сфере опираться на деятельность трудящихся женщин, которые объединялись в профессиональные ассоциации и не упускали возможности выражать в них специфические женские интересы.

2
Педагогика

Сказанное выше об участии женщин в литературной деятельности в значительной мере относится и к женской педагогической работе. С началом профессионального обучения женщин в учебных заведениях в обществе появились учительницы и воспитательницы. Представление о женщине, лежавшее в основе выдвижения женских учительских кадров, исходило из природной, свойственной женщине способности к воспитательной деятельности[1]. В XVIII в. определенную роль, видимо, играли традиционные представления дворянства, согласно которым девушки росли обычно в женском окружении. Как в лоне семьи дочь находилась под присмотром матери, так и в женском институте за ученицами следила классная дама, т. е. воспитательница. Царская политика просвещения с самого начала придавала особое значение подготовке девушек из менее состоятельных слоев к учительской деятельности. С введением в женских гимназиях и пансионах педагогических классов женское образование получало все большее распространение. Широкое поле учительской деятельности открылось перед молодыми женщинами после того как были приняты меры по поддержке начального школьного просвещения, особенно с тех пор как в 1864 г. стали организовываться земские учебные заведения. Всего в европейской части России в это время насчитывалось 22 767 сельских школ (включая духовные), в них к 1897 г. работало 24 389 педагогов, из них 20% составляли женщины. В 1911 г. в 38 272 государственных сельских школах из 62 913 учителей 62% приходилось на женщин; в 1915 г. их было 69% из общего числа учителей, равного 90 597. В земских школах доля учительниц была еще выше: в 1911 г. она составляла 71%[2].

Особенно отчетливо отразились последствия государственной образовательной политики на педагогической работе женщин в крупных, наиболее урбанизированных городах Российской империи. В результате длившейся десятилетиями неопределенности целей и ответственности организаций, финансирующих школы, к концу XIX века существовала не поддающаяся учету сеть городских учебных заведений, едва ли заслуживавшая название школьной системы. Так, только начальные школы были шести типов[3]. Ответственность за это совместно несли государство и городская дума, функции которых перекрещивались. Финансирование школьного образования в целом было недостаточным, а учительских кадров для обеспечения требуемого начального образования, которое, кстати сказать, не было обязательным, не хватало. Предоставлять женщинам учительские места означало пополнять кадрами эту сферу. Но поскольку труд женщины

ценился ниже, чем труд мужчины, то, используя женщин на учительских должностях, можно было сэкономить массу денег – оклад женщины, как правило, был на 25–30% ниже, чем оклад ее коллеги-мужчины[4]. Ввиду того, что работа в столицах была гораздо привлекательнее, чем в провинции, учительский состав народных школ С.-Петербурга в 1905 г. был почти исключительно женским; в Москве один учитель приходился на восемь учительниц[5].

Статистические данные об уровне образования школьных учительских кадров показывают, что женщины были гораздо образованнее, чем их коллеги-мужчины. Из мужчин, преподававших в земских и городских школах, только 1,3% имели светское среднее и высшее образование, а женщин с таким же образованием было 34,2%; духовные средние заведения закончили 5,5% мужчин и 25,8% женщин[6]. Статистические данные показывают, что из низших слоев населения в школах женщин работало гораздо меньше, чем мужчин (в 1911 г. 56,6% мужчин и 19% женщин происходили из крестьянства); в рамках движения за женское образование женщины стремились заканчивать средние и высшие учебные заведения и все-таки во многих случаях находили себе работу не в соответствии со своей квалификацией. Получить место им удалось лишь в учебных заведениях с ничтожной оплатой труда. В таких условиях приходилось работать всем деревенским (сельским) учителям на просторах Российской империи[7].

Городские средние школы также были различных типов – от классических гимназий до реальных, профессиональных и коммерческих училищ. Они были разделены по половому признаку и только постепенно становились доступны женщинам[8]. При этом быстрый рост числа учебных заведений для женщин финансировался не государственной и не городской казной. Наоборот, официальные органы были гораздо меньше заинтересованы в финансировании женских школ, чем мужских. Среднее женское образование стало доступным лишь благодаря частным инициативам[9].

Быстро возраставшее вплоть до 1914 г. число выпускниц средних школ, повышение уровня женского профессионального образования и трудовая деятельность женщины в сфере просвещения были непосредственно связаны с дискуссиями конца 50–60-х годов о женской эмансипации и будущей роли женщин в обществе. Как показано выше, представители не только радикально-демократических кругов придерживались мнения о том, что женщинам необходимо образование, чтобы вести осмысленную жизнь и выполнять квалифицированную работу. Да и установка 60-х годов поставить народное просвещение на службу общественному прогрессу стимулировала именно молодых женщин. Очень многие из них в начале 70-х годов участвовали в «хождении в народ», т. е. в народничестве, и вели в сельской местности просветительскую работу. При этом преобладал тип не аскетической революционерки, а учительницы с педагогическими целеустановками, решавшей профессиональную задачу быть «душой школьной жизни»[10].

Когда в 1901 г. выпускницам высших женских курсов было разрешено преподавать не только в низших, но и во всех остальных классах женских гимназий, школьный труд стал для женщин еще привлекательнее. В 1906 г. государство разрешило женщинам преподавать и в мужских гимназиях, сначала в младших и только в отдельных старших классах, а с 1911 г., наконец, и во всех классах этих учебных заведений. К негативным сторонам женского профессионального труда в гимназиях относилась значительно более низкая, как и в средних школах, заработная плата женщин[11]. Вплоть до 1917 г. характерными особенностями школьных кадров было то, что преподаватели и преподавательницы городских учебных заведений происходили из более высоких слоев общества, чем учителя народных школ, а женщины в сравнении со своими коллегами мужского пола обладали более высокой квалификацией, а иногда и более высоким уровнем образования[12]. Например, за период с 1882 по 1896 г. 514 выпускниц Высших женских курсов С.-Петербурга (что составляло 71,6% работающих курсисток) стали преподавательницами; 200 из них устроились на работу в городские средние школы. Следующая по величине группа выпускниц вошла в состав преподавательниц и заведующих учебной частью гимназий, третья группа занялась частными уроками. Остальные выпускницы учительствовали в сельской местности, некоторые стали ассистентками в высших учебных заведениях. Последние составили в выпуске 1901 г. 3%, а в выпуске 1912 г. – 5,3%[13]. В заключение упомянем о данных переписи населения 1897 г. Судя по ним, из курсисток вышло 9314 гувернанток, между тем как число домашних воспитателей-мужчин составляло 1674. Это показывает, что несмотря на общее расширение школьного образования преподавание на частной основе оставалось важным источником заработка, особенно для женщин[14].

Женские инициативы в области педагогики проявлялись также в организации новых школ. Открытие благодаря великим реформам частных учебных заведений получило мощный толчок. В состоятельных, ориентированных на реформы кругах в одночасье стало хорошим тоном организовывать школы. Так, один либеральный дворянин предоставил в своем доме два помещения для школьных занятий. Одно из них служило учебным классом, второе предназначалось для проживания молодой учительницы, которую принимала семья хозяев[15]. Инициативу проявляли даже богатые крестьяне. Например, в Тверской губернии крестьянин Василий Федорович Мартынов открыл школу на 40 мальчиков и на столько же девочек, в которой успешно преподавали представители народнического движения из круга чайковцев – С. Синегуб и Софья (она же Лариса) Чемоданова (1856 г. рождения). У крестьян они пользовались признанием. С конца 1872 г. Чемоданова состояла в фиктивном браке с Синегубом. Этот брак организовала Анна Дмитриевна Кувчинская (в замужестве Чарушина, 1851–1909), воспитательница вятского епархиального училища, чтобы Софья могла освободиться от опеки родителей (ее отец был священником) и вести в дальнейшем независимое существование[16]. Учителя получали необычайно высокую заработную плату: Синегуб имел годовой оклад в 200 рублей, а его жена, выполнявшая такую же работу, 120 руб. В качестве учебного материала они наряду с русской беллетристикой, которая считалась прогрессивной, использовали в основном труды Ушинского и Цебриковой. Нравоучительный детский рассказ последней «Дедушка Егор» пользовался у народников особой любовью. Однако мирная трудовая жизнь продолжалась недолго. Произвол и издевательства вечно пьяного Мартынова вскоре заставили обоих покинуть деревню[17].

Екатерина Вериго (в замужестве Брешко-Брешковская) поначалу посвятила себя просвещению безграмотной сельской молодежи. Либеральный

отец поддержал ее, когда она в 1861 г. организовала школу для крестьян. Но вскоре такая деятельность показалась ей недостаточной. Чтобы перебраться в столицу, она в 1863 г. приняла предложение работать гувернанткой в одном из дворянских домов. Одновременно она посещала частные лекции для женщин. Через два года отец настоял на ее возвращении домой. Вместе с тем он пошел навстречу ее новым жизненным установкам и стремлению к независимости и помог ей открыть пансион для девиц. Благодаря тому, что обучение было платное, Вериго обрела материальную основу своего существования. Опять же с помощью отца она устроила в деревне избу для бесплатного обучения крестьянских детей. Через несколько лет, когда Екатерина Брешко-Брешковская решила прекратить свои брачные отношения с мужем, работавшим в земском управлении, и вступить на революционную стезю, она переехала в Киев, где зарабатывала частными уроками, обучая девушек и готовясь к «хождению в народ» для пропаганды соответствующих идей[18]. А издательница Ольга Николаевна Попова устроила в своем имении две школы, в которых учились и ночевали 160 детей. В периоды поста крестьянских детей кормили в школах, поскольку из-за недостаточной заботы со стороны родителей школьникам грозило истощение[19].

Пресса русского женского движения уделяла большое внимание памяти зачинательниц дела организации школ. Благодаря прессе известно, что будущая исследовательница Сибири Аделаида Федоровна Ядринцева сначала открыла школу для детей из бедных семей в Нижнем Новгороде, а потом, уже в Сибири, поддерживала школьников энергичным сотрудничеством в Обществе вспомоществования учащимся сибирякам[20]. Ольга Афиногеновна Виноградская (1853–1914), выпускница одной из московских женских гимназий, начала трудиться учительницей русского языка в маленькой частной школе для сирот, где обучалось всего 20 детей. Будучи дочерью одного из сибирских вице-губернаторов, Виноградская была достаточно хорошо обеспечена, чтобы работать поначалу бесплатно. Вложив в осуществление проекта школы массу энергии, она вскоре добилась слияния ее с другим учебным заведением. В новой школе Виноградская стала директором. В 1902 г. ей удалось преобразовать школу в женскую гимназию и поднять ее уровень в такой мере, что перед Первой мировой войной это учебное заведение завоевало репутацию одного из лучших в Москве[21]. Укажем еще на Софью Николаевну Фишер, которая в 1872 г. открыла первую женскую классическую гимназию в России[22].

В начале XIX в. представительницы организованного женского движения стремились сделать общедоступными сведения об участии женщин в развитии просвещения в Российской империи и, кроме того, считали необходимым привлечь внимание общественности к социальному положению учительниц. В центре этих усилий стояло обнародование фактов бесправия и беззащитности женщин, в подтверждение чего приводились вызывающие тревогу биографические сведения. «Да, мы еще далеки от Западной Европы, – писал «Первый женский календарь» 1902 г., – далеки от положения там школьного учителя, окруженного почетом и обеспеченного, жизнь которого не является, как у нас, сплошной цепью лишений и бедствий»[23]. Этому высказыванию предшествовало сообщение, что в 1901 г. в Новгородской губернии умерла от хронического недоедания сельская учительница Еремеева[24]. В том же году скончалась земская учительница Карташева. Она страдала от плохих жилищных условий и заболела чахоткой; ей пришлось заложить одежду, чтобы оплачивать медицинскую помощь. Когда врач рекомендовал ей лечение за границей, она обратилась в земское управление с просьбой об авансе, чтобы оплатить поездку. Но ее просьбу отклонили, и вскоре Карташева умерла[25].

С 60-х годов XIX в. женщины, работавшие на педагогическом поприще, организовывали свои объединения, действовавшие параллельно с первым педагогическим обществом. Правительство строго следило за тем, чтобы эти объединения не высказывались на политические темы. Однако основные требования учителей, направленные на расширение социальных свобод и гарантий, толковались правительством как политические. В результате те общества, которые выступали за незыблемость правового и социального статуса учительства, а также за свободное всеобщее просвещение, оказались на самой крайней черте легальности[26]. Крупнейшие объединения женщин, ратовавших за женские права, сосредоточились в С.-Петербурге и Москве. Отсутствие структур коммуникаций, а также финансовых средств обусловливало лишь ограниченную эффективность деятельности этих обществ, основанных на принципе взаимопомощи. Так, например, в 1866 г. в С.-Петербурге было учреждено Филантропическое общество попечительства гувернанток России, переименованное в 1870 г. в Общество попечительства о воспитательницах и учительницах России. Вокруг этого общества к 1870 г. группировалось около тысячи женщин; к 1896 г. в него входило 542 зарегистрированных члена. Общество посредничало в деле трудоустройства, содержало библиотеку, сберегательную кассу, достаточно дешевые квартиры для воспитательниц; кроме того, оно предоставляло ссуды[27]. Одной из лучших шестидесятниц журнал «Женское дело» называл Елизавету Ивановну Мамонтову. Именно ей принадлежала инициатива учреждения Общества попечительства о воспитательницах и учительницах России. Из организованного ею кружка выросло общество, которое она возглавила. Сначала государство намеревалось воспрепятствовать его созданию на том основании, что отсутствовал учредительный капитал, а общество заявляло о себе как объединение профессионального характера. Но один евангелический священник предоставил необходимую сумму, и обществу удалось получить официальное утверждение. Создание Мамонтовой этой организации было воспринято как символический акт «в эпоху возникновения общественной жизни и пробуждения гражданственности»[28].

Московское общество воспитательниц и учительниц насчитывало к 1897 г. 1176 членов. Наряду с функциями, которые были свойственны первому из названных выше объединений, оно содержало дом для престарелых членов общества, предоставляло недорогие квартиры, выплачивало пенсии, а в 1872 г. организовало в целях просвещения женщин одногодичные педагогические курсы, для которых общество в 1875 г. выделило помещение[29]. Если учесть, что крупнейшим учительским объединением России на рубеже веков было Московское педагогическое общество с его 1663 членами, то ясно, что учительницы проделали едва ли не столь же большую работу, как их коллеги-мужчины, в той области, которую они осознавали как

поле собственной деятельности и в которой были признаны обществом – в области частного социального обеспечения. К тому же женщины объединялись и в общие педагогические организации вспомоществования[30]. Когда в 1902 г. стало формироваться движение профессиональных организаций (на первом этапе нелегально), то женщин не выдвигали на руководящие роли в той же мере, как мужчин, обосновывая это прежде всего традиционным преимущественным положением мужского пола в обществе. Наряду с этим играл роль юный возраст женских учительских кадров и связанная с этим недостаточная опытность[31]. Следует отметить, что в рамках движения профессиональных организаций существовал «Всероссийский союз равноправия женщин», в котором участвовали многие видные поборницы женских прав. Секретарь союза, Мария Чехова, будучи учительницей, входила также в группу основателей Союза учителей[32]. В 1917 г. она как представительница организованного женского движения стала кандидатом в члены Общероссийского учредительного собрания[33].

Союз учителей не соответствовал претензиям учительниц, поддерживавших это объединение. О том, что женщинам приходилось самостоятельно бороться за свои права, свидетельствуют споры по поводу запрета учительницам выходить замуж, наложенного Петербургской городской думой в 1897 г. Подобная мера оказалась возможной потому, что за нее высказались либеральные члены Комиссии по образованию. Основанием для запрета послужило превышение предложения на занятие учительских мест женщинами над спросом на них в столице, между тем как на всей остальной территории страны спрос на учительниц, как и раньше, превышал предложение. Тот факт, что женский труд ценился ниже мужского, проявился теперь не только в том, что женщины получали за одинаковую работу более низкую заработную плату, чем мужчины. Дело было и в стремлении избежать необходимости выплачивать женщинам пенсии по достижении ими определенного возраста и на основании их многолетней трудовой деятельности[34]. Поскольку в 1897 г. две трети всех учительниц были замужем, изменение политики профессиональной занятости представлялось своевременным, и действительно эта политическая мера принесла в последующие годы ожидаемые плоды. Учительницы становились по своему составу все моложе, среди них было все больше незамужних, неопытных в профессиональном отношении и соответственно легко управляемых[35]. В начале января 1903 г. состоялся Национальный конгресс учительских обществ взаимопомощи, на котором петербургская учительница Н.П. Румянцева выступила в защиту равенства полов и личной свободы и против запрета на вступление в брак. Но несмотря на поданную в том же году в городскую думу резолюцию и на состоявшиеся там в конце 1905 г. дебаты, голосование в феврале 1906 г. с минимальным перевесом оказалось в пользу сохранения запрета на замужество. В последующие годы за равенство возмущенных такой политикой женщин боролось не национальное движение учителей, а организованное женское движение. С такой авторитетной трибуны, какую представлял собой 1-й Всероссийский женский съезд 1908 г., а также в ходе 1-го Всероссийского съезда по образованию женщин 1912 г. предлагалось отменить запрет на замужество, в результате чего были приняты резолюции, оказавшие влияние на общественное мнение. От имени последнего из названных съездов была подана петиция в Петербургскую городскую

думу. В 1913 г. запрет был, наконец, снят, а заключение брака признано неотъемлемым правом человека, как и право на всякое свободное устройство частной жизни. Тем самым общественное мнение склонилось на сторону женского дела[36].

Далее мы приведем в качестве примеров судьбы Елизаветы Водовозовой, Александры Калмыковой и Христины Алчевской, которые получили педагогическое образование, поскольку для женщин было слишком мало других возможностей обрести заработок в сфере применения умственного труда. На этих примерах мы покажем, как расширялся профессиональный круг женского труда на основе обретения соответствующей квалификации[37]. Поскольку перед женщинами в отличие от мужчин лишь в редких случаях открывалась возможность трудиться на государственной службе, для них особенно важными становились возможности, предоставлявшиеся новой общественностью. Благодаря контактам с педагогами-реформаторами К.Д. Ушинским и В.И. Водовозовым Елизавета Цевловская (в замужестве Водовозова), уже будучи ученицей Смольного института, занялась вопросами воспитания. Мы полагаем, что Водовозова относится к ведущим русским педагогам XIX в.; она внесла существенный вклад в теорию дошкольного воспитания[38]. Для подходов Водовозовой к решению поставленных задач важную роль сыграло то представление о труде и просвещении, которое давал слушателям Ушинский, а также контакт с нигилистической культурой протеста. В 1862 г. Цевловская вновь встретилась в одном из кружков со своим учителем Водовозовым[39]. В том же году они поженились. Эта чета составила весьма плодотворный духовный брачный союз. Супруги увлекались западными педагогическими идеями, в частности изучали произведения Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци и Ф. Фрёбеля. В 60-е годы они предприняли путешествие в Западную Европу с образовательными целями, особенно много времени провели в Германии и Швейцарии, чтобы познакомиться с новейшей педагогикой и специально заняться детскими садами, организованными сподвижниками Фрёбеля. Вскоре Водовозовы выступили с публикациями, получившими широкий отклик. В.И. Водовозов издал в 1870 г. «Книгу для чтения в начальной школе». Тем самым он вступил в ту область педагогики, в которой затем трудился всю жизнь, а именно на поприще дидактической разработки учебного материала, построенного в соответствии с новыми педагогическими принципами всей системы преподавания, широко разветвленной и включающей естественные науки. Одновременно Водовозов, как и его жена, стремился разрабатывать в согласии с педагогическими принципами Ушинского такие концепции преподавания, которые развивали бы национальное самосознание, уделяя при этом особое внимание усвоению тонкостей русского языка[40].

Педагогическое творчество Е.Н. Водовозовой можно разделить на четыре части: научные труды по женскому образованию и по теории воспитания, детская литература и исследования по этнографии. С 1863 г. она весьма критически анализировала традиционное воспитание в России, особенно воспитание девушек[41]. Кульминацией ее творчества в этой области явились ее автобиографические записки, выходившие отдельными выпусками с 1908 по 1923 г.[42] Водовозовой принадлежит заслуга в том, что она

первой рассмотрела вопросы просвещения в социально-историческом аспекте. Эта представительница педагогической науки сопоставляла устоявшиеся представления о просвещении с нормами сословного общества и патриархальным «духом крепостнического порядка». Одновременно она как шестидесятница с самого начала своей педагогической деятельности стремилась противопоставлять старым представлениям новые идеалы. К числу последних относились всеобщее народное образование, всестороннее развитие личности с раннего детства, решающая роль в этом процессе родителей как сознательных воспитателей, а также педагогическая подготовка наставников, которые применяли бы ненасильственные, творческие методы. Кроме того, следует отметить настойчивую защиту Водовозовой равноправного женского воспитания, что можно считать ее действенным вкладом в движение за женское образование. Целью педагогических размышлений Водовозовой было создание «нового» просвещенного человека, который осознавал бы себя связанной с социальной средой личностью и был бы готов как гражданин нести ответственность за общее дело. Для этого семейное воспитание, как и на следующем этапе развития, воспитание в детском саду, должно было закладывать основу для социализации в коллективе[43].

В 1871 г. Елизавета Водовозова издала свой образцовый труд по дошкольной педагогике в области умственного развития ребенка. Первое в России исследование такого рода базировалась на глубоком и одновременно критическом освоении учения Ф. Фрёбеля. Водовозова обращалась с призывом отказаться от слишком строгих мер по выработке у ребенка дисциплины ради сохранения индивидуальности личности. Отклоняла она и религиозные влияния, разделяя в то же время методические наставления Фрёбеля об игровой занятости ребенка. Ее рассуждения были направлены на воспитание детей родителями, особенно матерью, которая расценивалась как центральная личность в процессе воспитания ребенка и при формировании его отношения к окружающему миру. Чтобы преподать женщинам-матерям методы руководства детьми, Водовозова снабдила исследование обширными пояснениями о занятиях детей, рекомендациями по их умственному, этическому и музыкальному воспитанию. Кроме того, Водовозова высказывалась за систематическое введение ребенка в мир труда в виде направляемых педагогами игр[44]. В свой педагогический труд Водовозова на протяжении всей жизни систематически вносила дополнения, и за 42 года он выдержал семь изданий. Кроме того, в целях распространения системы Фрёбеля Водовозова первая в России в 1870 г. выступила с публичными лекциями в С.-Петербурге[45].

Стремлению создавать для детей ценную в воспитательном отношении занимательную литературу эта представительница педагогической науки следовала начиная с 1871 г. Она опубликовала серию рассказов «о жизни и природе» для всех возрастов; в этих произведениях она подводила детей к познанию природы и одновременно старалась привить им понимание жизни людей, особенно низших слоев населения[46]. Еще один труд Водовозовой – широкомасштабные этнографические исследования в трех частях о народах Европы – содержал научно-популярную информацию о социальных условиях, экономике, политике, культуре и национальных особенностях этих народов[47]. Писательница издала данную работу также в виде книги для юношества. Эта книга принадлежала к числу наиболее высокоценимых в ее время[48]. Оба произведения отличались социально-критической направленностью. Водовозова писала о классовых противоречиях, национальном угнетении, религиозных предпочтениях и т. д. Вместе с тем она уделяла внимание и тем достижениям, которые считала достойными подражания, в том числе ликвидации неграмотности в Швеции или общинному избирательному праву в Англии[49]. И, наконец, Водовозова дополняла свою педагогическую деятельность издательской и книготорговой. Поскольку ее мужу с 1866 г. за «нигилистические» выступления запретили заниматься преподавательской деятельностью, да и она сама по тем же причинам не находила себе работы в учебных заведениях как учительница, Водовозовы и их трое сыновей жили в нужде[50]. Поэтому Водовозова в 1875 г. решилась самостоятельно издать свой этнографический труд. Как эту, так и последующие работы она издала и распространила с успехом. По финансовым соображениям она устроила книжную торговлю в собственной квартире[51].

Одной из родоначальниц просвещения женщин стала Х.Д. Алчевская. Еще будучи девушкой-подростком, она получила возможность, находясь в богатой дворянской семье, вместе с ее дочерьми обучать крестьянских детей. С тех пор, как она писала об этом в своих воспоминаниях, началось ее страстное увлечение педагогикой. Из четырех описанных в настоящей книге представительниц педагогической профессии только Алчевская по религиозным мотивам – во имя христианской любви к ближнему – стремилась помогать бедным и беспризорным, чтобы дать им шанс на улучшение жизни путем просвещения[52]. В то же время она с 60-х годов принимала участие в демократических движениях. В 1862 г. Христина Даниловна (урожд. Журавлева) вышла замуж за А.К. Алчевского, руководителя харьковского либерального студенческого кружка «Громада», зародышевой ячейки украинского национального движения, в котором она тоже участвовала[53]. В Харькове молодая женщина, посещавшая кружки шестидесятниц, вскоре возглавила один из них, ратовавший за развитие воскресных школ. Алчевская с большим усердием стала работать в воскресной женской школе. Орган феминистской прессы «Первый женский календарь» писал о ней: «На занятиях она стремилась привить своим ученицам чувство радости от труда, направлять свои занятия с учетом индивидуальности учениц и соответствовать их потребностям»[54].

Когда правительство в июне 1862 г. запретило воскресные школы, опасаясь вредных для правительства проявлений в поведении учеников, Алчевская все же не сдала своих позиций. Она считала свою педагогическую деятельность настолько необходимой, что решила сознательно идти против установок государства. Занятия воскресной школы она нелегально продолжала в собственной квартире, хотя ставила этим под угрозу существование семьи, а также своего маленького чайного магазина, который она обустроила с особой заботой. Вопреки всем обычаям она наняла продавщицу (официантку) и устроила зал для чаепития, где по воскресеньям также проводила занятия[55]. В 1869 г. Алчевская вступила в «Общество грамотности». Когда при нем были открыты воскресные школы, она приложила большую энергию к обновлению организации женского образования.

Однако молодой женщине не удалось добиться осуществления своих педагогических реформаторских представлений о живом, выходящем за пределы простого знания букв преподавании, в связи с чем она вскоре оставила это место работы и вышла из общества. Но ученицы так полюбили Алчевскую, что все, кроме одной, приходили по воскресеньям к ней на квартиру, чтобы продолжить занятия под ее руководством. Число ее учениц выросло настолько, что в конце концов Алчевская вместе с еще десятью учительницами едва справлялась с занятиями и после каждого воскресенья заболевала от перенапряжения[56]. Поэтому она приняла решение организовать собственную школу. Этот план мог бы провалиться из-за запрета властей, если бы не своевременная помощь через связи благожелательных знакомых. Разрешение на открытие школы было получено только после того, как вмешалась супруга начальника губернской канцелярии. Впрочем, потребовалось еще дополнительное ходатайство, поданное губернатору женой одного генерала. Кроме того, в 1870 г. Алчевская сдала экзамен на звание учительницы и после этого смогла продолжить свою работу на новой основе. Обучала она в школе своих учениц бесплатно в соответствии с убеждением, что образование должно быть всеобщим и свободным[57].

После 50 лет такой деятельности Х.Д. Алчевская как одна из родоначальниц обучения взрослых в Российской империи могла с удовлетворением оглянуться на свое в высшей степени успешное дело жизни. Через ее школу прошли более 15 тыс. учениц, а при открытии школы их было всего 50. Благодаря тому, что муж Алчевской оказался умелым предпринимателем, ей в 90-е годы удалось, использовав семейные средства и пожертвования, выстроить солидное школьное здание, в котором помимо классных комнат размещались библиотека и «музей дидактики»[58]. Алчевская стала крупным авторитетом в вопросах обучения взрослых. Она помогала своим коллегам, как женщинам, так и мужчинам, организовывать по всей стране аналогичные учреждения и давала соответствующие консультации. Она активно участвовала в ряде педагогических обществ, публиковала статьи о своей деятельности, устраивала обмен мнениями с представителями интеллектуальных кругов (в том числе с Достоевским, Тургеневым и Толстым) и выступала с докладами на съездах. Подобно Елизавете Водовозовой и другим женщинам, работавшим в области педагогики, Алчевская сделала практические выводы из признания того факта, что одним из наиболее слабых мест в просвещении является школьная литература для чтения. Поэтому она направляла часть энергии на то, чтобы в сотрудничестве с другими женщинами разрабатывать и распространять дидактические программы[59].

В харьковской воскресной школе скрестились жизненные пути Х.Д. Алчевской и А.М. Калмыковой (урожд. Черновой). Социализация и профессиональная деятельность Черновой являются образцом для просвещенной прогрессивной среды, в которой эта женщина вращалась с детства. Находясь под соответствующим влиянием, она полностью усвоила новые ценности 60-х годов, окончила в 1868 г. гимназию с правом на преподавание и первое время работала учительницей в своем родном городе Екатеринославе. В 1869 г. она вышла замуж за юриста Дмитрия Александровича Калмыкова и уехала с ним в Симферополь, где продолжала работать учительницей[60]. Оценивая деятельность Калмыковой, необходимо указать на многосторонность ее интересов, выросших на почве «духа шестидесятых годов». К ним относится и ее решение, находясь в благополучном положении супруги и матери, продолжать свой профессиональный труд как по личным побуждениям, так и на основе осознания своей социальной ответственности. Кроме того, ей предстояло работать в общественно-политической сфере и стать в первую очередь поборницей народного просвещения и участницей движения за просвещение женщин[61].

При этом деятельное участие в решении женского вопроса было для нее центральным фактором в рамках общего просвещения. Занялась она и публицистической деятельностью, впервые опубликовав статью в 1878 г., после приезда с мужем в Харьков. В газете «Южный край» она выступала как поборница всеобщих равных политических и гражданских прав в обществе[62]. В 1880 г. Калмыкова поступила учительницей в женскую воскресную школу, руководимую Алчевской. Выполняя свои педагогические обязанности, она одновременно принимала участие в разработке проекта книги, которую готовили к печати Алчевская и другие преподавательницы. Речь шла о подробном, комментированном, составленном по предметным разделам трехтомном библиографическом обзоре учебной литературы, обобщающем опыт, накопленный преподавательницами при обучении взрослых. Калмыкова отвечала в основном за историческую и географическую части этой библиографии. Данный труд встретил в нацеленных на реформы кругах столь единодушное признание, что был представлен на парижской Всемирной выставке 1889 г. как экспонат от Российской империи и премирован там золотой медалью[63]. В Париже Калмыкова вновь встретилась с Алчевской, с которой долгое время не общалась, так как в 1884 г. Александра Михайловна уехала с мужем из Харькова в С.-Петербург[64]. Обе женщины приняли участие в Международном женском съезде, который в это же время проходил в Париже. Небезынтересно отметить, что Алчевская сначала не собиралась участвовать в женском съезде, поскольку не связывала свою деятельность с организованным женским движением. Лишь узнав, что на съезде имеется секция «Частные инициативы женщин в области народного просвещения», она поняла, что ее место именно там[65].

Опыт, накопленный Алчевской в воскресной школе и в процессе издательской деятельности, А.М. Калмыковой предстояло использовать творчески. Будучи женой члена Сената, она давала уроки фабричным рабочим в воскресной школе одного из промышленных районов С.-Петербурга. После смерти мужа она направила на народное просвещение всю свою энергию и все имеющиеся у нее финансовые средства. Она развернула деятельность, начатую ею в кружке петербургской молодежи, настроенной в народническом духе. Этот кружок составлял и безвозмездно рассылал небольшие каталоги литературы, рекомендуемой для сельских народных библиотек[66]. На этой основе Калмыкова в 1890 г. открыла книжную торговлю, чтобы снабжать книгами сельские школы. До этого учителям приходилось заказывать литературу только по каталогу Министерства народного просвещения, который Калмыкова считала неудовлетворительным. В результате она вступила в серьезную конкурентную борьбу с государством, начав переписку с земскими органами власти и предлагая им комплектовать местные библиотеки со знанием дела, а также с учетом финансов, имевшихся в распоряжении земства. Даже регулярные попытки запугивания, предпри-

нимавшиеся полицией, не заставили Калмыкову приостановить оживленную книготорговую деятельность[67].

Ее книжная торговля обрела в конце концов общенациональное значение. Калмыкова получила поддержку со стороны комитета грамотности Вольного экономического общества, активным членом которого она являлась. Кроме того, Калмыкова поддерживала тесный контакт с Ольгой Николаевной Поповой (1848–1907), типичной шестидесятницей, которая за время своей профессиональной деятельности издала 223 произведения общим тиражом около 600 тыс. экземпляров и владела одной из известнейших петербургских библиотек и такого же рода книжной лавкой[68]. Калмыкова вскоре расширила свою торговую деятельность. Она самостоятельно составляла каталоги, а в 1891 г. открыла собственное издательство, специализировавшееся в основном на выпуске научно-популярной педагогической литературы. Впрочем, поскольку в 90-е годы Калмыкова установила контакты с социал-демократией, а ее издательство стало местом конспиративных встреч, в 1901 г. оно было закрыто. Калмыкова подверглась изгнанию и должна была уехать за границу. В 1904 г. ей разрешили вернуться в Россию в связи с поданным ею прошением[69].

Еще во время изгнания, находясь в Мюнхене, Лондоне и Женеве, Калмыкова оказывала финансовую поддержку газете русской социал-демократии «Искра», в издании которой она принимала участие. Об этой деятельнице женская пресса в России отозвалась как о «человеке значительного масштаба», который ратовал за благополучие общества и играл ведущую роль в борьбе против мрака и невежества. В то же время редакция «Первого женского календаря» отметила, что хотя книжная торговля Калмыковой и закрыта, все же эта деятельница, надо надеяться, сможет в будущем продолжить свою издательскую работу[70]. Эта надежда, однако, не осуществилась. Калмыкова вернулась к занятиям педагогикой и посвятила себя теперь главным образом дошкольному воспитанию детей[71]. Кроме того, она занималась библиотечным делом и с 1913 по 1916 г. сотрудничала на курсах подготовки библиотечных работников в Москве. Продолжала она и выступать с докладами и лекциями[72]. В советское время эта деятельница педагогики до 1922 г. работала в одной из петроградских учительских семинарий[73].

Резюмируя сведения об интеграции женщин в профессии высокой квалификации, т. е. данные, основанные на материале шести избранных биографий (Трубникова, Конради, Цебрикова, Водовозова, Алчевская и Калмыкова), а также данные общих изысканий по истории отдельных профессий, мы видим, что умственным трудом женщины занимались преимущественно не на государственной службе. Если исключить преподавательниц государственных школ, то ясно, что женщины со времени великих реформ стремились занять те ниши, которые возникали в гражданском обществе. Женщины, которые в 60-е годы выразили желание профессионально трудиться, как правило, имели лишь домашнее воспитание. Если они и были подготовлены к какой-то умственной деятельности, то лишь к педагогической, и то на низшем уровне. Поэтому само собой напрашивалось решение заняться литературой в самом широком смысле этого понятия. Расцветавший рынок книг и журналов, потребность в учебном материале для школ давали женщинам шансы специализироваться в этих областях. Имелся также спрос на талант женщин как основательниц школ, издательств, книжной торговли и т. п. Решающим в этом процессе был «дух времени». Если бы в 60-е годы либеральные и радикально-демократические идеи (особенно о женской эмансипации, высвобождении женщин из их традиционного домашнего мира) не были реализованы, то мужчины не принимали бы женщин с такой готовностью и не стали бы поддерживать их, как это фактически было на деле. Но это не означает, что в рамках профессиональных движений между мужчинами и женщинами не возникали конфликты. Они вспыхивали на почве конкуренции господствующих представлений о женщине, поэтому женским группировкам приходилось отстаивать свои интересы в тех отраслевых объединениях, где преобладали мужчины.

3
Наука

Несколько иным, нежели в литературе и педагогике, было положение женщин в науке, поскольку претендовавшие на такую работу обязаны были сдавать государственные экзамены. Н.П. Суслова была первой в мире женщиной, защитившей после прохождения полного курса медицинского образования докторскую диссертацию[1]. Типичная нигилистка 60-х годов, она приняла решение во имя идеалов свободы, равенства и образования продемонстрировать миру, что женщина способна достигнуть высокой квалификации в области науки. В принятии самостоятельного решения работать в области естественных наук главную роль сыграла типичная для эпохи обстановка увлечения науками вообще. Впрочем, в радикально-демократической среде не имела успеха постоянно звучавшая на Западе аргументация, что медицинские знания созвучны «материнскому духу женщины». С конца 50-х годов молодая русская интеллигенция особенно интенсивно выступала против консервативных западных концепций относительно якобы биологически обусловленной неприспособленности женщины к занятиям наукой[2].

Надежда Суслова сначала в качестве вольнослушательницы посещала с 1861 г. Медико-хирургическую академию в С.-Петербурге, подчиненную военному министерству, и одновременно в частном порядке готовилась к сдаче экзамена на аттестат зрелости экстерном в мужской гимназии, поскольку только это давало право поступать в высшее учебное заведение. В академии Суслова училась весьма успешно, слушала лекции выдающихся профессоров И.М. Сеченова (по физиологии), В.П. Грубера (по анатомии) и С.П. Боткина (по клинической медицине). Экзамен на аттестат зрелости она сдала в 1862 г. благодаря особому разрешению попечителя учебного округа. Сеченов, находившийся в это время в Париже, в письме к Марии Боковой, подруге и соученице Сусловой, поздравил Надежду Прокофьевну, заметив также, что теперь о ее будущем можно не беспокоиться, так как она уже определенно справится с прочими мелкими жизненными проблемами[3]. Этот оптимизм основывался на его опыте общения со своей ученицей. В 1862 г. она не только отлично сдала экзамен, но и опубликовала научную работу в одном из специальных медицинских журналов, которая была переведена на немецкий язык[4].

После запрета в России посещать женщинам русские университеты профессора рекомендовали Сусловой отправиться в Швейцарию[5]. Поначалу она не была уверена в необходимости поездки: ведь ее сестра Аполлинария напрасно пыталась определить ее в парижскую Сорбонну, а программа американских женских медицинских колледжей Суслову не удовлетворяла. В 1865 г. она без сопровождения отправилась в Цюрих, чтобы продолжить там изучение медицины[6]. В Цюрихе первые две женщины-вольнослушательницы появились в 1842 г., а первой русской женщиной, попросившей осенью 1864 г. разрешения на посещение лекций по естественным наукам, была Мария Александровна Княжнина, и ее просьба была удовлетворена. Но Княжнина вскоре прекратила занятия, и ее следы затерялись[7]. Надежда Суслова подала прошение о зачислении студенткой в 1865 г. Сенат не торопился с принятием решения, но ей разрешалось временно посещать университетские занятия. Когда Суслова подала заявку на сдачу государственных экзаменов, администрация университета после пристального изучения устава о высшем образовании, в котором не было ни разрешения, ни запрета на женское образование, дала положительный ответ[8].

После подготовительных работ под руководством Сеченова в Граце русская студентка в 1867 г. представила в Цюрихский университет для защиты диссертацию «К вопросу о физиологии лимфатических сосудов сердца». День защиты – 14 декабря 1867 г. – вошел в историю университета как большое событие. Суслова защищала свою работу без каких-либо льгот для иностранной слушательницы. Публики, в том числе женщин, было так много, что пришлось перенести диспут в большой зал. Смело преодолевая трудности немецкого языка, Суслова блестяще отстояла свои тезисы и добилась докторской степени «по медицине, хирургии и родовспоможению»[9]. От имени факультета докторский диплом вручил ей заведующий кафедрой хирургии профессор Э. Розе. Выражая признание ее достижений, он нашел сердечные и ободряющие слова. При этом он открыто высказал и свое мнение по женскому вопросу: поскольку в настоящее время, сказал он, рабство исчезло почти во всем мире, он хотел бы надеяться, что наступит конец и порабощению женского пола. Он выразил надежду, что приближается пора практической женской эмансипации, когда в любом государстве женщины получат право на труд и будут равны с мужчинами перед законом. Одновременно Розе резко отверг ложные «биологические» аргументы, на основании которых женщин якобы не следует допускать к научной деятельности, как совершенно несправедливые[10].

В таком же духе в 1867 г. открыл в русской прессе дебаты о способности женщин заниматься наукой физиолог И.М. Сеченов. Он напомнил, что многие высказывались против выполнения женщинами работы врача, считая их для этого недостаточно сильными в физическом и умственном отношении. Теперь же факты доказывают обратное хотя бы на примере Н. Сусловой, получившей степень доктора медицины. В заключение Сеченов выразил надежду, что «теперь, когда задача ее жизни наполовину выполнена, дай Боже, чтобы она получила возможность найти применение своим знаниям в собственном отечестве»[11]. «Женский вестник», также оценивший подвиг Сусловой, пророчески предсказал, что лишь первый шаг был таким тяжелым, но теперь и другие женщины последуют примеру

Сусловой, так что в конце концов явление станет массовым. Таким образом Суслова внесла существенный вклад в развитие цивилизации[12].

К 1868 г. Н. Суслова вернулась в Россию. Здесь она не могла заниматься профессиональной деятельностью до тех пор, пока государство не признает ее диплом действительным. Положительным фактором для нее могло бы быть то, что ее успех стал для либеральных сил аргументом в пользу допуска женщин в мир науки. Суслова подала в Медико-хирургическую академию прошение о допуске ее к сдаче выпускного экзамена, но это ходатайство было решительно отклонено. Благодаря стараниям председателя медицинского совета Е.В. Пеликана в конце концов был найден компромисс. К Сусловой применили распоряжение, согласно которому лица, получившие ученую степень за границей, смогут получить в России звание доктора, если сдадут дополнительный экзамен. Вопрос пола в деле Сусловой был намеренно обойден. В «Журнале Комитета Министров» от 16 июля 1868 г. появилось сообщение о том, что Надежде Сусловой на основании текста диссертации и по результатам ее защиты медицинским советом предоставлено право свободно практикующего врача и право на занесение в соответствующий профессиональный регистр[13]. Это сообщение также вызвало в общественности широкий резонанс[14].

В том же 1868 г. Надежда Суслова отправилась для практической подготовки к врачебной деятельности в Общую больницу Вены. Затем она продолжала эту подготовку в Лондоне, где встретила П. Лаврова. Между ними возник конфликт после того, как он упрекнул ее за то, что она носит шелковое платье. Суслова уже мало разделяла его радикальные крайности. Сосредоточенная на своей профессии врача, она, посещая пациентов, одевалась просто, но с соблюдением этикета[15].

Когда Суслова окончательно поселилась в России, она сразу же приступила к врачебный практике. Первое свидетельство о ее медицинской деятельности в России содержится в письме ее мужа, швейцарского медика Фр. Эрисмана, написанном в июле 1870 г.: «Хотелось бы мне знать, обладает ли какой-либо врач в Петербурге симпатией, даже *любовью* своих пациентов в *большей* мере, чем ты; хотелось бы знать, есть ли такой врач, которым пациенты довольны больше, чем тобой»[16].

В 1872 г. Суслова вела свою практику[17], которую Л. Пантелеев охарактеризовал в своих воспоминаниях как обширную, а молодую женщину называл любимицей ее многочисленных пациентов[18]. Судя по списку адресов проживавших в С.-Петербурге врачей, она и в 1876 г. все еще была единственной женщиной-врачом. Суслова продолжала врачебную практику до 1889 г. как гинеколог и педиатр, а также помогая при родах[19]. Остаток своей жизни (она умерла 20.04. 1918 г.) Надежда Суслова провела в сельском имении своего второго мужа гистолога А.Е. Голубева, под Алуштой в Крыму[20]. Там она продолжала врачебную практику, принимая больных в собственном доме. У местного населения она пользовалась большим уважением, особенно потому, что бесплатно лечила неимущих татарских женщин. Финансовое положение позволяло чете Голубевых также заниматься благотворительностью: они пожертвовали крупную сумму на строительство гимназии в Алуште и поддерживали пострадавших в результате Русско-японской войны. На собственные средства Суслова устроила в своем имении школу для нуждающихся детей. И наконец, в начале XIX в.

Суслова открыла в Нальчике, у подножия Кавказских гор, санаторий для неимущих пациентов[21].

На примере жизни Н.П. Сусловой можно судить о том, какой вклад в новое сознание внесла нигилистическая культура протеста, возникшая в начале 60-х годов XIX в. Личность Сусловой претерпела перелом, который может оцениваться как начало изменения ментальности людей. В пансионе для девиц не удалось ввести Надежду в общество в соответствии с принятыми нормами. Она отбросила традиционные формы поведения, желая быть прогрессивной, современной, ориентироваться на эмансипационные образцы, которые считались в радикально-демократической среде русской интеллигенции наиболее соответствующими нормам просвещения. Как же развивалась личность Сусловой в новых условиях жизни, определявшихся ее профессиональной деятельностью? Что могло считаться «эволюцией самосознания»? Ее воззрения отражены в ее письмах к писателю Нефедову[22]. Современники Сусловой по Цюриху (как до этого в С.-Петербурге писательница А. Панаева) описывали ее как серьезную, целеустремленную, сдержанную женщину, которую уважали профессора и студенты[23]. В автобиографии Суслова рассказала о том счастье, которое доставляла ей плодотворная трудовая жизнь, являвшаяся для нее высочайшим идеалом[24]. Об учебе в Цюрихе она вспоминала сдержанно, называя этот период холодным и бессердечным временем изоляции от внешнего мира. Друзьями ее были только книги. Патриархальные обычаи и равнодушие городских жителей производили отталкивающее впечатление. Очевидно, Суслову мучили сомнения в правомерности собственных действий и угнетали страдания больных. Но именно в Цюрихе она обрела внутреннюю самостоятельность, определявшую в дальнейшем все ее существование[25].

По мнению молодого швейцарского студента-медика Фридриха Эрисмана (1842–1915)*, который в 1866 г. страстно влюбился в Н. Суслову, это была уникальная женщина, постоянно поражавшая его своими высокими идеалами[26]. В марте 1868 г. он признался ей, что «околдован», поскольку от нее исходит огромная внутренняя сила. Он ощутил себя поборником ее идеалов «прекрасного и человечного». Только она смогла убедить его в том, что этот мир «получает ныне все более человеческое обличье»[27]. В контрастной противоположности биографии Фр. Эрисмана явно ощущаются те психологические проблемы, перед которыми стояла молодая женщина, стремившаяся как представительница русской интеллигенции определиться профессионально и при этом реализовать жизненно важные задачи нового типа. Эрисман же без каких-либо внутренних конфликтов шел тем путем, на который вступил в студенческие годы, когда близко общался с Н. Сусловой. Тому, что он писал в 1868 г., было суждено оставаться в силе и в более позднее время: «... я убежден, что наши взгляды верны, и что рано или поздно они осуществятся»[28]. Кроме того, он точно знал, что хочет навсегда остаться рядом с Сусловой, и сумел убедить ее начать совместную жизнь[29]. Когда Суслова после вступления с ним в брак вернулась в Россию, чтобы найти свое призвание в качестве врача, Эрисман постоянно делал практические предложения, как им наиболее разумно вести совместную

* В России он был известен как Федор Федорович Эрисман (*прим. пер.*).

жизнь. Учась в Берлине, он имел контакты со Всеобщим германским рабочим союзом и предлагал Сусловой начать в Берлине долгосрочную частную практику, а также участвовать вместе с ним в деятельности этого союза[30]. Вернувшись в Цюрих, Эрисман увлекся швейцарским социал-демократическим рабочим движением. Сусловой он писал о том, как им обоим следует найти в Швейцарии подходящую сферу деятельности:

...Я по-прежнему придерживаюсь того мнения, что как ты, так и я, найдем наилучшие отношения с рабочей средой, если станем в ней врачами. И почему бы тебе не признать в этом общественной деятельности? ...Разве не будет отличным заданием, например, содействовать пробуждению представительниц женского пола, в том числе работниц, собирать их воедино и просвещать их в вопросах общественной жизни; подобная задача была бы тебя достойной, а что касается сил для ее выполнения, то можешь не беспокоиться! – Достаточно просто окунуться в кипящую общественную атмосферу, чтобы сразу же ощутить в себе иные силы, которые до этого казались дремлющими[31].

Эрисман вступил в ряды социал-демократии. В письмах он постоянно уговаривал Н. Суслову приехать и трудиться вместе с ним плечом к плечу: «Ты должна всегда помнить о конечной цели нашей жизни, помнить, что через несколько лет, а потом и всю жизнь *мы будем существовать в рабочей среде*»[32]. Узнав, что конгресс Интернационала соберется в Майнце в сентябре 1870 г., он предложил ей принимать в нем участие[33]. Эрисман призывал Н. Суслову ориентироваться на реалистические идеи. Прибегая даже к доводам Фурье, он убеждал Суслову, что современное поколение должно подготовить человечеству лучшее будущее и что добиться всего сразу невозможно. Одной из центральных задач современности он называл эмансипацию женщин, считая, что Суслова своим трудом сослужит человечеству такую же службу, как Ф. Лассаль, написавший на своем знамени лозунг об освобождении рабочих от гнета[34]. Еще в июне 1870 г. Эрисман принял участие в организации отделения I Интернационала в Швейцарии[35].

В то же время Эрисман столь интенсивно старался приобщиться к условиям жизни Сусловой, что вскоре стал считать себя настолько же близким к русскому народу, как и к своей родине. Чтобы пойти Сусловой навстречу во всех отношениях, он в конечном счете принял решение переехать в Россию. Но поскольку он участвовал в жизни Интернационала, российская полиция вплоть до 1874 г. препятствовала его приезду в Российскую империю. Все же благодаря определенным связям (в частности заступничеству Сеченова) Эрисман осуществил свой план. При этом он сознательно пошел на неопределенное профессиональное существование в будущем. Дело в том, что в Цюрихе освободилось штатное место профессора гигиены, на которое он не стал претендовать в связи с планами переезда в Россию[36]. В России Эрисман достиг значительных профессиональных успехов. Русский историк В.А. Базанов высказался о нем так:

Автор первых отечественных руководств по гигиене, организатор и исполнитель крупнейших санитарных обследований в России, создатель крупнейшей кафедры гигиены и санитарной станции в Москве, воспитавшей целую плеяду ученых-гигиенистов и практических санитарных врачей, Ф.Ф. Эрисман по праву считается одним из основателей отечественной гигиены[37].

Надежда Суслова также заслужила добрую славу в России как первая женщина-врач. Об этом свидетельствуют многочисленные статьи; адреса с пожеланиями счастья приходили в Алушту из всех уголков страны. Поздравляли Суслову с юбилеем, например, общества врачей, в том числе общество из Нижнего Новгорода, избравшее ее в своим почетным членом[38], первые выпускницы Медико-хирургической академии С.-Петербурга, московские студентки-медички, литературные общества, Общество физиологов, первый Московский женский клуб, Всероссийский союз борьбы за женское равноправие и многие другие организации и частные лица[39]. Анна Шабанова, председатель «Русского женского взаимно-благотворительного общества», послала Сусловой сердечное поздравление, в котором от имени всех членов общества выразила «глубокую благодарность за героическое осуществление высокого идеала равноправия женщин» и желала многих лет дальнейшей полезной деятельности[40]. Как зачинательница женской медицинской профессиональной деятельности и как символическая фигура русского женского движения Суслова, несомненно, имела большое влияние на общество. Она помогла многим женщинам обрести новое самосознание, как это видно хотя бы из воспоминаний Веры Фигнер или Абельянц-Шлыковой[41].

Вместе с тем первая женщина-врач России никогда не могла полностью чувствовать себя удовлетворенной, никогда не ощущала себя окончательно устроенной в обществе в полном соответствии с осознанием себя. После защиты диссертации она лишь с большим трудом справлялась с жизненными проблемами. Это следует как из писем Эрисмана, так и из переписки Сусловой с ее лучшей подругой Марией Боковой, которая в 1871 г. стала второй русской женщиной-врачом, защитив диссертацию в Цюрихе, после чего, вторично выдержав испытание в России, была признана профессиональным офтальмологом[42]. Как свидетельствует совокупность источников, относящихся к Сусловой, на этапе новой ментальности она ставила перед собой столь высокие цели, что в дальнейшем не могла мириться с реальными жизненными обстоятельствами. Хотя благодаря своей научной квалификации она стала в России признанным врачом, это не давало ей полного удовлетворения от профессиональной деятельности. Совершенно иным путем вошел в сословное общество врачей Швейцарии Ф. Эрисман. С самого вступления в него он стал пользоваться общественным признанием. В истории гражданского образования его биография также заняла прочное место. На этой социальной и ментальной основе он без труда находил свободное пространство для своей деятельности. Так было в Швейцарии. В России же, напротив, общественное признание врача, не находящегося на государственной службе, основывалось исключительно на признании его в среде интеллигенции, занятой свободными профессиями; но ведь такая интеллигенция находилась лишь в стадии становления. Суслова была первой женщиной в негосударственном профессиональном мире врачей и, видимо, искала опору исключительно в идеальных представлениях о труде. Между тем повседневный кропотливый труд, как ей казалось, утопал в трясине человеческих несчастий и бедности, постоянно маячивших у нее перед глазами. Несоответствие между идеалом и действительностью не становилось меньше, его невозможно было устранить, несмотря на престиж врачебной профессии. Но стремления Сусловой к достижению свободы

и справедливости в обществе оказались беспредельными и поэтому не могли реализоваться. Она не могла черпать силы из признания того, что стала ярким примером зарождения слоя женской интеллигенции, тем не менее исполнилось предсказание «Женского вестника»: еще в XIX в., т. е. при жизни Сусловой, ее примеру последовали сотни женщин.

В первые годы совместной жизни с Сусловой Эрисман приложил все силы, чтобы убедить Суслову не терять мужество, которое явно поубавилось после защиты ею диссертации. Она не видела возможности реализовать ту свободу действий, которая была ей предоставлена[43]. Уже занимаясь врачебной практикой, она, будучи в мрачном настроении, писала Эрисману о разочарованиях в профессии и даже о наносимых врачу обидах. Муж счел себя обязанным ответить следующим образом:

> То, что ты стремишься к идеалу устройства мира, еще, увы, недостижимому для нас, несчастных, не должно парализовать твои крылья для полета в любую область реальной деятельности; ведь если страдания от недостижимости целей распространятся и дальше, то в конце концов все идеальные люди, все наши единомышленники за самое короткое время погибнут, и кто же будет тогда бороться за правое дело, кто тогда окажет противодействие всем нашим врагам? <...>
>
> И для тебя, и для меня было бы лучше всего, если бы удалось полностью разрушить все нынешнее устройство мира и построить новый счастливый мир, – это было бы идеалом нашего труда; но поскольку это невозможно, то нам остается либо сидеть сложа руки и ничего не делать, то есть по существу умереть, либо избрать такое занятие, которое в наибольшей возможной мере приблизит нас к нашему идеалу, *пусть даже это занятие никогда не будет нас удовлетворять в полной мере*. Так что ты никогда не будешь получать полного удовлетворения от какой-либо деятельности, да и я тоже ...
>
> Значит, долой отчаяние и безропотное смирение! Долой самоуничижение! Признай, что ты уже кое-чего достигла, что ты уже сделала *большое дело*, такое, какого не совершала до тебя ни одна женщина в Европе![44]

В 1872 г. Суслова говорила Эрисману о том «отрезвлении», которое она испытала, вступив в самостоятельную жизнь. Разочарование все сильнее отражалось и на ее личной жизни[45]. Все те многословные увещевания, на которые не скупился Эрисман, чтобы примирить свою жену с окружавшей действительностью, не давали никаких плодов. Постепенно она отдалялась от мужа, упрекала его в непонимании ее проблем и в конце концов разошлась с ним. В 1878 г. ее не тронули даже те страстные слова, с которыми обратился в письме к ней Эрисман: «Ах, чтобы сделать тебя счастливой, тебя, моя неописуемо любимая, я бы охотно пожертвовал жизнью. Ты – все мое счастье, я бы сделал все, чтобы ты могла стать счастливой»[46].

Неопубликованный автобиографический рассказ Сусловой, написанный в поздний период, дает дополнительные сведения о ее отношении к жизни. Ретроспективно она высмеивала «наивных утопистов-преобразователей мира» 60-х годов. Теперь, по ее мнению, нужна была не «борьба», а упорная работа над собственной личностью в целях нравственного самоусовершенствования, чтобы стать полезным членом общества. Не в теориях об усовершенствовании мира, а только в любви к ближнему заложено благоденствие этого мира[47]. Из-за чувства одиночества она не видела возможности выражать свои общественные и политические идеи в новом

обществе, начинавшем жить по другим организационным принципам. В связи с той ролью, которую она играла в нигилистических кругах начала 60-х годов, а также с политической деятельностью Эрисмана в Швейцарии российская полиция с 1873 г. предполагала, что Суслова входит в состав I Интернационала. Поэтому Третье отделение попыталось запретить въезд Сусловой в Россию, когда она решила вернуться из Швейцарии в Петербург. Отказ в выдаче паспорта глубоко потряс ее. Она подала прошение, в котором отметила, что меры, препятствующие ей возобновить «широкую гинекологическую врачебную практику», означают для нее наказание в гораздо большей степени моральное, чем материальное; она полагала, что отдала «лучшие силы и лучшие годы жизни» для того, чтобы заниматься медицинской практикой на родине, на благо соотечественников, и в этом не может быть ничего противозаконного. «Занятие исключительно лечением – такова моя деятельность; облегчение физических страданий моих ближних по правилам медицины – такова моя цель»[48].

«Покорнейшая просьба» Сусловой о разрешении возвратиться в Россию была удовлетворена[49]. Полиция, наконец, оставила ее в покое, после того как домашний обыск в октябре 1873 г. не обнаружил у нее никаких подозрительных политических сочинений[50].

Суслова в своей профессиональной, а также и личной жизни сосредоточилась на оказании помощи отдельным лицам[51]. Ее уход из медицины и переезд вместе с состоятельным в материальном отношении профессором Голубевым в его сельское имение способствовали удовлетворению склонностей Сусловой к заботе о ближних. Но конец жизни оказался с точки зрения подведения личных итогов отрицательным. Удалившись от своего круга общения, Суслова стала одинокой, больной и несчастной женщиной[52].

Профессиональный путь первой женщины, получившей высшее образование непосредственно в России, был вымощен трудностями. Условия жизни В.А. Кашеваровой-Рудневой, росшей сиротой в бедности и убожестве, способствовали развитию суровости ее характера. Привыкшая надеяться только на собственные силы, она стремилась к обеспеченной жизни. С молодых лет Кашеварова рассчитывала на то, что поставленной цели можно будет добиться с помощью образования. Ее профессиональной карьере сопутствовали и случайности. Когда она в 1862 г. закончила институт акушерок в С.-Петербурге и стала искать себе место работы, ей помогло знакомство с одним высокопоставленным чиновником военного министерства, с которым она разговорилась в почтовой карете. Благодаря его протекции она устроилась в Оренбургской губернии. Служившие на границе были по национальности башкирами и исповедовали ислам. В регионе свирепствовал сифилис, но башкирки по религиозным мотивам не хотели, чтобы их лечили мужчины. Поэтому правительство распорядилось устроить там женские клиники и укомплектовать их акушерками, прошедшими специальный курс и сдавшими экзамен по лечению этой болезни в одной из петербургских клиник. Кашеварова получила от Оренбургской губернии стипендию с обязательством впоследствии отработать там шесть лет. Окончив курс раньше установленного срока с великолепными показателями, она в свойственной ей откровенной манере, не прибегая к принятым в обществе условностям, решилась выступить с официальным заявлением перед самыми высокопоставленными медицинскими чиновниками. Она отметила, что полученные ею знания совершенно недостаточны, и поэтому просила разрешения на обучение в высшем учебном медицинском заведении[53].

Конечно, над ней лишь посмеивались, но Кашеварова не сдавалась. Получив отказ в С.-Петербурге, но поддержанная профессором Медико-хирургической академии В.М. Тарновским, она добилась того, что оренбургский генерал-губернатор вступился за нее, подав соответствующее прошение. Военное министерство дало согласие на поступление Кашеваровой в Медико-хирургическую академию, обеспечив ее даже стипендией. Осенью 1863 г. Кашеварова начала обучаться медицине. Ей оказывали поддержку учителя, и она успешно прозанималась обязательных пять лет. Ей удалось пройти клиническую практику по гинекологии и провести исследовательскую работу, которую она представила в форме доклада на заседании Общества врачей С.-Петербурга. По предложению двух профессоров весной 1868 г. Кашеварова первой из женщин была принята в названное Общество, и произошло это после того, как на том же заседании была встречена овацией Надежда Суслова[54].

По-иному сложились обстоятельства, когда Кашеварова собралась сдавать выпускные экзамены. Руководство академии заупрямилось и стало настаивать на том, чтобы отправить студентку на работу в Оренбургскую губернию без заключительного экзамена. Кашеваровой снова пришлось обивать все пороги и дойти до генерал-губернатора, который вновь направил петицию военному министру Д.А. Милютину. В результате разрешение на выпускные экзамены было получено. Кашеварова защитила диплом с отличием и за успехи в учебе была награждена золотой медалью, дававшей право на научную деятельность. Выпускное торжество стало крупным политическим событием, широко освещавшимся в прессе. Фр. Эрисман прочитал в Цюрихе сообщение о том, что сокурсники Кашеваровой восторженно пронесли ее в кресле через весь зал[55]. Даже в наши дни умиляет фотография, запечатлевшая выпускников: 53 бородатых господина в военной форме и среди них ясное лицо маленькой женщины[56].

Варвара Александровна вспоминала 1868 г. как самое прекрасное время в ее жизни, вознаградившее ее за все приложенные ею духовные и физические усилия[57]. Через несколько лет последовали горькие дни: консервативные силы не желали смириться с тем, что женщина получила ученую степень. Раньше, однако, она нашла счастье в личной жизни. По собственной инициативе Кашеварова продолжала свое образование за границей и имела возможность публиковать свои работы как в России, так и в Германии. Когда в 1870 г. ей дали развод с Кашеваровым, она в том же году вступила в брак со своим учителем, профессором М.М. Рудневым.

Какое-то время она вела врачебную практику в Железноводске. Когда же в 1872 г. Медико-хирургическая академия открыла свои двери для студенток, желавших пройти четырехгодичный специальный курс обучения на «акушерок с научной подготовкой», то Варвара Кашеварова-Руднева поставила перед собой цель получить докторскую степень, чтобы преподавать в высшем учебном заведении. Однако она натолкнулась на единодушное противодействие; опубликованная ею в Германии исследовательская работа, которую она предполагала представить как диссертацию, не была

признана достойной искомой степени. Но благодаря мужу она все же осталась в академии и неофициально вела занятия по патологической анатомии. Представить диссертацию к защите она пыталась до 1876 г. Наконец, Медико-хирургическая академия, учитывая окончание Кашеваровой курса обучения (что давало право на защиту), публикацию пяти ее научных работ, получивших международное признание, а также дополнительный опыт практической работы, разрешила защиту диссертации. Защита состоялась 25 мая 1876 г. и прошла для Кашеваровой-Рудневой успешно[58].

Консервативная пресса крайне отрицательно относилась к получению женщинами ученых степеней. Началась кампания противодействия; газета «Современная медицина» рассматривала доступ женщин к диплому врача как «унижение и обиду коллегии российских врачей». Эта газета и ранее выступала с полемикой против разрешения женщинам становиться врачами и открыто заявляла, что такое разрешение приведет к экономической конкуренции на рынке медицинского труда и несправедливому лишению хлеба насущного какой-то части коллег-мужчин[59]. Кроме того, был пущен слух, что Кашеварова-Руднева обязана успехом исключительно влиянию ее мужа М.М. Руднева. После его смерти в 1878 г. за вдовой пытался ухаживать штабс-капитан Иван Сергеевич Поликарпов. Но Кашеварова-Руднева отвергла его предложение, и он опубликовал в одной из консервативных газет злой пасквиль под заголовком «Доктор Самохвалова-Самолюбова», не остановившись даже перед сообщением деталей, якобы имевших место в интимной жизни Кашеваровой-Рудневой. В других органах печати появились опровержения, а Кашеварова-Руднева возбудила судебный процесс против Поликарпова; это привело к самым неприятным последствиям: она стала предметом повседневных обсуждений в бульварной прессе[60]. И хотя она выиграла процесс, впоследствии ей пришлось признаваться, что врагам удалось сломить ее морально[61].

Когда Кашеварова-Руднева переехала в сельскую местность под Харьковом, пресса и там от нее не отставала. В конце концов Кашеварова в письмах стала оповещать общественность о своей трудовой жизни. При этом она, в частности, объясняла, почему после окончания курса обучения не вернулась в Оренбургскую губернию. Там для нее не нашлось применения из-за того, что она женщина. Ей отказали в работе, потому что женские клиники еще не были построены, а такой земской медицины, в которой мог бы использоваться женский персонал, не существовало. К государственной службе в военных госпиталях женщин не допускали. Поэтому Кашеварова-Руднева занималась врачебной практикой в Оренбургской губернии лишь в частном порядке и короткое время[62]. На долю женщины-врача с ученой степенью в конце жизни выпало пережить одиночество в сельской местности, испытать недуги и материальную нужду. В 1893 г. она дала интервью, в котором выразила свое отношение к тяжкому общественному положению женщин-врачей в России. После кончины Кашеваровой-Рудневой в 1899 г. в прессе были посмертно отмечены ее заслуги. Хотя ее достижения не принесли ей добра, но, как писала одна петербургская газета, пример Кашеваровой-Рудневой послужил возникновению мощного движения за женское медицинское образование[63].

Еще одна русская женщина была во второй половине XIX в. знаковой фигурой движения за женское образование. Речь идет о Софье Васильевне Ковалевской. Она вошла в историю науки как первая в Новое время женщина – профессор математики. Благодаря «встречной» культуре 60-х годов она освободилась от пут традиционных общественных норм и после фиктивного брака основала в Гейдельберге общину студенток. В Германии она целиком посвятила себя математическим изысканиям. Забыты были месяцы учебы в С.-Петербурге, где она в 1868 г. сначала слушала лекции по медицине и химии, предполагая по примеру Сусловой стать врачом[64].

Вместе со своей подругой Юлией Лермонтовой, изучавшей химию, Софья Ковалевская в октябре 1869 г. переехала из Гейдельберга в Берлин. Она стала ученицей знаменитого математика, профессора К. Вейерштрасса. Правда, ему не удалось убедить совет университета дать разрешение Софье Ковалевской на поступление в это учебное заведение. Однако, распознав большой талант в молодой русской женщине, он начал преподавать ей математику в частном порядке. Ученица окунулась с головой в работу, занимаясь до 16 часов в сутки. Переписка между Вейерштрассом и Ковалевской показывает, что он постоянно дружелюбно и по-отечески поддерживал ее словом и делом в течение многих лет[65]. В конечном счете успехи Софьи в изучении предмета убедили Вейерштрасса в том, что она готова к защите докторской диссертации. В его решении помочь Софье Ковалевской вступить на научную стезю сыграло роль и понимание профессором личных обстоятельств ее жизни. Только убедившись в том, что она живет в неформальном (т. е. фиктивном) браке и обязана сама себя содержать, он принял решение способствовать ее научной карьере[66].

Вейерштрасс пошел даже на то, чтобы повторять лекции специально для Софьи Ковалевской и обсуждать с ней свои исследования. К 1874 г. эта одаренная женщина, которую профессор называл своей талантливейшей и любимейшей ученицей, завершила три значительные по объему научные работы. Любая из них была бы достаточной для представления к докторской степени[67]. Благодаря научным связям Вейерштрасса Ковалевская, подав работу «К теории частичных дифференциальных уравнений» на обсуждение в Геттингенский университет, «in absentia» (без присутствия диссертанта) получила 29 августа 1874 г. докторскую степень «summa cum laude»* («с наивысшей оценкой»)[68]. В этой работе содержится знаменитая «Теорема Коши–Ковалевской»**, сохраняющая значение в математике и сегодня[69].

Летом 1874 г. Ковалевская возвратилась в С.-Петербург, где великий химик Д.И. Менделеев устроил прием в ее честь, пригласив на него всех наиболее авторитетных ученых[70]. Но эйфория вскоре сменилась горьким разочарованием, когда возведенная в докторскую степень представительница математической науки поняла, что не имеет шансов профессионально участвовать в научной жизни. Женщин не допускали к преподаванию даже в старших классах гимназий; а в низших Ковалевская работать не хотела, поскольку, по ее собственным словам, «недостаточно хорошо справлялась с умножением»[71].

---

* Докторские диссертации могли получить при защите три оценки, высшей из которых была как раз «summa cum laude» (*прим. пер.*).

** Огюстен Луи Коши (Cauchy; 1789–1857) – знаменитый французский математик (*прим. пер.*).

Внутреннее опустошение, неудачи в профессиональном деле привели к тому, что Ковалевская, живя в России вместе с Владимиром Ковалевским, в течение пяти лет полностью отдалась светскому времяпрепровождению. Но после такого перерыва в научной деятельности математика вновь стала притягивать ее к себе с еще большей силой. Успех ее работы определился тем, что она популяризировала аналитический метод Вейерштрасса и стала активным членом Московского математического общества (создано в 1867 г.). Но несмотря на все приложенные усилия и наладившиеся связи с научной сферой, Ковалевской не удалось представить в России магистерскую диссертацию на защиту, чтобы тем самым добиться государственного признания как ученого[72]. «Поэтому мне сейчас особенно важно подготовить возможно больше математических работ и тем самым внести вклад в репутацию женщин <...>»[73], – писала Ковалевская, сознавая, что принимает участие в деле женской эмансипации и продолжает оказывать на него свое влияние. Вскоре ее воодушевила идея проложить женщинам пути к новым профессиям, добившись для них разрешения занимать штатные места в высших учебных заведениях: «Не говоря уже о том большом значении, какое обязанности доцента имели бы в моей жизни, я была бы в восторге открыть новую карьеру женщинам <...>»[74].

В связи с проблемами в личной жизни Софья с дочерью вернулась в Западную Европу, чтобы найти там работу. Положение замужней женщины, а также связи с социалистическими кругами, в которых вращалась ее сестра Анна во Франции и Швейцарии, препятствовали профессиональным начинаниям. Вейерштрасс начал оказывать ей поддержку в профессиональной среде только после того, как она овдовела в 1883 г. Ученик Вейерштрасса шведский математик Г. Миттаг-Леффлер добился для Ковалевской в Стокгольме годичной приват-доцентуры, финансируемой студентами. Еще до вступления в эту должность Софья Ковалевская писала своему немецкому другу, социал-демократу Георгу фон Фолльмару, что чувствует опасения, связанные с ней самой. Одновременно она обрисовала свою жизнь одиноко живущей в Париже женщины-ученой:

Все, что он [Миттаг-Леффлер] рассказал мне о стокгольмских делах, послужило тому, чтобы еще усилить мое желание получить там работу. Я, со своей стороны, говорила с ним довольно откровенно и обратила его внимание на некоторые детали моего личного положения, которые, видимо, могли бы сделать мое пребывание в относительно буржуазном обществе достаточно неприятным. Так, например: я ведь русская и уже поэтому могу быть заподозрена в нигилизме (что в моем случае не так уж далеко от действительности). Во-вторых, я не живу с мужем, а любая отделившаяся от мужа женщина это – двусмысленная и опасная личность в глазах любой доброй, здравомыслящей матроны, и образованные женщины в таких обстоятельствах оцениваются еще гораздо хуже, чем все прочие. То, что я в этих рассуждениях не допускаю никаких преувеличений, я вижу достаточно ясно по здешним математикам, с которыми познакомилась за короткое прошедшее время; все они прилежно меня навещают, осыпают меня любезностями и комплиментами, но ни один не познакомил меня со своей женой; и когда я, шутя, обратила на это внимание одной из знакомых дам этого круга, то она мне ответила смеясь: мадам Эрниэт (жена главного здешнего математика) никогда бы не пригласила в свой салон молодую даму, которая занимая номер в гостинице, *живет без мужа*. – Вы, наверное, можете себе представить, что здесь, в Париже, все это меня очень мало

задевает; но в Стокгольме ведь мое положение может восприниматься совершенно иначе»[75].

Ковалевская приняла приват-доцентуру в ноябре 1883 г., став первой женщиной Нового времени, которой довелось занять такую должность в одном из университетов Европы. После приват-доцентуры она получила ограниченную пятилетним сроком должность экстраординарного профессора, оплачиваемую наполовину профессорами и студентами университета[76]. В историографии имеются сведения о том, что означала академическая профессиональная деятельность для Софьи Ковалевской. Растущая известность не помешала ей превратиться в объект горячих общественных споров между консервативными и передовыми силами относительно роли женщины в науке. К этому добавлялась политическая подозрительность по поводу связей Ковалевской с социалистическими кругами[77].

Вдали от родины Ковалевская оставалась одинокой до тех пор, пока она не встретила в 1887 г. в Стокгольме уволенного по политическим мотивам профессора государственного права и социолога М.М. Ковалевского, с которым она и связала свою жизнь[78].

Вскоре после поступления на академическую службу в качестве доцента Софья достигла новых успехов в карьере. Поскольку она чувствовала себя в Швеции неуютно, ее время от времени тянуло в Берлин. Там с ней пожелал встретиться прусский министр просвещения, который вопреки позиции университетского руководства позволил ей посещать лекции. По предложению Миттага-Леффлера она стала издательницей основанного им журнала «Acta mathematica» и с тех пор поддерживала связь с авторитетными коллегами во всем мире. Ее исследовательская работа по теоретической физике «К проблеме вращения твердого тела вокруг неподвижной точки» явилась крупнейшим научным достижением. В 1888 г. Софья Ковалевская получила за нее премию Бордена, одну из высших наград по естественным наукам. В научном мире о ней говорили, что она «несомненно самая знаменитая женщина континента»[79]. В июле 1889 г. Ковалевская, наконец, получила кафедру и стала ординарным профессором Стокгольмского университета. Но этим она еще не достигла желаемой цели, безуспешно продолжая искать подходящую работу в России. Ей пришлось удовлетвориться «утешительным призом» – стать первой женщиной-математиком, избранной членом-корреспондентом Петербургсокй академии наук[80].

Но Софья Ковалевская на этом не остановилась. Она думала о дальнейших перспективах и стала готовиться к избранию в действительные члены Академии наук, что дало бы ей полную свободу в научно-исследовательской работе в России. По случаю ее визита в 1890 г. в С.-Петербург она была принята президентом Академии наук; кроме того, она состояла членом приемной комиссии на Высших женских курсах. В том же году в России вышли в свет ее «Воспоминания детства», пользовавшиеся огромным успехом у читающей публики. Поскольку она получила признание как писательница, перед ней открывались перспективы и для работы в области литературы[81]. Но, к сожалению, Софья Ковалевская уже находилась на пороге смерти. В январе 1891 г., возвращаясь после встречи с мужем в Южной Франции в Стокгольм, Ковалевская в дороге простудилась. Болезнь, запущенная ею, переросла в плеврит. 10 февраля 1891 г. Софья Ковалевская умерла.

Ее смерть вызвала сильнейший резонанс в обществе. «Ее имя стало живительным символом для либеральной партии, а выражение симпатии к ее творчеству стало декларацией либеральных намерений <...> до такой степени, что [русское] правительство сочло нужным отдать прессе секретное распоряжение о запрещении в будущем упоминать имя мадам Ковалевской», – отмечал современник Ковалевской революционер С.М. Степняк-Кравчинский[82].

В речи, произнесенной над ее могилой, М. Ковалевский назвал Софью одной из первых представительниц «новой России»[83]. Особенно высоко чтили Ковалевскую деятельницы организованного женского движения. Н.В. Стасова по поручению финансового комитета Петербургских высших женских курсов позаботлась об установлении памятника на могиле усопшей[84]. А к 25-летию со дня смерти «Российская лига равноправия женщин» вместе с московскими высшими учебными заведениями для женщин провели торжественное открытое заседание, прославлявшее Ковалевскую как передового борца за равноправие женщин[85].

К каким же выводам можно прийти на основе ознакомления с биографиями зачинательниц женской деятельности в академической сфере России? Мы сознательно привлекли внимание читателя к биографическим подробностям, чтобы показать, что подъем женского движения сопровождался значительными трудностями, которые вовсе не совпадали с общими проблемами русской интеллигенции в области ее профессионализации, а вытекали из существовавших взаимоотношений между полами. Сопротивление, на которое наталкивались женщины, проистекало из традиционной недооценки женских умственных способностей. В случае с Варварой Кашеваровой-Рудневой консервативные представители врачебного персонала в своих выступлениях в прессе не только прикрывались ложной биологической аргументацией, но и открыто протестовали против недопустимости женской конкуренции на рынке труда. Они считали, что профессиональное признание должно сопутствовать не наиболее одаренному и квалифицированному *человеку*, а наиболее достойному *мужчине*. Поэтому необходимо было, чтобы родоначальницы академической профессионализации выступили с естественно-правовыми аргументами в защиту становления индивидуальной самостоятельности и общего равноправия женщин. Следовательно, российские движения за женское образование и женскую профессиональную деятельность были неотделимы от движения феминистского.

Не случайно Максим Ковалевский, чествуя Софью Ковалевскую, определял ее деятельность как «действенный феминизм». В то же время в воспоминаниях Ковалевского она метко характеризуется как «дитя эпохи», отказавшееся от традиционных представлений русского общества о ценностях. Испытыв на своем пути влияние радикально-демократической среды 60-х годов, Софья Ковалевская стремилась прежде всего к полной самостоятельности, безудержно отметая всякие интеллектуальные ограничения. По словам Ковалевского, «у нее не было никаких религиозных или иных предрассудков»[86]. Главная роль по ее понятиям принадлежала не сложившейся в обществе «аристократии», а связанным с разумом благородным ценностям – интеллекту, эрудиции и таланту. Поскольку сословные препоны всегда препятствовали раскрытию свободной личности, Ковалевская в течение всей своей жизни симпатизировала радикально-демократическим силам[87]. Если говорить о типах женщин, то сказанное применимо и к Надежде Сусловой, хотя она замыкалась в себе гораздо сильнее, чем Софья Ковалевская. Видимо, к аналогичному типу относилась и Варвара Кашеварова-Руднева, хотя материал источников в этом случае недостаточен для того, чтобы получить полное представление о ее жизненных идеалах. Но о ее сущности весьма красноречиво свидетельствует смелая попытка представительницы простых слоев населения, не имевшей необходимых связей в обществе, закрепиться в России на высокой ступени академической карьеры.

Мы зашли бы слишком далеко, если бы стали рассматривать биографии женщин и из других профессиональных групп, тем более что между ними, как правило, есть сходство. Анна Евреинова, член общины студенток, возглавляемой в Гейдельберге Софьей Ковалевской, получила в 1873 г. степень доктора на юридическом факультете Лейпцигского университета, окончив его экстерном. Правда, в России она не смогла устроиться на работу в качестве исследовательницы права, но занималась юридическими проблемами в частном порядке, изучая прежде всего обычное право в сфере славянской культуры, причем одной из главных тем ее исследований было положение женщины. Евреинова была первой женщиной, перед которой в 1878 г. открылись двери Московского юридического общества. В 1880 г. она стала председателем Комиссии по обычному праву. С 1885 по 1890 г. Евреинова руководила журналом «Северный вестник», в котором женская тема оставалась для нее главной. В частности, она позаботилась о том, чтобы издать первую большую библиографию по русскому женскому вопросу[88]. После революции 1905 г. Анна Евреинова выступила за прогрессивную редакцию гражданского свода законов, предусматривавшую равноправные положение женщины в обществе. Юристка Евреинова вступила в организованное женское движение под названием «Всероссийский союз равноправия женщин»; это объединение боролось за всеобщее женское избирательное право. И, наконец, Евреинова работала над изданием «Первый женский календарь», где публиковала статьи о женщинах с точки зрения семейного права и права наследования[89]. Евреинова активно участвовала в публицистической и лекционной деятельности, выступая с докладами даже в США[90].

Юлия Лермонтова, кузина Анны Евреиновой и ближайшая подруга Софьи Ковалевской, изучала химию в Гейдельберге и Берлине; в 1874 г. она получила степень доктора в Геттингенском университете[91]. Когда она вернулась в С.-Петербург, то Менделеев устроил в ее честь торжественный прием, отметив тем самым появление в России первой женщины-химика[92]. Профессора воодушевляли Лермонтову на занятие научной деятельностью, советуя ей добиваться работы в высшей школе. Химик Марковников на первое время предоставил ей место как научной сотруднице в своей московской лаборатории. Позднее она работала в научных лабораториях профессоров Бутлерова и Львова в С.-Петербурге. В 1880 г. Бутлеров безуспешно пытался привлечь Юлию Лермонтову к сотрудничеству на Высших женских курсах в С.-Петербурге. Вместо этого она решила на научной

основе заняться хозяйством в родительской усадьбе. Мир химиков сожалел о ее отходе от научной жизни. В 1875 г. Лермонтова стала первой женщиной, принятой в члены основанного в 1868 г. Российского общества химиков[93].

Чего же добились первые женщины России, вступившие на научное поприще? Мы уже упоминали об общественном резонансе, вызванном, в частности, получением докторской степени Н. Сусловой. Поскольку зачинательницы этого движения имели влиятельных сторонников в среде либеральных и радикально-демократических сил общества, а экономика страны нуждалась в работниках высокой квалификации, женская научная трудовая деятельность завоевала себе место в обществе, никогда, однако, не претендуя на место в чиновничьей среде. Женская пресса писала: «Благодаря энергии Сусловой и Кашеваровой-Рудневой, искавших для себя возможность получить медицинское образование, женщинам было разрешено стать врачами <...>. Вполне вероятно, что в каждом отдельном случае женщина руководствовалась своими личными интересами, но это ничего не меняет в общественном значении этих женщин»[94].

Кашеварова-Руднева работала в Медико-хирургической академии неофициально, под руководством мужа, но уже в 1880 г. там выполняли обязанности ассистентов десять «научно подготовленных» акушерок[95]. Когда Высшие женские курсы в С.-Петербурге ввели четырехлетний курс подготовки слушательниц, то в связи с этим появились доцентуры, которые могли быть заняты выпускницами данного женского высшего учебного заведения. В 1885/86 уч. г. здесь преподавали: русскую историю – Е.Н. Щепкина и М.А. Веселовская, математику – В.И. Шифф и М.В. Величко, физику – А.Е. Сердобинская[96]. В 1914 г. можно было подытожить, что образованные женщины составляли целую группу ученых, проводивших научно-исследовательские работы в разных областях наук, преподававших в высших учебных заведениях как для женщин, так и для мужчин. Примером может служить медик, защитница женских прав Маргарита Николаевна Маргулис-Аитова. Она училась в Сорбонне, в 1907 г. сначала была ассистенткой на Медицинских женских курсах С.-Петербурга, затем была произведена в доценты в Бактериологическом институте, в Клиническом институте великой княгини Елены Павловны и на Медицинских женских курсах[97]. Такие женщины-ученые работали в «вольных» высших учебных заведениях, содержавшихся частными лицами, а не государством. К подобным заведениям следует причислить и Московский университет Шанявского. Он был основан в 1908 г. доцентом Академии Генерального штаба, впоследствии золотопромышленником А.Л. Шанявским и его женой Л.А. Шанявской (урожд. Родственная). В университете Шанявского было два отделения. В одном из них можно было получить среднее, в другом – высшее образование. В том же учебном заведении преподавала на первых в России курсах подготовки библиотекарей и А.М. Калмыкова[98].

Государственная служба, а следовательно и университетская карьера, даже в начале XX в. оставалась для женщин закрытой. Лишь с 1906 г. женщины получили право зачисляться на обучение в университеты в качестве вольнослушательниц. Хотя 10 мая 1910 г. Высшие женские курсы были признаны высшим учебным заведением и их выпускные свидетельства были приравнены к дипломам университета, однако законом категорически воспрещалось допускать женщин к государственной службе и получению чинов в соответствии с Табелью о рангах. В период с 1911 по 1916 г. выпускницы курсов были обязаны сдавать государственные экзамены в Петербургском университете. Лишь с осени 1916 г. Высшие женские курсы получили право самостоятельно принимать государственные экзамены. С 1910 г. женщинам стало доступно получение ученых степеней без ограничений. Под давлением общественности правительство постепенно двигалось в направлении к женскому равноправию в области высшего образования. Во время Первой мировой войны, с 1916 г., женщинам разрешили зачисляться студентками в университеты в том случае, если не все места будут заняты мужчинами. После Февральской революции 1917 г. Временное правительство разработало проекты широкомасштабных реформ, направленных на обеспечение женского равноправия, в том числе возможности их полной интеграции в научную среду и прохождения соответствующей карьеры, включая и деятельность на государственной службе[99].

Говоря о достижениях русских родоначальниц женского академического образования, следует также упомянуть о членстве женщин в научных обществах начиная с 1875 г., когда в академическое общество химиков была принята Юлия Лермонтова[100]. В 1894 г. археолог Прасковья Уварова стала первым действительным членом Петербургской Академии наук[101]. Софья Ковалевская и другие женщины Российской империи входили в состав зарубежных академических обществ и преподавали в зарубежных высших учебных заведениях. Так, в 1912 г. Лидия Дмитриевна Писаржевская приняла профессуру в парижской Вольной высшей школе социальных наук. Благодаря своей преподавательской деятельности в области сравнительной истории женского движения она приобрела высокую репутацию и была принята в члены нескольких академических обществ[102]. Лидия Рабинович в 1912 г. стала первой женщиной, получившей профессуру в Германии. До этого она училась в Швейцарии, затем стала ученицей немецкого бактериолога Р. Коха. После недолгого исполнения обязанностей доцента в Филадельфии она вернулась в столицу Германской империи[103].

С 1872 г. женщины в России были допущены к изучению медицины по специальной учебной программе; так было положено начало высшему медицинскому женскому образованию. В 1876 г. срок обучения был продлен с четырех лет до пяти, а программа расширена в такой мере, чтобы соответствовать университетскому уровню, хотя незначительные отличия в обучении женщин все же существовали. В 1880 г. правительство разрешило выпускницам курсов называть себя «женщинами-врачами»[104]. Чтобы повысить свой статус и репутацию, студентки-медички во время Русско-турецкой войны в 1877–1878 гг. подавали заявления о готовности отправиться на фронт для выполнения врачебных функций. В качестве аргумента они приводили желание доказать таким путем свои медицинские способности и обрести право на врачебную деятельность в обычной больнице. Одно из заявлений такого содержания в 1877 г. подписали 18 студенток, в том числе Анна Николаевна Шабанова и Варвара Степановна Некрасова (1850 г. рожд.)[105]. Участие в войне на передовых линиях помогло студенткам обрести высокую репутацию в обществе: ведь они в поистине труднейших физических и психологических условиях вместе с коллегами-мужчинами

оказывали помощь раненым. При этом их деятельность не ограничивалась ролью ассистенток; они выполняли все необходимые работы, в том числе и хирургические операции. Варвара Некрасова погибла, заразившись тифом во время эпидемии[106]. Рассказывая в одном из писем о своей полевой службе, она писала, что во имя подъема женского движения важно выполнять самую тяжелую работу, чтобы общество научилось ценить достижения женщин-врачей[107].

Несмотря на определенные неудачи и на временное закрытие курсов в годы царствования Александра III, обучение в основанном в 1897 г. Женском медицинском институте в 1904 г. было приравнено к университетскому. С этого времени для женщин открывалась возможность получения ученой докторской степени. Первой женщиной-профессором стала Е.М. Коваленская, которая в 1912 г. сменила в Медицинском институте профессора физиологической химии С.С. Салазкина[108]. Кроме того, получили признание свидетельства, выданные в зарубежных университетах. В 1898 г. женщинам-врачам было предоставлено право на государственную пенсию и занятие определенных официальных должностей, но без присвоения чинов в соответствии с Табелью о рангах и без права на получение правительственных наград. В 1890 г. государство предоставило женщинам-врачам, занимающимся частной практикой, право заниматься лечением детских и женских болезней без всяких ограничений на тех же условиях, что и их коллеги мужчины. Женщины получили возможность занимать руководящие должности в земских больницах и других медицинских учреждениях[109].

С тех пор как женщины стали обучаться в Медико-хирургической академии, женский врачебный персонал России во все большей мере набирался из выпускниц этого учебного заведения[110]. В 1878 г. студентки-медички составляли 9,5% всех обучавшихся по этой специальности; в состав студенток было зачислено 470 абитуриенток. Наплыв поступавших оказался таким сильным, что ограничение годового приема 70 студентками было вскоре далеко превышено, хотя многим женщинам, подававшим заявления, в приеме отказывали. Абитуриентки прибывали из различных уголков Российской империи и представляли все слои населения, хотя в 70-е годы дворянство, выдвинув 30% всех кандидатов, превосходило по их числу прочие сословия. Первые выпускницы получали работу прежде всего в земствах, главным образом в городских больницах, или занимались частной практикой[111]. В 1893 г. в России насчитывалось 546 женщин-врачей, большинство которых получили образование на родине. Из них 84% работали в городах, 24,2% – в одном С.-Петербурге; 292 женщины, ставшие врачами (54,4%), практиковали в частном порядке, в лечебных же учреждениях были заняты 245 женщин (45,6%). В С.-Петербурге проживали 132 женщины-врача, из них 35 работали в стационарных государственных или частных клиниках и амбулаториях, 14 – в городской коммунальной службе, 7 – в учебных заведениях, 5 – научными ассистентками, 2 – в обществе Красного креста, 5 – в частных институтах; остальные занимались частной практикой. Женщины, работавшие врачами в провинции, нашли места работы преимущественно в больницах и клиниках земств[112].

Эти цифры дают представление о широком спектре задач, выполняемых женщинами-врачами. Кроме того, данные позволяют количественно оценить движение за женское образование и профессиональную деятель-

В.В. Пукирев. Неравный брак
Масло, 1862 (Государственная Третьяковская галерея)

В.В. Пукирев. Приданое
Масло (Государственная Третьяковская галерея)

Слева: Воспитательница Софьи Корвин-Круковской мисс Смит (Smith)
Источник: Архив РАН, Моск. отд-ние. Ф. 603. Оп. 1. № 78

Справа: Домашний учитель Софьи Корвин-Круковской И.И. Малевич
Источник: Там же. № 79

Слева: Вера Фигнер после окончания института в 1869 г.
Источник: *Figner W.* Nacht über Rüßland. Lebenserinnerungen. (Aus dem Russ.). 1928. (Приложение)

В центре: Мария Трубникова
Источник: *Буланова-Трубникова О.К.* Три поколения. М.; Л., 1928

Справа: Елизавета Водовозова
Источник: *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. 1. М., 1987

А. Маковский. Вечеринка. Масло, 1897
Из собрания Государственной Третьяковской галереи в Москве: Альбом, изданный галереей города Розенгейм. Б/г.

Слева: Надежда Суслова, 1867
Источник: Архив РАН, Моск. отд-ние Ф. 605. Оп. 3. № 22

Справа: Мария Бокова в старости.
Источник: Там же. № 17

Выпускники Медико-хирургической академии 1868 г., в том числе Варвара Кашеварова
Источник: *Дионесов С.М.* В.А. Кашеварова-Руднева. Первая русская женщина – доктор медицины. М., 1965

Слева: Софья Ковалевская в начале ее педагогической деятельности в Стокгольме
Источник: Архив РАН. С.-Петербург. отд-ние. Ф. 768. Оп. 1. Д. 36. Л. 6

Справа: Софья Владимировна Ковалевская, дочь Софьи Ковалевской, студентка-медик на рубеже веков. Источник: Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 603. Оп. 2. № 109

Слева: В лаборатории Высших политехнических женских курсов. С.-Петербург, 1912
Источник: «Искры»: Иллюстрированное приложение к газете «Русское слово» 1912. № 20. С. 155

Справа: Основатели высших женских курсов в С.-Петербурге:
О.А. Мордвинова, А.Н. Бекетов, А.П. Философова, П.С. Стасова, Н.А. Белозерская, В.П. Тарновская, Н.В. Стасова, М.А. Менжинская
На заднем плане портреты М. Трубниковой и Е. Конради
Источник: Санкт-Петербургские женские (Бестужевские) курсы 1878–1918: Сб. ст. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. С.М. Валка, Н.Г. Сладкевича, В.И. Смирнова, М.П. Тронской. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1973

Слева: *Н.А. Ярошенко*. Курсистка. Масло, 1883
Источник: *Прытков В.* Н.А. Ярошенко. М., 1950

Справа: Аудитория Высших женских курсов в С.-Петербурге, ныне помещение университета. Фотоснимок 1992 г. из частной коллекции

ность в области медицины. Рассматривая возможности успешной карьеры, которые предоставлялись мужчинам, изучавшим медицину в университетах, получение ими стипендий, доступ к государственной службе и к чинам, перечисленным в Табели о рангах, мы видим, что шансы женщин были несравненно более низкими. Поэтому понятно, что в списках врачей гораздо больше фамилий мужчин, чем женщин. В 1897 г. это соотношение составляло 13 205 к 608, в 1910 г. – 20 157 к 1590[113]. Однако с точки зрения международного женского движения женский врачебный персонал России должен быть оценен совершенно иначе. Скажем, наряду с Россией ведущей страной в плане женской медицинской профессионализации была Англия, но в 1893 г. там было всего 186 женщин-медиков, а в России 546; к 1911 г. их число достигло в Англии 495. А в Германии к 1915 г. было всего 233 женщины-врача и 33 тыс. мужчин этой профессии[114].

Увеличение числа женщин-врачей в России сопровождалось и интеграцией в круг тех деятелей, которые являлись публичными защитниками интересов медицинского персонала. Это относилось к некоторым родоначальницам вступления женщин в медицинскую среду, например к представительнице земской хирургии Александре Гавриловне Архангельской (1851–1905), детскому врачу Анне Николаевне Шабановой (1848–1932) и врачу Думы Марии Ивановне Покровской (1852–1922?). Эти женщины отличались по профессиональному положению в обществе от Надежды Сусловой и Варвары Кашеваровой-Рудневой, поскольку были не изолированными «одинокими борцами», а вместе со многими другими получили образование на Медицинских женских курсах в С.-Петербурге. Шабанова считалась выдающейся зачинательницей медицинского женского образования, поскольку в 1870 г. первой из женщин была зачислена в Гельсингфорсский (Хельсинкский) университет; вскоре ее примеру последовала ее землячка А.Н. Луканина[115]. Когда же женщины были допущены к поступлению в петербургскую Медико-хирургическую академию, Шабанова записалась в это учебное заведение и вошла в число выпускников первого поколения[116].

Если о деятельности названных женщин-врачей не имеется столь обширного собрания источников, которое можно бы сравнить с наследством о деятельности Сусловой и на базе которого можно бы исследовать их проникновение в профессиональную жизнь, то публичные выступления этих женщин все же содержат данные о степени их интеграции в медицинские профессиональные общества. Отсюда можно заключить, что такие женщины, как Шабанова, Архангельская и Покровская, действовали иначе, чем Суслова и Кашеварова-Руднева, чтобы реализовать идеальные представления о профессиональном труде и разумном применении своих сил в обществе. Вступая в контакт с другими членами общества в ходе научного диалога или объединяясь на профессиональной основе, женщины-медики подобно учительницам создавали новейшие формы защиты своих профессиональных интересов.

Александра Архангельская была первой женщиной-врачом, получившей в 1883 г. руководящую должность в органах земского медицинского управления. Благодаря практической деятельности, а также публикации более 500 работ о земской медицине и хирургии она завоевала широкую популярность и внесла вклад в признание земских женщин-врачей русской

общественностью[117]. Ее готовность оказывать помощь не выражалась больше в традиционных формах женской благотворительности. Участие в деятельности медицинских обществ представлялось Архангельской важным скорее всего потому, что это помогало более эффективно организовывать здравоохранение населения. В частности, она активно работала в созданном в 1883 г. Обществе Пирогова. На съездах земских медиков она вносила предложения о реформах и проводила среди коллег опросы об их опыте, чтобы внести собранные сведения в работу названного общества. В 1902 г. она стала там председателем сектора хирургии[118]. Прилагая усилия к улучшению обучения медицинского персонала и оснащения земских медицинских учреждений, а также систематически занимаясь хирургией, Архангельская сосредоточивалась прежде всего на улучшении медицинского обслуживания деревенских женщин[119].

По-иному, нежели Архангельская, поступали Шабанова и Покровская, когда кроме профессиональной и научно-публицистической деятельности занимались общественно-политической работой, посвященной как занятиям в профессиональных объединениях, так и политике в женском вопросе. С одной стороны, Шабанова и Покровская, как и некоторые их коллеги, сознавали, что если женщина становится врачом, то это противоречит господствовавшим ранее нормам. С другой стороны, они не удовлетворялись достигнутым в рамках движения за доступ женщин к профессиональной деятельности. Ведь условия труда женщины-врача были в России намного хуже условий труда для врачей-мужчин. И все страдали из-за того, что в сельской местности не хватало медиков и лекарств, из-за колоссальных географических масштабов страны, из-за упущений в области гигиены и т. д. Для женщин дополнительные проблемы состояли в том, что их заработки были гораздо ниже, чем у мужчин, а сами они не имели альтернативы в виде государственной службы и связанной с ней гарантии положения в обществе[120]. В начале 1890 г. в С.-Петербурге с участием Анны Шабановой было образовано «Общество взаимной помощи женщин-врачей». Оно ставило перед собой задачи быть организацией, представляющей интересы женщин-врачей, ратовать за расширение их прав, поддерживать нуждавшихся в помощи членов общества и бороться за высокий уровень женского медицинского образования. «Общество взаимной помощи» сотрудничало с «Русским женским взаимно-благотворительным обществом», основанным Шабановой в 1895 г.[121]. В 1905 г. Мария Покровская стала организатором первой партии женщин в России – Женской прогрессивной партии. Эти области деятельности Шабановой и Покровской основывались на убеждении, что защита женских интересов должна быть доверена не только профессиональным организациям или политическим партиям, что ее следовало бы претворять в жизнь на базе специальных женских организаций. Необходимой для этого свободы действий и организационной сноровки обе женщины добились на профессиональном поприще. В одном из рассказов о своей деятельности на посту врача Государственной думы Покровская писала, что ощущает себя не только одной из первых женщин-врачей, но и вообще «новой женщиной». Ее история свидетельствует о том, что женщинам приходилось преодолевать специфические для женского пола трудности не только при исполнении обязанностей врача. При возникновении конкурентных ситуаций между полами коллеги-мужчины не останав-

ливались перед женоненавистническими высказываниями (относительно природной неполноценности женщин) и старались достичь своей цели любой ценой[122].

Будучи поборницей феминизма, Покровская считала своим долгом выступать и по вопросам социальной гигиены. Ее биография, как и биография Архангельской, может служить образцом не только врачебной, но и общественно-политической деятельности. Как член «Русского общества охранения народного здравия» она добилась создания двух комиссий, в которых выполняла руководящие функции. Деятельность комиссий соответствовала главным сферам работы Покровской: во-первых, исследованию и реформированию рабочих поселков и, во-вторых, решению проблем, связанных с проституцией[123]. Участвовала она и в основанном в 1900 г. «Русском обществе защиты женщин», чтобы оказывать проституткам материальную помощь[124]. Наследие Покровской, лишь недавно обнаруженное и еще не исследованное основательно, содержит множество рукописей, спектр которых простирается от социально-философских изысканий по вопросам цивилизации до медицинских исследований и работ о женском движении. Наряду с этим имеются многочисленные свидетельства о работе Покровской в ее партии и в руководимом ею политическом женском клубе. Кроме того, из источников следует, что и при советской власти она работала санитарным инспектором[125]. Таким образом, мы видим, что Покровская, так же как Шабанова и Архангельская, интегрировалась в медицинский персонал России и активно служила его интересам. Эти три представительницы научной среды, в противоположность таким известным деятельницам, как Суслова, Кашеварова-Руднева и Ковалевская с их трагическими судьбами, явились примером того, что зачинательницы новой жизни стали на определенном этапе занимать независимое положение в русском обществе. Об этом свидетельствуют также научные и публицистические работы женщин-врачей, посвященные разного рода заболеваниям, в частности инфекционным, а также профилактической гигиене[126].

Мы оставляем другим исследователям задачу систематического охвата свидетельств об участии женской части интеллигенции в работе профессиональных организаций и общественно-политических объединений. Первый очерк, основанный на биографиях первых представительниц российских женщин, получивших высшее образование, дал возможность уяснить на конкретных примерах, что женщины вопреки консервативному противодействию и недостаточной поддержке со стороны государства через короткое время смогли стать высококвалифицированными профессионалами и закрепиться в различных ассоциациях[127]. Широкомасштабная женская публицистическая и научная деятельность также способствовала тому, что женщины с высшим образованием обрели твердую почву в общественной жизни.

К началу XX в. оставались две сферы образования, наглухо закрытые для женщин: юриспруденция и инженерное дело. На эти научные отрасли также оказывалось давление общественным мнением, поддерживаемое прежде всего движением за женское образование. Это стремление было направлено на организацию изучения права и получения женщинами политехнического образования. Таким образом, и в этой сфере движения за доступ женщин к квалифицированным профессиям и к получению ими

образования неотделимы друг от друга. В женской прессе высказывалось мнение о том, что женщины должны быть использованы во всех отраслях юриспруденции: «Перед лицом растущей комплексности условий общественной жизни в нашей стране, перед лицом пусть медленного, но все же имеющего место подъема правового сознания, не может быть ничего иного, кроме как то, что интерес [женщин] к общественным и юридическим наукам есть нечто больше, нежели явление естественное: он необходим»[128].

С 1906 г. для женщин открылся доступ на юридические факультеты. Первые государственные экзамены студенток состоялись в них в 1910 г., а два года спустя диплом юриста получили 296 женщин[129]. Организованное женское движение, в частности в лице юристок Анны Евреиновой и Ф.М. Кауфман-Берлин, с самого начала настойчиво выдвигало требование равноправия женщин в профессиональной сфере. Первые дипломированные юристки ощущали себя авангардом, входящим в состав борцов организованного женского движения. В рамках «Российской лиги равноправия женщин» для представительства общественных интересов было основано юридическое отделение, при котором имелось бюро по устройству на работу. «Русское женское взаимно-благотворительное общество» созвало в октябре 1911 г. собрание женщин-юристов, профессоров и депутатов Думы для обсуждения дальнейших путей поддержки женщин в юриспруденции, поскольку женщин, занимавшихся адвокатурой, все еще не допускали к выступлениям в суде. В 1912 г. в Государственной думе не прошел из-за возражений Государственного совета проект закона, предусматривавшего равноправный доступ женщин к адвокатуре. (Внесен же этот проект был по инициативе двух организаций женского движения.)[130] Поэтому женщины-юристы работали лишь помощницами в адвокатских канцеляриях, в частных фирмах и в управлениях общин. В 1913 г. они объединились в двух профессиональных организациях – Петербургской и Московской[131].

По представлениям российского правительства юриспруденция была слишком тесно связана с государственной ответственностью, чтобы делать женщинам уступки в этой сфере. Поэтому на первом этапе первопроходческие устремления женщин и частные инициативы не привели к каким-либо сдвигам. В 1875 г. Е.Ф. Козьмина открыла в Нижнем Новгороде частную адвокатскую контору. Эта женщина прошла столь солидную подготовку в канцелярии тогдашнего прокурора казанского суда А.Ф. Кони, что была допущена к экзамену и блестяще его сдала. После этого она сама руководила большой канцелярией, однако вскоре ее деятельность была прекращена Сенатом в связи с резкими протестами Министерства внутренних дел[132]. Кроме Козьминой к этому времени были и другие юристки. Когда в 1864 г. в России был образован институт подготовки адвокатов, то из-за недостаточного количества юристов имеющиеся места были заполнены лицами без специального образования, в том числе женщинами. Только указом Сената от 1876 г. женщины были ограничены в выполнении профессиональных юридических функций в том плане, что им не разрешалось выступать перед судом по делам, непосредственно их не касающимся (кроме как свидетельницами или уполномоченными от лица родственников). При этом следует отметить и одно курьезное обстоятельство: в Сибири старые

законы продолжали действовать до 1898 г., так что там вплоть до этого времени имелись женщины-адвокаты[133].

В области высшего политехнического образования дискуссии о доступе к нему женщин стали вестись в начале XX в. Консервативные силы общества были возмущены самой идеей подготовки женщин к инженерной деятельности; ведь порядочной женщине не полагалось в присутствии других лиц даже карабкаться по приставной лестнице. Но женщины настаивали на возможности деятельности в научно-технической области. С инициативой выступила выпускница Высших женских курсов Прасковья Наумовна Ариян. С 1898 г. она выступала в «Русском женском взаимно-благотворительном обществе» за то, чтобы ей и ее мужу разрешили заложить основу женского технического образования. С 1902 г. она работала вместе с Техническим обществом и авторитетными профессорами над созданием программы соответствующего института для женщин. В 1904 г. Прасковья Ариян основала «Общество по изысканию средств для технического образования женщин». К ее усилиям присоединилась такая активистка женского движения, как Анна Павловна Философова. Вместе с отдельными профессорами и представителями Технического общества они стали подавать соответствующие петиции. Наконец, в 1905 г. было разрешено основать политехнические женские курсы в С.-Петербурге, на которые в январе 1906 г. уже записались 234 слушательницы[134]. В 1916 г. здесь обучались уже 1500 студенток.

Подготовка женщин к такой деятельности была первым в мире опытом. Одна из представительниц инженерной профессии А.И. Соколова-Маренина в 1912 г. проявила желание расширить свои знания в США. Но такую возможность она получила, только выдав себя за мужчину[135].

Перед началом Первой мировой войны в издававшемся П. Ариян женском ежегоднике были перечислены высшие и средние учебные заведения, где могли получать образование женщины России. В Российской империи существовало 23 общих высших учебных заведения; кроме того, имелось 8 специальных институтов среднего или высшего технического образования, 21 заведение высшего и среднего медицинского образования, 10 музыкально-художественных и 7 высших педагогических учебных заведений, 19 типов высших и средних коммерческих училищ в главных провинциальных городах, а также 8 видов высших сельскохозяйственных школ[136].

Этим возможностям получения образования и занятия профессиональной деятельностью соответствовало и возросшее женское самосознание в сфере общественной жизни. Уже в начале XX в. женская пресса, отмечая 25-ю годовщину первых женских выпускных экзаменов в Медико-хирургической академии, писала в экзальтированном тоне следующее:

Первый юбилей [1903 г.] касался первых медицинских экзаменов женщин, этого прогрессивного авангарда женской армии в борьбе за право человека на знание и труд. Чествование женщин-врачей было торжественным и трогательным; оно продемонстрировало большой сдвиг в общественном положении и во взглядах на труд и способности женщин. Кроме многочисленных поздравлений, адресов и депутаций от отдельных учреждений, обществ и кружков, этому скромному

празднику русской женщины уделили внимание и официальные круги; два министра – народного просвещения и сельского хозяйства – лично приняли участие в торжестве, еще два – В.К. Плеве и С.Ю. Витте – прислали поздравительные телеграммы...

Теперь, слава Богу, никто уже не расценивает как нарушение женской скромности то, что женщины имеют желание обрести высшее медицинское образование <...>. Сегодня ни одной девушке уже не приходится вступать в конфликт с семьей и обществом, чтобы получить право быть самостоятельным, полезным и активным гражданином своей родины. Какое же моральное удовлетворение должны были испытывать эти уважаемые женщины, вспоминая о ранних годах своей жизни <...>. Они могут по праву и с гордостью осознать, что служат делу высшего женского образования в России, что они вписали свои имена в историю страданий и борьбы женщин за права индивида[137].

Глава VI

Эмансипация женщин как новый фактор общественно-политической деятельности

1

От благотворительной деятельности к созданию самостоятельных общественных организаций

В предшествующих главах было показано, как женщины с изменившимся самосознанием завоевали себе место в общественной жизни, принимая участие в новых формах общения и стремясь освоить разные профессии. Кроме того, участие женщин в общественной жизни России после великих реформ выражалось в возникновении различных организаций. Все эти формы активной деятельности имели целью сделать женщин неотъемлемой частью гражданского общества России. Истоки этой деятельности восходят к 60-м годам XIX в., если соизмерять их с критериями самоопределения и свободы объединения. Исследования свидетельствуют о том, что в самодержавной России не могло в полном объеме зародиться гражданское общество, которое служило бы промежуточной силой, отражавшей интересы различных слоев населения, поскольку для этого не было соответствующих исторических предпосылок. Ни сословные корпорации, ни свободные города, ни появившийся класс буржуазии не наложили своего отпечатка на русскую историю. Эпохи великих реформ при Петре I, Екатерине II и Александре II определялись политическими инициативами сверху; общественные же силы не могли развиться без государственного вмешательства и заставить власти вводить какие-либо изменения. Регламентация жизни государственной бюрократией сохранялась даже после учреждения губернского и городского самоуправления в 60-х годах XIX в., да и после революции 1905 г., когда монархия ограничила свою власть конституцией[1].

И все же произошел перелом, поскольку в ходе экономического развития и урбанизации такие традиционные ячейки общества, как семья, уже не могли удовлетворять интересы отдельного человека. На примере женщин можно видеть, как профессионально занятые индивиды (например, учительницы) в 60-е годы сплотились, чтобы найти социальную защиту в различных объединениях, и как возникали разного рода производственные ассоциации с целью приобщить женщин к трудовой жизни.

На примере Москвы Дж. Брэдли показал, что во второй половине XIX в., особенно на рубеже XIX и XX столетий, появились многообразные объединения, оказывавшие влияние на самосознание городских жителей[2]. Если до великих реформ существовали лишь немногие общества, чаще всего удовлетворявшие интересы дворянства, то в 1912 г. Москва насчитывала

600 свободных ассоциаций профессионального, благотворительного, религиозного, культурного и политического характера. В этих организациях воспитывалось чувство гражданства, причем различные слои общества вступали в контакты между собой и тем самым преодолевались сословные барьеры. В то же время в них культивировались такие социальные добродетели, как частная инициатива, взаимопомощь, предпринимательство, организационный талант, умение принимать разумные решения, а также вера в прогресс и образование[3]. Тезисы Брэдли о становлении в России гражданского общества можно подтвердить примерами из женского движения: организация поборниц женских прав наглядно свидетельствует о трудном процессе самовыражения вплоть до обретения общественно-политического влияния и создания политических объединений.

Первые возможности для женщин беспрепятственно действовать в сфере общественной жизни возникли на основе традиционной женской благотворительности, которую всегда поддерживали государство и церковь. В соответствии с господствовавшим образом женщины как богобоязненной, добродетельной и милосердной христианки женская благотворительность высоко оценивалась русской православной церковью, например путем канонизации занимавшихся благотворительностью женщин, ведших аскетический образ жизни[4]. Первые формы женской благотворительности, однако, были явлением Нового времени. Поначалу инициатива исходила от представительниц императорской семьи, особенно цариц немецкого происхождения, таких как императрица Екатерина II и супруга Павла I Мария Федоровна, которым принадлежит заслуга основания благотворительных организаций[5].

Исследование филантропии в России, которым в особенности занималась Адель (Эйдл) Линденмейр, может рассматриваться как дополнение к результатам изысканий Джозефа Брэдли о начале внутренней организации российского общества. Если перед великими реформами отдельные благотворительные общества учреждались высшим дворянством, то в эпоху Александра II началась «демократизация» благотворительности, выражавшаяся как в новых целеустановках, так и в происхождении организаторов (мужчин и женщин) из различных социальных слоев. К началу XX в. из приблизительно 4 тыс. благотворительных обществ большинство было основано в городской среде по инициативе их организаторов[6].

В этих организациях работали тысячи женщин и не менее чем в 300 объединениях были руководителями; 3 тыс. сестер милосердия выполняли неоплачиваемую общественную работу[7]. Такая широкомасштабная женская занятость позволяет сделать вывод, что «благотворительные действия позволили женщинам сыграть важную, но долгое время недооцениваемую [в исследованиях] роль в становлении гражданского общества в самодержавной России»[8]. А. Линденмейр при этом констатировала, что в начале XX в. женщины действительно занимались многообразными формами филантропической деятельности, но все же не поднимались до руководства крупными благотворительными обществами и лишь в незначительной мере представляли интересы женского пола на конференциях и съездах[9].

Это отставание в социальной сфере не должно, однако, переноситься на общественную деятельность женщин в целом[10]. На примере возник-

новения организованного женского движения можно наглядно показать, что в процессе модернизации общества менялись и формы традиционной филантропии. Практиковалась не только благотворительность по отношению к маргинальным группам населения в целях смягчения их тяжелого положения, но и объединение в общества по защите социально-политических интересов, чтобы оказывать давление на правительство и добиваться проведения давно назревших реформ. Выше уже показано, что «новые женщины», например такие, как врачи Архангельская и Покровская, выступали в получивших известность обществах за проведение социальных реформ. Такие женщины сознательно отвергали традиционную благотворительность.

В историографии истоки возникновения организаций, боровшихся за женские права, связывались с одним из благотворительных обществ, основание которого было подготовлено в 1859 г. кружком Марии Васильевны Трубниковой. Однако более внимательное рассмотрение общественной деятельности женщин привело нас к необходимости внести поправку в это утверждение. Ведь основание общества Трубниковой и ее соратницами свидетельствует лишь о том, что зачинательницы женского движения учились выступать сначала только на ниве благотворительности. Лишь позднее они распространили сферу своих действий на область защиты женских прав[11]. На этом примере видно также, что традиционная для России филантропия под влиянием прогрессивных западных идей начала менять свой характер[12]. Как показано выше, в 1859 г. к кружку Трубниковой присоединились А.П. Философова и Н.В. Стасова, в этот же кружок входили шестидесятница Н.А. Белозерская (1838–1912; переводчица и литературный критик)[13], сестра Трубниковой Вера Васильевна Ивашева (в замужестве Черкесова) и две баронессы немецкого происхождения – Корф и Штакельберг.

Предметом внимания женщин стало положение нуждающихся работниц и их семей. Участницы кружка решили вести благотворительную деятельность не по инициативе отдельных лиц, а согласованно, на основе равных взносов собрать определенный капитал и разработать устав Общества финансовой поддержки бедного населения С.-Петербурга. Трубникова была избрана руководителем, ее сестра – казначеем объединения. Через несколько месяцев в него входили около 200 мужчин и женщин, имелись и значительные финансовые средства. Вскоре, однако, мнения о формах оказания благотворительной помощи настолько разошлись, что общество распалось. Одна сторона, представленная в основном немками, стояла за попечение бедных под непосредственным руководством членов общества, другая же – за то, чтобы полученными дотациями организовать самопомощь бедняков. Каждая из этих двух группировок основала собственное общество[14].

Организованное Трубниковой Общество дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям С.-Петербурга, действовавшее с 1859 г. и официально разрешенное в 1861 г., на первом этапе опекало вдов, а также брошенных мужьями многодетных матерей, предоставляя им дешевые комнаты для жилья. Сначала для этого сняли у владельцев одну квартиру, за ней последовали и другие.В конце концов Общество, выросшее в своем составе до 300 членов, оказалось в состоянии купить целый дом. Там была

открыта школа, в которой бесплатно обучала детей из нуждающихся семей Мария Александровна Шакеева (урожд. Менжинская). Учебная мастерская предоставляла женщинам места работы. Крупномасштабные заказы приходили из армии, главным образом благодаря свекру Шакеевой, работавшему в одном из военных училищ и использовавшему свои связи. Наконец, были открыты лавки по продаже изделий ручного труда, общественная кухня, прачечная и детский сад, скорее всего первый такого рода в России, куда детей принимали бесплатно[15]. Общество вскоре стало одним из самых влиятельных в С.-Петербурге. В 1869 г. оно предоставило 140 жилых помещений примерно для 400 лиц[16]. В 90-е годы была 171 жилая комната, кроме того, существовало и мужское общежитие на 82 места[17].

В числе первых инициатив, исходивших от прогрессивно настроенных мужчин и женщин, желавших в форме как согласованных, так и самостоятельных акций содействовать реформированию жизни, было и общественное движение за создание воскресных школ. Такие школы в 1858–1859 гг. возникли в Полтаве и Киеве, затем они распространились по всей европейской части царской России. Решающую роль в основании этих учебных заведений сыграл профессор-историк П.В. Павлов, который в 1859 г. вместе с коллегами открыл первую воскресную школу для неграмотных рабочих Киева и уже в том же году переехал в С.-Петербург, где продолжил свое педагогическое дело. Хирург и педагог Н.И. Пирогов, будучи попечителем Киевского учебного округа, внес большой вклад в организацию воскресных школ. В С.-Петербурге Пирогов особенно заботился об учреждении таких школ для женщин. Ему помогала Н.В. Стасова, которая чрезвычайно интересовалась этим движением. В организации воскресных школ активно участвовали и прогрессивные государственные служащие, такие как К.Д. Ушинский[18].

В 1862 г. в Европейской России было 274 воскресных школы, из них 31 женская. Число учащихся достигало около 20 тыс. человек, четвертую часть которых составляли женщины. Первую воскресную школу в Петербурге открыла в собственной квартире в 1859 г. М.С. Шпилевская для 30 девушек. Вскоре в столице существовало 28 таких заведений, преподавательский состав которых достигал 407 человек, и 85 из них были женщины[19]. Это движение могло развиваться очень быстро потому, что соответствовало устремленности передовой интеллигенции к активным действиям: ведь в школах можно было воплощать в жизнь новые идеалы 60-х годов – развивать инициативу, посвящать себя просвещению народа, вовлекать низшие социальные слои в образование. Однако стремление к действиям, независимым от государства, не отвечало представлениям правительства, которое скептически наблюдало за истоками движения воскресных школ. После студенческих волнений и пожаров в С.-Петербурге 6 мая 1862 г. аргументы консерваторов, направленные против либералов, быстро стали господствующими; поэтому предупреждения политической полиции о том, что новые силы в «недрах общества» могут оказать вредное воздействие на народ и на образование, дали правительству повод закрыть воскресные школы; это произошло в июне 1862 г.[20]

Судя по воспоминаниям участниц кружка М. Трубниковой, начало 60-х годов воспринималось как «заря самостоятельного общества». М.А. Менжинская писала, что каждая петербургская семья, причислявшая

себя к интеллигенции, чувствовала себя обязанной поддерживать движение воскресных школ[21]. Из 12 женщин, биографии которых рассматриваются в настоящем исследовании как основные, в движении участвовали четыре. Елизавета Николаевна Цевловская (Водовозова) уже ученицей Смольного института проявляла активность, так как Ушинский побуждал девушек пойти преподавать в школе для служанок, открытой им в 1861 г.[22] Педагогическую деятельность Елизавета Николаевна продолжила в 1862 г. в воскресной школе для рабочих[23]. М.К. Цебрикова проводила занятия в таких учебных заведениях, когда вращалась в студенческих кружках С.-Петербурга[24].

Для Христины Даниловны Алчевской работа в воскресной школе стала даже полем деятельности на всю жизнь, она принесла ей большое общественное признание[25]. К числу петербургских активных деятельниц относились М.В. Трубникова и ее кружок, прежде всего Н.В. Стасова, М.А. Менжинская и Поликсения Степановна Стасова (урожденная Кузнецова, супруга юриста Дмитрия Стасова). На ремесленных предприятиях они давали ученицам элементарные знания. Когда по предложению правительства в 1861 г. был образован совет по координации работы воскресных школ С.-Петербурга, Н.В. Стасова была назначена его депутатом[26]. Студентки, такие как Н.И. Корсини или М.А. Богданова, и представительницы радикально-демократических кружков, в том числе А.П. Блюммер и В.И. Глушановская, также участвовали в движении за создание воскресных школ. Потребность в независимом от государственного вмешательства образовании была так велика, что и после закрытия воскресных школ обучение продолжалось частным образом. Так, и Христину Алчевскую, и Надежду Стасову ученицы просили продолжать обучение на дому. Стасова с готовностью приняла на себя эту обязанность и продолжала занятия в течение десяти лет. Когда в связи со студенческими волнениями в декабре 1861 г. Петербургский университет был закрыт и открылся Вольный университет, просуществовавший несколько недель, вдохновленные движением воскресных школ молодые женщины приняли участие в его работе[27]. «Что за благословенное время это было, – писала Надежда Стасова в своих заметках. – И учащиеся, и учащие всеми силами души стремились к знаниям, к свету!»[28]

Польза, полученная преподавательницами от работы, была значительной. Если они до этого в кружках только обсуждали реформы, то теперь, в рамках движения воскресных школ, они могли набираться практического опыта; они делали первые шаги в общественной деятельности, взаимодействовали с единомышленниками, развивали в коллективе свои интересы и получали опыт самоутверждения, вдохновлявшего их на новые дела, несмотря на то что движение воскресных школ существовало сравнительно короткое время[29]. Оно возобновилось только после длительного перерыва. Правда, в 1864 г. воскресные школы были разрешены, но под контролем государственных органов просвещения. Даже процветавшая в Харькове в начале 80-х годов воскресная школа Христины Алчевской все еще носила характер первопроходческого начинания, не говоря уже об отдельных менее значительных частных инициативах. Лишь в ходе набиравшей силу индустриализации в России снова возник спрос на воскресные школы. В 1905–1907 гг. существовало 782 таких учебных заведения, в том

числе 12 воскресных женских школ в С.-Петербурге[30]. С этого времени женщины обязательно входили в состав их педагогического коллектива. Вместе с Александрой Михайловной Калмыковой, обучавшей в конце 80-х годов рабочих одного из петербургских заводских кварталов в воскресной школе, преподавали исключительно выпускницы высших женских курсов[31].

Опыт, который был накоплен женщинами в связи с их участием в благотворительной деятельности, составил важную предпосылку феминистского движения. Его передовые поборницы, такие как Мария Трубникова и Мария Цебрикова, воспитанные на культуре обсуждения мнений в кружках, получили стимул к организации воскресных школ. Мария Трубникова, кроме того, многому научилась благодаря своей деятельности на пользу Общества дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям С.-Петербурга. Перед глазами женщин, организовавших это общество, стояли нужда и горе, в которых жили многие молодые женщины столицы. Представлялось, что решить их проблемы в первую очередь помогут обучение и профессиональная квалификация. Эти соображения побудили Трубникову и других зачинательниц движения конца 60-х годов выступить за возможность получения женщинами высшего образования.

Непосредственное начало этому положила Е.И. Конради, выступив в начале 1868 г. перед общественностью по вопросам женского права. Тогда она действовала в одиночку. Но, как показано выше, она вращалась в прогрессивных кружках и, будучи сотрудницей «Женского вестника», защищала радикально-демократические идеи. К этому добавилось и то, что в середине декабря 1867 г. российская пресса распространила сообщение о получении Надеждой Сусловой в Цюрихе ученой степени доктора наук, т. е. она стала первой женщиной, достигшей такого успеха. Именно после этого Евгения Конради решилась на «подвиг всей жизни», как оценивал это ее современник Владимир Стасов[32]. 28 декабря 1867 г. открылся Первый съезд русских естествоиспытателей и врачей, собравший 600 участников, в том числе и женщин. На втором его заседании, в начале января 1868 г., секретарь организационного комитета профессор А.Н. Бекетов объявил, что к нему поступило заявление, которое он хотел бы зачитать перед собравшимися. То обстоятельство, что Бекетов вообще принял это обращение к съезду, объяснялось его передовыми политическими взглядами, сделавшими его защитником женской эмансипации.

Евгения Ивановна Конради в обращении к съезду выбрала такую аргументацию, которая могла бы привлечь к позиции, выдвигаемой ею, возможно большее число сторонников. Она выступила поборницей женского дела, представившись матерью, которая ощущает себя обязанной по отношению к вступающему в жизнь поколению. К этому времени даже консервативные силы стали разделять мнение, что матерям следует предоставлять возможность получать лучшее образование. Спор шел лишь о том, какое место можно признать за женским полом в обществе. Учитывая особенности внутрироссийской культуры дискуссий в 60-е годы, обращение Конради к съезду естествоиспытателей следует понимать как свидетельство повышения значимости естественных наук вплоть до ключевой их роли в дебатах о путях общественного прогресса[33]. Поддерживая либеральные и радикально-демократические взгляды по этому вопросу, Конради добавила

к ним «женский аспект». Она заявила: женщины разделяют установку собравшихся естествоиспытателей на общую поддержку развития естественных наук.

Поскольку женщины-матери должны заботиться об умственном развитии своих детей, недостаточно давать им лишь поверхностные знания для решения этой великой общественной задачи: они должны иметь возможность получать знания под руководством ученых. Поэтому к съезду была обращена просьба «ходатайствовать перед правительством о проведении мер, которые наиболее эффективно способствовали бы тому, чтобы сделать из матерей не только номинальных, но и действительных воспитательниц своих детей, поскольку их образование касается той специальной отрасли науки, которая является предметом этого съезда». Съезд получил бы тем самым дополнительную возможность поставить свою программу на службу обществу и будущему поколению[34]. Прочитав обращение Конради, Бекетов заявил, что организационный комитет съезда выражает полное понимание содержания записки, однако не видит возможности обсудить обращение, так как на съезде нет педагогической секции[35]. Упомянув об этом формальном факте, Бекетов предложил съезду продолжить работу по повестке дня.

Несмотря на это, Евгения Конради достигла многого. Дискуссия о высшем образовании женщин, находившая отклик в обществе уже с начала 60-х годов, разгорелась с новой силой. За прошедший промежуток времени сама общественность изменилась, в том числе и с точки зрения взаимоотношений между полами, поскольку прогрессивные женщины сотрудничали в ведущих журналах и оказывали влияние на обмен мнениями среди интеллигенции в многочисленных кружках. В 1868 г. женщины стали совместно добиваться обсуждения проблем образования. Вскоре в С.-Петербурге едва ли оставался хотя бы один профессор, к которому женщины не обращались бы за разрешением посещать его лекции. Либеральная пресса, особенно «Отечественные записки», для которых писала Мария Цебрикова, поддерживала стремление женщин к равноправному обучению в высших учебных заведениях. Кроме того, и отдельные лица начали подавать прошения о допуске к образованию. Анна Николаевна Шабанова подала заявление о приеме в Медико-хирургическую академию в С.-Петербурге, а после отказа поехала учиться в Гельсингфорс, где стала первой студенткой[36]. Некоторые профессора к этому времени неофициально разрешили женщинам посещать свои лекции. Так, Софья Ковалевская слушала лекции И.М. Сеченова, Вера Фигнер стала студенткой профессора анатомии П.Ф. Лесгафта в Казани[37].

С 1868 г. в Министерство народного просвещения поступали коллективные петиции от женщин Харькова, Москвы и других городов. Одной из первых приняла участие в этом движении Анна Шабанова, высланная в Смоленск и собравшая 63 подписи под заявлением, в котором выражалось требование реформ женского образования и допуска женского пола к поступлению в высшие учебные заведения. Особенно действенные петиции исходили из кружка М.В. Трубниковой в С.-Петербурге. Она в сотрудничестве с Надеждой Стасовой, Анной Философовой, Варварой Тарновской, Евгенией Конради и другими женщинами разработала конкретные предложения для ректора университета об учреждении высших женских курсов.

Проект предусматривал, чтобы в те часы, когда лекционные залы не использовались студентами, там читали лекции для женщин по гуманитарным и естественным наукам. Расходы студентки предлагали оплачивать сами. Под своим предложением составительницы собрали 400 подписей. Подписавшиеся происходили из различных общественных слоев. Дочь военного министра Милютина подписалась наряду с женщинами из трубниковской артели переводчиц, среди которых была и жена профессора Бекетова – Елизавета Григорьевна. Поставила подпись под петицией и Софья Ковалевская[38]. При этом требование о допуске к высшему образованию основывалось (в отличие от требований, предъявленных съезду естествоиспытателей в записке Конради) не только на воспитательских обязанностях матерей; главные аргументы опирались на стремление женщин к получению профессии: указывалось, что интеллектуальный уровень женщин должен быть повышен в целом, чтобы они могли, прежде всего, преподавать в старших классах женских школ[39].

На этот раз университет пошел женщинам навстречу. Проект поддержали многие профессора, которые заявили о своей готовности обучать студенток даже безвозмездно. Была созвана комиссия, чтобы обеспечить профессиональный подход к учреждению высших женских курсов. Правда, проводить занятия в тех зданиях, где обучались студенты, не разрешили[40]. Первая крупная встреча комиссии из 43 профессоров и 30 защитниц женских прав состоялась в доме Трубниковой. Инициативу созыва совещания взяли на себя профессор А.Н. Бекетов и его супруга. Присутствовали также ректор университета К.Ф. Кесслер, профессора Д.И. Менделеев, И.М. Сеченов, К.Н. Бестужев, А.Н. Страннолюбский и другие. Вступительную речь произнесла М.В. Трубникова, назвавшая главной целью присутствующих женщин достижение равенства с мужчинами во всех отраслях науки.

«Да, это было неповторимое собрание! Если вспоминать с позиции сегодняшнего дня: кружок женщин поставил на колени совет университета и двух академий – Академии наук и Академии медицины», – выражала свой восторг Надежда Суслова, вспоминая эту встречу[41].

Когда поборницы женских прав начали переговоры с Министерством народного просвещения, Конради была из делегации исключена на основании того, что ведет себя слишком безапелляционно и бестактно. Вместо этого делегацию защитниц прав женщин должны были представлять сдержанная в общении Надежда Стасова, а также светская дама Анна Философова, имевшая (благодаря мужу) контакты с правительственными кругами и лично знакомая с министром просвещения графом Д. Толстым. После принятия большинством женщин такого решения Трубникова как глава движения выразила свою солидарность с Конради и вышла из состава делегации[42].

В начале 70-х годов Конради вообще отошла от движения за женское образование. Она все меньше одобряла стиль уступок и самоограничений. Ориентированная на новейшие концепции западной политики, она считала необходимым побуждать государство к более последовательным реформам в области образования. В частности, для нее было важно, чтобы правительство приняло на себя по меньшей мере финансирование высшего женского образования[43]. Между тем в случае предъявления таких максималистских

требований движение за женское образование несомненно потерпело бы катастрофу. Успех на его долю выпал благодаря тому, что его представительницы (после заболевания Трубниковой в конце 60-х годов и ее отъезда за границу это прежде всего были Стасова и Философова) предпринимали осмотрительные шаги и им удавалось удержать на своей стороне симпатизировавшие женскому движению либеральные силы. Поборницы женских прав поняли, что воплотить в жизнь идею высшего женского образования можно только на основе общественной инициативы[44]. Одновременно петербургские активистки стремились перенести петиционное движение и в Москву, где профессорско-преподавательский персонал относился к женскому образованию сдержаннее, чем в С.-Петербурге. В Москве ведущей фигурой движения стала Екатерина Степановна Некрасова, поддерживавшая тесный контакт с Анной Шабановой. Некрасова в 1868 г. организовывала женские сходки, на которых составлялись требования по учреждению высших женских курсов. В числе подписывавших соответствующие заявления наряду с сестрами Екатериной и Варварой Некрасовыми были Вера и Екатерина Засулич[45].

На этом этапе женского движения влиятельная часть русской общественности стояла на стороне его зачинательниц. К делу подключились и авторитетные представители международного женского движения, чтобы поддержать борьбу за высшее образование женщин России. Дж.Ст. Милль в декабре 1868 г. (это упомянуто в начале нашей книги) выражал свое горячее одобрение российским передовым поборницам движения за женское образование. Он вдохновлял их на завершение большого начатого дела, за которое, как это ни удивительно, взялись не государства Европы с древней цивилизацией, а страна, считавшаяся отсталой. Легальный доступ обоих полов к высшему образованию означал бы победу всемирной цивилизации[46].

Организация учреждений высшего образования для женщин разработана исследователями достаточно подробно[47]. Поэтому можно ограничиться лишь кратким описанием тех частных успехов, которые были достигнуты до учреждения высшего женского учебного заведения в С.-Петербурге. Правда, в декабре 1868 г. министр народного просвещения Д.А. Толстой воспротивился допуску женщин к слушанию университетских курсов лекций на том основании, что матерям для воспитания детей не обязательно иметь высшее образование, но все же разрешил присутствовать женщинам наравне с мужчинами на публичных лекциях[48]. После обнародования этого разрешения дом Надежды Стасовой стал местом встреч примерно 70 поборниц женских прав, которые продолжали разрабатывать проект организации высшего женского образования. Еще до того как активисткам удалось добиться успеха, небольшая группа молодых женщин отделилась и 1 апреля 1869 г. основала с помощью педагога и издателя И.И. Паульсона Аларчинские курсы, названные по одному из мостов, расположенных рядом с петербургской мужской гимназией. Преподавание на этих курсах проходило на том же уровне, что и в мужской гимназии. Поскольку расходы на данное педагогическое мероприятие шли за счет частных лиц, а монополия мужчин на высшее образование оставалась неприкосновенной, Министерство народного просвещения с готовностью согласилось дать

разрешение на существование курсов. С 1869 по 1875 г. на курсах преподавались физика, химия, русский язык и педагогика, а число слушательниц уже за первый год выросло приблизительно до сотни[49].

В январе 1870 г. поборницы женских прав, группировавшиеся вокруг Надежды Стасовой, добились открытия Владимирских курсов (названных по учебному округу, в котором они находились), которые первоначально посещались и женщинами, и мужчинами[50]. Проводившиеся здесь систематические публичные лекции по гуманитарным и естественным наукам читали в ходе двухлетнего цикла известные профессора. Так, историю преподавал К.Н. Бестужев-Рюмин, государственное право – А.Д. Градовский, естественно-научные дисциплины – А.Н. Бекетов, А.М. Бутлеров, Д.И. Менделеев, И.М. Сеченов и другие. Наплыв слушателей был настолько велик, что чтение лекций по четыре дня в неделю не удовлетворяло спроса. В первые же дни после открытия курсов записались на посещение 900 человек, из них 767 женщин[51]. Поэтому для занятий предоставлялись дополнительно частные квартиры. Анна Павловна Философова вспоминала, что у нее дома читали лекции такие профессора, как математик Страннолюбский или медик Лесгафт. Публика была самая пестрая. «Являлись дамы с лошадиными хвостами и коротко остриженными волосами, сторонницы Гарибальди и многие другие; и все слушали, затаив дыхание...»[52]

Одной из первых женщин, участвовавших в организации Владимирских курсов, была Е.И. Конради. Она привлекла к сотрудничеству М.К. Цебрикову[53]. Между тем полиция за собраниями студенток наблюдала с величайшим недоверием. Так, петербургский обер-полицмейстер Ф.Ф. Трепов предупреждал об опасности «корпоративного духа» женщин, которые, очевидно, должны быть причислены к нигилистическим кругам. Но правительство не согласилось с предложением Трепова закрыть курсы. Напротив, общественность постепенно стала привыкать к студенткам[54].

Петербургский пример вызвал подражания. В Москве в октябре 1869 г. были учреждены Любянские курсы, похожие на Аларчинские; их сразу же стали посещать 190 студенток. Данные учебные мероприятия проводились до 1889 г., а уровень этих курсов шаг за шагом приближался к уровню университетскому[55]. В Киеве Общество естествоиспытателей организовывало в 1870 г. «систематические публичные курсы естественных наук», доступные женщинам. Подобные учебные заведения были в конце 60-х г. открыты и в Казани[56]. В 1872 г. в Москве начала функционировать систематическая форма преподавания по нормам высшего учебного заведения в виде высших женских курсов Герье. Основными направлениями обучения были литературоведение и история, их дополняли занятия по физике и математике, необходимые для должной квалификации учительниц. Первоначально обучение было рассчитано только на два года, но с течением времени его продлили до четырех лет, и учебный план принял естественно-научное направление. Началось же все с того, что московские поборницы женских прав побудили историка В.И. Герье подать в Министерство народного просвещения заявление с просьбой о разрешении учредить женские курсы. В результате эти курсы могли посещать более ста студенток ежегодно[57].

Все эти ранние формы упорядоченного обучения женщин основывались на частных инициативах. Для поддержки высших женских курсов устраивались финансовые сборы и благотворительные мероприятия типа

концертов или аукционов. С 1872 г. правительство выказало готовность поддерживать Владимирские курсы, ассигнуя на их содержание по 1000 рублей в год[58]. Важную роль играли и пожертвования. Лидия Родственная (в замужестве Шанявская), слушательница Владимирских курсов, финансировала с 1872 г. женщин, допущенных к специальному курсу обучения в петербургской Медико-хирургической академии: она основала фонд и внесла на учреждение курсов 50 тыс. рублей[59].

Импульс к принятию политического решения о допуске женщин к изучению медицины дала В.А. Кашеварова-Руднева, сдав выпускные экзамены в декабре 1868 г. На торжестве в ее честь как первой выпускницы Медико-хирургической академии она призвала присутствующих профессоров приложить все усилия к тому, чтобы в будущем женщины получили право на высшее медицинское образование. При этом она обратилась прежде всего к главному военно-медицинскому инспектору Н.И. Козлову. Этот влиятельный человек действительно решил выполнить наказ Кашеваровой. Оказалось также, что некоторые профессора Медико-хирургической академии были настроены по отношению к женщинам достаточно прогрессивно, чтобы признать за ними право на научное образование. Как установил С.М. Дионесов на основании архива Медико-хирургической академии, либеральный военный министр Д.А. Милютин (ему подчинялась академия) в 1864 г. после всеобщего запрета на женское высшее образование в России вступил в контакт с министром внутренних дел, чтобы побудить его разрешить дать образование акушеркам для лечения ими женских болезней[60]. Однако поскольку медицинский совет считал необходимым учредить для подобных целей женский медицинский факультет, то правительство не стало заниматься проблемой, поднятой Милютиным. И только инициатива «самопомощи» русских женщин по получению медицинского образования за рубежом оказала надлежащее давление на Министерство внутренних дел.

То обстоятельство, что женщины в обход запрета все-таки уезжали за границу, взяли на вооружение Козлов и еще два члена медицинского совета, предприняв в январе 1870 г. еще один шаг к разрешению вопроса о медицинском образовании женщин. Они отметили, что студентки самостоятельно решили проблему медицинского образования, отняв у российского государства ответственность за него. По их мнению, учащиеся за границей женщины находятся под влиянием крайних идеологий, что может иметь вредные последствия для русского общества[61]. Тем самым трое участников дискуссии внесли в нее весьма убедительный аргумент. С апреля 1870 г. медицинский совет работал над проектом специального академического курса для женщин, а в мае 1872 г. проект был одобрен Александром II. 1 ноября 1872 г. 89 студенток приступили к изучению медицины. Первую лекцию им прочитал профессор гистологии А.Е. Голубев[62].

21 мая 1873 г. правительство выпустило указ, предписывавший русским женщинам, обучавшимся в Цюрихе, до конца года вернуться в Россию. В тексте указа в примирительном тоне заявлялось, что российское государство всегда положительно относилось к высшему женскому образованию. На основании этого демонстративного компромисса оказалось возможным учредить женские высшие учебные заведения. В апреле 1876 г. Министерство народного просвещения получило инструкцию об устрой-

стве высших женских курсов под собственным контролем. Финансирование курсов должно было осуществляться частными лицами, а выпускницам не предоставлялось никаких дополнительных прав (в том числе и права на школьное преподавание). Вскоре после появления правительственной инструкции 9 апреля 1876 г. в Министерство народного просвещения поступила заявка на учреждение высших женских курсов в С.-Петербурге, а также программа их работы, разработанная профессорами университета. Подписали документ ведущие представительницы движения за женское образование – Н.В. Стасова, М.К. Цебрикова, С.В. Ковалевская, В.П. Тарновская, а также О.П. Рукавишникова, О.А. Мордвинова, В.Д. Самарская-Быховец и З.Ю. Яковлева. Кроме того, под петицией поставили подписи авторитетные ученые и педагоги, с самого начала поддерживавшие требования о разрешении высшего женского образования, такие как А.Н. Бекетов и А.Н. Страннолюбский. Министерство разрешило учредить частное учебное заведение при условии, что ответственность за его функционирование будет возложена на одного из профессоров. Историк К.Н. Бестужев-Рюмин заявил о готовности организовать первый женский университет, который и был официально открыт 20 декабря 1878 г. под названием Петербургские высшие женские курсы (неофициально – Бестужевские курсы). Организация трехлетних (позднее четырехлетних) курсов обучения на трех факультетах (словесно-историческом, естественных наук и математическом) опять же была частично делом зачинательниц женского образования: Надежды и Поликсении Стасовых, М. Трубниковой, А. Философовой, В. Тарновской, М. Менжинской, О. Мордвиновой и О. Нечаевой. Их поддерживали профессора Бекетов, Бутлеров, Менделеев, Страннолюбский и другие. Научное руководство было возложено на педагогический совет под руководством Бекетова, а административные обязанности исполняла Н.В. Стасова[63].

Правительственный декрет, изданный в апреле 1876 г., получил положительные отклики и в других университетских городах. Там также подавались петиции об организации высших женских курсов. Эти усилия принесли успех в 1876 г. в Казани, затем в 1878 г. в Киеве, в 1906 г. – в Одессе и Юрьеве (Дерпте), в 1907 г. – в Харькове и, наконец, в 1909 г. в Варшаве. В Москве были разрешены курсы Герье. К 1912 г. высшие женские курсы существовали в 19 городах, было зачислено в целом 25 тыс. слушательниц[64]. Спрос на обучение на курсах был велик с самого начала. Петербургские курсы начали работать при 814 зачисленных женщинах. С годами пришлось ввиду недостаточных возможностей для обучения отказывать в приеме 40 % поступавших. В числе первых выпускниц были родоначальницы движения за женскую эмансипацию Е.Н. Водовозова, Е.И. Лихачева и Е.С. Некрасова[65].

Частные собрания людей и такое средство, как петиции, еще вполне вписывались в рамки традиционных индивидуальных инициатив, особенно если за дело принимались, ратуя за желавших учиться женщин, такие благополучно устроенные личности, как Стасова или Философова. Вместе с тем движение уже подходило к той стадии, когда назревал переход к организационным формам новой эпохи. Существовал достаточно большой и определенный круг лиц, постоянно трудившихся и привлекавших к себе

сторонников во всей Российской империи. Новым явлением, кроме того, была поддержка женского движения частью прессы. Поборницы женских прав сплачивались в ассоциации, основанные с целью поддержать движение за женское образование. В 1873 г. по инициативе Марии Трубниковой было создано Общество помощи слушательницам женских медицинских курсов[66].

Одновременно с открытием Бестужевских курсов в 1878 г. было учреждено Общество для доставления средств высшим женским курсам, председателем которого стала А.П. Философова. В состоявшем из 12 членов комитете общества работали, в частности, Надежда Стасова, Варвара Тарновская, Софья Ковалевская и Мария Цебрикова; в общество входила также А.М. Калмыкова. Комитет вел систематическую общественную деятельность – устраивал лекции, театральные представления и т. д., чтобы финансировать существование курсов. Кроме этого, комитет привлекал к своей работе и прессу, призывая читателей помогать курсам, предоставлять им денежные пособия; публиковались и финансовые отчеты. Благодаря этой деятельности общество в 1886 г. насчитывало около 1 тыс. членов. В числе главных задач общества было строительство здания для Высших женских курсов. Поскольку правительство и городская дума С.-Петербурга отказывались поддерживать Общество для доставления средств высшим женским курсам, приходилось искать меценатов в других местах. В конце концов многие земства стали организовывать акции денежных пожертвований. Начиная с 1885/86 уч. г. можно было приступать к занятиям в собственном благоустроенном здании. Публичная деятельность Общества для доставления средств высшим женским курсам завоевала национальное и международное признание. В 1896 г. Общество приняло участие в Нижегородской ярмарке, где выставило материалы и учебные программы женских курсов, получив за это высшую награду. В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже Общество было удостоено золотой медали[67].

После организации Высших женских курсов активистки женского движения стали в значительной мере подбирать себе смену на будущее из рядов студенток[68]. В обществах, поддерживавших женщин, активно действовали многочисленные феминистки. Например, в 1874 г. было основано Общество поддержки слушательниц медицинских и педагогических курсов, предоставлявшее обучавшимся стипендии. В 1893 г. возникло Общество поддержки выпускниц петербургских высших женских курсов[69].

Наряду с объединениями, имевшими целью финансовое обеспечение студенток и выпускниц высших учебных заведений, защитницы женских прав избирали объектами своей деятельности социально-политические организации. Меры такого рода соответствовали принципам международного женского движения конца XIX в., которое в этой сфере видело главные задачи в борьбе с проституцией и алкоголизмом (движение воздержания). В сотрудничестве с английскими феминистками в 1900 г. было основано Русское общество защиты женщин, в котором сочетались работа поборниц женских прав с деятельностью врачей и адвокатов. Это общество занималось благотворительностью, предоставляя жилье перебиравшимся в город молодым женщинам, устраивая клубы для работниц и подыскивая вновь прибывшим места работы. Кроме того, Русское общество защиты женщин стремилось оказывать влияние на законодательство. В 1900 г. оно созвало 1-й Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами, на кото-

ром перед общественностью обсуждались темы, связанные с вопросами пола и двойной морали; в 1910 г. был созван съезд для обсуждения проблем проституции. «Выставленные общественной организацией на публичное обсуждение, нашли свое отражение на съезде 1910 года новые гражданские инициативы городской элиты: в этом мероприятии участвовали адвокаты и врачи, на трибуну перед общественностью поднимались уважаемые женщины, чтобы сделать предметом обсуждения проблему сексуальности»[70]. 67% участников съезда составляли женщины; они представляли ряд социальных и политических женских объединений[71].

Движение воздержания показало, что феминистки в союзе с ориентированными на реформы силами одержали верх в отношении влияния на общественную жизнь и начали оказывать на нее «моральное воздействие». П. Герлихай исследовала движение воздержания, полагая, что оба движения (защиты женщин и воздержания) были одновременно некими «троянскими конями»: ведь проституцию и алкоголизм участники и участницы движения рассматривали как жгучие проблемы общества, и причиной их возникновения они считали провал государственной политики в процессе урбанизации. Нищета, безработица, отсутствие образования, убогие жилищные условия и недостаточная забота со стороны церкви способствовали распространению алкоголизма именно в городах. Правительство с недоверием относилось к учреждению автономных «обществ воздержания», а критики государственной политики обвинили правительство в том, что оно, закрепив за собой монополию по продаже алкогольных напитков, с одной стороны, финансировало комиссию по проверке «обществ воздержания», а с другой – обогащало собственную казну за счет нищеты граждан[72].

Женщины в движении воздержания сотрудничали сначала с церковными объединениями. В 1895 г. в каждой губернии было по меньшей мере одно такое объединение, насчитывавшее от 25 до 200 членов. Но в растущих городах эти организации оказывались бессильными воспрепятствовать алкоголизму, который превращался во все более страшную беду, угрожавшую и отдельным семьям, и здоровью народа в целом[73]. Когда в 90-е годы международное движение воздержания начало оказывать влияние на Россию, появились светские объединения, которые, как и новые государственные комиссии, предлагали альтернативы алкоголизму, организуя различного рода заведения и проводя разнообразные мероприятия (чайные клубы, столовые, лекции, беседы)[74]. Женщины часто основывали самостоятельные общества и поддерживали их деятельность. Среди них выделялись прежде всего члены Русского женского взаимно-благотворительного общества Е.А. Чебышева-Дмитриева и А.Н. Пешкова-Толиверова. Последняя в 1898 г. основала Общество охранения здоровья женщин, в котором в 1903 г. по инициативе Чебышевой-Дмитриевой было открыто отделение по борьбе с женским и детским алкоголизмом[75].

Эта поборница женских прав выступила также на 1-м Всероссийском съезде, посвященном борьбе с алкоголизмом[76]. В нем участвовало 60 женщин (393 мужчин), в том числе врач Мария Ивановна Покровская[77]. Главной темой на одной из секций было обсуждение участия женщин в движении воздержания. При этом врач Волькенштейн заявила о своем несогласии как с церковью, так и с государством, обвинив обе эти инстанции в двойственной политике. Духовенство, отмечала она, зачастую ограничивает свою деятельность по борьбе с алкоголизмом временем поста, а государственные чиновники сами, как известно, пьют много и охотно. Поэтому нужны целенаправленные меры, способные заставить алкоголиков отказаться от пьянства по собственной воле[78]. На съезде по борьбе с алкоголизмом женщины обсуждали эту проблему в первую очередь как одну из особенностей русской семейной жизни. Поскольку семьи патриархального склада оставляли женщинам слишком малую свободу действий, они не в силах были справиться с мужчинами. Выход из этого положения могла предоставить только полная эмансипация женского пола. Данная позиция соответствовала требованиям Е.А. Чебышевой-Дмитриевой, которую она высказывала и раньше. По ее мнению, участие женщин в движении воздержания даст им возможность не только победить алкоголизм, но и выполнить важную социальную задачу: ведь именно женщины призваны оказывать обновляющее моральное влияние на все общество вплоть до самой малой его ячейки, т. е. семьи[79].

На фоне данных о многообразной женской деятельности в профессиональных объединениях и общественных организациях на первом этапе эпохи реформ при правлении Александра II вызывают недоумение содержащиеся в работе Р. Стайтса утверждения, что даже несмотря на публичные дискуссии о женской эмансипации с конца 50-х годов XIX в. до 1905 г. в России якобы «не существовало подлинного женского движения»[80]. Этот вывод сделан на основе методологических предпосылок, положенных в основу исследования женских движений, проводившегося в 70-х – начале 80-х годов XX в.: на первом плане стояли политические формы сознания участников движений, что обусловило выявление их классового характера (т. е. причисление их к «буржуазным» либо «социалистическим»)[81]. В противоположность такой методологии новый исследовательский принцип, ориентированный на отношения между полами и охватывающий реалии истории культуры, в научном плане оказывается более плодотворным. Модифицированная перспектива выдвигает и такие явления для наблюдения, которые охватывают женское движение не только в политическом, но и в социально-культурном измерении. Если до революции 1905 г. политическое женское движение России не имело шансов на успех, то движение женщин по развитию социального обеспечения обрело значительную силу. Именно на этой почве основная масса женщин впервые вышла на арену общественности, будь то в целях представления интересов в профессиональной сфере и в области образования или для выполнения общественных функций в рамках движения за нравственный образ жизни и воздержанность[82].

2
Политическое женское движение до 1917 года

Участие большого числа женщин в социально направленной феминистской деятельности привело к тому, что женские организации вступили в общественную жизнь в тот момент, когда возникло движение за всеобщее

избирательное право, т. е. в обстановке революции 1905 г. Представительницы этого движения с самого начала сплотились, основав собственные объединения, чтобы с оптимальными шансами на успех добиться удовлетворения женских интересов. В качестве связующего звена между представительством общественных и политических интересов функционировало Русское женское взаимно-благотворительное общество. Инициатива его создания исходила не от участниц русского женского движения, а от Анны Николаевны Чарноцкой, жены офицера. В 1893 г. она в известной газете «Новое время» опубликовала призыв ко всем женщинам России о создании «русского женского союза». При этом преследовалась цель проявлять женскую солидарность и материально и идейно поддерживать друг друга. Представление о необходимости сплочения женщин Чарноцкая заимствовала из американского женского движения. Кроме того, она предложила создать свою организацию в соответствии с уставом одного из бостонских женских клубов. Однако эта надежда не сбылась. Поскольку власти разрешали женщинам объединяться только в филантропические общества, новой организации приходилось действовать строго в соответствии с этой инструкцией. Поэтому обществу было дано такое название, которое, правда, указывало на его благотворительный характер, но одновременно – в отличие от традиционных союзов – подчеркивало элемент женской самопомощи. Статья I устава общества формулировала эту целеустановку; в статье II перечислялись требуемые материальные средства и предусматриваемые мероприятия: помещения для проведения собраний, организация поиска рабочих мест для безработных, обеспечение женщин питанием, медицинское обслуживание, кассы взаимопомощи, читальные залы и т. д. По уставу в общество принимались только женщины; в качестве представительного органа они на общем собрании выбирали совет общества[1].

В процессе создания женского союза оказалось, что видные активистки движения за женскую эмансипацию готовы принять участие в его работе. С самого начала союзу содействовали Н. Стасова, А. Шабанова, А. Философова, В. Тарновская, А. Энгельгардт и другие. 42 основательницы союза в 1895 г. приняли решение избрать председателем Стасову, чтобы тем самым выказать почтение старшему поколению женского движения. Но после официального открытия общества в мае 1895 г. Надежде Стасовой оставалось руководить им лишь короткое время – в сентябре того же года она скончалась, после чего председательство перешло к Анне Шабановой, которая и оставалась на этом посту до 1917 г.[2] Пока Стасова, действуя в соответствии со своими взглядами, продолжала работу, начатую вместе с Трубниковой и Философовой в 60-х годах, она стремилась направить деятельность общества для женщин на цели взаимной помощи. Стасова полагала, что такое объединение должно стать «школой для женщин», развивать в них чувство собственного достоинства по отношению к мужскому полу, а также прививать им дисциплину в сфере организации женщин и их деятельности[3]. Особенно необходимой представлялась выработка политической стратегии: ведь с первых месяцев существования объединения начались конфликты по поводу стиля работы, что побудило некоторых женщин выйти из его состава. Эти «принципиалки» не желали учитывать то обстоятельство, что совет общества встал на путь осторожного лавирования только для того, чтобы не подвергать общее дело риску запрета со стороны государства[4].

Вскоре в деятельности общества наметились успехи. На каждом общем собрании в его состав вступала «целая волна женщин различного социального положения, различного возраста и различного образования», так что к 1898 г. оно насчитывало около 2 тыс. членов. В сравнении с другими русскими объединениями эта цифра была достаточно внушительной[5]. В С.-Петербурге членам общества с помощью великодушных меценатов удалось устроить библиотеку с читальным залом, которая систематически комплектовалась литературой по женским проблемам, в том числе книгами и периодическими изданиями по женскому движению[6]. Женское общество создало курсы для продолжения образования. Например, проводились занятия по языкам и ораторскому искусству, работала переплетная мастерская, которая готовила переплетчиков и одновременно обслуживала библиотеку общества. Позднее к этому добавилась швейная мастерская. Для расширения знаний членов общества были организованы дискуссионный клуб, кружки по фотографированию, чтению литературы и занятиям музыкой. Последний устраивал концерты, на которых выступали известные деятельницы искусства. Общество поддерживало бюро по трудоустройству и кассу взаимопомощи, а также женское общежитие с общественной столовой. Трудящимся женщинам по низким ценам сдавались 60 жилых комнат. По инициативе Шабановой, работавшей детским врачом, был организован кружок для помощи детям из неимущих семей. Он снабжал их одеждой и обучал женщин правилам гигиены и воспитания детей. «Одним словом, в различных отделениях работают сотни женщин, а принцип общества провозглашает: самостоятельность и самопомощь»[7].

Со временем появились и другие секции, в которых члены общества проявляли особую заботу о трудящихся женщинах из интеллигенции, оказавшихся в бедственном положении. Специальные комитеты оказывали общую благотворительную помощь, в частности голодавшим и пострадавшим от природных катастроф. Наконец стали действовать комиссии, боровшиеся за равноправие женщин в общественной жизни. В 1905 г. к ним добавилась секция избирательного права, выступавшая за всеобщее избирательное право для женщин. Специалистки-эксперты разрабатывали тексты обращений к правительству, чтобы добиться для женщин равных возможностей в области права, на всех ступенях просвещения, на государственной службе и в политической жизни. Кроме того, чтобы оказывать влияние на общество и развивать женскую солидарность, Шабанова с 1902 г. стремилась созвать общероссийский женский съезд, проведение которого было разрешено в 1908 г.[8]

Как видно из программы и деятельности Русского женского взаимно-благотворительного общества, его основу составляли представительницы профессионально трудящейся интеллигенции. Было бы ошибкой характеризовать общество как место сбора только старших по возрасту представительниц движения женской эмансипации или, тем более, накладывать на него штамп консервативности[9]. Скорее его следует рассматривать как место, в котором на рубеже столетий встречались старшее и молодое поколения феминисток, где обсуждали развивавшееся международное женское движение (в частности, эта полемика велась на страницах собственного,

но недолго просуществовавшего журнала «Женское дело»)[10] и объединялись для борьбы за удовлетворение женских потребностей. Молодые члены общества нередко были выпускницами Высших женских курсов. Можно назвать, например, писательницу и издательницу «Северного вестника» Любовь Яковлевну Гуревич, одну из ведущих фигур в литературной жизни на рубеже веков[11].

Новый этап движения за женскую эмансипацию начался в период русской революции 1905 г. Поскольку женщины, добивавшиеся достижения феминистских целей, проявляли в общественно-политической деятельности многосторонность, они могли непосредственно примыкать к движению за политическую свободу. Царь Николай II в своем «Манифесте об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. обещал ввести основные политические свободы (в том числе свободу объединения в союзы), а также законодательное собрание; женское движение тоже получило необходимую свободу действий для борьбы за политическое равноправие женского пола.

История русского движения за равные избирательные права женщин неоднократно являлась предметом исследований. В отношении периода 1905–1917 гг. зафиксированы следующие основные моменты: женское движение разветвлялось на ряд политических группировок; оно приняло более широкие социальные масштабы; ряды участниц пополнились за счет активных представительниц нового поколения; и, наконец, женское самосознание также дифференцировалось[12].

Импульсы политизации женского движения в 1904 г. исходили из различных сфер. Так, врач М.И. Покровская основала феминистический журнал «Женский вестник», вокруг которого сгруппировались ее единомышленники. Это периодическое издание первым из относившихся к женскому движению достигло многолетнего успеха (оно выходило с 1904 по 1917 г.). Журнал отличался критической позицией по отношению к мужчинам, а представительницам женского пола приписывал высокие творческие и моральные качества. На основе такой оценки журнал выступал с требованиями полного равенства женщины в семье и общественной жизни, а следовательно, и в области избирательного права. В социальном аспекте Покровской было важно расширить базу женского движения путем привлечения в него работниц и крестьянок. Кроме того, она выступала за социальную справедливость, пацифизм и общеполитическую демократизацию жизни, а в качестве ближайшей цели ратовала за установление конституционной монархии в России. Эти принципы составляли также платформу Женской прогрессивной партии, которую Покровская основала в декабре 1905 г.[13] Однако этой партии предстояло так и остаться незначительной, поскольку русским традициям феминизма не соответствовали открыто антимужские позиции. Сторонницы этой партии в конечном счете предпочли сгруппироваться вокруг петербургского клуба Женской прогрессивной партии[14].

Гораздо более весомую политическую инициативу проявили женщины новой интеллигенции в рядах движения профессиональных объединений. В мае 1905 г. они объединились в Союз союзов, руководимый П.Н. Милюковым, впоследствии председателем либеральной Конституционно-демократической партии. Основу программы Союза союзов

составляли требования предоставления народу основных политических прав, создания Учредительного собрания, а также осуществления широкой программы социальных преобразований[15]. Всероссийский союз равноправия женщин обрел свой фундамент благодаря многочисленным группам, которые после Кровавого воскресенья 9 января 1905 г. начали публично выдвигать политические требования и участвовать в движениях протеста по всей стране. Ведь именно после этого рокового дня, когда царь дал приказ расстрелять мирную демонстрацию, участники которой хотели лишь вручить ему петицию петербургских рабочих, правительство явно утратило контроль над страной. Население выражало свое возмущение стачками; формировались самостоятельные политические, а также и профсоюзные организации с целью сломить беспредельную власть самодержавия. В такой обстановке к концу февраля 1905 г. группа феминисток, частично из числа тех, которые, как и Любовь Гуревич, покинули Русское женское взаимно-благотворительное общество, организовали в Москве Всероссийский союз равноправия женщин. В числе основательниц были также шестидесятница Анна Евреинова, историки Анна Милюкова (1861 г. р., супруга Павла Милюкова) и Екатерина Щепкина (1854 г. р.), писательница Зинаида Мирович, учительница Мария Чехова (1856 г. р.), которая стала секретарем Союза, публицистка Ариадна Тыркова (1869 г. р.) и, наконец, Екатерина Кускова (тоже 1869 г. р.). Некоторые из этих женщин уже ранее участвовали в деятельности Союза освобождения (1903), т. е. нелегальной оппозиционной организации, состоявшей в основном из представителей социально-критической земской интеллигенции и лиц свободных профессий с высшим образованием. В рамках этого объединения женщины, разумеется, сначала исходили из того, что политические требования свободы, выдвинутые мужской частью интеллигенции, обязательно должны охватывать и женщин: ведь в освободительном движении 60-х годов радикальные демократы сделали идеи эмансипации женщин составной частью собственной концепции. Но в данном случае ожидания активисток Всероссийского союза равноправия женщин не оправдались; женское избирательное право не было включено в политическую программу, составленную в ноябре 1904 г. Феминисток утешали тем, что они еще добьются своего в будущем, когда победит освободительное движение в целом[16].

Но феминистки обладали достаточным чувством собственной значимости, чтобы не дать себя оттеснить на политическую периферию. Весной 1905 г. московский кружок, группировавшийся вокруг Марии Чеховой, Зинаиды Мирович и других, выдвинул инициативу о подаче петиций в Московскую городскую думу. Приводившиеся в петициях аргументы затем послужили базой для сплочения феминисток в названный союз. При этом основательницы ссылались на вклад женщин в общественную жизнь через их профессиональную деятельность и участие в общественных делах. Ввиду этих заслуг, полагали они, не может быть никаких серьезных оснований отказывать женщинам в тех гражданских правах, которые признаются за мужчинами[17].

Факт основания Всероссийского союза равноправия женщин свидетельствовал не только о политизации, но и о том, что в условиях нового этапа женского движения активистки различных политических организаций нашли путь к компромиссу. Наряду с женщинами, сотрудничавшими в

Союзе освобождения или, как Мария Чехова, участвовавшими в деятельности Союза учителей (секция Союза союзов), в движении объединились социал-революционерки (например, Ольга Фолькенштейн) или – на какое-то время – социал-демократки Анна Гуревич и Александра Коллонтай. Муж Чеховой Николай Владимирович Чехов, член-основатель Союза учителей и авторитетный педагог, тоже с самого начала принадлежал к организаторам объединенного движения. Эта многосторонность интересов отразилась и в программе. Все посчитали возможным согласиться с тем, что новый женский союз ощущает свою принадлежность к общему политическому освободительному движению, а потому должен быть открыт и для мужчин. Поскольку общая политическая свобода включает и свободу женщин, должно быть признано и правовое равенство женского пола. Поэтому наряду с политическими требованиями (всеобщие, равноправные, прямые выборы в Учредительное конституционное собрание путем тайного голосования, без различия пола, религии или национальности, а также в соответствии с основополагающими гражданскими правами) программа включала и специфически женские (равноправное положение женщины в обществе, неограниченный доступ к образованию и профессиональной деятельности, а также ко всем государственным должностям; совместное обучение девочек и мальчиков, изменение законов, касавшихся проституции, защиты чувства собственного достоинства женщин и т. д.). Одновременно программа придавала значение открытости союза для представительниц низших слоев населения (путем выполнения требования об уравнении в правах крестьянок и крестьян при разработке будущих аграрных реформ, а также законов о защите труда). На своем начальном этапе союз был организацией интеллигенции; в самую крупную группу его членов входили учительницы, составлявшие 42,4% всех членов союза. За ними следовали женщины-врачи и другой медицинский персонал (27,3%) и деятельницы литературы (18,2%); кроме того, были и отдельные служащие. 48% всех членов ранее посещали Высшие женские курсы; 17,2% – педагогические курсы[18]. Устав Всероссийского союза равноправия женщин был выдержан в подчеркнуто демократическом духе. В отличие от Русского женского взаимно-благотворительного общества в новом союзе предоставлялась сравнительно широкая самостоятельность местным ответвлениям. И в центре, и в регионах решения принимались общим собранием. В качестве исполнительных органов избирались центральные бюро[19]. Благодаря включению Союза равноправия женщин в головную организацию – Союз союзов, были созданы благоприятные предпосылки для пропаганды феминистских интересов: через короткое время для поддержки законопроекта о женском избирательном праве удалось привлечь все общества, а исключением Союза профессоров[20].

Аргументы, которыми даже в либеральных кругах ставились под сомнение призывы поборниц женских прав, были давно известны: то, что утверждалось относительно несостоятельности женской профессиональной деятельности на полвека раньше, было теперь перенесено и на участие женщин в политике. Речь шла о том, что пострадает семья, снизится уровень рождаемости, что женщины в политическом отношении не созрели для принятия решений, в частности, пассивное избирательное право требует таких способностей, которыми женщины якобы не обладают. Приводились и доводы в пользу признания избирательного права для женщин,

но считалось, что этому на данный момент препятствуют некоторые «практические соображения». Так, Конституционно-демократическая партия (кадеты), желавшая привлечь на свою сторону крестьян, считала, что они окажут сопротивление принятию закона о праве женщин на участие в выборах, ввиду чего с этим актом не следует торопиться[21].

Оказывая определенное влияние на профессиональные объединения и земские органы, и Русское женское взаимно-благотворительное общество, и Союз равноправия женщин ставили перед собой задачу проводить петиционные кампании за женское избирательное право. При этом Взаимно-благотворительное общество, как и раньше, придерживалось традиции рассылки обращений: в 1905 г. были разосланы обращения в 108 городских дум и 398 земских советов, 80 губернаторам, в Совет министров и т. д. В 1906 г. Общество передало в Государственную думу петицию о предоставлении женщинам избирательного права, собравшую 5 тыс. подписей[22]. Союз равноправия женщин в это же время инициировал первые массовые собрания женщин и распространял агитационные листовки. Благодаря закреплению в общем освободительном движении Союз набирал все бóльшую политическую силу. К 1905 г. он опирался на 80 секций и бюро в 69 городах; через год после начала своей деятельности он насчитывал около 8 тыс. членов, большинство которых составляли представители интеллигенции[23].

Но руководство Союза равноправия женщин не удовлетворялось этой социальной базой. Несмотря на слабый резонанс среди крестьянок, оно все же пыталось их агитировать; Союз добился положительных результатов в создании базы в среде работниц промышленности и среди прислуги в городах. Кроме того, Союз равноправия женщин прилагал усилия, чтобы через Конституционно-демократическую партию привлечь к себе те политические силы центра, которые скорее всего могли бы оказаться союзниками и партнерами в парламентской борьбе за политическое равноправие женщин наряду с левыми партиями, одобрявшими избирательные права женщин, т. е. социал-демократами, социал-революционерами и так называемой трудовой группой. Усилия по привлечению либералов на сторону поборниц женских прав принесли успех в начале 1906 г. благодаря проведению энергичной агитации двумя членами партии конституционных демократов, входившими одновременно и в Союз равноправия женщин, – Анной Милюковой и Ариадной Тырковой. С тех пор либералы в предвыборной борьбе опирались и на женщин, призывая их оказывать влияние на мужей в пользу достижения целей партии конституционных демократов[24].

Союз равноправия женщин в том же году добился того, что комиссия Государственной думы по гражданскому равноправию поручила ему сформулировать проект закона о женском вопросе, чтобы принять его за основу работы названной комиссии. В Союзе существовала правовая комиссия, которая и представила следующий проект.

Проект закона о женском равноправии

1. Лица женского пола пользуются с лицами мужского пола одинаковыми правами.

2. Во всех законом установленных выборах – общегосударственных, местных, общественных и иных – лица женского пола пользуются на равных с лицами мужского пола основаниях правом избирать и быть избранным.

3. Лица женского пола могут на равных с лицами мужского пола основаниях занимать все установленные законом должности по службе государственной, общественной и по выборам, пользуясь притом и равными правами.

Примечание. В том случае, когда в законе указаны особые должности и звания для лиц женского пола, последние не лишаются права на общем основании занимать и соответственные должности, именуемые в законе в мужском роде.

4. Лица женского пола не призываются к отбыванию воинской повинности и не могут занимать должностей, сопряженных с действительной военной службой.

5. На равных с лицами мужского пола основаниях лица женского пола получают все установленные в законе звания и избирают себе занятия.

6. Лица женского пола имеют право на равных с лицами мужского пола основаниях поступать во все начальные училища разных наименований и все высшие учебные заведения, за исключением духовных Академий и учебных заведений военного и морского ведомства.

7. Кроме начальных училищ разных наименований, средние учебные заведения и низшие учебные заведения могут быть мужские, женские и смешанные. Существующие ныне мужские и женские учебные заведения могут быть преобразованы в смешанные.

8. Лица женского пола вправе подвергаться всем установленным в законе испытаниям на получение званий и свидетельств о прохождении курса учебных заведений всех видов и наименований, не исключая и мужских.

9. Женские учебные заведения могут быть открываемы по программам и условиям прохождения курса, установленным законом для соответственных мужских учебных заведений различных наименований; равным образом существующие ныне женские учебные заведения могут быть преобразованы на указанных началах.

10. Лица женского пола наследуют на равных с лицами мужского пола основаниях.

11. Лица женского пола, вступая в брак, сохраняют все свои права; они вправе свободно распоряжаться своим имуществом и доходами с него, приобретать и отчуждать, вступать во всякого рода сделки, самостоятельно искать и отвечать на суде, не нуждаясь для всего сказанного в согласии мужа.

Не могут они также быть понуждаемы к совместному с мужем жительству.

12. Все узаконения, противоречащие изложенным в предшествующих статьях постановлениям, сим отменяются или соответственно изменяются[25].

Даже этот обширный проект не содержал всех представлений о реформе Союза равноправия женщин. Как объяснила Любовь Гуревич, работа феминисток над проектом должна была ориентироваться на те предпосылки, которыми собиралась руководствоваться думская комиссия. Поэтому правовая комиссия Союза добавила к проекту установку о реформировании законов, которое должны быть в будущем проведено в целях достижения равенства полов; имелись в виду законы, изменить которые было необходимо для установления всеобщего гражданского равенства[26]. Вероятно, наиболее прогрессивный в мире проект закона о равенстве женщин был бы представлен государственному парламенту, если бы последний не был распущен царем. С его точки зрения проекты реформ, готовившиеся партиями большинства (т. е. конституционными демократами и трудовой группой), были слишком далеко идущими[27].

Тем самым зенит организованного движения за женское избирательное право был пройден, поскольку и Вторая Государственная дума (1907) после нескольких месяцев работы была Николаем II распущена. После этого правительство ввело новое, исключающее равенство избирательное право, что изменило соотношение партий в парламенте не в пользу левых и либеральных. В последующий период женское движение страдало не только вследствие этой неудачи, но и из-за разногласий в нем самом: женщины, принимавшие активное участие в русском политическом освободительном движении, были сторонницами различных партий, поэтому они вносили свои политические разногласия и в феминистские организации. Но самым непреодолимым препятствием был вновь усилившийся политический террор. Собрания Союза равноправия женщин стали срываться и запрещаться; угрозам подвергались даже мужья входивших в него женщин. Дело доходило и до арестов феминисток, например в Харькове, в связи с тем, что они пытались привлечь на свою сторону служанок. Такая обстановка подавляла активность женщин, и большинство членов Союза вышли из его состава. В подобных условиях попытка более прочного укоренения женского движения в низших слоях общества была обречена на провал[28].

В это время наиболее целесообразной оказалась тактика Русского женского взаимно-благотворительного общества. Эта организация, как и прежде, сосредоточивала свои усилия как на благотворительности, так и на достижении равенства женщин в образовании и профессиональной деятельности. Начиная с 1905 г. она делала ставку на такое средство, как подача петиций о женском избирательном праве, и всегда стремилась избегать провокаций по отношению к государственным органам. Работая с учетом политической обстановки, Общество в 1908 г. сумело вывести движение, сильно сократившееся по числу членов, из состояния застоя. При поддержке Союза равноправия женщин оно организовало – пусть даже под строгим полицейским контролем – 1-й Всероссийский женский съезд. Председателем съезда была Анна Шабанова, ее заместителем – Анна Философова, кроме того, был избран организационный комитет. Проведение женского съезда многие поборницы феминистского движения восприняли как факт морального возрождения в эпоху политических провалов[29].

Принимая во внимание притеснение женского движения, не приходится удивляться тому, что из тысячи с лишним участниц съезда значительную часть составляли выходцы из обеих столиц империи, принадлежавшие к интеллигенции. Женщин из низших слоев населения провинции мобилизовать не удалось. Это имело тем большее значение, что, как можно было наблюдать, среди крестьянок, особенно молодого поколения, уже созревало новое осознание чувства собственного достоинства и прав женщины[30].

Успех съезда состоял в создании платформы для обмена мнениями и сотрудничества, что нашло непосредственное выражение в резолюциях съезда. Программа отражала широту движения за женскую эмансипацию. Работа съезда проходила в четырех секциях. На заседаниях I секции, работа которой была посвящена общественной и культурной деятельности женщин, представлялись сведения об их деятельности в защиту детей и женщин, о борьбе с проституцией и алкоголизмом, об оказании помощи нуждающимся и безработным женщинам (путем создания мастерских, обще-

житий, столовых и т. д.), а также о шефстве над исправительными домами, тюрьмами и пр. Филантропические акции касались также организации воскресных и других школ, финансирования женского образования, а также участия женщин в профессиональных объединениях, например таких, которые распространяли знания о необходимости поддержания здоровья и гигиены. На заседаниях II секции говорилось о широко разветвленном женском профессиональном движении. Особенно важной темой были недостатки в организации труда на промышленных предприятиях. В рамках IV секции рассматривались проблемы женского образования. На секции II Б, как и на секции III, были выдвинуты новые критерии отношения женщин к своим гражданским правам, в том числе осознание ими возможности играть равную с мужчинами роль в политике. Далее новое женское движение – в противоположность прежнему – намеревалось не только бороться за признание общественностью прав женщин, но и обсуждать специфические женские проблемы, касавшиеся и частной жизни[31].

На раннем этапе женского движения этот аспект не являлся темой, заслуживавшей внимания. В то время боролись за выход из рамок традиционных семейных отношений, чтобы встать на путь самоутверждения не через семью, а путем участия в общественной жизни, в образовании, поставленном на институциональную основу, в профессиональной и социально-политической деятельности. Поэтому в автобиографиях зачинательницы женского движения, игравшие в нем видную роль, об условиях частной жизни упоминали лишь мимоходом. Но все же на материале 12 биографий, взятых за основу в настоящем исследовании, можно продемонстрировать, что 11 из 12 женщин вышли замуж и основали собственные семьи; незамужней осталась только Мария Цебрикова. У восьми женщин (Трубникова, Конради, Водовозова, Калмыкова, Алчевская, Ковалевская, Жаклар и Брешко-Брешковская) были дети. Из них только Екатерина Брешко-Брешковская отказалась от воспитания своего сына, чтобы, действуя в революционном подполье, не отвлекаться на материнские заботы[32].

Среднее сословие той эпохи в семейной жизни по обычаю пользовалось услугами наемного персонала. Так, из воспоминаний Елизаветы Водовозовой видно, что они с мужем даже в самых трудных финансовых условиях жизни не отказывались от услуг няни и домашней работницы. Когда денег в семье совсем не хватало, чета недоедала, но помощниц не увольняла. Благодаря этому Водовозова освобождалась от семейных забот и могла заниматься педагогической деятельностью[33]. Проблема сочетания профессиональной работы и материнского долга, однако, не решалась тем, что феминистки нанимали домашнюю прислугу: ведь организованное женское движение стремилось привлечь к себе представительниц низших слоев населения и удовлетворить их нужды. Как показано выше (в частности, на примерах Трубниковой, Конради, Сусловой и Ковалевской), отношение женщин к браку изменилось. Поэтому, когда семейные устои расшатывались, женщины часто искали выход в разводе, в результате чего сталкивались с проблемами жизни матерей-одиночек.

Доклады и обсуждения этих тем на Всероссийском женском съезде показали, что отношение к браку, семье и материнству претерпело изменения, что было обусловлено социальными мотивами. Участницы съезда придерживались разных точек зрения на брак. Одни (и их было большинство) считали его необходимым условием создания первичной ячейки общества, другие (составляли меньшинство) ратовали за отмену обычных брачных отношений и введение свободного союза. Общим знаменателем для всех феминисток стало требование принципиальной реформы закона о разводе и наследовании имущества, а также паспортного режима, закреплявшего зависимость жен от мужей. Выставлялось требование общественного признания материнства. Это включало социальное обеспечение беременных трудящихся женщин, а также предоставление одиноким женщинам «права на материнство». Некоторые участники съезда выступали с предложением приравнять материнский труд по воспитанию детей к профессиональному труду мужчин, чтобы дать женщинам возможность ответственно относиться к своему делу. Эти дискуссии впоследствии продолжались на страницах печатных органов женского движения – «Женское дело» и «Союз женщин»[34].

Спорным пунктом, по которому на съезде не удалось найти компромисс, являлась принципиальная направленность женского движения либо на самостоятельную, независимую от партий, гражданскую силу, либо на союз с социалистическими партиями, рассматривавшими решение проблем классового антагонизма как предпосылку освобождения женщины. Обсуждение на съезде проблемы классовой борьбы свидетельствовало одновременно о степени организованности и силе пролетарского женского движения. Небольшую группу участниц съезда (около 40 работниц) перед их выступлениями систематически готовила А.М. Коллонтай, социал-демократка, входившая до 1915 г. в состав партии меньшевиков, а затем перешедшая на сторону большевиков. Краеугольным камнем марксистской аргументации был тезис, что рабочий класс как наиболее прогрессивная часть общества должен сам себя освободить и бороться за социалистическое будущее, избавленное от эксплуатации и неравенства. Пролетарское женское движение поставило перед собой задачу привлечь работниц к делу русской социал-демократии. Необходимо было убедить товарищей по партии, что женщины нужны социалистическому движению. Для феминисток этого политического направления главным противоречием был классовый вопрос; отношения между полами являлись фактором второстепенным, зависевшим от экономических преобразований. Придерживаясь этой точки зрения, поборницы пролетарского женского движения встали на путь применения пролетарской тактики. В противоположность активисткам, организовавшим проведение женского съезда, представительницы пролетариата считали главной задачей не достижение солидарности, а отделение трудящихся женщин от так называемого буржуазного женского движения на том основании, что классовые враги не могут находиться в одних рядах[35].

В первые годы XX столетия пролетарское женское движение России оставалось еще слабым. Привлечь к участию в движении работниц в массовых масштабах не удавалось, в работе марксистских кружков участвовали лишь единицы. Но опыт революции 1905 г. привел к тому, что активистки социал-демократической партии, например А. Коллонтай, убедились в необходимости создать свою организацию в среде работниц. Первым успехом было – наряду с публичной агитацией – основание клуба для работниц (1907), который насчитывал от 200 до 300 членов из низ-

ших слоев и интеллигенции. I Всероссийский женский съезд предоставил сторонницам пролетарского женского движения возможность вести среди женщин пропаганду своих взглядов, несмотря на то что на съезде присутствовало мало представительниц низших слоев населения. Главное заключалось в том, что он проходил в обстановке публичности, а это способствовало проведению агитации. Однако успех был весьма скромным, поскольку малочисленная группа работниц из среды социал-демократии не могла скрыть противоречий в своих воззрениях. После раскола участников съезда на меньшевистскую и большевистскую фракции достичь соглашения между ними об общей тактике выступлений стало невозможным[36].

До 1917 г. пролетарскому женскому движению не суждено было проявлять наступательную активность, так как оба направления русской социал-демократии – меньшевики и большевики – считали вредным рассматривать женскую политику как отдельную цель. Тем не менее предлагалось начиная с 23 февраля (8 марта) 1913 г. отмечать Международный женский день (решение об этом было принято в 1910 г. на Международной конференции социалисток в Копенгагене); кроме того, ЦК Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) инициировал в 1914 г. основание женского журнала «Работница». Но вышло лишь несколько номеров, после чего редакция, состоявшая из самых выдающихся активисток партии, была арестована, а издание запрещено. Только после Февральской революции, в мае 1917 г., выпуск «Работницы» был возобновлен. Когда же партийное руководство по настоянию Александры Коллонтай решило создать бюро для организации работниц («женотдел»), то выяснилось, насколько сильны были факторы, препятствовавшие самостоятельным феминистским инициативам, даже среди женского состава членов партии[37]. Правда, большевики перед Международным женским днем 23 февраля (8 марта) 1917 г., как и в предшествовавшие годы, готовились к проведению манифестаций и раздаче листовок, высказываясь, однако, против забастовок. Таким образом, «зачинщиков» революции не оказалось. 23 февраля утром несколько сотен текстильщиц стихийно начали забастовку и выслали делегаток, призывавших к солидаризации с ними всех рабочих Петрограда. Уже в полдень десятки тысяч рабочих и работниц потянулись к центру города. К ним тысячами присоединялись уставшие от войны и голода женщины, которые, как это уже стало привычным, часами стояли в очереди за хлебом, а в этот день дали волю своему гневу, громя пекарни[38].

После 1-го Всероссийского женского съезда политическое женское движение нашло собственный путь к обретению новых организационных форм. В наиболее популярное и энергичное объединение выросла Российская лига равноправия женщин (далее – Женская лига). Она была зарегистрирована в марте 1907 г. в С.-Петербурге, но первоначально особой роли не играла. В 1909 г. в связи с недостаточными возможностями финансирования прекратилось издание органа Союза равноправия женщин – журнала «Союз женщин». Это банкротство означало одновременно конец самой организации. В последнем номере журнала его издательница Мария Чехова заметила, что финансировать женский журнал могло бы только объединенное женское движение[39]. Небольшая группа остававшихся в Женском союзе членов подхватила идею, которая уже долгое время занимала Анну Шабанову как председателя Русского женского взаимно-благотворительного общества, а именно идею объединения русского женского движения. Шабанова еще раньше настойчиво ратовала за основание национального женского совета как филиала основанного в 1888 г. в Чикаго Международного совета женщин (МСЖ)[40], крупной центральной организации, имевшей целью добиваться женского равноправия и включавшей в свою структуру общества социального женского движения. Хотя связи российского союза женщин с этим международным объединением были весьма тесными (так, А.П. Философова в 1899 г. была назначена почетным президентом МСЖ), филиала создать все же не удалось, поскольку русское правительство этого не допустило[41].

В тот период, когда российское политическое женское движение полностью перешло к пассивной обороне, казалось, что подходящим средством для возрождения общественной деятельности станет расширение базы действий. Поэтому члены Союза равноправия женщин, в том числе Чехова, Мирович, Щепкина, Тыркова, присоединились к Российской лиге равноправия женщин. Вскоре новички, используя тактику программных компромиссов, помогли Лиге развернуть действенную политику этой организации. Главной целью Лиги оставалось достижение политического и гражданского равенства женщин путем законодательных реформ[42]. Но во имя развития общества и культуры она призывала женщин научиться нести политическую ответственность. Именно такие женщины, полагала Лига, будут в состоянии воспитывать своих дочерей в гражданском духе. Далее в целях подготовки гражданского равноправия женщин Лига требовала коренным образом реформировать семейное и наследственное право, а также положение женщин-крестьянок, бесправие которых консервируется крестьянским обычным правом. Выдвигались требования создания законодательства по охране женского труда и материнства, уравнения оплаты мужского и женского труда, развития женского профессионального образования, а также равенства возможностей при получении образования всех ступеней мужчинами и женщинами. Своей целью Лига называла подъем общественного признания женщины как матери и воспитательницы своих детей. Тем самым выдвигался веский аргумент против дискриминации женщин, обосновывающий соблюдение принципа гражданского равноправия и выдвигающий на первый план роль женщины как матери, которую женщина сможет исполнять должным образом, будучи полноправным членом общества. Относительно своих форм деятельности и задач Лига ссылалась исключительно на образцовый характер организованного политического движения за женское избирательное право на Западе; одновременно признавалось, что российские условия настоятельно призывают к ориентировке на культурно-просветительную деятельность. В этом контексте Лига определяла и задачи, касавшиеся этики в вопросах пола: борьбу против двойственной морали и проституции, против форм угнетения женщин в сексуальной сфере и за защиту внебрачных детей. Формулировка этих программных тезисов показала, что Лига опиралась на самосознание женщины как матери и представительницы семейного очага. От дискуссии об отношениях полов в этой сфере члены Лиги, однако, отказались, рассматривая распределение ролей в рамках семьи как вполне естественное[43].

Председателем Лиги с 1910 по 1917 г. была врач Поликсения Шишкина-Явейн; она, как и ее коллега по профессии Мария Райх, была новой фигурой в женском движении, быстро нашедшей свое признание среди членов организации. В целях публичной пропаганды женских интересов Лига поддерживала журнал «Женское дело». Его редакционная программа тоже носила компромиссный характер. Журнал отошел от антиклерикальной позиции организованного женского движения и помещал наряду со статьями по профилю журнала обзоры моды и рекламные объявления[44].

Российская лига равноправия женщин по количеству членов не выдерживает сравнения с массовыми феминистскими организациями стран Запада. Но следует учитывать, что численность Лиги, колебавшаяся между 1,5 и 2 тыс. членов, соответствовала политическим условиям России, в которых подобные объединения лишь с большим трудом могли создавать для себя массовую базу. Поэтому в организованное женское движение вливались главным образом активистки из рядов интеллигенции. В 1917 г. оказалось, что имеется потенциал симпатизирующих Лиге женщин, которых можно привлечь к содействию. Первоначально Лига развивала эффективную публичную деятельность в центрах своего сосредоточения – С.-Петербурге, Москве, Харькове и Томске. Одним из пиков ее деятельности был созыв в 1912 г. 1-го Всероссийского съезда по женскому образованию в С.-Петербурге. Одновременно была предпринята попытка координировать работу Лиги с существовавшими женскими обществами и оказывать влияние на деятельность Государственной думы[45]. Однако не было никаких шансов на то, чтобы женщины принимали равноправное участие в выборах в органы городского управления[46]. Тем не менее Лига и Женский союз с помощью петиций добились внесения изменений в отдельные пункты права наследования в пользу женщин; был реформирован паспортный режим, благодаря чему замужние женщины, получив внутрироссийский паспорт, обрели свободу передвижения (а также возможность развода с мужьями). Наконец, можно было констатировать некоторые достижения в сфере открытия высших учебных заведений для женщин и расширения выбора ими профессий[47].

Начало Первой мировой войны в 1914 г. оказало большое влияние на положение женщин: по мере того как мужчины уходили на фронт, женщины получали возможность занимать их рабочие места. Это касалось в основном физического труда в промышленности и сельском хозяйстве. Открылись и возможности получения такой профессии, как кондуктор на транспорте[48]. Например, в Москве доля женщин в промышленном труде увеличилась с 39,4% в 1914 г. до 48,7% в 1917 г. В 1916 г. были призваны в армию от 14 до 15 млн мужчин, из них 10 млн были заняты в сельском хозяйстве, и их необходимо было хотя бы частично заменить. К этому добавилась мобилизация женского персонала на выполнение социальных функций как внутри страны, так и на фронтах. Женщины все активнее проникали в общественную жизнь. Их признавали даже там, где в мирное время женщин оттесняли, используя аргументы о «домашней предназначенности женского пола»[49]. Горе в связи с потерей родных, страдания, причиняемые разрушениями, а также растущая материальная несостоятельность семей отражались на жизни женщин так, что личные потрясения легко могли перерасти в социальный протест. Добавляло напряженно-

сти и то, что несмотря на войну социальное неравенство полов в сфере труда сохранялось. Женщины, принимавшие на себя мужские обязанности как при выполнении черной работы, так и занимаясь квалифицированным трудом, получали гораздо более низкую заработную плату, чем их коллеги-мужчины. Разница доходила до 65%. Усугублялось это отменой положений законодательства по охране труда, предусмотренных только для женщин и детей[50].

В годы Первой мировой войны в России в отличие от других воюющих стран женщины из всех слоев населения добровольно уходили на фронт не только в качестве вспомогательного личного состава, но и для участия в боях[51]. Так, в мае 1917 г. из женщин был сформирован батальон смерти численностью в 1 тыс. бойцов, который должен был служить примером для мужчин при защите родины. В октябре 1917 г. этот батальон оборонял Зимний дворец в С.-Петербурге во время штурма его большевиками[52].

В оценке войны женское движение раскололось. Большевистское женское движение во главе с А. Коллонтай агитировало за окончание войны, которая, по ее словам, служила только интересам господствующих классов[53]. Женское движение в лице Российской лиги равноправия женщин и Русского женского взаимно-благотворительного общества заняло позицию, на которой стояли первые студентки-медички России во время Балканской войны 1877–1878 г.: женщины как гражданки своего отечества должны самоотверженно бороться за его благо, а вознаграждены они будут реформами законов, утверждающих их равенство в обществе. Ведущие представители феминистского движения, такие как Анна Шабанова, занимались многими видами благотворительности. В то же время Шабанова в январе 1915 г. настаивала на том, чтобы передать в Городскую думу С.-Петербурга впечатляющий перечень действий женщин на фронтах и на этом основании требовать для женщин права на участие в коммунальных выборах[54].

Следующая задача заключалась в том, чтобы продвинуть объединение женского движения. Успех на этом поприще мог быть отмечен в конце 1916 г., когда Российский женский союз, петроградский клуб Прогрессивной женской партии и другие женские организации основали Всероссийское женское общество, которое весной 1917 г. было переименовано в Национальный женский совет, присоединившийся к Международному союзу женщин (МСЖ). Но поскольку Национальный женский совет назначил первое собрание на конец 1917 г., ему уже не суждено было стать действенной организацией[55]. Российская лига равноправия женщин в мае 1917 г. преобразовалась и стала именоваться Республиканским союзом демократических женских организаций. Этот Союз принял программу, предусматривавшую реформы в промышленности и сельском хозяйстве, провозглашение республики и сплочение всех женщин, включая членов профессиональных союзов. Основанию Союза предшествовал съезд, состоявшийся 17 апреля, на который прибыли женщины различных феминистских организаций из 50 городов Российской империи. По своей структуре съезд 17 апреля походил на I Всероссийский женский съезд. Из представительниц низших слоев удалось привлечь лишь немногих. Социал-демократки вновь попытались помешать проведению съезда, называя его «продуктом капиталистического строя». И на этот раз они решили покинуть съезд в полном составе, однако группа меньшевичек под руковод-

ством Л. Аксельрод выразила солидарность с собравшимися, так что большевичкам пришлось действовать в одиночку[56].

Все женские организации горячо приветствовали Февральскую революцию[57]. Но восторги поутихли, когда Временное правительство, пообещав созвать Учредительное собрание для принятия конституции и гарантировав гражданское равенство независимо от сословия, религии и национальной принадлежности, тем не менее никак не выразило своего отношения к проблемам пола. Российская лига равноправия женщин немедленно выступила с протестом и развернула агитационную кампанию за политическую эмансипацию женщин, которая встретила живой отклик по всей России. Кульминацией деятельности Лиги стала созванная ею 19 марта в С.-Петербурге демонстрация, сопровождавшаяся выступлениями за предоставление женщинам избирательного права. Эта акция – крупнейшая женская демонстрация в истории России – была одновременного и доказательством того, что немногочисленные организованные поборницы женских прав нашли поддержку женщин, не состоящих в каких-либо организациях. От 35 до 40 тыс. женщин объединились в колоссальной колонне демонстрантов, прошедшей от Государственной думы до Таврического дворца – резиденции Временного правительства. Они несли бесконечное множество транспарантов. Сопровождали колонну музыканты, исполнявшие «Марсельезу», и конные женские отряды для соблюдения правопорядка. Как сообщала поборница женских прав Л. Гуревич, на демонстрацию явились «работницы фабрик и женщины-врачи, санитарки и писательницы, няньки и студентки, телеграфистки и сестры милосердия». Во главе колонны ехали в экипаже Вера Фигнер и Поликсения Шишкина-Явейн[58]. «Демонстрация <...> напоминала большие марши английских суфражисток, которые за десятилетие до этого вызывали зависть русских феминисток. Но, в отличие от тех более ранних демонстраций, эта достигла поставленных целей еще до заката дня»[59].

Собравшиеся перед дворцом женщины добились того, что правительство недвусмысленно высказало свое мнение. Два дня спустя делегация феминисток, в которую среди прочих входили Фигнер, Шабанова, Шишкина-Явейн, Милюкова и Тыркова, получила от премьер-министра князя Г.Е. Львова заверение в том, что правительство поддерживает всеобщее женское избирательное право и будет готовить новые законы по установлению равноправия женщин. 20 июля 1917 г. Временное правительство представило на утверждение Учредительному собранию закон о выборах, по которому мужчинам и женщинам предоставлялись равные права. Феминистки восприняли это как символ полной гражданской правоспособности и веху на пути к дальнейшему изменению отношений между полами. Удовлетворение от политической победы было велико и потому, что женское избирательное право к этому моменту все еще не было узаконено даже в таких наиболее развитых промышленных странах, как Англия, США, Германия и Франция[60]. Временное правительство начало и другие реформы законодательства по равенству лиц обоих полов: женщины получили право быть выбранными в муниципальные органы и вошли в состав городских и земских советов; было введено совместное обучение мальчиков и девочек в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах, женщины уже не подвергались дискриминации на государственной службе, учительницы

и юристки в профессиональной сфере были поставлены в равные условия со своими коллегами-мужчинами[61].

Большая демонстрация женщин в марте 1917 г. по составу своих участников обнаружила, что представительницы женского пола самых различных слоев населения воспринимали войну как тяжелое социальное бремя. Груз страданий привел к всеобщей готовности к действиям, женское и освободительное движения слились воедино, как это имело место уже во время первой русской революции. Но по сравнению с 1905 г. самостоятельное женское политическое движение, опираясь на накопленный опыт, смогло решительнее консолидироваться в организационном и агитационном отношениях, хотя в нем и оставалось сравнительно немного женщин с высшим образованием. В 1905–1906 гг. деятельность Союза равноправия женщин показала, что в низших слоях существует потенциал для мобилизации сил. Поэтому женское движение после Февральской революции получило реальные шансы расширить свою социальную базу и охватывать все новые слои населения провинции. На сторону феминисток, проявляя готовность к оказанию помощи, вставали и те женщины, которые раньше считались символом революционной освободительной борьбы. Так, Вера Фигнер, бывшая членом террористической организации «Земля и воля», через некоторое время после освобождения из 20-летнего заключения в 1904 г. стала поддерживать самостоятельное русское женское движение[62]. Е. Брешко-Брешковкая, руководившая к началу XX в. партией социалистов-революционеров (эсеры) и проведшая 33 года в тюрьмах и ссылке, после Февральской революции вновь возобновила партийно-политическую борьбу, но в то же время стала поддерживать связи с Женской лигой[63].

Сторонницы самостоятельного женского движения после большевистского переворота в октябре 1917 г. солидарности с ним не проявили. Российская лига равноправия женщин составила собственный список кандидаток для выборов в Учредительное собрание. В него входили десять женщин, представлявших интеллигенцию: врачи Поликсения Шишкина-Явейн, Любовь Михайловна Горович и Вера Григорьевна Клячкина, литературные деятельницы Екатерина Дмитриевна Кускова и Зинаида Николаевна Журовская, две преподавательницы высших учебных заведений – историки Александра Яковлевна Ефименко и Екатерина Николаевна Щепкина, а также педагоги Мария Александровна Чехова и Александра Михайловна Калмыкова. Наряду с деятельностью в движении за женское избирательное право восемь женщин участвовали также в социально-политической жизни. В их числе были Клячкина (председатель Общества защиты женщин, Киев) и Елена Ивановна Моллесон (руководитель одного из женских профсоюзов)[64].

Инициатива политического женского движения – выставить свою кандидатуру на всеобщих выборах и представлять женские интересы в конституционном собрании – была при отсутствии массовой поддержки в низших слоях населения лишь символическим актом: женщины на непривычной для них территории заявляли о своих притязаниях, осознав, что впервые в истории стали полноправными гражданками государства, которым в будущем предстоит исполнять и политические функции[65]. Символом исторического момента стало то, что 5 января 1918 г. большевики распустили избранное на демократической основе Учредительное собрание после

первого его заседания. Причиной роспуска стала невозможность проведения через собрание политики пролетарской диктатуры, принятой большевиками, поскольку они составляли лишь четверть членов этого органа. Самостоятельное женское движение, как и другие демократические движения, прекратило свое существование в 1918 г. После этого большевистская партия авторитарно принимала решения о том, что именно является в России «делом женщин».

Заключение

Эмансипация женщин как фактор модернизации общества

На основе 12 биографий в книге описаны возникновение и ход русского движения за женскую эмансипацию. Опираясь на биографические данные, автор предприняла попытку проследить за изменениями в жизни женщин, входивших в годы своей юности в движение, которое привело к перелому в истории России. Под влиянием этого движения они изменили свое самосознание и, резко отделившись от традиционного общества, поставили перед собой новые цели. Зачинательницы женского движения, такие как Надежда Суслова и Софья Ковалевская, первыми получившие высшее образование, стали примером для современниц и для следующего поколения женщин, которые внесли свою лепту в становление российской интеллигенции как социального слоя. Другие, такие как Марья Трубникова, заложили основу общественных ассоциаций, собирая единомышленниц, разрабатывая в кружках представления о реформах и обращаясь к широким кругам граждан, чтобы оказывать коллективное влияние на существующие порядки. Биографии, выбранные автором в качестве образцовых, представляют движение женской эмансипации, которое усвоило главные ценности русского освободительного движения 60-х годов XIX в. Отвергая господствовавшие в обществе нормы, женщины развивали собственное самосознание, опиравшееся на такие гражданские идеалы, как индивидуальность, поведенческий рационализм, этос труда и высокая сознательность. Тем самым подвергался критике российский государственный и общественный строй. Когда в эпоху реформ при Александре II стало ясно, что общество по-прежнему будет оставаться угнетенным, а правоспособность граждан превратится в политическую мечту, небольшая часть женщин вошла в контакт с революционным подпольем. Но подавляющее большинство все же избрало путь «органического труда», т. е. путь личной заинтересованности в том, чтобы заниматься профессиональной деятельностью и приносить пользу обществу.

Во второй половине XIX в. такая позиция приобрела широкие масштабы. Одновременно она указывала на разрыв с менталитетом традиционного общества. Появилась женщина нового типа, которая научилась в соответствии со своим гражданским самосознанием участвовать в общественной жизни и оказывать на нее влияние. Самоутверждение на основе новых представлений о ценностях жизни явилось предпосылкой объединения женщин в различные общества. Они сплотились, чтобы осуществить на этой основе интеграцию в общественную жизнь, сначала в систе-

му образования и в мир труда, а затем и в социальные и политические органы. В России это им удалось выполнить в ходе ускорявшегося процесса изменений, происходивших в обществе. Впервые женская эмансипация превратилась в предмет широкого обсуждения общественностью в конце 50-х годов. Почти в тот же период женщины обратили на себя внимание как слушательницы университетов. Несколько лет спустя представительница русского народа оказалась первой в мире женщиной, выдержавшей государственные экзамены по медицинской специальности в университете. Получив научную степень доктора, она открыла свою врачебную практику. С этого времени женщины начали упорно бороться за равные с мужчинами возможности получения образования. Они нашли поддержку в рядах мужской части прогрессивной интеллигенции. После запрета женского образования в 1863 г. профессора читали лекции вне стен университетов, и слушательницы переполняли аудитории. Тогда же европейская общественность обратила свое внимание на Цюрих, где русские студентки демонстрировали «альтернативный» образ жизни, идущий вразрез с господствовавшими представлениями о нормах женского поведения; кроме того, их здесь привлекали своим социалистическим мировоззрением в свою среду круги эмигрантов. Русское правительство ощутило беспокойство. Оно избрало, наконец, «меньшее зло», предоставив женщинам доступ к высшему образованию в России, надеясь таким образом держать их под контролем. В 1878 г. в Петербурге были открыты Высшие женские курсы, существовавшие (как и многие другие учебные заведения для женщин) благодаря частным женским инициативам включая и создание обществ поддержки.

С тех пор как женщины в начале 60-х годов заявили о своих претензиях на квалифицированную профессиональную деятельность и благодаря потребностям общества в индивидах, способных решать интеллектуальные задачи, обрели желанную занятость, они поняли, что свои интересы необходимо защищать в профессиональных объединениях. Ведь на начальном этапе движения они были лишены социального обеспечения и по сравнению со своими коллегами-мужчинами трудились в гораздо худших условиях. Женщины, с одной стороны, выступали за политические идеалы естественно-правового равенства полов, а с другой – подвергались серьезным притеснениям, обычным для положения, которое занимали женщины в общественной жизни. Эта дилемма постоянно приводила в движение за женскую эмансипацию новых сторонниц, стремившихся занять достойное положение в обществе. Ведущими представительницами движения со временем становились преимущественно выпускницы Высших женских курсов. Поскольку в интересах женского движения работали многочисленные публицистки и издательницы видных периодических изданий, эта тема с 60-х годов не утрачивала больше своей актуальности.

В ходе революции 1905 г. к политическому движению примкнул целый ряд женщин из профессиональных и общественных объединений, насчитывавших уже тысячи женщин. Имея опыт выступлений за женские интересы, феминистки посчитали нужным основать собственные организации, чтобы эффективнее добиваться удовлетворения женских запросов. С наибольшим успехом действовал Союз равноправия женщин в рамках демократического профессионального объединения интеллигенции Союза союзов. В отличие от освободительного движения 60-х годов теперь требовались особенно настойчивые усилия организованных феминисток, чтобы привлекать либеральных представителей мужского пола к поддержанию женского избирательного права как символу эпохи всеобщей гражданской дееспособности. На этапе формирования политических партий либералы искали опору в низших слоях населения, сосредоточиваясь при этом на мужском электорате. Либералов надо было прежде всего убедить в том, что требование равноправия полов может принести им политическую выгоду. Вскоре усилия женщин увенчались успехом. Об этом свидетельствовал широкомасштабный законопроект, представленный экспертами Союза равноправия женщин летом 1906 г. в парламентскую комиссию Государственной думы по гражданскому равноправию. Но проект, на который возлагались надежды, даже не обсуждался в Думе, поскольку она была распущена царем. Начавшиеся после этого в 1907 г. репрессии затормозили женское политическое движение.

Что же касается движения женщин за профессиональную деятельность и доступ к образованию, то оно лишь несущественно пострадало от указанных процессов. Интеграция женщин в мир просвещения и профессионального труда успешно продолжалась, а Первая мировая война ей даже благоприятствовала. К этому добавилась распространившаяся по всей стране женская деятельность в общественных организациях. Ассоциации, основанные женским движением, поставили перед собой цель улучшить материальное положение женщин, содействовать их образованию, обеспечивать им социальную защиту и оказывать моральную поддержку (особенно в вопросах, связанных с алкоголизмом и проституцией). Часто эти организации действовали по принципу самопомощи, чтобы выработать у женщин стремление к достижению личной и материальной независимости. Кроме того, поборницы женских прав коллективно – через свои общества, съезды и принимаемые на них решения, путем агитационных и петиционных кампаний – оказывали давление на существовавшие в обществе порядки. Свидетельствами успеха таких мер были реформы по уравнению положения женщин на муниципальном и государственном уровнях начиная с отмены запрета брака для учительниц С.-Петербурга и до реализовывавшегося шаг за шагом допуска женщин к университетам. После Февральской революции 1917 г. женское движение добилось полного доступа к избирательному праву, а также проведения реформ по интеграции женщин в сферы, требующие высшего образования, и на государственную службу. Тем самым идеал женского движения – достижение женщинами положения «самостоятельных, полезных и активных гражданок» – обрел определенные формы.

В заключение следует обобщить сведения не только о ходе движения за женскую эмансипацию, но и о его характере и роли в социальном развитии России. В контексте Западной Европы раннее самостоятельное женское движение было порождением гражданского общества. Женщины не только во Франции и Англии, но также в США и Германии требовали права на участие в гражданской общественной жизни, которым частично уже обладали мужчины. Как правило, этих поборниц женских прав воодушевляло то самосознание, которое они обрели в семье. Они ощущали его как

фактор, позволяющий им проявлять себя на работе, участвовать в мероприятиях по социальному обеспечению трудящихся, в политических акциях. Кроме того, они получали импульсы от реформационных религиозных движений, в которых важную играло роль представление о равенстве всех людей перед Богом. Наряду с этим поборницы женского права испытывали на себе влияние учения о естественном праве, идей ранних социалистов и республиканцев. Говоря об ассоциациях женщин в названных выше странах на этапе зарождения феминистического движения, следует отметить, что его носительницами в основном были представительницы буржуазии (хотя на определенных исторических этапах свои общества организовывали и работницы), стремившиеся раздвинуть рамки домашнего мира. Это стремление было для них гораздо важнее, чем занятие трудовой деятельностью вне семьи и оказание влияния на общественность[1].

Что касается России, то в историографии господствует общее мнение, что здесь не могло сформироваться гражданское общество. Даже после отмены крепостничества в 1861 г. и преобразования общественного устройства самодержавие не допускало подданных к участию в политическом управлении. Наоборот, с помощью самых различных реформационных мер предпринимались попытки стабилизации прежних форм власти. Одной из таких мер было введение земств, т. е. провинциальных органов, принявших на себя функции управления в регионах. В земствах год за годом вновь укреплялось влияние дворянства, первоначально утратившее значение; контроль со стороны государственной бюрократии никогда не отменялся. Любые объединения сверхрегионального характера запрещались государством из-за опасений, что таким образом могло бы сформироваться самостоятельное политическое движение. Городское самоуправление контролировалось государством в той же мере, что и земства. Ввиду высокого ценза, назначенного правительством, лишь минимальная доля городских жителей обладала правом на участие в выборах административных органов. Проекты реформ не осуществлялись, царь продолжал править страной по-прежнему, население так же, как и раньше, было лишено прав на принятие важных решений. Продолжались также отбор административной элиты в соответствии с Табелью о рангах и тем самым ее интеграция в государственную бюрократию. Таким образом, с одной стороны, массе обедневших землевладельцев-дворян была предложена альтернатива к переходу в промежуточные средние социальные слои. А с другой – лицам, поднимающимся по социальной лестнице, высшее образование в сочетании с достаточно высоким служебным чином давало возможность получить потомственное дворянство[2]. И все же прежнее деление населения на две группы – «общество» и «народ» – после отмены крепостного права не сохранилось. Инициированный самим государством процесс модернизации способствовал возникновению в обществе среднего слоя, первых представителей отмежевавшейся от государства гражданской сферы общественности. Впрочем, эта «середина» могла формироваться, только преодолевая упорное сопротивление государства. Потребовалась революция 1905 г., чтобы отвоевать у правительства основные гражданские права и право участия в политической жизни благодаря созданию конституционной монархии.

Поэтому исследователи не признавали за средним слоем России принадлежности к гражданскому обществу[3]. Это объяснялось прежде всего тем, что в России не существовало сильной, обладавшей политическим влиянием буржуазии, которая могла бы выступить с собственными представлениями об общественных ценностях. Вместо этого инициатива в России исходила от интеллигенции. Именно она начала формировать гражданские нормы, когда стала объединяться в особый социальный слой. Этот процесс и являлся причиной того, что первоначально в положение идеала был возведен не буржуа (bourgeois), а скорее гражданин (citoyen или citizen)[4]. Правда, в западной историографии понятие «Bürgertum»* рассматривается как историческая категория, в которой различаются разнородные профессиональные группы в зависимости от их экономического, культурного и политического влияния. В России акцентировалась свойственная этой категории функция культурного творчества:

> В этой перспективе «Bürgertum» возникает в результате зарождения и возрождения представлений о ценностях, этических нормах и стилях жизни за пределами политических и церковных учреждений. Именно в той мере, в какой политические, моральные и эстетические убеждения создаются бюргерско-буржуазными интеллектуалами, а бюргерско-буржуазные группы их принимают, проводят в жизнь и объявляют обязательными для общества в целом, и возникает интегрированное в общество бюргерство-буржуазия. С завоеванием культурной независимости от дворянства и духовенства и по мере отделения от крестьянских и стоящих ниже бюргерства слоев развивается культурная буржуазия, которая увеличивается по численности в ходе распространения и размножения культурных идей и стандартов (норм) поведения <...>. В этой перспективе Bürgertum является носителем и историческим порождением секуляризации и культурного модернизма[5].

В России становление гражданского общества так и не завершилось. Представители профессионализации и рыночной экономики не выработали однородного классового сознания, гражданского самосознания, которое четко отличало бы «верх» от «низа»[6]. Впрочем, в 60-е годы XIX в. можно было наблюдать, как формируется противодействие традиционному дворянскому обществу, обязанное своим возникновением образованности и рациональному мышлению. Это движение протеста могло уже считаться результатом текучести социального состава населения. Поборники движения покинули породившее их сословие и пополнили ряды разночинцев[7]. Они инициировали общественное движение, которое современниками понималось как движение обновления, направленное против традиционных форм власти. «Общественность» стала свободным пространством, «публичностью», в которой это движение и развивалось[8]. Но свобода этого пространства в условиях самодержавной власти и государственного контроля

---

*В русском языке нет термина, который отражал бы все значения этого немецкого понятия. Немецкое слово «Bürger» означает и «бюргер» (мещанин-обыватель), и «городской житель», и «гражданин», и «буржуа»; соответственно «Bürgertum» это и «бюргерство», и «мещанство» (как слой населения), и «гражданское общество», и «буржуазия». Отсюда следует и дальнейшее разъяснение оттенков этого понятия, многозначность которого выше подчеркнута и сравнением с франц. bourgeois («буржуа»), а также с фр. «citoyen» («гражданин») и англ. «citizen» (тоже «гражданин»). – *Прим. пер.*

могла быть лишь ограниченной. Первым признаком становления общественности стала дискуссия в публицистике, которая с тех пор навсегда превратилась в самостоятельную силу и суждения которой не могли игнорироваться в эпоху общественного перелома даже властями[9].

Еще одной характерной чертой среднего слоя общества в ходе урбанизации, начавшейся индустриализации и распространения просвещения стал количественный рост профессиональной интеллигенции, не занятой на государственной службе. К этому добавлялись объединение в свободные организации и развитие самостоятельной культурной деятельности. Все эти факторы способствовали становлению гражданского общества (civil society), которое образовалось в городской среде как свойственная бюргерству-буржуазии промежуточная сфера между семьей и государством. В действиях гражданского общества активно участвовали отдельные лица, руководствуясь своими личными интересами, знаниями и представлениями о гражданской ответственности. Будучи действующим элементом интеллигентской среды, индивид обретал новое обличие: он уже не стоял на обочине жизни, испытывая чувство вины перед народом и выражая скептицизм по отношению к обществу; теперь индивид растворялся в этом обществе[10]. Его намерение защищать также интересы низших слоев населения отдаленно напоминало самосознание раннего бюргерства, провозглашавшего единство третьего сословия. Политизация такого представителя русской интеллигенции и его наступательная позиция в борьбе против самодержавия по существу соответствовали ранней бюргерской оппозиции, боровшейся против контроля за своими действиями со стороны органов государственной власти[11]. После революции 1905 г. общественности в России было предоставлено дополнительное пространство, а ее участие в политических событиях, каким бы ограниченным оно ни было, стало возможным, гражданское же общество тем самым получило шансы на становление. Тем не менее в историографии всегда подчеркивалось, насколько тонок был этот средний слой по сравнению с огромной массой слоев низших и насколько коротким был промежуток времени, остававшийся до большевистского путча в октябре 1917 г. Тут требовалось не какое-то десятилетие, а как минимум век, чтобы гражданское общество могло достичь своего полного развития[12].

Средой, в которой развивалось русское движение за женскую эмансипацию, был именно средний слой общества, переживавший свое становление с 60-х годов XIX в. Как показало исследование биографий протагонисток этого движения, по своему характеру оно было бюргерско-гражданским; это означает, что ему были присущи как сильные, так и слабые стороны, характерные для данной стадии общественного развития России. Чтобы описать процесс обретения движением бюргерско-гражданских свойств, в нашем исследовании особое внимание обращается на раскрытие особенностей ментальных процессов, породивших «нового человека» как продукт социально-культурной модернизации XIX в. При этом за исходный пункт принята начавшаяся в публицистике конца 50-х годов дискуссия на тему о «новом человеке», ибо часть выступавших и сами чувствовали себя представителями наступавшей эпохи, не разделявшими понятия о ценностях, свойственные верноподданническому обществу. Зачинательницы женских движений испытывали на себе в молодости неослабное влияние этих общественных дебатов.

В литературе того времени благодаря огромному влиянию на читателей произведений И. Тургенева впервые появился тип «нового человека». Если в 1860 г. «новым человеком» в творчестве Тургенева был болгарский разночинец, погибший в ходе освободительной борьбы, то в 1862 г. главный герой преобразился в русского врача, для которого высшими ценностями были рационализм, эгоизм, труд и знания. Оба эти героя, Инсаров и Базаров, отвернулись от дворянского общества, причем последний проявил при этом прямо-таки анархистскую непреклонность. И уже в начале 60-х годов женщины поступали в том же духе, протестуя против господствовавших в обществе норм поведения. За Инсаровым последовала героиня романа, молодая дворянка Елена, увидевшая цель своей жизни в практической работе сестрой милосердия и поддержке освободительной борьбы. Писательница А.Я. Панаева представила читающей публике в 1862 г. русскую женщину из низших городских слоев Анну Васильевну. Эта героиня тоже была носительницей морали, направленной против старых порядков: Анна развила в себе осознание своей индивидуальности и чувство собственного достоинства, основанные на материальной независимости. Она самостоятельно избрала себе свой жизненный путь и своего партнера. И та, и другая основали свое дело и обеспечили себе средства на жизнь, объединив совместную трудовую деятельность с социальной активностью на пользу народного просвещения.

Чуть позже Н.Г. Чернышевский представил широкомасштабную программу эмансипации, дополнившую идею равенства полов концепциями ранних социалистов. Предложенный этой программой проект становления «нового человека» был связан с представлением Фурье об общественной эмансипации. Стержнем программы являлось освобождение женского пола от традиционных ограничений. Основной темой романа Чернышевского было решение проблемы изменения отношений между полами. В центре произведения «Что делать?» стояла женщина, Вера Павловна, освобожденная студентом-медиком от влияния мелкобуржуазной деспотической среды и принявшая новейшие передовые взгляды. Герой и героиня выступали за «разумный эгоизм», т. е. за то, чтобы принимать решения, руководствуясь личными интересами и вместе с тем осознавая ответственность перед обществом. Из этого для Веры следовали свободный выбор партнера по жизненному пути, новые, товарищеские отношения с супругом и самостоятельная профессиональная деятельность, сначала в женской производственной артели, а позднее в сфере врачебной практики. Основой процесса эмансипации был отказ от господствовавшего мнения о женщине как о существе, не равном мужчине по самой природе. Униженное положение женского пола рассматривалось теперь как следствие патриархальных представлений и недостаточной просвещенности. Тем самым внушалась мысль о том, что равные возможности развития обоих полов приведут к возрастанию роли женщин в жизни общества.

Разумные решения вместо веры в сложившиеся порядки, прогресс на основе науки, образование и труд, сосредоточение усилий на собственном «я», работа на пользу обществу – все эти лозунги отличали так называемую нигилистическую среду, в которой фундаментальная критика старых порядков сочеталась со стремлением обеспечить становление современного «нового» человека. В этой среде одобрялась последовательная

эмансипация женщин, т. е. освобождение их от традиционных оков. Среди духовных лидеров этой среды, к которым наряду с Н.Г. Чернышевским принадлежали Н.А. Добролюбов и М.Л. Михайлов, прежде всего необходимо назвать Д.И. Писарева, молодого публициста, бичевавшего дворянскую культуру, из которой он сам и вышел. Во имя разума он требовал беспощадной переоценки всех общественных ценностей и авторитетов. Критерием морали и действия для Писарева было только собственное «я», а обращался он к молодому поколению как к творцу будущей жизни. Образованная молодежь чтила Писарева как своего кумира, потому что в эпоху общественного перелома он одарил ее самосознанием и внушил ей стремление стать в первые ряды Нового времени.

Нигилистическое движение и «встречная» культура опирались в основном на студентов как на социальных носителей, а также на радикально настроенных демократических представителей профессиональной интеллигенции. Наряду с писателями и педагогами среди них часто встречались естесвоиспытатели, преподававшие в университетах. Лица, симпатизировавшие нигилистическому движению, появлялись по всей стране. Это обстоятельство давало политической полиции повод к серьезному беспокойству. Оно особенно усиливалось тем, что все больше женщин были готовы поддержать это движение или полностью изменить образ жизни, перейдя в ряды протестующих.

С самого начала в нигилистическом движении участвовали такие центральные фигуры русского женского движения, как Марии Трубникова, Евгения Конради, Мария Цебрикова, Софья Ковалевская, Надежда Суслова и другие, разделявшие новые представления об идеалах жизни. Соответственно менялись и жизненные планы женщин: с открытием понятия индивидуальности, основанного на естественно-правовом равенстве, традиционные обязанности этих женщин в рамках семьи для некоторых представительниц нового поколения становились фактором относительным. На примерах 12 протагонисток удалось показать, что даже при различных социальных предпосылках большую притягательную силу обрел идеал свободного, равного и дееспособного гражданина (citoyen), который принимался за образец в радикально-демократических кругах. Эта модель пробудила в женщинах потребность развивать личные способности путем образования, а также участвовать, подобно мужчинам, в общественной жизни, чтобы отстаивать свои интересы. В связи с этим круг действий женщины расширился. Ранее в соответствии с традицией он был ограничен семейными отношениями, в рамках которых женщина и исполняла выпавшую на ее долю роль (супруги, матери, хозяйки дома и т. д.). Изменившееся женское сознание привело к тому, что женщины, вопреки сопротивлению консервативных элементов, отстаивали свое место в общественной жизни, одновременно добиваясь большего равенства и в личной жизни. Тем самым изменение женской сущности внесло перемены и в отношения между полами, что в целом соответствовало тенденции свертывания традиционных структур господства и подчиненности в ходе модернизации вообще. Появление женщины на арене общественной жизни сразу же было воспринято современниками как начало коренного перелома, затронувшего общество вплоть до его основ: консервативные элементы выступали с мрачными прогнозами распада семьи и снижения воспроизводства рода людского. Однако

подобные предупреждения в долгосрочной перспективе оказались безрезультатными. Пробуждение женщин к новой жизни стало важным не только с точки зрения появления новых производительных сил в процессе экономического развития, но и как признак эволюции менталитета, в ходе которой нормы старого мира безвозвратно вытеснялись в пользу ценностных представлений, обеспечивавших удовлетворение материальных и духовных потребностей на базе личного права и личной ответственности[13].

Симптоматичным для России, в которой не развилась городская буржуазия нового типа, было то, что женщины, испытавшие на себе в 60-е годы XIX в. тягу к радикально-демократической «встречной» культуре, происходили преимущественно из дворянского сословия. Исследование участия женщин в социальных движениях накануне отмены крепостного права четко выявило неизменность патриархального характера русской семьи на примере дворянства, культура которого отличалась специфическими функциями власти и служения. Только насажденное «сверху» просвещение внесло в широкие круги дворянства фермент образованности. Однако принцип воспитания «полезных государству граждан» вплоть до последних десятилетий XIX в. распространялся преимущественного на мужчин. Государственная программа обращения к Западу в эпоху Просвещения первоначально не внесла принципиальных изменений в отношения между полами. Предписанный западный стиль поведения ограничивался для дворянок лишь внешними признаками до тех пор, пока они не получили необходимых культурных навыков для его полного принятия. Соответствующую идеалам Просвещения основу изменений в воспитании молодых женщин заложила Екатерина II. Правда, кодекс ценностей по-прежнему ориентировался на патриархальные нормы, требовавшие от женщин быть покорной и преданной, однако идеологически повысилось значение защитных и в первую очередь воспитательных функций главы дома. Впервые система государственных учебных заведений открылась для девушек. Концепция женского воспитания в первой половине XIX в. хотя и подвергалась религиозно-консервативным влияниям, однако в литературе, науке и дискуссиях, проходивших в салонах дворянских домов, уже коренилось представление о человеке, опирающееся на естественное право и распространяющееся также на женщину.

Как показало изучение детских лет жизни и воспитания девочек, в дворянских семьях в соответствии с традицией их подготавливали к роли жены. Их воспитание было направлено на то, чтобы после замужества они могли достойно выполнять представительские обязанности. В недворянских семьях образование, как правило, предусматривалось только для юношей (если вообще детям преподносились какие-то знания). Когда в эпоху реформ Александра II в общественно-политической жизни России наступила «оттепель» и «общество» начало проявлять себя отдельно от государства, женщины в этом процессе уже участвовали. Чтобы установить, какие именно факторы были решающими в освобождении женщин от традиционных норм, потребовалось глубокое проникновение в мир детства девушек. Биографии выбранных нами представительниц женского движения позволили заключить, что в их дворянских родительских домах уже чувствовалось влияние реформ разных направлений. Зачинательница организованного женского движения М.В. Трубникова была дочерью декабриста, ей при-

шлось много выстрадать из-за бойкота, которому была подвергнута семья; тем не менее политическая позиция отца оказывала на дочь постоянное воздействие. В других родительских домах реформаторский дух проявлялся в том, что отец и (или) мать занимали либеральные позиции. Поэтому они оставляли дочерям свободу выбора (так было в родительском доме у Ковалевской, Жаклар, Калмыковой, Фигнер, Брешко-Бершковской).

Социализация зачинательниц движения за женскую эмансипацию также обнаруживает, что она происходила уже не исключительно в иерархии женской половины семьи. Воспитанием девочек стали заниматься и разделявшие реформы отцы и другие мужчины – члены семьи. Они оказывали влияние на девочек как носители духовных интересов и личной свободы действий. С этим процессом был связан переход от христианских догм к светским принципам. До определенного момента ориентированность на реформы была в какой-то мере связана с этническим происхождением: польские и литовские влияния в особенности вели к тому, что в дворянской среде идеалы просвещения стали передаваться и дочерям (Водовозова, Конради, Брешко-Брешковская), в результате чего у них возникло отрицательное отношение к политическому строю Российской империи. Отмена крепостного права оказала влияние на девушек (Конради, Водовозова) еще и тем, что переход дворянской экономики к рыночным отношениям во многих случаях приводил к разорению помещичьего хозяйства. Девушкам уже не приходилось рассчитывать на «хорошую» партию; им стало необходимо готовиться к тому, чтобы самим зарабатывать себе на хлеб. Сочетание социальных эволюции и мобильности в начале эпохи реформации наложило свой отпечаток и на семью Надежды Сусловой, ставшей символом движения за женское образование. Она уже происходила не из дворянской семьи. Ее отец поднялся над крестьянским сословием, сделал прекрасную профессиональную карьеру и передал дочерям свои идеалы просвещения и независимости.

Лакуны, образовавшиеся в структуре распределения женских ролей, уже не могли быть заполнены традиционным воспитанием девушек, поскольку являлись симптомами всеобщего потрясения устоявшегося общественного порядка. Когда в эпоху реформ начала складываться нигилистическая «встречная» культура, то новаторские идеи с их взрывной силой вторглись в семью. А с тех пор как радикальные реформаторы начали действовать и в педагогической сфере (в женских школах или в качестве домашних учителей и гувернанток), влияние прогрессивных идей на девушек-подростков особенно усилилось. В конечном счете оно привело к коренному изменению личности женщины.

Образ новой женщины, развившийся к этому времени, базировался на центральном положении радикально-демократического движения о равенстве людей, основанном на естественном праве. Соответственно и возникавшее женское движение приняло за исходную трактовку образа женщины, основанную на индивидуальности (а не господствовавшую ранее, связанную с исполнением предписанных обязанностей). Движение присоединилось к требованиям социального прогресса и всеобщего просвещения на основе суверенитета личности, этоса труда и стремления ко всеобщему благу. Новое самосознание зачинательниц русского женского движения развивалось не столько в ходе споров о функциях, выполняемых ими

в семье, сколько в результате резкого разрыва с семьей вообще. Это не означало, что представительницы женского движения отказывались, например, от обсуждения своей новой роли в качестве матери. Но к таким размышлениям они обычно обращались лишь после того, как отходили от традиционных норм жизни и выбирали иной способ существования. На женщин, которые, как Водовозова и Конради, профессионально занимались педагогикой, сильное влияние оказывали прогрессивные теоретики воспитания детей, видевшие уже в младенце личность и стремившиеся обеспечить полноценное развитие его способностей, как можно раньше познакомить с формами труда, а также научить его вести себя в гражданском обществе. Брачные отношения также рассматривались «новыми женщинами» под измененным углом зрения. Идеальным считалось иметь мужа-партнера. Если он им не оказывался, то «новая женщина» оставляла за собой право идти собственным путем (так поступили, например, Конради и Кашеварова-Руднева). Таким образом, в центре измененного женского образа стояло внутреннее осознание собственного достоинства и собственных принципов, основанных на иделах радикально-демократического освободительного движения. «Новые женщины» скоро начали формулировать свои взгляды на реформы, относившиеся в международном плане к наиболее радикальным идеям женского движения: одинаковые с мужчинами права в области образования и профессиональной деятельности, а также интеграция в общественную жизнь.

Анализируя достижения русского женского движения в области просвещения, Мария Цебрикова в 1884 г. в сборнике статей (видимо, первом) о «женском вопросе в Европе», говорила о преимуществе отсталости «опоздавшей в цивилизационном аспекте России». Она имела в виду освободительное движение 60-х годов, охватившее и женщин. «Дух свободы и равенства подобен текущей воде: он не может, поднявшись в одной части общества, не охватить и другую»[14]. Делая это заявление, Цебрикова была права в том отношении, что, переживая социально-экономический этап, который должен был приблизить Россию к западным промышленным странам, женщины, как и мужчины, усваивали наиболее прогрессивные идеи реформ. Частично они могли опробовать новые жизненные представления в радикально-демократической «встречной» культуре, частично внести их в политические действия благодаря поддержке либеральных сил. Спецификой русского пути было то, что малочисленная духовная элита, первоначально происходившая главным образом из дворянской среды, стремилась без всяких поправок, основанных на национальном опыте гражданского развития (которого просто еще не было), перенять достижения западной цивилизации. Однако Цебрикова как поборница женских прав упустила из виду необходимость охарактеризовать и социальную сущность русского движения женской эмансипации, которая в значительной мере соответствовала сущности зарождающегося слоя интеллигенции. Поэтому движение за освобождение женщин охватило лишь незначительную часть женского населения России. Следовательно, «преимущество отсталости», если рассматривать его в масштабах всего общества, было лишь относительным. Каким образом и в течение какого времени достижения женского движения окажут мобилизующее воздействие на миллионы женщин низших слоев, было совершенно непредсказуемо. Остался неясным и ответ на вопрос о

том, не изменятся ли целеустановки движения за женскую эмансипацию, когда к нему присоединятся широкие массы.

Как показано в настоящей книге, в создании независимых от правительства сфер общественной жизни инициативу брала на себя новая интеллигенция. В этом процессе значительная историческая роль выпадала и на долю женского движения. Оно могло развиваться спонтанно как гражданское движение, предпосылкой которого являлось зарождающееся гражданское общество, выражавшее свои взгляды в прессе критической направленности, а также культура городской среды, развивавшейся независимо от государства и дворянского общества. Женщины тянулись к жизни в городах, обещавшей обеспечить их работой и дать им личную свободу. На основе социально-экономических изменений и распространившихся в новом поколении идей о женской эмансипации женское движение на его первом этапе ставило перед собой задачу выйти на поле профессиональной деятельности и добиться возможности получения образования. Поскольку радикально-демократические круги, размышляя об экономическом устройстве общества, испытывали влияние раннесоциалистических теорий, первая волна создания автономных ассоциаций привела к образованию кооперативов.

Такая форма организационной структуры, как и «нигилистическая» антикультура вообще, носила переходный характер. Там и здесь культивировались ценностные представления, неформальные способы общения и стиль жизни, соответствовавшие городской жизни работающих людей. Не случайно отдельные просвещенные либералы положительно отзывались о сложившихся там установках, если они не возводились «нигилистическими» группами в абсолют и не использовались в революционном подполье, что тоже случалось, не оказывая, однако, принципиального влияния на антикультуру в целом.

Кружки новой интеллигенции, появлявшиеся в 60-е годы как грибы после дождя, оставались неформальным элементом общественной жизни в политической системе, опасавшейся возникновения среднего слоя и пытавшейся с помощью полиции подавить направленные на это устремления. Когда, например, в 70-е годы были организованы первые высшие женские курсы, а студентки демонстративно показывали обществу, что отказались от традиционного образа женщины-дамы, то сложившаяся обстановка, естественно, вызвала опасения политической полиции, которая предупреждала о возможных выступлениях «среднего слоя»; однако правительство запретило ей принимать строгие меры. Сдержать процесс модернизации и социально-экономической эволюции было уже невозможно; консервативным силам приходилось постепенно мириться с существованием «новых женщин».

Тесные связи представительниц русского женского движения с гражданскими женскими объединениями Западной Европы привели к тому, что организационные формы последних были приняты за эталон. Однако попытки основывать общества по западному образу государство подавляло вплоть до конца XIX в. Поэтому родоначальницам русского движения за равноправие женщин вначале оставалось создавать неформальные группы и благотворительные общества поддержки нуждающихся. Прорыв к политической организации женщин удался только в союзе с общим освободительным движением в период русской революции 1905 г. Кроме того, поддержка, которой поборницы женских прав с частичным успехом добивались от радикально-демократических и либеральных лиц мужского пола, проложила путь к дальнейшим успехам женского движения в области просвещения и трудовой деятельности, принятия законодательных реформ и, наконец, введения женского избирательного права.

Слабость политического объединения поборниц женских прав не означала, что их движение ограничивалось только кругом лиц, собиравшихся в этом объединении. Напротив, социальное женское движение как следствие трансформации общества обретало все более широкие масштабы. Круги женщин, в которых представления поборниц женских прав к началу XX в. находили сторонниц, все более расширялись. Но в той мере, в какой женщины завоевывали новые позиции в общественной жизни, их социальное движение растворялось в общественной сфере. Поэтому было понятно, что руководительницы организованного женского движения в начале XX в. с удовлетворением констатировали, что «средняя женщина» обрела зрелость: занятая теперь проблемой эмансипации женщина не шокировала общественность как «нигилистка», а выполняла большую культурную работу в сотрудничестве с мужчинами и на основе изменившихся отношений между полами. Эта деятельность в значительной степени зиждилась на профессиональной деятельности вместе с политической активностью. Ныне доказано, что доля участия женщин в сфере среднего и высшего образования вплоть до начала Первой мировой войны динамически возрастала и их социальный состав изменялся в пользу городских и крестьянских слоев. Женщины участвовали в становлении профессиональной интеллигенции и на рубеже веков имели многочисленных представительниц в литературной, педагогической, а также медицинской профессиях. В то же время начиная с 60-х годов XIX в. женщины сплачивались в социальные общества, которые первоначально занимались лишь взаимопомощью, но с 1905 г. все в большей мере обращались к политике.

Исследование биографических источников позволило нарисовать картину традиционной социализации, эволюции самобытности и общественной деятельности женщин. Правда, интересы пишущих женщин ограничивались главным образом показом эмансипации как процесса созревания, который породил «гражданку». Из этого следовало, что женщины рассуждали о профессиональном труде и общественно-политической деятельности, а личную жизнь на этом этапе своего существования выносили за скобки. Поэтому потребуется иной, нежели избранный в данной книге, метод подхода к проблеме, чтобы исследовать, в какой мере в России успела возникнуть и гражданская сфера личной жизни с присущими ей культурными особенностями[15].

При сравнении действий женщин и мужчин в среде интеллигенции следует констатировать, что обеим этим группам было свойственно бороться в рамках профессиональных организаций против административной опеки и в то же время стремиться обязать государство к проведению социальных и политических реформ.

Если в исследовательской литературе встречались сетования на то, что в России зависимость от государства (из-за его монополии на высшие степени квалификации, а также на профессиональное продвижение исключительно в сфере государственной службы и согласно Табели о рангах) яв-

лялась проблемой научной профессионализации[16], то с учетом того, что в то время многие женщины занимались умственным трудом, такую оценку необходимо уточнить.

Женщины, которые в рамках женского движения добились для себя высшего образования и поднялись на уровень интеллигенции, сделали это в обход государства. Обучались они во множестве частных школ, высшие женские курсы существовали на основе общественных инициатив, работали женщины главным образом не на государственной службе, а в рамках социальных и профессиональных объединений. Поэтому роль женщин следует оценивать по их вкладу в образование среднего слоя общества.

После революции 1905 г. число профессий и партийно-политических направлений значительно увеличилось, причем во всех этих сферах женщины принимали участие наравне с мужчинами. За короткий промежуток времени до Октябрьского переворота этот процесс характеризовался дифференциацией. Ввиду угрозы демократическому обществу со стороны большевиков в 1917 г. решающее значение приобрело то, что гражданский средний слой и количественно и качественно проходил только стадию становления: ни социальная интеграция нации, ни политизация гражданских элементов не достигли такого уровня, чтобы мобилизовать достаточно большую часть населения на энергичную защиту гражданского общества. Следовательно, и процесс модернизации, если понимать его как социально-культурное развитие в направлении к личному и гражданскому суверенитету и плюрализму, был приостановлен. А независимое женское движение являлось критерием для оценки этого процесса модернизации.

Примечания

Введение

1 Письмо *Дж. Милля* от 18.12.1868 // The Later Letters of John Stuart Mill (1849–1873). Collected Works / Ed. by F.E. Mineka, D.N. Lindley. Vol. XVI. University of Toronto Press, 1972. P. 1527. Письмо опубликовано также в кн.: *Лихачева Е.И.* Материалы для истории женского образования в России 1086–1880: В 2 т., 4 ч. Т. II. ч. IV: 1856–1880 гг. С. 507 и след. (СПб., 1890–1901).

2 См.: *Куфаев М.Н.* История русской книги в XIX веке. Л., 1927. С. 260.

3 См. также сопоставление с данными международного масштаба в работе: *Hobsbaum E.J.* Kultur und Geschlecht im europaischen Bürgertum 1870–1914 // Frevert U. (Hrsg.). Bürger und Bürgerinnen. Geschlechterverhältnisse im 19. Jahrhundert. Göttingen, 1988. S. 175–189. Автор называет описываемый процесс «весьма интересным», но признается, что объяснить его не может (S. 179).

4 Автору настоящего исследования пришлось с учетом рамок работы сосредоточиться на рассмотрении истории гражданок Российского государства и отказаться от изучения отдельных этносов в составе империи, поскольку по последней теме нет опубликованных работ. Без сомнения, женщины именно еврейского происхождения внесли большой вклад в общее движение за женское образование. Но требуется особая аналитическая работа для выяснения вопроса о том, в какой мере еврейки ассимилировались с русской действительностью.

5 См.: *Brang P.* Fortschrittsglauben in Rußland einst und jetzt // Meyer R.W. (Hrsg.). Das Problem des Fortschrittes – heute. Darmstadt, 1969. S. 29–53, особ. S. 30 и след., а также 42 и след. Относительно духовной традиции этого образа мысли см.: *Duchrow U.* Die Frage nach dem neuen Menschen in theologischer und marxistischer Antropologie // Tödt H.-E (Hrsg.). Marxismus-Studien. Siebte Folge. Das Humane als Kriterium der Gesellschaftsgestaltung. Tübingen, 1972. S. 27–57, особ. S. 32 и след. Здесь же: *Horsky V.L.* [Содоклад] // Там же. S. 59–86. Чрезмерно сильный акцент сделан на выступлениях социалистов в России в кн.: *Küenzlen G.* Der neue Mensch. Zur säkularen Religionsgeschichte der Moderne. München, 1994. S. 139 и след.

6 В исследовательской литературе не оспаривается связь освободительного движения в целом и женского движения. Ср., напр.: *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860–1930. Princeton; N.J., 1978; *Neumark N.B.A.* The Consciousness of Women in the Russian Women's Movement 1855–1914. Ph. D. University of Sydney, 1976; *Ефремова Н.П.* Шестидесятницы // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 78–91; *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988; *Evans R.J.* The Feminists. Women's Emancipation Movement in Europe, America and Australia. 1840–1920. N.Y., 1977. P. 112–123; *Whittaker C.* The Women's Movement During the Reign of Alexander II: A Case Study in Russian Liberalism // Journal of Modern History. 1976. № 2. Supplement. P. 35–69; *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России (50–60-е гг. XIX в.). Л., 1984; *Engel B.A.* Women in Russia, 1700–2000. Cambridge, 2004.

[7] При этом следует сразу же подчеркнуть, что в России до Октябрьской революции 1917 г. гражданская форма общества лишь образовывалась в самых начальных слабых формах. О модернизации как процессе социальной мобилизации, дифференциации общества и секуляризации см.: *Boudon R., Bourricaud F.* Soziologische Stichworte. Ein Handbuch: Пер. с фр. Opladen, 1992. S. 343 и след.; здесь оспариваются положения новейших исследований. См. также: International Encyclopedia of Social Sciences / Ed. by. D.L. Shills. Vol. 1–17. L., 1968; укажем на Vol. 10. P. 386 и след. В цитированных сочинениях определения вытекают из понимания модернизации как процесса социальных изменений, в котором экономическое развитие является лишь одним из компонентов в постепенном преобразовании общества, происходящем по различным принципам. Из новых работ, рассматривающих проблемы в контексте истории культуры и общества, см.: *Loo H. van der, Reijen W. van.* Modernisierung. Projekt und Paradox. München, 1992. Здесь исследуемый феномен представлен как сочетание дифференциации, рационализации и индивидуализации. О значении процессуального характера модернизации в исторической науке см.: *Gall L.* Von der ständischen zur bürgerlichen Gesellschaft. München, 1993. S. 53 и след.; о возможностях и границах гражданского развития в России см.: *Clowes W. Kassow D., West J.L.* (ed.). Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton; N.Y., 1991, особ. p. 3 и след., а также p. 367 и след.; *Hausmann G.* (Hrsg.). Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Selbstverwaltung, Assoziierung und Geselligkeit in den Städten des ausgehenden Zarenreiches. Göttingen, 2002; *Ul'janova G., Pietrow-Ennker B.* (Hrsg.). Гражданская идентичность в позднеимперской России. М., 2004.

[8] Ср., например, жизнеописания Веры Фигнер или Анны Жаклар (Jaclard): *Матвеева И.Е.* Вера Фигнер. М., 1961; *Павлюченко Э.А.* Вера Фигнер. М., 1963; *Книжник-Ветров И.С.* Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны. М.; Л., 1964. С. 138 и след. Павлюченко принадлежит заслуга описания в ее последней монографии представительниц движения за эмансипацию женщин, даже если они были лишь участницами общей борьбы за свободу. См.: *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении; *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой 1800–2000.: Материалы к библиографии. М., 2002. С. 29 и след.

[9] В 1990 г. прошла первая серия конференций о роли женщин в истории России, организованных Г.А. Тишкиным (Ленинградский институт культуры). На конференциях обсуждались новые импульсы и темы для исследований. Историк Тишкин с 1980-х годов изучает историю русских женщин. См.: *Волк С.С., Тишкин Г.А.* Зарубежные авторы о женском движении и семье в России XIX – начала XX в. // Вопросы истории. 1981. № 11. С. 164–166; *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России... Результаты других конференций изложены в работах: Российские женщины и европейская культура: Тез. докл. / Отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб., 1993; То же. СПб., 1994; Феминизм и российская культура: Сб. тр. / Под ред. Г.А. Тишкина. СПб., 1995. После перестройки русские социальные научно-исторические журналы начали разрабатывать темы, связанные с женщинами. См.: *Пиетров-Эннкер Б. [Pietrov-Ennker B.]* Женщины наступают: Об истоках женской эмансипации в России (XIX век) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 173–182; *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина... С. 34 и след.; *Юкина И.* История женщин в России: женское движение и феминизм (1850–1920-е годы): Материалы к библиографии. СПб., 2003.

[10] *Engel B.A.* Engendering Russia's History: Women in Post-Emancipation Russia and the Soviet Union // Slavic Review. 1992. № 2. P. 309–321. Сегодня, давая общий обзор истории русских женщин, нельзя более пренебрегать англо-американской научной литературой в той мере, как это делает Б. Энгель. Ср.: *Engel B.A.* Указ. соч.

[11] Конгресс назывался «Women in the History of Russian Empire» («Женщины в истории Российской империи»); он проходил 11–14.08. 1988 г. под эгидой университетов Акрона и Кента (Огайо). В оргкомитет, кроме Энгель, входили Б.Э. Клементс (Clements), Б. Мееган-Уотерс (Meehan-Waters), Р. Рутшильд (Ruthchild) и Х. Воробец (Worobec). Представленные на конгрессе рабочие материалы составили основу сборника: *Engel B.A., Worobec Ch.D.* (ed.). Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation. Berkeley, 1991. Из отзывов о конгрессе см.: *Fieseler B.* In a Female Voice: Good Morning, Russia: Eindrücke und Einsichten vom Kongreß «Women in the History of Russian Empire» // IWK. 1988. № 4. P. 539–551.

[12] См. сборники материалов по истории женщин, составленные на основе прочитанных там докладов: *Edmondson L.* (ed.). Women and Society in Russia and the Soviet Union. Cambridge, 1992; *Jaworski R., Pietrov-Ennker B.* (ed.). Women in Polish Society. Boulder, Col. 1992.

[13] Ср. материал Альферда Мейера (Meyer) в изд.: Women East-West. Newsletter № 32 (Association for Women in Slavic Studies). Это издание выпускается объединением «American Association for the Advancement of Slavic Studies», которое и организовало конгресс в 1993 г. в Гонолулу.

[14] См. также: *Юкина И.И.* Идеология российского феминизма первой волны // Социальная история: Женская и гендерная история / Сост. Н.Л. Пушкарева и др. М., 2003. С. 352–366. По теории, методике и историографии исследования исторического женского движения см.: *Offen K.* European Feminism 1700–1950. A Political History. Stanford, ca. 2000. В частности p. 19 и след.; *Palatschek S., Pietrow-Ennker B.* Concepts and Issues. Women's Emancipation Movements in the Nineteenth Century. A European Perspective. Stanford, ca. 2004. P. 3–10.

[15] *Stites R.* The Women's Liberation Movement.

[16] *Goldberg R.L.* The Russian Women's Movement: 1859–1917. Дис. ... д-ра философии в университете г. Рочестер. N.Y., 1976; *Edmondson L.N.* Feminism in Russia, 1900–1917. L. [и др.], 1984.

[17] См.: *Evans R.J.* The Feminists. P. 112 и след.; *Whittaker C.* The Women's Movement... P. 35 и след. Р. Стайтс заложил основу разделения в историографии раннего русского женского движения на направления: феминистское, нигилистическое и радикальное. При этом он отдавал предпочтение не столько «феминисткам» (оценка которых ранее была пренебрежительной ввиду того, что они искали договоренностей с правительством), сколько «радикалисткам», включавшимся в общую революционную освободительную борьбу и становившимся первопроходцами социалистического женского движения. См.: *Stites R.* Op. cit.

[18] См.: *McNeal R.H.* Women in the Russian Radical Movement // Journal of Social History. 1971/1972. № 2. P. 143–163; *Brower D.R.* Training the Nihilists. Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca; L., 1975. Эта работа сделала неясное понятие «радикализм» популярным, но автор мог еще позволить себе оставить без внимания роль женщин в данном явлении, не касаясь этого вопроса в научном плане. В последующие годы женщины-ученые дополнили историографию, обратив внимание на женщин-революционерок. См. прежде всего: *Broido V.* Apostles into Terrorists. Women and the Revolutionary Movement in Russia of Alexander II. N.Y., 1977; *Knight A.W.* The Participation of Women in the Revolutionary Movement in Russia from 1890–1914 // Дис. ... д-ра философии. University of London, 1977; *Engel B.A.*

Mothers and Daughters. Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia. Cambridge, 1983 (написано с позиций феминизма); *Burnet-Vigniel M.-C.* Femmes Russes dans le combat révolutionnaire. L'image et son modèle a la fin du XIXe siècle. P. 1990; *Maxwell M.* Narodniki Women. Russian Women who Sacrificied Themselves for the Dream of Freedom. N.Y., 1990. В Германии в связи с использованием взрывчатых веществ была опубликована научно-популярная работа, в которой русские революционерки сравниваются с террористами, действовавшими в ФРГ. См.: *Schmieding W.* Aufstand der Töchter. Russische Revolutionärinnen im 19. Jahrhundert. München, 1979.

19 *Evans R.J.* The Feminists. P. 112; *Whittaker C.* The Women's Movement... P. 35.

20 *Edmondson L.* The Women's Movement and the State in Russia before 1917. Доклад на международной конференции на тему «Переоценка женщин и отношений между женщинами и мужчинами в современном государстве». Имеется в виду 8-я страница рукописи. Конференция была организована Центром междисциплинарных изысканий Билефельдского университета и проходила 2–6 апреля 1993 г.; *Edmondson L.* Feminism and Equality in an Authoritarian State: The Politics of Women's Liberation in Late Imperial Russia // Paletschek S., Pietrow-Ennker B. Movements... P. 221–239.

21 «Civil society» (см.: *Engel B.A.* Engendering Russian History... // Slavic Review. 1992. № 2. P. 309–321).

22 Ibid. *Edmondson L.* Feminism and Equality in an Authoritarian State. P. 221–239.

23 См.: *Langewiesche D.* Sozialgeschichte und politische Geschichte // Schieder W., Selin V. (Hrsg.). Sozialgeschichte in Deutschland. Entwicklungen und Perspektiven im internationalen Zusammenhang. Bd. I. Göttingen, 1986. S. 9–32. Здесь с. 14 и след. О развитии социальной истории в ФРГ после 1945 г., о причинах возрастающей актуальности этой науки и об изучаемых ею важнейших темах см.: *Kocka J.* Sozialgeschichte. Begriff – Entwicklung – Probleme. 2 Aufl. Göttingen, 1986, особ. с. 67, 132 и след.

24 *Nipperdey Th.* Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. I. München, 1990. S. 73.

25 *Kocka J.* Sozialgeschichte ... S. 139.

26 Процитирована фундаментальная работа: *Bock G.* Geschichte, Frauengeschichte und Geschlechtergeschichte // Geschichte und Gesellschaft. 1988. № 3. S. 364–391, здесь 372. Ср. также: *Scott J.W.* Gender. A Useful Category of Historical Analysis // The American Historical Review. 1986. November. P. 1053–1075; *Budde G.-F.* Das Geschlecht in der Geschichte // Mergel Th., Welskopp Th. (Hrsg.). Geschichte zwischen Kultur und Gesellschaft. München, 1977. S. 125–150.

27 *Kelly J.* The Social Relations of the Sexes. Methodological Implications of Women's History // Signs. 1976. № 1. P. 809–823; *Keller E.* Holding the Center of Feminist Theory // Women's Studies International Forum. 1989. № 3. S. 313–318; *Lambert H.H.* Biology and Equality // Signs. 1978. № 4. P. 97–117; *Bock G.* Geschichte... S. 375 и след. См. также: *Bock G.* Zwangssterilisierung im Nationalsozialismus. Studien zur Rassenpolitik und Frauenpolitik. Opladen, 1986. Автор – женщина – с позиций идеологической критики полемизирует с «биологической аргументацией». В Москве в апреле 1990 г. был организован «Центр гендерных исследований» при Академии наук под руководством А. Посадской, первое учреждение такого рода в СССР и России.

28 *Davies N.* «Women's History» in Transition. The European Case // Feminist Studies. 1976. № 3. P. 83–103. Г. Бок (Bock) в этой связи указывает на то, что история отношений между полами в равной мере освещает положение как мужчин, так

и женщин, ввиду чего ныне в США разрабатываются преимущественно «men's studies». См.: *Bock G.* Geschichte... S. 380 и след.

29 *Scott J.W.* Gender... P. 1055; *Studer B.* Das Geschlechterverhältnis in der Geschichtsschreibung und in der Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Überlegungen zur Entwicklung der historishen Frauenforschung und zu ihrem Beitrag zur geschichtlichen Erkenntnis // Feministische Studien. 1989. № 7. S. 97–121 и след.; *Bock G.* Historische Frauenforschung: Fragestellungen und Perspektiven // Hausen K. (Hrsg). Frauen suchen ihre Geschichte. Historische Studien zum 19. und 20. Jahrhundert. München, 1983. S. 28 и след.; *Frevert U.* «Mann und Weib, und Weib und Mann». Geschlechter-Differenzen in der Moderne. München, 1995.

30 *Bock G.* Geschichte... S. 383 и след.; см. также: *Kocka J.* Frauengeschichte zwischen Wissenschaft und Ideologie // Geschichtsdidaktik. 1981. № 7. S. 99–104. Кроме того, ср.: *Lerner G.* The Majority Finds its Past. Placing Women in History. N.Y., 1979. S. 37 и след. Требование особой аналитической оценки полов подразумевает также критику марксистскиориентированного подхода, при котором отношения между полами оценивались в принципе как побочный продукт экономических структур.

31 В немецком языке, как и в русском, понятию «феминизм» в повседневном употреблении присущ привкус радикальной враждебности к мужскому полу, в связи с чем все женское движение как бы отодвигается в зону второстепенности. Такое значение слова «феминизм» возникло потому, что за общее (целое) движение было принято одно частное его течение. Напротив, в англо-американском словоупотреблении понятие «феминизм» охватывает различные стороны женского движения. Нами этот термин употребляется именно в таком, более широком, значении. Тем самым одновременно рекомендуется дистанцироваться от уничижительного вторичного значения термина «феминизм». К понятию «феминизм» в дореволюционной истории России: *Marsh R.* Feminism in an Context of Russian (Anti-) Feminism // The Soviet and Post-Soviet Review. 1998. № 1. P. 1–29.

32 Ср. *Offen K.* Defining Feminism: A Comparative Historical Approach // Sings. 1988. № 1. P. 119–157, особ. p. 151 и след. В отличие от нее И.И. Юкина (Идеология... С. 369 и след.), соотнося его с политической идеологией, продолжает употреблять несколько суженное понятие «феминизм». Из этого следует, что в ее понимании русский феминизм зародился только в конце XIX в.

33 *Offen K.* Op. cit., особ. p. 135–141 и след.; См. также перевод на немецкий: *Offen K.* Feminismus in den Vereiningten Staaten und Europa. Ein historischer Vergleich // Schissler H. (Hrsg.). Geschlechterverhaltnisse im historischen Wandel. Frankfurt / Main; N.Y., 1993. S. 97–138. Оба термина здесь переведены как «Beziehungsfeminismus» и «Individualfeminismus» (S. 107). О Германии имеется множество публикаций, см. напр.: *Greven-Aschoff B.* Die bürgerliche Frauenbewegung in Deutschland 1894–1933. Göttingen, 1981. S. 37 и след.; *Bussemer H.-U.* Frauenemanzipation Bildungsbürgertum. Sozialgeschichte der Frauenbewegung in der Reichsgründerzeit. Weinheim, 1985. S. 241 и след.

34 *Offen K.* Defining Feminism...

35 О новом начинании см. в числе многих публикаций: *Rendall J.* Equal or Different. Women's Politics 1800–1914. Oxford, 1987. P. 1 и след.

36 Относительно определения см.: *Raschke J.* Soziale Bewegungen. Ein historischsystematischer Grundriß. 2. Aufl. Frankfurt/Main, 1988. S. 76 и след.; а также: *Deltgen Fl.* Was kann unter einer «Bewegung» verstanden werden? // Künig R. (Hrsg.). Aspekte der Entwicklungssoziologie. Külner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1969. Sonderheft 13. S. 410–429, особ. 412 и след. Кроме того: *Heberle R.* Social

Movements. N.Y., 1951; *Он же.* Hauptprobleme der politischen Soziologie. Stuttgart, 1967. S. 9 и след. С учетом состояния исследованности истории женщин и женских движений вызывает удивление, что именно Рашке, несмотря на его правомерное определение понятия «социальное движение», не включает женское движение в крупные социальные движения эпохи. О характере и широте движений см., например: *Bolt Ch.* The Women's Movements in the 1920s. N.Y., 1993.

37 *Hartfiel G., Hillmann K.-H.* Wörterbuch der Soziologie. 3. Aufl. Stuttgart, 1982. S. 90.

38 *Boundon R., Bourricaud F.* Soziologische Stichworte. Ein Handbuch. Opladen, 1922. S. 466 и след.; *Raschke J.* Op. cit. S. 77 и след.

39 Это положение отстаивается в работе: *Daniel U.* «Kultur» und «Gesellschaft». Uberlegungen zum Gegestandsbereich der Sozialgeschichte // Geschichte und Gesellschaft. 1993. № 1. S. 69–99.

40 О понятии «культура» см.: *Kocka J.* Sozialgeschichte... S. 153. и след. с выделением понятия «высокая культура». Автор понимает культуру как «систему ("переплетение" или "образцы") знаков, которая для большего числа людей <...> *осмысленно толкует* действительность и тем самым только и делает возможными существующие в ней социальные отношения (общение, сплоченность, разграничения), как и отношение человека к самому себе и к своему окружению <...>». Ср. также: *Geertz C.* The Interpretation of Culture: Selected Essays. L., 1975, а в этой работе: Religion as a Cultural System. P. 87–125; определение – p. 89. Общие положения о возобновленном открытии «культуры» на пользу исторической науке см.: *Oexele O.G.* Geschichte als Historische Kulturwissenschaft // Hardtwig W., Wehler H.-U. (Hrsg). Kulturgeschichte heute. Göttingen, 1996 (Geschichte und Gesellschaft. Sonderheft 16). S. 14–40.

41 За связь анализа нарративной и социальной истории с целью охвата происходящих изменений выступает К. Каннинг в работе: *Canning K.* Feminist History after the Linguistic Turn: Historicizing Discourse and Experience // Sings, 1994. Winter. P. 368–404. Об опасности пренебрежения социальным фактором при обсуждении общественных вопросов и противопоставления «культуры» «обществу» во имя создания новой культурологии предупреждает сочинение: *Kaschuba W.* Kulturalismus: Kultur statt Gesellschaft? // Geschichte und Gesellschaft. 1995. № 1. S. 80–95, особ. S. 86.

42 *Vovelle M.* Serielle Geschichte oder «Case Studies»: ein wirkliches oder nur ein Schein-Dilemma? // Raulff U. (Hrsg). Mentalitäten-Geschichte. Zur historischen Rekonstruktion Prozesse. Berlin / West, 1987. S. 119. Ср. также: *Vovelle M.* Die französische Revolution. Soziale Bewegung und Umbruch der Mentalitäten. (Aus dem Franz.): Frankfurt/Main, 1985; особ. S. 80 и след.

43 Цит. по: *Burgiere A.* Der Begriff der «Mentalitäten» bei Marc Bloch und Lucien Febvre: zwei Anschauungen, zwei Wege // Raulff U. (Hrsg). Op. cit. S. 33–49. На с. 40 приводится критическая полемика с опирающимся на количественные формулы методом, который применяет Марк Блок.

44 *Vovelle M.* Serielle Geschichte... S. 121 и след. Ср. также: *Ginzberg C.* Der Käse und die Würmer. Die Welt des Müllers um 1600 (Aus dem Franz.). Frankfurt/Main, 1979. Эта работа устанавливает собственные масштабы: Вовелль в своей работе выступает за комбинацию методов. Кроме того, см.: *Schröder W.H.* Kollektive Biographien in der historischen Sozialforschung. Eine Einführung // Schröder W.H. (Hrsg). Lebenslauf und Gesellschaft. Zum Einsatz von Kollektiven Biographien in der historischen Sozialforschung. Stuttgart, 1985. S. 7–71, особ. с. 9.

45 *Chartier R.* Intellektuelle Geschichte und Geschichte der Mentalitäten // Raulff U. (Hrsg). Op. cit. S. 83, 86. О понятии духовных конструкций в их значении для конституирования миров жизни человека см.: *Berger P.L., Luckmann Th.* Die Gesselschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie. (Aus dem Amerik.): 2. Aufl. Stuttgart, 1971; особ. S. 21 и след.

46 *Sellin V.* Mentalitäten in der Sozialgeschichte // Schieder W., Sellin V. Sozialgeschichte in Deutschland. Bd. III: Soziales Verhalten und soziale Aktionsformen in der Geschichte. Göttingen, 1987. S. 118.

47 Основу такого начинания заложила работа: *Thomas W.I., Znanecki Fl.* The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 1–2. N.Y., 1918. Относительно дискуссии по этому начинанию см.: *Fuchs W.* Biographische Forschung. Eine Einführung in Praxis und Methoden. Opladen, 1984. S. 98 и след. Об истории биографических исследований см.: *Alheit P.* (Hrsg). Biographieforschung. Eine Zwischenbilanz in der deutschen Soziologie. Bremen, 1990. S. 14 и след.

48 *Daniel U.* «Kultur» und «Gesellschaft»... S. 84 со ссылкой на: *Bourdieu P.* Entwurf einer Theorie der Praxis, aus der ethnologischen Grundlage der kabylischen Gesellschaft. (Aus dem Franz.). Frankfurt/Main, 1979; особ. с. 139 и след.; *Giddens A.* Die Konstruktion der Gesellschaft. Grundzüge einer Theorie der Strukturierung (Aus dem Engl.). Frankfurt/Main, 1988 (об анализе социальных перемен – с. 300 и след.). Ср. также: *Joas H.* Pragmatismus und Gesellschaftstheorie. Frankfurt/Main, 1992. S. 250 и след., 281 и след. Общий обзор см.: *Joas H.* Die Kreativität des Handelns. Frankfurt/Main, 1992.

49 Ср.: *Fuchs W.* Biographische Forschung. S. 128 и след. Относительно растущей приемлемости в науке биографических исследований см. также: Soziologie-Lexikon / Hrsg. v. Reinhold G. u. a. München, 1991. S. 63 и след.; *Fischer W., Kohli M.* Biographienforschung // Voges W. (Hrsg). Methoden der Biographie- und Lebenslaufforschung. Opladen, 1987. S. 25–50 и след.

«Биография раскрывает проблемы истории и общества в том случае, когда мы вслед за субъектом анализируем его социальные практики, т. е. исследуем ситуации, в которых протекает его деятельность в политических и экономических структурах, в их развитии». Эти слова взяты из соч.: *Barry K.* The New Historical Synthesis: Women's Biography // Journal of Women's History. 1990. № 3. P. 75–105. Обзор коммуникативно-теоретических начал, составленный в критическом ключе, см.: *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. I–II. 4. Aufl. Frankfurt/Main, 1987; особ. Bd. I. S. 72 и след., 114 и след.; Bd. II. S. 7 и след.

50 *Straub J.* Zeit, Erzählung, Interpretation. Zur Konstruktion und Analyse von Erzähltexten in der narrativen Biographieforschung // Röckelein H. (Hrsg). Biographie als Geschichte. Tübingen, 1993. S. 143–184, особ. с. 151 и след. Ср. в этой связи работу, направленную, в частности, и против теории инстинктивного порыва З. Фрейда: *Barry K.* Op. cit. особ. S. 47. В более общем плане: *Gestrich A.* Einführung: Sozialhistorischeforschung // Gestrich A., Knoch P., Merkel H. (Hrsg). Biographie – sozialgeschichtlich. Göttingen, 1988. S. 5–28, особ. S. 14 и след. Основополагающая работа в этой области: *Erikson E.H.* Identität und Lebenszyklus (Aus dem Amerik.). 5. Aufl. Frankfurt/Main, 1979. Здесь приводится тезис о возможности пересмотра самоопределения категории «я». С научно-исторической точки зрения этот вопрос рассмотрен в соч.: *Vierhaus R.* Die Rekonstruktion historischer Lebenswelten. Probleme moderner Kulturgeschichtsschreibung // Lehmann H. (Hrsg). Wege zu einer neuen Kulturgeschichte. Göttingen, 1995. S. 7–28, особ. S. 11 и след.

[51] *Berger P.L., Luckmann Th.* Op. cit. S. 151 и след. Процитирована S. 141. Ср. также: *Mead G.H.* Geist, Identität und Gesellschaft (Aus dem Amerik.). Frankfurt/Main, 1973; особ. S. 177 и след. Здесь говорится: «Только путем общего, независимого от критических рефлексий проникновения в личность ребенка в период первичной социализации определение его особенностей обретает устойчивость и длительность. Поскольку процессы вторичной социализации уже не требуют высоких критериев определения его личности, а принятие этих критериев осуществляется без принуждения, становятся возможными рационально и эмоционально контролируемые результаты обучения» (с. 154).

[52] Там же. С. 167 и след. Об ограничениях речь идет постольку, поскольку личность начинает ресоциализацию не с нуля и потому ей приходится бороться с трудностями перемен.

Вообще в научных дискуссиях недавнего времени акцент делался на то, что при социализации и персонализации речь идет о продолжающемся всю жизнь процессе, при протекании которого чаблюдаются значительные колебания. Ср., например: Handwörterbuch der Politischen Psychologie / Hrsg. v. E. Lippert und R. Wakenhut. Opladen, 1983 (ст. «Sozialisationsforschung»). S. 298 и след., а также. *Wurzbacher G.* (Hrsg). Sozialisation und Personalisation. Beiträge zu Begriff und Theorie der Sozialisation. 3. Aufl. Stuttgart, 1974, особ. S. 30; *Pawelka P.* Politische Sozialisation. Wiesbaden, 1977. S. 106. Здесь указано на то, что до сих пор существует слишком мало систематических исследований о познании человеком окружающего мира в юношеские годы, так как изыскания были ориентированы на устаревшие психоаналитические теории и на системно-теоретические начала, которые рассматривают индивида в состоянии неподвижности, а не в процессе его развития.

[53] В отношении России см. по этому вопросу: *Clyman T.W., Vowles J.* (ed.). Russia Through Women's Eyes. Autobiographies from Tsarist Russia. New Haven; L., 1966; особ. p. 8 и след.

[54] Ibid. P. 20 и след.; *Heldt B.* Terrible Perfection. Women and Russian Literature. Bloomington; Indianapolis, 1987. P. 64.

[55] Ibid. P. 67, 102. *Clyman T.W., Vowles J.* Op. cit. P. 43. О развитии женской автобиографической литературы в России и ее героинях – p. 27 и след.

[56] В традиционном обществе мерки поведения индивида определяются его возрастной группой, полом, принадлежностью к родовому клану и сословию. Человек стремится сохранить семейные и в то же время хозяйственные отношения, которые придают ему вес в собственных глазах. Соответственно и мемуары пишутся в форме деловых отчетов о лицах, которые выступают носителями прочно удерживаемых социальных функций. В противоположность этому в процессе индивидуализации и перехода к гражданскому сознанию жизненный путь принимает свойственные Новому времени, т. е. поддающиеся постороннему влиянию, черты. С повышением разносторонности и рационализации образа жизни (по меркам достигнутого) существование может становиться планируемым и вариативным. С этим связана его «институционализация» на основе поддающихся определению жизненных устоев, формирующихся скорее всего школьным воспитанием и профессиональной трудовой деятельностью. Эти перемены отражают жанр автобиографии. В работе: *Neumann B.* Identität und Rollenzwang: Zur Theorie der Autobiographie. Frankfurt/Main, 1970. S. 9 и след. проводится строгое различие между мемуарами, повествующими о конкретных лицах и событиях, с одной стороны, и автобиографиями, ориентированными на личность индивида, – с другой. Там же дается определение человека, подчиняющегося традициям (с. 168 и след.). См. также: *Kohli M.* Die Institutionalisierung des Lebenslaufs. Historische Befunde und theoretische Argumente // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Bd. 37. 1985. S. 1–29, особ. 11 и след.

[57] *Neumann B.* Op. cit. S. 169 и след. С переносом на женскую автобиографию: *Vogt M.* Autobiographik bürgerlicher Frauen: Zur Geschichte weiblicher Selbstbewußtwerdung. Würzburg, 1981. S. 32 и след. Пример автобиографических записей Мальвиды фон Мейзенбург, приводимый Фогтом, напоминает автобиографические свидетельства представительницы русского эмансипационного движения Марии Цебриковой.

[58] Насчитывающий почти тысячу страниц автобиографический труд Е.Н. Водовозовой «На заре жизни» (Т. 1–2. М., 1987) также никогда не оценивался в научном плане. Однако многократно цитируется автором его описание реакции петербургского общества на роман Чернышевского «Что делать?». Впервые это сделано в советском комментированном полном собрании сочинений Чернышевского: *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. / Под ред. В.Я. Кирпотина и др. М., 1939. Т. XI. С. 705 и след. Благодаря контактам с нигилистическими кругами Водовозова слыла в советской историографии лицом, сочувствующим революционному движению, что, видимо, и побудило власти издавать ее сочинения. За последнее время мемуары Водовозовой иногда также упоминаются в исторических работах, например, у Дж. Товров. См.: *Tovrov J.* The Russian Noble Family. Structure and Change. N.Y.; L., 1987. Учитывались свидетельства Водовозовой и в педагогических трудах, как это будет показано в главе о женском профессиональном труде.

О состоянии изученности женских автобиографий можно говорить только на примере профессора математики С.В. Ковалевской. Помимо этого есть еще биографии женщин, ставших позднее революционерками. Существует достойное внимания исследование: *Koblitz A.H.* A Convergence of Lives: Sofia Kovalevskaia: Scientist, Writer, Revolutionary. Boston, 1983. Все другие биографии выходят по своему содержанию за рамки социальной историографии, не говоря уже о подходе к ним с точки зрения истории женщин. От случая к случаю советские авторы писали о женщинах-ученых в контексте истории науки. Некоторые работы будут представлены и в тексте настоящей монографии.

[59] Из 12 примеров, избранных по названным критериям, исключение составляет заметная личность Марии Трубниковой, лидера борьбы за создание женских ассоциаций, не оставившей, однако, о себе никаких заслуживающих внимания автобиографических свидетельств. Обойти ее фигуру при исследовании русского женского движения было невозможно. Чтобы реконструировать жизненный путь Трубниковой, пришлось использовать почти исключительно воспоминания современников, а также письма. Критерии отбора не позволили включать в группу I Н.В. Стасову и А.П. Философову наряду с передовым борцом Трубниковой. Стасова не принадлежит к тому же типу, что и Трубникова, уже потому, что была значительно старше других поборниц женских прав первой волны (она родилась в 1822 г.). Что касается Философовой, то мы не располагаем соответствующим автобиографическим материалом. Правда, биографию Философовой написала А. Тыркова, используя ее записки. Но в нашем тексте будет показано, что взгляды Философовой в этой работе явно перекрываются мнениями Тырковой. См.: *Тыркова А.* Анна Павловна Философова и ее время // Сб. памяти Анны Павловны Философовой: В 2 т. Т. 1. Пг., 1915. Поскольку Трубникова, Философова и Стасова составляли «триумвират» и тесно взаимодействовали между собой, этот спектр значительно расширяется за счет включения в группу I Евгении Конради и Марии Цебриковой.

Глава I

«Новый человек» как символ общественных изменений во второй половине XIX века

I

От мечты к реальности:
литературная дискуссия начала 60-х годов

[1] В нашем исследовании до сих пор речь шла о «новых людях» и создателях их литературных образов, однако отсутствуют документальные свидетельства о том, что понятие «новый человек» в 60-е годы XIX в. включало в себя лиц не только мужского, но и женского пола.

[2] *Тургенев И.С.* Отцы и дети // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 3-е изд. М.: Наука, 1978 и след. Т. VII. С. 7–188. [Имеется также нем. изд.: *Turgenew I.* Gesammelte Werke in Einzelbanden / Hrsg. K. Dornacker. Vorabend. Väter und Söhne. 4. Aufl. Berlin; Weimar, 1958. S. 185–394.] Роман написан в 1862 г.; *Чернышевский Н.Г.* Что делать?: Из рассказов о новых людях // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939–1953 / Под общ. ред. В.Я. Кирпотина. Т. XI. С. 5–336 (Впервые издано в журнале «Современник».) [Нем. изд.: *Tschernyschewski N.G.* Was tun? Aus Erzählungen von neuen Menschen. Berlin; Weimar, 1988.] В «Современнике» удалось опубликовать этот роман в 1863 г. благодаря недосмотру цензуры.

[3] Термин «дух времени» в настоящей работе используется не как научное понятие, основанное на исследованиях по истории духовности. Скорее он употребляется в том смысле, какой ему придавался в XIX в. Он дает представление о распространенном, проникнутом историко-философской ориентацией типе сознания, отраженном, в частности, в литературе и публицистике, об исторической «неизбежности, с которой революция, т. е. история, ставила перед человеком [1789 г.] принудительные альтернативы». См.: *Koselleck R.* Vergangene Zukunft. Zur Semantik Geschichtliches Zeiten. Frankfurt/Main, 1970. S. 60, 330 и след. Ср. также: Dictionary of the History of Ideas. Studies of Selected Pivotal Ideas / Ed. by Ph. P. Wiener. Vol. IV. N.Y., 1973. P. 535–537.

[4] *Kropotkin P.* Ideale und Wirklichkeit in der russischen Literatur / Hrsg. von P. Urban. Frankfurt/Main, 1975. S. 92.

[5] *Тургенев И.С.* Накануне // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. VI. С. 159–300. [*Turgenev I.* Gesammelte Werke in Einzelbände. Vorabend. S. 7–184.] Ср. также: *Zastrow E.* Nakanune (Am Vorabend, 1860). Ivan Sergeevic Turgenevs Verständnis von Freiheit, Gleichheit und Brüderlichkeit. Magisterarbeit am Slavischen Seminar. Tübingen, 1991. S. 16 и след. Писатель М. Авдеев в 1860 г. в романе «Подводный камень» представил молодую супружескую пару как «новых людей». Впрочем, героине его романа не удалось убедить читающую публику. Ср.: *Maegd-Soep C. de.* The Emancipation of Women in Russian Literature and Society. A Contribution to the Knowledge of the Russian Society during the 1860s.: Phil. Diss. Ghent State University, 1978. P. 287 и след.

[6] *Тургенев И.С.* Рудин // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. V. С. 197– 322. [*Turgenew I.* Gesammelte Werke. Rudin. Ein Adelsnest. S. 5–151]; Ср. также: *Brand P.* I.S. Turgenew. Sein Leben und Werk. Wiesbaden, 1977. S. 82 и след.

[7] Письмо Тургенева И.С. Аксакову (13/25.11.1859) // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. IV. С. 110.

[8] «Разночинец» – это лицо вне сословий; само понятие указывает на начинающийся процесс социальной дифференциации. См. также гл. I, п. 2.

[9] *Тургенев И.С.* Накануне // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. VI. С. 278. О понятии «тип» в сочинениях Тургенева см.: Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Bd. XI. München, 1988. S. 55 и след.

[10] *Тургенев И.С.* Предисловие к романам (1880) // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. IX. С. 393. О более ранних образах женщин у Тургенева см.: *Andrew J.* Women in Russian Literature 1780–1863. Houndmills, 1988. P. 112 и след.

[11] *Рябкина Н.* Елена Стахова // Женский календарь. М., 28.02.1989; *Проскуровская Ю.И.* Сестра милосердия Екатерина Бакунина // Вопросы истории. 1988. №10. С. 145–150; *Плукш П.И.* Постановка и решение женского вопроса в русской литературе середины XIX в. // Учен. зап. Рязан. гос. пед. ин-та. Рязань, 1967. С. 106; ср. также: *Fitzlyon H.* I.S. Turgenew and the «Women Question» // New Zealand Slavonic Journal. 1983: Turgenew / Ed. by P.H. Waddington. P. 161–173. Автор подчеркнула, что Тургенев был знаком не только с Бакуниной, но и с выдающимися писателями и публицистами своего времени, защищавшими женскую эмансипацию, в том числе с Белинским, Герценом, Писаревым, Панаевой, Чернышевским, супругами Шелгуновыми и М. Михайловым. См. гл. III., п. 1.

[12] *Тургенев И.С.* Накануне // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. С. 183 и след.

[13] Там же. С. 298.

[14] *Kropotkin P.* Op. cit. S. 105. О восприятии русской общественностью героини романа Елены Стаховой см.: *Maegd-Soep C. de.* Op. cit. P. 236 и след. Сравнение образов Елены и Ольги Ильинской из романа И.А. Гончарова «Обломов» (1859), а также Леночки Илличовой из «Мещанского счастья» Н.Г. Помяловского см. в работе: *Плукш П.И.* Указ. соч. С. 92 и след.

[15] *Dobroljubov N.A.* Wann endlich kommt der Tag? // Dobroljubov N.A. Ausgewählte philosophische Schriften (Aus dem Russ.). M., 1949. S. 439–489. Его интерпретация настолько расходилась с мнением Тургенева, что публикация привела к размолвке между автором и редакцией «Современника». Об этом см.: *Kluge R.D.* Ivan S. Turgenev. Dichtung zwischen Hoffnung und Entsagung. München, 1992. S. 95 и след.; *Düwel W. u. a.* Geschichte der klassischen russischen Literatur. Berlin; Weimar, 1973. S. 429.

[16] *Dobroljubov N.A.* Op. cit. S. 440 (выделено Добролюбовым).

[17] Там же. С. 441.

[18] Там же. С. 442 и след.

[19] Там же. С. 444 и след.

[20] Там же. С. 447.

[21] Там же. С. 454. О развитии женской темы в творчестве Добролюбова см.: *Mathewson R.W. jr.* The Postive Hero in Russian Literature. Stanford, Ca., 1975. P. 57 и след.

[22] Там же. С. 462 и след.

[23] Там же. С. 489.

[24] *Тургенев И.С.* По поводу «Отцов и детей» // Указ. изд. Т. XI. С. 90.

[25] Хотя Тургенев, по его собственным словам, весьма доброжелательно относился к личности Базарова, он все же не считал нужным, с одной стороны, огульно осуждать дворянство, а с другой – идеализировать радикальную молодежь. Скорее он сам находился в духовном поиске «героической натуры»; в 1860 г. его пленили философско-литературные образы Гамлета и Дон-Кихота. См.: *Тургенев И.С.* Гамлет и Дон Кихот // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. V. С. 334–348. См. об этом также: *Kluge R.D.* Op. cit. S. 92 и след.; *Kropotkin P.* Op. cit.

S. 108 и след., а об интерпретациях романа см. прежде всего: *Brang P.* Op. cit. S. 100 и след.

[26] *Тургенев И.С.* По поводу «Отцов и детей» // Указ. изд. Т. XI. С. 90 и след.

[27] *Brang P.* Op. cit. S. 102.

[28] *Тургенев И.С.* Отцы и дети // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 28 и след.; С. 50 и след.

[29] О русском нигилизме см. настоящую работу, гл. I, п. 3.

[30] *Тургенев И.С.* К.К. Случевскому // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. АН СССР. М.; Л., 1961 и след. Т. IV. С. 380.

[31] *Тургенев И.С.* По поводу «Отцов и детей» // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. XI. С. 87. Относительно современного литературного восприятия «Отцов и детей» см.: *Kluge R.D.* Op. cit. S. 102 и след.

[32] Там же. С. 93. О восприятии романа см.: *Brang P.* I.S. Turgenev. Sein Leben und Werk. Wiesbaden, 1977. S. 193 и след.; см. также: Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике: Сб. ст. / Сост. И.Н. Сухих. Л., 1986.

[33] *Тургенев И.С.* Отцы и дети // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. VIII. С. 43. О понятии «разночинная интеллигенция» см. гл. I, п. 2. Имеются в виду образованные слои «между сословиями».

[34] См.: *Pereira N.G.* The Thought and Teaching of N.G. Černyševskij. The Hague; P., 1975. P. 68. См. также: *Чернышевский Н.Г.* Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. II. С. 5–92.

[35] *Тургенев И.С.* Отцы и дети // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. VIII. С. 79.

[36] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? // Полн. собр. соч. Т. II. С. 292 и след.

[37] О личности и мировоззрении Писарева см.: *Coquart A.* Dmitri Pisarev (1840–1868) et l'idéologie du nihilisme russe // Bibliothéque de l'Institut Français de Leningrad... Vol. XXI. P., 1946; особ. p. 66 и след.; p. 132 и след. См. также: *Цыбенко В.А.* Мировоззрение Д.И. Писарева. М., 1969; особ. с. 325 и след.

[38] Острая полемика против Тургенева проводилась «левыми». Такие работы выходили, например, из под пера критика М.А. Антоновича, который видел в образе Базарова надругательство над молодым поколением и его духовными лидерами Чернышевским и Добролюбовым. См.: *Антонович М.А.* Асмодей нашего времени // Современник. 1862. № 3. С. 115–122. Кропоткин также подтвердил, что радикальные «дети» в то время не всегда понимали тургеневский образ нигилиста, а некоторые из них только намного позже заметили, что «именно в словах, которые нас так задели», содержались «зародыши реалистической философии». (См.: *Kropotkin P.* Ideale und Wirklichkeit in der russischen Literatur / *Hrsg. v. P. Urban.* Frankfurt / Main, 1975. S. 107 и след.).

[39] Там же. С. 44.

[40] Там же. С. 48 и след.

[41] Там же. С. 8 и след.

[42] Там же. С. 11 и след.

[43] Там же.

[44] Там же. С. 50.

[45] Сведения о жизни Панаевой см.: *Ledkovsky M.* Avdotya Panaeva: Her Salon and her Life // Russian Literature Triquarterly. 1974. № 9. P. 423–432; *Göpfert F.* Dichterinnen und Schriftstellerinnen in Rußland von der Mitte des 18. bis zum Beginn des 20 Jahrhunderts. Eine Problemskizze. München, 1992. S. 127–135. О произведениях писательницы и ее значении вообще см. прежде всего: *Курова К.С.* Творчество А.Я. Панаевой в 60-е годы XIX века // Учен. зап. Казах. гос. ун-та им. С.М. Кирова, Алма-Ата. 1952. Т. XIV. Вып. 1. С. 39–58.

[46] См. об этом в ее мемуарах: *Панаева-Головачева А.Я.* Воспоминания. М., 1956.

[47] *Курова К.С.* Указ. соч. С. 41. Цензоры называли сочинение «циничным» и «аморальным», считая, что оно губит авторитет родителей.

[48] *Панаева-Головачева А.Я.* Указ. соч. С. 254 и след.

[49] *Ledkovsky M.* Op. cit. P. 340; *Чуковский К.* Панаева и ее воспоминания // Панаева-Головачева А.Я. Указ. соч. С. 16 и след.

[50] *Станицкий Н. [Панаева-Головачева А.Я.]* Женская доля // Современник. 1862. № 3. С. 4–176; № 4. С. 503–561; № 5. С. 207–250.

[51] Уже в романе «Мелочи жизни» (1854) Панаева развивала мысль о том, что женщина должна найти путь к борьбе и к материальной независимости. «Нового человека» в образе общественного критика Карсанова Панаева представила в своем написанном в 1860 г. произведении «Роман в петербургском полусвете». См. об этом: *Курова К.С.* Указ. соч. С. 45 и след. Костлоу заблуждается, считая, что Панаева в романе «Женская доля» не предлагала никакого решения для избавления женщины от ее трагической участи. См.: *Costlow J.* Love, Work and the Women Question in Mid Nineteenth-Century Women's Writing / Ed. by T.W. Clyman, D. Greene. Women Writers in Russian Literature. Westport (Connecticut); L., 1994. P. 63.

[52] Ср.: *Ledkovsky M.* Op. cit. P. 30 и след.

[53] *Станицкий Н. [Панаева-Головачева А.Я.]* Указ. соч. Современник. 1862. № 3. С. 50 и след.

[54] Там же. С. 45.

[55] Там же.

[56] Там же. С. 91.

[57] Ср. также образ либерального помещика и генерала, который вскоре разоблачает себя как реакционер, презирающий окружающих людей. См.: Современник. 1862. № 4. С. 556 и след.; № 5. С. 237 и след.

[58] Современник. 1862. № 3. С. 156 и след.; особ. с. 160.

[59] Т. е. представительницы городской мелкой буржуазии.

[60] Историю Анны см.: *Станицкий Н. [Панаева-Головачева А.Я.]* Указ. соч. // Современник. 1862. № 4. С. 532 и след.

[61] Там же. С. 542, а также: № 5. С. 239.

[62] Там же. С. 234.

[63] Там же. С. 232.

[64] Там же. С. 248.

[65] *Поречников В.* Женская доля // Отечественные записки. 1862. № 5. С. 36–52. Цитата со с. 38. «Поречников» – это псевдоним писательницы Н.Д. Хвощинской (1825–1889). См. об этом: *Göpfert F.* Dichterinnen und Schriftstellerinnen in Rußland von der Mitte des 18. bis zum Beginn des 20 Jahrunderts. Eine Problemskizze. München, 1992. S. 117 и след., особ. с. 119 и 121 и след.; писательница в 1861 г. изобразила в рассказе «Пансионерка» девушку, которая воспротивилась воле родителей. О Хвощинской см. также: *Rosenholm A.* Writing the Self: Creativity and the Female Author: Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya (1824–1889) // Gender Restructuring in Russian Studies: Conference Papers Helsinki, August 1992 / Ed. by M. Liljeström et al. Tampere, 1993. P. 193–208. О литературной деятельности Н.П. Сусловой в начале 60-х годов см. гл. III, п. I. Общие сведения о просвещенческой литературе писательниц и о тематике отношений между полами в 60-е годы см.: *Costlow J.* Op. cit. P. 66.

Критику Писаревым романа «Женская доля» в его саркастическом эссе, опубликованном в 1864 г. в августовском номере «Русского слова», следует рассматривать в связи с его полемикой против «Современника». Публицист протестует против тенденции осуждать человеческий эгоизм как движущую силу жизни. По его мнению, не эгоизм мужчин является причиной женских несчастий, а духовная отсталость, которая мешает женщине что-либо противопоставить мужской половине в интеллектуальной сфере. См.: *Писарев Д.И.* Роман кисейной барышни // Писарев Д.И. Соч.: В 4 т. М., 1955–1956. Т. 3. С. 185–217.

66 *Покровская М.И.* Из истории литературы. Женская доля // Женский вестник. 1905. № 9. С. 267–270.

67 Впрочем, было бы ошибкой считать данный роман только женским, как это в известной мере стало обычным в западной литературе (см., например: *Randall F.B.* N.G. Chernyshevskii. N.Y., 1967. P. 128 и след.; и позже: *Andrew J.* Women in Russian Literature, 1780–1863. Houndsmills; L., 1988. P. 154 и след.). О критике романа в современных исследованиях см.: *Гуральник У.А., Гуральник Ю.У.* Роман «Что делать?» сегодня: Опыт современной интерпретации // «Что делать?» Н.Г. Чернышевского: Историко-функциональное исследование. М., 1990. С. 218–241; особ. с. 220 и след. Обзор состояния исследований показывает: роман «Что делать?» в свое время подробно обсуждался, но ныне только начинает в определенной мере учитываться в рамках современной феминистской дискуссии. См.: *Maegd-Soep C. de.* Op. cit. P. 261 и след. Решающее значение для недостаточного количества исследований могло иметь то, что западные историки литературы не хотели вторгаться в идейную область, в которой главенствовала мысль о социалистическом решении общественных конфликтов и прочное место занимала широкомасштабная концепция женской эмансипации. Именно так об этом говорится в работе: *Randall F.B.* N.G. Chernyshevskyii. N. Y., 1967. P. 129 и след. Кроме того, литературно-художественные качества романа, ощущавшиеся многими как неудовлетворительные, давали желанный повод поскорее отделаться от этого произведения. К этому добавлялось и то, что советские исследователи творчества Чернышевского не проявляли почти никакого интереса к разработанным в романе идеям, обращаясь в основном к теме революционной борьбы за освобождение, которую в романе «Что делать?» символизировал Рахметов. См.: *Woehrlin W.F.* Chernyshevskii. The Man and the Journalist. Cambridge (Massachusetts), 1977. P. 313 и след. В советской историографии: *Баскаков В.Г.* Мировоззрение Чернышевского. М., 1956. С. 686 и след.; *Афанасьев Э.Л.* Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» и жизненный идеал народовольца // «Что делать?» Н.Г. Чернышевского... / Под ред. К.Н. Ломунова. М., 1990. С. 143–182, особ. 156; противоположное мнение: *Гуральник У.А., Гуральник Ю.У.* Указ. соч. С. 237 и след. Здесь подчеркивается актуальность романа во время перестройки и говорится о том, что борьба с неблагополучием в области культуры требует переосмысления с позиции идеала «нового человека».

68 См.: напр.: *Баскаков В.Г.* Указ. соч. С. 687; *Andrew J.* Op. cit. P. 154 и след.; *Maegd-Soep C. de.* Op. cit. P. 261 и след. О месте романа в истории литературы в целом: *Mathewson R.W. jr.* Op. cit. P. 63 и след. Сведения о развитии сюжета, связанного со стремлением женщин к эмансипации, в русской беллетристике 60-х годов см.: *Видуэцкая И.П.* Писатели-демократы 1860-х – начала 1880-х годов и роман Чернышевского «Что делать» // «Что делать?» Н.Г. Чернышевского... / Под ред. К.Н. Ломунова. М., 1990. С. 37–77, особ. 64. См. также: *Maegd-Soep C. de.* Op. cit. P. 287 и след., p. 303 и след.

69 Роман «Что делать?» был написан в Петропавловской крепости С.-Петербурга, где в это время на положении политического заключенного находился также Писарев. Только по недосмотру цензуры оказалось возможным передать рукопись Некрасову. Но история публикации романа на этом еще вовсе не пришла к счастливому концу, поскольку издатель «Современника» потерял единственный экземпляр рукописи по пути в редакцию! Только после того как какой-то честный человек вернул потерянную рукопись, ее передали в печать. См.: *Панаева-Головачева А.Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 324 и след. Об истории набора в типографии: *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. XI. С. 703 и след.

70 *Maegd-Soep C. de.* Op. cit. P. 275. В этой работе выражено неправомерное мнение, что Чернышевский был якобы первым русским автором, требовавшим материальной независимости женщин.

71 *Чернышевский Н.Г.* Что делать? // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 11; Перейра (*Pereira N.G.* Op. cit. P. 85) объясняет в связи с этим, что талант Чернышевского определялся не его литературной одаренностью, а способностью простым языком выражать сложные вещи и при этом преподносить основополагающие представления о ценностях, соответствующие новому духу времени. Мэтьюсон (*Mathewson R.W. jr.* Op. cit. P. 74) метко констатирует, что Чернышевский в своем романе разрядил напряженность между литературными критиками и писателями, поскольку выступил и как критик, и как писатель.

72 *Чернышевский Н.Г.* Указ. соч. С. 11.

73 Там же. С. 56 и след.

74 К этому добавлялось, что писатель строил свою частную жизнь на основе прогрессивных представлений, сознательно отказываясь от господствующей роли мужа. Общественные дискуссии и автобиографические моменты романа «Что делать?» подробно обсуждаются в гл. I, п. 4.

75 *Чернышевский Н.Г.* Что делать? // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 23 и след.

76 Там же. С. 17.

77 Там же. С. 46 и след.; цит. со с. 144 и след.

78 Там же. С. 175.

79 Из множества работ, посвященных идеям Чернышевского, назовем прежде всего следующие: *Pereira N.G.* Op. cit. P. 35 и след., p. 76 и след.; *Woehrlin W.F.* Op. cit. P. 121 и след. Из новых работ: *Paperno I.* Chernyshevsky and the Age of Realism. A Study in the Semiotics of Behavior. Stanford. (Ca), 1988, особ. P. 159 и след. Из недавних советских изысканий см.: Н.Г. Чернышевский и его наследие / Под ред. А.Г. Аганбегяна и др. Новосибирск, 1980.

80 *Чернышевский Н.Г.* Что делать? // Указ. изд. С. 70 и след. *Pereira N.G.* Op. cit. P. 39. Здесь подчеркнута христианская компонента в мышлении Чернышевского, требующая приносить жизнь в жертву идеалу.

81 *Чернышевский Н.Г.* Указ. соч. С. 57 и 93.

82 Там же. С. 55 и след. Чернышевский следовал взглядам Жорж Санд и Шарля Фурье на свободу любви.

83 Там же. С. 90 и след.

84 Ср.: Там же. С. 111 и след.

85 Ср.: Там же. С. 172; *Pereira N.G.* Op. cit. P. 76, 83.

86 *Чернышевский Н.Г.* Что делать? // Указ. изд. С. 188 и след.

87 Там же. С. 220 и след.

[88] Там же. С. 220 и след. Ср. также: *Imai Y.N.G.* Chernyshevskii: Pioneer of Russian Cooperation Movement // Ed. by D.K. Rowney. Imperial Power and Development: Papers on Pre-Revolutionary Russian History. Selected Papers of the Third World Congrss for Soviet and East European Studies. Columbus (Ohio), 1990. P. 134–150.

[89] Ср., в частности: *Goerdt W.* Russische Philosophie: Zugänge und Durchblicke. Freiburg; München, 1984. S. 413 и след.

[90] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? // Указ. изд. С. 253. О споре Михайлова с Прудоном см. гл. I, п. 4.

[91] *Чернышевский Н.Г.* Указ. соч. С. 252.

[92] Ср. убедительную интерпретацию в работе: *Borcke A. von.* Ursprünge des Bolschewismus. Die jakobinische Tradition in Rußland und die Theorie der revolutionaren Diktatur. München, 1977. S. 178. Этот автор выступает против попыток советской историографии любой ценой превратить Чернышевского в активного революционера и конспиратора. Критику подобной позиции содержит также работа: *Woehrlin W.F.* Op. cit. P. 264 и след.

[93] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? // Указ. изд. С. 210.

[94] Там же. С. 200.

[95] Там же. С. 203 и след.

[96] *Borcke A. von.* Op. cit. S. 162 и след., особ. S. 167.

[97] Ср. интерпретацию в работах: *Pereira N.G.* Op. cit. P. 83, а также: *Düwel W.* Op. cit. S. 592.

[98] См.: *Чернышевский Н.Г.* Что делать? // Указ. изд. С. 144 и след.; С. 269 и след.; *Pereria N.G.* Op. cit. P. 39 и след.; *Paperno I.* Op. cit. P. 195 и след.; *Katz M.R.* Vera Pavlovna's Dreams in Chernyshevskii's What is to be Done? // Clayton J.D. (ed.). Issues in Russian Literature before 1917. Selected Papers of the Third World Congress for Soviet and East European Studies. Columbus (Ohio), 1989. P. 150–161.

[99] Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению / Под ред. Н.К. Пиксанова, О.В. Циховницера. М.; Л., 1940. С. 404; *Цитович П.* Что делали в романе «Что делать?». Одесса, 1879. С. 19. Относительно истории восприятия: *Чернышевский Н.Г.* Что делать? // Указ. изд. С. 707 и след.

[100] *Чернышевский Н.Г.* Там же. С. 707.

[101] Из журнала заседания совета Главного управления по делам печати, 5 сент. 1872 года // Шестидесятые годы... С. 404.

[102] Такое мнение выражено в работе: *Stökl G.* Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1983. S. 571.

[103] Ср.: *Borcke A. von.* Op. cit. S. 176 и след.

[104] *Писарев Д.И.* Мыслящий пролетариат // Писарев Д.И. Соч.: В 4 т. М., 1955–1956. Т. IV. С. 7–49. (Позднее оказалось возможным опубликовать рецензию Писарева под ее первоначальным названием.)

[105] *Писарев Д.И.* Указ. соч. С. 41 и след. Характерно заявление издателей полного собрания сочинений Н.Г. Чернышевского (см. коммент.), что Писарев не осознал революционного значения образа Рахметова. См.: *Чернышевский Н.Г.* Что делать? // Указ. изд. С. 710. Аналогичное высказывание Плеханова см.: *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1958. Т. IV. С. 165.

[106] *Писарев Д.И.* Указ. соч. С. 7 и след.

[107] Там же. С. 646. Ср. с этим ложную интерпретацию идей Писарева в работе: *Виноградов К.В., Елизаветина Г.Г.* Представление о читателе в демократической критике «шестидесятых годов» // «Что делать?» Н.Г. Чернышевского... / Под ред. К.Н. Ломунова. М., 1990. С. 25.

[108] *Писарев Д.И.* Указ соч. С. 7 и след.

[109] Там же. С. 653, 657 и след. О непостоянстве восприятия Писаревым английского утилитаризма см.: *Lampert E.* Sons Against Fathers: Studies in Russian Radicalism and Revolution. Oxford, 1965. Особ. p. 304 и след.

[110] *Писарев Д.И.* Указ. соч. С. 20, 24.

[111] Там же. С. 42.

[112] О современном роману резонансе см.: *Николаев П.А.* «Чтобы читали все...» // «Что делать?» Н.Г. Чернышевского... М., 1990. С. 5–13; *Виноградов К.В., Елизаветина Г.Г.* Указ. соч. С. 26 и след.; *Видуэцкая И.П.* Указ. соч. С. 37–77; *Kropotkin P.* Ideale... S. 279 и след.; *Woehrlin W.F.* Op. cit. P. 317 и след. *Stites R.* Op. cit. P. 89. О воздействии образа см. также: *Плеханов Г.В.* Указ. соч. С. 159 и след.; см. также настоящую монографию, гл. III., п. 1.

2

Новое в области просвещения
и в профессиональной трудовой сфере

[1] См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 23 и след.; относительно развития этого понятия см.: *Becker Ch.* Raznochintsy: The Devolopment of the World and the Concept // American Slavic and East European Review. 1959. № 1. P. 63–74. О структурном изменении русского сословного общества: *Hildermeier M.* Ständeordnung und sozialer Wandel: Rußland in der Frühphase der Industrialisierung // Geschichte und Gesellschaft. 1979. № 3. S. 331–335. По проблематике образованности сословий и сословного сознания в России см.: *Freeze G.L.* The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // The American Hictorical Review. 91. 1986. February. P. 11–36; *Ruffmann K.H.* Russischer Adel als Sondertypus der europäischen Adelswelt // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1961. Jg. 9. S. 161–178; *Hildermeier M.* Der russische Adel von 1700 bis 1917 // Wehler H.-U. (Hrsg). Europäischer Adel 1750–1950. Geschichte und Gesellschaft. 1990. Sonderheft 13. S. 166–216.

[2] *Balzer H.* The Problems of Professions in Imperial Russia // Ed. by W. Clowes, D. Kassow, J.L. West. Between Tsar and People... Princeton; N.J., 1991. P. 183–198; *Schlögel K.* Jenseits der Großen Oktobers: Das Laboratorium der Moderne. Petersburg 1909–1921. Berlin, 1988. S. 67 и след. По истории этого понятия см.: *Müller O.W.* Intelligenzija: Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes. Frankfurt/Main, 1971. О состоянии исследований: *Fischer G.* Russian Liberalism. From Gentry to Intelligentsia. Cambridge, Mass., 1958; *Pipes R.* (Hrsg). Die russische Intelligentsia (Aus dem Amerik.). Stuttgart, 1962; *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia. N.Y., 1966; *Ерман Л.К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966; *Pollard A.P.* Consciousness and Crisis: the Self-Image of the Russian Intelligentsia 1855–1882. Philos. Diss. Berkeley, Ca, 1968; *Лейкина-Свирская В.Р.* Указ. соч.; *Она же.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981.

[3] *Geyer D.* Zwischen Bildungsbürgertum und Intelligenzija: Staatsdienst und akademische Professionalisierung im vorrevolutionären Rußland // Conze W., Kocka J. (Hrsg). Bildungsbürgertum im 19. Jahrhundert. Teil I: Bildungssystem und Professionalisierung in internationalen Vergleichen. Stuttgart, 1985. S. 208.

[4] *Gleason A.* Young Russia: The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s. Chicago; L., 1983. P. 1 и след.

[5] О дискуссии интеллигенции относительно общественного прогресса в России см.: *Hildermeier M.* Das Privileg der Rückstandigkeit. Anmerkungen zum Wandel einer Interpretationsfigur der neuen russischen Geschichte // Historische Zeitschrift. Bd. 244. 1987. S. 557–603.

[6] *Schlögel K.* Jenseits des Großen Oktobers... S. 67; ср. также: *Beyrau D.* Russische Intelligenzija und Revolution // Historische Zeitschrift. Bd. 252. 1991. S. 559–586, особ. 565. О радикальной критике одной из групп русских интеллектуалов в соответствии с идеологическим профилем интеллигенции в начале XX в. см.: Vechi – Wegzechen: zur Krise der russischen Intelligenz: Essays von Nikolaj Berdjajev u. a. Frankfurt/Main, 1990.

[7] *Schlögel K.* Op. cit. S. 67; *Beyrau D.* Op. cit. S. 565 и след.

[8] *Torke H.J.* Das russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19 Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 13. Berlin, 1967. S. 7–345, особ. 88 и след.; *Geyer D.* Op. cit. S. 210 и след.; *Brower D.R.* Training the Nihilists. Education and radicalism in Tsarist Russia. Ithaca; L., 1975. P. 53 и след.

[9] *Hildermeier M.* Op. cit. S. 325. О полемике с советскими исследованиями см. прежде всего: *Он же.* Sozialer Wandel im städtischen Rußland in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts: Anmerkungen zur neuen Literatur // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1977. № 4. S. 526–566.

[10] *Fischer G.* Op. cit. P. 46 и след. О социальной истории и экономической деятельности российского предпринимательства см.: *Hildermeier M.* Bürgertum und Stadt in Russland 1760–1870. Rechtliche Lage und soziale Struktur. Köln; Wien, 1986.

[11] *Fischer G.* Op. cit. Здесь, правда, придан слишком большой вес тенденции перехода от отчуждения к соучастию. О развитии ориентированных на реформы движений см.: *Galai S.* The Liberation Movement in Russia, 1900–1905. Cambridge, 1973; *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. М., 1985; *Löwe H-D.* Bürgertum, liberale Bewegung und gouvernementaler Liberalismus im Zarenreich um die Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert // Langewiesche D. (Hrsg). Liberalismus im europäischen Vergleich. Göttingen, 1998. S. 515–533.

[12] О состоянии исследования великих реформ см.: *Hellmann M., Schramm G., Zernack K.* (Hrsg). Handbuch der Geschichte Rußlands. Bd. III, 1. Hb. Stuttgart, 1983. S. 68 и след.; *Lincoln W.B.* The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy and the Politics of Change in Imperial Russia. University of Illinois, 1990. Относительно военной реформы см.: *Beyrau D.* Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland. Köln; Wien, 1984. S. 263 и след., 361 и след. О развитии юстиции: *Baberowski J.* Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständlichkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt/Main, 1996.

[13] Ср.: *Hellmann M. u. a.* Handbuch... Bd. III., 1 Hb. S. 102 и след.; *Kahan A. u.a.* Russian Economic History: The Nineteenth Century / Ed. by. R. Weiss. Chicago, 1989; *Haumann H.* Kapitalismus im zaristischen Staat 1906–1917. Organisationsformen, Machtverhältnisse und Leistungsbilanz im Industrialisierungsprozess. Königstein/Taunus, 1980. S. 23 и след.

[14] *Alston P.L.* Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, Ca., 1969. P. 61. Ср. также: *Sinel A.* The Classroom and the Chancellery. State and Education Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoi. Cambridge, Mass., 1973. Цифры даны по работе: *Рашин А.Г.* Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. // Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 28–80, здесь с. 48 и след.

15 См. таблицу в прил. II. *Рашин А.Г.* Указ. соч. С. 70 и след. О среднем школьном образовании см.: *Brower D.R.* Op. cit. P. 80 и след.; *Pushkin M.* Raznochintsy in the University. Gouvernment Policy and Social Change in Nineteenth-Century Russia // Internanional Review of Social History. 1981. № 1. P. 25–62, особ. 36 и след.

16 Ср. таблицы в прил. II, а также: *Рашин А.Г.* Указ. соч. (прил. 14 и 15). С. 76.

17 *Johanson W.H.E.* Russia's Educational Heritage. Pittsburg., Penns., 1950. P. 285.

18 См. таблицу в прил. II. Далее: *Brim S.* Universitäten und Studentenbewegung in Rußland im Zeitalter der Großen Reformen 1855–1881. Frankfurt/Main, 1985. S. 90 и след.; *Рашин А.Г.* Указ. соч. С. 77 и след. О разногласиях по поводу степени исследованности см.: *Pushkin M.* Op. cit.

19 *Geyer D.* Zwischen Bildungsbürgertum und Intelligenzija. S. 214 и след. Ср. данные о развитии студенчества в специальных вузах в работе: *Лейкина-Свирская В.Р.* Указ. соч. С. 13 и след. Кроме того см.: *Johanson W.H.E.* Op. cit. P. 288 и след.; *McClelland J.C.* Diversification in Russian-Soviet Education // Jarausch K.H. (ed.). The Transformation of Higher Learning 1860–1930. Stuttgart, 1983. P. 180–195, здесь p. 98; *Alston P.L.* The Dynamics of Educational Expansion in Russia // Ibid. P. 89–107, особ. p. 98. В 1914 г. в университетах числилось 35 тыс. студентов, на Высших женских курсах учились 34 тыс. курсисток.

[20] *Dudgeon R.A.* The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872–1917 // Russian History (Histoire Russe). 1982/1. P. 1–26, особ. табл. на с. 9 (с перечнем учебных заведений). Кроме того, см.: *Schede C.* Frauenbildung. Gesellschaftlicher Aufbruch und Mängel staatlicher Politik // Haumann H., Plaggenborg St. (Hrsg). Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Rußland in der Spätphase des Zarenreiches. Frankfurt/Main, 1994. S. 296–317 (здесь S. 296). Автор дает одинаковое число учащихся мужского и женского пола, поскольку не учитывает различий между отдельными типами высшей школы. Когда она приводит цифру 44 017 студенток в 1915/16 уч. г., опираясь на Даджона (Dudgeon), то в это число входят студентки университетов и высших технических школ. Цифра 44 тыс. студентов относится (для того же периода) только к учебным заведениям университетского типа. См. также: *McClelland J.C.* Op. cit. В этот же период в Германии доля студенток по отношению ко всем учащимся вузов составляла всего 7%, во Франции 10%. См. также: *Frevert U.* (Hrsg). Bürger und Bürgerinnen Geschlechterverhaltnisse im 19. Jahrhundert. Göttingen, 1988. S. 179 и след. (статья о культуре E.J. Hobsbawm).

[21] См. по этому вопросу гл. IV.

[22] Историк Лейкина-Свирская критикует, например, Ермана за то, что он не отделяет интеллектуальный труд от труда, связанного с исполнением чисто служебных обязанностей. Опираясь на А. Грамши, она исходит из того, что в ходе капиталистической индустриализации нивелируется разница между умственным и физическим трудом, и с этих позиций определяет интеллектуальную деятельность по ее функции в общественном процессе модернизации. См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России... С. 14 и след.; *Ерман Л.К.* Указ. соч. Методологически близок труд: *Ушаков А.В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России (1895–1904). М., 1976.

[23] *Ерман Л.К.* Указ. соч. С. 9 и след. См. также таблицу в прил. II; *Лейкина-Свирская В.Р.* Указ. соч. С. 135 и след., 230 и след. При определенных условиях приемлемо также причисление женщин низших звеньев медицинской службы к интеллигенции. Но здесь есть ограничения, поскольку, хотя эти женщины и проходили определенное обучение, высшие учебные заведения оставались для них недоступ-

ными вплоть до XX в., к тому же по политико-идеологическим соображениям право женщин на получение высшего медицинского образования неоднократно ставилось под вопрос. О деятельности женщин в сфере медицины см.: *Hartung Ch.* Frauenerwerbstätigkeit im Gesundheitswesen in den letzten Jahrzehnten des vorrevolutionären Rußlands. Magisterarbeit am Fachbereich Geschichtswissenschaften. Marburg, 1994.

[24] *Ерман Л.К.* Указ. соч. С. 13 и след.

[25] *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция... С. 50–58.

[26] Там же. С. 62 и след.; имеются сведения и на других страницах о профессиональной деятельности интеллигенции около 1914 г., но нет данных о распределении состава учителей по половому признаку в сфере среднего школьного образования.

[27] *Geyer D.* Op. cit. S. 217 и след.

[28] *Balzer H.* Op. cit. S. 192 и след. См. также: *Schlögel K.* Op. cit. S. 109 и след.

[29] *Geyer D.* Op. cit. S. 224 и след.; *Wagner W.G.* Marriage, Property and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994.

[30] *Geyer D.* Op. cit. S. 227 и след.; *Frieden N.* Russian Physicians in the Era of Reform and Revolution 1856–1905. Princeton; N.J., 1981. P. 323, а также 179 и след., 31 и след.

[31] О понятии гражданской культуры см.: *Schlögel K.* Op. cit. S. 110 и след. Правда, этот автор относит названный термин к России на рубеже веков. См. также: *Bradley J.* Voluntary Associations, Civic Culture, and Obshchestvennost' in Moscow // Clowes W. et al. (ed.). Op. cit. P. 131–148, особ. 139 и след. Брэдли видит в свободном праве на образование ассоциаций с 60-х годов XIX в. признак возникновения буржуазной гражданской культуры. См. об этом также гл. VI, п. 1. В заключительном обзоре настоящей работы снова поднимается тема гражданского общества.

3
Зарождение «встречной» культуры

[1] Слова принадлежат славянофилу А.С. Хомякову. Цит. по: *Diestelmeier F.* Soziale Angst. Konservative Reaktionen auf liberale Reformpolitik in Rußland unter Alexander II (1855–1866). Frankfurt/Main, 1985. S. 53 и след.; о возникновении в России общественного мнения см.: S. 48 и след., 306 и след.; о положении интеллигенции при режиме Николая I см.: *Riasanovsky N.V.* A Parting of Wags. Government and Educated Public in Russia 1801–1855. Oxford, 1976. P. 248 и след.

[2] *Hildermeier M.* Der russische Adel von 1700 bis 1917 // Geschichte und Gesellschaft. Sonderband 13: Europäischer Adel 1750–1950 / Hrsg. v. H.-U. Wehler. Göttingen, 1900. S. 166–216, особ. 185; *Emmons T.* The Russian Landed Gentury and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge, 1968. P. 209 и след.; *Grenzer A.* Zur Sozialgeschichte des russischen Adels im Zarenreich // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1989. № 2. S. 250–263, особ. 257 и след. (об экономическом упадке дворянства).

[3] *Diestelmeier F.* Op. cit. S. 295 и след., особ. 308. Ср. также обобщенный обзор состояния исследований о прессе и общественном мнении в работе: *Ferenczi C.* Presse und Nachrichten im vorrevolutionären Rußland // Neue Politische Literatur. 1993. № 2. S. 239–253.

[4] *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России... 1971. С. 212 и след.; *Brooks J.* When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton; N.J., 1985. P. 110 и след.; *McReynolds L.* The News under Russia's Old Regime. Princeton; N.J., 1991. P. 11 и след. Ср. также: *Städtke K.* Ästlhetisches Denken in Rußland. Kultursituation und Literaturkritik. Berlin; Weimar, 1978. S. 203 и след.

[5] *Brooks J.* Op. cit. О тиражах см.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Указ. соч. С. 225 и след. Судя по этим данным, «Современник» издавался в 1862 г. тиражом 7 тыс. экз., «Русское слово» – 4 тыс., «Отечественные записки» – также 4 тыс. О практике чтения см.: *Pereira N.G.* Op. cit. P. 13 и след.

[6] Общие сведения о журнальном деле, редакторах и сотрудниках журналов см. в работе: Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник / Под ред. А.Г. Дементьева. М., 1959; *Куфаев М.Н.* История русской книги в XIX веке. Л., 1927. С. 149 и след. Об ослаблении цензуры и распространении в России западной литературы: *Choldin M.T.* A Fence Around the Empire. Russian Censorship of Western Ideas under the Tsars. Durham, 1985; *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати (60–70-е годы XIX века). Л., 1989, особ. с. 23 и след.

[7] Цит. по: *Куфаев М.Н.* Указ. соч. С. 258 и след.

[8] Там же. С. 260.

[9] Ср.: *Leontovitsch V.* Geschichte des Liberalismus in Rußland. 2. Aufl. Frankfurt/Main, 1974. S. 138 и след.

[10] *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л.* Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. Воспоминания Н.В. Шелгунова. С. 93 и след.

[11] Ср.: *Confino M.* Révolte juvénile et contre-culture: Les nihilistes russes des «années 60» // Cahiers du monde russe et soviétique. 1990. № 4. P. 489–538, особ. 502 и след.; *Богданович Т.А.* Любовь людей шестидесятых годов. Л., 1929. С. 3 и след.

[12] *Шелгунов Н.В.* и др. Воспоминания. Т. 1. С. 113.

[13] *Confino M.* Op. cit. P. 490 и след.

[14] См. гл. I, п. 1. Чернышевский, Добролюбов и другие не считали себя нигилистами. Такая односторонняя интерпретация нигилизма, вызванная полемикой против прежнего подхода к нему, наблюдается в литературе вплоть до сегодняшнего дня. См., например: *Thun A.* Die Geschichte der revolutionären Bewegung in Rußland. Leipzig, 1883 (есть репринт 1971 г.), S. 33 и след.; *Николаев П.А.* Чтобы читали все... // «Что делать?» Н.Г. Чернышевского... / Под ред. К.Н. Ломунова. М., 1990. С. 25. Материалы о дискуссии по поводу понятия «нигилизм» в России см.: *Confino M.* Op. cit. P. 493 и след.

[15] Эти тезисы, сформулированные при анализе исследований о нигилизме, получают разъяснения в ряде работ. Ср. по проблеме в целом: *Goerdt W.* Russische Philosophie. Zugänge und Durchblicke. Freiburg; München, 1984. S. 393 и след.; *Walicki A.* A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism. Oxford, 1980. P. 209 и след.; *Moser Ch.A.* Antinihilism in the Russian Novel of the 1860's. Mouton, 1964. P. 13 и след.; *Lampert E.* Sons against Fathers. Studies in Russian Radikalism and Revolution. Oxford, 1965. P. 85 и след.; *Hingley R.* Nihilists. Russian Radicals and Revolutionaries in the Reign of Alexander II (1855–1881). L., 1967. P. 13 и след.; *Vucinich A.* Science in Russian Culture 1861–1917. Stanford, Ca., 1970. P. 3 и след.; *Schmidt W.-H.* Nihilismus und Nihilisten. Untersuhungen zur Typisierung im russischen Roman der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. München, 1974. S. 7 и след.; *Besançon A.* The Intellectual Origins of Leninism. Oxford, 1981. P. 113 и след. Рассмотрение нигилизма в советских исследованиях вызывает ряд вопросов, поскольку нигилистов причисляют к революционным демократам и связывают с возникновением революционного движения, а последнее трактуется как один из факторов предыстории марксизма-ленинизма. Собственное значение нигилистического движения либо игнорируется, либо принижается как мелкобуржуазное. Подобные сужде-

ния встречаются в работах: *Плоткин Л.А.* Писарев и литературно-общественное движение 60-х годов. Л.; М., 1945; *Он же.* Д.И. Писарев. Жизнь и деятельность. М.; Л., 1962. Есть об этом и более поздние работы: *Новиков А.Н.* Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики. Л., 1972, особ. с. 34 и след.; *Кузнецов Ф.* Круг Д. Писарева. М., 1990. В этих работах Писарев с самого начала оценивается на ступень ниже, чем круг «революционных демократов» Чернышевского и Добролюбова (см. с. 5 и след.), но все же авторы стараются установить его отличительные черты.

[16] *Confino M.* Op. cit. P. 519.

[17] Цит. по: *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1988. С. 283.

[18] Там же. С. 283–284.

[19] *Confino M.* Op. cit. P. 521. Последние подтверждаются в работе *Brower D.R.* Op. cit. P. 51 и след.

[20] *Confino M.* Op. cit. P. 516 и след.

[21] Тезис о «субкультуре» выдвинул Броуэр (*Brower D.R.* Op. cit. P. 53), но соображения автора малоубедительны; противоположное мнение выражено *Confino M.* (Op. cit. P. 519 и след.).

[22] Ср. по этому вопросу гл. III, п. 2.

[23] Ср. гл. II–VI.

4

Общественная критика и женский вопрос

[1] О воздействии на интеллигенцию организованного правительством процесса против Чернышевского см.: *Pereira N.G.* Op. cit. P. 30; *Coquart A.* Op. cit. P. 178 и след.

[2] *Pereira N.G.* Op. cit. P. 20 и след.; *Woehrlin W.F.* Op. cit. P. 13 и след.

[3] *Lampert E.* Op. cit. P. 226 и след.; *Наумова М.А.* Социологические, философские и эстетические взгляды Н.А. Добролюбова. М., 1960; *Скрипилев Е.А.* Добролюбов. М., 1988.

[4] *Плоткин Л.А.* Указ. соч. С. 79 и след.; *Coquart A.* Op. cit. P. 25 и след. Обстоятельства смерти Писарева спорны. Так и не удалось выяснить, утонул ли он в море под Ригой во время отпуска, проведенного с Марко Вовчок (Марией Маркович), или покончил с собой.

[5] *Schmidt W.H.* Op. cit. S. 14.

[6] *Добролюбов Н.А.* Темное царство // Добролюбов Н.А. Избранные философские произведения. Т. 2. [М.], 1948. С. 5–159. Здесь С. 23, 30, 73.

[7] Там же. С. 30 и след.

[8] Там же. С. 36 и след.; также 125 и след.

[9] Там же. С. 51.

[10] Там же.

[11] Там же. С. 71, а также 117.

[12] Там же. С. 119. О философии Руссо см.: *Fetscher I.* Rousseaus politische Philosophie. Zur Geschichte des demokratischen Freiheitsbegriffs. Frankfurt/Main, 1975; особ. S. 27 и след.

[13] *Добролюбов Н.А.* Указ. соч. С. 159.

[14] Там же. С. 39, 64, 123.

[15] Там же. С. 143.

[16] См. об этом гл. II, п. 1.

17 Биографы Чернышевского, Добролюбова и Писарева проделали по этой теме основательную работу. См. следующие примечания, а также: Н.Г. Чернышевский и его наследие. Новосибирск, 1980.

18 О творчестве Олимпа де Гуга см.: *Noack P.* Olympe de Gouges. Eine Feministin der Französischen Revolution. Köln; Wien, 1990; *Landes J.B.* Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution. Ithaca; N.J., 1988.

19 *Вишневская Г.* Тема социального бесправия женщины в литературном наследии Белинского // Учен. зап. Казан. гос. ун-та им. В.И. Ульянова-Ленина: Общеуниверситет. сб. Казань, 1956. Т. 116. Кн. 5. С. 292–297, здесь 292. Эту статью я получила от Андреаса Гренцера из Казани, за что выражаю ему благодарность.

20 Об идеях Белинского см.: *Нечаева В.С.* В.Г. Белинский: В 4 т. М., 1949–1967; *Bowman H.E.* Vissarion Belinskij 1811–1848. A Study on the Origins of Social Criticism in Russia. Cambridge, Mass., 1954; *Randall F.B.* Vissarion Belinskij. Newtonville, 1987; *Walicki A.* History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism. Oxford, 1980. P. 136 и след.; *Borcke A. von.* Op. cit. S. 139 и след.; *Scheibert P.* Von Bakunin zu Lenin. Geschichte der russischen revolutionären Ideologien 1840–1895. Bd. I. Leiden, 1956. S. 117 и след., особ. 190. Здесь Белинский-разночинец интерпретируется как первый «новый человек» и «первичный тип русского интеллигента», а его социальное происхождение увязывается с его интересом к радикальному западноевропейскому просвещению.

[21] *Вишневская Г.* Указ. соч. С. 294 и след. Ср. также: *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia... Princeton; N.J. 1978. P. 21; *Павлюченко Э.А.* Женщины... М., 1998. С. 46 и след.

[22] *Brocke A. von.* Op. cit. S. 163 и след., особ. 165; *Berlin I.* Herzen und Bakunin on Individual Liberty // Simmons E.J. (ed). Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. Cambridge, Mass., 1955. P. 473–499.

[23] *Утехин С.В.* История русской политической мысли. М., 2003. S. 115. О Герцене см.: *Malia M.* Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism, 1812–1855. Cambridge, Mass., 1961; *Berlin I.* Russische Denker. Frankfurt/Main, 1981. S. 251 и след.; *Смирнова З.В.* Социальная философия А.И. Герцена. М., 1973; *Пирумова Н.М.* Александр Герцен: Революционер, мыслитель, человек. М., 1989.

[24] Об учении Сен-Симона см.: *Kleinau E.* Die freie Frau. Soziale Utopien des frühen 19. Jahrhunderts. Düsseldorf, 1987. S. 41 и след.

[25] *Казнин Л.Н.* Проблема эмансипации женщин в социальном учении А.И. Герцена. Горький, 1989; *Он же.* А.И. Герцен об образе женщины будущего // Социалистический образ жизни и формирование личности: Межвуз. сб. науч. тр. Горький, 1990. С. 100–110.

[26] *Borcke A. von.* Op. cit. S. 169 и след.; *Walicki A.* Op. cit. P. 199 и след.; *Pereira N.G.* Op. cit. P. 25 и след., 51 и след.; *Woehrlin W.F.* Op. cit. P. 28 и след., 228 и след. Ср. также: *Башмакова Р.А., Емельянов Б.В.* Проблема личности в социологии Н.Г. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский и его наследие. С. 152–160; *Мусаткин И.П.* Н.Г. Чернышевский о русской общине // Там же. С. 184–192.

[27] См.: *Kleinau E.* Die freie Frau. S. 71 и след., а также: *Moses C.G.* French feminism in the Nineteenth Century. N.Y., 1984. P. 90 и след.

[28] См.: *Богданович Т.А.* Любовь людей шестидесятых годов. Л., 1929. С. 19 и след. с цитатами из дневника; см. также: *Maegd-Soep C. de.* Op. cit. P. 271 и след. Историк М.В. Нечкина, внучка Ольги Сократовны, решительно защищает ее от упреков в нарушении норм морали, высказанных кузеном Чернышевского А.Н. Пыпиным; Подробно об этом см.: *Богданович Т.А.* Указ. соч. См.: *Нечкина М.В.*

Ольга Сократовна Чернышевская // Чернышевский и его эпоха. Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1979. С. 241–247. Как указано в работе Н.М. Чернышевской «Озарена тобою жизнь моя...» (Николай Гаврилович и Ольга Сократовна Чернышевские // Русская литература. 1978. № 1. С. 122–140, особ. 128), супружеская пара в начале 60-х годов пережила конфликт, подобный тому, который произошел между Верой Павловной, Лопухиным и Кирсановым. Ольга Сократовна влюбилась в полковника Ивана Федоровича Савицкого (1831–1911), который в 1862–1863 гг. активно поддерживал поляков в их освободительной борьбе, а позднее имел врачебную практику в Лемберге (Львове). Он был человеком незаурядным, занимался наукой и политикой и, по мнению Н.М. Чернышевской, являлся прототипом героя романа «Что делать?» Кирсанова, хотя Ольга ради него и не покинула мужа.

29 См. гл. I, п. 1.

30 *Богданович Т.А.* Указ. соч. С. 37 и след., со ссылками на источники.

31 См.: *Михайлов М.Л.* Парижские письма // Михайлов М.Л. Соч.: В 3 т. / Под ред. Б.П. Козьмина. М., 1958. Т. III. С. 221–305. Впервые опубликованы в 1858–1859 гг. в «Современнике». См. об этом: *Stites R.* M.L. Mikhailov and the Emergence of the Women Question in Russia // Canadian Clavic Studies. 1969. № 2. P. 187 и след. О Михайлове пойдет речь ниже.

32 О сестрах милосердия см.: *Mienert M.* Frauen im Krimkrieg. Kriegskrankenpflege vor dem Untergrund der sozialen Stellung russischer Frauen im 19. Jahrhundert. Magisterarbeit an der Philosophischen Fakultät Konstanz. Konstanz, 1996.

33 *Пирогов Н.И.* Вопросы жизни // Пирогов Н.И. Избр. пед. соч. М., 1985. С. 29–51; цитата со с. 50. Ранее эта работа публиковалась также в изд.: *Пирогов Н.И.* Вопросы жизни // Пирогов Н.И. Избр. пед. соч. М., 1953. С. 71; *Штрайх С.Я.* Н.И. Пирогов о любви, о призвании женщины-матери и пр. // Голос минувшего. 1915. № 5. С. 189–206; № 6. С. 191–205. Ср. также: *Froese L.* Russiche und sowjetische Pädagogik. Ideengeschichtliche Triebkräfte. 2. Aufl. Heidelberg, 1963. S. 61 и след.; *Stites R.* The Women's Liberation Movement... P. 30 и след. Здесь же см. сведения об общественной дискуссии по женскому образованию с 1856 г.

34 *Пирогов Н.И.* Вопросы жизни. С. 51.

35 О консервативных взглядах см.: *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России (50–60 годы XIX в.). Л., 1984. С. 119 и след., особ. С. 125.

36 *D'Héricourt J.P.* La femme affranchie: réponse à Mm. Michelet, Proudhon, E. de Girardin. Comte et aux autres novateurs modernes. P., 1860. См. об этом: *Offen K.* A Nineteenth-Century French Feminist Rediscovered: Jenni P. d'Hericourt, 1890–1875 // Signs. 1987. № 1. P. 144–158. Ж. д'Эрикур не закончила университет, но, видимо, получила дипломы по гомеопатии и акушерству. О влиянии Ж.П. д'Эрикур в России см.: *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 195 и след.; *Михайлов М.Л.* Женщины: их воспитание и значение в семье и обществе // Михайлов М.Л. Соч. Т. III. С. 369–430 (впервые опубликовано в 1860 г.); *Stites R.* The Women's Liberation Movement... P. 41 и след. О педагогических принципах радикальных демократов см.: *Froese L.* Op. cit. S. 73 и след.

37 *Stites R.* M.L. Mikhailov and the Emergence of the Woman Question in Russia. P. 187 и след.; *Михайлов М.Л.* Указ. соч. С. 371 и след. О просвещении девушек см. гл. II, п. 4.

38 *Михайлов М.Л.* Указ. соч., особ. с. 425 и след. При этом Михайлов опирается на идеи Дж. Ст. Милля.

39 *Михайлов М.Л.* Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин // Современник. 1860. № 11. С. 221–250; *Stites R.* M.L. Mikhailov. P. 193.

40 *Михайлов М.Л.* Указ. соч. С. 232 и след.; *Stites R.* Op. cit. P. 191 и след.

41 *Шелгунов Н.В.* и др. Воспоминания. Т. 1. М., 1967. С. 121. О влиянии Михайлова см. также: *Тишкин Г.А.* Женский вопрос... С. 81 и след.

42 *Тишкин Г.А.* Чернышевский и раскрепощение женщины // Н.Г. Чернышевский: Эстетика. Литература. Критика. Л., 1979. С. 349–357, особ. с. 355.

43 См.: *Тишкин Г.А.* Женский вопрос... С. 126 и след. Ср. также: *Heldt Monter B.* Rassvet (1859–1862) and the Women Question // Slavic Review. 1977. № 1. P. 76. О «новых» женщинах, выступавших в прессе начиная с 60-х годов, см. гл. III, п. 2.

44 *Кремпин В.* От редакции // Рассвет. 1859. № 1. С. 1.

45 *Heldt Monter B.* Op. cit. P. 78 и след. – о содержании и программе журнала.

46 Рассвет. 1859. № 1. (прил.; библиогр). С. 1–3. Цит. со с. 2.

47 *Coquart A.* Dmitri Pisarew... P. 46 и след.; *Тишкин Г.А.* Женский вопрос... С. 96 и след.; *Heldt Monter B.* Rassvet... P. 82 и след.; *Искра Л.М.* Д.И. Писарев и его роль в истории русской общественно-политической мысли. Воронеж, 1988. С. 64 и след. Анализируется отношение Писарева к женской эмансипации. Указано, что при создании либерального женского журнала «Рассвет» Писарев еще рассматривал в 1858–1859 гг. супружество и материнство как главное предназначение женщины, хотя и высказывался за равенство и независимость женщин в брачных отношениях. Критика Писаревым положения женщины в обществе в период его сотрудничества в журнале «Русское слово» стала фундаментальной, так как он связывал эту тему с глобальной критикой русской культуры (и патриархального поведения мужчин). Причиной униженного положения женщины в обществе он считал не особенности ее психического склада, а господствовавшие в то время представления об образе женщины; при равных возможностях получения образования женщина могла бы, по мнению Писарева, развивать в себе способности, равные мужским, и участвовать в общественной жизни наравне с мужчиной. В своей статье «Базаров» (1862) Писарев выражал сожаление, что в России еще нет женщин, которые стояли на на одной ступени с Базаровым. Однако он предсказывал самоосвобождение женщины и ее развитие в «нового человека».

48 Подробно об этом см. гл. III, п. 1.

49 См. гл. V, п. 3.

50 См.: *Vucinich A.* Science in Russian Culture 1861–1917. Stanford, Ca., 1970. P. IX и след., 5 и след., 66 и след.; *Kobliz A.H.* Science, Women and the Russian Intelligentsia. The Generation of the 1860s // Isis. 1988. Vol. 79. P. 208–226. О развитии наук см. прежде всего: *Зезина М.Р., Кошман Л.В., Шульгин В.С.* История русской культуры. М., 1990. С. 218 и след., а также *Bazylow L.* Historia novożytnej kultury rosyskiej. Warszawa, 1986. S. 430 и след.

51 *Vucinich A.* Op. cit., особ. p. XV 15 и след.; *Schmidt W.-H.* Nihilismus... S. 30 и след.; *Rogers J.* Darwinism, Scientism and Nihilism // Russian Review. 1960. № 1. P. 10–23.

52 Изложено по: *Vucinich A.* Op. cit. P. 4.

53 *Чернышевский Н.Г.* Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 222–295; *Pereira N.G.* Op. cit. P. 35 и след.

54 Материал о биографиях ученых см.: *Vucinich A.* Op. cit. P. 119 и след.; *Зезина М.Р., Кошман Л.В., Шульгин В.С.* Указ. соч. С. 218 и след.; особенно подробно: *Мирский М.Б.* Революционер в науке, демократ в жизни: И.М. Сеченов. М., 1988; см. также: *Сеченов И.М.* Рефлексы головного мозга // Медицинский вестник. 1863. № 47–48. С. 461–484, 493–512.

[55] Примеры приведены в работе: *Vucinich A.* Op. cit. P. 8.

[56] См.: *Lampert E.* Sons against Fathers. Oxford, 1965. P. 296 и след. Когда в 1864 г. на русском языке была опубликована работа Дарвина «Происхождение видов» в переводе весьма низкого качества, Писарев написал научно-популярную статью об этом сочинении, появившуюся тогда же в журнале «Русское слово». Учение Дарвина представлялось Писареву закономерным и жизненно важным открытием Нового времени. См.: *Писарев Д.И.* Прогресс в мире животных и растений // Писарев Д.И. Избранные философские и общественно-политические статьи. 1949. С. 286–504.

[57] *Писарев Д.И.* Схоластика XIX века // Писарев Д.И. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М., 1955. С. 97–159. Цит. со с. 135.

[58] *Писарев Д.И.* О брошюре Шедо-Ферроти // Там же. Т. 2. С. 120–126. Цит. со с. 124.

[59] *Lampert E.* Op. cit. P. 299 и след.; *Цыбенко В.А.* Мировоззрение Д.И. Писарева. М., 1969. С. 99 и след.

[60] См.: *Coquart A.* Op. cit. P. 154 и след.; *Lampert E.* Op. cit. P. 302 и след. Здесь автор останавливается на восприятии Писаревым утилитаризма в духе Дж. Бентама, сторонником которого была и редакция «Русского слова». Показано, что Писарев понимал утилитаризм прежде всего как средство достижения благополучия отдельным человеком, а не обществом.

[61] *Писарев Д.И.* Мотивы русской драмы // Писарев Д.И. Соч. Т. 2. С. 366–395; Цит. со с. 393; *Borcke A. von.* Op. cit. S. 198 и след. Примером упрощенной интерпретации взглядов Писарева в западной историографии является работа: *Pipes R.* Rußland vor der Revolution. Staat und Gesellschaft im Zarenreich (Aus dem Amerik.). München, 1977. S. 279. О Писареве в сравнении с популистскими народническими идеологами см.: *Kline G.L.* Changing Attitudes Towards the Individual // The Transformation of Russian Society. Aspects of Social Change since 1861 / Ed. by. C.E. Black. Cambridge, Mass., 1960. P. 606–625. О «субъективной социологии» Лаврова и Михайловского см.: *Vucinich A.* Social Thought in Tsarist Russia: The Quest for a General Science of Society, 1861–1917. Chicago; L., 1976. P. 15 и след.

[62] *Lampert E.* Op. cit. P. 325 и след.; *Walicki A.* Op. cit. P. 213 и след. Противоположные мнения: *Плоткин Л.А.* Писарев...; *Искра Л.М.* Указ. соч. С. 80 и след.; *Цыбенко В.А.* Указ. соч. С. 248 и след. Для последнего автора характерно, что высказывания Писарева о будущей «социальной революции», об «освобождении порабощенного рабочего населения» или о «новом обществе» без всяких различий отнесены к марксистским представлениям. См. особ. с. 267 и след.

[63] *Borcke A. von.* Op. cit. S. 199.

[64] *Тельшев А.* Писарев перед судом учителя истории // Русское богатство. 1899. № 5. С. 109–127. Цит. со с. 124. Автор привлекает внимание к непрекращающемуся влиянию Писарева вплоть до конца XIX в. Он доказывает, что именно Писарев сообщал внутреннюю силу молодым людям, которые вступали на поприще современной науки; см. с. 125.

[65] *Brower D.R.* Training the Nihilists... Ithaca; L., 1975. P. 60 и след., 117; *Pushkin M.* Raznochintsy in the University... P. 36 и след.

[66] *Brower D.R.* Op. cit. P. 120 и след.; *Brim S.* Universitäten und Studentenbewegung in Rußland im Zeitalter der Großen Reformen 1855–1881. Frankfurt/Main, 1985; здесь приведены сведения об университетском уставе, отказывавшем студентам в праве на создание корпораций, см. с. 196 и далее; *Besançon A.* Éducation et société en Russie dans le seconde tiers du XIXe siécle. P., 1974. P. 107 и след.; *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985, особ. с. 238 и след.

[67] См.: *Coquart A.* Op. cit. P. 421 и след.; *Borcke A. von.* Op. cit. S. 200 и след.; *Утехин С.В.* История русской политической мысли. М., 2003. S. 111; *Confino M.* Op. cit. P. 257 и след. Страдает недифференцированным подходом и односторонностью работа: *Hingley R.* Nihilists... 1967. P. 15 и след.

Глава II

Традиционная социализация женщины с эпохи раннего Нового времени по XIX век

1

О положении женщины в дворянской среде

[1] Ср. гл. I., п. 4.

[2] *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII в столетиях. СПб., 1860; *Иконников В.С.* Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее: Сравнительно-исторический очерк. Киев, 1874; *Шашков С.С.* История русской женщины // Он же. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. СПб., 1898. С. 696 и след.; *Забелин И.Е.* Женщина в допетровском обществе. СПб., 1901. Подробный обзор исследований см. в работе: *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 177 и след.

[3] Ср. также цикл лекций представительницы русской исторической науки Е. Щепкиной: *Щепкина Е.И.* Из истории женской личности в России. СПб., 1914. С. 152 и след. В русской юридической литературе уже на раннем этапе отразилось желание сделать женщину субъектом судебного права и реформировать ее традиционный правовой статус. Среди множества работ см.: *Соколовский Н.* Современный быт русской женщины и судебная реформа. Юридические заметки // Женский вестник. 1967. № 9. С. 57–83; *Савельев А.* Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. Н. Новгород, 1881; особ. с. 53 и след.

[4] *Kollmann N.S.* Women's Honor in Early Modern Russia / Ed. by Clements B.E., Engel B.A. Berkley, 1991. P. 60.

[5] *Иконников В.С.* Указ. соч. С. 24 и след.

[6] *Raeff M.* Understanding. Imperial Russia. N.Y., 1984. P. 2 и след.

[7] *Щепкина Е.* Указ. соч. С. 174.

[8] *Иконников В.С.* Указ. соч. С. 24. Имеется в виду изолированность от развития цивилизации и культуры Запада.

[9] *Пушкарева Н.Л.* Указ. соч. С. 87 и след.; *Atkinson D.* Society and Sexes in the Russian Past // Women in Russia / Ed. by Dallin A., Lapidus G.W. Hassocks, 1978. P. 24. О женоненавистническом духе нормативной литературы раннего Нового времени см.: *Титова Л.В.* «Беседа отца с сыном о женской злобе»: Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987.

[10] *Geyer D.* «Gesellschaft» als staatliche Veranstaltung: Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaates im 18. Jahrhundert // Geyer D. Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionaren Rußland. Köln, 1975. S. 20–52.

[11] Критический разбор этого типа источников см.: *Kollmann N.S.* The Seclusion of Elite Moscovite Women // Russian History/Histoire Russe. 1983. № 2. P. 171

и след.; особенно важна работа: *Boškovska N.* Die russische Frau im 17. Jahrhundert. Köln, 1998. S. 4 и след. В новых русских исследованиях в основу также положены описания путешествий без их критического источниковедческого разбора. Напр.: *Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России (Первая половина XVIII века). Л., 1982. С. 12 и след. По проблеме восприятия иноземных реалий см.: *Scheidegger G.* Perverses Abendland – barbarisches Rußland. Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Mißverständnisse. Zürich, 1993.

12 *Herberstein S. von.* Das alte Rußland (Aus dem Latein). Zürich, 1984. S. 131–133. (В русском издании текст несколько отличается. См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 1988. С. 111–112. В настоящем переводе совпадающие по смыслу предложения цитируются по русскому изданию, остальные – в переводе с немецкого. – *Прим. пер.*)

13 *Melnikow N.* Die gesellschaftliche Stellung der russischen Frau: Ein Beitrag zur Culturgeschichte und Frauenfrage. Berlin, 1901. S. 66 и след., 89. См. также: *Claus C.* Die Stellung der russischen Frau von der Einführung des Christentums bei den Russen bis zu den Reformen Peters des Großen. München, 1959, особ. S. 44 и след.; противоположность этим работам составляет редкое по типу сочинение: *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. С. 85 и след.

14 В новейших исследованиях также приводятся данные результаты. См. прежде всего: *Pushkareva N.L.* Women in the Medieval Russian Family of the Tenth through Fifteenth Centuries // Clements B.E. et. al. Russia's Women...1991 (см. сн. 4). P. 29–43; *Пушкарева Н.Л.* Женщины России и Европы на пороге нового времени. М., 1996; *Она же.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997; *Pushkareva N.* Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century / Ed. by E. Levin (aus dem Russ.). Armonk (N.Y.); L., 1997; *Kollmann N.S.* The Seclusion of Elite Moscovite Women. P. 175 и след.; *Iden.* Kinship and Politics: The Making of the Moscovite Political System, 1345–1547. Stanford, 1987. Иное мнение выражено в работе: *Boškovska N.* Op. cit. Бошковска представила подробнейшие материалы источников о русских женщинах XVII в., она систематически исследует различные социальные слои и самым убедительным образом аргументирует на этой основе свои выводы. О положении вдов имеется материал прежде всего в соч.: *Goehrke C.* Die Witwe im alten Rußland // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 38. 1986. S. 64–96.

15 *Boškovska N.* Op. cit. S. 381; о женщинах в монастырях: Ibid. S. 258 и след.

16 Altrussisches Hausbuch «Domostroj». (Aus dem Russ). Leipzig; Weimar, 1987 (Краткая редакция). См. особ. S. 17 и след., гл. VII «Как служить царю и князьям и им во всем повиноваться, быть подданным каждого господина и всегда искренне ему служить»; *Niess H.-P.* Der «Domostroj» oder «wie man als rechtgläubiger Christ leben soll» // Kirche des Ostens. Bd. 14. 1971. S. 26–67. Разбор состояния исследованности «Домостроя» и его новую интерпретацию см.: *Pouncy C.J.* The Domostroi as a Source for Moscovite History (дис). Stanford University, 1985, особ. с. 7 и след., с. 154 и след., с. 259 и след. До сегодняшнего дня полностью не изучены ни происхождение этой книги о доме, ни история ее восприятия. Судя по новейшим исследованиям, «Домострой» существует в четырех версиях и 40 списках, причем краткая редакция считается старейшей. Сравнение «Домостроя» с другими европейскими произведениями позднего Средневековья и раннего Нового времени об «отцах дома» наталкивает на предположение, что первоначальный текст возник не в Московии, но ранние копии изготовлены в Московском государстве. Советская наука еще придерживается традиционного взгляда, согласно которому составителем текста

был протопоп Сильвестр, причем мирские главы признаются возникшими под влиянием Новгорода. См.: Домострой / Сост. В.В. Колесов. М., 1990. С. 9, 19 и след.

17 Altrussisches Hausbuch... S. 71.

18 Ibid. S. 39; *Иконников В.С.* Указ соч. С. 28 и след. Автор правомерно связывает смягчение наказания с усилением патриархального авторитета, поскольку это подкрепляется рациональными соображениями.

19 Altrussisches Hausbuch... S. 29.

20 Ibid. S. 31.

21 *Pouncy C.J.* Op. cit. P. 293.

22 То же в работе C.J. Pouncy. P. 294.

23 *Boškovska N.* Die russische Frau... S. 53 и след.

24 Ibid. S. 28, 34 и след., 46 и след. Ср.: *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины... С. 11 и след., с. 174 и след.; *Pushkareva N.L.* Women in the Medieval Russian Family of the Tenth through Fifteenth Centuries. P. 41 и след.

25 *Boškovska N.* Die russische Frau... S. 133 и след.; другое мнение см.: *McNally S.J.* From Public Person to Private Prisoner: The Changing Place of Women in Medieval Russia. (дис.). PhD State University of New York at Binghamton (Ann Arbor), 1976. P. 186 и след. *Пушкарева Н.Л.* Женщины России и Европы на пороге нового времени. С. 125.

26 *Boškovska N.* Op. cit. S. 30 и след.

27 Ср.: Altrussisches Hausbuch... S. 37 и след.; *Boškovska N.* Op. cit. S. 223 и след., 243 и след.; *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины... С. 30 и след.

28 *Boškovska N.* Op. cit. S. 209 и след. Автор возражает против утверждений о тереме, имеющихся в работах: *McNally S.J.* Op. cit. P. 142 и след.; *Kollmann N.S.* The Seclusion... 1983; *Pushkareva N.L.* [и др.] // Women in Russian History... P. 88 и след.

29 *Goehrke C.* «Main Herr und Herzensfreund!» Die hochgestellte Moskoviterin nach privaten Korrespondenzen des späten 17. Jahrhunderts // Goehrke C., Kemball R., Weiss D. (Hrsg). «Прими собранье пестрых глав». Slavistische und slavenkundliche Beiträge für Peter Brang zum 65. Geburtstag. Bern, 1989. S. 655–670.

30 О границах возможных действий регентш и женщин царской семьи см. прежде всего: *Pushkareva N.* Women in Russian History... P. 64 и след., 122 и след.

31 *Goehrke C.* Op. cit. S. 662–664; доказательства эмоциональности в семейных отношениях см.: *Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России (первая половина XVIII века). Л., 1982. С. 115 и след.; *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины... С. 113 и след.

32 *Boškovska N.* Op. cit. S. 67 и след. (много примеров) и S. 131. Ср. также: *Kollmann N.S.* Women's Honor... P. 61 и след.

33 *Kollmann N.S.* Op. cit. P. 27 и след., p. 78 и след., с разбором работы: *Payer* *Способин А.Д.* О разводе в России. М., 1881. С. 29. Различные причины развода согласно законоположениям обобщены в соч.: *Boškovska N.* Op. cit. S. 78–80.

34 Ср.: *Brückner A.* Die Frauenfrage in Rußland im Zeitalter Peters des Großen // Russische Revue. Bd. XV. 1879. S. 97–130; *Шашков С.С.* История русской женщины // Шашков С.С. Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1898. Т. 1. С. 808 и след.; *Elnett E.* Historic origin and Social Development of Family Life in Russia. N.Y., 1926. P. 46 и след.; *Atkinson D.* Society and Sexes... P. 25 и след.; *Тишкин Г.А.* Женщины в истории России: Тез. докл. на Первой междунар. конф. по истории женщин в Российской империи «Women in the History of Russian Empire». Akron (Ohio), 1988. P. 22 и след.; *Pushkareva N.L.* Women in Russian History... P. 122 и след.; см. также: *Lotman J.*

Rußlands Adel. Eine Kulturgeschichte von Peter I. bis Nikolaus I. (Aus dem Russ.). Köln, 1997. S. 47 и след.

[35] О реформах Екатерины II в области просвещения см. гл. II, п. 3.

[36] *Elnett E.* History Origin and Social Development of Family Life in Russia. N.Y., 1926. P. 49 и след.; *Шашков С.С.* Указ. соч. С. 807; *Black J.L.* Educating Women in Eighteenth-Century Russia: Myths and Realities // Canadian Slavonic Papers. 1978. № 1. P. 23–43; *Агеева О.Г.* Ассамблеи петровского времени в русской дореволюционной историографии // Историографические и исторические проблемы русской культуры: Сб. ст. М., 1983. С. 47–66. Здесь упомянуто (с. 55 и след.) о противоречивых дискуссиях относительно роли женщин, о недостаточных формах распространения западноевропейской культуры в России (особ. на с. 57 и след.).

[37] *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. N.Y., 1966. P. 145 и след., а также: *Robel G.* Zur Aufklärung in Adelsgesellschaften: Rußland und Polen // Europäische Aufklärung(en). Einheit und nationale Vielfalt / Hrsg. von S. Juttner, J. Schlobach. Hamburg, 1992. S. 152–171, здесь S. 158, где автор в этой связи говорит об «изменении менталитета». След. см.: *Богославский М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. М., 1906; автор описывает, как медлительно и вяло переносился процесс «культивирования» дворянства с аристократии на другие дворянские слои общества. Об изменении функций дворянства и его социального состава см.: *Hildermeier M.* Der russische Adel von 1700 bis 1917 // Geschichte und Gesellschaft Sonderband 13: Europäischer Adel 1750–1950. Göttingen, 1990, особ. S. 199 и след., 184 и след. На этих страницах автор доказывает, что к 20-м годам XVIII в. всего 8,7% русского дворянства (высшего и среднего) были с материальной точки зрения в состоянии позволить себе «западный» стиль жизни. Накануне освобождения крестьян эта цифра выросла до 23,5%. Не дифференцирован подход к этой проблеме, а также не затронуто состояние исследований по истории женщин в работе: *Lotman J.M.* Rußlands Adel. S. 52 и след.

[38] О понятии «просвещение» см.: *Robel G.* Zur Aufklärung... S. 158; о целях образования: *Nash C.S.* Educating New Mothers: Women and the Enlightenment in Russia // History of Education Quartely. 1981. № 3. P. 301–316, а также: *Black J.L.* Citizens for the Fatherland. Education: Educators and the Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia. N. Y., 1979, особ. p. 152 и след.; о проблемах повышения образования обобщенно – p. 172 и след.

[39] См.: *Tovrov J.* The Russian Noble Family. Structure and Change. N.Y.; L., 1987. P. 37 и след., 55 и след.; относительно господствовавших представлений в сфере семьи см: О должностях человека и гражданина: Книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по Высочайшему повелению Царствующей императрицы Екатерины Второй. СПб., 1783, особ. с. 74 и след.

[40] *Tovrov J.* Op. cit. P. 66 и след.

[41] Там же. P. 94 и след. См. также: *Dunn P.P.* «Der Feind ist das Kind»: Kindheit im zaristischen Rußland // Mause L. de (Hrsg.). Hört ihr die Kinder weinen? Eine psychologenetische Geschichte der Kindheit (aus dem Amerik). Frankfurt/Main, 1980. S. 535–564, здесь s. 545.

[42] *Tovrov J.* Op. cit. P. 149 и след.; *Wachtel A.B.* The Battle of Childhood. Creation of a Russian Myth. Stanford (California), 1900. P. 106 и след.

[43] *Исаакова Е.В.* Завещание. 1890 // Архив Бахметева: The Bakhmeteff Archive. The Rare Book and Manuscript Library. Colombia University. N.Y.: Personal Papers. Sign BAR Gen. Ms. Coll. Elizaveta V. Isaakova. P. 9.

44 *Dunn P.P.* Op. cit. S. 454 и след. Автор, описывая отстраненность родителей от детей, настолько возмущен этим, что, ориентируясь на гражданские мерки, приходит к выводу о враждебности родителей по отношению к детям.

45 Относительно проблем освоения современных европейских реалий образования традиционными семьями дворянства см.: *Okenfuss M.* The Discovery of Childhood in Russia. The Evidence of the Slavic Primer. Newtonville, Mass., 1980. Особ. p. 76 и след.

46 *Tovrov J.* Op. cit. P. 259; также: *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia... Princeton (New Jersey), P. 6, 11; *Engel B.A.* Mothers and Daughters... 1983. P. 11 и след.

47 Дневник Елизаветы Федоровны Корвин-Круковской, 1843–1864 // Архив РАН (С.-Петербургский филиал). Ф. 768. Оп. 1. Д. 29 (52 листа). Л. 1. (Введение от 21.01.1843 г.).

48 Там же. Запись от 18.02.1843 г.

49 Семья: Кн. для чтения: В 2 т. / Сост. И.С. Андреев, А.В. Гулыга. М., 1990. Т. 1. С. 306. В мемуарах едва ли можно найти хоть один пример ухода девушки в монастырь. Единственное исключение составлял, может быть, жизненный путь Натальи Лесковой (род. 1836), сестры писателя Н.С. Лескова. В детстве она упала с лестницы и стала горбатой. Родители о ней не заботились и не дали ей никакого образования. Когда ее отец, чиновник, рожденный в семье священника, в 1847 г. умер от холеры, оставив семью без средств к существованию, Наталья ушла в монастырь. См.: Бахарева Наталья Дмитриевна, Николай Семенович Лесков: Семейная хроника // Bakhmeteff Archive. Sign BAR. Gen. Ms. Coll. Bakhareva. P. 2. Писательница Бахарева была внучкой Лескова.

[50] *Wiercienski W.* Z dziedziny statystyki // Kobieta współczesna. Warszawa, 1904. S. 317–327. На с. 325 и след. – сравнение положения женщин в России, Италии, Франции, Австрии, Нидерландах, Англии, Баварии, Пруссии, Норвегии, Саксонии, Дании, Швейцарии и Швеции. См. также: *Melville R., Steffens Th.* Traditionelle Bevölkerungsweisen in Rußland: Heiratsverhalten und Familienstruktur // Handbuch der Geschichte Rußlands / Hrsg. v. M. Hellmann, G. Schramm, K. Zernack. Bd. III. Stuttgart, 1981. S. 1020–1033.

[51] *Melville R., Steffens Th.* Op. cit. C. 1022. О самой высокой детской смертности в России с общеевропейской точки зрения см.: *Dunn P.P.* Op. cit. S. 536 и след., а также: *Ransel D.L.* The Family in Imperial Russia. New Lines on Historical Research. Urbana, 1978. S. 236–259, здесь p. 236.

[52] Ср. также: *Engel B.A.* Mothers and Daughters... P. 10; *Stites R.* The Women's Liberation Movement... 1978. P. 6 (о проблеме незамужних женщин).

[53] См.: *Германова М.Н.* Воспоминания // Bakhmeteff Archive. Sign BAR Gen. Ms. Coll. Germanova, особ. p. 16; *Tovrov J.* The Russian Noble Family... P. 146 и след., 184 и след.; *Iden.* . Mother–Child Relationships among the Russian Nobility // Ransel D.L. The Family in Imperial Russia... P. 15–43; *Wachtel A.B.* The Battle for Childhood, 1990. P. 96 и след. Здесь обращается внимание на то, что дворянки в своих мемуарах, выходивших с 60-х годов XIX в., склонялись к тому, чтобы хвалить своих матерей и идеализировать собственное детство.

[54] Мужчина, желавший вступить в брак, приглашался в гости родителями девушки, чтобы он мог на нее посмотреть. Об этом подробно см. в записках Софьи Сергеевны Конн «Как я сделалась невестой». См.: Bakhmeteff Archive. Sign BAR Gen. Ms. Coll. Konn Memoirs. P. 1 и след.

[55] *Tovrov J.* The Russian Noble Family… P. 237 и след.; *Theobald Berti S.* Die Rolle der Frau nach Selbstzeugnissen von Russinnen zwischen 1725 und 1855: Lizentiatsarbeit am Historischen Seminar der Universität Zürich, Abteilung für osteuropäische Geschichte. 1991. S. 28 и след. (ныне проект дис.). Я благодарю г-жу Теобальд Берти за предоставление этого материала.

[56] *Аксаков С.Т.* Семейная хроника // Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1986. С. 33–323. О критическом причислении «Хроники» к «псевдоавтобиографии» см.: *Wachtel A. B.* Op. cit. P. 58 и след.

[57] *Аксаков С.Т.* Семейная хроника. С. 33 и след. Автор изменил свою фамилию на Багров.

[58] Там же. С. 69.

[59] Там же. С. 60 и след.

[60] Там же. С. 93 и след., 141 и след., 217 и след.

[61] *Водовозова Е.Н.* На заре жизни... Т. 1. С. 36 и след.

[62] Там же. С. 47 и след. Ср. также: *Theobald Berti S.* Op. cit. S. 57 и след. Здесь приводится пример несчастного брака Лабзиной. См.: *Лабзина А.Е.* Воспоминания (1763–1819). СПб., 1914. Репринт. изд.: Newtonville, Mass., 1974.

[63] Petition from Russian Noblewomen, August 1768 // Freeze G.L. From Supplication to Revolution. A Documentary History of Imperial Russia. N.Y.; Oxford, 1988. P. 98 и след. Ср. также: *Freeze G.L.* Bringing Order to the Russian Family. Marriage and Divorce in Imperial Russia 1760–1860 // Journal of Modern History. 1990. Dec. P. 709–746; здесь P. 719.

[64] *Аксаков С.Т.* Семейная хроника. С. 116 и след.; *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 45.

[65] См.: *Theobald Berti S.* Op. cit. P. 51 и след.

[66] Там же. С. 67 и след. Приводятся примеры из работ: [*Аксакова В.С.*] Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855. СПб., 1913; *Смирнова-Россет А.О.* Записки, дневники, воспоминания, письма. М., 1929. Ср. также: *Аронсон М.И., Рейсер С.А.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 183 и след.; *Палий Е.Н.* Салон как феномен отечественной культуры первой трети XIX в. // Педагогика. 1997. № 6. С. 71–79; *Bernstein L.* Women on the Verge of a New Language: Russian Salon Hostesses in the First Half of the Nineteenth Century // Russia. Women. Culture / Ed. by H. Goscillo, B. Holmgren. Indianapolis, 1996. P. 209–224.

[67] Ср. обзор проблемы в работе: *Cheauré E.* Schreibende Frauen im 19. Jahrhundert: Zwischen Selbstreflexion und Emanzipation // Geschichte als Argument. Berichtsband des 41. Deutschen Historikertages in München, Hrsg. im Auftrag des Verbanden der Historiker Deutschlands e. V.v. S. Weinfurter und F.M. Siefarth. München, 1997. S. 225–227.

[68] Ср.: *Файнштайн М.Ш.* Писательницы пушкинской поры: Ист. лит. очерки. Л., 1989. С. 62 и след.; [Volkonskaja M.N.] Fürstin Maria Wolkonskaja (Aus dem Russ.). Berlin/Ost, 1978.

[69] *Theobald Berti S.* Op. cit. S.76 и след., особенно S. 95; *Katharina II.* Memorien / Hrsg. v. A. Großhoff (Aus dem Franz. und Russ.). 2. Aufl. München, 1988. Bd. I. S. 306. (На рус. яз.: Записки Императрицы Екатерины Второй) / Пер. с французского и русского оригиналов, изд. Императорской академии наук. СПб., 1907. (Репринт. изд. М., 1989). (В этом издании на с. 569 написано: «...блистали ...присутствием духа и авторитетом», что, возможно, соответствует приводимым в тексте немецкого оригинала настоящей книги словам «Geist und Charakter». – *Прим. пер.*). До сих пор еще не существует исследований о Екатерине II с методическим уклоном в сторону истории полов. Интересные тезисы об узаконении господства императрицы (с использованием форм родства по отцовской и материнской линиям в формулировках самой Екатерины) представил Давид Гриффит (Griffith) в докладе на секции «Представления о женском правлении страной в России 1682–1796» на 25-м конгрессе AAASS в Гонолулу 20.11.1993 г. В основу его соображений положена история отношений между полами.

[70] *Teobald Berti S.* Op. cit. S. 81 и след. Использованы работы: Fürstin Daschkowa. Erinnerungen. Katharina die Große und ihre Zeite. München, 1970; (на рус. яз.: Дашкова Е.Р. Литературные сочинения. М., 1990); *Дурова Н.* Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1988. Здесь см. предисловие: *Муравьев В.Б.* Кавалерист-девица Надежда Дурова (С. 5–24).

[71] *Freeze G.L.* Bringing Order to the Russian Family... // Journal of Modern History. 1990. Dec. P. 713 и след.; о средневековом периоде см.: *Pushkareva N.L.* Women in the Medieval Russian Family // Op. cit. C. 41 и след.

[72] *Freeze G.L.* Op. cit. P. 72 и след. О дискуссиях в российском обществе по поводу реформы правового статуса женщин с начала XIX в. см.: *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России (50–60 годы XIX в.). С. 16 и след.; о снижении квоты разводов – с. 53.

[73] Свод законов Российской Империи: В 15 т. СПб., 1857 г. Т. X. Вып. 1. СПб., 1857. С. 211. Это взаимное обязательство было действительным и в издании 1914 г. Однако реформационное отношение к проблемам права отразилось в параграфе 103, где законодательство допускало отказ от принуждения к совместной жизни в том случае, если супруг вел себя жестоко по отношению к другому члену семьи, наносил ему тяжкое оскорбление, злоупотреблял своими правами или грубо нарушал свои обязанности. Также в случае тяжелой психической болезни или недуга, вызывающего у окружающих чувство отвращения, теперь было разрешено раздельное проживание.

[74] Свод законов Российской империи. Т. X. Вып. 1. § 109–118. С. 22 и след.

[75] Ср.: Законы о женщинах: Сб. всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола / Сост. Я.А. Канторович. СПб., 1899. С. 65 и след.; *Wagner W.G.* Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994. P. 223 и след.

[76] Что касается отдельных определений или ограниченных по времени установлений, см.: Законы о женщинах. С. 55 и след.

[77] Свод законов. Т. X. Вып. 1. § 164–195. С. 33 и след.

[78] Там же, особ. § 45–60.

[79] Доказательства см.: *Freeze G.L.* Op. cit. P. 742.

[80] Данные заимствованы из работы: *Wagner W.G.* Op. cit. P. 70.

[81] Подробности развития представления этих прав см.: *Савельев А.* Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. Н. Новгород, 1881. С. 59.

[82] *Wagner W.G.* Op. cit. Здесь представлен богатый статистический материал. Детали законодательства см.: *Савельев А.А.* Указ соч. С. 57 и след.; положительная оценка реформационной судебной практики содержится в работе: *Boubnoff.* The Legal Position of Married Women in Russia // The International Congress of Women. London, 1899 / Ed. by Countess of Aberdeen. Vol. I–VII. L., 1900; здесь vol. VI. P. 119–122.

[83] *Boubnoff.* Op. cit. P. 121.

2
Детские и отроческие годы

[1] См. приложение. Четыре женщины, имена и фамилии которых выделены в прил. I, являются главными представительницами групп I–IV.

[2] Так говорит дочь Марии Васильевны Трубниковой. См.: *Буланова-Трубникова О.К.* Три поколения: Воспоминания. М.; Л., 1928. С. 69.

[3] О декабристах имеется множество исследований. См., напр.: *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 1–2. М., 1955; *Mazour A.G.* The first russian revolution 1825. The Decembrist movement. Stanford, 1961; *Raeff M.* The Decembrist movement. Englewood Cliffs. N.Y., 1966. Данные о биографии Ивашева см.: *Буланова-Трубникова О.К.* Указ. соч. С. 5 и след.

[4] См.: *Нечкина М.В.* Указ. соч. Т. 2. С. 433.

[5] *Фигнер В.* Жены декабристов // Фигнер В. Полн. собр. соч.: В 7 т. 2-е изд. М., 1932. Т. V. С. 369–383.

[6] О женах декабристов см.: *Mazour A.G.* Women in Exile: Wives of the Decembrists. Tallahassee, Fl., 1975; *Павлюченко Э.А.* В добровольном изгнании: О женах и сестрах декабристов. М., 1986. Советская историография поддалась искушению неправомерно истолковать отношение власти к действиям жен декабристов, которые якобы оценивались властями как «открытая поддержка государственных преступников» (см.: *Павлюченко Э.* Женщины в русском освободительном движении... М., 1988. С. 19). Если бы это хотя бы в самой незначительной мере было так, то правительство никогда бы не позволило женам отправиться к мужьям. Скорее всего жен приравнивали к служанкам. Ехать в Сибирь к декабристам могли и их крепостные, если у таковых было желание.

[7] *Буланова-Трубникова О.К.* Указ. соч. С. 68 и след.

[8] Там же. С. 69.

[9] Там же. С. 70.

[10] Там же. С. 68.

[11] *Фигнер В. [Н.].* Запечатленный труд. Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Здесь имеется в виду т. 1, с. 46 и след. [Есть и сокращенное немецкое издание: *Figner V.* Nacht über Rußland. Lebenserinnerungen (Aus dem Russ.). Berlin/Ost, 1985]. См также: *Фигнер В.Н.* [Автобиография] // Деятели СССР и революционного движения в России: Энцикл. слов. М., 1989. С. 243–255; биографию Веры Фигнер см. в соч.: *Матвеева И.Е.* В. Фигнер. М., 1961, а также: *Павлюченко Э.А.* Вера Фигнер. М., 1963.

[12] *Фигнер В.* Запечатленный труд. Т. I. С. 57 и след.; *Она же.* Очерки автобиографические // Собр. соч. Т. V. С. 9–190, здесь с. 17 и след.

[13] *Фигнер В.* Запечатленный труд. Т. I. С. 67. и след.

[14] Там же. С. 37.

[15] Там же. С. 60 и след., особ. с. 67 и след.

[16] Там же. С. 64 и след.

[17] Там же. С. 55 и след.

[18] Там же. С. 46 и след. Петр, обучавшийся горному делу, присоединился в 1877 г. к группе «Земля и воля», в 1879 г. был арестован за революционную деятельность и посажен в тюрьму для расследования, но в 1881 г. оправдан. После этого он продолжил профессиональное образование. Эту деталь Вера Фигнер в своих воспоминаниях не отметила. См.: Деятели революционного движения в России: Биобиблиогр. сл. От предшественников декабристов до падения царизма: В 5 т. М., 1927–1934. Т. II. Стб. 1829.

19 *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. 1. С. 58 и след.

20 См. гл. II, п. 1 (сведения о Гонецком).

21 *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 44.

22 Там же. С. 65.

23 Там же. С. 60 и след.

24 Там же. С. 62.

25 Там же. С. 63.

26 Там же. С. 65 и след.

27 Там же. С. 70 и 99.

28 Там же. С. 99 и след.

29 Ср.: Там же. С. 103, 111, 117 и след., 250.

30 Там же. С. 115 и след.

31 Там же. С. 288 и след., 313; Т. II. С. 135.

32 Там же . Т. 1. С. 124 и след.

33 Там же. С. 156 и след.

34 Там же. С. 243.

35 Там же. С. 258.

36 Там же. С. 103 и след.

37 Там же. С. 268 и след.

38 Там же. С. 114 и след., 141 и след., 224.

39 Там же. С. 210 и след.

40 Там же. С. 96 и след.; о воспитании детей см. также: *Dunn P.P.* Der Feind ist das Kind // Hört ihr die Kinder weinen? (Aus dem Amerik.). Frankfurt/Main, 1980.

41 *Водовозова Е.Н.* Указ соч. Т. 1. С. 280 и след., 313 и след. Ср. также: гл. II, п. 3.

42 В этом частично убеждает литература. См: Деятели революционного движения в России. Т. I. Стб. 398; *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении. М., 1988. С. 151.

43 Биография Надежды Сусловой систематически не исследована. Кроме нескольких коротких биографических статей до настоящего времени издана только научно-популярная биография, ни в коей мере не отражающая профессиональной деятельности Сусловой. Автор ее А.А. Смирнов опирается на ранее не цитированный и вплоть до настоящего времени не обнаруженный дневник Надежды Сусловой. Некоторые не проверенные ранее цитаты мне удалось обнаружить при изучении биографии Сусловой в архивах. Поскольку выяснилось, что Смирнов при использовании источника не прибегал к фальсификации содержания, представляется правомерным с доверием отнестись к приведенным им сведениям о детстве и юности Сусловой. См.: *Смирнов А.А.* Первая русская женщина-врач. М., 1960. С. 8 и след.

К числу важнейших биографических статей можно отнести следующие: *Розова К.* Первая русская женщина-врач // Фельдшер и акушерка. 1945. № 1–2. С. 48–52; *Рыбасов В.* Первая русская женщина – доктор медицины // Медицинская сестра. 1950. № 4. С. 23–26; *Ефремов А.Ф.* Первая русская женщина-врач нижегородка Н.П. Суслова // Нижегородцы в естествознании и медицине. Горький, 1959. С. 34–40; *Bankowski-Zullig M.* Nadežda Prokof'evna Suslova (1843–1918) – die Wegbereiterin // Ebenso neu als kühn. 120 Jahre Frauenstudium an der Universität Zürich, 1988. S. 119–126.

[44] *Смирнов А.А.* Указ. соч. С. 12 и след. С. 28.

[45] Там же. С. 27 и след.

[46] Там же. С. 25 и след.

[47] Там же. С. 28 и след.

[48] Там же. С. 30.

[49] К I группе, во главе которой мы поставили Марию Васильевну Ивашеву (Трубникову), относятся будущие защитницы женских прав и журналистки Евгения Ивановна Бочечкарова, в замужестве Конради (1838–1898), и Мария Константиновна Цебрикова (1835–1917). В группу II, возглавляемую Елизаветой Николаевной Цевловской (Водовозовой), входят еще представительницы педагогики Александра Михайловна Чернова, в замужестве Калмыкова (1849–1926), и Христина Даниловна Журавлева, в замужестве Алчевская (1841–1920); группа III (здесь первой указана Надежда Прокофьевна Суслова) дополнена женщинами-учеными Софьей Васильевной Корвин-Круковской, в замужестве Ковалевской (1850–1891), Варварой Александровной Нафановой, в замужестве Кашеваровой, затем Рудневой (ок. 1848–1899). Наконец, в группу IV, где на первом месте стоит Вера Николаевна Фигнер, включены революционерки Анна Васильевна Корвин-Круковская, в замужестве Жаклар (1843–1887), и Екатерина Константиновна Вериго, в замужестве Брешко-Брешковская (1844–1934). См. в приложении эту же разбивку на группы.

[50] Сведения о Цебриковой см.: *Мануйлов В.А.* М.К. Цебрикова и ее воспоминания // Звезда. 1935. № 6. С. 176. *Кулиш Ж.В.* М.К. Цебрикова. Общественная и литературно-критическая деятельность. Воронеж, 1988. С. 9 и след; *Кайдаш С.* Сила слабых: Женщины в истории России (XI–XIX вв.). М., 1989. С. 228 и след.

[51] *Кулиш Ж.В.* Указ. соч. С. 11. В соответствии с письмом Цебриковой писателю Льву Николаевичу Толстому.

[52] См.: *Цебрикова М.К.* Автобиография // Российский государственный архив литературы и искусства (Далее: РГАЛИ). Ф. 258.

Подобная атмосфера царила и в дворянском доме Черновых. Там часто бывали известные представители интеллигенции. В 1854 г. мать Александры Михайловны Черновой (в замужестве Калмыковой) Анна привлекла к себе всеобщее внимание, когда в Екатеринбурге ее выбрали директором Первой женской гимназии, открытой с помощью местного дворянства. За заслуги в области образования город присвоил Анне Черновой звание почетного гражданина. [Текст о семье Черновой (Калмыковой) внесен автором при подготовке данного издания. – *Прим. ред.*]. См.: Калмыкова Александра Михайловна. Оп. 3. Д. 1. Л. 1. См. также: *Люблинский С.Б.* Подвижники книги... М., 1988. С. 38.

[53] *Ковалевская С.В.* Воспоминания из времени польского восстания // Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. М., 1974. С. 342–365, здесь с. 343 и след. Мать Корвин-Круковского была русской, и он ощущал в определенной мере свою связь с Россией, тем более что провел в ней большую часть своей жизни и с ранней юности поступил на военную службу. См. также: *Koblitz A.H.* A Convergence of Lives. Sofia Kovalevskaia. Scientist, Writer, Revolutionary. Boston, 1983. P. 9 и след., 24 и след.

[54] *Ковалевская С.В.* Воспоминания. С. 32 и след.

[55] Там же. С. 12.

[56] Дневник Елизаветы Федоровны Корвин-Круковской // Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 768. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 и след.

[57] Там же. Л. 7 и след., 24 и след.

[58] Ср.: *Ковалевская С.В.* Воспоминания. С. 55 и след.; *Koblitz A.H.* A Convergence of Lives. P. 1 и след.

[59] Софья считала себя наименее любимым ребенком. От няни она узнала, как сильно были разочарованы родители при ее рождении, поскольку ждали сына. Вероятно, прежде всего разницей в возрасте можно объяснить то, что Софья ощущала себя в сравнении с Анной несчастной и уродливой. Недоверие к взрослым, недостаточное ободрение со стороны родителей и влияние глуповатой няни породили в душе Софьи ревность. Она росла робкой и замкнутой девочкой, часто слишком чувствительно воспринимавшей все окружающее, не игравшей с другими детьми, предпочитая находиться около няни. Только няня, казалось, давала счастливое ощущение быть любимой больше других. Написавшая биографию Софьи Ковалевской Э.Х. Коблитц доказала, что ее героиня всю жизнь страдала из-за склонности драматизировать свое существование. Вопреки самооценке Софьи Коблитц сумела показать, что в родительском доме к девочке хорошо относились и прекрасно ее понимали и что именно это помогло Софье справиться с некоторыми конфликтными жизненными ситуациями. Впрочем, субъективное отношение к собственной личности и близким людям так и сохранилось у Софьи. Ее самооценка оставалась заниженной, что побуждало ее искать счастья в жизни необычными путями, часто замыкаясь в собственном «я». См.: *Ковалевская С.В.* Воспоминания. С. 9–89, здесь с. 10 и след. (имеется и немецкий перевод – Frankfurt/Main, 1983). См. также: *Koblitz A.H.* Op. cit. P. 15 и след.

Из жизнеописаний, которые нами учитываются, биография Софьи Ковалевской как шестидесятницы и представительницы русской интеллигенции исследована лучше всех остальных. Ср.: *Штрайх С.Я.* Семья Ковалевских. М., 1948; *Воронцова Л.А.* Софья Ковалевская. М., 1957; *Kochina P.* Love and Mathematics: Sofya Kovalevskaja / Пер. с рус. М., 1985; *Kennedy D.H.* Little Sparrow. A Portrait of Sophia Kovalevsky. Athens (Ohio), 1983; *Халамайзер А.Я.* Софья Ковалевская. М., 1989. Острая критика состояния исследований о С.В. Ковалевской содержится в работе: *Koblitz A.H.* Changing Views of Sofia Kovalevskaia // Contemporary Mathematics. Vol. 64. 1987. P. 53–76. Здесь автор показала, что едва ли жизнь и творчество какой-либо другой ученой после ее смерти столь систематически принижались и искажались по антифеминистским соображениям, как это имело место в отношении Ковалевской. Большой заслугой Коблитц является подход к Ковалевской как к «иной женщине» своего времени и к шестидесятнице. Поэтому Коблитц наиболее справедлива в оценках эпизодов биографии ученой. Новейшая работа: *Tuschmann W., Harwig P.* Sofia Kovalevskaja. Ein Leben für Mathematik und Emanzi-pation. Basel, 1993.

[60] [*Малевич И.И.*]. Софья Васильевна Ковалевская, доктор философии и профессор высшей математики в «Воспоминаниях» первого по времени ее учителя И.И. Малевича // Русская старина. 1890. № 12. С. 625–654, особ. 639; *Корвин-Круковский Ф.В.* Софья Васильевна Корвин-Круковская (в замужестве Ковалевская) // Русская старина. 1891. № 9. С. 632–636. С. 370 и след.; см. также: *Koblitz A.H.* A Convergence of Lives... P. 17, 27 и след.

[61] *Koblitz A.H.* Op. cit. P. 29 и след., 49 и след.

[62] Ibid. P. 23.

[63] The Little Grandmother of the Russian Revolution. Reminiscences and Letters of Catherine Breshkovsky / Ed. by A.S. Blackwell. Boston, 1918. P. 1 и след.; *Good J.E., Jones D.R.* Babushka: The Life of the Russian Revolutionary Ekaterina Breshko-Breshkovskaia (1844–1934). Newtonville (Mass.), 1991. P. 1 и след.

[64] The Little Grandmother... P. 7 и след; *Good J.E., Jones D.R.* Op. cit. P. 3 и след.

[65] Личные записки Е.И. Бочечкаровой (Конради) и свидетельства ее друзей и современников использованы в работе: *Стасов В.В.* Дополнительные сведения о Евгении Ив. Конради // Стасов В.В. Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 479–501, здесь с. 480.

[66] Там же.

[67] Ср. гл. I, п. 2.

[68] *Алчевская Х.Д.* Из дневника 1871–1872 года // Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. М., 1912. С. 5–38, здесь с. 23 и след.

[69] *Кашеварова-Руднева В.А.* [Автобиография] // Двадцатипятилетие врачей, бывших студентов Императорской медико-хирургической академии выпуска 9-го декабря 1868 г. / Изд. К.Ф. Славянский, В.В. Клименко. СПб., 1893. С. 68–95, здесь с. 68.

[70] См.: *Она же.* Пионерка: Автобиогр. повесть // Новости. 1866. 15–22 сент.; *Дионесов С.М.* В.А. Кашеварова-Руднева: Первая русская женщина – доктор медицины. М., 1965. С. 20 и след.

[71] Можно было бы привести и множество других примеров описанных ситуаций, в том числе в семьях Стасовых, Лермонтовых, Армфельдтов, Вернадских или Ефименко. Зачинательницы движения за женскую эмансипацию из этих и других семей будут далее представлены в ходе исследования; о социальном происхождении первых студенток см., в частности, гл. III, п. 1.

[72] Ср.: *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia... P. 66 и след.; этот автор сводит причины движения за женскую эмансипацию в основном к общественным дискуссиям о реформах в период после Крымской войны. В работе Э.А. Павлюченко «Женщины в русском освободительном движении...» (1988) автор ищет эти причины преимущественно в ориентированной на реформы литературе, которая оказывала влияние на сознание женщин из наиболее образованных слоев.

[73] *Engel B.A.* Mothers and Daughters... Cambridge, 1983; См. также: *Brower D.R.* Training the Nihilists. L., 1975. Этот автор употребляет в одном и том же значении определения «радикальный» и «революционный», тем самым лишая себя ключа к дифференцированному анализу русской интеллигенции. То же самое можно сказать о работе: *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia...

[74] *Engel B.A.* Mothers // Ransel D.L. The Family in Imperial Russia... Urbana, 1978. P. 44.

[75] Б.А. Энгель опирается на то направление феминистской теории, которое представлено прежде всего в сочинении: *Chodorow N.* Family Structure and Feminine Personality // Women, Culture and Society / Ed by M. Rosaldo, L. Lamphere. Stanford, Ca., 1974. P. 43–66.

[76] *Engel B.A.* Op. cit. P. 51 и след.; *Tovrov J.* The Russian Noble Family (с убедительными примерами на с. 360 и след.). См. также о педагогической деятельности Е. Водовозовой в гл. V, п. 2.

[77] *Brower D.R.* Op. cit. P. 50.

[78] Ibid. С. 41 и след.

[79] *Confino M.* Révolte juvénile... P. 521. Это относится и к другим зачинательницам движения, о которых будут приведены дополнительные сведения в ходе изложения материала исследования.

[80] См. гл. III, п. 1.

[81] *Markovič J.J.* Socialization and Radicalisation in Russia, 1861–1917 / An Analysis of the Personal Background of Russian Revolutionaries. Ph. D. Green State University, 1990. [Ann Arbor, Mich., 1990]. P. 51 и след.

3
Государственные инициативы по поддержке женского образования

[1] Ср.: *Froese L.* Russische und sowjetische Pädagogik. Ideengeschichte Triebkräfte. 2. Aufl. Heidelberg, 1963, S. 27 и след.; *Black J.L.* Educating Women in Eighteenth-Century Russia: Myths and Realities // Canadian Slavonic Papers. 1979. № 1. P. 23–43, особ. 24 и след.; *Black J.L.* Citizens for the Fatherland; Educators and the Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia. N.Y., 1979. P. 152 и след.; L'education des femmes en Europe et en Amérique du Nord de la Renaissance à 1848: réalités et représentations. Montreal, 1998. P. 349–361.

[2] *Black J.L.* Educating Women... P. 24 и след.

[3] *Черепнин Н.П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц: Ист. очерк (1764–1914 гг.): В 3 т. СПб., 1914–1915. Т. I. С. 44 и след.

[4] *Бецкой И.И.* Генеральный план Московского воспитательного дома (цит. по: *Nash C.S.* Educating New Mothers... P. 309).

[5] Цит. по: *Black J.L.* Op. cit. P. 30.

[6] См.: *Nash C.S.* Educating New Mothers... P. 306, 311.

[7] Ibid. P. 302.

[8] *Satina S.* Education of Women in Pre-Revolutionary Russia. (Aus dem Russ.). N. Y., [б/г]. P. 18 и след – с данными о дальнейшем развитии народных школ.

[9] *Nash C.S.* The Smol'nyj Institute in the Eighteenth Century: Studies and Extracurricular Activities. Текст, представленный на конференцию «Women in the History of the Russian Empire», Akron, Ohio, 11–14.8.1988 г. P. 4. и след.; детали см. в работе: *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России (1086–1880): В 2 т. 4 ч. СПб., 1890–1901. См.: Ч. II. С. 137 и след.; с неточностями в историческом плане, но с примерами из опубликованных мемуаров см.: *Lotman J.M.* Rußlands Adel: Eine Kulturgeschichte... Köln, 1997. S. 82 и след.

[10] Детали см.: *Nash C.S.* The Smol'nyj Institute. P. 8. и след.; *Idem.* Educating New Mothers... P. 169 и след.

[11] *Black J.L.* Educating Women... P. 32.

[12] *Nash C.S.* Educating New Mothers... P. 302.

[13] *Black J.L.* Educating Women... P. 42.

[14] *Тимощук В.В.* Императрица Мария Федоровна в ее заботах о Смольном монастыре (1797–1802) // Русская старина. 1890. №. 65. № 1. С. 809–832, здесь 825. См. также: *Черепнин Н.П.* Указ. соч. Т. I. С. 297.

[15] *Лихачева Е.* Указ. соч. Ч. II. С. 264. О реформах при Александре I см.: *McConnell A.* Tsar Alexander I. Paternalistic Reformer. N.Y., 1970, особ. p. 68 и след.; *Alston P.L.* Education... P. 20 и след.

[16] Цит. по: *Лихачева Е.* Указ. соч. С. 267 и след. Об образах женщин XVIII и начала XIX в. см.: *Vowles J.* The «Feminization» of Russian Literature: Women, Language and Literature in Eighteenth-Century Russia / Ed. by. Clyman T., Green D. Women Writers in Russian Literature. Westport, Conn.; L., 1994. P. 35–60; *Kelly C.* A History of Russian Women's Writing 1820–1992. Oxford, 1994. P. 1 и след.

[17] *Лихачева Е.* Указ.соч. С. 269 и след. О первых женских журналах и представленных в них женских образах см.: *Heyder C.* Vom Journal für die Lieben zur Sache der Frau. Zum Frauenbild in den russischen Literarischen Frauenzeitschriften des 19. Jahrhunderts // Parnell Ch. (Hrsg.). Frauenbilder und Weiblichkeitsentwürfe in der russischen Frauenprosa. Frankfurt/Main, 1996. S. 63–74, здесь 65 и след.

[18] *Лихачева Е.* Указ. соч. С. 288 и след.

[19] Там же. С. 275, 291, 301.

[20] Там же. С. 251 и след.

[21] Там же. С. 263, 265. Об идеале образования в сфере польского дворянства и влиянии этого идеала на женщин см.: *Pietrow-Ennker B.* (Ed.). Women in Polish Society. Boulder, Col., 1992. P. 1–30, особ. р. 8 и след.

[22] Понятие «народный дух» употребляется приблизительно в том же значении, что и «национальная индивидуальность» («национальное самосознание»). По вопросу государственной идеологии при Николае I см. прежде всего: *Riasanovsky N.V.* Nicholas I and official Nationality in Russia 1825–1855. Berkeley, Ca, 1959. P. 73 и след.; о политике Николая I в целом см.: *Lincoln W.B.* Nicholas I. Emperor and Autocrat of all the Russias. L., 1978.

[23] См.: *Hans N.* History of Russian Educational Policy (1701–1917). N.Y., 1931 (reprint 1964). P. 63 и след.; *Alston P.L.* Op. cit. P. 30 и след.

[24] *Лихачева Е.* Указ. соч. Ч. III: 1828–1856. С. 66.

[25] Там же. С. 205 и след.

[26] Там же. С. 54, 105, 130 и след.; *Паляк А.П.* Очерки истории женского образования в России // Женское дело. 1911. № 7–8. С. 3–7; № 9. С. 9–11, особ. С. 5 и след. Автор этой работы ввиду влияния принца Ольденбургского как руководителя учрежденного в 1845 г. Школьного совета видит в эпохе Николая I обновление духа просвещения.

[27] *Лихачева Е.* Указ. соч. Ч. III: 1828–1856. С. 215 и след. Европейская часть Российской империи разделялась на 50 губерний.

[28] *Hans N.* Op. cit. P. 95 и след.

[29] *Черепнин Н.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 522 и след. До этого времени воспитанницам институтов разрешалось ездить домой только в исключительных случаях, например при тяжелом заболевании ученицы или ее родителей. Мария Федоровна смягчила строгие предписания, установленные Екатериной II. См. также: *Иванов Н.* Женское образование // Новый энциклопедический словарь / Под. ред. К.К. Арсеньева. Т. 1–29. СПб., 1911–1916. Т. 17, стб. 772–813, особ. стб. 797 и след.; *Hans N.* Op. cit. P. 96 и след. Мариинские гимназии были, как правило, семилетними, при нехватке средств можно было учреждать и шестилетние гимназии, если число учениц не превышало 150.

[30] Софья Николаевна Фишер // Женское дело. 1913. № 20. С. 2; *Johanson Chr.* Women's Struggle for Higher Education... P. 60.

[31] *Иванов Н.* Указ. соч. Стб. 798 и след.; *Alston P.L.* Op. cit. P. 70. Цифровые данные по развитию среднего женского образования см. в настоящем исследовании гл. I, п. 2. См. также: Среднее образование // Первый женский календарь на 1900 г. С. 129–131; *Филиппова Л.Д.* Из истории женского образования в России // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 209–218, особ. С. 214 и след.; *Johanson Chr.* Op. cit. P. 30 и след. Об организации женского образования см. гл. IV, п. 2.

4
Воспитание в институтах, пансионах и родительских домах

[1] См.:Women Writers in Russian Literature / Ed by N. Clyman, D. Greene. Westport, Conn.; L., 1994. P. 34 и след.; первые опубликованные воспоминания об институте: *Аладьина Е.В.* Воспоминания институтки. СПб., 1834 (первоначально публиковалось анонимно).

[2] *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. 1. М., 1934. С. 316.

[3] См.: *Мордвинова З.Е.* Статс-дама Мария Павловна Леонтьева, начальница Воспитательного общества благородных девиц. СПб., 1902. Против нарисованного здесь портрета доброй, по-матерински заботливой директорши имеются резкие возражения в соч.: *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 415. Свидетельства Водовозовой подтверждаются в кн.: *Быкова В.П.* Записки старой смолянки (1833–1878). СПб., 1898. Т. 1.

[4] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 340 и след.

[5] Там же. С. 353.

[6] Там же. С. 342.

[7] Там же. С. 356.

[8] Там же. С. 343.

[9] Там же. С. 414 и след. О реформаторской деятельности Ушинского см. гл. III, п. 1.

[10] *Водовозова Е.Н.* Указ.соч. С. 371 и след., 447.

[11] См. также: [*Хвощинская С.Д.*] Воспоминания институтской жизни // Русский вестник. 1861. № 9. С. 264–298; № 10. С. 512–568; Воспоминания баронессы Надежды фон Гроттхус-Фелкерзам (Grotthus-Foelkersam) см.: The Bakhmeteff Archive. The Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. N.Y.: Personal Papers. Sign BAR Gen. Ms. Coll. Part II. P. 1 и след. Особенно впечатляющий пример женской незрелости в 17-летнем возрасте, проявившейся в дурачестве и стеснительности, см. в рассказе о том, как князь Х. (Икс) пришел в гости в поисках невесты: *Конн С.С.* Как я сделалась невестой // The Bakhmeteff Arhive. Мемуары Конн. С. 2 и след. См. также: В.П. Тарновская // Женское дело. 1914. № 2. С. 3 и след.; *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России. Ч. III: 1828–1856. С. 116 и след. Точку зрения современного наблюдателя см. в соч.: [*Eckardt J. v.*] Rußland vor und nach dem Kriege. Aus der Petersburger Gesellschaft. 2. Aufl. Leipzig, 1879. S. 252 и след.

[12] [*Комарова А.А.*] Одна из многих: Из записок нигилистки. СПб., 1881. С. 5 и след. Эти автобиографические записки согласуются в существенных моментах с тем письменным признанием, которое Комарова представила следственной комиссии графа Муравьева в 1866 г., чтобы снять с себя обвинения, которые предъявлялись ей при расследовании попытки покушения на Александра II в деле Каракозова. Аутентичными признаются только те свидетельства мемуаров, которые тематически совпадают с этим признанием.

При чтении обоих текстов этих источников создается впечатление, что Комарова руководствовалась потребностью «изнутри» описывать события своей жизни, ставшие для нее судьбоносными. Так, она и следственной комиссии подробно сообщает о своей жизни в институте и испытанных там ею страданиях. Основу переживаний, описанных в ее анонимно изданных воспоминаниях, составляет исповедь женщины, которая решила умереть в монастыре. Соответствует ли это повествование действительно сложившейся ситуации, остается неустановленным, неясны и обстоятельства, в которых Комарова умерла; см.: «Дочь чиновника X класса девица Александра Комарова на предложенные вопросы объявила...» в материалах: Следственная комиссия и Верховный уголовный суд по делу о покушении на Александра Второго. СПб. (1866) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 272. Оп. 1. Д. 13. Л. 214–216об.

[13] [*Комарова А.А.*] Одна из многих. С. 5 и след.; «Дочь чиновника... ». Указ. фонд. Л. 214.

14 *Kovalevsky S.* Vera Barantzova. L., 1895. C. 56 и след.; этот же текст имеется в избранных сочинениях, где он озаглавлен «Нигилистка». См.: *Ковалевская С.В.* Воспоминания. Повести. К 125-летию со дня рождения. М., 1974. С. 90–156.

Историк Александра Ефименко (1848–1919, происходила из семьи мелкого чиновника), повествуя в своем детстве, отметила, что тяжелые условия жизни семьи, в которой царили материальные лишения и грубость, способствовали развитию у нее экзальтированной религиозности. См.: The Bakhmeteff Arhive. Sign BAR. Gen. Ms. Coll. Efimenko. C. 2 и след.

15 Там же; [*Камарова А.А.*] Одна из многих... С. 6 и след.

16 «Дочь чиновника...» Указ. фонд. Л. 215; [*Камарова А.А.*]. Одна из многих... С. 14 и след. О новой педагогике см. гл. III, п. 1.

17 *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Т. 1. С. 81.

18 Там же. С. 79 и 86.

19 Там же. С. 86.

20 См.: *Смирнов А.А.* Первая русская женщина-врач. М., 1960. С. 37.

21 Поскольку Надежда Суслова не оставила воспоминаний о времени своего пребывания в пансионе, Смирнов, очевидно, использует воспоминания Некрасовой, не цитируя их. Во всяком случае, те ситуации, которые он описывает, почти идентичны с некрасовскими.

22 См. гл. V, п. 2, а также: *Некрасова Е.С.* Пансион мадам Шенринг в Москве // Российская государственная библиотека (далее РГБ). Отдел рукописей. Ф. 196. Некрасовы, Екатерина Степановна и Варвара Степановна. Картон 26. Д. 11. 28 л. с об.; см.: Л. 1 и след. [*Камарова А.А.*]. Одна из многих... С. 10 и след.

23 Цит. по: *Смирнов А.А.* Указ. соч. С. 39.

24 *Некрасова Е.С.* Указ. фонд. Л. 3 и след.

25 Там же. Л. 1 и след.

26 Там же. Л. 12 и след.; см. также описание пребывания в пансионе писательницы Марии Александровны Вилинской (в замужестве Маркович) в соч.: *Брандис Е.П.* Марко Вовчок. М., 1968. С. 13 и след.

27 *Буланова-Трубникова О.К.* Три поколения. М., 1928. С. 69; *Черкесова В.* Мария Васильевна Трубникова // Женское дело. 1899. № 12. С. 15–37.

28 Автобиография // РГАЛИ. Ф. 258. Калмыкова Александра Михайловна. Оп. 3. Д. 1. (2 л.). Л. 2; *Щепкина Е.* А.М. Калмыкова в раннюю пору жизни. Оп. 1. Д. 99 (86 л.), особ. л. 9. Ср. также статью: Калмыкова // *Люблинский С.Б.* Подвижники книги. М., 1988.

29 Аттестат // РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. Д. 2. Л. 3.

30 *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 497 и след.

31 Об авторитете гувернантки см. также: *Tovrov J.* The Russian Noble Family. N.Y.; L., 1987. P. 206 и след. Пример Цевловской (Водовозовой) является, с точки зрения роли няни, исключением, поскольку хозяйка дома после смерти главы семьи, т. е. мужа, перенесла на няню все функции воспитания.

32 *Фигнер В.А.* Запечатленный труд. Т. 1. С. 78.

33 *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства // Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести... М., 1974. С. 27 и след.

34 Там же. С. 28.

35 О социальном положении гувернантки и ее деятельности за рубежом см.: *Hardach-Pinke L.* Die Gouvernante. Geschichte eines Frauenberufs. Frankfurt/Main, 1993. S. 146 и след., 206 и след.

36 Там же. С. 29 и след.

37 Там же. Эту склонность Софья Ковалевская сохранила на всю жизнь. Ср. ее стихотворения в кн.: *Ковалевская С.В.* Воспоминания. Повести... 1974. С. 310 и след.

38 Там же. С. 36 и след., особ. с. 42 и след.

39 *Ковалевская С.В.* Автобиографический рассказ // Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести... С. 370; *Она же.* Кузен Мишель // Там же. С. 332–341; см. также: *Малевич И.И.* Софья Васильевна Ковалевская // Русская старина. 1890. № 12. С. 629 и след.

40 *Ковалевская С.В.* Автобиографический рассказ // Указ. соч. С. 371. См. также: *Koblitz A.H.* A Convergence of Lives. Sofia Kovalevskaia: Scientist, Writer, Revolutionary. Boston, 1983. P. 49.

41 *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства // Указ. соч. С. 49 и след.

42 *Мануйлов В.А.* М.К. Цебрикова и ее воспоминания // Звезда. 1935. № 6. С. 191 и след.

43 Цит. по: *Кулиш Ж.В.* М.К. Цебрикова. Общественная и литературно-критическая деятельность. Воронеж, 1988. С. 10 и след. См. также: *Мануйлов В.А.* Указ. соч. С. 190.

44 *Мануйлов В.А.* Указ. соч. С. 192 и след.

45 *Жуковская Е.И.* Записки / Изд. К. Чуковский. Л., 1930. С. 20 и след.

46 *Мануйлов В.А.* Указ. соч. С. 193.

47 *Алчевская Х.Д.* Передуманное и пережитое: Дневники, письма, воспоминания. М., 1912. С. 24 и след.

48 Подробнее эти обстоятельства неизвестны.

49 *Кашеварова-Руднева В.А.* [Автобиография] // Двадцатипятилетие врачей, бывших студентов Императорской медико-хирургической академии выпуска 9 декабря 1868 года. СПб., 1893. С. 69 и след.

Глава III

Шестидесятница – «новая женщина» 60-х годов

1

Изменения в сознании женщин в эпоху великих реформ

1 Это показали дискуссии по докладам Линды Эдмондсон, а именно «Женская эмансипация и концепции половых различий: дебаты среди феминистов в России до 1917 г.» на международном конгрессе «Женщины в истории Российской империи», Акрон (Огайо), 11–14.08.1988, а также «Женское движение и государство в России до 1917 года» на международной конференции «Новые подходы к женщине и к отношениям между полами в современном государстве», проходившей в Центре международных исследований, Билефельд, 2–6.04.1993.

2 См. гл. I, п. 2.

3 *Н. С.* [*Суслова Н.*]. Фантазерка (повесть) // Современник. 1864. № 9. С. 169–219. Как указано в работах: *Смирнов А.А.* Первая русская женщина-врач. М., 1960. С. 105, а также: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. (4 тома вышли в 1956–1960 гг.). С. 233 – под псевдонимом «Н. С.» скрывается Надежда Суслова. Напротив, в работе: *Бograd В.*

Журнал «Современник». 1847–1866: Указ. содержания. М.; Л. 1959 (перепечатка 1977 г.) на с. 406 безосновательно указывается, что упомянутый рассказ, как и другие, подписанные «Н. С.», принадлежат Авдотье Панаевой, чьи произведения были известны под псевдонимом «Станицкий». К тому же и сама Панаева в своих воспоминаниях указывает на то, что рассказ «Фантазерка» написала Суслова (см.: *Панаева-Головачева А.* Воспоминания. М., 1956. С. 334). Самостоятельность также является для героини вопросом жизни или смерти в романе: *Вовчок М.* Живая душа // Отечественные записки. 1868. Ч. I. № 1. С. 7–74; № 2. Ч. I. С. 247–327; № 3. Ч. I. С. 187–261; № 5. Ч. I. С. 147–230. См. также: *Видуэцкая И.П.* Писатели-демократы // «Что делать?» Н.Г. Чернышевского: Историко-функциональное исследование. С. 73 и след.

4 *Kovalevsky S.* Vera Barantzova. L., 1895.

5 *Переверзев В.* [псевдоним]. Новые штрихи в женском движении // Женское дело. 1913. № 7. С. 2–4. Цитата – с. 2.

6 См. гл. I, п. 2.

7 См.: *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. 1. С. 453 и след.; *Froese L.* Russische und Sowjetische Pädagogik. Ideengeschichtliche Triebkräfte. 2. Aufl. Heidelberg, 1963. S. 65 и след. Детали о педагогической деятельности Ушинского в Смольном институте можно найти в работе: *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России 1860–1880. Ч. IV: 1856–1880. СПб., 1901. С. 426 и след. Об Ушинском см. прежде всего: *Гончаров Н.К.* Педагогическая система К.Д. Ушинского. М., 1974. С. 99 и след.

8 *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 466. См. также: *Ушинский К.Д.* Программа педагогического курса для женских учебных заведений // Ушинский К.Д. Избр. пед. соч.: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 548–556; об образе женщины – с. 548 и след. Кроме того, см.: *Черепнин Н.П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц: Исторический очерк. 1914–1915. Т. III. СПб., 1915. С. 317–430. (Объяснительная записка к проектам программ учебного курса в Воспитательном обществе благородных девиц и Санкт-Петербургском Александровском училище, представленная К.Д. Ушинским.)

9 Там же. С. 451.

10 *Eckardt J. v.* Rußland vor und nach dem Kriege. 2. Aufl. Leipzig, 1879. S. 267.

11 Сведения о его жизни см.: *Семевский В.И.* Василий Иванович Водовозов: Биогр. очерк. СПб., 1888. Водовозов стал первым мужем Елизаветы Цевловской. Овдовев в 1886 г., она вторично вышла замуж за выдающегося историка В.И. Семевского.

12 *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 422.

13 Там же. С. 436 и след.; см. также: *Титова Н.* [*Е.Н. Водовозова*]. К.Д. Ушинский и В.И. Водовозов. Из воспоминаний институтки // Русская старина. 1887. № 2. С. 464.

14 *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 464.

15 Там же.

16 Там же. С. 443 и след.

17 Там же. С. 442 и след; Т. 2. С. 7 и след.

18 Там же. Т. 1. С. 471 и след.

19 Там же. Т. 2. С. 18 и след.

20 Дочь чиновника // ГАРФ. Ф. 272. Д. 13. Л. 215; [*Комарова А.А.*]. Одна из многих: Из записок нигилистки. СПб., 1881. С. 20 и след.

21 Дочь чиновника. Там же; [*Комарова А.А.*]. Указ. соч. С. 20 и след.

22 [*Комарова А.А.*]. Указ. соч. С. 21.

23 См.: *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 481; *Бартенева Е.* Евгения Ивановна Конради // Женское дело. 1899. № 1. С. 25.

24 *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 481.

25 Там же. С. 483–485.

26 Там же. С. 485.

27 Революционное и студенческое движение 1869 г. в оценке Третьего отделения // Каторга и ссылка. 1924. № 10. С. 117 и след.

28 Об учреждении по Высочайшему повелению комиссии из гг. министров для исследования причин, распространяющихся между молодыми людьми революционных воззрений // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 165. 1877. Д. 146. Л. 6–56, особ. л. 30 с об. и л. 46–47 с об.

Например, врач Архангельская принадлежала к тем лицам, которые в начале 70-х годов, учась в гимназии, стали сторонниками народнических идеалов. См.: Александра Гавриловна Архангельская [некролог] // Сведения о заразных болезнях санитарно-врачебных организаций в Московской губернии. 1905. № 2. С. 93; другие примеры см.: *Лихачева Е.* Указ. соч. С. 443 и след.

29 Прошение от 4.03.1867 // РГИА. Ф. 1282. Канцелярия Министерства внутренних дел. Оп. 1. Д. 262. Л. 36. После длительной бюрократической переписки Е. Павлова получила 22.09.1867 г. разрешение на короткое время поехать в Санкт-Петербург для лечения тяжелой глазной болезни, так как ей грозила слепота. Полиция продолжала осуществлять надзор и в столице. Он был снят только в 1871 г.

30 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 545. Л. 1–2. Прочие примеры из этого фонда цитируются нами в других местах.

31 *Тишкин Г.А.* О юбилейной речи К.Д. Кавелина в 1860 году // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1984. Т. 5. С. 108–112; Относительно общественной дискуссии, развернувшейся в связи с речью Кавелина, см.: *Он же.* Женский вопрос в России (50–60-е годы XX века). Л., 1984. С. 41 и след.

32 О Кавелине как о противоречивой фигуре русского либерализма см. прежде всего: *Offord D.* Portraits of Early Russian Liberals. Cambridge, 1985. P. 191.

33 *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого (1840–1919). М.; Л., 1934. С. 143 и след. В работе Г.А. Тишкина «О юбилейной речи...» на с. 108 тоже указано, что это событие произошло в 1859 г.; однако в примечании к этому абзацу книги Пантелеева издатель, не приводя доказательств, утверждает, что Пантелеев ошибся на год и что Корсини начала посещать лекции не в 1859, а в 1860 г.

34 Ср.: гл. I, п. 2; *Пантелеев Л.Ф.* Указ. соч. С. 145 и след. На труд Пантелеева имеется ссылка также в работе: *Сватиков С.* Русская студентка (1860–1915) // Путь студенчества: Сб. ст. М., 1916. С. 92; *Тишкин Г.А.* Первые студентки Петербургского университета // Проблемы отечественной всеобщей истории: Сб. ст. Вып. 3. Л., 1976. С. 61–64; *Он же.* Женский вопрос в России... С. 144 и след.

35 *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России... С. 138, 149 и след.; *Лихачева Е.* Указ. соч. С. 486 и след.

36 [*Сеченов И.М.*] Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова... М., 1945. С. 108. Сдать это испытание на аттестат зрелости было необходимо для получения права на допуск к экзаменам для поступления в университет или академию.

37 *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого... С. 150; *Лихачева Е.* Указ. соч. С. 486 и след.; *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России. С. 138.

[38] См.: *Сеченов И.М.* Указ. соч. С. 108.

[39] См.: Деятели революционного движения в России. Т. I. Ч. 2. Стб. 42 и след.; Там же. Стб. 54 и след.; Метрическое свидетельство М.А. Боковой-Сеченовой // Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 605. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

[40] *Сватиков С.* Русская студентка... С. 94; *Johanson Chr.* Women's struggle for higher education in Russia, 1855–1900. Kingston; Montreal, 1987. P. 18 и след.

[41] См.: *Bankowski-Züllig M.* Zürich – das russische Mekka // Ebenso neu als kühn, 120 Jahre Frauenstudium als Universität Zürich, 1988. S. 127–164, особ. S. 129.

[42] Объявление президента Медико-хирургической академии П.А. Дубовицкого о недопущении М.А. Боковой к слушанию лекций в академии (26.05.1864) // Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 605 (Сеченов И.М.). Оп. 3 (материалы М.А. Боковой-Сеченовой). Д. 2. Л. 1.

[43] Ср.: *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988. С.147 и след.; *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России... С. 137 и след.

[44] *Панаева-Головачева А.Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 328 и след.

[45] *Павлюченко Э.А.* Указ. соч. С. 56 и 84.

[46] В действительности это были шляпы фасона «гарибальди».

[47] «Burschen» написано в оригинале по-немецки. См.: Несостоятельность женской эмансипации // Домашняя беседа для народного чтения. СПб., 1862. Т. 2. С. 233.

[48] Там же.

[49] Там же. С. 234.

[50] Там же. С. 236.

[51] Там же. С. 237.

[52] Так высказалась ее дочь. См.: *Буланова-Трубникова О.К.* Три поколения. М., 1928. С. 72. Впрочем, несомненно, что здесь это высказывание несколько укорочено.

[53] Там же. С. 72 и след.

[54] Вера Иващева вышла замуж за Черкесова, который в 1861 г. вступил в первую в России революционную организацию «Земля и воля» и десятилетиями подвергался преследованиям полиции за политическую деятельность. См.: Деятели революционного движения в России. М., 1927–1933. Т. 1. Ч. 2. Стб. 446 и след.

[55] *Тыркова А.* Анна Павловна Философова и ее время // Сб. памяти Анны Павловны Философовой. Пг., 1915. Т. 1. С. 109.

[56] Там же.

[57] *Философова А.П.* [Вступительная речь] // Тр. первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге. 10–16 дек. 1908 г. СПб., 1909. С. 1 и след. Председательствовала на съезде А. Шабанова. Ср. многочисленные восторженные отзывы о Марии Трубниковой ее современниц в кн.: *Буланова-Трубникова О.К.* Три поколения. С. 75 и след.

[58] См.: Архив РАН. Моск. отд. Ф. 518 (Вернадский В.И.). Оп. 6а (Вернадская М.Н.). Особ. Д. 1. Л. 49 и Д. 46: Некролог М.Н. Вернадской, написанный ее супругом.

[59] *Мануйлов В.А.* М.К. Цебрикова и ее воспоминания // Звезда. 1935. № 6. С. 194 и след.

[60] См.: *Кулиш Ж.В.* М.К. Цебрикова: Общественная и литературно-критическая деятельность. Воронеж, 1988. С. 238 и след.; *Цебрикова М.* Пятидесятые годы. Из воспоминаний о войне. 1853–1855 г. // Вестник всемирной истории. 1901. № 10. С. 1–32.

[61] *Мануйлов В.А.* Указ. соч. С. 198.

[62] Там же. С. 200.

[63] Там же С. 198.

[64] О Пирогове см. также гл. I, п. 2.

[65] *Мануйлов В.А.* Указ. соч. С. 199 и след.; *Кайдаш С.Н.* Сила слабых: Женщины в истории России (XI–XIX вв.). М., 1989. С. 236 и след. О работе сестер милосердия и общественных дискуссиях на эту тему см.: *Curtiss J.S.* Russian Sisters of Mercy in the Crimea, 1854–1855 // Slavic Review. 1966. №. 1. P. 84–100, а также: *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia. Princeton; N.J., 1978. P. 29 и след.

[66] *Брандис Е.П.* Марко Вовчок. М., 1968. С. 26 и след.

[67] *Фигнер В.* Запечатленный труд. Т. I. М., 1964. С. 93. Исключение составляет революционерка Софья Львовна Перовская (1853–1881), которая была повешена за активное участие в покушении на Александра II. Ее отец, высокопоставленный государственный чиновник, так сильно угнетал семью, что мать решила под собственную ответственность дать дочерям хорошее образование. См.: *Перовский В.Л.* Воспоминания о сестре. М.; Л., 1927. С. 5 и след.; *Ашешов Н.* Софья Перовская: Материалы для биографии и характеристики. Пб., 1920. С. 12; *Сегал Е.* Софья Перовская. М., 1962. С. 7 и след.

[68] *Фигнер В.* Запечатленный труд. Т. 1. С. 95 и след.

[69] Там же. С. 96.

[70] Там же. С. 102 и след.

[71] *Ковалевская С.В.* Воспоминания. Повести. М., 1974. С. 61.

[72] Там же. С. 59.

[73] Там же. С. 60.

[74] Цит. по: *Штрайх С.Я.* Сестры Корвин-Круковские. М., 1933 [допечатка тиража – М., 1934]. С. 12.

[75] *Ковалевская С.В.* Воспоминания. Повести. С. 61.

[76] *Мануйлов В.А.* М.К. Цебрикова... С. 198.

[77] Дневник Елизаветы Федоровны Корвин-Круковской // Архив РАН. С.-Петербург. фил. Ф. 768. Оп. 1. Д. 29. Л. 48об. и след. См. также: *Штрайх С.Я.* Указ. соч. С. 7 и след.; *Книжник-Ветров И.С.* А.В. Корвин-Круковская (Жаклар), друг Ф.М. Достоевского, деятельница Парижской коммуны. М., 1931. С. 12 и след.; последний автор называет всех членов дворянского дома Корвин-Круковских равно «деспотичными» с точки зрения социалиста (см., напр., с. 10). С другой стороны, см.: *Koblitz A.H.* A Convergence of Lives... Boston, 1983. Здесь весьма глубоко исследуется эволюция сознания сестер, хотя перепутаны во времени встречи Анны с сыном священника Семевским (с. 35 и след.).

[78] *Ковалевская С.В.* Воспоминания. Повести... С. 64; *Достоевский Ф.М.* Письма (1832–1881): В 4 т. Т. 1. М.; Л., 1928. С. 574.

[79] *Ковалевская С.В.* Воспоминания. Повести... С. 69 и след., цит. со с. 71.

[80] Там же. С. 71.

[81] Там же. С. 73 и след., цит. со с. 88; о реакции Достоевского см.: *Штрайх С.Я.* Указ. соч. С. 44.

Впрочем, Анне Корвин-Круковский пришлось еще долго томиться в имении Палибино, пока ей разрешили к концу 60-х годов отправиться за границу вслед за младшей сестрой Софьей, которая целеустремленно следовала своим научным интересам. В отличие от нее Анна во второй половине 60-х годов еще не поставила перед собой определенную цель в жизни. Кроме того, она тяжело заболела, и ей пришлось вместе с семьей выехать на лечение в Швейцарию. Возможно, что поло-

жение дел в обществе, связанное с развитием нового сознания, а также не исчезавшее много лет ощущение бесполезности жизни в деревенской глуши привели Анну в конечном итоге к мысли о необходимости перейти к радикальным действиям, вплоть до того, что во Франции она примкнула к социалистическим кругам и стала участницей Парижской Коммуны. См.: *Штрайх С.Я.* Указ. соч. С. 51 и след., а также в настоящей книге гл. IV, п. 1.

[82] См.: Метрическое свидетельство М.А. Боковой-Сеченовой // Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 605. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

[83] Обручева Эмилия Францевна. Воспоминания. (Автограф) // Там же. Ф. 605. Оп. 3. Д. 12. Л. 1 и 1об.

[84] *Новикова Н.Н.* Революционеры 1861 года. «Великорусс» и его комитет в революционной борьбе 1861 г. М., 1968. С. 165.

[85] Обручева Эмилия Францевна. Воспоминания // Указ. дело. Л. 62–63 и след.

[86] См.: *Новикова Н.Н.* Указ. соч. С. 166 и след. В октябре 1861 г. Владимир Обручев был арестован и позднее приговорен к каторжным работам в Сибири за то, что участвовал в распространении направленных против правительства памфлетов «Великорусса». См. об этом также: *Venturi F.* Roots of Revolution: A History of populist and socialist movements in nineteenth-century Russia. (Aus dem ital.). Chicago; L., 1983. P. 237 и след; *Обручев В.* Из пережитого // Вестник Европы. 1907. Т. III. № 5. С. 136 и след.

[87] *Обручев В.* Указ. соч. С. 132.

[88] Там же. С. 134; Обручева Эмилия Францевна. Воспоминания // Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 605. Оп. 3. Д. 12. Л. 63–64об. Состояние исследования жизни Обручевой обсуждается в гл. IV.

[89] *Кашеварова-Руднева В.А.* [Автобиография] // Указ. изд. С. 70.

[90] Там же. С. 70; *Дионесов С.М.* В.А. Кашеварова-Руднева: Первая русская женщина – доктор медицины. М., 1965. С. 23 и след.

[91] *Алчевская Х.Д.* Передуманное и пережитое... М., 1912. С. 27 и след.

[92] *Фигнер В.* Запечатленный труд. Т. 1. С. 97 и след. Цитата со с. 99.

[93] *Ковалевская С.В.* Воспоминания. Повести... С. 342–365, здесь с. 343 и след.

[94] Там же. С. 356.

[95] Там же. С. 357.

[96] Ср. гл. V, п. 3. Позднее С. Ковалевской предстояло испытывать трудности в профессиональной деятельности, поскольку она дружила с критиками режима.

[97] См. гл. III, п. 2. Особенно следует обратить внимание на пример Александры Комаровой. О Екатерине Вериго известно, что ее отец высоко ценил польскую дворянскую культуру и был сторонником идеалов свободы. Так, вспоминая о своем детстве, его дочь писала, что лучше всего знает историю Французской революции и твердо верит в будущую свободу. Нет сомнений в том, что семья Вериго с сочувствием относилась к польскому восстанию. См.: *Blackwell A.S.* (Ed.). The Little Grandmother of the Russian Revolution. Reminiscences and Letters of Catherine Breshkovsky. 3d ed. Boston, 1918 (особ. p. 16 и след.).

[98] См. напр.: *Кулиш Ж.В.* М.К. Цебрикова... С. 17; [*Комарова А.А.*]. Одна из многих. С. 23; *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. II. С. 74 и 111 и след.; *Фигнер В.* Запечатленный труд .Т. I. С. 95 и след.; *Засулич В.* Воспоминания. М., 1931. С. 58 и след.

[99] В соответствии с духом времени Бройдо прошла обучение на помощника фармацевта и была очень горда своим профессиональным успехом. См.: *Broido E.* Memoirs of a Revolutionary / Ed. by. V. Broido. L., 1967. P. 8 и след. См. также: *Коллонтай А.М.* Из моей жизни и работы: Воспоминания и дневники. М., 1974. С. 61 и след.

[100] *Штакеншнейдер Е.А.* Дневник... (1934). С. 322 (25.03.1863). Ср. также с. 282 и след. (26.01.1861).

[101] См. гл. I, п.1 и особ.: *Stites R.* The Women's Liberation Movement... P. 89.

[102] *Abeljanz-Schlikow J.* Von der Moskau zur Limmat // Sie und Er. Teil IV. S. 27; Teil VII. S. 32 и след.

[103] Ср.: *Субботина Е.Д.* На революционном пути. М., 1928. С.14; *Кизель Г.И.* Вера Спиридоновна Любатович // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 14. Саратов, 1991. С. 49–67, здесь с. 50. Субботина и Любатович были гимназистками. Другие примеры см. также: *Афанасьев Э.Л.* Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» и жизненный идеал народовольца // «Что делать?» Н.Г. Чернышевского: Историко-функциональное исследование. М., 1990. С. 143–182, особ. с. 154 и след.; см. также: *Щепкина Е.* Из истории женской личности в России. СПб., 1914. С. 297 и след.

[104] Так было, например, у ишутинцев или чайковцев, о чем см. прежде всего: *Venturi F.* Op. cit. P. 331 и след., 469 и след., а также: *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965. С. 256 и след., особ. с. 257; *Филиппов Р.В.* Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863–1874). Петрозаводск, 1967. С. 118 и след., особ. 140 и след.

[105] *Водовозова Е.Н.* На заре жизни... Т. II. С. 168 и след.

[106] Там же. С. 172.

[107] Там же. С. 171.

[108] Ср.: *Мануйлов В.А.* М.К. Цебрикова... С. 198.

[109] *Переверзев В.* [псевдоним]. Новые штрихи в женском движении // Женское дело. 1913. № 7. С. 2–4, здесь с. 2.

[110] См. по этому вопросу гл. I, п. 2.

2
Новые формы общения

[1] См. о этом: *Confino M.* Révolte juvénile et contre-culture: Les nihilistes russes des «années 60» // Cahiers du monde russe et soviétique. 1990. № 4. P. 509.

[2] *Мануйлов В.А.* М.К. Цебрикова и ее воспоминания // Звезда. 1935. № 6. С. 198; *Панаева-Головачева А.Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 306 и след.

[3] *Серно-Соловьевич А.А.* Пятнадцать неопубликованных писем // Звенья. 1935. Т. V. С. 374.

[4] *Буланова-Трубникова О.К.* Три поколения. М., 1928. С. 82 и след.; О Николае Серно-Соловьевиче см.: *Venturi F.* Roots of Revolution (1983). P. 253 и след.

[5] Там же. См. также: Деятели революционного движения в России. Т. I. Ч. 2. С. 370 и след.; *Черкесова В.* Трубникова Мария Васильевна // Женское дело. 1899. № 12. С. 15–37, здесь 21.

[6] «Чего Вы только не прислали: деньги, книги, белье, шерстяной капор, и даже Онегина не забыли. Я уж и не знаю, как Вас за это благодарить» // Серно-Соловьевич А.А. Указ. соч. С. 404 (письмо от 11/30.XI. 1868 г.).

[7] Там же. С. 377. В противоположность этому см.: *Stites R.* The Women's Liberation Movement... P. 64 и след. Автор этой работы определил критерии историографии, назвав Трубникову и ее круг «умеренными» и «феминистками» в отличие от «нигилисток» и «радикалов», т. е. Стайтс приписал женщинам такие свойства,

которые не соответствуют самосознанию Трубниковой, Конради, Энгельгардт и других, если рассматривать их под углом зрения упомянутого деления. Аналогичный подход см.: *Goldberg R.L.* The Russian Women's Movement. 1859–1917. N.Y., 1976 (напр., p. 52). Это разделение на «феминисток» и «нигилисток» восходит к статье Тырковой о Философовой в кн.: Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Т. 1–2. Пг., 1915 (в частности с. 132). Предложенные Тырковой определения понятий были некритически приняты авторами других исследований.

[8] *Буланова-Трубникова О.К.* Указ. соч. С. 74 и след.

[9] Ср.: Тарновская В.П. // Женское дело. 1914. № 2. С. 3 и след.; *Буланова-Трубникова О.К.* Указ. соч. С. 77 и след.

[10] *Серно-Соловьевич А.А.* Указ. соч. С. 377.

[11] Ср.: *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова. СПб., 1899. С. 1 и след.; Надежда Васильевна Стасова // Первый женский календарь на 1900 г. С. 318–344, здесь с. 324 и след.; материал В. Стасова использован также в соч.: *Goldberg R.L.* Op. cit. P. 41 и след.

[12] *Базилева З.П.* К истории первых артелей разночинцев (60-е годы XIX в.) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 204–212, особ. с. 205. Относительно общественного значения этой деятельности см. гл. V, п. 1.

[13] О формах культуры русского дворянского общества в конце XVIII в. см.: *Штедтке К.* Светский человек в русской культуре XVIII в. ... // Учен. зап. / Тартус. гос. ун-т. Тарту, 1987. Вып. 754. Труды по знаковым системам. Т. XXI. С. 89–93. О литературных кружках первой половины XIX в. как своеобразной компенсации отсутствия другой, не подверженной надзору общественной гласности, см.: *Аронсон М.И., Рейсер С.А.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929, особ. с. 18 и след. О новых формах культуры 60–70-х годов см.: *Литвина Ф.А.* Легальные формы пропаганды разночинцев-демократов 60–70-х гг. XIX в. Литературные вечера, чтения, собрания. Казань, 1986. Автор, впрочем, вовсе не выказывает интереса к возникновению гражданских форм культуры, а приводит только сведения о «революционном» характере новых форм общения и, не останавливаясь на содержании, старается представить дело так, как будто речь шла об антибуржуазных выступлениях.

[14] Там же, особ. с. 35 и след., 110; ср. также *Баренбаум И.Е.* Кружковое чтение разночинной молодежи второй половины 50-х – начала 60-х годов XIX в. // Труды / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н.К. Крупской. Л., 1973. Т. 25. Вып. 1. История русского читателя. С. 77–92; *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. II. С. 25 и след., с. 84, 102.

[15] *Литвина Ф.А.* Указ. соч. С. 110.

[16] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 25 и след.; общее рассмотрение вопроса: *Confino M.* Révolte juvénile... P. 516 и след.

[17] *Литвина Ф.А.* Указ. соч. С. 24 и след. Здесь в первую очередь рассматриваются кружки во главе с Ишутиным, Ткачевым, Рогачевым, Долгушиным, а также организация чайковцев.

[18] Так указано и в работе: *Литвина Ф.А.* Указ. соч., особ. с. 18 и 111.

[19] *Щиглев В.Р.* Василий Иванович Водовозов // Русская старина. 1886. № 11. С. 405–424, особ. с. 412.

[20] *Водовозова Е.Н.* Указ.соч. Т. II, в частности с. 33 и след.

[21] *Литвина Ф.А.* Указ. соч. С. 26, 47; подробно об этом обществе: *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого... М.; Л., 1934. С. 212 и след.; *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России (50–60-е годы XIX в.). Л., 1984. С. 164.

[22] *Литвина Ф.А.* Указ. соч. С. 9, 48; *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. II. С. 85 и след.

[23] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 166 и след.; *Щиглев В.Р.* Указ. соч. С. 411 и след.

[24] *Литвина Ф.А.* Указ. соч. С. 47. Журналистка А.Н. Толиверова в качестве сестры милосердия сопровождала войска, возглавляемые Гарибальди, еще в 60-е годы. При этом она передавала сообщения в русскую прессу. См.: *McReynolds L.* Female Journalists in Prerevolutionary Russia // Journalism History. 1987. № 4. P. 104–110, здесь p. 105.

[25] Общество «Земля и воля» выступало за такое освобождение крестьян, при котором следовало бы передать им в собственность обрабатывавшуюся ими землю. Чтобы достичь политических результатов, общество призывало находить для борьбы против царя и помещиков союзников в образованных слоях общества, что позволило бы успешно бороться за основные гражданские свободы, за дворянские земли и народное представительство в управлении страной. Николай Серно-Соловьевич предполагал выслать проект конституции лично Александру II. См.: *Kulczycki L.* Geschichte der russischen Revolution. Bd. I. Gotha, 1910. S. 360 (пер. с пол.); о «Земле и воле» особенно подробные сведения имеются в соч.: *Venturi F.* Op. cit. P. 253 и след.

[26] С 1867 г. книжным магазином продолжал управлять его единомышленник Александр Черкесов. К числу членов «Земли и воли» принадлежали также будущий теоретик народничества П.Л. Лавров и студенческий вожак, активный член I Интернационала Н.И. Утин, муж Натальи Корсини. См.: *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого. С. 252 и след.; *Venturi F.* Op. cit. P. 269.

[27] См.: *Литвина Ф.А.* Указ. соч. С. 24 и след.

[28] *Confino M.* Op. cit. P. 521. Здесь высказано мнение, противоположное взглядам Ф.А. Литвиной.

[29] *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. II. С. 38 и след. Очевидно, писательница выбрала для своего будущего мужа В.И. Водовозова псевдоним «Ваховский».

[30] Там же. С. 28, 257; см. также: *Confino M.* Op. cit. P. 511; относительно Корсини см. гл. III, п. 1.

[31] Об этом см.: Geschichte des privaten Lebens / Hrsg v. Ph. Ariés und G. Duby. Bd. IV; Von der Revolution zum Großen Krieg / Hrsg V.M. Perrot. (Aus dem Franz.). Frankfurt/Main, 1992. S. 22.

[32] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. II. С. 45, 88 и 107 и след.

[33] Там же. С. 48 и след.

[34] Там же. С. 104 и след.

[35] Там же. С. 75 и след.

[36] Там же. С. 121 и след., 166 и след.; *Щиглев В.Р.* Василий Иванович Водовозов. С. 411 и след. Водовозова со своим вторым мужем В.И. Семевским проводила журфиксы в 80-е годы. См.: *Ольнем-Цеховская В.* Елизавета Николаевна Водовозова-Семевская // Голос минувшего. 1923. № 3. С. 145–162, здесь 145 и след.

[37] *Обручев В.* Из пережитого // Вестник Европы. 1907. № 5. С. 132 и след. В числе примерно 12 гостей, которых встретил Обручев при первом посещении дома Чернышевских, были Антонович, Помяловский, Белозерский, Пыпин, профессора Костомаров и Павлов.

[38] Ср. введение (автор Б. Энгель) к соч.: *Штакеншнейдер Е.А.* Дневник и записки (1854–1886). М.; Л., 1934. Штакеншнейдер была особенно дружна с П. Лавровым; кроме того, она поддерживала контакты с М. Михайловым, Шелгуновыми,

Достоевским и другими. О Философовой см.: *Maegd-Soep C. de.* The Emancipation of Women in Russian Literature and Society. A Contribution to the Knowledge of the Russian Society during the 1860s. Phil. Diss. Ghent State University, 1978. P. 78.

39 См.: Крымский областной государственный архив в Симферополе (далее КОГА). Ф. 536. Оп. 1 (1857–1926): *Голубев А.Е.* Суслова Н.П. Д. 62. Л. 10 и след.; 21.08.1874 г. Суслов пишет своей дочери Надежде, что давно и тяжело болевший Василий умер, а его жена и маленькая дочь остались без средств к существованию. Выражая нежную любовь к дочери, он приглашает Надежду и ее мужа, а также их друзей к себе, обещает приготовить для них дыни и варенье. Одноэтажный деревянный дом на улице, называвшейся тогда Большая Солдатская (ныне ул. Володарского, д. 57), находится в сохранности. См.: Государственный архив Нижегородской области. Ф. 30. Оп. 35. Нижегородская управа. Д. 2395. О жизни Сусловых в Санкт-Петербурге см.: *Смирнов А.А.* Первая русская женщина-врач. М., 1960. С. 68 и след., с. 117 и след. См. также: *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России. Ч. IV: 1856–1880. С. 469.

40 [*Комарова А.А.*] Одна из многих... СПб., 1881. С. 32 и след. Упоминаемые здесь в сокращенном виде имена раскрыты в работе: *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965. С. 331 и след. О внешности Сусловой («издали похожа на мужчину») и о ее сознательно невежливом вызывающем поведении см.: *Штакеншнейдер Е.А.* Указ. соч. С. 307.

41 Дочь чиновника // ГАРФ. Ф. 272, 1866. Д. 13. Л. 216.

42 *Панаева-Головачева А.Я.* Воспоминания. С. 333 и след.

43 См. характеристику Евгении Кемниц как нигилистки в соч. Е.Н. Водовозовой «На заре жизни». Т. II. С. 257 (описание одной из вечеринок в доме Водовозовой).

44 Дочь чиновника // ГАРФ. Ф. 272, 1866. Д. 13. Л. 215об. и след. «Великорусс» в № 3 обращался к образованным слоям населения. Он призывал их не оставлять решение крестьянского вопроса на произвол недееспособного правительства, а взять его в собственные руки. Об этом было написано в № 1 «Великорусса». В № 2 предлагались практические меры по крестьянской реформе и выдвигалось требование национального самоопределения народов Российской империи. В № 3 обсуждалась возможность введения в России такой формы правления, как конституционная монархия. См.: *Venturi F.* Op. cit. P. 237 и след.

45 Советская историография без всяких колебаний причисляла Суслову к прототипу активисток революционного движения. Ср. прежде всего работу: *Базанов В.А., Андреев П.В.* Общественная деятельность Н.П. Сусловой // Советское здравоохранение. 1968. № 5. С. 72–78; см. также: *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России... С. 164; *Виленская Э.С.* Указ. соч. С. 330 и след.

46 В этом месте мемуары Комаровой противоречат ее признанию. Убедительно описывая на многих страницах общение с польскими студентами и заявляя о своем желании присоединиться к их восстанию, она на допросах следственной комиссии возлагает всю вину на Василия Суслова как зачинщика подобных действий. См.: Дочь чиновника // ГАРФ. Ф. 272, 1866. Д. 13, Л. 215об.; [*Комарова А.А.*]. Одна из многих. СПб., 1881. С. 49 и след.

47 [*Комарова А.А.*]. Указ. соч. С. 49 и след.; Дочь чиновника // Указ. дело. Л. 215об. и 216.

48 О развитии симпатий к Польше в сфере русской интеллигенции см.: *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого. М.; Л., 1934. С. 89 и след., 252 и след.; *Kulczycki L.* Geschichte der russischen Revolution. Bd.1. Gotha, 1910. S. 399 и след.

49 *Kulczycki L.* Op. cit. S. 445 и след.

50 [*Комарова А.А.*] Указ. соч. С. 52 и след.

51 Пятый обер-полицеймейстер, С.-Петербург, 27.10.1861 // ГАРФ. Ф. 109. 13 эксп. Оп. 36. Д. 277. Л. 378.

52 См.: *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России... Л., 1984. С. 158 и след.; *Лихачева Е.* Указ. соч. С. 513; Деятели революционного движения в России. Т. I. Ч. 2. Стб. 54 и след.; *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении... М., 1988. С. 212; *Mill J. St.* The Subjection of Women. L., 1896; *Bolt Ch.* The Women's Movements in the United States and Britain from the 1790s. N.Y., 1993. P. 123 и след.

53 Ср.: *Штакеншнейдер Е.А.* Указ. соч. С. 297.

54 В Государственном архиве РФ и в Российском государственном историческом архиве С.-Петербурга (РГИА) имеются обширные материалы фондов Третьего отделения Министерства внутренних дел, касающиеся студенток, обвиняемых в антигосударственной деятельности. Из многочисленных источников см., напр.: ГАРФ. Ф. 109, секретный архив (далее «с.а.»). Оп. 1. Д. 353: Агентурные донесения наблюдений за женской залой Петербургской Публичной библиотеки, посетительницы которой подозревались в принадлежности к революционным кружкам (18.10.1869); Дело о разработке положения о порядке высылки и установлении полицейского надзора над лицами, обвиняемыми в антиправительственной деятельности (1863–1880) // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 128; Д. 384 – против И. Миролюбской и А. Архангельской, слушательниц медицинских женских курсов; Д. 528 – против слушательниц женских курсов в целом и т. д.

Кроме того см.: *Засулич В.* Воспоминания. М., 1931. С. 21 и след.; *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении... С. 210 и след.; *Engel B.A.* Women Medical Students in Russia, 1872–1882: Reformers or Rebels? // Journal of Social History. 1979. Spring. P. 394–415; *Стриевская С.В.* Участие бестужевок в революционном движении // С.-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918): Сб. ст. / Под общ. ред. С.Н. Валка. 2-е изд. Л., 1973. С. 22–70; О движении в ряде регионов см.: *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России... С. 138.

55 См.: *Engel B.A.* Mothers and Daughters. Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia. Cambridge, 1983. P. 62. Здесь альтернативный образ жизни увязывается только с революционным подпольем.

56 См.: *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia. P. 58 и след.

57 Деятели революционного движения. Т. I. Ч. 2. Стб. 100 и след.; о прокламациях см.: *Brim S.* Universitäten und Studentenbewegung in Rußland im Zeitalter der Großen Reformen 1855–1881. Frankfurt/Main. 1985. S. 249 и след. С точки зрения, высказанной в работе B.A. Engel «Mothers and Daughters» (1983), Дементьева является классическим примером женского альтруизма. История Дементьевой служит Энгель основанием для критической оценки поведения мужчин в революционном движении, которые, по ее мнению, использовали женщин в эгоистических целях вместо того, чтобы предоставить им самостоятельность.

58 Деятели революционного движения. Т. I. Ч. 2. Стб. 13 и след.; *Штакеншнайдер Е.А.* Указ. соч. С. 29 и след.; 532 (прим.); *Тишкин Г.А.* Указ. соч. С. 159 и след.; *Новикова Н.Н.* Революционеры 1861 года. «Великорусс» и его комитет в революционной борьбе 1861 г. М., 1968. С. 135, 142 и 319; *Stites R.* The Women's Liberation Movement. P. 117; этот автор ошибается, утверждая, что Корсини была вовлечена в конспирацию своим мужем: она вышла замуж за Утина только в 1863 г. С 1859 г. она входила в студенческие кружки, а в 1861 г. вместе с Сусловой принимала участие в студенческих волнениях, в ходе которых Утин был арестован.

[59] Производство высочайше учрежденной комиссии о дочери штабс-капитана Антонине Блюммер // ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 37. Д. 230. Ч. 6. Л. 1 с об. и 94 с об.

[60] См.: Прошение // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 262. Л. 227 с об.; кроме того, л. 18, 59 и след., 84 и 164. Возможно, что медицинское свидетельство (л. 166) было фиктивным, так как Антонина Блюммер вышла замуж, а умерла только в 1914 г. Однако полицейский надзор в 1870 г. не был прекращен вопреки тому, что ошибочно утверждается в труде «Деятели революционного движения» (Т. 1. Ч. 2. Стб. 43).

[61] «О чтении в доме помещицы Афросимовой» // ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 37. Д. 230. Ч. 97. Л. 11–15об.

[62] «Анонимное письмо о кружке нигилистов» // ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Д. 291. Л. 1–2об.

[63] Например: Министерство внутренних дел, департамент полиции исполнительной – господину Вологодскому Губернатору, 22.06.1879 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 128. Л. 240 с об.

[64] О Каракозове и Ишутине см.: *Venturi F.* Op. cit. P. 331 и след. Автор анализирует различие между этой группой и нигилистами, на которых влиял Писарев: сторонники Ишутина отрицали необходимость отдачи всех сил учебе и самообразованию, считая, что это в конечном счете отвлекает от революционных задач, внося не более чем второстепенный вклад в общую культуру. Вместо этого они призывали приносить всего себя в жертву ради народа. Убийство царя рассматривалось как фактор общего развития сознания; такой акт должен был привести к социальной революции или по меньшей мере вынудить правительство к существенным уступкам населению. Ишутинцы полностью отвергали либерализм, считая, что он приведет к становлению буржуазии и тем самым к новым формам эксплуатации.

[65] Дело по циркулярному предписанию МВД о развитии нигилизма. Министерство внутренних дел, канцелярия министра, 9.11.1866. Господину Начальнику Губернии // Государственный архив Нижегородской области (ГАНО). Ф. 2. Оп. 5. 1866. Д. 168. Л. 1.

[66] *Шелгунов Н.В.* и др. Воспоминания: В 2 т. М., 1967. С. 134. См. также: *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении... С. 124.

[67] Ср. с примером Веры Фигнер в гл. III, п. 1 и в гл. V, п. 1. Иное мнение выражено в работе: *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia. P. 113. Автор видит единственную альтернативу для женщин того времени – либо перейти в революционные круги, либо приспособиться к общему течению. Аналогично и мнение, высказанное в работе: *Engel B.A.* Mothers and Daughters. P. 48, 62 и след. Но все же Стайтс в названной работе (р. 208) констатирует и наличие определенного постоянства, указывая в материале о представительницах женского движения 1906 г., что их внешность в принципе не изменилась: они, как и раньше, коротко стригутся, носят очки и отличаются самостоятельным поведением.

[68] См. также: *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении... С. 65, где имеются дополнительные указания.

[69] *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. II. С. 376; Александра Аркадьевна Давыдова // Первый женский календарь на 1902 г. С. 371 и след.

[70] Чехова стала секретарем Всероссийского союза равноправия женщин, в 1909 г. – президентом Российской лиги равноправия женщин, в 1917 г. – кандидатом лиги Учредительного собрания. См.: *Edmondson L.N.* Feminism in Russia 1900–1917. L., 1984. P. 36, 73, 133; *Stites R.* Op. cit. P. 301.

[71] Даты жизни 1861–1939. Позднее Д.И. Шаховской стал леволиберальным представителем земского движения, членом партии конституционных демократов (кадетов), в 1917 г. – министром общественного вспомоществования во Временном правительстве.

[72] Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) стал известным профессором-индологом и ориенталистом, он примкнул к партии кадетов, а с 1904 по 1929 г. занимал почетную должность непременного секретаря Академии наук, где получил заслуженное признание.

[73] *Чехова М.А.* Из жизни кружков 80-х годов: Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 1.

[74] Там же. Л. 8 и след.

[75] Там же. Л. 1. См. также гл. V, п. 1.

[76] *Тишкин Г.А.* Н.Г. Чернышевский и раскрепощение женщины // Чернышевский Н.Г. Эстетика. Литература. Критика. Л., 1979. С. 350; *Он же.* Женский вопрос в России... С. 60; противоположное мнение выражено в работе: *Goldberg R.L.* The Russian Women's Movement (1976).

[77] *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России... С. 65 и след. В соответствии с марксистской концепцией для этого автора понятие пола второстепенно в сравнении с главными критериями при анализе общественных движений и классовых категорий. Кроме того, историк объявляет себя сторонником образа женщины, исполняющей традиционную роль в обществе, противопоставляя его самосознанию защитниц женских прав той эпохи и критикуя в частности с этих позиций М.Л. Михайлова (см. с. 83).

[78] Софья Ковалевская, находившаяся в 1868 г. в С.-Петербурге, была свидетельницей возвращения Сусловой из Цюриха, где последняя получила диплом о высшем образовании. Суслова стала великим примером для многих русских женщин, стремившихся вступить на тот же путь, в том числе и для Ковалевской. См.: *Koblitz A.H.* A Convergence of Lives. P. 65; *Фигнер В.* Запечатленный труд. Т. 1. С. 102; *Abeljanz-Schlikow J.* Von der Moskau zur Limmat // Sie und Er. Teil IV. S. 27 и цитата на с. 35 как реакция на пример Сусловой: «Я видела свою цель, и я видела путь достижения этой цели. Это был долгий путь». Молодая дворянка прошла его успешно и стала врачом.

[79] *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России... С. 154. Этот автор, как и А.А. Смирнов (см. его работу: Первая русская женщина-врач. М., 1960. С. 113 и след.), познакомился с перепиской, но использовал ее только частично.

[80] О развитии взглядов Н. Сусловой см. гл. V, п. 3.

[81] Письма Сусловой Н.П. к Нефедову Ф.Д. // Рукописный отдел Ин-та русской литературы РАН (далее ИРЛИ). Ф. 208. Д. 103. Письмо от 12.07.1861 г. Л. 1об. Выдержки не вполне точно процитированы в названном сочинении А.А. Смирнова (с. 113 и след.).

[82] *Суслова Н.П.* Указ. письма // ИРЛИ. Ф. 208. Д. 103. Письмо от 12.07.1861 г. Л. 2.

[83] Там же. Л. 2 с об.

[84] Там же. Выделено Б. Пиетров-Эннкер.

[85] Там же. Письмо от 23.11.1861. Л. 5–6 с об., здесь Л. 5 с об.

[86] Там же. Л. 6 с об.

[87] Там же.

[88] Там же. Письмо без даты (февраль 1865 г.) Л. 701 с об.

[89] С.Н. [*Суслова Н.*] Рассказ в письмах // Современник. 1864. Т. 103. С. 141–168, особ. 149 и след.

3

Начало участия женщин в обсуждении «женского вопроса» в публицистике

[1] О профессиональном труде женщины в области литературы см. гл. V, п. 1.

[2] *М.В.* [возможно, Мария Вернадская]. *Вернадская М.* Женский труд // Экономический указатель. М., 1858. 23.2 / 7.3. С. 157–167.

[3] Там же. С. 167.

[4] *Вернадская М.Н.* Назначение женщины // [Вернадская М.Н.] Собр. соч. покойной Марии Николаевны Вернадской, урожд. Шигаевой. СПб., 1862. С. 116–135; Мария Николаевна Вернадская // Первый женский календарь на 1902 г. С. 388 и след. Женский календарь издан в 17 обширных томах за годы с 1899 по 1915 г. Он выходил в С.-Петербурге. Редактором-издателем была защитница женских прав П. Ариян, которая организовала Высшие женские курсы. Временами в издании календаря участвовали такие пользующиеся авторитетом женщины, как М.И. Покровская, А.М. Евреинова, В.Н. Фигнер и другие. Редакция склонялась к поддержке Всероссийского союза равноправия женщин. См. также гл. V, п. 2.

[5] *Вернадская М.* Указ. соч. С. 116 и след.

[6] *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России. Ч. IV. С. 464 и след.

[7] См. об этом гл. I, п. 4.

[8] Цит. по: *Лихачева Е.* Указ. соч. С. 456.

[9] Там же. С. 456 и след. – в соответствии с цитатами из «Современника» за 1857 и 1858 гг., а также из «Журнала для воспитания»(1857), «Русской беседы» (1859), «Русского педагогического вестника» (1858).

[10] См.: Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. М., 1959. С. 344 и след., 351.

[11] *Г-жа Х-а.* Письма к русским женщинам // Журнал для воспитания. 1857. Т. I; 1859. Т. VIII; 1860. Т. I. Цит. по: *Лихачева Е.* Указ. соч. С. 458.

[12] Там же.

[13] Ср. гл. I, п. 2, а также: *Тур Е.* Женщина и любовь по понятиям г. Мишле // Русский вестник. 1859. № 6. С. 461–500.

[14] *Тур Е.* Парижские письма // Там же. Т. 17. 1858. С. 5–75. См. также: *Stites R.* The Women's Liberation Movement (1978). P. 40; *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России... (1984). С. 116; *Maegd-Soep C. de.* Op. cit. P. 107 и след.

[15] *Лихачева Е.* Указ. соч. С. 461 и след.

[16] Так пишет об этом Лихачева. Указ. соч. С. 460. См. также гл. I, п. 1 настоящей книги и гл. III, п. 1 о восприятии темы Евгенией Конради.

[17] Ср. гл. V, п. 2, а также: *Ц-ская* [*Водовозова Е.Н.*] Что мешает женщине быть самостоятельною? (По поводу романа г. Чернышевского «Что делать?») // Библиотека для чтения. 1863. № 9–10. С. 1–19; см. также: [*Водовозова Е.Н.*] Из заметок старой пансионерки // Голос. 1866. 16.01 и 1.04. Подп. «Ва».

[18] *Ц-ская.* Что мешает... С. 1.

[19] Там же. С. 4.

[20] Там же. С. 5 и след.

[21] *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. II. С. 175 и след. Здесь разбирается то, что было ею же названо временными пороками культуры 60-х годов, противостоявшей старым традициям.

[22] Голос женщины (по поводу эмансипации женщин) // Рязанские губернские ведомости. 1863 г. 12 окт. Этот источник предоставил в мое распоряжение Грегори Фриз (Gregory Freeze), за что я ему очень благодарна.

[23] Там же.

[24] «Женский вестник» издавался с сентября 1866 по январь 1868 г.

[25] *Слепцов В.* Неизвестные страницы / Под. ред. И.И. Анисимова и др. // Литературное наследство. Т. 71. М., 1963. С. 205 и след. В октябре 1866 г. Слепцов официально прервал отношения с журналом якобы из-за каких-то финансовых разногласий с редакцией. По мнению исследователей, это была фиктивная акция.

[26] Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник / Под ред. А.Г. Дементьева и др. М., 1959. С. 479 и след.

[27] Цит. по: *Слепцов В.* Неизвестные страницы. С. 208.

[28] Там же. С. 209.

[29] Русская периодическая печать. С. 480 и след.

[30] *Мессарош Н.* Мысли и заметки о современной подготовке женщины к жизни // Женский вестник. 1866. № 1. С. 74–89. Статья ясно показывает, что вопреки утверждению справочника «Русская периодическая печать» Мессарош отнюдь не был консервативным или умеренным. См. с. 479 и след.

[31] *Мессарош Н.* Указ. соч. С. 79 и след.

[32] Там же. С. 81.

[33] Там же. С. 85.

[34] Там же. С 89.

[35] *Слепцов В.А.* Женское дело // Женский вестник. 1866. № 1. С. I–IV, здесь III–IV.

[36] *Heldt M.B.* Rassvet (1859–1862) and the Women Question // Slavic Review. 1972. № 1. P. 76–85; Русская периодическая печать. С. 302, 371.

[37] Русская периодическая печать. С. 418 и след.

[38] *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова. С. 490.

[39] Осталось невыясненным, по каким причинам Конради не помещала своих статей в последних номерах журнала (во всяком случае под собственным именем).

[40] *Конради Е.* [Рецензия на соч.:] A Women's Thoughts about Women // Женский вопрос. 1866. № 1. С. 23–53, здесь с. 52–53.

[41] Там же. С. 43 и след.

[42] Там же. С. 43 и след.

[43] *К-ин.* Внутреннее обозрение: Нечто о женщинах // Женский вестник. 1867. № 8. С. 49–54.

[44] Там же.

[45] *Конради Е.* Заграничная жизнь // Там же. 1866. № 2. С. 43–64, здесь с. 52 и след.

[46] Там же. С. 47.

[47] Там же. С. 48 и 52.

[48] Там же. С. 50 и след.

[49] Там же. С. 52.

[50] См. гл. V, п. 1.

Глава IV

Новые пути в профессиональной трудовой деятельности женщин после 1860-х годов

I

Обретение самостоятельности

[1] Такое же мнение высказано в работе: *Confino M.* Révolte juvénile et contre-culture. P. 513.

[2] Ср. также определение понятия социального движения в работе: *Deltgen F.* Was kann unter einer «Bewegung» verstanden werden? // Aspekte der Entwicklungssoziologie / Hrsg. v. R. König. (Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1969. Sonderheft 13). S. 412 и след; *Raschke J.* Soziale Bewegungen. 2 Aufl. S. 76 и след.

[3] См. об этом: *Sellin V.* Mentalitäten in der Sozialgeschichte // Schieder W., Sellin V. Sozialgeschichte in Deutschland. Bd. III. Göttingen, 1987. S. 106. и след.; ср. также: *Confino M.* Op. cit. P. 520. Автор здесь говорит о возникновении нового коллективного менталитета, но относит его только к «нигилистической» среде, уподобляя его менталитету Нового времени в уплотненном состоянии, который позднее расширяет сферу своего воздействия.

[4] *Ковалевская С.В.* Воспоминания. С. 57.

[5] *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. 2. С. 197; см. также: *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России. С. 51 и след.

[6] Кугушева Вера Георгиевна // Bakhmeteff Archive. Sign BAR Gen. Ms. Coll. Kugusheva. P. 1 и след.

[7] По этой же причине порвала со своей семьей героиня Сусловой. См.: [*Суслова Н.П.*]. Рассказ в письмах. С. 142.

[8] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 198 и след.

[9] Там же. С. 157 и след., 241 и след., 281 и след.

[10] *Синегуб С.* Записки чайковца // Революционное движение в России в мемуарах современников. М.; Л., 1929. Т. X. С. 39 и след.

[11] *Лермонтова Ю.* Воспоминания // Ковалевская С.В. Воспоминания и письма / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1961. С. 374 и след.; Анна Михайловна Евреинова // Первый женский календарь на 1905 г. С. 376–380.

[12] *Scott M.C.* Her Brother's Keeper: The Evolution of Women Bolsheviks. Michigan: Ann Arbor, 1983. P. 108 и след., с примерами.

[13] *Павлюченко Е.А.* Женщины в русском освободительном движении... С. 73 и след., с примерами; *Тишкин Г.А.* Указ. соч. С. 76. Судьба младшей сестры Дмитрия Писарева Екатерины Ивановны описана в соч.: *Bankowski M.* Zürich – das russische Mekka // Ebenso neu als kühn. 120 Jahre Frauenstudium an der Universität Zürich / Hrsg. v. K. Belsev [et al.]. Zürich, 1988. Здесь S. 134.

[14] Ср. гл. III, п. 1.

[15] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 199 и след.; в качестве примера: *Жуковская Е.И.* Записки... Л., 1930. С. 22 и след.; The Little Grandmother of the Russian Revolution. Reminiscences and Letters of Catherine Breshkowsky / Ed. by A.S. Blackwell. 3d. ed. Boston, 1918. P. 36; о возникающих проблемах см. также: *Confino M.* Op. cit. P. 513 и след.

[16] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 200.

[17] Агентурное донесение о наблюдении за семейной жизнью проживающего в Петербурге доктора Бокова П.И. (14.04.1868) // ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 1. Д. 334. Л. 1 с об.

[18] Это предположение основано на том, что на обороте визитной карточки Петра Бокова было написано, что Боков и Сеченов приглашают на торжество по случаю сдачи экзаменов Марией Александровной. Она до этого прошла испытание на аттестат зрелости в одной из мужских гимназий, что было предпосылкой разрешения на посещение университета. См. воспоминания В.А. Пыпиной, опубликованные в кн.: *Богданович Т.А.* Любовь людей шестидесятых годов. Л., 1929. С. 428 и след. Богданович еще проявлял осторожность при толковании этого источника, замечая, что Боков и Сеченов были довольно близкими друзьями (см. там же с. 59 и след.). В противоположность Богдановичу уверенность в тройном сожительстве в 1862 г. выражалась в работах: *Штрайх С.* Героиня романа «Что делать?» в ее письмах // Звенья. 1933. Т. III. С. 588; *Смирнов А.А.* Первая русская женщина-врач. М., 1960. С. 110; *Stites R.* The Women's Liberation Movement. P. 91; *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении... С. 84 и след. Недавно в достаточно критическом тоне, хотя и без доказательств на основе первоисточников, эти обстоятельства описаны в кн.: *Paperno I.* Chernyshevsky and the Age of Realism. Stanford, Ca., 1988. P. 133 и след.

[19] Письма Боковой-Сеченовой, Париж // Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 605. Оп. 3. Д. 24. Л. 1 с об. (10.10.1862). Цит.: л. 2 с приложенным конвертом.

В письме от 12.10.1862 г. Сеченов говорил, что без согласия Боковой перевел ее работы на немецкий язык и позаботился об их публикации. Он просил ее не гневаться на него: «Не сердитесь, Мария Александровна, мы должны быть друзьями» (Там же. Л. 3–4; Цит.: л. 3 с об.). И, наконец, в письме от 11.02.1863 г. он подбадривал ее, советуя несмотря на препятствия со стороны властей продолжить слушание курса в Медико-хирургической академии: «Вам ни в коем случае не следует отступать, поскольку Вы ведь боретесь за общее дело женщин». Заключал он письмо просьбой не забывать его (Там же. Л. 5–6. Цит.: л. 6).

[20] При этом Сеченов говорил о Боковой как о будущей жене и «верном друге вплоть до смерти». Он также сообщал, что поселился в трехкомнатной квартире, т. е. живет в одиночестве. См.: [*Сеченов И.М.*]. Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М., 1945. С. 116, 121.

[21] Письмо Анне Корвин-Круковской (17.09.1869) // Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 768. Оп. 1. Д. 42. Л. 5об., 6. См. также: *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого. М.; Л., 1934. С. 499 и след., где автор рассказывает о маленькой квартире Боковой.

[22] В письме Сеченову из Цюриха (1871) она обращается к нему (в связи с темным цветом его лица) со словами «дорогой мой маленький араб», поддержки «смуглой руки» которого она просит во имя своего счастья. См.: *Бокова М.А.* Письма Сеченову // Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 605. Оп. 2. Д. 26. Л. 1. В 1870 г. Ф. Эрисман, с которым Бокова дружила во время своего пребывания в Цюрихе, писал своей жене Сусловой, что Бокова глубоко несчастна, в ее жизни нет никакой перспективы, так как она не любит Сеченова как мужчину. См.: Письма Ф.Ф. Эрисмана к Н.П. Сусловой // Крымский обл. госархив. Ф. 563. Оп. 1. Д. 5а (12.06.1870 и 16.06.1879). Л. 7–9.

Переписка, которую Мария Бокова в течение нескольких лет вела с В.О. Ковалевским, показывает, что Бокова продолжала поддерживать дружбу с Сеченовым и наносила ему длительные визиты во время его пребывания в Одесском университете. В этих письмах она рассказывала о проведенных с ним счастливых часах. Когда Сеченов в 1976 г. поехал в С.-Петербург, они уже составляли неразлучную пару. См.: *Штрайх С.Я.* Героиня романа «Что делать?» в ее письмах. С. 597, 605, 611 и след.

[23] Свидетельство о браке И.М. Сеченова и М.А. Боковой // Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 605. Оп. 2. Д. 4. Л. 1; письмо П.И. Бокова от 1.01.1872 г. показывает, насколько он сохранил привязанность к Марии Боковой: «Дорогая Маша! Ты мне ближе всего на свете, ближе сестры». См.: *Боков П.И.* Письма Боковой-Сеченовой // Там же. Ф. 605. Оп. 3. Д. 31. Л. 1–2. (Цит.: л. 1). После развода Бокова написала ему теплое письмо. Боков ответил на него 7.04.1888 г. словами, что ее письмо было для него лучом света во мраке, что он вне себя от счастья, узнав, что их дружба стала еще теснее и сердечнее (см. там же, л. 3–4). Бокова-Сеченова вложила оба эти письма в один конверт и надписала на нем: «Письма Петра Ивановича, которые свидетельствуют о его бесконечной доброте ко мне».

[24] [*Сеченов И.М.*]. Автобиографические записки. С. 120 и след.; О Ковалевском см. также: *Штрайх С.Я.* Указ. соч. С. 589 и след; *Борисяк А.А.* В.О. Ковалевский, его жизнь и научные труды. Л., 1928; см. также: *Резник С.Е.* Владимир Ковалевский. М., 1978.

[25] О своих мечтах Софья говорит в письме без точной даты (август 1868 г.). См.: *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. С. 211. См. также: *Штрайх С.Я.* Сестры Корвин-Круковские. М., 1933. С. 61 и след.; *Воронцова Л.А.* Софья Ковалевская. М., 1957. С. 69 и след.; *Koblitz A.H.* A Convergence of Lives. Boston, 1983. P. 58 и след.

[26] *Кочина П.* Любовь и математика: Софья Ковалевская. М., 1985. С. 36; *Koblitz A.H.* Op. cit. P. 68 и след.

[27] [*Литвинова Е.*]. Из времен моего студенчества // Женское дело. 1899. № 4. С. 30.

[28] *Штрайх С.Я.* Сестры Корвин-Круковские. С. 110 и след.; *Воронцова Л.А.* Указ. соч. С. 147 и след.; *Koblitz A.H.* Op. cit. P. 125 и по всей работе.

[29] Цит. по: *Штрайх С.Я.* Указ. соч. С. 56 и след.

[30] Там же. С. 67.

[31] Напечатано в кн.: *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. М., 1961. С. 204 и след. (письма от 25.07.1868; 1.08.1868; 8.08.1868).

[32] Письмо сестре Анне от 17.09.1868 г. // Архив РАН. СПб., филиал. Ф. 768. Оп. 1. Д. 42. Л. 5.

[33] Там же. Л. 6 с об.; официальное обучение женщины было еще запрещено.

[34] Письмо Владимиру Ковалевскому от 15.08.1848 г. // Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 212 и след.

[35] Письмо Анны Евреиновой к Юлии Лермонтовой от 15.11.1868 // Там же. С. 487.

[36] Канцелярия начальника Олонецкой губернии, г. Петрозаводск, 30.07.1863 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 102. Л. 186–190 с об., здесь л. 187об., 188.

[37] Там же, особ. л. 187. В качестве зачинщиков этого фиктивного брака подозревали двух исключенных из учебного заведения студентов С.-Петербурга.

Ср. с этим также рассказ, включенный в кн.: *Синегуб С.* Записки чайковца // Революционное движение в России... Т. X. С. 18 и след. Во-первых, здесь говорится о распространении фиктивных браков в 60-х и 70-х годах, а во-вторых, автор рассказывает, как сам заключил фиктивный брак с Соней Чемодановой. Эта история завершилась счастливо, поскольку вскоре фиктивно обвенчавшиеся влюбились друг в друга. Впрочем, в соответствии с кодексом чести «нигилистической» молодежи, Синегуб ждал, когда Соня объявит ему о своей любви, поскольку мужчина не имел морального права подвергать женщину сексуальным домогательствам.

[38] *Koblitz A.H.* A Convergence of Lives. P. 92 и след.

[39] Софья Васильевна Ковалевская: Письма к Георгу фон Фолльмару. 1882 // Hoover Institution on War, Revolution and Peace. B. 1. Nikolaevsky Collection. Series № 139. Sign 211–213 (Далее: HIWRP, N.C.). Письмо из Парижа от 4.05.1882 г., особ. с. 1–3, и письмо от 10.05.1882 г.

[40] Там же. Письмо от 10.05.1882 г. С. 2. Письма написаны по-немецки.

[41] Там же. Письмо от 2.04.1882 г. С. 2.

[42] *Борейша С.* Н.А. Армфельдт // Первый женский календарь на 1907 г. С. 351–355; Деятели революционного движения. Т. I. Ч. 1. Стб. 54 и след.

[43] *Книжник-Ветров И.С.* А.В. Корвин-Круковская. С. 24 и след.; о Жакларе – с. 39 и след; *Штрайх С.Я.* Сестры Корвин-Круковские. С. 193 и след.

[44] *Мендельсон М.* Воспоминания о Софье Ковалевской // Современный мир. 1912. № 2. С. 145; *Koblitz A.H.* A Convergence of Lives. P. 95 и след., 115 и след. В 1882 г. Анна Жаклар считала, что ее сестре не следует принимать на себя доцентуру в Стокгольме. См.: *Ковалевская С.В.* Письма к Георгу фон Фолльмару // HIWRP, N.C. 17.05.1882 г. С. 2.

Впрочем, Анна оставалась с Жакларом и тогда, когда в 1870 г. во Франции была провозглашена республика. Поскольку он был политическим эмигрантом, то нелегально вернулся вместе с Анной во Францию и включился в политику. В 1871 г. чета поддерживала Парижскую Коммуну. Жаклар заняв пост командира отрядов национальной гвардии на Монмартре. Анна трудилась над организацией народного просвещения, особенно женских школ. Кроме того, она вместе с сестрой Софьей ухаживала за ранеными. Супружеская чета Ковалевских приехала в Париж, беспокоясь за Анну и ее мужа. Когда Парижская Коммуна пала, Софья и Владимир Ковалевские помогли Анне бежать в Лондон, где ее какое-то время поддерживал Карл Маркс. Анна Корвин-Круковская до этого перевела для русской секции Интернационала «Учредительный манифест международной рабочей ассоциации» Маркса, изданный в Женеве в 1871 г. См. в связи с этим фотографии каталога под названием: Die Herausgabe und Verbreitung der Werke von Karl Marx und Friedrich Engels in der UdSSR. Schriften aus dem Karl-Marx-Haus. № 34. Trier, 1986. S. 3 и след. Виктору Жаклару удалось спастись от преследования по делу о государственной измене: генералу Корвин-Круковскому пришлось приехать из России и использовать свои личные связи, чтобы Жаклару разрешили перебраться в Швейцарию. См.: *Koblitz A.H.* A Convergence of Lives. P. 106 и след.; *Книжник-Ветров И.С.* А.В. Корвин-Круковская. С. 78 и след. О последних годах жизни Анны см.: *Штрайх С.Я.* Сестры Корвин-Круковские. С. 290 и след.

[45] *Neumann D.* Studentinnen aus dem Russischen Reich in der Schweiz (1867–1914). Zürich, 1987. S. 12.

[46] Ibid. S. 117 и след.; *Bankowski M.* Zürich – das russische Mekka. S. 128.

[47] *Tiburtius F.* Erinnerungen einer Achtzigjährigen. Berlin, 1923. S. 91 и след.

[48] Ibid. S. 92 и след.

[49] О биографии О. Любатович см.: *Любатович О.С.* [*Джабадари О.*] Далекое и недавнее // Былое. 1906. № 5. С. 209–245; № 6. С. 108–154; *Bankowski M.* Op. cit. S. 135.

[50] Письма Ф.Ф. Эрисмана к Н.П. Сусловой // Крымский обл. гос. архив. Ф. 563. Оп. 1. Д. 5. Л. 24 и след.; Д. 6. Л. 18, 20–22; Д. 6а. Л. 19–21.

[51] См.: *Bankowski-Züllig M.* Die erste «Russische Bibliothek in Zürich» (1870–1873) // Züricher Taschenbuch. 1987. S. 116–146; *Meijer J.M.* Knowledge and Revolution. The Russian Colony in Zürich 1870–1873. A Contribution to the Study of Russian Populisim. Assen, 1955. P. 47 и след.

[52] *Abeljanz-Schlikow J.* Von der Moskau zur Limmat. Ein Tatsachenbericht über die Emanzipation der russischen Frau // Sie und Er. Teil V. Zofingen, 1954. S. 27 и след.; см. также: *Neumann D.* Op. cit. S. 123 и след.

[53] *Фигнер В.* Запечатленный труд. Т. I. С. 116 и след.

[54] Там же. С. 119 и след., особ. 122 и след.; относительно «Fritschi» (кружок получил наименование по названию пансиона, где некоторые из них проживали) см.: *Knight A.* The Fritschi: A Study of Female Radicals in the Russian Populist Movement // Canadian American Slavic Studies. 1975. № 1. P. 1–17. См. также: *Engel B.A.* Mothers and Daughters. P. 131 и след.

[55] Правительственный вестник. № 120. 21.05.1873 г. Перевод имеется в работе: *Dudgeon R.A.* Women. P. 391–393.

[56] О цюрихских студентках среди арестованных и осужденных революционерок см.: *Neumann D.* Op. cit. S. 126.

[57] *Фигнер В.* Запечатленный труд. Т. I. С. 137 и след.; Т. II – о времени в заключении. О роли Фигнер в организованном женском движении см.: *Edmondson L.* Feminism in Russia, 1900–1917. L., 1984. P. 120, 123 и след.

[58] *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia. Особ. p. 138 и след.; *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении... С. 210 и след.; *Engel B.A.* Mothers and Daughters. P. 105 и след.

[59] См.: *Broido A.* Apostles into Terrorists. Women and the Revolutionary Movement in Russia of Alexander II. N. Y., 1977; *Knight A.W.* The Participation of Women in the Revolutionary Movement in Russia from 1890–1914. L., 1977; *Книжник-Ветров И.С.* Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны М; Л., 1964; *Maxwell M.* Narodniki Women. N. Y., 1990.

[60] О проблемах, которые в связи с этим возникали у женщин, пишет прежде всего Б. Энгель. См.: *Engel B.A.* Mothers and Daughters. Особ. p. 86 и след. Ср. также: *Burnet-Vigniel M.-C.* Femmes Russe dans la combat révolutionnaire. P., 1990.

[61] См.: *McNeal R.H.* Women in the Russian Radical Movement // Journal of Social History. 1971/72. № 4. P. 144; *Stites R.* The Women's Liberation Movement. P. 148 и след. *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении... С. 224.

[62] См. также гл. VI, п. 1.

[63] Там же. См. также: *Dudgeon R.A.* Women. P. 94 и след.; *Johanson Chr.* Women's Struggle for Higher Education in Russia, 1855–1900. Kingston; Montreal, 1987. P. 59 и след.

[64] *Некрасова Е.* Женские врачебные курсы в Петербурге: Из воспоминаний и переписки первых студенток // Вестник Европы. 1882. № 12. С. 807–845; *Engel B.A.* Women Medical Students in Russia, 1872–1882 // Journal of Social History. 1979. Spring. P. 400 и след.

[65] *Engel B.A.* Op. cit. P. 404. Б. Энгель использовала соответствующие тома издания «Деятели революционного движения» (1927–1934). Правда, анализ дел Третьего отделения показывает, что политические органы подчас преувеличивали данные, касавшиеся молодежи, так что, возможно, процентные показатели были в действительности ниже. См. также: *Fieseler B.* Frauen auf dem Weg in die russische Sozialdemokratie, 1890–1917. Stuttgart, 1995. S. 84, 195 и след., 202 и след. Здесь Высшие женские курсы представлены как источник пополнения рядов социал-демократии в начале XX в.

[66] *Engel B.A.* Op. cit. P. 405. Положение изменилось перед революцией 1905 г., о чем свидетельствует ряд воспоминаний; см.: *Щитинская-Цветкова Л.К.* Облик бестужевки начала века // С.-Петербургские высшие (Бестужевские) курсы (1878–1918): Сб. ст. 2-е изд. Л., 1973. С. 296–299.

[67] Например, в 1913/14 г. Московские женские курсы с их 72 тыс. студенток имели бюджет в 662 000 руб., а Московский университет с его 94 000 студентов – государственное финансирование в размере 2,9 млн руб. См.: *Dudgeon R.A.* The Forgotten Minority. P. 4.

[68] *Dudgeon R.A.* Op. cit. P. 23; см. также: *Engel B.A.* Op. cit. (1979). P. 401.

2

Социально-экономические проблемы женского труда в России

[1] Подобное же мнение высказано в работе: *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. II. С. 209.

[2] См.: Православная русская церковь в г. Ницце: Свидетельство // РГАЛИ. Ф. 285. Оп. 3. Д. 2. Л. 11.

[3] *Кашеварова-Руднева В.А.* [Автобиография] // Двадцатипятилетие врачей, бывших студентов Императорской медико-хирургической академии... СПб., 1893. С. 70 и след. От своего первого мужа Кашеварова ушла, а второй ее муж Руднев рано умер. О разрыве Сусловой с мужем см. письма Фридриха Эрисмана // Крымский обл. гос. архив. Ф. 536. Оп. 1. Д. 10. Л. 24–28 (письмо от 20.12.1877 г.); Л. 32–36 (письмо от 25.12.1877 г.); Д. 11а. Л. 15–19 (письмо от 18.03.1878 г.). Суслова позднее вышла замуж вторично. См. также: *Черкесова В.* Мария Васильевна Трубникова // Женское дело. 1899. № 12. С. 35 и след.; *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова. СПб., 1899. С. 497 и след.; Конради из гордости не подавала прошения о пенсии, полагавшейся вдове. См.: *Лапшина С.С.* Силою слова живого... М., 1992. С. 39.

[4] *Koblitz A.H.* A Convergence of Lives. P. 132 и след., 172 и след.

[5] *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. II. С. 211 и след.

[6] *Алчевская Х.Д.* Передуманное и пережитое. М., 1912. С. 30, 274, 277.

[7] *Кулиш Ж.В.* М.К. Цебрикова... С. 18 и след.

[8] *Фигнер В.* Запечатленный труд. Т. I. С. 128, 156 и след.; The Little Grandmother of the Russian Revolution. 3d ed. / Ed. by A.S. Blackwell. P. 26 и след.; *Книжник-Ветров И.С.* А.В. Корвин-Круковская (Жаклар), друг Ф.М. Достоевского, деятельница Парижской Коммуны. М., 1931. С. 37.

[9] *Леве* (*H.-D. Löwe*) склоняется к мысли, что женщины стремились к обретению профессий, свойственных интеллигенции, из-за материальной нужды. Одновременно он безосновательно говорит об особой самоотверженности и об усилении традиционных начал в роли женщин. См.: *Löwe H.-D.* Die arbeitende Frau: traditionelle Räume und neue Rollen, Rußland 1860–1917 // Martin J., Nipperdey Th. Kindheit, Jugend, Familie. Bd. III. Freiburg; München, 1989. S. 937–972, здесь S. 970 и след. Противоположное мнение выражено в работе.: *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении. С. 126 и след.

[10] *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова. С. 483 и след.; *Бартенева Е.* Евгения Ивановна Конради // Женское дело. 1899. № 1. С. 25 и след.

[11] *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России. Ч. IV: 1856–1880. Т. II. С. 469.

[12] *Калмыкова А.М.* Автобиография // РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

[13] *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 156 и след.

[14] *Ц-ская* [*Водовозова Е.Н.*]. Что мешает женщине быть самостоятельною? // Библиотека для чтения. № 9–10. С. 4 и след. См. также гл. III, п. 3 настоящей книги.

15 *Hildermeier M.* Bürgertum und Stadt in Rußland 1760–1870. Köln; Wien, 1986. S. 438 (с цифровыми данными).

16 В 1890 г. население С.-Петербурга составляло 954 400 человек, в том числе 512 718 мужчин и 441 682 женщины, т. е. последние составляли около 46%; в 1910 г. женщины составляли 48%. См.: Статистические данные, относящиеся к положению женщин в С.-Петербурге // Первый женский календарь на 1899 г. С. 46–56, здесь – с. 46; см. также: *Bater J.H.* St. Petersburg. Industrialization and Change. L., 1976. P. 313.

17 Статистические данные... С. 49; в Петербурге было приблизительно равное число незамужних и замужних женщин. См.: *Bater J.H.* Op. cit.; *Карнович Е.П.* О развитии женского труда в Петербурге. СПб., 1865. С. 17 и след.

18 *Карнович Е.П.* Указ. соч. С. 16. Автор использовал данные переписи 1864 г.

19 Там же. С. 39 и след.

20 Там же. С. 37 и след.

21 Там же. С. 44 и след.

22 Там же. С. 49 и след.

23 Там же. С. 55 и след. Впрочем, здесь Карнович не учитывает женскую домашнюю прислугу. Относительно занятости в домашнем хозяйстве у него нет статистических данных. О женской прислуге см.: *Rustemeyer A.* Dienstboten in Petersburg und Moskau 1861–1917: Hintergrund, Alltag, soziale Rolle. Stuttgart, 1996; *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России (50–60 годы XIX в.). С. 55; считается, что в 1865 г. в С.-Петербурге было 3400 проституток.

24 *Тишкин Г.А.* Указ. соч. С. 71 и след. Также и у Карновича нет точных статистических данных.

25 *Тишкин Г.А.* Указ. соч. С. 95 и след.

26 Там же. С. 102 и след.

27 *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. С. 230.

28 *Лихачева Е.* Указ. соч. С. 486.

29 Юбилей: женщины-чиновники // Первый женский календарь на 1904 г. С. 369. О работницах телеграфа см.: *Л-ва.* О женщинах-телеграфистах // Друг женщин. 1883. Май. С. 79–84; здесь же – о худшем служебном положении женщин по сравнению с мужчинами.

30 О ситуации со статистическими материалами в начале XX в. см.: *Покровская М.И.* Женщины на государственной службе // Женский вестник. 1909. № 10. С. 185–191.

31 На практике это распоряжение вскоре было отменено из-за возросших потребностей в рабочей силе, особенно в ходе организации местного самоуправления. См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Указ. соч. С.160 и след.; *Goldberg R.L.* The Russian Women's Movement: 1859–1917. N.Y., 1976. P.10 и след.

32 *Философова А.П.* Женский вопрос // Первый женский календарь на 1912 г. С. 43–47, здесь 43.

33 Там же. С. 47.

34 Женский вопрос в России // Первый женский календарь на 1904 г. С. 402–406, особ. с. 402.

35 *Авдеев М.В.* Наше общество в героях и героинях литературы за пятьдесят лет... СПб., 1907. С. 263.

3

Первый опыт работы женщин в новых профессиональных областях

1 Понятие «профессионализация» употребляется здесь в широком смысле как привитие индивиду профессиональной квалификации путем специального обучения. Кроме того, оно подразумевает создание цеховых профессиональных организаций. Как было показано в п. 2 гл. I, в царской России XIX в. ввиду господствовавших здесь специфических условий не существовало какого-либо организованного профессионального движения, сравнимого с тем, что происходило на Западе (например в Германской империи) и с имевшимися там мощными сословными организациями.

2 См.: *Edmondson L.H.* Feminism in Russia. P. 18 и след. Здесь разбираются социально-экономические перемены и проблемы женских движений в век индустриализации. См. также: *Lewenhak S.* Frauenarbeit. Ihre soziale Stellung von der Steinzeit bis heute. (Aus dem Engl.). München, 1981; особ. S. 18 и след.

3 *Goldberg R.L.* The Russian Women's Movement. 1859–1917. P. 37 и след. Автор этой работы объясняет болезненность Трубниковой тем, что с 1854 г. в течение 7 лет она родила семерых детей.

4 *Буланова-Трубникова О.К.* Три поколения. С. 114 и след.; *Черкесова В.* Мария Васильевна Трубникова // Женское дело. 1899. № 12. С. 35.

5 *Менжинская М.* Мое знакомство с М.В. Трубниковой // Женское дело. 1899. № 2. С. 38–42; *Буланова-Трубникова О.К.* Указ. соч. С. 116 и след., с современными для той эпохи оценками.

6 Ср. группы I и II в прил. I (схема биографических данных). См. также: *Алчевская Х.Д.* Передуманное и пережитое. С. 35 и след.

7 См. группу III в прил. I.

8 Суслова экстерном сдала экзамены на аттестат зрелости в одной из мужских гимназий; Ковалевская брала частные уроки по математике; Кашеварова-Руднева занималась со студентом-медиком, а затем окончила Петербургский институт акушерок великой княгини Елены Павловны. См. об этом выше, а также: *Кашеварова-Руднева В.А.* [Автобиография] // Указ. изд. С. 70 и след.

9 См.: Елена Иосифовна Лихачева // Первый женский календарь на 1900 г. С. 345–349. Елена Иосифовна Лихачева // Там же. 1905 г. С. 368–370; *Лихачева Е.И.* Материалы для истории женского образования в России. СПб., 1890–1901; *Голицын Н.Н.* Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889; О деятельности Лихачевой в Сербии см. письма сопровождавшего ее с научной целью Ф. Эрисмана к Н. Сусловой от 11.12., 13.12 и 14.12.1876 г. (КОГА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 9. Л. 42–53об.).

10 См.: Деятели революционного движения в России. Т. I. Ч. 2. Стб. 231 и 236; *Жуковская Е.* Записки. Л., 1930. С. 154 и след., а также работа в целом.

11 Цит. по: *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении... С. 53.

12 Там же. С. 140.

13 См.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 499.

14 Фрагмент письма С.В. Ковалевской (без даты) // Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 603. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

15 *Мусабеков Ю.С.* Юлия Всеволодовна Лермонтова (1846–1919). М., 1967. С. 33.

[16] С 1868 по 1871 г. она училась в Цюрихе.

[17] Письмо от 24.11.1873 г. Опубликовано в работе: *Штрайх С.Я.* Героиня романа «Что делать?» в ее письмах // Звенья. 1934. Т. III. С. 606.

[18] Письмо от 18.03.1872 г. к Ковалевскому (опубл. там же, с. 591 и след.) свидетельствует о ее кратковременной работе в одной из клиник Вены, а письмо от ноября того же года (см.: там же, с. 592) – о работе в одной из клиник Киева, тоже кратковременной.

[19] См.: упомянутое письмо от ноября 1872 г., а также письмо от 03.08.1875 г. (опубл. там же, с. 610 и след.).

[20] Письмо Боковой к Н. Сусловой от 24.09.1879 г. // Крымский обл. гос. архив. Ф. 536. Оп.1. Д. 12. Л. 8–11, здесь – л. 11. Хотя В.А. Пыпина в своих воспоминаниях о середине 70-х годов говорит о Сеченове и Боковой как о давно «поженившихся de facto», однако судя по письмам Ф. Эрисмана еще в 1874 г. Бокова переживала личный кризис; при этом Эрисман спрашивал Суслову, почему Бокова не устраивает свою жизнь по-иному и не ищет близости с человеком, рядом с которым могла бы быть счастливой. См. письмо от 9.10.1874 г. в Крымском обл. гос. архиве. Ф. 536. Д. 8 г. Л. 4, 4об. Из переписки Боковой с Владимиром Ковалевским (опубл.: *Штрайх С.Я.* Героиня романа... С. 605 и след.) ясно, что Бокова постоянно посещала Сеченова в Одессе («счастливое лето»). В письме к Сусловой из Петербурга в 1879 г. Бокова призналась, что счастливо живет вместе с Сеченовым. См.: Крымский обл. гос. архив. Указ. ф. Д. 12. Л. 3 и след.

[21] В законный брак Мария Бокова и Иван Сеченов вступили только с 30.05.1888 г., после того как Священный синод разрешил Боковой развестись с Петром Боковым (29.01.1988 г.). См.: Свидетельство о браке И.М. Сеченова с М.А. Боковой // Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 605. Оп. 2. Д. 4. Л. 1. После смерти Сеченова Бокова-Сеченова даже в советское время пользовалась финансовой помощью государства, поскольку за заслуги мужа оно предоставило ей «персональную пенсию». См.: Доверенность на получение персональной пенсии (1926) // Там же. Оп. 3. Д. 7. Л. 1.

[22] Так об этом сказано в работе: *Водовозова Е.Н.* Василий Алексеевич Слепцов // Водовозова Е.Н. На заре жизни. Т. II. С. 433–446.

[23] Из недавних работ см. об этом: *Imai Y.* N.G. Chernyshevskii: Pioneer of the Russian Cooperative Movement // Imperial Power and Development Papers on Pre-Revolutionary Russian History. Colombus, Ohio, 1990. P. 134–150. Здесь интерпретация противоположна той, которая имеется в советских исследованиях, напр. в работе: *Виленская Э.С.* Революционное подполье... С. 256 и след. Впрочем, и в работе: *Stites R.* The Women's Liberation Movement... (особ. p. 120) кооперативное движение характеризуется только в перспективе социализма, и потому с 1866 г. автор видит продолжение этого процесса только в революционном подполье. См. об этом также: *Водолазов Г.Г.* От Чернышевского к Плеханову: Об особенностях развития социалистической мысли в России. М., 1969. С. 50 и след. Относительно дискуссии по поводу производственных ассоциаций в русской прессе той эпохи см.: *Базилева З.П.* К истории первых артелей разночинцев (60-е годы XIX в) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 207 и след.

[24] См.: *Чернышевский Н.Г.* «Что делать?» // Чернышевский Н.Г. Собр. соч.: В 15 т. М., 1939–1953. Т. XI. С. 197.

[25] На это указано в работе: *Базилева З.П.* Указ. соч. С. 206. В общем плане: *Богословская Л.П.* «Что делать?» Н.Г. Чернышевского и женские артели 60-х годов XIX века // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: Сб. ст. Т. VI. М., 1974. С. 124–134, особ. с. 128.

[26] *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова. СПб., 1899. С. 69 и след.; *Буланова-Трубникова О.К.* Указ. соч. С. 80 и след.; *Базилева З.П.* Указ. соч. С. 206. Об этом обществе см. также гл. V, п. 1.

[27] Хотя источники, свидетельствующие о встрече Чернышевского и Трубниковой отсутствуют, в принципе она была вполне вероятна.

[28] *Богословская Л.П.* Указ. соч. С. 131 и след. Здесь предполагается, что две «новые женщины», о которых говорит автор, это Трубникова и Стасова.

[29] *Стасова П.* Памяти Марии Васильевны Трубниковой // Женское дело. № 12. 1899. С. 44.

[30] Об этом см.: *Moses C.G.* French feminism in the Nineteenth Century. N.Y., 1984. P. 147; *Grubitzsch H., Lagpacan L.* «Freiheit für die Frauen – Freiheit für das Volk!» Sozialistische Frauen in Frankreich 1830–1848. Frankfurt/Main, 1980. S. 113 и след.

[31] Цит. по: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 199.

[32] См.: *Стасова П.* Указ. соч. С. 44 и след.

[33] Об этом упомянуто в работе: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 118 и след., где автор использовал записи членов кружка Н.В. Стасовой и Н.А. Белозерской.

[34] Этот вопрос был важен для существования общества. Если бы у руководства встала графиня Ростовцева, то создание общества как организации благотворительной, несомненно, было бы разрешено государством, демократическое же руководство с участием работниц вызвало бы подозрения в политической неблагонадежности. Сведения об обществе см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Секретный архив. Д. 265. Л. 1. О конфликте см.: *Тыркова А.* Анна Павловна Философова и ее время // Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Т. 1. Пг., 1915. С. 127 и след.

[35] *Stites R.* The Women's Liberation Movement. P. 64 и след., 89. Согласно концепции этого автора «нигилистки» и «феминистки» составляют два отдельных течения в рамках русского женского движения. При этом он использовал записки умеренной поборницы женских прав: *Тыркова А.* Указ. соч. С. 125 и след. В этой работе дело жизни Философовой характеризуется с феминистских позиций автора. Тыркова принадлежит к следующему поколению поборниц женских прав (она родилась в 1869 г.). Поскольку Тыркова в своей работе представляет иные оценки, нежели современницы Философовой, писавшие воспоминания, в настоящей работе отдано предпочтение именно воспоминаниям современниц.

[36] *Kropotkin P.* Memoiren eines Revolutionärs. (Aus dem Russ.). Frankfurt/Main, 1969. S. 349. Эта интерпретация правомерно принята и в работе: *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении... С. 130.

[37] См. воспоминания Менжинской в кн.: *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова. С. 120, а также: *Стасова П.* Памяти Марии Васильевны Трубниковой // Женское дело. 1899. № 12. С. 45.

[38] См. об этом: *Brower D.R.* Training the Nihilists. L., 1975. P. 216.

[39] Устав цит. в статье: *Стасова П.* Издательское дело // Женское дело. 1900. № 5. С. 25 и след. см. также: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 121 и след.

[40] *Стасова П.* Указ. соч. С. 25.

[41] Там же.

[42] См. об этом также гл. VI, п. 1.

[43] *Стасова П.* Указ. соч. С. 26 и след. Издания произведений членов артели и их восприятие современниками подробно рассмотрены в работе: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 130 и след.

[44] Там же. С. 139 и след.

[45] *Базилева З.П.* К истории первых артелей разночинцев (60-е годы XIX в.) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 212.

[46] О сочинениях «Женского общества издательниц» // ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 33. 1868. Д. 75. Л. 2.

[47] *Стасов В.* Указ. соч. С. 144 и след.; *Стасова П.* Памяти Марии Васильевны Трубниковой // Женское дело. 1899. № 12. С. 28 и след.

[48] Оценку этих данных предложила историк и поборница женских прав Е. Щепкина. См.: *Щепкина Е.* Из истории женской личности в России. СПб., 1914. С. 299.

[49] Впечатляющие примеры приведены в работе: *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. II. С. 178 и след.; См. также: *Засулич В.* Воспоминания. М., 1931. С. 18 и след.; *Stites R.* The Women's Liberation Movement. P. 110 и след.; *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении. С. 132 и след.; *Николаев П.А.* «Чтобы читали все» // «Что делать?» Н.Г. Чернышевского: Историко-функциональное исследование / Под ред. К.Н. Ломунова. М., 1990. С. 13. О кооперативах в революционном подполье см.: *Engel B.A.* Mothers and Daughters. P. 86 и след.

[50] Почему иногда плохо удаются женские артели? // Современник. 1865. № 4. Ч. II. С. 259–272.

[51] См. одно из писем Е.И. Конради в кн.: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 486.

[52] *Алчевская Х.Д.* Несколько дней в Москве в ноябре 1892 года // Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое. М., 1912. С. 274.

[53] Там же. С. 275 и след.

[54] Агентурные записки о наблюдении за женской переплетной мастерской Печаткиной, урожденной Глушановской (2.04.1864 г. – 25.01.1866 г.) // ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 1. Д. 247. Л. 2об; о Комаровой см.: Там же. Л. 3об. См. также; [*Комарова А.А.*]. Одна из многих. СПб., 1881. С. 61 и след.

[55] ГАРФ. Указ. дело. Л. 5 с об.

[56] Там же. Л. 16 с об. (25.01.1866 г.).

[57] Письмо М.Д. Львова к Ю. Лермонтовой от 6.02.1881 г. // Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 603. Оп. 3. Д. 12. Л. 1–2; здесь мы основываемся на работе: *Koblitz A.H.* Lobster Quadrilles, or: The Intricacies of Sexual Relationships Among the Intelligentsia in the 1860s. Рукопись этого труда любезно предоставила мне его составительница. См. с. 18 рук.

[58] *Заблудовская Е.Д.* Одна из первых женщин врачей-педиатров в России А.Н. Шабанова // Педиатрия. 1957. № 6. С. 72; Деятели революционного движения в России. Т. I. Ч. 2. Стб. 458; *Engel B.A.* Mothers and Daughters. P. 88 и след. Екатерина Засулич также работала в этой швейной мастерской. Она и ее младшая сестра Вера участвовали затем в работе второй швейной мастерской сестер Е. и А. Ивановых. См.: *Успенская А.* Воспоминания шестидесятницы // Былое. 1922. № 18. С. 24 и след.

[59] Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 30.03.1867 г., господину министру внутренних дел. Секретно // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 270. Л. 21 с об.

[60] Другие имена перечислены в работе: *Брандис Е.* Марко Вовчок. М., 1968. С. 267.

[61] Цит. по.: *Брандис Е.П.* Указ. соч. С. 269.

[62] О следственной комиссии см.: *Трубникова М.В.* Черное письмо к Марковичу М.А. // ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 375. Л. 2. См. также: *Брандис Е.П.* Указ. соч. С. 270 и след.; *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 136 и след.; *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. II. С. 235 и след.

[63] *Карнович Е.П.* О развитии женского труда в Петербурге. СПб., 1865. С. 112; подобное же суждение приводится в соч.: *Страхов Н.Н.* Из истории литературного нигилизма (1861–1865). СПб., 1890 (особ. с. 398 и след.).

[64] *Карнович Е.П.* Указ. соч. С. 115 и след.

Глава V
Женщины в интеллектуальных профессиях

1
Литература

[1] Ср. гл. I, п. 2. *Ерман Л.К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 9 и след.; *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 230 и след.

[2] Деятели революционного движения... Т. II. Ч. 4. Стб. 2097 и след.

[3] Из недавних работ см.: *Мостовская Н.Н.* А.Н. Энгельгардт – русская переводчица Э. Золя // Российские женщины и европейская культура: Тез. докл. II науч. конф. СПб., 1994. С. 29 и след.

[4] Все наследие А. Энгельгардт, которое я обнаружила в 1992 г., требует систематической обработки. Имеется в виду: РГАЛИ. Ф. 572 (Энгельгардты), особ. оп. 1. Д. 218: *Энгельгардт А.Н.* Женщины в обществе и в семье. 126 листов с об. (рук. объемом 252 с.). Сведения о ее биографии см.: Анна Николаевна Энгельгардт. 1861–1901 // Первый женский календарь на 1902 г. С. 353 и след.; То же на 1904 г. С. 359 и след.

[5] *Бартенева Е.* Евгения Ивановна Конради // Женское дело. 1899. № 1. С. 27.

[6] См.: *Лапшина С.С.* Силою слова живого... С. 13.

[7] См. обзор наиболее значительных работ Конради в кн.: *Голицын Н.Н.* Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. С. 137.

[8] *Бартенева Е.* Указ. соч. С. 27.

[9] Там же. С. 28 и след.

[10] *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова. С. 487; *Бартенева Е.* Указ. соч. С. 29.

[11] *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 500.

[12] Находясь в оппозиции к режиму, Е.Н. Водовозова отказалась ходатайствовать о пенсии, полагающейся вдове. См.: *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. II. С. 411 и след.

[13] Ср. гл. III, п. 2.

[14] Публицистические работы Конради помещены в кн.: *Конради Е.И.* Соч.: В 2 т. СПб., 1899–1900. Сюда включены в частности работы: «Джон Стюарт Милль» (с. 89–161); «Американские и английские суждения по женскому вопросу» (с. 162–208); «Развитие рабства в Америке» (с. 251–305). См. также: *Лапшина С.С.* Указ. соч. С. 14 и след.

[15] *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 499.

[16] Так указано в соч.: *Kimball A.* The Russian Past and Socialist Future in the Thought of Petr Lavrov // Slavic Review. 1971. № 1. P. 28–44. О работе Стасовой в газете «Неделя» см.: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 498 и след. Об отношении Гайдебурова к Стасовой см.: *Гайдебуров П.П.* Из прошлого «Недели» // Книжки недели. 1892. № I–II.

[17] *Лапшина С.С.* Указ. соч. С. 29 и след.

[18] См. по этой проблематике: *Frevert U.* Frauen-Geschichte. Zwischen Bürgerlicher Verbesserung und Neuer Weiblichkeit. Frankfurt/Main, 1986; особ. с. 33 и след.; *Siedler R.* Socialgeschichte der Familie. Frankfurt/Main, 1987. S. 125 и след.; *Schütze Y.* Mutterliebe–Vaterliebe. Elternrollen in der bürgerlichen Familie des 19. Jahrhunderts // Bürger und Bürgerinnen. Geschlechterverhältnisse im 19. Jahrhundert / Hrsg. v. U. Frevert. Göttingen, 1988. S. 118–133; *Joris E., Writzig H.* Brave Frauen. 2. Aufl. Zürich, 1992; особ. S. 31 и след.

[19] Конради выступала также в роли детского педагога, воспринимавшего прогрессивные гражданские ценности (в частности относительно детской индивидуальности). Работа «Исповедь матери» (СПб., 1876) принесла ей репутацию весьма уважаемой писательницы. Ср. также: *Лапшина С.С.* Указ. соч. С. 40 и след.

[20] См.: *Бартенева Е.* Указ. соч. С. 30 и след. (с подробностями о последних днях жизни Конради).

[21] Биографию Цебриковой см. в работе: *Кулиш Ж.В.* М.К. Цебрикова. Общественная и литературно-критическая деятельность. Воронеж, 1998. Здесь особенно важна с. 28; *Кайдаш С.Н.* Сила слабых. М., 1989. С. 242 и след.

[22] *Мануйлов В.А.* М.К. Цебрикова и ее воспоминания // Звезда. 1935. № 6. С. 208. Сама Цебрикова в автобиографических заметках относит такой способ сопротивления родителям к женщинам своего времени в целом.

[23] *Кулиш Ж.В.* Указ. соч. С. 19.

[24] О литературном творчестве Цебриковой с указанием библиографии см.: *Голицын Н.Н.* Указ.соч. С. 267 и след. Русская эмигрантка и защитница женских прав Татьяна Мамонова имела все основания сетовать: «Мария Цебрикова, одна из крупнейших представительниц русской прогрессивной интеллигенции с 60-х годов [XIX в.] до начала XX в., в Советском Союзе совершенно неизвестна. В школе молодые советские граждане читают Белинского и Добролюбова, но Цебрикову – никогда. Никто даже имени ее не слышал, хотя в свое время она была не менее известна, чем оба эти критика» // *Mamonova T.* Russian Women's Studies: Essays on Sexism in Soviet Culture. Oxford, 1984. P. 26. Мнение Мамоновой о литературном творчестве Цебриковой вполне оправданно, но следует учитывать, что ее имя было недостаточно известно. Ведь находясь под неусыпным надзором политической полиции как радикальная демократка и аморальная «нигилистка», она временами скрывалась под различными псевдонимами, а иногда публиковалась и анонимно. См., например, ее первую публицистическую статью: *Николаева* [*Цебрикова М.К.*] Наши бабушки. По поводу женских характеров в романе «Война и мир»// Отечественные записки. 1868. № 6. С. 167–192.

[25] Мария Константиновна Цебрикова // Первый женский календарь на 1904 г. Биографии. С. 370. О ее популярности см. также: *Кулиш Ж.В.* Указ. соч. С. 31, 119 и др. Эта исследовательница, проделавшая большую работу на основе архивных изысканий, придерживается мнения, что творчество Цебриковой требует дальнейшего систематического изучения. О духовном наследии Цебриковой см.: *Кайдаш С.Н.* Указ. соч. С. 261; *Мостовская Н.Н.* Забытая «шестидесятница» – М.К. Цебрикова // Российские женщины и европейская культура: Тез. докл. II науч. конф. СПб., 1994. С. 28 и след.

[26] *Кулиш Ж.В.* Указ. соч. С. 31 и след., 45 и след., 101 и след. Цебрикова столь усердно скрывала свою публицистическую и издательскую деятельность, что в энциклопедическом издании «Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник». М., 1959, ее имя даже не упомянуто.

[27] См. прежде всего: *Цебрикова М.К.* Герои молодой Германии // Отечественные записки. 1870. № 6. Отд. II. С. 197–227; № 7. Отд. II. С. 23–46; № 8. Отд. II. С.175–203. О симпатиях Цебриковой к народничеству см.: *Кулиш Ж.В.* Указ.соч. С. 24 и след., 49 и след.; *Кайдаш С.Н.* Указ. соч. С. 249 и след. О дискуссиях в цюрихской русской колонии см.: *Meijer J.M.* Knowledge and Revolution. The Russian Colony in Zürich 1870–1873. A Contribution to the Study of Russian Populism. Assen, 1955. P. 85 и след.

[28] *Кулиш Ж.В.* Указ. соч. С. 30 и 55.

[29] Мария Константиновна Цебрикова // Первый женский календарь на 1904 г. Биографии. С. 375.

[30] Там же. С. 375 и след. Ср. в деталях: *Николаева М.К.* [*Цебрикова М.К.*] Указ. соч.; *Цебрикова М.* Женщины американской революции // Вестник Европы. 1870. № 6. С. 507–542; № 7. С. 60–95; *Она же.* Русские женщины-писательницы // Неделя. 1876. № 13–14. С. 430–443; *Она же.* Американки XVIII века. СПб., 1871.

[31] *Цебрикова М.К.* Предисловие // Милль Д. Ст. Подчиненность женщин. 2-е изд., испр. СПб., 1870. С. I–XXXV, здесь с. II и след. Первое издание этого труда в русском переводе выпущено в 1869 г. усилиями Марко Вовчок совместно с Н.А. Белозерской.

[32] Там же. С. II.

[33] *Кулиш Ж.В.* Указ. соч. С. 30. См. так же: *Meysenburg M. von.* Memoiren einer Idealistin. Hrsg. v. F. Böttger. Berlin/Ost, 1963 (1-е изд. вышло в 1876 г.).

[34] *Кулиш Ж.В.* Указ. соч. С. 120.

[35] *Johanson Chr.* Women's Struggle for Higher Education in Russia 1855–1900. Kingston; Montreal, 1987. P. 95 и след.

[36] Об этом см.: *Кулиш Ж.В.* Указ. соч. С. 31 и след.

[37] Там же. С. 136 и след.

[38] *Цебрикова М.К.* Из былого // Цебрикова М.К. Письмо Императору Александру III. СПб., 1906. С. 38.

[39] Там же. С. 48.

[40] Там же. С. 36.

[41] Там же. С. 39 и след. Ср. также: Письмо М.К. Цебриковой к Дж. Кеннан // Там же. С. 32–35.

[42] *Кайдаш С.Н.* Указ. соч. С. 258.

[43] *Цебрикова М.К.* Письмо Императору Александру III. С. 7 и след.

[44] Там же. С. 11 и след.

[45] Там же. С. 17 и след.

[46] Там же. С. 19.

[47] Там же. С. 21.

[48] Там же. С. 24.

[49] Там же. С. 28 и след. Цит. со с. 30.

[50] Там же. С. 31.

[51] *Кайдаш С.Н.* Указ. соч. С. 260 и след.; *Цебрикова М.К.* Письмо Императору Александру III // Первый женский календарь на 1906 г. Ч. V. С. 349–369.

[52] *Понамарев С.И.* Наши писательницы. СПб., 1891. С. 3 и след., 11. См. также: *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России... 1971. С. 236.

[53] *Лебедева-Кларк Р.* Женщины в издательском деле пореформенной России // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 117–130. Обзор деятельности женщин в издательствах и редакциях см.: Издательская деятельность женщин // Первый женский

календарь на 1902 г. С. 363–365, а также: Женщины – издательницы и редактора // Там же. 1906. С. 302 и след.

54 Там же. 1906. С. 16 и след.

55 Там же. С. 17.

2
Педагогика

1 *Hinshaw Ch.R.* The Soul of the School: The Professionalization of Urban Schoolteachers in St. Petersburg and Moscow, 1890–1907. Ph. D. Berkeley (Ann Arbor), 1986. P. 61 – о второй половине XIX в.; *Ruane Ch.* Gender, Class and the Professionalization of Russian City Teachers 1860–1914. Pittsburgh; L., 1994. P. 64 и след.

2 *Brooks J.* The Zemstvo and the Education of the People // The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government / Ed. by T. Emmons, W.S. Vucinich. Cambridge, 1982. P. 243–278 (здесь 255 и след.). О социальном составе учителей народных школ с разделением на мужчин и женщин см.: *Anweiler O.* Geschichte der Schule und Pädagogik in Rußland von Ende des Zarenreiches bis zum Beginn der Stalin-Ära. Berlin, 1964. S. 21. Здесь говорится, что к 1911 г. большинство учителей уже происходили из крестьянства, а учительниц – из средних слоев, семей священников и мещанства.

3 В деталях см.: *Hinshaw Ch.R.* Op. cit. P. 18 и след., 38 и след. Из 12 учебных округов Российской империи Петербургский округ был самым большим, а Московский – самым густонаселенным.

4 *Bessmertny M.* Der Stand der Frauenbildung in Rußland // Handbuch der Frauenbewegung / Hrsg. v. H. Lange und G. Bäumer. Bd. I–V. Berlin, 1901–1906. См: Bd III. S. 331–338 (здесь 332).

5 *Hinshaw Ch.R.* Op. cit. P. 58. В Санкт-Петербурге аналогичное положение сохранялось и в 1913 г. В Москве в том же году в городских школах работало 1400 учительниц и около 100 учителей. См.: *Чехов Н.* Роль учительниц в истории народного образования в России // Женское дело. 1913. № 8. С. 2 и след.

6 *Anweiler O.* Op. cit. S. 21.

7 Там же. О положении сельского учительства см.: *Elkof B.* The Village and the Autsider: The Rural Teacher in Russia, 1864–1914 // Slavic and European Educational Review. 1979. № 1. P. 1–19. О безработице учительниц средних школ в 80-е годы см.: *Johanson Chr.* Women's Struggle for Higher Education in Russia, 1855–1900. Kingston; Montreal, 1987. P. 61.

8 *Hinshaw Ch.R.* Op. cit. P. 40 и след. Первые училища открылись для женщин только после революции 1905 г.

9 См. гл. I, п. 2, а также: *Hinshaw Ch.R.* Op. cit. P. 48.

10 *Hinshaw Ch.R.* Op. cit. P. 55 и след.; *Dudgeon R.A.* The Forgotten Minority. P. 23 и след.

11 *Иванов Н.* Женское образование // Новый энциклопедический словарь: В 29 т. СПб., 1911–1916. Т. 17. Стб. 772–813, здесь 811. В работе: *Dudgeon R.A.* Op. cit. приведены данные опроса 1907 г. в Москве, согласно которому мужчины преподавали в гимназиях по 28 часов в неделю и получали годовую заработную плату в размере 1473 руб. Учительницы же гимназий работали по 27 часов в неделю и получали за это 592 руб. в год.

12 Статистические данные см. в работе: *Ruane Ch.* Gender, Class and the Professionalization... P. 202, 205.

13 *Hinshaw Ch.R.* Op. cit. P. 101; *Dudgeon R.A.* Op. cit. P. 12.

14 *Ерман Л.К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 11.

15 *Satina S.* Education of Women in Pre-Revolutionary Russia (Aus dem Russ.). N. Y., [б. г.]. P. 23 и след.

16 См.: Деятели революционного движения. Т. II. Ч. 2. Стб. 699 и след.; Ч. 4. Стб. 1499 и след.; *Синегуб С.* Записки чайковца // Революционное движение в России в мемуарах современников. Т. X. М.; Л., 1929, особ. с. 41 и след., 86 и след. О проблемах сельских учительниц, работающих среди крестьянского населения, см. (в противоположность высказываниям Синегуба): Женский вестник. 1905. № 10. С. 313 и след.

17 [*Цебрикова М.К.*] Дедушка Егор. СПб., 1873; *Синегуб С.* Указ. соч. С. 91 и след.

18 *Blackwell A.S.* (Ed.). The Little Grandmother of the Russian Revolution. Reminiscences and Letters of Catherine Breshkovsky. 3d ed. Boston, 1918. P.17 и след., 31 и след.

19 Ольга Николаевна Попова // Первый женский календарь на 1902 г. С. 369.

20 *Попов И.* Аделаида Федоровна Ядринцева // Женское дело. 1913. № 15. С. 5.

21 О.А. Виноградская // Женское дело. 1914. № 22. С. 12 и след. См. также: Памяти Ольги Афиногеновны Виноградской. М., 1916. (Здесь помещено 11 статей о ней. – *Прим. пер.*).

22 Софья Николаевна Фишер // Женское дело. 1913. № 20. С. 2. С.Н. Фишер была женой учителя математики Фишера.

23 Учительница Еремеева // Первый женский календарь на 1902 г. С. 348.

24 Там же.

25 Учительница Карташева // Там же. С. 347.

26 См.: *Hinshaw Ch.R.* Op.cit., особ. p. 202 и след.; *Ruane Ch.* Op. cit. P. 87 и след.; *Seregny S.J.* Professional and Political Activism: The Russian Teacher's Movement 1864–1908. Vol. 1–3. Ph. D. University of Michigan, 1928. P. 1 и след., 137 и след., 209 и след., 830 и след.

27 Общество попечительства о воспитательницах и учительницах в России, С.-Петербург, 15.04.1876 г. // Library of Congress, Manuscript Division. Sign.: Russian Charitable and Philanthropic Societies. 1865–1876. № 83-98970. P. 1 и след. См. также: Энциклопедический словарь: В 82 т.; Доп.: 64 т. / Под ред. И.Е. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. 42. С. 610 и след.

28 *Ермилов В.* Великих дней прекрасное начало // Женское дело. 1911. № 1. С. 30 и след. О журнале см.: *Goldberg R.L.* The Russian Women's Movement: 1859–1917. N.Y., 1976. P. 169 и след.

29 Годовой отчет <...> Московского общества вспомоществования гувернанткам, домашним учительницам и воспитательницам (01.01.1875–01.01.1876 гг.) // Library of Congress. Manuscript Division. Sign.: Russian Charitable and Philanthropic Societies. 1865–1876. № 83-98970. P. 1 и след.; См. также: Общества // Энциклопедический словарь. Указ. изд. Т. 42. С. 610 и след. (сноска 27).

30 *Hinshaw Ch.R.* Op. cit. P. 225 и след.; *Seregny S.J.* Op. cit.

31 *Hinshaw Ch.R.* Op. cit. P. 221 и след.; *Ruane Ch.* Op. cit. P. 113 и след.

32 *Edmondson L.H.* Feminism in Russia, 1900–1917. L., 1984. P. 36, 73.

33 См. гл. VI, п. 2, а также: *Stites R.* The Women's Liberation Movement... P. 301.

34 После 25 лет службы можно было претендовать на 65 % оклада; после 20 лет – на 50% (см.: *Hinshaw Ch.R.* Op. cit. P. 173).

35 Данные в работе: *Ruane Ch.* The Vestal Virgins of St. Petersburg: Schoolteachters and the 1897 Marriage Ban // Russian Review. 1991. № 2. P. 168.

36 *Чебышева-Дмитриева Е.А.* Учащиеся и учащие городских начальных училищ Петербурга // Труды первого Всероссийского съезда по образованию женщин. Т. I–II. СПб., 1914. Т. II. С. 307–314. Изменилось к этому времени и положение дел на петербургском рынке труда. Теперь возник спрос на женскую рабочую силу, так как женщины, желавшие вступить в брак, предпочитали искать место работы в земствах.

37 См. группу II в прилож. I (схема «Биографические данные»).

38 Так указано и в издании: Педагогическая энциклопедия: В 4 т. / Гл. ред. И.А. Каиров. М., 1964, 1968. Т. 1. С. 364. См. также: *Чувашев И.В.* Очерки по истории дошкольного воспитания в России (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1955. С. 173 и след. Советские исследователи стремились критиковать Водовозову как представительницу «буржуазной» теории вопроса. См.: *Фролова О.А.* Е.Н. Водовозова о воспитании детей дошкольного возраста. М., 1949. С. 39 и след. Но Фролова отмечала и то, что деятельность Водовозовой недостаточно изучена. В настоящее время можно согласиться с данной точкой зрения, поскольку работа Фроловой так и осталась единственным исследованием о педагогическом творчестве Водовозовой.

39 В ее воспоминаниях он фигурирует под фамилией Ваховский. См.: *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. II. С. 38 и след.

40 Об оценке деятельности В.И. Водовозова см.: *Титова Н.* [*Водовозова Е.Н.*] К.Д. Ушинский и В.И. Водовозов: Из воспоминаний институтки // Русская старина. 1887. № 2. С. 471–494; *Семевский В.И.* Василий Иванович Водовозов: Биогр. очерк. СПб., 1888.

41 *Ц-ская* [*Водовозова Е.Н.*] Что мешает женщине быть самостоятельною? (По поводу романа Чернышевского «Что делать?») // Библиотека для чтения. 1863. С. 1–19; кроме того, см.: *Водовозова Е.Н.* Из заметок старой пансионерки // Голос. 1866.16.1 и 1.4; см. также: *Голицын Н.Н.* Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889; *Фролова О.А.* Указ. соч. С. 29 и след.

42 *Фролова О.А.* Указ. соч. С. 39; *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. I–II. М., 1934. Имеется и издание для юношества: *Водовозова Е.Н.* История одного детства. М., 1939 (новое изд. 1992 г.).

43 *Водовозова Е.Н.* Умственное развитие детей от первого проявления сознания до восьмилетнего возраста. 2-е изд. СПб., 1871. С. 1 и след. – о предпосылках воспитания. Материал расширен в 3-м издании 1876 г.. См. также: *Фролова О.А.* Указ. соч. С. 40 и след.; *Чувашев И.В.* Очерки по истории дошкольного воспитания... С. 175 и след.

44 *Водовозова Е.Н.* Умственное развитие... Гл. I–XII.

45 Последнее издание вышло в 1913 г. См.: *Голицын Н.Н.* Указ. соч. С. 52; *Фролова О.А.* Указ. соч. С. 31.

46 *Водовозова Е.Н.* Из русской жизни и природы. СПб., 1871–1872 (есть и ряд последующих изданий).

47 *Водовозова Е.Н.* Жизнь европейских народов: В 3 т. СПб., 1875–1883.

48 *Водовозова Е.Н.* Как люди на белом свете живут: В 10 вып. СПб., 1897–1904. Оценку этой работы см.: Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 5. СПб., 1902. С. 254.

49 *Люблинский С.Б.* Подвижники книги. М., 1988. С. 11 и след.; *Фролова -О.А.* Указ. соч. С. 34.

50 *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. II. С. 411.

51 *Люблинский С.Б.* Указ. соч. С. 14 и след. Автор подчеркивает, что Водовозова там продавала в частности труд В.И. Ленина «Развитие капитализма в России», изданный ее сыном Николаем, публицистом и автором биографии Фурье.

52 *Алчевская Х.Д.* Передуманное и пережитое. М., 1912. С. 26 и след., особ. с. 29.

53 Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь / Под ред. П.А. Николаева. Т. 1. М., 1989. С. 52.

54 Христина Даниловна Алчевская // Первый женский календарь на 1913 г. С. 52–62 (здесь с. 52).

55 *Алчевская Х.Д.* Указ. соч. С. 30 и след., 277 и след.

56 Там же. С. 31 и след.

57 Там же. С. 35 и след.

58 Первый женский календарь на 1913 г. С. 53; *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении... С. 120.

59 Первый женский календарь на 1913 г. С. 52–62.

60 Свидетельство № 778 (РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. Д. 190. Л. 1); Александра Михайловна Калмыкова // Первый женский календарь на 1902 г. С. 373–377, здесь 376.

61 См. в целом: Первый женский календарь на 1902 г. С. 373 и след.

62 Отдельное издание: *Калмыкова А.М.* Еврейский вопрос в России. Харьков, 1881; См. также: *Люблинский С.Б.* Указ. соч. С. 39 и след. О многосторонних литературных публикациях Калмыковой в последующие годы см.: Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2. С. 446 и след.

63 Речь идет о труде: Что читать народу? Т. I–III. СПб., 1884–1906. Ср. также подробное описание пребывания Алчевской на Всемирной выставке в кн.: *Алчевская Х.Д.* Передуманное и пережитое. С. 285 и след.

64 [*Калмыкова А.М.*] Автобиография (1923) // РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. Д. 1. Л. 2.

65 *Алчевская Х.Д.* Указ. соч. С. 302.

66 *Чехова М.А.* Из жизни кружков 80-х годов. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 1. Д. 98. (14 листов с об.). Л. 7 и след.

67 *Калмыкова А.М.* Обрывки воспоминаний // Былое. 1926. № 1. С. 64–80, здесь 68 и след.

68 Ольга Николаевна Попова // Первый женский календарь на 1902 г. С. 366–370; *Люблинский С.Б.* Указ. соч. С. 109 и след.

69 Подробности см. в кн.: *Люблинский С.Б.* Указ. соч. С. 48 и след. Ср. особенно: *Калмыкова А.М.* Каталог книг для народных библиотек для чтения взрослых и детей. 2-е изд. СПб., 1891; *Она же.* Опыт периодического указателя книг для детского и народного чтения. СПб., 1887. Список публикаций Калмыковой имеется также в соч.: *Везирова.* Калмыкова. С. 173. См. там также с. 111 и след., 115 и след., 118 и след. О Калмыковой как члене социал-демократической партии см.: *Frieseler B.* Frauen auf dem Weg in die russische Sozialdemokratie, 1890–1917. Stuttgart, 1995. S. 80 и след.

70 Александра Михайловна Калмыкова // Первый женский календарь на 1902 г. С. 373–377, здесь 377.

71 Калмыкова была любимой учительницей на петербургских Фрёбелевских курсах, где читала лекции по детской литературе. В 80-е годы она сотрудничала в петербургском Фрёбелевском обществе (основанном в 1871 г.). См.: *Чувашев И.В.* Очерки по истории дошкольного воспитания в России... М., 1955. С. 201; см. также:

Лаврова-Троцкая З.И. Из воспоминаний слушательницы (РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 2. Д. 91. 4 листа с об. Л. 1).

72 *Везирова.* Калмыкова. С. 116. Так, в 1912 г. она выступила с докладом о проблемах этического воспитания на I Всероссийском съезде по вопросам семейного воспитания и входила в состав организационного комитета этого съезда. См.: *Калмыкова А.* Проблемы нравственного воспитания нашего времени. СПб., 1913. В этой работе Калмыкова подчеркивала значение труда как основы общего воспитания и как предпосылки для развития истинной народной культуры.

73 [*Калмыкова А.М.*] Автобиография // РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. Д. 1. Л. 1. Как свидетельствует одно из писем Н.К. Крупской (от 4.01.1924 г.), Калмыкова не была материально обеспечена в старости и во время болезни, но Крупская намерена была оказывать ей материальную поддержку. См.: О жизни и деятельности В.И. Ленина // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 169–191, здесь 183 и след. Калмыкова скончалась в 1926 г. в санатории. См.: *Везирова.* Указ.соч. С. 116. См. также оценку, которую дала Калмыковой Н.К. Крупская (Правда. 1926. 2 апр.).

3
Наука

1 Англичанка Э. Блэкуэлл была допущена в Нью-Йорке в 1847 г. к обучению в Geneva Medical College (Женевский медицинский колледж). Она вошла в историю как первая хорошо подготовленная женщина-врач, хотя ее квалификация не могла идти ни в какое сравнение с той, какая приобретается по окончании университета. К 1870 г. в Америке было уже около 500 женщин-врачей, но все же многие американки по примеру Сусловой отправились в Швейцарию, чтобы получить там полное университетское образование. См.: *Bonner Th.N.* To the Ends of the Earth. Women's Search for Education in Medicine. Cambridge, Mass.; L., 1992. P. 7 и след.

2 Ср. гл. I, п. 2. О теориях XIX в. по женскому вопросу в целом см.: *Jordanova L.* Sexual Visions: Images of Gender in Science and Medicine between the Eighteenth and Twentieth Centuries. Madison, 1989; *Honegger C.* Die Ordnung der Geschlechter. Die Wissenschaft vom Menschen und das Weib. 1750–1850. Berlin; N. Y., 1991.

3 Письмо Сеченова Боковой от 12.10.1862 г. // Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 605. Оп. 3. Д. 24. Л. 1.

4 [*Суслова Н.П.*] Изменение кожных ощущений под влиянием электрического раздражения // Медицинский вестник. 1862. № 21–22. В переводе: Veränderungen der Hautgefühle unter dem Einflusse elektrischer Reizung // Zeitschrift für rationelle Medizin. 1863. Bd. XVII. S. 155–160. См. также: Юбилей Надежды Прокофьевны Сусловой // Первый женский календарь на 1908 г. С. 33.

5 Там же.

6 *Суслова А.П.* Годы близости с Достоевским. М., 1928. С. 65 и след.; *Bankowski-Züllig M.* Nadežda Prokof'evna Suslova (1843–1918) – die Wegbereterin // Ebenso neu als kühn. Zürich, 1988. S. 211.

7 *Rohner H.* Die ersten 30 Jahre des medizinischen Frauenstudium an der Universität Zürich, 1972, особ. S. 12. См. также: *Neumann D.* Studentinnen aus dem Russischen Reich in der Schweiz (1867–1914). Zürich, 1987.

8 *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России. Ч. IV. Т. II. С. 490–492; см. также: Первый женский календарь на 1908 г. С. 35 и след.

9 См.: Крымский обл. гос. архив. Ф. 536. Оп. 1. Д. 85. Л. 1; фотоснимок титульного листа диссертации имеется в работе: *Bankowski-Züllig.* Op. cit. S. 126.

10 Речь напечатана в кн.: *Лихачева Е.* Указ. соч. Ч. IV: 1856–1880. С. 490–492; см. также: Первый женский календарь на 1908 г. С. 35 и след.

11 Эти слова, принадлежащие И.М. Сеченову, опубликовали «Санкт-Петербургские ведомости». 1867. № 226. См. также: *Лихачева Е.* Указ. соч. С. 488.

12 *Н.* Первая русская женщина-медик // Женский вестник. 1867. № 8. Автор этой статьи – женщина, возможно, Е. Конради. Позитивные оценки деятельности Сусловой в изданиях «Дело» и «Колокол» оцениваются в соч.: *Ефремов А.Ф.* Первая русская женщина-врач нижегородка Н.П. Суслова // Нижегородцы в естествознании и медицине. Горький, 1959. С. 35. Тургенев отозвался о Сусловой в издании «Слово». См.: *Смирнов А.А.* Первая русская женщина-врач. М., 1960.

13 Журнал Комитета Министров, 10.07.1868 г. (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3348. Л. 495об. – 497). Медицинский совет являлся высшей государственной инстанцией в сфере управления медициной. См. также: *Ефремов А.Е.* Указ. соч. С. 37 и след.

14 Докторский диспут девицы Сусловой // Московская медицинская газета. 1868. № 13. С. 117; *Ефремов А.Е.* Указ. соч. С. 38. Об оценке этого события в начале XX в. см.: Первый женский календарь на 1908 г. С. 38; здесь сказано, что Суслова пробила брешь в вековой стене дискриминации женщин.

15 Так указано в соч.: *Пантелеев. Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого. М.; Л., 1934. С. 596.

16 Письмо Эрисмана Сусловой от 7.07.1870 г. (Крымский обл. гос. архив. Ф. 536. Оп. 1. Д. 5. Л. 41).

17 Там же. Д. 6. Л. 1–4 с об. (05.01.1872 г.).

18 *Пантелеев Л.Ф.* Указ. соч. С. 500.

19 Лишь в 1878 г. названы имена других практикующих женщин-врачей (гинекологов) – А. Кашеваровой-Рудневой и Ольги Штофф. В 1881 г. сюда добавилась фамилия детского врача Анны Шабановой. См.: Адресный список практикующих врачей в С.-Петербурге. 3-е изд. СПб., 1876–1877; 6-е изд. СПб., 1881–1882.

20 В 1883 г. Суслова развелась с Эрисманом и вышла замуж за Голубева, своего давнего друга и писателя, коллегу Сеченова. Голубев из-за болезни глаз прекратил свою деятельность преподавателя высшего учебного заведения. См. об этом письмо Боковой в адрес Сусловой от 20.06.1883 г. // Крымский обл. гос. архив. Ф. 536. Оп. 1. Д. 12. Л. 21. Голубев с 1872 г. писал Сусловой письма с выражением пламенной любви, см.: Письма А.Е. Голубева к Н.П. Сусловой-Эрисман // Там же. Д. 17–16 (1872–1887). См. также: *Базанов В.А.* Надежда Суслова – первая русская женщина-врач // Фельдшер и акушерка. 1963. № 9. С. 55.

21 Письмо Н. Голубевой к Е.С. Некрасовой от 17.05.1903 г. // РГБ. Отдел рукописей. Ф. 196. Картон 12. Д. 22. Л. 1; Благодарственное письмо без даты к 40-летнему юбилею служебной деятельности от жителей Алуштинского уезда // Крымский обл. гос. архив. Ф. 536. Оп. 1. Д. 64. Л. 13. Сусловой выражается благодарность за «продолжительную и полезную медицинскую деятельность в среде местных жителей». См., кроме того, грамоту, которой была отмечена Суслова к 50-летней годовщине своей службы педагогическим советом Алуштинской гимназии в знак благодарности и признания заслуг // Там же. Л. 2–3. О помощи татарским женщинам см.: *Розова К.* Первая русская женщина-врач // Фельдшер и акушерка. 1945. № 3. С. 48–52. Написано на основе интервью с одним татарским рабочим, который служил у четы Голубевых.

22 См. гл. VI, п. 1.

[23] *Rohner H.* Op. cit. S. 18.

[24] *Суслова Н.* Из недавнего прошлого: Рассказ // Вестник Европы. 1900. № 6. С. 627.

[25] Там же. С. 651 и след.

[26] Дальнейшие сведения основаны на 378 письмах, посланных Сусловой Эрисманом в 1866–1878 гг. Как правило, он каждые два-три дня писал подробные послания объемом не менее четырех страниц. См.: Письма Эрисмана Сусловой, хранящиеся в Крымском обл. гос. архиве. (Ф. 536. Оп. 1. Д. 1–11а). Первое письмо с признанием в любви датировано 27.08.1866 г. См.: КОГА. Д.1. Л. 4–7 с об.

[27] Там же. Д. 3а. Л. 1–6 с об. (Письмо от 21.03.1868 г.).

[28] Там же (Письмо от 01.06.1868 г.).

[29] Там же. Д. 3а. Л. 18 и след. (Письмо от 08.03.1868 г.).

[30] Там же. Д. 5. Л. 15–25 (Письмо от 17.05.1870 г. и 26.05.1870 г.).

[31] Там же. Л. 30–33 с об. (здесь – л. 32). (Письмо от 02.06.1870 г.).

[32] Там же. Д. 5а. Л. 1–3 с об. (здесь – л. 2). (Письмо от 10.06.1870 г.). Выделено Эрисманом.

[33] Там же. Л. 4–6 с об. (Письмо от 12.06.1870 г.).

[34] Там же. Л. 10–12 с об. (Письмо от 24.06.1870 г.).

[35] Там же. Л. 13–15 с об. (Письмо от 28.06.1870 г.).

[36] Там же. Д. 8г. Л. 38–40. (Письмо от 29.10.1874 г.)

[37] *Базанов В.А.* Ф.Ф. Эрисман (1842–1915). Л., 1966. С. 3. Когда Эрисману пришлось по политическим причинам отказаться в 1896 г. от профессуры, он поселился в Цюрихе, в 1901 г. был избран в городской совет и приобрел высокий авторитет как руководитель здравоохранения благодаря своей прогрессивной политике в этой сфере. См.: *Bankowski-Züllig M.* Op. cit. S. 215.

[38] Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1894 год. 2-е изд. Н. Новгород, 1894. С. 85.

[39] Телеграммы по поводу 25- и 40-летнего юбилеев (1892–1907) // Крымский обл. гос. архив. Ф. 536. Оп. 1. Д. 63.

[40] Русское женское взаимно-благотворительное общество, 09.12.1907 г. // Там же. Д. 64. Л. 4.

[41] *Фигнер В.* Запечатленный труд. М., 1964.Т. I. С. 102: «Том журнала с известием о Сусловой определил мое будущее; путь, на который она вступила, я хотела теперь и для себя». См. также: *Abeljanz-Schlikow J.* Von der Moskau zur Limmat... T. IV. S. 27.

[42] *Bankowski-Züllig M.* Zürich – das russische Mekka // Ebenso neu als kühn. 120 Jahre Frauenstudium an der Universitat Zürich / Hrsg. v. K. Belser [u. a.]. Zürich, 1988. S. 129; Свидетельство на право практики, выданное медицинским департаментом М.А. Боковой 10.12.1871 г. // Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 605. Оп. 3. Д. 5. Л. 1; также л. 2 с об.

[43] Крымский обл. гос. архив. Ф. 536. Оп. 1. Д. 3а. Л. 1–6 (Письмо Эрисмана от 21.03.1868 г.).

[44] Там же. Д. 5. Л. 6–10. (Письмо Эрисмана от 10.05.1870 г.).

[45] Там же. Д. 6. Л. 29–32. (Письмо Эрисмана от 22.05.1872 г.). Суслова в это время отсоветовала Шлыковой изучать медицину, поскольку не исключено было, что эта наука ее разочарует. См.: *Abeljanz-Schlikow J.* Von der Moskau zur Limmat... Teil IV. S. 28.

[46] Последнее письмо Эрисмана, без даты (написано весной 1878 г.). См.: Крымский обл. гос. архив. Ф. 536. Оп. 1. Д. 11а. Л. 15–19 (здесь – л. 19).

[47] Мечты и действительность, или Мертвая жизнь: Очерк // Там же. Д. 87 (151 л.), здесь особ. л. 87, 150 и след.; с содержанием источника меня любезно ознакомила М. Банковски.

[48] Об образовавшемся в Цюрихе революционном славянском социально-демократическом обществе [ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 112. 1872. Д. 80: Прошение (21.09.1873 г.). Л. 195–196 с об.].

[49] Там же. Л. 11 и след.

[50] Канцелярия С.-Петербургского градоначальника. 19.10.1873 г. Секретно // Государственный исторический архив Ленинградской области. Ф. 569. Д. 61. Оп. 6. Л. 27 и след.

[51] Это ясно также из ее частной корреспонденции к тем лицам, которые благодарили ее за помощь. См. письма в Крымском обл. гос. архиве. Ф. 536. Оп. 1. Д. 58, напр. л. 54 и след.; письмо Натальи Утиной (урожд. Корсини), которая просит о врачебной помощи для маленькой девочки; см. также л. 63–66: благодарственное письмо попавшей в нужду гувернантки; л. 14 и след. – благодарственное письмо бедствовавшей студентки.

[52] Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 605. Оп. 3. Д. 49. Л. 1–11об. [Письма Боковой-Сеченовой к Н.П. Сусловой (1914–1916)].

[53] Ср. работу, основанную на источниках: *Дионесов С.М.* В.А. Кашеварова-Руднева: Первая русская женщина – доктор медицины. М., 1965. С. 28 и след.; *Кашеварова-Руднева В.А.* [Автобиография] // Двадцатипятилетие врачей, бывших студентов Императорской Медико-хирургической академии выпуска 9-го декабря 1868 г. СПб., 1893. С. 71. и след. Немногочисленные имеющиеся в работах западных исследователей сведения о Кашеваровой-Рудневой неточны. См., напр.: *Meijer J.N.* Knowledge and Revolution. The Russian Colony in Zürich 1870–1873. A Contribution to the Study of Russian Populism. Assen, 1955. P. 23.

[54] *Кашеварова-Руднева В.А.* [Автобиография] // Указ. изд. С. 80 и след.; *Дионесов С.М.* Указ. соч. С. 32 и след., особ. с. 38.

[55] *Дионесов С.М.* Указ. соч. С. 50; Крымский обл. гос. архив. Ф. 536. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–10 с об.; здесь л. 7. (Письмо Эрисмана от 21.03.1868 г.).

[56] Двадцатипятилетие врачей... С. 1.

[57] *Кашеварова-Руднева В.А.* [Автобиография] // Указ. изд. С. 90.

[58] Там же. С. 89 и след.; *Дионесов С.М.* Указ. соч. С. 56 и след.

[59] Современная медицина. 1872. 6 дек. Цит. по: *Дионесов С.М.* Указ. соч. С. 77. Цитату из той же газеты от 25.04.1870 г. см.: *Дионесов С.М.* Указ. соч. С. 59. Ср. обобщающее сообщение о противниках высшего образования женщин в России той эпохи в соч.: *Веременко В.А.* Феномен ученой женщины в общественном мнении России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Российские женщины и европейская культура: Тез. докл. II науч. конф. СПб., 1994. С. 15 и след.

[60] *Дионесов С.М.* Указ. соч. С. 78 и след.

[61] *Кашеварова-Руднева В.А.* Письма // Новости. 1899. 23 мая.

[62] Оренбургский листок. Цит. по: *Дионесов С.М.* Указ. соч. С. 78 и след.

[63] Там же. С. 97. См. также с. 84 и след.

[64] См.: *Koblitz A.H.* A Convergence of Lives. Boston, 1983. P. 83 и след.

[65] Briefwechsel zwischen Karl Weierstraß und Sofja Kowalewskaja / Hrsg. V.R. Bölling. Berlin, 1993, в частности S. 49, 398. Русское издание: Письма Карла Вейерштрасса к Софье Ковалевской. 1871–1891. М., 1973. О жизни Ковалевской в период обучения см.: *Лермонтова Ю.* Воспоминания // Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. М., 1961. С. 375 и след.

[66] *Koblitz A.H.* Op. cit. P. 103 и след. Об изучении Ковалевской математики см.: *Tuschmann W., Hawig P.* Sofia Kowalewskaja. Ein Leben für Mathematik und Emanzipation. Basel, 1993. S. 39 и след., 59 и след. Эта работа заслуживает особого внимания, ибо авторы-математики написали ее так, что ее содержание понятно и дилетанту. Однако в противоположность сочинению Коблитц (1983) в работе Тушмана и Хавига не используется российский архивный материал. Эти авторы, излагая историю жизни Ковалевской, прибегают подчас к несерьезной биографической литературе (особенно к мемуарам Анны Шарлотты Миттаг-Леффлер, которые раскритикованы уже в работе Э.Х. Коблитц как искажающие факты). После исследования мною наследия Софьи Ковалевской и воспоминаний ее современников, опубликованных главным образом в России, результаты Э.Х. Коблитц могут быть полностью подтверждены.

[67] Briefwechsel zwischen Karl Weierstraß und Sofja Kowalewskaja. S. 144 и след.

[68] Там же. S. 135; см. также: Диплом Геттингенского университета о присуждении ученой степени доктора философии и магистра свободных искусств // Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 603. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; *Kowalevsky S. von.* Zur Theorie der partiellen Differentialgleichungen // Journal für reine und angewandte Mathematik. Bd. 80. 1875. S. 1–32.

[69] Ср. по этому вопросу: *Zwölfer A.* Anfangswerprobleme für partielle Differentialgleichungen: ein funktionalanalytischer Zugang zum Satz von Cauchy-Kowalewskaya. Diplomarbeit am Mathematischen Institut der Universität Tübingen. 1990, особ. S. 8 и след. Альмут Цвельфер указывает на то, что «именно в последние годы функционалисты-аналитики проявляют особый интерес к положениям Коши-Ковалевской и используют их для постановки новых абстрактных задач» (S. 45).

[70] *Штрайх С.Я.* Сестры Корвин-Круковские. С. 238.

[71] Цит. по: *Воронцова Л.А.* Софья Ковалевская. М., 1957. С. 145.

[72] Ср. письмо: С.В. Ковалевская – А.О. Ковалевскому (октябрь 1880 г.) // Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. М., 1961. С. 251 и след.

[73] Там же. С. 252.

[74] Письмо С.В. Ковалевской к Г. Миттаг-Леффлеру, 07.06.1881 // Переписка С.В. Ковалевской и Г. Миттаг-Леффлера. (Научное наследство. Т. 7). М., 1984. С. 26.

[75] Письма С.В. Ковалевской к Георгу фон Фольльмару // Hoover Institution on War. Revolution and Peace. B.I. Nikolaevsky Collection (HIWRP, NC). Series № 139. Sign. 211–3. Письмо от 12.06.1882 г. Л. 2. Выделено С.В. Ковалевской.

[76] *Tuschmann W., Hawig P.* Op. cit. S. 91 и след. Мария Кюри заняла кафедру в Париже в 1906 г.

[77] См. прежде всего письма Ковалевской к польской социалистке Марии Янковской-Мендельсон, опубликованные в работе: Briefe von Sophie Kowalewska / Hrsg. v. M. Mendelson // Neue Deutsche Rundschau. 1897. VIII. Jahrgang. 1. und 2. Quartal. S. 589–614 (имеется изд. 1970 г.). О Марии Мендельсон см.: *Wawrzykowska-Wierciochowa D.* Pani Maria. Warszawa, 1968.

[78] *Koblitz A.H.* Op. cit. P. 205 и след., 226, 232. Характеристику Софьи Ковалевской см. прежде всего в соч.: *Ковалевский М.М.* Воспоминания друга // Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. М., 1961. С. 286–293. Здесь резко отрицается то, что утверждает о Ковалевской Г. Миттаг-Леффлер.

[79] *Tuschmann W., Hawig P.* Op. cit. S. 9, 118 и след; *Koblitz A.H.* Op. cit. P. 189 и след.

[80] См. оповещение от имени члена академии П.Л. Чебышева в кн.: *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. М., 1961. С. 353. См. также: *Воронцова Л.А.* Указ. соч. С. 311 и след.; *Koblitz A.H.* Op. cit. P. 222 и след.

[81] См. литературные работы Ковалевской, опубликованные в кн.: *Ковалевская С.В.* Воспоминания. Повести. М., 1974. Отзыв об этом: *Koblitz A.H.* Op. cit. P. 257 и след.

[82] *Stepniak S.* Introduction // Kovalevsky S. Vera Barantzova. L., 1895. P. X.

[83] *Ковалевский М.М.* Речь на могиле // Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. М., 1961. С. 405.

[84] Письма Н.В. Стасовой к Ю.В. Лермонтовой (1892–1895) // РГАЛИ. Ф. 473. Оп. 1. Д. 2, 8. См. также: *Koblitz A.H.* Op. cit. P. 236.

[85] Торжественное публичное заседание, посвященное памяти С.В. Ковалевской (6.03.1916 г.) [Программа] // Архив РАН. С.-Петербургский филиал. Ф. 768. Оп. 1. Д. 33.

[86] *Ковалевский М.М.* Воспоминания друга // Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 389.

[87] Там же. См. далее: *Koblitz A.H.* Op. cit., напр., S. 163 и след., 167, а также 214.

[88] Указатель литературы женского вопроса на русском языке // Северный вестник. 1887. № 7. С. 1–31; № 8. С. 33–55. См. также: Анна Михайловна Евреинова // Первый женский календарь на 1905 г. С. 376–380; *Мусабеков Ю.С.* Юлия Владимировна Лермонтова (1846–1919). М., 1967. С. 26 и след.

[89] *Евреинова А.М.* Краткий очерк прав женщин в семье // Первый женский календарь на 1905 г. С. 396–404; *Она же.* Об уравнении прав женщин при наследовании // Там же. На 1906 г. С. 370–383.

[90] *Евреинова А.М.* Краткий очерк... // Указ. соч. С. 379.

[91] *Lermontoff J.V.* Zur Kenntnis der Methylenverbindungen. Göttingen, 1874 // Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 603. Оп. 3. Д. 18 (24 л.).

[92] Письмо С.В. Ковалевской к Е.А. Лермонтовой (матери Юлии Лермонтовой) // Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 768. Оп. 1. Д. 45; *Мусабеков Ю.С.* Указ. соч. С. 38 и след.

[93] Диплом // Архив РАН. Моск. отд-ние. Ф. 603. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[94] Личная инициатива и движение женского дела // Первый женский календарь на 1909 г. Ч. VI. С. 165 и след. Цит. со с. 165.

[95] *Дионесов С.М.* Указ. соч. С. 76.

[96] Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918 гг.) / Под ред. Э.Д. Днепрова. М., 1980. С. 75; здесь же приводятся сведения об организации этого учебного заведения и о женщинах, зачисленных на различные отделения. В работе: *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia – имеются ошибочные данные по этому вопросу. Опубликованы также воспоминания о преподавательницах: Воспоминания о женщинах-профессорах // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы: 1878–1918: Сб. ст. / Под ред. С.Н. Валка и др. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1973. С. 184–202. (Здесь помещены статьи: *Чехова Е.Н.* Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская. С. 184–191; *Она же.* Александра Яковлевна Ефименко. С. 191–194; Надежда Николаевна Гернет; Вера Иосифовна Шифф (по материалам Н.А. Никольской). С. 194–197; *Крестинская В.Н.* А.Ф. Васильева-Синцова. С. 197–198; *Сергеенко М.Е.* С.В. Меликова. С. 199–202. – *Прим. пер.*). Воспоминания А.Я. Ефименко см.: The Bakhmeteff Archive. Sign BAR Gen. Ms. Coll. Ефименко; Александра Яковлевна Ефименко // Первый женский календарь на 1908 г. С. 18–25.

97 Женщины-ученые // Первый женский календарь на 1914 г.: Из прошлого и настоящего. С. 309–325, здесь с. 309 и след., 323 и след.

98 См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 104 и след; *Везирова*. Калмыкова. С. 116.

99 Подробно см.: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы... С. 19 и след.; *Dudgeon R.A.* Women... P. 299 и след.; *Idem.* The Forgotten Minority... // Russian History / Histoire Russe. 1982/1. P. 1 и след. См. также гл. VI, п. 2.

100 Женщины-ученые // Первый женский календарь на 1914 г. С. 310.

101 *Pushkareva N.* Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century. Armonk; N.Y.; L., 1997. P. 211.

102 Lidija Dmitrievna Pisarževskaja // Ibid. P. 315–319.

103 Женщина-профессор в Германии // Женское дело. 1913. № 23. С. 2. Л. Рабинович получила звание экстраординарного профессора без права преподавания. См. об этом: *Glaser E.* Hindernisse, Umwege, Sackgassen. Die Anfänge des Frauenstudiums in Tübingen (1904–1934). Weinheim, 1922. S. 289.

104 *Tuve J.E.* The First Russian Women Physicians. Newtonville, Mass., 1984. P. 61 и след.

105 Опросный лист студенток // РГБ. Отдел рукописей. Ф. 196. Картон 5. Д. 1. Л. 1 и след.

106 Свидетельство 1877 г. // Там же. Картон 1. Д. 14. Л. 1 и след. Ср. также: *Некрасова Е.* Жизнь студентки [Варвары Степановны Некрасовой]. М., 1903; *Она же.* Студентка на войне: Письма с войны 1877 года // Русская мысль. 1898. № 6. С. 37–55; № 7. С. 100–122.

107 *Некрасова Е.* Студентка на войне // Русская мысль. 1898. № 7. С. 116. См. также: *Ильинский П.А.* Русская женщина в войне 1877–1878 гг.: Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшериц и женщин-врачей. СПб., 1879; *Геселевич А.М.* Первые русские женщины военно-полевые хирурги // Советское здравоохранение. 1954. № 2. С. 44–50. Из-за военной службы были отложены первые медицинские экзамены. Студентки, как это видно из цитированного выше заявления, приняли эту задержку без возражений. См.: РГБ. Отдел рукописей. Ф. 196. Картон 5. Д. 1. Л. 1. (Опросный лист студенток).

108 Фотографии и пояснение взяты из издания: Искры: Ил. прил. к газете «Русское слово». 1912. № 7. С. 49.

109 *Иванов Н.* Женское образование // Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. К.К. Арсеньева: В 29 т. СПб., 1911–1916. Здесь Т. 17. Стб. 772–813, см. стб. 807 и след.; *Dudgeon R.A.* Women... P. 254 и след., об истории медицинского женского образования – р. 192 и след. Положения законов о женщинах-врачах см. в кн.: Русская женщина на государственной и общественной службе. М., 1901. С. 5 и след.

110 О русских студентках-медиках в Швейцарии см.: *Neumann D.* Studentinnen aus dem Russischen Reich in der Schweiz (1967–1914). Zürich, 1987. S. 11 и след. В Париже: Статистические сведения о женщинах, учившихся в швейцарских университетах и в Париже // Первый женский календарь на 1899 г. С. 139–142.

111 *Tuve J.E.* Op. cit. P. 67 и след.; *Engel B.A.* Women Medical Students in Russia, 1872–1882: Reformers or Rebels? // Journal of Social History. 1979. Spring. P. 407 (с цифровыми данными). До 1914 г. в швейцарских высших учебных заведениях учились от 5 до 6 тыс. женщин из Российской империи. Их доля в числе всех обучавшихся в Швейцарии студенток составляла в среднем 66%. Из всех русских студенток 74% избрали специальностью медицину. См.: *Neumann D.* Op.cit. S.11 и след., S. 82.

112 Эти и последующие цифровые данные см.: Женщины-врачи // Энциклопедический словарь. СПб., 1890–1907. Т. 22. С. 888. См. также: Список женщин-врачей, практикующих в С.-Петербурге // Первый женский календарь на 1903 г. С. 75–97. О трудностях службы женщин-врачей на примере Уфимской губернии см.: По учебному делу // Друг женщин. 1883. Апрель. С. 132–142 (здесь с. 133 и след.) См. также: *Dr. Kosakevitch-Stefanofskaia.* Private Practice, and under Government // The International Congress of Women. 1899 / Ed. by Countess of Aberdeen. L., 1900. P. 57–59.

113 *Frieden N.M.* Russian Physicians in the Era of Reform and Revolution, 1856–1905. Princeton; N.J., 1981. P. 232; об образовании – р. 106 и след.

114 Женщины-врачи... Т. 22. С. 888; *Edmondson L.H.* Feminism in Russia, 1900–1917. L., 1984. *Huerkamp C.* Frauen im Arztberuf im 19. und 20. Jahrhundert. Deutschland und USA im Vergleich // Was ist Gesellschaftsgeschichte? Positionen, Themen, Analysen / Hrsg. v. Hettling [u. a.]. München, 1991. S. 135–145 (здесь S. 140). При сравнении в международном масштабе видно, что ведущую позицию занимали США: на рубеже веков там работало 7 тыс. женщин-врачей, в отдельных крупных городах они составляли более 10% всего врачебного персонала. Достижение такого уровня оказалось возможным благодаря системе частных медицинских школ (medical schools), хотя в XIX в. их программа обучения еще не соответствовала программам европейских университетов. См.: Там же. S. 136 и след.

115 Сведения о Луканиной см.: *Tuve J.E.* Op. cit. P. 34 и след. О Шабановой см.: *Заблудовская Е.Д.* Одна их первых женщин-педиатров в России А.Н. Шабанова // Педиатрия. 1957. № 6. С. 71–78. О путях получения медицинского образования Шабановой см.: *Шабанова А.Н.* Два года в Гельсингфорсском университете: Из воспоминаний женщины-врача // Вестник Европы. 1888. Т. 1. Кн. 2. С. 538–568.

116 См.: К двадцатипятилетию первого выпуска женщин-врачей // Первый женский календарь на 1903 г. С. 413–426.

117 Александра Гавриловна Архангельская: Некролог // Сведения о заразных болезнях санитарно-врачебных организаций в Московской губернии. 1905. № 2. С. 93–97; здесь особенно с. 95 и след., где речь идет о ее популярности и ее научных работах. См. также: *Архангельская А.Г.* Краткий очерк двухлетней хирургической деятельности Петровской земской лечебницы // Врач. 1894. № 22. С. 621 и след.; № 23. С. 652–657; *Она же.* К вопросу о хирургической помощи сельскому населению // Практический врач. 1902. № 9. С. 179–181; № 10. С. 205–207. По поводу тяжелых условий работы земского врача-женщины см. воспоминания: *Сланская Е.В.* День думского женщины-врача в С.-Петербурге. СПб., 1904.

118 См.: *Архангельская А.Г.* К вопросу о развитии хирургической помощи в земстве // Журнал Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. 1901. № 2. С. 99 и след. (Письмо к медицинскому персоналу по поводу опроса пациентов). См. также: *Tuve J.E.* Op. cit. P. 83 и след. Об обществе в память Пирогова см.: *Geyer D.* Zwischen Bildungsbürgertum und Intelligenzija // Bildungsbürgertum im 19. Jahrhundert / Hrsg. v. W. Conze, J. Kocka. Teil I. Stuttgart, 1985. S. 228; *Frieden N.M.* Russian Physicians... P. 118 и след., 179 и след. По проблемам земской медицины см.: Там же. P. 77 и след., а также: *Rohner S.H.* The Zemstvo and Public Health // The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government / Ed. by T. Emmons and T. Vucinich. Cambridge, 1982. P. 279–314.

119 *Tuve J.E.* Op.cit. Особ. р. 86 и след.

120 *Engel B.A.* Women medical students in Russia... P. 407 (со статистическими данными). О положении врачебного персонала см.: *Frieden N.M.* Op. cit. Здесь о

земской медицине р. 76 и след. О Шабановой см.: Юбилей женщины-врача первого выпуска. А.Н. Шабанова // Первый женский календарь на 1904 г. С. 364–366; *Tuve J.E.* Op. cit. P. 68 и след.; *Заблудовская Е.Д.* Указ. соч. С. 71 и след.

[121] *Hartung Ch.* Frauenerwerbstätigkeit im Gesundheitswesen in den letzten Jahrzehnten des vorrevolutionaren Rußland. Magisterarbeit am Fachbereich Geschichtwissenschaften. Marburg, 1994. S. 84 и след.

[122] *Покровская М.И.* Как я была городским врачом для бедных: Из воспоминаний женщины-врача. СПб., 1903, особ. с. 6; *Она же.* Моя думская практика // Мир Божий. 1898. № 3. Разд. II. С. 17 и след. Сведения о биографии Покровской: *Она же.* Автобиография. См.: Гос. ист. архив Ленинградской области. Ф. 2114: М.И. Покровская. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1; Мария Ивановна Покровская // Первый женский календарь на 1905 г. С. 394–396; *Tuve J.E.* Op. cit. P. 93 и след. О феминистской деятельности Покровской и Шабановой см. гл. V, п. 2 настоящей книги.

[123] *Покровская М.И.* Автобиография (указ. дело); Первый женский календарь на 1905 г. С. 394–396; *Engelstein L.* The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siécle Russia. Ithaca; L., 1992. P. 192 и след., 291 и след., а также книга в целом. О борьбе за социальную гигиену см.: *Bater J.H.* Modernization and Public Health in St. Petersburg // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 37. 1985. S. 357–372.

[124] *Engelstein L.* Op. cit. P. 260 и след.; *Edmondson L.H.* Feminism in Russia. 1900–1917. L., 1984. P. 143 и след.

[125] Гос. ист. архив Ленинградской области. Ф. 2114. Оп. 1, особ. Д. 38.

[126] *Denbeste-Barnett M.* Publish or Perish: The Scientific Publications of Women Physicians in Late Imperial Russia // Dynamis. Act. Hisp. Med. Sci. Hist. Illus. № 19. P. 215–240, в частности с. 236 и след.

[127] Ныне хорошо исследована история женщин-фармацевтов. См.: *Conroy M.Sch.* Women Pharmacists in Russia before World War I: Women's Emancipation, Feminism, Professionalization, Nationalism and Class Conflict // Edmondson L. Women's Emancipation and Theories of Sexual Difference. Akron; Kent, Ohio., 1988. P. 48–76.

[128] Женщины-юристы // Женское дело. 1911. № 3. С. 6 и след.

[129] *Лучинская А.В.* О праве женщин с высшим юридическим образованием заниматься адвокатской деятельностью // Тр. I Всерос. съезда по образованию женщин. Т. 1–2. СПб., 1914–1915; здесь Т. 1. С. 205.

[130] Женщины-юристы // Первый женский календарь на 1912 г. Из прошлого и настоящего. С. 106 и след.; *Лучинская А.В.* Указ. соч., особ. с. 202.

[131] Общество петербургских юристок // Женское дело. 1913. № 9. С. 18; см. также: Организация женщин-юристок в Москве // Там же. № 11. С. 12.

[132] К вопросу о женской адвокатуре и юридическом образовании женщин // Первый женский календарь на 1900 г. С. 166 и след.

[133] См.: *Лучинская А.В.* Указ. соч. С. 196 и след.

[134] Уже в год основания этого учебного заведения число студенток выросло до 500. См.: Краткий очерк возникновения Политехнических курсов // Первый женский календарь на 1907 г. С. 425–429. О развитии политехнического образования см.: Первые женщины-инженеры / Сост. В.В. Старостин и др. Л., 1967. С. 9 и след.

[135] Первые женщины-инженеры. С. 40 и след.; *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С. 17; *Шилова Н.И.* Женщины в русских университетах и технических высших учебных заведениях // Тр. I Всерос. съезда по образованию женщин. Т. 1. С. 31–34.

[136] Высшее женское образование // Первый женский календарь на 1914 г. С. 55–120.

[137] Двадцатипятилетний юбилей первого выпуска женщин-врачей // Первый женский календарь на 1904 г. С. 362 и след.

Глава VI
Эмансипация женщин как новый фактор общественно-политической деятельности

1
От благотворительной деятельности к созданию самостоятельных общественных организаций

[1] См.: *Bradley J.* Voluntary Associations, Civic Culture and Obshchestvennost' v Moskve // Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / Ed. by W. Clowes, D. Kassow, J.L. West. Princeton; N. J., 1991. P.131–148. Брэдли в своем определении «гражданское общество» опирается на Токвиля. См.: *Tocqueville A. de.* Über die Demokratie in Amerika (Aus dem Franz.). München, 1976. S. 595 и след. Токвиль рассматривал вольные антигосударственные ассоциации, выражавшие свои общественные интересы, как предпосылку «цивилизации», прибегая к такой концепции потому, что именно свободные объединения прокладывали путь к созданию политических партий и тем самым к демократизации государственной жизни. В России симптомом административного всесилия государства и отсутствия гражданских свобод была недоразвитость городской структуры. Обобщающий материал на эту тему, касающийся положения в XIX в., имеется в работе: *Hildermeier M.* Ständeordnung und sozialer Wandel: Rußland in der Fruhphase der Industrialisierung // Geschichte und Gesellschaft. 1979. № 3. S. 315 и след.

[2] Брэдли указал на ряд путеводителей по городам, в которых к 1903 г. говорилось о «трансформации» этих городов благодаря деятельности социальных и культурных организаций. См.: *Bradley J.* Op. cit. P. 136 и след.

[3] Там же. P. 132 и след., 137, 147.

[4] *Lindenmeyr A.* Public Life, Private Virtues; Women in Russian Charity, 1762–1914 // Signs. 1993. № 3. P. 562–591 (здесь р. 563 и след., 567 и след); *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова. М., 1899. С. 31 и след.

[5] *Lindenmeyr A.* Op. cit. P. 569 и след. См. также в гл. II, п. 3 о влиянии обеих названных цариц на просвещение женщин.

[6] Общие сведения о развитии благотворительности см.: *Lindenmeyr A.* Poverty is not a Vice. Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton; N.J., 1996. P. 99 и след.; *Idem.* The Ethos of Charity in Imperial Russia // Journal of Social History. 1990. № 4. P. 679–694, особ. р. 684 и след. Обзор благотворительной деятельности в Российской империи в конце XIX в. см. в статье: Россия // Энциклопедический словарь / Под ред. И.А. Андреевского. СПб., 1898 [репринт Л., 1991]. Приложения.

[7] *Lindenmeyr A.* Op. cit. P. 567, 571. О развитии благотворительных организаций женскими церковными общинами см.: *Meehan-Waters B.* From Contemplative Practice to Charitable Activity: Russian Women's Religious Communities and the Development of Charitable Work, 1861–1917 // Lady Bountiful Revisited: Women, Philanthropy and Power / Ed. by K.D. McCarthy. New Brunswick; N. J., 1990. P. 142–156.

[8] *Lindenmeyr A.* Op. cit. P. 563.

[9] Ibid. P. 579 и след.

[10] Так подходит к этому вопросу, например, А. Линденмейр, не разграничивающая благотворительность и современные формы представления социально-политических интересов. См.: *Lindenmeyr A.* Op. cit., особ. р. 578.

[11] В историографии это общество рассматривается как исток организованного женского движения в России. См., например: *Stites R.* The Women's Liberation Movement... P. 68 и след.; *Goldberg R.I.* The Russian Women's Movement. P. 44.

[12] Это подчеркивали и современники. См.: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 73 и след.; *Менжинская М.А.* Трубникова М.В. Воспоминания и биографические сведения о ней (ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 408. Л. 2–29. Здесь Л. 8).

[13] См.: Памяти Н.А. Белозерской // Первый женский календарь на 1913 г. Из прошлого и настоящего. С. 87; Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Под ред. П.А. Николаева. Т. I. М., 1989. С. 222.

[14] *Трубникова М.В.* Воспоминания (ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 408. Л. 7 и след.); см. также: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 64 и след.; в обобщающем изложении: *Базилева З.П.* К истории первых артелей разночинцев (60-е годы XIX в.) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 206 и след.; *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении... С. 127 и след. Впрочем, в этих работах нет сведений, выходящих за пределы этапа основания общества.

[15] См.: *Менжинская М.А.* Трубникова М.В. Воспоминания... // ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 408. Л. 8 с об. Здесь сказано о трудностях, которые приходилось преодолевать, прививая швеям трудовое сознание и самостоятельность действий; см. также: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 67 и след., с. 115 и след.; *Чувашев И.В.* Очерки по истории дошкольного воспитания в России. М., 1955. С. 160 – о первых детских садах в России.

[16] Данные см. в работе: *Bater J.H.* St. Petersburg. Industrialization and Change. L., 1976. P. 181.

[17] Общество // Энциклопедический словарь / Под ред. И.Е. Андреевского. Т. XIV. А. С. 854.

[18] О движении воскресных школ см. прежде всего: *Zelnik R.E.* The Sunday-School Movement in Russia. 1859–1862 // The Journal of Modern History. 1965. № 2. P. 151–170. Здесь критически разобраны документы Третьего отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Автор сумел показать, что носителями движения были прежде всего либеральные и радикально-демократические силы. Оно не имело революционной основы, как неправомерно утверждало Третье отделение и что подхватила советская историография, поскольку это вписывалось в желаемую картину эпохи. См., например: *Таубин Р.А.* Революционная пропаганда в воскресных школах России в 1860–1862 гг. // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 80–90.

[19] *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 94. Цифровые показатели приведены по соч.: *Лихачева Е.И.* Материалы для истории образования в России. Ч. IV: 1856–1880. С. 396; *Brower D.R.* Training the Nihilists... P. 211; *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении... С. 115; *Таубин Р.А.* Указ. соч. С. 84. (Правда, последний автор приводит цифру 450 вместо 407). См. также: *Krumbholz J.* Die Elementarschulbildung in Rußland bis zum Jahre 1864: Ein Beitrag zur Entstehung des Volksschulstatus vom 14. Juli 1864. Wiesbaden, 1982. S. 79. Здесь на июнь 1862 г. указано общее число воскресных школ – 316.

[20] *Zelnik R.E.* Op. cit. P. 157 и след. О мотивах и методах организации школ см. также: *Стасов В.В.* Указ. соч. (Здесь использованы записи сестры автора Надежды Васильевны, см. с. 84 и след.)

[21] *Трубникова М.В.* Воспоминания // ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 408. Л. 2–3 (Цитата – л. 2). См. также: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 86 и след.

[22] *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. I. С. 466 и след.

[23] *Щиглев В.Р.* Василий Иванович Водовозов // Русская старина. 1886. № 11. С. 411.

[24] *Кайдаш С.Н.* Сила слабых... М., 1989. С. 239.

[25] См. гл. V, п. 2.

[26] *Буланова-Трубникова О.К.* Три поколения. С. 87 и след.; *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 98 и след., где упомянуты и другие участницы этой инициативы.

[27] *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России... С. 163; *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 114 и след.

[28] *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 112.

[29] О мотивации этих действий см.: Там же. С. 112 и след. См. также: *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении... С. 118.

[30] *Zelnik R.E.* Op. cit. P. 170; Женские воскресные школы в С.-Петербурге // Первый женский календарь на 1905 г. С. 127; Педагогическая энциклопедия. Т. I. М., 1964. С. 383; *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. С. 258.

[31] *Калмыкова А.М.* Обрывки воспоминаний // Былое. 1926. № 1. С. 64.

[32] *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 488.

[33] См. гл. I, п. 3.

[34] Текст петиции Конради вошел в протоколы съезда, см.: Труды Первого съезда естествоиспытателей в Петербурге. СПб., 1868; отпечатан также в изд.: *Лихачева Е.И.* Указ. соч. С. 494 и след., цитата на с. 495; см. также: *Стасов В.* Указ. соч. С. 166 и след.; *Лапшина С.С.* Силою слова живого... М., 1992. С. 7 и след.

[35] *Лихачева Е.И.* Указ. соч. С. 496.

[36] О дискуссии относительно образования см.: Там же. С. 496 и след.; *Dudgeon R.A.* Women... P. 70 и след. (по воспоминаниям). О Шабановой см.: *Заблудовская Е.Д.* Одна из первых женщин врачей-педиатров в России А.Н. Шабанова // Педиатрия. 1957. № 6. С. 72 и след.

[37] О Ковалевской см.: гл. VI, п. 1; *Фигнер В.* Запечатленный труд. М., 1964. Т. 1. С. 106 и след. Другие примеры см.: *Dudgeon R.A.* Women... P.71 и след.; *Лихачева Е.И.* Указ. соч. С. 497.

[38] *Лихачева Е.И.* Указ. соч. С. 497 и след.; *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 172 и след. (текст петиции на с. 172); *Тыркова А.В.* Анна Павловна Философова и ее время // Сб. памяти Анны Павловны Философовой. Пг., 1915. Т. 1. С. 178 и след. (там же материал о Шабановой, как у В. Стасова); *Черкесова В.* Мария Васильевна Трубникова // Женское дело. 1899. № 12. С. 28 и след.; Елизавета Григорьевна Бекетова: Некролог // Первый женский календарь на 1904 г. С. 357–359; *Koblitz A.H.* Convergence of Lives. Sofia Kovalevskaia: Scientist, Writer, Revolutionary. Boston, 1983. P. 91 (здесь ошибка в дате).

[39] *Стасов В.В.* Указ.соч. С. 173.

[40] Текст см.: *Лихачева Е.И.* Указ. соч. С. 498 и след.

[41] *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 177 и след.; о протекании дискуссий – с. 178 и след.

[42] *Штакеншнейдер Е.А.* Дневник и записки (1854–1886). М.; Л., 1934. С. 419 и след. В делегацию должны были входить также Е.Н. Белозерская, С.М. Ворони-

на, С.М. Ткачева и О.А. Штофф. См.: Санкт-Петербургские высшие (Бестужевские) женские курсы за 25 лет. 1878–1903: Очерки и материалы. СПб., 1903. С. 25.

43 *Лапшина С.С.* Указ. соч. С. 10.

44 См.: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 243 и след.; *Dudgeon R.A.* Women... P. 82 и след.

45 См. подробности, основанные на архиве Некрасовой, в работе: *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении... С. 173 и след.

46 [*Mill J.St.*] [Письмо от 18.12.1868 г.] // [Mill J.St.] The Later Letters of John Stuart Mill 1849–1873 // Collected Works / Ed. by F.E. Mineka, D.N. Lindley. Vol. XVI. Toronto, 1972. P. 1527 и след.; *Лихачева Е.И.* Указ. соч. С. 507 и след. (по вопросу женского образования и об откликах общественности особ. с. 510). О ситуации в Англии, где женское движение, как и в России, также весьма интенсивно выступало за высшее образование женщин (хотя и не требуя всеобщего равенства полов в сфере высших учебных заведений), см.: *Bolt Ch.* The Women's Movements in the United States and Britain from the 1790s. N.Y., 1993. P. 117 и след., 162 и след. В 1869 г. был основан первый колледж для женщин в Кембридже, а в 1873 г. в Оксфорде. В Лондоне же доступ женщин к высшему образованию был весьма ограничен.

47 *Лихачева Е.И.* Указ. соч. С. 518, с документами; *Dudgeon R.A.* Women... P. 84 и след.; Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы – первый женский университет в России (1878–1918 гг.). М., 1980; *Филиппова Л.Д.* Из истории женского образования в России // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 209–218; *Johanson Chr.* Women's Struggle for Higher Education in Russia, 1855–1900. Kingston; Montreal, 1987. P. 42 и след.; см. также воспоминания первых поборниц движения, собранные в работе: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 235 и след.

48 Санкт-Петербургские высшие (Бестужевские) женские курсы за 25 лет. 1878–1903 г. СПб., 1903. С. 22.

49 *Dudgeon R.A.* Op. cit. P. 84.

50 Поскольку собственного здания у курсов не было, занятия проходили в разных местах; наконец в 1874 г. курсы расположились в одной из женских гимназий, которую не разрешалось посещать мужчинам. См.: Там же. P. 89.

51 Бестужевские курсы... С. 40.

52 *Тыркова А.В.* Анна Павловна Философова // Указ. соч. С. 211.

53 *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 488.

54 См.: Санкт-Петербургские высшие (Бестужевские) женские курсы...; *Сватиков С.* Русская студентка // Путь студенчества. М., 1926. С. 97.

55 После 1889 г. Аларчинские курсы продолжали работать под другим названием. См.: *Сватиков С.* Указ. соч. С. 96 и след.

56 *Dudgeon R.A.* Op. cit. P. 90 и след.; о расширении этой сферы в 70-е годы см.: Новый энциклопедический словарь: В 29 т. / Под общ. ред. К.К. Арсеньева. СПб., 1911–1916. Т. 17. Стб. 807 (ст. «Образование»); о киевских курсах см.: *Лихачева Е.И.* Указ. соч. С. 534 и след.

57 Детали см.: *Johanson Chr.* Women's straggle for Higher Education in Russia. P. 47 и след.; *Dudgeon R.A.* Op. cit. P. 96.

58 *Dudgeon R.A.* Op. cit. P. 91 и след.; *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении... С. 186.

59 *Лихачева Е.И.* Указ.соч. С. 619 и след.; *Буланова-Трубникова О.К.* Три поколения. С. 35.

60 *Дионесов С.М.* В.А. Кашеварова-Руднева... М., 1965. С. 53 и след. с указанием источников и цитатами из них.

61 Там же. С. 59 и след.

62 Там же. С. 60 и след. См. также: История развития медицины и здравоохранения в России: Обзор документальных материалов / Под ред. Б.Д. Петрова. М.; Л., 1958, особ. с. 17 и след.

63 См.: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы... С. 48; воспоминания о процессе обучения – там же, с. 81 и след.; о деятельницах комитета курсов – там же, с. 172 и след.; см. также: *Dudgeon R.A.* Op. cit. P. 131 и след.; *Johanson Chr.* Op. cit. P. 62 и след., 72 и след. Все названные работы содержат данные об организации и развитии курсов. К.Н. Бестужев-Рюмин был племянником декабриста М.П. Бестужева-Рюмина.

64 Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы... С. 46. и след.; *Dudgeon R.A.* Op. cit. P. 131 и след.

65 Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы... С. 252; *Павлюченко Э.А.* Указ. соч. С. 197.

66 *Стасова Н.В.* Памяти Марии Васильевны Трубниковой // Женское дело. 1899. № 12. С. 43–46 (здесь с. 45).

67 Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы... С. 124 и след.; С. 50 и след.; *Штакеншнейдер Е.А.* Дневник и записки (1854–1886). М.; Л., 1934. С. 421 и след.; *Калмыкова А.М.* Автобиография. С. 155.

68 См. с приведенными примерами: *Dudgeon R.A.* Op. cit. С. 345 и след.; см. также гл. V, п. 2. настоящей книги.

69 Подробности об обществах см. в работах: Женские и смешанные общества в С.-Петербурге // Первый женский календарь на 1900 г. С. 383–390; Русская женщина на государственной и общественной службе. М., 1901. С. 300 и след.; *Гессен В.* Общество // Энциклопедический словарь / Под ред. И.Е. Андреевского. Т. XXI. А. СПб., 1897. С. 628–633.

70 *Engelstein L.* The Keys to Happiness... P. 280 и след., цитата – P. 281; подробно о задачах общества: *Лаврентьева С.* Российское общество защиты женщин // Женское дело. 1900. № 4. С. 90–99; *Бородина А.Г.* Цели и задачи общества защиты женщин // Тр. Первого всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге, 10–16 дек. 1908 г. СПб., 1909. С. 56–65; О проституции в России: *Bernstein L.A.* Sonia's Daughters: Prostitution and Society in Russia. Ph. D. Berkeley, Ca., 1987.

71 *Bernstein L.A.* Op. cit. P. 412 и след; см. также: *Goldberg R.I.* The Russian Women's Movement... P. 323 и след.

72 *Herlihy P.* Russian Women and the Temperance Movement, 1890–1914: [Доклад на съезде] // Women in the History of the Russian Empire. Akron; Kent, Ohio, 1988. P. 1–26, особ. 10 и след. См. также: *Tuchtenhagen R.* Abstinenz als Aufklärung. Antialkoholkampagnen im Zarenreich 1894–1914 // Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Rußland in der Spätphase des Zarenreiches / Hrsg. vom H.P. Haumann. Frankfurt/Main, 1994. S. 272–295.

73 См. содержащий статистические данные доклад женщины-врача: *Волькенштейн В.А.* Практическая роль женщины в активной борьбе с алкоголизмом в России: влияние на мать и потомство // Тр. Первого всероссийского женского съезда при русском женском обществе в С.-Петербурге, 10–16 дек. 1908. СПб., 1909. С. 349–359. О проблеме алкоголизма в целом. см.: *Segal B.M.* Russian Drinking. Use and Abuse of Alcohol in Pre-revolutionary Russia. New Brunswick, 1987. Обзор движения в России за снижение употребления алкоголя см. в работе: *Snow G.E.* Temperance Movement in Russia // The Modern Encyclopedia of Russian

and Soviet History: 56 vol. / Ed. by J.L. Wieczynski. Gulf Breeze, 1976. Vol. 38. P. 226–233.

[74] *Herlihy P.* Op. cit. P. 9 и след.

[75] Там же. P. 7; *Волкова М.* Общество охранения здоровья женщин // Женское дело. 1899. № 8. С. 108–115; *Чебышева-Дмитриева Е.* Роль женщины в борьбе с алкоголизмом. СПб., 1904.

[76] Труды Первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством: СПб., 1910. Здесь прежде всего т. 3. С. 1193–1200.

[77] *Herlihy P.* Op. cit. P. 15 и след.

[78] См.: Труды Первого всероссийского женского съезда... С. 343 и след., особ.: *Волькенштейн В.А.* С. 358 и след.

[79] Цит. по: *Herlihy P.* Op. cit. P. 17 и след. См. также: Труды Первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством. Т. 2. С. 532 и след.

[80] *Stites R.* Op. cit. P. 191.

[81] Аналогичное мнение выражено в соч.: *Evans R.J.* The Feminists... P. 112 и след.

[82] См. об этом введение к настоящей книге с цитированной в нем литературой.

2

Политическое женское движение до 1917 года

[1] Устав «Русского женского взаимно-благотворительного общества» // Первый женский календарь на 1899 г. С. 95–100.

[2] Об истории основания общества см.: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 438 и след.; об обществе в целом: *Литвинова Е.* а), б), в) и г) Русского женского взаимно-благотворительного общества // Женское дело. 1988. № 1. С. 134–142; № 2. С. 140–148; № 4. С. 144–151; см. также: *Чебышева-Дмитриева Е.А.* О Русском женском взаимно-благотворительном обществе // Тр. Первого всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге, 10–16 дек. 1908 г.; СПб., 1909. С. 586–593.

[3] *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 441 и 443; аналогичные сведения в соч.: *Шабанова А.Н.* Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 6 и след.

[4] См. воспоминания Философовой: *Тыркова А.В.* Анна Павловна Философова... // Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Т. I. Пг., 1915. С. 379 и след.

[5] Русское женское взаимно-благотворительное общество. С. 91–95 (здесь 91).

[6] *Тыркова А.В.* Указ. соч. С. 382.

[7] Русское женское взаимно-благотворительное общество. С. 94.

[8] *Чебышева-Дмитриева Е.А.* Указ. соч. С. 588 и след.

[9] Такого неверного мнения придерживается Р. Стайтс. См.: *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia... P. 191 и след. По-видимому, автор в данном случае принял сторону А. Тырковой или А. Коллонтай, которые были противницами женского союза.

10 В этом журнале см. прежде всего рубрику «Иностранные отголоски». Журнал издавала и выпускала А.Н. Пешкова-Толиверова, которая в 1894–1902 гг. участвовала в издании педагогического журнала «На помощь матерям». «Женское дело» выходило в С.-Петербурге в 1899–1900 гг. См.: *Dudgeon R.A.* Women... P. 350, а также: Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. М., 1959. С. 237. О международных связях см.: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 208.; *Goldberg R.* The Women's Movement: 1859–1917. N.Y., 1976. P. 71 и след.

[11] О Л.Я. Гуревич см.: Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. II. М., 1989. С. 58 и след.; *Dudgeon R.A.* Op. cit. P. 346 и след.; *Edmondson L.H.* Feminism in Russia, 1900–1917. L., 1984. P. 34 и работа в целом.

[12] О женском движении с 1905 по 1917 г. см. прежде всего: *Goldberg R.* Op. cit. P. 86 и след.; *Stites R.* Op. cit. P. 198 и след.; *Edmondson L.H.* Op.cit. В дальнейшем изложении движение описывается на основе уже имеющихся исследований и главных источников, с помощью которых полученные ранее научные сведения должны перепроверяться и частично иллюстрироваться.

[13] Программа женской прогрессивной партии // Женский вестник. 1906. № 1. С. 26–29; *Покровская М.И.* Задача женской прогрессивной партии // Там же. № 3. С. 65–69.

[14] См.: *Goldberg R.* Op. cit. P. 128 и след.; *Stites R.* Op. cit. P. 202 и след. Предлагаемая Р. Стайтсом политическая характеристика женской партии как стоящей между «Женским обществом» и «Союзом женщин» представляется проблематичной. Гольдберг считает женскую партию наиболее радикальной; эта оценка основана на экономической программе партии (с требованиями ликвидации несправедливого накопления богатств и справедливой заработной платы). Перед исследователями еще стоит задача выявить те влияния, под действием которых партия выработала свою политическую и феминистскую программу.

[15] О «Союзе союзов» см.: *Sanders J.E.* The Union of Unions: Political, Economic, Civil and Human Rights Organizations in the 1905 Russian Revolution. Vol. I–III. Ph.D. Columbia University (Ann Arbor), 1985; *Galai S.* The Role of the Union of Unions in the Revolution of 1905 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 24. 1976. S. 512–525; относительно освободительного движения в целом: *Galai S.* The Liberation Movement in Russia 1900–1905. Cambridge, 1973.

[16] *Sanders J.E.* Op. cit. Vol. II. P. 641 и след., 660 и след.; *Edmondson L.H.* Op. cit. P. 31 и след.; *Idem.* Women's Rights, Civil Rights and the Debate over Citizenship in the 1905 Revolution // Women and Society in Russia and the Soviet Union / Ed. by L. Edmondson. Cambridge, 1992. P. 78–100.

[17] Цит. по: *Sanders J.E.* Op. cit. Vol. II. P. 664 и след.

[18] О программе «Союза» и самосознании его членов см.: *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. М., 1908. С. 4 и след.; цифровые данные взяты из соч.: *Sanders J.E.* Op. cit. Vol. II. P. 657 и след., а также с. 671 и след.; кроме того см.: *Гришина З.В.* Движение за политическое равноправие женщин в годы Первой российской революции // Вестник МГУ. Сер. 8. 1982. № 2. С. 33–42; *Goldberg R.* Op. cit. P. 98 и след.; относительно более поздних политических конфликтов в «Союзе равноправия женщин» см.: *Edmondson L.* Feminism in Russia, 1900–1917. P. 49 и след., а также работу в целом.

[19] *Goldberg R.* Op. cit. P. 97 и след.

[20] Подробности см.: *Sanders J.E.* Op. cit. Vol. II. P. 680 и след. Относительно особого положения «Союза равноправия женщин» в «Союзе союзов» как организации не чисто профессионального направления см.: Там же. P. 641 и след.

[21] См.: *Edmondson L.H.* Op. cit. P. 45 и след.

[22] *Шабанова А.Н.* О деятельности за 1906 г. Русского женского взаимно-благотворительного общества в С.-Петербурге // Первый женский календарь на 1907 г. Ч. V. С. 370–373.

[23] *В.Н.* Всероссийский союз равноправия женщин, 1905–1906 // Там же. С. 355–362. Здесь имеются точные сведения о региональных филиалах союза, в том

числе в Польше, Литве и Финляндии, а также список агитационных текстов, изданных «Союзом».

24 *Мирович Н.* Указ. соч. С. 26 и след.; *Edmondson L.H.* Op. cit. P. 52, 58; *Goldberg R.* Op. cit. P. 96 и след.; о привлечении работниц промышленности в той же работе – p. 106 и след.

25 Проект о женском равноправии // Первый женский календарь на 1907 г. С. 378 и след.

26 См.: *Гуревич Л.* Проект законоположений о женском вопросе в Государственной думе // Там же. С. 374–421, здесь 374 и след., 379 и след.

27 См.: *Edmondson L.H.* Op. cit. P. 71.; о женском вопросе в Государственной думе вообще см.: Женский вопрос в Государственной думе. СПб., 1906.

28 *Edmondson L.H.* Op.cit. P. 71 и след. Здесь указанный аспект по праву подчеркнут сильнее, чем в работе: *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia, в частности p. 211 и след. Журнал международного женского движения за избирательное право «Jus suffragii» («Право суфражисток») тоже использован Л. Эдмондсон, поскольку русские феминистки могли в нем выступать без цензурных ограничений; здесь приводятся впечатляющие свидетельства разгула репрессий. См., напр., «Jus suffragii» от 15.04.1910 г., где Мирович сообщает, что политическая реакция особенно сильно воздействует на молодое поколение, и осуждает его пассивное поведение. Об этом см. также номер «Jus suffragii» от 15.01.1911 г.

29 *Edmondson L.H.* Op. cit. P. 75 и след., 79 и след.; *Idem.* Russian Feminists and the First All-Russian Congress of Women // Russian History / Histoire Russe. 1976. № 2. P. 123–149. Здесь справедливо критикуется оценка затронутых проблем Р. Стайтсом (*Stites R.* The Women's Liberation Movement, особ. p. 123 и след.)

30 См. оптимистическое сообщение о сознании крестьянства на примере Черноземной зоны в работе: *Кудрин Р.* Деревенский феминизм наших дней // Первый женский календарь на 1908 г. Ч. V. С. 4–8; см. также: *Бобылева А.* Женские настроения в провинции // Женский вестник. 1909. № 4. С. 92 и след., здесь 92. Статистические данные о съезде имеются в работах: *Edmondson L.H.* Feminism in Russia... P. 87 и след.; *Goldberg R.L.* Op. cit. P. 182 и след.

31 Труды Первого всероссийского женского съезда при Русском женском взаимно-благотворительном обществе в С.-Петербурге, 10–16 дек. 1908 г. СПб., 1909, особ. с. X и след. См. также: Kurzer Überblick der Tätigkeit des I. Allgemeinen russischen Frauenkongresses in Petersburg vom 10–16. Dezember 1908. Zussamengestellt von E. Gontscharoff (Aus dem Russ.). Leipzig, 1910.

32 См.: The Little Grandmother of the Russian Revolution: Reminiscences and Letters of Catherine Breshkovsky. 3d ed. / Ed. by A.S. Blackwell. Boston, 1918. P. 31, 37 и след.; Брешко-Брешковская доверила заботу о сыне сестре мужа.

33 *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. II. С. 212 и след. Чтобы обобщить цифровые данные, следует привести статистику, касающуюся семейного положения выпускниц Высших женских курсов в С.-Петербурге. Судя по ее итогам, из женщин, закончивших курсы в 1901 г., замужних было 69%, а в 1912 г. – 77,5%. См.: *Dudgeon R.A.* The Forgotten minority... // Russian History / Histoire Russe. 1982 /1. P. 12.

34 Труды Первого всероссийского женского съезда... СПб., 1909. С. 374 и след., 549 и след.; о браке особ. 374 и след.; о материнстве 367 и след. См. также: *Edmondson L.H.* Feminism in Russia... P. 95 и след. Эта исследовательница критикует дискуссии, считая, что добиться единства позиций было невозможно. Но в положительном ключе следует отметить, что, как свидетельствуют многие инициативы, женское движение обрело значительную политическую и социальную широту. См. также: *Goldberg R.L.* Op. cit. P. 199 и след., особ. 213 и след. о дискуссиях на съезде; об общественных откликах на проведение съезда см. с. 246 и след. О дифференциации женского самосознания см. работы начала XX в., в частности: *Переверзев В.* Новые штрихи в женском движении // Женское дело. 1913. № 37. С. 2–4; *Лянды Ф.* Женщина и кухня // Женское дело. 1911. № 6. С. 5–7; *Аспасиа.* Беседа с читательницами // Там же. 1915. № 16. С. 14. Относительно требований Союза женщин, органа Союза равноправия женщин, см.: *Beeken M.* Die Frauenfrage im vorrevolutionären Russland: Eine Zeitschriftenanalyse. Magisterarbeit am Institut für osteuropäische Geschichte und Landeskunde der Geschichtswissenschaftlichen Fakultät. Tübingen, [ohne Jahr]. По проблематике в целом см.: *Edmondson L.* Women's Emancipation and Theories of Sexual Difference: The Debate Among Feminists in Russia before 1917. Akron; Kent, Oh., 1988.

35 *Stites R.* Op. cit. P. 240 и след. – о принципах русской социал-демократии в отношении женского вопроса на основе соч.: *Крупская Н.К.* Женщина-работница. Лейпциг, 1901. О пролетарском женском движении в целом см.: *Meyer A.G.* Marxism and the Women Movement // Women in Russia / Ed. by D. Atkinson, A. Dallin, G. Lapidus. Hassocks, 1978. P. 85–112; о тактике движения см.: *Коллонтай А.М.* Из моей жизни и работы: Воспоминания и дневники. М., 1974. С. 111 и след.; *Она же.* Женщина-работница в современном обществе // Труды Первого всероссийского женского съезда... СПб., 1909. С. 712–800. См. также: *Edmondson L.* Russian Feminists and the First All-Russian Congress of Women, особ. p. 135 и след.; *Idem.* Feminism in Russia, 1900–1917. P. 88, 100 и след.; *Goldberg R.L.* Op. cit. P. 196 и след.

36 *Коллонтай А.М.* Указ. соч. С. 114 и след.; *Edmondson L.H.* Feminism in Russia... P. 101 и след.

37 *Ross D.* The Role of the Women Petrograd in War, Revolution and Counter-Revolution, 1914–1921. Ph. D. Rutgers University, N. J., 1973 (Ann Arbor, 1974). P. 94 и след.; *Stites R.* Op. cit. P. 254 и след.; *Fieseler B.* Frauen auf dem Weg in die russische Sozialdemokratie, 1890–1917. Eine kollektive Biographie. Stuttgart, 1995. S. 246 и след.; *Clements B.E.* Bolshevik Women. Cambridge, 1997. P. 131 и след.

38 *Ross D.* Op. cit. P. 118 и след.; *Bobroff A.L.* Working Women, Bounding Patterns and the Politics of Daily Life: Russia at the End of the Old Regime. Vol. 1–2. University of Michigan (Ann Arbor), 1982. P. 553 и след.

39 *Чехова М.* К читателям журнала // Союз женщин. 1909. № 12. С. 1 и след.; см. также: *Goldberg R.L.* Op. cit. P. 264 и след. Об интеллектуальном, рассчитанном на узкий круг читающей публики, характере журнала см.: *Beeken M.* Op. cit. S. 131 и след.

40 The International Congress of Women. London, 1899 / Ed. by Countess of Aberdeen. L., 1900. P. 323.

41 См.: *Edmondson L.H.* Feminism in Russia... P. 109 и след. Здесь также имеются сведения о членстве «Союза равноправия женщин» в «Международном женском альянсе суфражисток» (International Women Suffrage Alliance).

42 Устав общества под названием «Российская лига равноправия женщин». СПб., 1911. Согласно уставу общее собрание избирало совет сроком на три года, как это было и в «Русском женском взаимно-благотворительном обществе». См. с. 4 устава и след.

43 *Райх М.* Цели и задачи «Российской лиги равноправия женщин» // Женское дело. № 1. С. 18–21.

44 В исторических исследованиях еще нет анализа этого журнала. Мы не имеем возможности разбирать отдельные позиции в данной книге. Общие сведения о журнале «Женское дело» (1910–1917 гг., когда издателем был Л.М. Родионов) имеются в работе: *Goldberg R.L.* Op. cit. P. 270 и след.

45 Русское женское взаимно-благотворительное общество насчитывало около 600 членов. См.: Отчет деятельности Русского женского взаимно-благотворительного общества // Первый женский календарь на 1914 г. Из прошлого и настоящего. С. 325–328.

46 О дальнейшей агитации за женское избирательное право см.: *Goldberg R.L.* Op. cit. P. 281 и след.

47 О работе Российской лиги равноправия женщин в комиссиях и о ее председателях см.: *Депп Р.Л.* Российская лига равноправия женщин // Первый женский календарь на 1913 г. С. 11–16; Деятельность Российской лиги равноправия женщин в Петербурге // Там же. 1914. С. 333–337; *Лучинская А.В.* Новые законы о расширении прав женщин // Там же. 1913. С. 1–6; *Goldberg R.L.* Op. cit. P. 289 и след.; *Edmondson L.H.* Feminism in Russia... P. 136 и след., 146 и след., 152 и след.

48 Женщины взамен мужчин // Женское дело. С. 10.

49 Об этом см. прежде всего: *Meyer A.G.* The Impact of World War in Russian Women's Lives. Akron; Kent, Oh., 1988. P. 2 и след. со статистическими данными.

50 *Meyer A.G.* Op. cit. P. 11 и след.

51 См.: *Stites R.* Op. cit. P. 279 и след.; *Meyer A.G.* Op. cit. P. 19 и след. Данные основаны на многочисленных сообщениях в «Женском вестнике».

52 См.: *Abraham R., Mariia L.* Bochkareva and the Russian Amazons in Russia and the Soviet Union / Ed. by L. Edmondson. Cambridge, 1992. P. 122–144; *Анчарова М.* Батальон смерти // Женское дело. 1917. № 15. С. 1 и след.

53 *Stites R.* Op. cit. P. 285 и след.

54 Ibid.; *Goldberg R.L.* Op. cit. P. 346 и след. Здесь же приводятся сведения о других акциях.

55 *Stites R.* Op. cit. P. 291 и след.; *Edmondson L.H.* Feminism in Russia... P. 164.

56 См.: Official Sanction for National Council of Women // Jus suffragii. 01.05.1917. P. 120; National Council of Women // Ibid. 01.01.1918. P. 61. Об учредительном съезде см.: *Ал. В.* Женский делегатский съезд // Женское дело. 1917. № 8. С. 14 и след.; *Stites R.* Op. cit. P. 292.

57 *Goldberg R.L.* Op. cit. P. 354; см. также: *Chabanov A.* (т. е. А. Шабанова). Russia // Jus suffragii. 01.05.1917. P. 119.

58 *Гуревич Л.Я.* Почему нужно дать женщинам такие же права, как мужчинам? Пг., 1917. С. 2. Мы цитируем по: *Goldberg R.L.* Op. cit. P. 356; *Edmondson L.H.* Feminism in Russia... P. 165 и след.; *Stites R.* Op. cit. P. 292 и след.

59 *Edmondson L.H.* Op. cit. P. 166.

60 Закон о выборах в Учредительное собрание, официально утвержденное Временным правительством 20 июля 1917 г. Пг.; М., 1917; *Stites R.* Op. cit. P. 294; *Edmondson L.H.* Op. cit. P. 167, 172; женское избирательное право было введено в Англии в 1918 г. с ограничением по возрасту, в 1928 г. – без ограничений, в Германии – в 1918 г., в США – в 1920 г. и во Франции – в 1944 г.

61 *Goldberg R.L.* Op. cit. P. 357 и след.

62 В. Фигнер выступала также в «Первом женском календаре» со статьями о движении за женское избирательное право в Финляндии и Англии. См.: *Фигнер В.Н.* Женское движение в Финляндии // Первый женский календарь на 1908 г. С. 9–17; *Она же.* Женское движение в Англии // Там же. 1909. С. 99–117.

63 Mme Breshko-Breshkovskaia // Jus suffragii. 01.06.1917. P. 134. Ср. также ее позицию по отношению к Учредительному собранию: *Брешко-Брешковская Е.К.* Что делать в Учредительном собрании? Пг., 1917. С. 1–8. Автор призывала женщин к участию в выборах, но особых женских требований не выдвигала.

64 Профессия Е.И. Моллесон указана не была. См.: List of Women Candidates // Jus suffragii. 01.03.1918. P. 94; см. также: *Stites R.* Op. cit. P. 301.

65 При выборах в Учредительное собрание в Петрограде список женщин состоял из 5310 фамилий, тем самым эта группа была девятой по количеству голосов, но последние не имели никакой силы в сравнении с почти полумиллионом голосов, подававшихся за большевиков. См.: *Radkey O.H.* The Election of the Russian Constituent Assembly of 1917. Cambridge, 1950. P. 34. Девять женщин, заседавших в Учредительном собрании, получили эти места, в частности, через партию эсеров (Екатерина Брешко-Брешковская и Вера Фигнер) или большевиков (Александра Коллонтай). См.: Всероссийское Учредительное собрание / Подгот. к печати И.С. Малчевский. М.; Л., 1930. С. 116 и след.

Заключение

Эмансипация женщин как фактор модернизации общества

1 См. особенно выдающуюся компаративистскую работу о раннем женском движении в США, Франции и Англии: *Rendall J.* The Origins of Modern Feminism: Women in Britain, France and the United States 1780–1860. 2nd ed. Houndmills, Basingstoke, 1990. P. 321 и след., а также работа в целом.

2 *Geyer D.* Zwischen Bildingsbürgertum und Intelligenzia: Staatsdienst und akademische Professionalisierung im vorrevolutionären Rußland // Bildungsbürgertum im 19. Jahrhundert / Hrsg. von W. Conze, J. Kocka. Teil I. Bildungssystem und Professionalisierung in internationalen Vergleichen. Stuttgart, 1985. S. 211, 217 – со статистическими данными; *Monas S.* The Twilit Middle Class of Nineteenth-Century Russia // Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / Ed. by W. Clowes, D. Kassow, J.L. West. Princeton; N.J., 1991. P. 28–37, особ. p. 31 и след.

3 Из новых работ см.: поиск бюргерско-буржуазных элементов в обществе позднего периода Российской империи в кн.: Between Tsar and People, в частности в статьях таких авторов, как Gleason, Monas, Kassow, West, Clowes, Wagner, Timberlake. См. также материалы о «самостоятельных мерах по организации и инициативе снизу» в кн.: Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat Russland in der Spätphase des Zarenreichs / Hrsg von H. Haumann, St. Plaggenburg;. Frankfurt/Main, 1994. Einleitung. S. 9–12, цитата – S. 10; см. также: *Bayer W.* Die Moskauer Medici. Der russische Bürger als Mäzen, 1850–1917. Wien, 1996. S. 36 и след. Автор этой работы говорит об обретении русским обществом атрибутов бюргерства-буржуазии («sich verbürgerlichende Gesellschaft») и выступает за использование понятия «становление общественности» («Vergesellschaftung») для характеристики изменения структуры общества.

4 См. гл. I, п. 2; враждебная по отношению к буржуазии позиция еще раз подчеркнута в работе: *Monas S.* Op. cit. P. 28.

5 *Lepsius M.R.* Bürgertum als Gegenstand der Sozialgesellschaft // Lepsius M.R. Demokratie in Deutschland. Göttingen, 1993. S. 289–302, цитата (S. 291) взята из ра-

боты: *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie. 5. Aufl. Tübingen, 1980. S. 177 и след., 531 и след.; здесь объясняются корни различных интересов трех видов бюргерства-буржуазии.

6 См.: Between Tsar and People. Part II: The Search for a Russian Bourgoisie. P. 41 и след.; *Monas S.* Op. cit. P. 32 и след. Здесь немногочисленный слой предпринимателей характеризуется как динамичный и перспективный.

7 См. об этом гл. I, п. 2.

8 О понятии «общественность» см.: *Gleason A.* Between Tsar and People / Ed. by W. Clowes et al. Автор подчеркивает, что в русском языке нет адекватного соответствия для перевода слова «Öffentlichkeit». См. также «Введение» (Introduction) в работу «Between Tsar and People» (авторы введения – D. Kassow, J.L. West, W.C. Clowes; название – «The Problem of the Middle in Late Imperial Russia»; p. 3–14).

9 Это подчеркнуто в работе: *Geyer D.* Der russische Imperialismus. Studenten über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik 1860–1914. Göttingen, 1977. S. 27 и след.

10 См. гл. I, п. 2, а также упомянутое в прим. 8 введение, S. 6 и след. Понятие «общество» («Gesellschaft») употреблено здесь как «civil society» (гражданское общество) в англосаксонской традиции, а именно как публичное пространство, в котором индивиды самостоятельно сплачиваются и интегрируются с сознанием ответственности перед обществом. Об истории понятия см.: *Dubiel H.* Ungewißheit und Politik. Frankfurt/Main, 1994. S. 70 и след.

11 О раннем бюргерстве-буржуазии см. прежде всего в работах: *Gall L.* Von der ständischen zur bürgerlichen Gesellschaft. München, 1993. S. 47; *Lepsius M.P.* Op. cit. S. 290; *Kocka J.* Bürgertum und Bürgerlichkeit als Probleme der deutschen Geschichte vom späten 18 zum frühen 20 Jahrhundert // Bürger und Bürgerlichkeit in 19. Jahrhundert / Hrsg. v. J. Kocka. Göttingen, 1987. S. 21–63, здесь 26 и след. В связи с этими материалами следует особенно подчеркнуть, что служение народу в России было не более чем постулатом для старой дворянской интеллигенции, как и для движения народников.

12 Это подчеркнуто в работе: *Hagen M.* Die Entfaltung der politischen Öffentlichkeit in Rußland 1906–1914. Wiesbaden, 1982. S. 364 и след.

13 О собственной ответственности и заинтересованности в действиях как существенных компонентах становления гражданской среды, сопровождающегося освобождением человека от внутренней связи с «усвоенными в жизни обычаями», см.: *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie. 5. Aufl. Tübingen, 1980. Особ. S. 15.

14 *Zebrikoff M.* Russia // The Women Question in Europe. Series of Original Essays / Ed. by Th. Stanton. L., 1884. P. 390–423; цитата со с. 393. К дискуссии о преимуществе отсталости недавно снова обратился один из историков, см.: *Hildermeier M.* Das Privileg der Rückständigkeit. Anmerkungen zum Wandel einer Interpretations-figur der neueren russischen Geschichte // Historische Zeitschrift. 1987. Bd. 244. S. 557–603. Здесь вновь приняты тезисы А. Гершенкрона. См.: *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, Mass., 1962. P. 5–30.

15 Эта область еще совершенно не исследована. Но даже беглый просмотр газет и журналов начала XX в. показывает, что, например, домашнее хозяйство, воспитание детей, мода, гигиена, досуг (спортивные занятия и т. п.) были обращены к новым гражданским формам культуры.

16 *Balzer.* The Problems of Professions in Imperial Russia // Between Tsar and People. P. 183–198, здесь p. 183 и след.

Приложения

I. Основные представительницы женского движения в России (по группам)

I. Женщины без профессионального образования, занимавшиеся главным образом деятельностью в области литературы; передовые поборницы женского образования

Мария Васильевна Ивашева, в замужестве **Трубникова**, 1835 г. р.
Евгения Ивановна Бочечкарова, в замужестве **Конради**, 1838 г. р.
Мария Константиновна **Цебрикова**, 1835 г. р.

II. Женщины профессионально квалифицированные; работали главным образом в области педагогики; свою трудовую деятельность в значительной мере ставили на службу женскому движению

Елизавета Николаевна Цевловская, в замужестве **Водовозова**, затем **Семевская**, 1844 г. р.
Александра Михайловна Чернова, в замужестве **Калмыкова**, 1849 г. р.
Христина Даниловна Журавлева, в замужестве **Алчевская**, 1841 г. р.

III. Первые женщины с высшим образованием; ведущие фигуры движения за женское образование

Надежда Прокофьевна Суслова, в замужестве **Эрисман**, затем **Голубева**, 1843 г. р.
Софья Васильевна Корвин-Круковская, в замужестве **Ковалевская**, 1850 г. р.
Варвара Александровна Нафанова, в замужестве **Кашеварова-Руднева**, около 1848 г. р.

IV. Представительницы движения за женское образование; перешли в революционное освободительное движение; на определенных этапах своей политической борьбы поддерживали женское движение

Вера Николаевна **Фигнер**, 1852 г. р.
Анна Васильевна Корвин-Круковская, в замужестве **Жаклар**, 1843 г. р.
Екатерина Константиновна Вериго, в замужестве **Брешко-Брешковская**, 1844 г. р.

II. Таблицы

1. Развитие среднего школьного образования: мужские гимназии и ученики[1]

Год	Число гимназий	Число учеников
1851	77	18 500
1856	78	19 500
1861	85	26 300

Год	Число гимназий и прогимназий	Число учеников
1885	241	71 600
1900	242	82 700
1913	460	152 100

2. Социальное происхождение гимназистов, %[2]

Год	Дворяне и чиновники	Духовенство	Городские слои[3]	Крестьянские слои[4]	Иностранцы	Прочие
1881	47,5	5,2	37,2	8,0	2,1	–
1894	56,4	3,4	31,6	6,0	1,7	0,9

3. Социальное происхождение гимназистов и учеников прогимназий, %[5]

Год	Дворяне и чиновники	Духовенство	Городские слои	Крестьянские слои	Иностранцы	Прочие
1914	32,5	5,6	36,8	22,0	1,0	2,3

4. Рост числа учеников реальных училищ[6]

Год	Число учащихся (тыс.)	% от числа учащихся в 1876 г.
1876	8,3	100
1882	17,5	211
1895	26,0	313
1904	46,4	559
1907	55,5	669
1914	80,8	973

5. Социальное происхождение учеников реальных училищ, %[7]

Год	Дворянство и чиновники	Духовенство	Городские слои	Крестьянские слои
1876	51,4	2,8	35,5	7,6
1895	37,4	0,8	43,8	11,8
1914	22,6	2,9	39,1	32,1

6. Рост числа учениц в женских гимназиях и прогимназиях[8]

Год	Число учениц (тыс.)	Год	Число учениц (тыс.)
1873	23,0	1906	182,2
1880	42,7	1907	200,8
1883	55,1	1913	303,7
1893	65,5	1914	323,6
1903	137,0		

7. Социальное происхождение гимназисток, %[9]

Год	Дворянство и чиновники	Духовенство	Городские слои	Крестьянские слои
1904	32,0	4,4	47,4	14,2
1914	21,7	4,8	44,6	25,5

8. Изменение числа студентов в университетах[10]

Год	Число учащихся (тыс.)	% от числа учащихся в 1882 г.
1882	9,9	100,0
1886	12,9	130,3
1890	12,2	123,2
1895	14,0	141,4
1900[11]	16,8	169,7
1906	31,8	321,2
1909	38,6	389,9
1913	35,7	360,6

9. Социальное происхождение студентов в 1864/65 уч. г.[12]

	Дворянство и чиновники	Духовенство	Городские слои	Крестьянские слои	Прочие
В абсолютных цифрах	2744	388	364	570	18
В процентах	67,2	9,5	8,9	14,0	0,4

10. Социальное происхождение студентов в 1880–1913 гг., %[13]

Год	Дворянство и чиновники[14]	Духовенство	Городские слои[15]	Крестьяне	Прочие
1880	46,7	23,4	21,5	3,2	5,2
1907	45,1	11,2	34,4	6,9	2,4
1913[16]	36,0	10,3	35,2	13,3	5,0

11. Интеллигенция в сферах материального производства (данные переписи населения 1897 г.)[17]

Специальность	Мужчины	Женщины	Всего
Промышленность			
Инженеры и технологи	4 006	4	4 010
Механики, техники, машинисты	35 113	12	35 125
Чертежники, переписчики, переводчики	29 204	1 132	30 336
Железные дороги			
Начальники станций и другие руководители, бригадиры участков	15 038	206	15 244
Служащие предприятий железнодорожного транспорта и судоходства	6 762	1 178	7 940
Конторские служащие, кондуктора (проводники), машинисты и др.	66 028	1 531	67 559
Почтовая и телеграфная служба			
Служащие высокого ранга	12 749	78	12 827
Телеграфисты, телефонисты, почтальоны	25 730	2 374	28 104
Сельское хозяйство			
Агрономы, лесоводы, землемеры		Нет данных	
Ветеринары	2 897	5	2 902

12. Интеллигенция в секторе культуры (данные переписи населения 1897 г.)[18]

Профессия / Род занятий	Мужчины	Женщины	Всего
Сфера воспитания			
Руководители и преподаватели учебных заведений	50 560	28 922	79 482
Преподаватели искусств и ремесел	3 471	4 394	7 865
Прочие преподаватели	2 196	2 193	4 389
Служащие канцелярий в учебных заведениях	1 614	331	1 945
Частные учителя	49 598	20 575	68 173
Частные воспитатели	1 674	9 314	10 988
Медицинские учреждения			
Директора лечебных учреждений, врачи	13 162	608	13 770
Зубные врачи	1 256	590	1 846
Военные врачи	3 186	–	3 186
Акушерки и низший медицинский персонал	–	9 778	9 778
Аптекари, провизоры	8 478	245	8 723
Фельдшеры и т. д.	28 289	2 670	30 959
Прочие			
Представители искусства	13 538	4 716	18 254
Ученые и писатели	3 012	284	3 296
Всего	16 550	5 000	21 550

13. Сотрудники государственного аппарата и аппарата управления в капиталистической экономике (данные переписи населения 1897 г.)[19]

Род занятий	Мужчины	Женщины	Всего
Государственные органы			
Чиновники административных, судебных и других инстанций	53 096	–	53 096
Избранные служащие в органах земства, городов и дворянства	5 625	–	5 625
Служащие в конторах административных и судебных органов	44 481	1 972	46 453
Служащие в органах земства, городов и дворянства	45 299	872	46 171
Служба по частному найму у капиталистов и помещиков			
Служащие при частных лицах (управляющие, секретари и т. п.)	124 450	4 023	128 473
Административные служащие на промышленных и торговых предприятиях	54 096	4 961	59 057
Служащие в банках и страховых компаниях	16 373	720	17 093
Частная профессиональная деятельность в правовой сфере			
Адвокаты и нотариусы	8 931	–	8 931
Служащие в конторах адвокатов и нотариусов	3 243	299	3 542

Примечания

1 Данные заимствованы из работы: *Рашин А.Г.* Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. // Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 28–80, здесь с. 70 и след., табл. 44–46.

2 Там же. С. 73. Табл. 50.

3 Там же. С. 74. Табл. 51.

4 Понятие «городские слои» охватывает представленные в работе Рашина данные о почетных гражданах, купцах, мелкой буржуазии и ремесленниках.

5 Понятие «крестьянские слои» объединяет приведенные Рашиным данные о казаках и крестьянах.

6 *Рашин А.Г.* Указ. соч. С. 75. Табл. 52.

7 Там же. С. 75. Табл. 53.

8 Там же. С. 76. Табл. 54.

9 Там же. С. 76. Табл. 55.

10 Там же. С. 77. Табл. 56 и 57.

11 Процентные данные рассчитаны по табл. 57 (указ. соч.).

12 Там же. С. 78. Табл. 58.

13 Там же. Табл. 59.

14 Наследственное и личное дворянство представлены Рашиным в некоторых аспектах раздельно, в нашей же таблице данные объединены.

15 См. прим. 6.

16 Сумма этих данных составляет в работе не 100, а только 99,8%.

17 Числовые данные указаны по работе: *Ерман Л.К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 9. Табл. 1.

18 *Рашин А.Г.* Указ. соч. С. 11. Табл. 2.

19 Там же. С. 13. Табл. 3.

Список источников и литературы[1]

I. Источники

А. Неопубликованные архивные материалы

Архив Российской академии наук (РАН), Московское отделение

Ф. 518. Вернадский Владимир Иванович.
Оп. 6а: Вернадская Мария Николаевна.
Ф. 603. Ковалевская Софья Владимировна. Оп. 1–2;
Оп. 3: Материалы Юлии Всеволодовны Лермонтовой.
Ф. 605. Сеченов Иван Михайлович. Оп. 2;
Оп. 3: Материалы Марии Александровны Боковой-Сеченовой.

Архив Российской академии наук (РАН), Санкт-Петербургский филиал

Ф. 768. Ковалевская Софья Васильевна. Оп. 1.

Государственный архив Нижегородской области (ГАНО)

Ф. 2. Канцелярия Нижегородского губернатора (1798–1917). Оп. 2–6, 48, 49.
Ф. 342. Нижегородское городское полицейское управление, г. Н. Новгород (1862–1917). Оп. 1.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Москва

Ф. 109. Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, Санкт-Петербург, 1826–1880:
1-я экспедиция. Оп. 25–45 (1860–1870);
3-я экспедиция. Оп. 111–165 (1871–1877);
Секретный архив. Оп. 1–3 (1860–1880).
Ф. 272. Следственная комиссия и Верховный уголовный суд по делу о покушении на Александра II, Санкт-Петербург (1866). Оп. 1.

Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО)

Ф. 569. Канцелярия С.-Петербургского градоначальника.
Оп. 6: Секретные циркуляры (1873–1874).
Ф. 2114. Покровская Мария Ивановна (1891–1922). Оп. 1.

Крымский областной государственный архив (КОГА)

Ф. 197. Симферопольское городское полицейское управление Таврической губернии (1838–1899). Оп. 1.

[1] В настоящем списке перечислены только те источники и литература, из которых заимствованы цитаты и на которые имеются ссылки в тексте книг. При неоднократных ссылках на одно произведение применены сокращения. Статьи из сборников только в исключительных случаях указываются отдельно, когда они заслуживают специального внимания с точки зрения проведенного исследования.

Ф. 536. Голубев Александр Ефимович:
Оп. 1 (1857–1926): Голубев Александр Ефимович;
Суслова-Голубева Надежда Прокофьевна.

Российская государственная библиотека (РГБ), Москва. Отдел рукописей

Ф. 196. Некрасовы, Екатерина Степановна и Варвара Степановна, 26 картонов.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Москва

Ф. 258. Калмыкова Александра Михайловна. Оп. 1–3.
Ф. 473. Стасова Надежда Васильевна. Оп. 1.
Ф. 572. Энгельгардты, Александр Николаевич, Анна Николаевна. Оп. 1.

Российский государственный исторический архив (РГИА), Санкт-Петербург

Ф. 1263. Комитет министров (1802–1906);
Оп. 1: Журнал Комитета министров.
Ф. 1282. Оп. 1: Канцелярия Министерства внутренних дел (1861–1880).
Ф. 1294. Оп. 10: Медицинский совет при Министерстве внутренних дел.

Институт русской литературы Российской академии наук – Пушкинский Дом (ИРЛИ), Санкт-Петербург. Рукописный отдел

Ф. 208. Суслова Н.П. Письма к Нефедову Ф.Д. – Д. 103.
Ф. 294. Архив Сусловых.:
Оп. 5: Трубникова Мария Васильевна. – Д. 375, 408 и 541.

The Bakhmeteff Archive

The Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. N. Y.: Personal Papers. Sign. BAR Gen. Ms. Coll.

Manuscript Division Library of Congress, Washington.

№ 157. Russia. Philanthropic Societies. Papers 1865–1876, 1 container.

Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University (HIWRP, N.C.):

B.I. Nikolaevsky Collection (HIWRP, N.C.). Series № 139.
Ковалевская С.В. Письма Георгу фон Фолльмару (1882). Sign. 211–213.
Екатерина Брешко-Брешковская (1844–1934). Miscellaneous papers in Russian and English, 1919–1934. Sign. NUCMC 71–121.

Б. Опубликованные источники

Авдеев М.В. Наше общество в героях и героинях литературы за пятьдесят лет в двух частях (с портретом автора): Критический анализ сочинений (А. Грибоедова, А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, И. Тургенева, И. Гончарова и др.). 2-е посмерт. изд. СПб., 1907. 263 с.
Аксаков С.Т. Семейная хроника // Собр. соч.: В 3 т. / Вступ. ст. Е.А. Анненковой. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 33–223.
[*Аксакова В.С.*] Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854–1855) / Ред. и примеч. кн. Н.В. Голицына и П.Е. Щеголева. СПб.: Огни, 1913. 174 с.
Аладьина Е.В. Воспоминания институтки. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1834. 95 с.

Александра Гавриловна Архангельская: Некролог // Сведения о разных болезнях санитарно-врачебных организаций в Московской губернии. М., 1905. № 2. С. 93–97.

Александра Михайловна Калмыкова // Первый женский календарь на 1902 год / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1902. С. 373–377.

Александра Яковлевна Ефименко (урожд. Ставровская) // Первый женский календарь на 1908 год / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1908. С. 18–25.

Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое: Дневники, письма, воспоминания. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1912. 466 с.

Анна Михайловна Евреинова // Первый женский календарь на 1905 год / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1905. С. 376–380.

Антонович М.А. Асмодей нашего времени (Отцы и дети. Роман Тургенева. «Русский вестник» 1862 г. № 2, февраль) // Современник. СПб., 1862. № 3. С. 65–114.

Ариян П.Н. – см.: Первый женский календарь / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1899–1915.

Аронсон М.И., Рейсер С.А. Литературные кружки и салоны. Л.: Прибой, 1929. 310 с.

Архангельская А.Г. К вопросу о развитии хирургической помощи в земстве // Журнал общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. 1901. № 2. С. 99 и след.

Архангельская А.Г. К вопросу о хирургической помощи сельскому населению // Практический врач. СПб., 1902. № 9. С. 179–181; № 10. С. 205–207.

Архангельская А.Г. Краткий очерк двухлетней хирургической деятельности Петровской Земской Лечебницы (с 1-го января 1892 г. по 1-е января 1894 г.) // Врач: Еженед. газ. СПб., 1894. Т. 15. 1-е полугод. № 22. С. 621–622; № 23. С. 652–657.

Бартенева Е. Евгения Ивановна Конради (из воспоминаний старой знакомой) // Женское дело. СПб., 1899. № 1. С. 24–38.

Брешко-Брешковская Е.К. Что делать в Учредительном собрании?. Пг.: Народная власть, 1917. 8 с.

Буланова-Трубникова О.К. Три поколения: Воспоминания. М.; Л.: Госиздат, 1928. 215 с.

Быкова В.П. Записки старой смолянки (1833–1878): В 2 ч. / Прим. и предисл. К. Знаменского. СПб., 1898–1899. Ч. 1–2.

Вернадская М.Н. Женский труд // Энциклопедический указатель. 1858. 23 февр. – 7 марта. С. 157–167. Подп. «М.В.».

Вернадская М.Н. Назначение женщины // [Вернадская М.Н.] Собр. соч. покойной Марии Николаевны Вернадской, урожд. Шигаевой. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1862. С. 116–135.

Вовчок М. Полн. собр. соч.: В 7 т. Саратов: Изд-во кн. маг. «Сарат. дневник», 1896–1899. Т. 1–7.

Водовозова Е.Н. Жизнь европейских народов: В 3 т. СПб., 1875–1883. Т. 1–3.

Водовозова Е.Н. Из заметок старой пансионерки // Голос. 1866. 16.1 и 1.4. Отд. отт. СПб., 1866. Подп. «Ва».

Водовозова Е.Н. Из русской жизни и природы: Рассказы для детей: В 2 ч. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1871–1872. Ч. 1–2.

Водовозова Е.Н. История одного детства / Предисл. А.В. Предтеченского; Обраб. для детей О.К. Невзглядовой. М.; Л.: Детиздат, 1939. 312 с. См. также: История одного детства: Повесть / Обраб. для детей О.К. Невзглядовой. СПб.: Веско, 1992. 285 с.

Водовозова Е.Н. Как люди на белом свете живут. СПб., 1897–1904. Вып. 1–10.

Водовозова Е.Н. На заре жизни и другие воспоминания: В 2 т. / Ред., вступ. ст. и прим. Б.П. Козьмина. М.; Л.: Academia, 1934. Т. 1–2. См. также: *Водовозова Е.Н.* На заре жизни: Воспоминания: В 2 т. / Подгот. текста, вступ. ст. и прим. Э.С. Виленской и Л.И. Ройтберг. М.: Худож. лит., 1964. Т. 1–2.

Водовозова Е.Н. Умственное развитие детей от первого проявления сознания до восьмилетнего возраста: Книга для воспитателей. 2-е изд. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1871. 245 с.

Водовозова Е.Н. См. также: *Титова Л.В.*

Водовозова Е.Н. См. также: *Ц-ская.*

Всероссийское Учредительное собрание / Подгот. к печати И.С. Малчевский. М.; Л.: Госиздат, 1930. 219 с.

Голос женщины (по поводу эмансипации женщин) // Рязанские губернские ведомости. 1863. 12 окт.

Двадцатипятилетие врачей, бывших студентов Императорской медико-хирургической академии выпуска 9-го декабря 1868 года / Сост., ред. К.В. Славянского и В.В. Клименко. СПб., 1893. 258 с.

Добролюбов Н.А. см.: *Dobroljubov N.A.*

Докторский диспут девицы Н.П. Сусловой // Московская медицинская газета. М., 1868. № 13. С. 117.

Домострой / Сост. В.В. Колесов. М.: Сов. Россия, 1990. 303 с.

Достоевский Ф.М. Письма (1832–1881): В 4 т. М.; Л.: Госиздат, 1928–1959. Т. 1–4.

Друг женщин: Ежемесячный литературно-научный журнал. М., 1882–1884.

Дурова Н.А. Избр. соч. кавалерист-девицы Н.А. Дуровой / Сост., вступ. ст. и примеч. В.Б. Муравьева. М.: Московский рабочий, 1988. 573 с.

Евреинова А.М. Краткий очерк прав женщин в семье // Первый женский календарь на 1905 год / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1905. С. 397–404.

Евреинова А.М. Об уравнении прав женщин при наследовании // Первый женский календарь на 1906 год / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1906. С. 370–383.

Елена Иосифовна Лихачева // Первый женский календарь на 1900 год / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1900. С. 345–349.

Ефименко А.Я. – о ней. См.: Александра Яковлевна Ефименко.

Женский вестник. СПб., 1866–1868.

Женский вопрос в Государственной думе: Из стенографических отчетов о заседаниях Государственной думы. СПб.: Тип. Фридберга, 1906. 59 с.

Женское дело. СПб., 1899–1900.

Женское дело. М., 1910–1917.

Жуковская Е.И. Записки (Брак по принципу; Знаменская коммуна; Плещеев – Некрасов – Салтыков-Щедрин) / Ред. и примеч. К. Чуковского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 258 с.

Закон о выборах в Учредительное собрание, официально утвержденное Временным правительством 20 июля 1917 года. Пг.; М., 1917.

Законы о женщинах: Сб. всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола / Сост. Я.А. Канторович. Изд. неофиц. СПб.: Я.А. Канторович, 1899. 272 с.

Засулич В.И. Воспоминания / Подгот. к печати Б.П. Козьмин. М.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. 159 с.

Калманович А.А. Женское движение и его задачи: Краткий ист. очерк. СПб., 1908.

Калмыкова А.М. Еврейский вопрос в России. Харьков: Тип. М. Зильберберга, 1881. 62 с.

Калмыкова А.М. Каталог книг для народных библиотек для чтения взрослых и детей. 2-е изд., доп. СПб., 1891. 29 с.

Калмыкова А.М. Обрывки воспоминаний // Былое. Пг., 1926. № 1. С. 64–80.

Калмыкова А.М. Опыт периодического указателя книг для детского и народного чтения (с приложением списка лучших лубочных картин и примерных библиотек). СПб., 1887. 24 с.

Калмыкова А.М. Проблемы нравственного воспитания нашего времени (доклад, прочитанный на I Всероссийском съезде по вопросам семейного воспитания). СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 9 с.

Карнович Е.П. О развитии женского труда в Петербурге. СПб., 1865. 117 с.

Кашеварова-Руднева В.А. [Автобиография] // Двадцатипятилетие врачей, бывших студентов Императорской медико-хирургической академии выпуска 9-го декабря 1868 года / Сост., ред. К.В. Славянского и В.В. Клименко. СПб., 1893. С. 68–95.

Кашеварова-Руднева В.А. Пионерка: Автобиогр. повесть // Новости. 1886. 15–22 сент.

Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. Изд. испр. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 579 с.

Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести (К 125-летию со дня рождения). М.: Наука, 1974. 559 с.

[*Ковалевская С.В.*] Переписка С.В. Ковалевской и Г. Миттаг-Леффлера // Научное наследство / Под ред. С.И. Вавилова и др. М.; Л.: Наука, 1984. Т. 7. 312 с.

Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы: Воспоминания и дневники / Сост. и предисл. И.М. Дажиной. М.: Сов. Россия, 1974. 413 с.

[*Комарова А.А.*] Одна из многих: Из записок нигилистки. СПб.: Тип. Э. Метуига, 1881. 89 с.

Конради Е.И. Исповедь матери. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1876. 672 с.

Конради Е.И. Сочинения: В 2 т. / Под ред. М.А. Антоновича. СПб.: Тип. В.А. Баландина, 1899–1900. Т. 1–2.

Конради Е.И. – о ней. См.: *Бартенева Е.*

Корвин-Круковская С.В. – о ней. См.: *Корвин-Круковский Ф.В.*

Корвин-Круковский Ф.В. Софья Васильевна Корвин-Круковская (в замужестве Ковалевская) // Русская старина. СПб.,1891. № 9. С. 623–636.

Кропоткин П.А. Записки революционера / Предисл. и примеч. В.А. Твардовской. М.: Мысль, 1966. 504 с. См. также: *Кропоткин П.А.* Записки революционера / Предисл. и примеч. В.А. Твардовской. М.: Моск. рабочий, 1988. 543 с.

Крупская Н.К. Женщина-работница / Под ред. В.И. Ленина. Лейпциг, 1901. 24 с.

Лабзина А.Е. Воспоминания (1763–1819). СПб., 1914. Репринт. изд.: Newtonvill (Mass.), 1974.

Литвинова Е. Из времен моего студенчества: Знакомство с С.В. Ковалевской // Женское дело. СПб., 1899. № 4. С. 34–63.

Литвинова Е. а), б), в) и г) Русского женского взаимно-благотворительного общества // Женское дело. СПб, 1899. № 1. С. 134–142; № 2. С. 140–148; № 4. С. 144–151.

Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России (1086–1796). СПб., 1890. 296 с.

Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России (1796–1828). СПб.,1893. 308 с.

Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России (1828–1856). СПб., 1895. 271 с.

Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России (1856–1880). СПб., 1901. 648 с.

Лихачева Е.И. – о ней. См.: Елена Иосифовна Лихачева.

[*Малевич И.И.*] Софья Васильевна Ковалевская, доктор философии и профессор высшей математики, в «Воспоминаниях» первого по времени ее учителя И.И. Малевича (1858–1868) // Русская старина. СПб., 1890. № 12. С. 625–654.

Мануйлов В.А. М.К. Цебрикова и ее воспоминания // Звезда. Л., 1935. № 6. С. 176–208.

Мария Ивановна Покровская // Первый женский календарь на 1905 год / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1905. С. 394–396.

Мария Константиновна Цебрикова // Первый женский календарь на 1904 год / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1904. С. 370–383.

Мендельсон М. Воспоминания о Софье Ковалевской // Современный мир. СПб., 1912. № 2. С. 134–176.

Менжинская М. Мое знакомство с М.В. Трубниковой // Женское дело. СПб., 1899. № 2. С. 38–42.

Мессарош Н. Мысли и заметки о современной подготовке женщины к жизни // Женский вестник. СПб., 1866. № 1. С. 74–89.

Милль Д.С. Подчиненность женщины. СПб., 1870. 258 с.

Мирович Н. Из истории женского движения в России (Доклад, читанный 9 августа 1906 года в Копенгагене на конгрессе Международного избирательного права женщин). М.: Тип. И.Д. Сытина, 1908. 59 с.

Михайлов М.Л. Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин // Современник. СПб., 1860. № 11. С. 221–250.

Михайлов М.Л. Соч.: В 3 т. / Под общ. ред. Б.П. Козьмина. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 1–3.

Н. Первая русская женщина-медик // Женский вестник. СПб., 1867. № 8. С. 80–84.

Некрасова Е. Женские врачебные курсы в Петербурге: Из воспоминаний и переписки студенток // Вестник Европы. СПб, 1882. № 12. С. 807–845.

Некрасова Е. Жизнь студентки [Варвары Степановны Некрасовой]. М.: Тип. Кушнерева, 1903. 50 с.

Некрасова Е. Студентка на войне: Письма с войны 1877 года (из Румынии) // Русская мысль. 1898. № 6. С. 35–37; № 7. С. 100–122.

Несостоятельность женской эмансипации // Домашняя беседа для народного чтения. СПб., 1862. Т. II. С. 232–237.

Николаева [*Цебрикова М.К.*] Наши бабушки: По поводу женских характеров в романе «Война и мир» // Отечественные записки. СПб., 1868. № 6. С. 167–192.

О должностях человека и гражданина: Книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по Высочайшему повелению Царствующей императрицы Екатерины Второй. СПб., 1783.

Обручев В. Из пережитого // Вестник Европы. СПб., 1907. Т. III. № 5. С. 122–155.

Ольга Николаевна Попова // Первый женский календарь на 1902 год / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1902. С. 366–370.

Панаева-Головачева А.Я. Воспоминания / Вступ. ст., ред. текста и коммент. К. Чуковского. М.: Гослитиздат, 1956. 447 с.

[*Панаева-Головачева А.Я.*] Женская доля: Роман // Современник. СПб., 1862. № 3. С. 41–176; № 4. С. 503–561; № 5. С. 207–250. Подп. «Станицкий Н.».

Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого (1840–1919) / Ред. и коммент. С.А. Рейснера. М.; Л.: Academia, 1934. 798 с.
Первые женщины-инженеры: Сб. ст. / Сост. З.П. Богомазова, Т.Д. Каценеленбоген, Т.Н. Пузыревская. Л.: Лениздат, 1967. 220 с.
Первый женский календарь / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1899–1915.
Перовская С. – о ней. См.: *Перовский В.Л.*
Перовский В.Л. Воспоминания о сестре. М.; Л.: Госиздат, 1927. 115 с.
Пирогов Н.М. Избранные педагогические сочинения / Отв. ред. А.Н. Алексюк; Сост. и авторы коммент.: А.Н. Алексюк, Г.Г. Савенок. М.: Педагогика, 1985. 496 с.
Писарев Д.И. Избранные философские и общественно-политические статьи / Под ред. и с предисл. В.С. Кружкова. Л.: Госполитиздат, 1949. 719 с.
Писарев Д.И. Соч.: В 4 т. / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Ю.С. Сорокина. М.: Гослитиздат, 1955–1956. Т. 1–4.
Писарев Д.И. – о нем. См.: *Тельшев А.*
Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. / Подгот. текстов и примеч. Е.С. Коц и др.; Вступ. ст. В. Фоминой. М.: Госполитиздат, 1956–1958. Т. 1–5.
Покровская М.И. Женщины на государственной службе // Женский вестник. СПб., 1909. № 10. С. 185–191.
Покровская М.И. Задача женской прогрессивной партии (прочитано в общем собрании партии 16 февраля 1906 года) // Женский вестник. СПб., 1906. № 3. С. 65–69.
Покровская М.И. Из истории литературы: Женская доля // Женский вестник. СПб., 1905. № 9. С. 267–270.
Покровская М.И. Как я была городским врачом для бедных: Из воспоминаний женщины-врача. СПб., 1903. 68 с.
Поречников В. «Женская доля», роман Станицкого («Современник» № 3); «Отсталая», повесть г-жи Жадовской («Время» № 12) // Отечественные записки. СПб., 1862. № 5. С. 36–52.
Революционное и студенческое движение 1869 года в оценке Третьего отделения / Сообщ. В.П. Алексеев // Каторга и ссылка. М., 1924. № 10. С. 106–121.
Русская женщина на государственной и общественной службе. М., 1901.
Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918). Сб. ст. / Под общ. ред. С.Н. Валка. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 303 с.
Сараскина Л.И. Возлюбленная Достоевского: Аполлинария Суслова: Биография в документах, письмах, материалах. М.: Согласие, 1994. 454 с.
Сборник памяти Анны Павловны Философовой: В 2 т. Пг., 1915. Т. 1–2.
Сватиков С. Русская студентка (1860–1915) // Путь студенчества: Сб. ст. М., 1916. С. 90–111.
Свод законов Российской империи: В 15 т. СПб.: Тип. II Отделения с. е. и. в. канцелярии, 1857. Т. 1. 1018 с.
Серно-Соловьевич А.А. Пятнадцать неопубликованных писем (с приложением записки А.А. Серно-Соловьевича об его имущественном положении) // Звенья: Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / Под ред. В. Бонч-Бруевича и др. М.; Л.: Academia, 1935. Т. V. С. 374–414.

[*Сеченов И.М.*] Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М.: Изд-во АН СССР, 1945. 179 с.
Синегуб С. Записки чайковца // Революционное движение в России в мемуарах современников. М.; Л., 1929. Т. X.
Сланская Е.В. День думского женщины-врача в Санкт-Петербурге: Рассказ женщины-врача Е. Сланской. СПб.: Американская скоропечатня, 1904. 67 с.
Смирнова-Россет А.О. Записки, дневники, воспоминания, письма / Ст. и примеч. Л.В. Крестовой. М.: Федерация, 1929. 448 с.
Союз женщин: Ежемес. обществ. и полит. журн. СПб., 1907–1909.
Стасов В.В. Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. 507 с.
Стасова П. Издательское дело // Женское дело. СПб., 1900. № 5. С. 24–30.
Стасова П. Памяти Марии Васильевны Трубниковой // Женское дело. СПб., 1899. № 12. С. 43–46.
Субботина Е.Д. На революционном пути. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. 31 с.
Суслова А.П. Годы близости с Достоевским: Дневник. Повесть. Письма / Вступ. ст. и примеч. А.С. Долининой. М., 1928. 194 с.
[*Суслова Н.П.*] Изменение кожных ощущений под влиянием электрического раздражения // Медицинский вестник. СПб., 1862. № 21–22.
Суслова Н. Фантазерка (повесть) // Современник. СПб., 1864. № 9. С. 169–219. Подп. «Н. С.».
Тельшев А. Писарев перед судом учителя истории // Русское богатство. СПб., 1899. № 5. С. 109–127.
Тимощук В.В. Императрица Мария Федоровна в ее заботах о Смольном монастыре (1797–1802) // Русская старина. СПб., 1890. Т. 65. С. 809–832.
Титова Л.В. «Беседы отца с сыном о женской злобе»: Исследование и публикация текстов. Новосибирск: Наука, 1987. 413 с.
Титова Н. [*Водовозова Е.Н.*] К.Д. Ушинский и В.И. Водовозов: Из воспоминаний институтки // Русская старина. СПб., 1887. № 2. С. 471–494.
Труды Первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством. СПб., 1910. Т. 1.
Труды Первого всероссийского съезда по образованию женщин. СПб., 1914. Т. 1–2.
Труды Первого всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге, 10–16 декабря 1908 года. СПб., 1909.
Тур Е. Женщина и любовь по понятиям г. Мишле // Русский вестник. 1859. № 6. С. 461–500.
Тур Е. Парижские письма (К В.В. Н-ой) // Русский вестник. 1858. Т. 17. Кн. 1. № 9. С. 5–75.
Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961 и далее.
Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 3-е изд. М.: Наука, 1978 и далее.
Тыркова А. Анна Павловна Философова и ее время // Сб. памяти Анны Павловны Философовой: В 2 т. Пг., 1915. Т. 1. 488 с.
Успенская А. Воспоминания шестидесятницы // Былое. Пг., 1922. № 18. С. 19–45.
Устав общества под названием «Российская лига равноправия женщин». СПб., 1911.
Устав Русского женского взаимно-благотворительного общества в Санкт-Петербурге // Первый женский календарь на 1899 год / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1899. С. 95–100.

Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. / Под ред. А.И. Пискунова; Сост. и коммент. Э.Д. Днепрова. М.: Педагогика, 1974. Т. 1–2.

Фигнер В. Запечатленный труд: Воспоминания: В 2 т. / Предисл. Э. Павлюченко. М.: Мысль, 1964. Т. 1–2.

Фигнер В. Полн. собр. соч.: В 7 т. / Отв. ред. Б.П. Козьмин. 2-е изд., пересмотр., доп. и испр. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. Т. 1–7.

Философова А.П. Женский вопрос в России // Первый женский календарь на 1912 год / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1912. С. 43–47.

Хвощинская С.Д. Воспоминания институтской жизни // Русский вестник. 1861. № 9. С. 264–298.

Христина Даниловна Алчевская // Первый женский календарь на 1913 год / Сост. П.Н. Ариян. СПб., 1913. С. 52–62.

Цебрикова М. Американки XVIII века: Составлено по мемуарам мистрис Эллет. СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского, 1871. 336 с.

Цебрикова М.К. Герои молодой Германии // Отечественные записки. СПб., 1870. Т. 15. № 6. С. 197–227; Т. 16. № 7. С. 23–46; Т. 17. № 8. С. 175–203.

Цебрикова М.К. Женский вопрос в Цюрихе // Неделя. 1872. 3 сент.

Цебрикова М.К. Женщины американской революции // Вестник Европы. СПб., 1870. № 6. С. 507–542; № 7. С. 60–95.

Цебрикова М.К. Из записок воспитательницы: Психологический этюд // Женское образование. СПб., 1877. № 5. С. 285–302. Подп. «Артемьева М.».

Цебрикова М.К. Письмо Императору Александру III (с приложением написанных для настоящего издания воспоминаний автора). СПб., 1906. 48 с.

Цебрикова М.К. Предисловие // Милль Д.С. Подчиненность женщин. 2-е изд., испр. СПб., 1870. С. I–XXXV.

Цебрикова М.К. Пятидесятые годы: Из воспоминаний о войне 1853–1855 гг. // Вестник всемирной истории. СПб., 1901. № 10. С. 1–32; № 11. С. 35–73; № 12. С. 1–20.

Цебрикова М.К. Русские женщины-писательницы // Неделя. СПб., 1876. № 13–14. С. 430–443.

Цитович П.П. Что делали в романе «Что делать?». 4-е изд. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. 55 с.

Ц-ская [*Водовозова Е.Н.*]. Что мешает женщине быть самостоятельною? (По поводу романа г. Чернышевского «Что делать?») // Библиотека для чтения. СПб., 1863. № 9–10. С. 1–19.

Чебышева-Дмитриева Е.А. Роль женщин в борьбе с алкоголизмом. СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1904. 16 с.

Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц: Исторический очерк (1764–1914 гг.): В 3 т. СПб., 1914–1915. Т. 1–3.

Черкесова В. Мария Васильевна Трубникова // Женское дело. 1899. № 12. С. 15–37.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. / Под общ. ред. В.Я. Кирпотина. М.: Худож. лит., 1939–1953. Т. 1–15.

Что читать народу?: В 3 т. СПб., 1884–1906. Т. 1–3.

Шабанова А.Н. Два года в Гельсингфорсском университете: Из воспоминаний женщины-врача // Вестник Европы. СПб., 1888. Т. 1. Кн. 2. С. 538–568. Подп. «А.Ш.»

Шабанова А.Н. О международных женских конгрессах. Пг., 1917.

Шабанова А.Н. Очерк женского движения в России. СПб., 1912. 32 с.

Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания: В 2 т. / Вступ. ст. Э. Виленской и Л. Ройтберг. М.: Худож. лит., 1967. Т. 1–2.

Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению / Под ред. Н.К. Пиксанова и О.В. Цеховницера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 488 с.

Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1886) / Ред. ст. и коммент. И.Н. Розанова. М.; Л.: Academia, 1934. 582 с.

Abeljanz-Schlikow J. Von der Moskau zur Limmat. Ein Tatsachenbericht über die Emanzipation der russischen Frau // Sie und Er. 7 Folgen. Zofingen, 22.4.1954–3.6.1954.

Aberdeen, Countess of. См.: The International Congress of Women.

Blackwell A.S. См.: The Little Grandmother...

Bölling R. См.: Briefwechsel...

Briefe von Sophie Kowalewska / Hrsg. v. M. Mendelson // Neue Deutsche Rundschau. 1897. VIII. Jahrgang.1 und 2 Quertal. S. 589–614 (Reprint 1970).

Briefwechsel zwischen Karl Weierstraß und Sofja Kowalewskaja. Berlin, 1993.

Broido E. Memoirs of a Revolutionary / Ed. by V. Broido. L. [и др.], 1967.

Clyman T.W. см.: Russia Through Women's Eyes...

D'Hericourt J.P. La femme affranchie: reponse à Mm. Michelet, Proudhon, E. de Girardin. Comte et aux autres novateurs modernes. P., 1860.

Dobroljubov N.A. Ausgewählte philosophische Schriften. (Aus dem Russ.). M., 1949.

[*Eckardt J. v.*] Rußland vor und nach dem Kriege. Aus der Petersburger Gesells-chaft. 2. Aufl. Leipzig, 1879.

Freeze G.L. From Supplication to Revolution. A Documentary History of Imperial Russia. N.Y.; Oxford, 1988.

Fürstin Daschkowa. Erinnerungen. Katharina II und ihre Zeit. (Aus dem Russ.). München, 1970.

Fürstin Maria Wolkonskaja. (Aus dem Russ.). Berlin/Ost, 1978.

Herberstein S. v. Das alte Rußland. Zürich, 1984.

Jus suffragii. London. The International Women Suffrage News. L.: International Women Suffrage Alliance, 1906–1925.

Katharina II. Memoiren / Hrsg. v. A. Graßhoff. (Aus dem Franz. u. Russ.). 2 Aufl. München, 1988.

Kelly C. An Anthology of Russian Women's Writing, 1777–1992. Oxford, 1994.

Kovalewski S. Jugenderinnerungen. (Aus dem Russ.). Frankfurt/Main, 1983.

Kovalevsky S. Vera Barantzova. L., 1895.

Kropotkin P. Memoiren eines Revolutionärs. (Aus dem Russ.). Frankfurt / Main, 1969.

Kurzer Überblick der Tätigkeit des I. allgemeinen russischen Frauenkongresses in Petersburg vom 10–16. Dezember 1908 / Zusammengestellt v. E. Gontscharoff. (Aus dem Russ.). Leipzig, 1910.

Lermontoff J. v. Zur Kenntnis der Methylenverbindungen. Göttingen, 1874.

Meysenburg M. v. Memoiren eines Idealistin / Hrsg. v. F. Böttger. Berlin/Ost, 1963.

[*Mill J.St.*] The Later Letters of John Stuart Mill 1849–1873 // Mill J.St. Collected Works / Ed. by. F.E. Mineka und D.N. Lindley. Vol. XVI. Toronto, 1972.

Mill J.St. The Subjection of Women. L., 1869.

Suslova N.P. Veränderungen der Hautgefühle unter dem Einflusse elektrischer Reizung // Zeitschrift für rationelle Medicin, 1863. Bd. XVII, S. 155–160 (пер. с рус., см.: *Суслова Н.П.* Изменение...).

Russia Through Women's Eyes. Autobiographies from Tsarist Russia / Ed. by T.W. Clyman, J. Vowles. New Haven; L., 1996.
The International Congress of Women (London, 1899) / Ed. by Countess of Aberdeen. Vol. I–VII. L., 1900.
The Little Grandmother of the Russian Revolution. Reminiscences and Letters of Catherine Breshkovsky. 3d ed. Boston, 1918.
The Woman Question in Europe. A Series Original Essays / Ed. by Th. Stanton. L., 1884.
Vechi – Wegzeichen: zur Krise der russischen Intelligenz. Essays von Nikolaj Berdjajev u.a. Frankfurt/Main, 1990.

II. Литература

А. Словари, энциклопедии, библиографии, каталоги

Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1894 год. 2-е изд. Н. Новгород, 1894.
Адресный список практикующих врачей в Санкт-Петербурге. 3-е изд. СПб., 1876–1877; 6-е изд. СПб., 1881–1882.
Боград В.Э. Журнал «Современник»: 1847–1866: Указ. содержания. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. 826 с.
Большая медицинская энциклопедия: В 29 т. / Под ред. Б.В. Перовского. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1974–1989. Т. 1–29.
Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания: В 20 т. / Под ред. С.Н. Южакова. СПб.: Книгоизд. т-во «Просвещение», 1900–1905. Т. 1–20; 1909. Т. 21–22, доп.

Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. 308 с. (репринт. изд.: Leipzig, 1974).
Деятели революционного движения в России: Биобиблиогр. словарь: От предшественников декабристов до падения царизма: В 5 т. / Под ред. Ф. Кона и др. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1927–1933. Т. 1–5.
Деятели СССР и революционного движения в России: Энцикл. слов. / Ред. Ю.Ю. Фигатнер. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 831 с.
Жбанков Д.Н. Библиографический указатель по земско-медицинской литературе. М.: Тип. М.П. Щепкина, 1890. 151 с.
Жбанков Д.Н. Библиографический указатель по общественной медицинской литературе за 1890–1905 гг. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1907. 329 с.
История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах: В 5 т. / Науч. рук. и ред. П.А. Зайончковский. М.: Книга, 1976–1989. Т. 1–5.
Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. / Подгот. к печати Ю.И. Масанов; Ред. Б.П. Козьмин. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1956–1960. Т. 1–4.
Новый энциклопедический словарь: В 29 т. / Под общ. ред. К.К. Арсеньева. СПб.: Тип. АО «Брокгауз–Ефрон», 1911–1916. Т. 1–29.
Педагогическая энциклопедия: В 4 т. / Гл. ред. И.А. Каиров. М.: Сов. энциклопедия, 1964–1968. Т. 1–4.
Пономарев С.И. Наши писательницы: Библиогр. словарь русских писательниц кн. Н.Н. Голицына. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1891. 78 с.
Россия: Энциклопедический словарь. СПб., 1898 (репринт Л., 1991).
Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник / Под ред. А.Г. Дементьева. М.: Госполитиздат, 1959. 835 с.
Русские писатели: Биобиблиогр. словарь / Редкол.: Д.С. Лихачев и др. М.: Просвещение, 1971. 728 с.
Указатель литературы женского вопроса на русском языке // Северный вестник. СПб., 1887. № 7. С. 1–31; № 8. С. 33–55.
Черепахов М.С., Фингерит Е.М. Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917): Справочник. М.: Госполитиздат, 1957. 351 с.
Энциклопедический словарь: В 82 т. / Под ред. И.Е. Андреевского. СПб.: Тип. АО «Брокгауз–Ефрон», 1890–1907. Т. 1–82; Доп.: В 4 т. Т. 1–4.
Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат»: В 58 т. М., 1910–1948. Т. 1–58. (Энциклопедический словарь: В 58 т. М.: Изд-во Русского библиографического института «Гранат», 1910–1948.)

Boudon R., Bourricaud F. Soziologische Stichworte. Ein Handbuch. (Aus dem Franz.). Opladen, 1992.
Dictionary of the History of Ideas. Studies of Selected Pivotal Ideas / Ed. by P. Wiener. Vol. 1–4. N.Y., 1973.
Die Herausgabe und Verbreitung der Werke von Karl Marx und Friedrich Engels in der UdSSR // Schriften aus dem Karl-Marx-Haus. № 34. Trier, 1986.
Handbuch der Frauenbewegung. Bd. 1–5 / Hrsg. v. H. Lange und G. Bäumer. Berlin, 1901–1906.
Handbuch der Geschichte Rußlands. Bd. 1–3 / Hrsg. v. M. Hellmann, G. Schramm, K. Zernack. Stuttgart, 1981 ff.
Handwörterbuch der Politischen Psychologie / Hrsg. v. E. Lippert, R. Wakenhut. Opladen, 1983.

International Encyclopedia of Social Sciences. Vol. 1–17 / Ed. by D.L. Shills. L., 1968.
Lexikon der Geschichte Rußlands von den Anfängen bis zur Oktober-Revolution / Hrsg. v. H.-J. Torke. München, 1985.
Russische Dichterinnen und Schriftstellerinnen. Bestandsverzeichnis der literaturwissenschaftlichen Spezialsammlung des Slavistischen Seminars der Universität Freiburg. Bd. 1–2 / Hrsg. v. E. Cheausé. Freiburg, 1995–1996.
Schweizerhof B. Aktuelle russischsprachige Veräffentlichungen zu Frauen und Frauenforschung in Rußland bzw. der Sowjetunion. Wiesbaden, 1995.
Soziologie-Lexikon / Hrsg. v. G. Reinhold [u.a.]. München [u.a.], 1991.
The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Vol. 1–56 / Ed. by J.L. Wieczynski. Gulf Breeze, 1976 ff.

Б. Сборники, монографии, статьи

Агеева О.Г. Ассамблеи петровского времени в русской дореволюционной историографии // Историографические и исторические проблемы русской культуры: Сб. ст. М., 1983. С. 47–66.
Амфитеатров А. Женщины в общественных движениях России. СПб., 1904.
Базанов В.А. Надежда Суслова – первая русская женщина-врач // Фельдшер и акушерка. М., 1963. № 9. С. 51–55.
Базанов В.А. Ф.Ф. Эрисман (1842–1915). Л., 1966.
Базанов В.А., Андреев П.В. Общественная деятельность Н.П. Сусловой // Советское здравоохранение. М., 1968. № 5. С. 72–78.

Базилева З.П. К истории первых артелей разночинцев (60-е годы XIX в.) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России: Сб. ст. к 75-летию академика Н.М. Дружинина. М., 1961. С. 204–212.

Баренбаум И.Е. «Кружковое» чтение разночинной молодежи второй половины 50-х – начала 60-х годов XIX века // Труды Ленингр. гос. ин-та культуры им. Н.К. Крупской. Л., 1973. Т. 25. Вып. 1. История русского читателя. С. 77–92.

Баскаков В.Г. Мировоззрение Н.Г. Чернышевского. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 756 с.

Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918 гг.) / Под ред. Э.Д. Днепрова. М.: Педагогика, 1980. 144 с.

Богданович Т.А. Любовь людей шестидесятых годов / Предисл. Н.К. Пиксанова. Л.: Academia, 1929. 447 с.

Богославский М.М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. М.: Тип. Е.В. Кожевникова и Е.Л. Коломийцева, 1906. 52 с.

Богословская Л.П. «Что делать?» Н.Г. Чернышевского и женские артели 60-х годов XIX века // Революционная ситуация в России 1859–1861 гг.: Сб. ст. М., 1974. С. 124–134.

Брандис Е.П. Марко Вовчок. М.: Молодая гвардия, 1968. 335 с.

Василий Слепцов: Неизвестные страницы // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 71. 547 с.

Вишневская Г.А. Тема социального бесправия женщины в литературном наследии Белинского // Учен. зап. Казан. гос. ун-та им. В.И. Ульянова-Ленина: Общеуниверситет. сб. Казань, 1956. Т. 116. Кн. 5. С. 292–297.

Водолазов Г.Г. От Чернышевского к Плеханову: Об особенностях развития социалистической мысли в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 207 с.

Волк С.С., Тишкин Г.А. Зарубежные авторы о женском движении и семье в России XIX – начала XX в. // Вопросы истории. М., 1981. № 11. С. 164–166.

Воронцова Л.А. Софья Ковалевская (1850–1891) / Предисл. П. Полубариновой-Кошной. М.: Молодая гвардия, 1957. 341 с.

Геселевич А.М. Первые русские женщины военно-полевые хирурги // Советское здравоохранение. М., 1954. № 2. С. 44–50.

Гончаров Н.К. Педагогическая система К.Д. Ушинского. М.: Педагогика, 1974. 272 с.

Гришина З.В. Движение за политическое равноправие женщин в годы Первой русской революции // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. М., 1982. № 2. С. 33–42.

Дионесов С.М. В.А. Кашеварова-Руднева: Первая русская женщина – доктор медицины. М.: Наука, 1965. 103 с.

Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М.: Наука, 1966. 373 с.

Ефремов А.Ф. Первая русская женщина-врач нижегородка Н.П. Суслова // Нижегородцы в естествознании и медицине: Доклады на историко-медицинской конференции, заслушанные в октябре 1957 года / Отв. ред. И.И. Беляев. Горький, 1959. С. 34–40.

Ефремова Н.П. Шестидесятницы // Вопросы истории. М., 1978. № 9. С. 78–91.

Женщины и российское общество: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1995. 112 с.

Женщины России в XX столетии: Уроки прошлого, реалии и перспективы: Материалы междунар. науч. конф. (Иваново, 18 ноября 1992 г.). Иваново, 1993. 134 с.

Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях // Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях: В 2 т. М., 1862–1869. Т. II. 670 с. (Репринт. изд.: 1990).

Забелин И.Е. Женщина в допетровском обществе. СПб., 1901. 122 с.

Заблудовская Е.Д. Одна из первых женщин-педиатров в России А.Н. Шабанова // Педиатрия. М., 1957. № 6. С. 71–78.

Зезина М.Р., Кошман Л.В., Шульгин В.С. История русской культуры: Учеб. пособие. М., 1990. 431 с.

Иванов Н. Женское образование // Новый энциклопедический словарь: В 29 т. / Под общ. ред. К.К. Арсеньева. СПб.: Тип. АО «Брокгауз-Ефрон», 1911–1916. Т. 17. Стб. 786–813.

Иконников В.С. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее: Сравнительно-исторический очерк. Киев: Университетская тип., 1874. 102 с.

Ильинский П.А. Русская женщина в войне 1877–1878 г.: Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшериц и женщин-врачей. СПб., 1879. 280 с.

Искра Л.М. Д.И. Писарев и его роль в истории русской общественно-политической мысли. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1988. 150 с.

Историографические и исторические проблемы русской культуры: Сб. ст. / Редкол.: Л.Н. Пушкарев (отв. ред.) и др. М., 1983. 203 с.

История развития медицины и здравоохранения в России: Обзор документальных материалов / Ред. Б.Д. Петров. М.; Л., 1958. 99 с.

Казнин Л.Н. А.И. Герцен об образе женщины будущего // Социалистический образ жизни и формирование личности: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. И.К. Дорногин. Горький, 1990. С. 100–110.

Казнин Л.Н. Проблема эмансипации женщины в социальном учении А.И. Герцена: Дис. ... канд. филос. наук. Горький, 1989. 154 с.

Кайдаш С.Н. Сила слабых: Женщины в истории России (XI–XIX вв.). М.: Сов. Россия, 1989. 286 с.

Кизель Г.И. Вера Спиридоновна Любатович // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. Вып. 14: Революционеры, либералы и царизм (1825–1905 гг.). С. 49–67.

Книжник-Ветров И.С. Русские деятельницы Первого интернационала и Парижской коммуны: Е.Л. Дмитриева, А.В. Жаклар, Е.Г. Бартенева. М.; Л.: Наука, 1964. 258 с.

Ковалева И.Н. Женский вопрос в России в 50–60-х годах XIX века // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки: Сб. ст. М.: Наука, 1981. С. 118–138.

Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетиях. СПб: Тип. К. Вульфа, 1860. 214 с.

Кочина П.Я. Любовь и математика: Софья Ковалевская. М., 1974.

Кузнецов Ф.Ф. Круг Д. Писарева. М.: Худож. лит., 1990. 926 с.

Кулиш Ж.В. М.К. Цебрикова: Общественная и литературно-критическая деятельность. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1988. 288 с.

Курова К.С. Творчество А.Я. Панаевой в 60-е годы XIX века // Учен. зап. Казах. гос. ун-та им. С.М. Кирова. Алма-Ата, 1952. Т. XIV. Вып. 1. Язык и литература. С. 39–58.

Куфаев М.Н. История русской книги в XIX веке. Л., 1927. 354 с.

Лапшина Г.С. Силою слова живого... М., 1992.

Лебедева-Кларк Р. Женщины в издательском деле пореформенной России // Вопросы истории. М., 1997. № 12. С. 117–123.
Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. 366 с.
Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М.: Мысль, 1981. 285 с.
Литвина Ф.А. Легальные формы пропаганды разночинцев-демократов 60– 70-х гг. XIX века: Литературные вечера, чтения, собрания. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1986. 131 с.
Любатович О.С. [*Джабафари О.*]. Далекое и недавнее: Воспоминания из жизни революционеров 1878–1881 гг. (Посвящается памяти С.М. Кравчинского) // Былое. СПб., 1906. № 5. С. 209–245; № 6. С. 108–154.
Люблинский С.Б. Подвижники книги: Е.Н. Водовозова, Л.Ф. Пантелеев, А.М. Калмыкова, О.Н. Попова, М.И. Водовозова. М.: Книга, 1988. 174 с.
Мануйлов В.А. М.К. Цебрикова и ее воспоминания // Звезда. Л., 1935. № 6. С. 176–208.
Матвеева И.Е. В. Фигнер. М., 1961.
Мирский М.Б. Революционер в науке, демократ в жизни: И.М. Сеченов. М.: Знание, 1988. 219 с.
Могилянский А.П. Новые данные о М.К. Цебриковой // Русская литература. Л., 1971. № 1. С. 102–111.
Мордвинова З.Е. Статс-дама Мария Павловна Леонтьева, начальница Воспитательного общества благородных девиц. СПб., 1902.
Н. Современный быт русской женщины и судебная реформа: Юридические заметки // Женский вестник. СПб., 1867. № 9. С. 57–83.

Наумова М.А. Социологические, философские и эстетические взгляды Н.А. Добролюбова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 264 с.
Нечаева В.С. В.Г. Белинский: Жизнь и творчество (1836–1841). М.: Изд-во АН СССР, 1961. 391 с.
Нечаева В.С. В.Г. Белинский: Жизнь и творчество (1842–1848). М.: Наука, 1967. 526 с.
Нечаева В.С. В.Г. Белинский: Начало жизненного пути и литературной деятельности (1811–1830). М.: Изд-во АН СССР, 1949. 447 с.
Нечаева В.С. В.Г. Белинский: Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве» (1829–1836). М.: Изд-во АН СССР, 1954. 488 с.
Нечкина М.В. Движение декабристов: В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1–2.
Новикова Н.Н. Революционеры 1861 года. «Великорусс» и его комитет в революционной борьбе 1861 г. М., 1968.
Ольнем-Цеховская В. Елизавета Николаевна Водовозова-Семевская // Голос минувшего. М., 1923. № 3. С. 145–162.
Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании: О женах и сестрах декабристов / Отв. ред. С.В. Мироненко. 4-е изд., доп. и испр. М.: Наука, 1986. 157 с.
Павлюченко Э.А. Вера Фигнер. М.: Учпедгиз, 1963. 84 с.
Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. 269 с.
Палий Е.Н. Салон как феномен отечественной культуры первой трети XIX века // Педагогика. М., 1997. № 6. С. 71–79.
Пиетров-Эннкер [*Pietrow-Ennker*] *Б.* Женщины наступают: Об истоках женской эмансипации в России // Отечественная история. М., 1993. № 5. С. 173–182.
Пирумова Н.М. Александр Герцен: Революционер, мыслитель, человек. М.: Мысль, 1989. 254 с.
Плукш П.И. Постановка и решение женского вопроса в русской литературе середины XIX века // Учен. зап. Рязан. гос. пед. ин-та. Рязань, 1967. Т. 39. С. 88–116.
Поляк А.П. Очерки истории женского образования в России // Женское дело. М., 1911. № 7–8. С. 3–7; № 9. С. 9–11.
Проскуровская Ю.И. Сестра милосердия Екатерина Бакунина // Вопросы истории. М., 1988. № 10. С. 145–150.
Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
Пушкарева Н.Л. Женщины России и Европы на пороге нового времени. М., 1996. 285 с.
Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: Невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
Рабкина Н. Елена Стахова // Женский календарь. 1989. 28 февр.
Рассадин С.Б. Русские, или Из дворян в интеллигенты. М., 1995. 415 с.
Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. // Исторические записки. М., 1951. Т. 37. С. 28–80.
Резник С.Е. Владимир Ковалевский: Трагедия нигилиста. М.: Молодая гвардия, 1978. 335 с.
Розова К. Первая русская женщина-врач // Фельдшер и акушерка. М., 1945. № 3. С. 48–52.
Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике: Сб. / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. И.Н. Сухих. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 384 с.
Российские женщины и европейская культура: Тез. докл. II науч. конф. / Отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб., 1994. 86 с.

Рыбасов В. Первая русская женщина – доктор медицины // Медицинская сестра. 1950. № 5. С. 23–26.
Савельев А.А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. Н. Новгород: Тип. Н. Ройского и Д. Думина, 1881. 94 с.
Сегал Е.А. Софья Перовская. М.: Молодая гвардия, 1962. 396 с.
Семевский В.И. Василий Иванович Водовозов: Биогр. очерк. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1888. 170 с.
Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России (первая половина XVIII века) / Под ред. Н.А. Казаковой. Л.: Наука, 1982. 279 с.
Семья: Кн. для чтения: В 2 т. / Сост. И.С. Андреев, А.В. Гулыга. М.: Политиздат, 1990. Т. 1–2.
Скрипилев Е.А. Добролюбов. М.: Юрид. лит., 1988. 125 с.
Смирнов А.А. Первая русская женщина-врач. М.: Медгиз, 1960. 179 с.
Смирнова З.В. Социальная философия А.И. Герцена. М.: Наука, 1973. 291 с.
Способин А.Д. О разводе в России. М., 1881.
Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма (1861–1865). СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1890. 596 с.
Таубин Р.А. Революционная пропаганда в воскресных школах России в 1860–1862 годах // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 80–90.
Тишкин Г.А. Женский вопрос в России (50–60-е годы XIX века). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 239 с.
Тишкин Г.А. Женщины в истории России: Текст докл. на Первой междунар. конф. по истории женщин в Российской империи – «Women in the History of Russian Empire». Akron, Ohio, 1988.

Тишкин Г.А. О юбилейной речи К.Д. Кавелина в 1860 году // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1984. Т. 5. С. 108–112.

Тишкин Г.А. Первые студентки Петербургского университета // Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сб. ст. Л., 1976. Вып. 3. С. 61–64.

Тишкин Г.А. Н.Г. Чернышевский и раскрепощение женщины // Н.Г. Чернышевский: Эстетика. Литература. Критика: Сб. Л.: Наука, 1979. С. 349–357.

Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России (1895–1904). М.: Мысль, 1976. 239 с.

Файнштейн М.Ш. Писательницы пушкинской поры: Ист.-лит. очерки / Отв. ред. С.А. Фомичев. Л.: Наука, 1989. 173 с.

Феминизм и российская культура: Сб. тр. Междунар. ин-та «Женщина и управление» / Науч. ред. и сост. Г.А. Тишкин. СПб., 1995. 167 с.

Филиппов Р.В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863–1874). Петрозаводск, 1967. 318 с.

Филиппова Л.Д. Из истории женского движения в России // Вопросы истории. М., 1963. № 2. С. 209–218.

Фролова О.А. Е.Н. Водовозова о воспитании детей дошкольного возраста. М., 1949. 136 с.

Халамайзер А.Я. Софья Ковалевская. М., 1989. 112 с.

Цыбенко В.А. Мировоззрение Д.И. Писарева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 352 с.

Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц: Ист. очерк (1764–1914 гг.): В 3 т. СПб., 1914–1915. Т. 1–3.

Черуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати (60–70-е годы XIX века). Л.: Наука, 1989. 205 с.

Чернышевская Н.М. «Озарена тобою жизнь моя»: Николай Гаврилович и Ольга Сократовна Чернышевские (публикация В.С. Чернышевской) // Русская литература. Л., 1978. № 1. С. 122–140.

Н.Г. Чернышевский и его наследие: Сб. ст. / Сост. А.Т. Москаленко; Предисл. А.П. Окладникова. Новосибирск: Наука, 1980. 367 с.

Чернышевский и его эпоха: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: Сб. ст. М.: Наука, 1979. 264 с.

«Что делать?» Н.Г. Чернышевского: Историко-функциональное исследование / Отв. ред. К.Н. Ломунов. М.: Наука, 1990. 245 с.

Чувашев И.В. Очерки по истории дошкольного воспитания в России (до Великой Октябрьской социалистической революции). М.: Учпедгиз, 1955. 371 с.

Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика / Отв. ред. В.И. Бовыкин. М.: Наука, 1985. 347 с.

Шашков С.С. История русской женщины // Шашков С.С. Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1898. Т. 1. С. 697–894.

Штедтке К. Светский человек в русской культуре XVIII века (семидесятые–восьмидесятые годы) // Учен. зап. / Тартус. гос. ун-т. Тарту, 1987. Вып. 754. Труды по знаковым системам. Т. XXI. Символы в системе культуры. С. 89–93.

Штрайх С.Я. Героиня романа «Что делать?» в ее письмах // Звенья: Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / Под ред. В. Бонч-Бруевича и др. М.; Л.: Academia, 1934. Т. III–IV. С. 588–616.

Штрайх С.Я. Н.И. Пирогов о любви, о призвании женщины-матери и пр. // Голос минувшего. М., 1915. № 5. С. 189–206; № 6. С. 191–205.

Штрайх С.Я. Семья Ковалевских. М.: Сов. писатель, 1948. 392 с.

Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России: Лекции и ст. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1914. 307 с.

Щиглев В.Р. Василий Иванович Водовозов // Русская старина. СПб., 1886. № 11. С. 405–424.

Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: От России крепостной к России капиталистической / Отв. ред. С.С. Дмитриев. М.: Наука, 1985. 350 с.

Alston P.L. Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, Ca., 1969.

Andrew J. Women in Russian Literature 1780–1863. Houndsmills; L., 1988.

Anweiler O. Geschichte der Schule und Pädagogik in Rußland von Ende des Zarenreiches bis zum Beginn der Stalin-Ære. Berlin, 1964.

Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Rußland in der Spätphase des Zarenreiches / Hrsg. v. H. Haumann, St. Plaggenborg. Frankfurt/Main, 1994.

Baberowski J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich. Frankfurt/Main, 1996.

Bankowski-Züllig M. Die erste «Russische Bibliothek in Zürich» (1870–1873) // Züricher Taschenbuch. 1987. S. 116–146.

Barry K. The New Historical Synthesis: Women's Biography // Journal of Women's History. 1990. № 4. P. 75–105.

Baruch A. The Battle of Childhood. Creation of a Russian Myth. Stanford, Ca., 1990.

Bater J.H. Modernization and Public Health in St. Petersburg // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 37. 1985. S. 357–372.

Bater J.H. St. Petersburg. Industrialization and Change. L., 1976.

Bayer W. Die Moskauer Medici. Der russische Bürger als Mäzen 1850–1917. Wien [и др.], 1996.

Bazylow L. Historia nowożytnej kultury rosyjskiej. Warszawa, 1986.

Becker Ch. Raznochintsy: The Development of the World and of the Concept // American Slavic and East European Review. 1959. № 1. P. 63–74.

Beeken M. Die Frauenfrage im vorrevolutionären Rußland. Eine Zeitschriften-analyse. Magisterarbeit am Institut für osteuropäische Geschichte und Landeskunde der Geschichtswissenschaftlichen Fakultät. Tübingen, [б. г.].

Berger P.L., Luckmann Th. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wissenschaftlichkeit. Eine Theorie der Wissensoziologie. (Aus dem Amerik.). 2. Aufl. Stuttgart, 1971.

Berlin I. Russische Denker. (Aus dem Engl.). Frankfurt/Main, 1981.

Bernstein L.A. Sonia's Daughters: Prostitution and Society in Russia. Phil. Diss. Berkeley, Ca., 1987.

Besançon A. The Intellectual Origins of Leninism. (Aus dem Franz.). Oxford, 1881.

Besançon A. Education et société en Russie dans le seconde tiers du XIX siécle. P., 1974.

Bessmertny M. Der Standart der Frauenbildung in Rußland // Handbuch der Frauenbewegung / Hrsg. v. H. Lange, G. Berlin. Bd. I–V. Berlin, 1901–1906. Bd. III. S. 331–338.

Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / Ed. by W. Clowes, D. Kassow, J.L. West. Princeton, N.J., 1991.

Beyrau D. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland. Köln; Wien, 1984.

Beyrau D. Russische Intelligenzija und Revolution // Historische Zeitschrift. Bd. 252. 1991. S. 559–586.

Biographie als Geschichte. Forum Psychohistorie / Hrsg. v. H. Röckelein. Bd. I. Tübingen, 1993.

Biographie – sozialgeschichtlich / Hrsg. v. A. Gestrich, P. Knoch, H. Merkel. Göttingen, 1988.

Biographie und Soziale Wirklichkeit. Neue Beiträge und Forschungsperspekti-ven / Hrsg. v. M. Kohli und G. Robert. Stuttgart, 1984.

Biographieforschung. Eine Zwischenbilanz in der deutschen Soziologie / Hrsg. v. P. Alheit. Bremen, 1990.

Black J.L. Citizens for the Fatherland. Education, Educators and the Pedagogical Ideals in Eighteenth-Century Russia. N. Y., 1979.

Black J.L. Educating Women in Eighteenth-Century Russia: Myths and Realities // Canadian Slavonic Review. 1978. № 1. P. 23–43.

Bobroff A.L. Working Women, Bounding Patterns and the Politics of Daily Life: Russia at the End of the Old Regime. Vol. 1–2. University of Michigan (Ann Arbor), 1982.

Bock G. Geschichte, Frauengeschichte und Geschlechtsgeschichte // Geschichte und Gesellschaft. 1988. № 3. S. 364–391.

Bolt Ch. The Women's Movements in the United States and Britain from the 1790s to the 1920s. N. Y. [и др.], 1993.

Bonner Th.N. To the Ends of the Earth. Women's Search for Education in Medicine. Cambridge, Mass.; L., 1992.

Borcke A. v. Die Ursprunge des Bolschewismus. Die jakobinische Tradition in Rußland und die Theorie der revolutionären Diktatur. München, 1977.

Boškovska N. Die russische Frau im 17. Jahrhundert. Köln, 1998.

Bourdieu P. Entwurf einer Theorie der Praxis aus der ethnologischen Grundlage der kabylischen Gesellschaft. (Aus dem Franz.). Frankfurt/Main, 1979.

Bowman H.E. Vissarion Belinskij 1811–1848. A Study in the Origins of Social Criticism in Russia. Cambridge, Mass., 1954.

Brang P. Fortschrittsglauben in Rußland einst und jetzt // Das Problem des Fortschrittes – heute / Hrsg. v. R.W. Meyer. Darmstadt, 1969. S. 29–53.

Brang P. I.S. Turgenev. Sein Leben und Werk. Wiesbaden, 1977.

Brim S. Universitäten und Studentenbewegung in Rußland im Zeitalter der Großen Reformen 1855–1881. Frankfurt/Main, 1985.

Broido V. Apostles into Terrorists. Women and the Revolutionary Movement in the Russia of Alexander II. N. Y., 1977.

Brooks J. When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton; N. J., 1985.

Brower D.R. Training the Nihilists. Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca; L., 1975.

Brückner A. Die Frauenfrage in Rußland im Zeitalter Peters des Großen // Russische Revue. Bd. XV. 1879. S. 97–130.

Bürger und Bürgerinnen. Geschlechterverhältnisse im 19. Jahrhundert / Hrsg. v. U. Frevert. Göttingen, 1988.

Bürger und Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert. Göttingen, 1987.

Burkhart D. Epochendarstellung und Ich-Reflexion im Genre «Autobiographischer Text». Zu den Erinnerungen von M.N. Volkonskaja, A.Ja. Panaeva und Vera Figner // Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongreß in Kiev 1983. Köln, 1983. S. 55–77.

Burnet-Vigniel M.-C. Femmes Russe dans la combat révolutionaire. L'image et son modèlè à la fin du XIXe siècle. P., 1990.

Bussemer H.-U. Frauenemanzipation und Bildungsbürgertum. Sozialgeschichte der Frauenbewegung in der Reichsgründerzeit. Weinheim, 1985.

Canning K. Feminist History after the Linguistic Turn: Historicizing Discourse and Experience // Signs. 1994. Winter. P. 368–404.

Charlamov I.N. Das patriotische Institut in St. Petersburg unter Luise von Wistinghausen 1819–1847. Ein Beitrag zur Geschichte des weiblichen Unterrichtswesens in Rußland // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 43. 1995. S. 536–545.

Cheauré E. Schreibende Frauen im 19. Jahrhundert: Zwischen Selbstreflexion und Emanzipation // Geschichte als Argument. Berichtsband des 41. Deutschen Historikertages in München / Hrsg. im Auftrag des Verbandes der Historiker Deutschlands e. V. v. S. Weinfurter und F.M. Siefarth. München, 1997. S. 225–227.

Chodorow N. Family Structure and Feminine Personality // Women, Culture and Society / Ed. by M. Rosaldo, L. Lamphere. Stanford, Ca., 1974. P. 43–66.

Claus C. Die Stellung der russischen Frau von der Einführung des Christentums bei den Russen bis zu den Reformen Peters des Großen. München, 1959.

Clements B.E. Bolshevik Women. Cambridge, 1997.

Cohen J.L., Arato A. Civil Society and Political Theory. Cambridge, Mass.; L., 1992.

Confino M. Révolte juvénile et contre-culture: Les nihilistes russes des «années 60» // Cahiers du monde russe et soviétique. 1990. № 4. P. 489–538.

Continiuty and Change in Russian and Soviet Thought / Ed. by E.J. Simmons. Cambridge, Mass., 1955.

Coquart A. Dmitri Pisarev (1840–1868) et l'ideologie du nihilisme Russe // Bibliotèque de l'institut Français de Leningrad. Vol. XXI. P., 1946.

Curtiss J. Shelton. Russian Sisters of Mercy in the Crimea, 1854–1855 // Slavic Review. 1966. № 1. P. 84–100.

Daniel U. «Kultur» und «Gesellschaft». Überlegungen zum Gegenstandsbereich der Sozialgeschichte // Geschichte und Gesellschaft. 1993. № 1. S. 69–99.

Davies N. «Women's History» in Transition. The European Case // Feminist Studies. 1976. №. 3. P. 83–103.

Deltgen F. Was kann unter einer «Bewegung» verstanden werden? // Aspekte der Enwicklungssoziologie. Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie / Hrsg. v. R. König. 1969. Sonderheft 13. S. 410–429.

Die Professionalisierung der Frau. Bildung, Ausbildung und Beruf von Frauen in historischer Perspektive / Hrsg. v. B. Wahrig-Schmidt. Lübeck, 1997.

Die russische Intelligentsia. (Aus dem Amerik.) / Hrsg. v. R. Pipes. Stuttgart, 1962.

Diestelmeier F. Soziale Angst. Konservative Reaktionen auf liberale Reformpolitik in Rußland unter Alexander II. (1855–1866). Frankfurt/Main, 1985.

Dubiel H. Ungewißheit und Politik. Frankfurt/Main, 1994.

Dudgeon R.A. The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872–1917 // Russian History. 1982. № 1. P. 1–26.

Dunn P.P. «Der Feind ist das Kind»: Kindheit im zaristischen Rußland // Hört ihr die Kinder weinen? Eine psychogenetische Geschichte der Kindheit. (Aus dem Amerik.) / Hrsg. v. L. de Mause. Frankfurt/Main, 1980.

Duwel W. [*u. a.*]. Geschichte der klassischen russischen Literatur. Berlin; Weimar, 1973.

Ebenso neu als kühn. 120 Jahre Frauenstudium an der Universität Zürich / Hrsg. v. K. Belser u.a. Zürich, 1988.

Edmondson L.H. Feminism in Russia, 1900–1917. L., 1984.

Edmondson L. Russian Feminists and the First All-Russian Congress of Women // Russian History. 1976. № 2. P. 123–149.

Edmondson L. The Women's Movement and the State in Russia before 1917. [Текст доклада на международной конференции «Женщины с изменившимся менталитетом и отношения между полами в современном государстве», проходившей в Центре междисциплинарных исследований Билефельдского ун-та, 2–6 апр. 1993 г.].
Edmondson L. Women's Emancipation and Theories of Sexual Difference: The Debate Among Feminists in Russia Before 1917 [Текст доклада на конгрессе «Женщины в истории Российской империи»]. Akron; Kent / Ohio, 1988.
Elnett E. Historic Origin and Social Development of Family Life in Russia. N. Y., 1926.
Emmons T. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge, 1968.
Enderlein E. L'éducation des femmes en Russie au XVIIIe siècle // L'éducation des femmes en Europe et en Amérique du Nord de la Renaissance à 1848: réalites et representations / Éd. par G. Leduc. Montreal, 1998. P. 349–361.
Engel B.A. Between the Fields and the City: Women, Work and Family in Russia, 1861–1914. Cambridge, 1994.
Engel B.A. Engendering Russia's History: Women in Post-Emancipation Russia and the Soviet Union // Slavic Review. 1992. № 2. P. 309–321.
Engel B.A. Mothers and Daughters. Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia. Cambridge, 1983.
Engel B.A. Women Medical Students in Russia, 1872–1882: Reformers or Rebels? // Journal of Social History. 1979. Spring. P. 394–414.
Engelstein L. The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca; L., 1992.
Erikson E.H. Identität und Lebenszyklus. (Aus dem Amerik.). 5. Aufl. Frankfurt/Main, 1979.
Europäische Mentalitätsgeschichte. Haupttehmen in Einzeldarstellungen / Hrsg. v. P. Dinzelbacher. Stuttgart, 1993.
Evans R.J. The Feminists. Women's Emancipation Movements in Europe, America and Australia, 1840–1920. N. Y., 1977.
Ferenczi C. Presse und Nachrichten im vorrevolutionären Rußland // Neue Politische Literatur. 1993. № 2. S. 239–253.
Fetscher I. Rousseaus politische Philosophie. Zur Geschichte des demokratischen Freiheitsbegriffs. Frankfurt/Main, 1975.
Fieseler B. Frauen auf dem Weg in die russische Sozialdemokratie, 1890–1917. Eine kollektive Biographie. Stuttgart, 1995.
Fieseler B. In a Female Voice: Good Morning, Russia: Eindrücke und Einsichten vom Kongreß «Women in the History of the Russian Empire» // IWK. 1988. № 4. P. 539–551.
Fischer G. Russian Liberalism. From Gentry to Intelligentsia. Cambridge, Mass., 1958.
Fitzlyon H. I.S. Turgenev and the «Woman Question» // New Zealand Slavonic Journal. 1983. Turgenev / Ed. by P.H. Waddington. P. 161–173.
Frauen in der Geschichte des Rechts von der frühen Neuzeit bis zur Gegenwart / Hrsg. v. U. Gerhard. München, 1997.
Frauen suchen ihre Geschichte. Historische Studien zum 19 und 20. Jahrhundert / Hrsg. v. K. Hausen. München, 1983.
Frauenbilder und Weiblichkeitsentwürfe in der russischen Frauenprose / Hrsg. v. Ch. Parnell. Frankfurt/Main, 1996.
Frauengeschichte – Geschlechtergeschichte / Hrsg. v. K. Hausen, H. Wunder. Frankfurt/Main; N. Y., 1992.
Freeze G.L. Bringing Order to the Russian Family. Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860 // Journal of Modern History. 1990. Dec. P. 709–746.
Frevert U. Frauen-Geschichte. Zwischen Bürgerlicher Verbesserung und Neuer Weiblichkeit. Frankfurt/Main, 1986.
Frevert U. «Mann und Weib, und Weib und Mann». Geschlechter-Differenzen in der Moderne. München, 1995.
Frieden N.M. Russian Physicians in the Era of Reform and Revolution 1856–1905. Princeton, N. J., 1981.
Froese L. Russische und sowjetische Pädagogik. Ideengeschichtliche Triebkräfte. 2. Aufl. Heidelberg, 1963.
Fuchs W. Biographische Forschung. Eine Einführung in Praxic und Methoden. Opladen, 1984.
Galai S. The Liberation Movement in Russia, 1900–1905. Cambridge, 1973.
Galai S. The Role of the Union of Unions in the Revolution of 1905 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 24. 1976. S. 512–525.
Gall L. Von der ständischen zur bürgerlichen Gesellschaft. München, 1993.
Geertz C. The Interpretation of Cultures. Selected Essays. L., 1975.
Gender Restructuring in Russian Studies: Conference Papers. Helsinki, 1992 / Ed. by M. Liljeström, E. Mäntysaari, A. Rosenholm. Tampere, 1993.
Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays. Cambridge, Mass., 1962.
Geschichte der Mädchen- und Frauenbildung. Bd. 1–2 / Hrsg. v. E. Kleinau, C. Opitz. Frankfurt/Main, 1996.
Geschichte des privaten Lebens / Hrsg. v. Ph. Aries, G. Duby. Bd. IV. Von der Revolution zum Großen Krieg / Hrsg. v. M. Perrot. (Aus dem Franz.). Frankfurt/Main, 1992.
Geschichte zwischen Kultur und Gesellschaft. Beiträge zur Theoriedebatte / Hrsg. v. Th. Mergel, Th. Welskopp. München, 1997.
Geschlechterverhältnisse im historischen Wandel / Hrsg.v. H. Schissler. Frankfurt/Main; N. Y., 1993.
Geyer D. Der russische Imperialismus. Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik 1860–1914. Göttingen, 1977.
Geyer D. «Gesellschaft» als staatliche Veranstaltung. Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaats im 18. Jahrhundert // Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland. Köln, 1975. S. 20–52.
Geyer D. Zwischen Bildungsbürgertum und Intelligenzija: Staatsdiens und akademische Professionalisierung im vorrevolutionären Rußland // Bildungsbürgertum im 19. Jahrhundert. Teil I. Bildungssystem und Professionalisierung in internationalen Vergleichen / Hrsg. v. W. Conze, J. Kocka. Stuttgart, 1985. S. 207–230.
Gheith J.M. The Superfluous Man and the Necessary Woman: A «Re-Vision» // The Russian Review. 1996. № 2. P. 226–244.
Giddens A. Die Konstruktion der Gesellschaft. Grundzüge einer Theorie der Strukturierung. (Aus dem Engl.). Frankfurt/Main, 1988.
Ginzberg C. Der Käse und die Würmer. Die Welt des Müllers um 1600. (Aus dem Franz.). Frankfurt/Main, 1979.
Glaser E. Hindermisse, Umwege, Sackgassen. Die Anfange des Frauenstudiums in Tübingen (1904–1934). Weinheim, 1992.
Gleason A. Young Russia. The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s. Chicago, 1983.

Goehrke C. Die Witwe im alten Rußland // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1986. Bd. 38. S. 64–96.

Goehrke C. «Mein Herr und Herzensfreund!» Die hochgestellte Moskowiterin nach privaten Korrespondenzen des späten 17. Jahrhunderts // «Primi sobran'e pestrych glav». Slavistische und slavenkundliche Beiträge für Peter Brang zum 65. Geburtstag / Hrsg. v. R. Kemball, D. Weiss. Bern, 1989. S. 655–670.

Goerdt W. Russische Philosophie: Zugange und Durchblicke. Freiburg; München, 1984.

Goldberg R.L. The Russian Women's Movement: 1859–1917. Ph. D. University of Rochester. N. Y., 1976.

Good J.E., Jones D.R. Babushka: The Life of the Russian Revolutionary Ekaterina Breshko-Breshkovskaia (1844–1934). Newtonville, Ma., 1991.

Gopfert F. Dichterinnen und Schriftstellerinnen in Rußland von der Mitte des 18. bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts. Eine Problemskizze. München, 1992.

Grenzer A. Adel und Landbesitz im ausgehenden Zarenreich. Der russische Landadel zwischen Selbstbehauptung und Anpassung nach Aufhebung der Leibeigenschaft. Stuttgart, 1995.

Grenzer A. Zur Sozialgeschichte des russischen Adels im Zarenreich // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1989. № 2. S. 250–263.

Greven-Aschoff B. Die bürgerliche Frauenbewegung in Deutschland 1894–1933. Göttingen, 1981.

Grubitzsch H., Lagpacan L. «Freiheit für die Frauen – Freiheit für das Volk!» Sozialistische Frauen in Frankreich 1830–1848. Frankfurt/Main, 1980.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1–2. 4 Aufl. Frankfurt/ Main, 1987.

Hacker P. Studien zum Realismus I.S. Turgenevs. Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Bd. XI. München, 1988.

Hans N. History of Russian Educational Policy (1701–1917). N. Y., 1931. (Reprint 1964).

Hardach-Pinke I. Die Gouvernante. Geschichte eines Frauenberufs. Frankfurt/ Main, 1993.

Hartung Ch. Frauenerwerbstätigkeit im Gesundheitswesen in den letzten Jahrzehnten des vorrevolutionären Rußland. Magisterarbeit am Fachbereich Geschichtswissenschaften. Marburg, 1994.

Haumann H. Kapitalismus im zaristischen Staat 1906–1917. Organisationsfor-men, Machtverhältnisse und Leistungsbilanz im Industrialisierungsprozess. Königstein (in Taunus), 1980.

Heberle R. Hauptprobleme der politischen Soziologie. Stuttgart, 1967.

Heberle R. Social Movements. N. Y., 1951.

Heldt B. Terrible Perfection. Women and Russian Literature. Bloomington; Indianapolis, 1987.

Heldt Monter B. Rassvet (1859–1862) and the Woman Question // Slavic Review. 1977. №. 1. P. 76–85.

Herlihy P. Russian Women and the Temperance Movement, 1890–1914. [Доклад, представленный на конгрессе «Women in the History of the Russian Empire»]. Akron; Kent, Oh., 1988. P. 1–26.

Hildermeier M. Bürgertum und Stadt in Rußland 1760–1870. Rechtliche Lage und soziale Struktur. Köln; Wien, 1986.

Hildermeier M. Das Privileg der Rückständigkeit. Anmerkungen zum Wandel einer Interpretationsfigur der neueren russischen Geschichte // Historische Zeitschrift. Bd. 244. 1987. S. 557–603.

Hildermeier M. Der russische Adel von 1700 bis 1917 // Geschichte und Gesellschaft. Sonderband 13. Europäischer Adel 1750–1950 / Hrsg. v. H.-U. Wehler. Göttingen, 1990. S. 166–216.

Hildermeier M. Sozialer Wandel im städtischen Rußland in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Anmerkungen zur neueren Literatur // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1977. № 4. S. 526–566.

Hildermeier M. Ständeordnung und sozialer Wandel: Rußland in der Frühphase der Industrialisierung // Geschichte und Gesellschaft. 1979. № 3. S. 313–335.

Hingley R. Nihilists. Russian Radicals and Revolutionaries in the Reign of Alexander II (1855–1881). L., 1967.

Hinshaw Ch. Ruane. The Soul of the School: The Professionalization of Urban Schoolteachers in St. Petersburg and Moscow, 1890–1907. Ph. D. Berkeley. (Ann Arbor). 1986. [См. также: *Ruane Ch.*]

Honegger C. Die Ordnung der Geschlechter. Die Wissenschaft vom Menschen und das Weib 1750–1850. Berlin; N. Y., 1991. P. 135–145.

Huerkamp C. Frauen im Arztberuf im 19 und 20. Jahrhundert. Deutschland und die USA im Vergleich // Was ist Gesellschaftsgeschichte? Positionen, Themen, Analysen / Hrsg. v. M. Hettling [u. a.]. München, 1991. S. 135–145.

Hutton M.J. Russian and Soviet Women, 1897–1939: Dreams, Struggles, and Nightmares. Vol. 2. Ph. D. University of Iowa (Ann Arbor). 1986.

Imai Y. N.G. Chernyshevskii: Pioneer of the Russian Cooperation Movement // Imperial Power and Development: Papers on Pre-Revolutionary Russian History. Selected Papers of the Third World Congress for Soviet and East European Studies / Ed. by D.K. Rowney. Columbus, Oh., 1990. P. 134–150.

Joas H. Die Kreativität des Handelns. Frankfurt/Main, 1992.

Joas H. Pragmatismus und Gesellschaftstheorie. Frankfurt/Main, 1992.

Johanson Cr. Women's Struggle for Higher Education in Russia, 1855–1900. Kingston; Montreal, 1987.

Johanson W.H.E. Russia's Educational Heritage. Pittsburgh, Penns., 1950.

Jordanova L. Sexual Visions: Images of Gender in Science and Medicine between the Eighteenth and Twentieth Centuries. Madison, 1989.

Joris E., Witzig H. Brave Frauen. Aufmüpfige Weiber. Wie sich die Industrialisierung auf Alltag und Lebenszusammenhänge von Frauen auswirkte (1820–1940). 2. Aufl. Zürich, 1992.

Kahan A. [*u. a.*]. Russian Economic History: the Nineteenth Century / Ed. by R. Weiss. Chicago, 1989.

Kaschuba W. Kulturalismus: Kultur statt Geschichte? // Geschichte und Gesellschaft. 1995. № 1. S. 80–95.

Katz M. Neuere Arbeiten zur russistischen Frauenforschung // Zeitschrift für Slawistik. 1994. № 2. S. 280–296.

Katz M.R. Vera Pavlovna's Dreams in Chernyshevskii's «What is to be Done?» // Issues in Russian Literature before 1917. Selected Papers of the Third World Congress for Soviet and East European Studies / Ed. by J.D. Clayton. Columbus, Oh., 1989. P. 150–161.

Keller E.F. Holding the Center of Feminist Theory // Women's Studies International Forum. 1989. №. 3. P. 313–318.

Kelly C. A History of Russian Women's Writing 1820–1992. Oxford, 1994.

Kelly J. The Social Relations of the Sexes. Methodological Implications of Women's History // Signs. 1976. №. 1. P. 809–823.

Kennedy D.H. Little Sparrow: A Portrait of Sophia Kovalevsky. Athens, Oh., 1983.
Kerchner B. Beruf und Geschlecht. Frauenberufsverbände in Deutschland 1848–1908. Göttingen, 1992.
Kimball A. The Russian Past and Socialist Future in the Thought of Petr Lavrov // Slavic Review. 1971. №. 1. P. 28–44.
Kleinau E. Die freie Frau. Soziale Utopien des frühen 19. Jahrhunderts. Düsseldorf, 1987.
Kluge R.-D. Ivan S. Turgenev. Dichtung zwischen Hoffnung und Entsagung. München, 1992.
Knight A. The Fritschi: A Study of Female Radicals in the Russian Populist Movement // Canadian American Slavic Studies. 1975. № 1. P. 1–17.
Knight A.W. The Participation of Women in the Revolutionary Movement in Russia from 1890–1914. Ph. D. University of London, 1977.
Kobieta współczesna. Książka zbiorowa. Warszawa, 1904.
Koblitz A.H. A Convergence of Lives. Sofia Kovalevskaia: Scientist, Writer, Revolutionary. Boston, 1983.
Koblitz A.H. Changing Views of Sofia Kovalevskaia // Contemporary Mathematics. Vol. 64. 1987. P. 53–76.
Koblitz A.H. Lobster Quadrilles, or The Intricacies of Sexual Relationships Among the Intelligentsia in the 1860s (рукопись).
Koblitz A.H. Science, Women and the Russian Intelligentsia. The Generation of the 1860s. // Isis. Vol. 79. 1988. P. 208–226.
Kochina P. Love and Mathematics: Sofya Kovalevskaja. (Aus dem Russ.). M., 1985.
Kocka J. Frauengeschichte zwischen Wissenschaft und Ideologie // Geschichtsdidaktik. 1981. № 7. S. 99–104.
Kocka J. Sozialgeschichte. Begriff – Entwicklung – Probleme. 2. Aufl. Göttingen, 1986.
Kohli M. Die Institutionalisierung des Lebenslaufs. Historische Befunde und theoretische Argumente // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Bd. 37. 1985. S. 1–29.
Kollmann N.Sh. Honor and Dishonor in Early Modern Russia // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 46. 1992. S. 131–146.
Kollmann N.Sh. Kinship and Politics. The Making of the Moscovite Political System, 1345–1547. Stanford, 1987.
Kollmann N.Sh. The Seclusion of Elite Moscovite Women // Russian History / Histoire Russe. 1983. № 2. P. 170–187.
Kollmann N.Sh. Women's Honor in Early Modern Russia // Russia's Women. Accomodation, Resistance, Transformation / Ed. by B.C. Evans, Chr.D. Worobec. Berkeley, 1991. P. 60–73.
Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik Geschichtlicher Zeiten. Frankfurt/Main, 1979.
Kropotkin P. Ideale und Wirklichkeit in der russischen Literatur / Hrsg. v. P. Urban. Frankfurt/Main, 1975.
Krumbholz J. Die Elementarschulbildung in Rußland bis zum Jahre 1864. Ein Beitrag zur Entstehung des Volksschulstatutes vom 14. Juli 1864. Wiesbaden, 1982.
Küenzlen G. Der Neue Mensch. Zur säkularen Religionsgeschichte der Moderne. München, 1994.
Kulczycki L. Geschichte der russischen Revolution. Bd. I–III. (Aus dem Poln.). Gotha, 1910.
Kulturgeschichte Heute / Hrsg. v. W. Hardtwig, H.-U. Wehler // Geschichte und Gesellschaft. Sonderheft 16. Göttingen, 1996.

Lambert H.-H. Biology and Equality // Signs. 1978. № 4. P. 97–117.
Lampert E. Sons Against Fathers. Studies in Russian Radicalism and Revolution. Oxford, 1965.
Landes J.B. Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution. Ithaca; N. J., 1988.
Lebenslauf und Gesellschaft. Zum Einsatz von kollektiven Biographien in der historischen Sozialforschung / Hrsg. v. W.H. Schröder. Stuttgart, 1985.
Ledkovsky M. Avdotya Panaeva: Her Salon and her Life // Russian Literature Triquarterly. 1974. № 9. P. 423–432.
L'éducation des femmes en Europe et en Amérique du Nord de la Renaissance à 1848: réalités et représentations / Ed. par G. Leduc. Montreal, 1998.
Leontovitsch V. Geschichte des Liberalismus in Rußland. 2. Aufl. Frankfurt/Main, 1974.
Lepsius M.R. Demokratie in Deutschland. Göttingen, 1993.
Lerner G. The Majority Finds its Past. Placing Women in History. N. Y., 1979.
Levin E. Sex and Society in the World of the Orthodox Slaves. Ithaca; N. Y., 1989.
Lewenhak S. Frauenarbeit. Ihre soziale Stellung von der Steinzeit bis heute. (Aus dem Engl.). München, 1981.
Liberalismus im 19. Jahrhundert. Deutschland im europäischen Vergleich / Hrsg. v. D. Langewiesche. Göttingen, 1988.
Lincoln W.B. Nicholas I. Emperor and Autocrat of all the Russias. L., 1978.
Lincoln W.B. The Great Reforms. Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia. University of Illinois, 1990.
Lindenmeyr A. Poverty is not a Vice. Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton; N. J., 1996.
Lindenmeyr A. Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762–1914 // Signs. 1993. №. 3. P. 562–591.
Lindenmeyr A. The Ethos of Charity in Imperial Russia // Journal of Social History. 1990. № 4. P. 679–694.
Loo H. van der, Reijen W. van. Modernisierung. Projekt und Paradox. München, 1992.
Lotman J.M. Rußlands Adel. Eine Kulturgeschichte von Peter I. bis Nikolaus I. (Aus dem Russ.). Köln, 1997.
Löwe H.-D. Die arbeitende Frau: traditionelle Räume und neue Rollen, Rußland 1860–1917 // Kindheit, Jugend, Familie / Hrsg v. J. Martin, Th. Nipperdey. Bd. III. Freiburg; München, 1989. P. 937–972.
Maegd-Soep C. de. The Emancipation of Women in Russian Literature and Society. A Contribution to the Knowledge of the Russian Society during the 1860s. Phil. Diss. Ghent State University, 1978.
Malia M. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism, 1812–1855. Cambridge, Mass., 1961.
Mamonova T. Russian Women's Studies. Essays on Sexism in Soviet Culture. Oxford, 1984.
Markovic J.J. Socialization and Radicalization in Russia, 1861–1917: An Analysis of the Personal Background of Russian Revolutionaries. Ph. D. Green State University (Ann Arbor), 1990.
Marxismus-Studien / Hrsg. v. H.-E. Tödt. Siebte Folge. Das Humane als Kriterium der Gesellschaftsgestaltung. Tübingen, 1972.
Mathewson R.W. jr. The Positive Hero in Russian Literature. Stanford, Ca., 1975.
Maxwell M. Narodniki Women. Russian Women who Sacrificied Themselves for the Dream of Freedom. N. Y., 1990.

Mazour A.G. The First Russian Revolution 1825. The Decembrist Movement. Stanford, 1961.
Mazour A.G. Women in Exile: Wives of the Decembrists. Tallahassee, Fl., 1975.
McConnell A. Tsar Alexander I. Paternalistic Reformer. N. Y., 1970.
McNally S.J. From Public Person to Private Prisoner: The Changing Place of Women in Medieval Russia. Ph. D. State University of New York at Binghamton (Ann Arbor), 1976.
McNeal R.H. Women in the Russian Radical Movement // Journal of Social History. 1971–1972. № 2. P. 143–163.
McReynolds L. Female Journalists in Prerevolutionary Russia // Journalism History. 1987. № 4. P. 104–110.
McReynolds L. The News under Russia's Old Regime. Princeton, N. J., 1991.
Mead G.H. Geist, Identität und Gesellschaft. (Aus dem Amerik.). Frankfurt/Main, 1973.
Meehan-Waters B. From Contemplative Practice to Charitable Activity: Russian Women's Religious Communities and the Development of Charitable Work, 1861–1917 // Lady Bountiful Revisited: Women, Philanthropy and Power / Ed. by K.D. McCarthy. New Brunswick, N. J., 1990. P. 142–156.
Meijer J.M. Knowledge and Revolution. The Russian Colony in Zuerich 1870–1873. A Contribution to the Study of Russian Populism. Assen, 1955.
Melnikow N. Die gesellschaftliche Stellung der russischen Frau. Ein Beitrag zur Culturgeschichte und Frauenfrage. Berlin, 1901.
Mentalitäten-Geschichte. Zur historischen Rekonstruktion geistiger Prozesse / Hrsg. v. U. Raulff. Berlin/West, 1987.
Methoden der Biographie- und Lebenslaufforschung / Hrsg. v. W. Voges. Opladen, 1987.
Meyer A.G. The Impact of World War I on Russian Women's Lives [Текст доклада на конгрессе «Women in the History of the Russian Empire»]. Akron; Kent, Oh., 1988.
Mienert M. Frauen im Krimkrieg. Kriegskrankenpflege vor dem Hintergrund der sozialen Stellung russischer Frauen im 19. Jahrhundert. Magisterarbeit an der Philosophischen Fakultät der Universität Konstanz. Konstanz, 1996.
Moser Ch.A. Antinihilism in the Russian Novel of the 1860s. Mouton, 1964.
Moses C.G. French Feminism in the Nineteenth Century. N. Y., 1984.
Müller O.W. Intelligencija. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes. Frankfurt/Main, 1971.
Nash C.S. Educating New Mothers: Women and the Enlightenment in Russia // History of Education Quarterly. 1981. №. 3. P. 301–316.
Nash C.S. The Smol'nyj Institute in the Eighteenth Century: Studies and Extracurricular Activities [Текст доклада, представленного на конференции «Women in the History of the Russian Empire»]. Akron, Oh., 11–14.08.1988.
Neumann B. Identität und Rollenzwang. Zur Theorie der Autobiographie. Frankfurt/Main, 1970.
Neumann D. Studentinnen aus dem Russischen Reich in der Schweiz (1867–1914). Zürich, 1987.
Neumark N.B.A. The Consciousness of Women in the Russian Women's Movement 1855–1914. Ph. D. University of Sydney, 1976.
Niess H.-P. Der «Domostroj» oder «wie man als rechtgläubiger Christ leben soll» // Kirche des Ostens. Bd. 14. 1971. S. 26–67.
Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. I. München, 1990.
Noack P. Olympe de Gouges. Eine Feministin der Französischen Revolution. Köln; Wien, 1990.
Offen K.A. Nineteenth-Century French Feminist Rediscovered: Jenny P. d'Hericourt, 1809–1875 // Signs. 1987. № 1. P. 144–158.
Offen K. Defining Feminism: A Comparative Historical Approach // Signs. 1988. №. 1. P. 119–157.
Offord D. Portraits of Early Russian Liberals. Cambridge, 1985.
Okenfuss M. The Discovery of Childhood in Russia. The Evidence of the Slavic Primer. Newtonville, Mass., 1980.
Paperno I. Chernyshevsky and the Age of Realism. A Study in the Semiotics of Behavior. Stanford, Ca., 1988.
Pawelka P. Politische Sozialisation. Wiesbaden, 1977.
Pereira N.G. The Thought and Teachings of N.G. Cernyševskij. The Hague; P., 1975.
Pipes R. Rußland vor der Revolution. Staat und Gesellschaft im Zarenreich. (Aus dem Amerik.). München, 1977.
Pollard A.P. Consciousness and Crisis: the Self-Image of the Russian Intelligentsia 1855–1882. Ph. D. Berkeley, Ca., 1968.
Porter C. Fathers and Daughters. Russian Women in Revolution. L., 1976.
Pouncy C. Johnston. The Domostroi as a Source for Moscovite History. Ph. D. Stanford University, Ca., 1985.
Pushkareva N. Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century / Ed. by E. Levin. (Aus dem Russ.). Armonk; N. Y.; L., 1997.
Pushkareva N.L. Women in the Medieval Russian Family of the Tenth through Fifteenth Centuries // Clements B.E. Bolshevik Women. Cambridge, 1997. P. 29–43.
Pushkin M. Raznochintsy in the University. Gouvernment Policy and Social Change in Nineteenth-Century Russia // International Review of Social History. 1981. № 1. P. 25–65.
Radkey O.H. The Election of the Russian Constituent Assembly of 1917. Cambridge, 1950.
Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. N. Y., 1966.
Raeff M. The Decembrist Movement. Englewood Cliffs; N. Y., 1966.
Raeff M. Understanding Imperial Russia. N. Y., 1984.
Randall F.B. N.G. Chernyshevskii. N. Y., 1967.
Randall F.B. Vissarion Belinskij. Newtonville, 1987.
Ransel D.L. The Family in Imperial Russia. New Lines on Historical Research. Urbana, 1978.
Raschke J. Soziale Bewegungen. Ein historisch-systematischer Grundriß. 2 Aufl. Frankfurt/Main, 1988.
Rendall J. Equal or Different. Women's Politics 1800–1914. Oxford, 1987.
Rendall J. The Origins of Modern Feminism: Women in Britain, France and the United States 1780–1860. 2nd ed. Houndmills; Basingstoke, 1990.
Riasanovsky N.V. A Parting of Ways. Government and Educated Public in Russia 1801–1855. Oxford, 1976.
Riasanovsky N.V. Nicholas I and Official Nationality in Russia 1825–1855. Berkeley, Ca., 1959.
Rogers J. Darwinism, Scientism and Nihilism // Russian Review. 1960. №. 1. P. 10–23.
Roosevelt P. Life on the Russian Country Estate. A Social and Cultural History. New Haven; L., 1995.
Ross D. The Role of the Women of Petrograd in War, Revolution and Counter-Revolution, 1914–1921. Ph. D. Rutgers University, N. J., 1973 (Ann Arbor 1974).

Ruane Ch. Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers 1860–1914. Pittsburgh; L., 1994.
Ruane Ch. The Vestal Virgins of St. Petersburg: Schoolteachers and the 1897 Marriage Ban // Russian Review. 1991. № 2. P. 163–182. См. этого автора также как *Hinshaw* [*Ch. Ruane*].
Russia. Women. Culture / Ed. by H. Goscilo, B. Holmgren. Bloomington; Indianapolis, 1996.
Russia's Women. Accomodation, Resistance, Transformation / Ed. by B.E. Clements, B.A. Engel, Ch. D. Worobec. Berkeley, Ca., 1991.
Rußland aus der Feder seiner Frauen. Zum femininen Diskurs in der russischen Literatur / Hrsg. v. G. Gopfert. München, 1992.
Rustemeyer A. Dienstboten in Petersburg und Moskau 1861–1917: Hintergrund, Alltag, soziale Rolle. Stuttgart, 1996.
Sanders J.E. The Union of Unions: Political, Economic, Civil and Human Rights Organizations in the 1905 Russian Revolution. Vol. 1–3. Ph. D. Columbia University (Ann Arbor), 1985.
Satina S. Education of Women in Pre-Revolutionary Russia. (Aus dem Russ.). N. Y. [б/г].
Scheibert P. Von Bakunin zu Lenin. Geschichte der russischen revolutionären Ideologien 1840–1895. Bd. I. Leiden, 1956.
Scheide C. Frauenbildung, gesellschaftlicher Aufbruch und Mangel staatlicher Politik // Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Rußland in der Spatphase des Zarenreichs / Hrsg. v. H. Haumann. St. Plaggenborg. Frankfurt/Main, 1994. S. 296–317.
Scheidegger G. Perverses Abendland – barbarisches Rußland. Begegnungen des 16 und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Mißverständnisse. Zürich, 1993.
Schlögel K. Jenseits des Großen Oktobers. Das Laboratorium der Moderne. Petersburg 1909–1921. Berlin, 1988.
Schmidt W.-H. Nihilismus und Nihilisten. Untersuchungen zur Typisierung im russischen Roman der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. München, 1974.
Schmieding W. Aufstand der Tochter. Russische Revolutionärinnen im 19. Jahrhundert. München, 1979.
Scott J.W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // The American Historical Review. 1986. November. P. 1053–1075.
Scott M.C. Her Brother's Keeper. The Evolution of Women Bolsheviks. Ph. D. Univ. of Kansas, 1980 (Ann Arbor, Mich. 1983).
Segal B.M. Russian Drinking. Use and Abuse of Alcohol in Pre-Revolutionary Russia. New Brunswick, 1987.
Seregny S.J. Professional and Political Activism: The Russian Teacher's Movement, 1864–1908. Vol. 1–3. Ph. D. University of Michigan, 1982.
Siedler R. Sozialgeschichte der Familie. Frankfurt/Main, 1987.
Sinel A. The Classroom and the Chancellery. State and Education Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoi. Cambridge, Mass., 1973.
Sozialgeschichte in Deutschland. Entwicklungen und Perspektiven im internationalen Zusammenhang. Bd. 1–4 / Hrsg. v. W. Schieder und V. Sellin. Göttingen, 1986–1987.
Sozialisation und Personalisation Beiträge zu Begriff und Theorie der Sozialisation / Hrsg. v. G. Wurzbacher. 3. Aufl. Stuttgart, 1974.
Städtke K. Ästhetisches Denken in Rußland. Kultursituation und Literaturkritik. Berlin; Weimar, 1978.

Stites R. M.L. Mikhailov and the Emergence of the Woman Question in Russia // Canadian Slavic Studies. 1969. № 2. P. 178–199.
Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930. Princeton; N. J., 1978.
Stökl G. Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. 4. Aufl. Stuttgart, 1983.
Studer B. Das Geschlechterverhaltnis in der Geschichtsschreibung und in der Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Überlegungen zur Entwicklung der historischen Frauenforschung und zu ihrem Beitrag zur geschichtlichen Erkenntnis // Feministische Studien. 1989. № 7. S. 97–121.
The Transformation of Higher Learning 1860–1930 / Ed. by K.H. Jarausch. Stuttgart, 1983.
The Transformation of Russian Society. Aspects of Social Change since 1861 / Ed. by C.E. Black. Cambridge, Mass., 1960.
Theobald Berti St. Die Rolle der Frau nach Selbstzeugnissen von Russinnen zwischen 1725 und 1855. Lizentiatsarbeit am Historischen Seminar der Universität Zürich, Abteilung für osteuropäische Geschichte, 1991.
Thomas W.I., Znanecki Fl. The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 1–2. N. Y., 1918.
Thun A. Die Geschichte der revolutionären Bewegungen in Rußland. Leipzig, 1883.
Tocqueville A. de. Über die Demokratie in Amerika. (Aus dem Franz.). München, 1976.
Torke H.-J. Das russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 13. Berlin, 1967. S. 7–345.
Tovrov J. The Russian Noble Family. Structure and Change. N. Y.; L., 1987.
Tovrov J. Mother-Child Relationships among the Russian Nobility // Ransel D.L. The Family in Imperial Russia. New Lines on Historical Research. Urbana, 1978. S. 15–43.
Tuschmann W., Hawig P. Sofia Kowalewskaja. Ein Leben für Mathematik und Emanzipation. Basel, 1993.
Tuve J.E. The First Russian Women Physicians. Newtonville, Mass., 1984.
Vogt M. Autobiographik bürgerlicher Frauen. Zur Geschichte weiblicher Selbstbewußtwerdung. Würzburg, 1981.
Vovelle M. Die französische Revolution. Soziale Bewegung und Umbruch der Mentalitäten. (Aus dem Franz.). Frankfurt/Main, 1985.
Vucinich A. Science in Russian Culture 1861–1917. Stanford, Ca., 1970.
Vucinich A. Social Thought in Tsarist Russia. The Quest for a General Science of Society, 1861–1917. Chicago; L., 1976.
Wachtel A.B. The Battle for Childhood. Creation of a Russian Myth. Stanford, Ca., 1990.
Wagner W. Family Law, the Rule of Law, and Liberalism in Late Imperial Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Jg. 43. 1995. P. 519–535.
Wagner W. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994.
Walicki A. A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism. (Aus dem Poln.). Oxford, 1980.
Was sind Frauen? Was sind Männer? Geschlechterkonstruktionen im historischen Wandel / Hrsg. v. Ch. Eifert u. a. Frankfurt/Main, 1996.
Wawrzykowska-Wierciochowa D. Pani Maria. Warschau, 1968.
Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie. 5. Aufl. Tübingen, 1980.
Wege zu einer neuen Kulturgeschichte / Hrsg. v. H. Lehmann. Göttingen, 1995.

Whittaker C. The Women's Movement During the Reign of Alexander II: A Case Study in Russian Liberalism // Journal of Modern History. 1976. № 2. Supplement. P. 35–69.
Woehrlin W.F. Chernyshevskii. The Man and the Journalist. Cambridge, Mass., 1977.
Women and Society in Russia and the Soviet Union / Ed. by. L. Edmondson. Cambridge, 1992.
Women in Polish Society / Ed. by R. Jaworski, B. Pietrow-Ennker. Boulder, Col., 1992.
Women in Russia / Ed. by D. Atkinson, A. Dallin, G.W. Lapidus. Hassocks, 1978.
Women in Russia and the Ukraine / Ed. by R. Marsch. Cambridge, 1996.
Women Writers in Russian Literature / Ed. by T. Clyman, D. Greene. Westport, Conn.; L., 1994.
Wunder H. «Er ist die Sonn', sie ist der Mond». Frauen in der Frühen Neuzeit. München, 1992.
Zastrow E. Nakanune. (Am Vorabend, 1860). Ivan Sergeevič Turgenevs Verständnis von Freiheit, Gleichheit und Brüderlichkeit. Magisterarbeit am slavischen Seminar. Tübingen, 1991.
Zelnik R.E. The Sunday-School Movement in Russia, 1859–1862 // The Journal of Modern History. 1965. № 2. P. 151–170.
Zwolfer A. Anfangswertprobleme für partielle Differentialgleichungen: ein funktional-analytischer Zugang zum Satz von Cauchy–Kowalewskaya. Diplomarbeit am Mathematischen Institut der Universität Tübingen, 1990.

Пиетров-Эннкер Б.
П32 «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / Пер. с нем. Ю.П. Шаттона; Под ред. М.П. Мохначевой. М.: РГГУ, 2005. 444 с.
ISBN 5-7281-0629-3

Книга Бианки Пиетров-Эннкер, профессора Университета г. Констанц (ФРГ), посвящена истории женского движения в России с середины XIX в. до 1917 г. На основе обширных архивных материалов и опубликованных источников исследованы биографии 12 выдающихся активисток женского движения, в том числе С.В. Ковалевской, Е.Н. Водовозовой, Н.П. Сусловой, В.Н. Фигнер. На основе синтеза макро- и микроистории в сочетании с гендерным подходом автор доказывает, что женская эмансипация в России являлась одной из необходимых составляющих процесса модернизации пореформенной эпохи.

Для историков, социологов, психологов и всех интересующихся историей России.

ББК 63.3(2)5

Научное издание

Пиетров-Эннкер Бианка

«Новые люди» России

Развитие женского движения
от истоков до Октябрьской революции

Редактор
Т.В. Рютина

Корректоры
Н.П. Гаврикова, Л.П. Бурцева

Художественный редактор
М.К. Гуров

Технический редактор
Г.П. Каренина

Компьютерная верстка
Г.И. Гаврикова

Лицензия ИД № 05992, выд. 05.10.2001.
Подписано в печать 01.09.2005.
Формат $70x100^1/_{16}$.
Усл. печ. л. 36,4 + 0,3 вкл.
Уч.-изд. л. 33,5.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1499

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

Отпечатано в ППП «Типография "Наука"»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР РГГУ
Вышло из печати

О.И. Киянская
Южное общество декабристов
Люди и события

Очерки истории тайных обществ
1820-х годов

В книге, построенной на исследовании и анализе неопубликованных архивных документов, рассматривается деятельность Южного общества декабристов: его структура, система финансирования заговора и обеспечения его безопасности, связи декабристов с высшими военными чиновниками и армейскими структурами, с европейской социально-политической мыслью, методы подготовки заговорщиками государственного переворота. Автор показывает историю Южного общества через биографии его руководителей и рядовых участников. Книга содержит список источников и литературы, именной указатель.

Для историков, филологов, политологов и всех интересующихся отечественной историей и культурой.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР РГГУ
Вышло из печати

А.Л. Станиславский
Труды по истории государева двора
в России XVI–XVII вв.

Серия "История и память"

Издание рукописи кандидатской диссертации замечательного ученого, специалиста по истории, источниковедению и археографии России XV–XVII вв. профессора ИАИ РГГУ А.Л. Станиславского (1939–1990), в которой впервые в отечественной и зарубежной историографии на базе всего наличного корпуса источников осуществлена убедительная историческая реконструкция состава и структуры одного из важнейших социальных и политических институтов средневековой России. В приложениях приведены боярские списки XVI в., роспись русского войска 1604 г., указатели – именной и географический, а также список опубликованных трудов А.Л. Станиславского.

Для всех интересующихся отечественной историей.